НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы Международной
научно-практической конференции

г. Минск, 12–13 ноября 2015 г.

Минск
«Право и экономика»
2015

УДК 316.4(476)(082)
ББК 60.524 (4 Беи)я431
С69

Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Института социологии НАН Беларуси

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор Л. Е. Криштапович,
доктор филологических наук, доцент В. А. Максимович

Редакционная коллегия:
Котляров И.В. (главный редактор) – доктор социологических наук, профессор;
Абушенко В.Л. – кандидат философских наук, доцент;
Бабосов Е.М. – доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси;
Коваленя А.А. – доктор исторических наук, профессор; академик-секретарь Отделения гуманитарных наук НАН Беларуси;
Кириенко В.В. – доктор социологических наук, профессор;
Соколова Г.Н. – доктор философских наук, профессор;
Смирнова Р.А. – доктор социологических наук, профессор;
Шавель С.А. – доктор социологических наук;
Артюхин М.И. – кандидат философских наук, доцент;
Лашук И.В. – кандидат социологических наук, доцент;
Мартищенкова Е.В. (ответственный секретарь) – научный сотрудник института.

С69 **Социальное** знание и проблемы интенсификации развития белорусского общества : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 12–13 ноября 2015 г. / ред. кол.: Котляров И.В. (гл. ред.) и др.; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2015. – 404 с.
ISBN 978-985-552-493-0.

Сборник включает доклады и выступления представителей академической и вузовской науки, государственных и общественных организаций, принимавших участие в Международной научно-практической конференции, которая проводилась в Институте социологии НАН Беларуси 12–13 ноября 2015 года. В представленных статьях рассматриваются наиболее актуальные и значимые социальные проблемы современного белорусского общества.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, а также для всех, кто интересуется вопросами социально-экономического, политического и культурного развития общества на современном этапе.

УДК 316.4(476)(082)
ББК 60.524 (4 Беи)я431

Конференция проведена в рамках выполнения Государственной программы научных исследований «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» («История, культура, общество, государство») на 2011-2015 гг.; Подпрограмма 3 «Социология и философия». Раздел 1. «Социология»

ISBN 978-985-552-493-0

© ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», 2015
© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2015

ПРЫВІТАЛЬНАЕ СЛОВА АКАДЭМІКА-САКРАТАРА АДДЗЯЛЕННЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК І МАСТАЦТВАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ, ЧЛЕНА-КАРЭСПАНДЭНТА НАН БЕЛАРУСІ А. А. КАВАЛЕНІ

САЦЫЯЛОГІЯ І СУЧАСНАЕ БЕЛАРУСКАЕ ГРАМАДСТВА

Шаноўныя ўдзельнікі Міжнароднага навуковага форуму! Ад імя Бюро Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі дазвольце шчыра вітаць усіх удзельнікаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі, якую праводзіць Інстытут сацыялогіі, і пажадаць плённай і руплівай працы на карысць развіцця сацыялагічнай навукі нашых краін!

У сучасным грамадстве сацыялогія стала адной з найбольш запатрабаваных гуманітарных навук. Прайшлі тыя часы, калі іншыя навукоўцы, палітыкі і ўпраўленцы задавалі сабе пытанне аб карысці гэтай навукі. Сацыялогія даўно даказала і паказала, што яе ідэі і тэхналогіі маюць вялікую каштоўнасць для вывучэння як агульных, так і лакальных пытанняў сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця краіны. Сёння сацыёлагі ўсё часцей плённа працуюць разам з навукоўцамі іншых напрамкаў гуманітарнай навукі. Гэта патрабуе той узровень складанасці, непрадказальнасці і рызыковасці, які мы назіраем у апошнія гады і асабліва сёння на міжнароднай і рэгіянальнай арэне глабальнага сацыяльна-культурнага развіцця сучаснага свету.

Шаноўныя калегі! Наша канферэнцыя арганізавана і праводзіцца па ініцыятыве Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі, супрацоўнікі якога маюць за сваімі плячыма шэраг цікавых і карысных праектаў і мерапрыемстваў. Гэта ўжо пятая канферэнцыя, фармат якой застаецца нязменным і выразна адлюстроўвае ўнутраную накіраванасць навуковага дыскурсу яе ўдзельнікаў. Сёння ставяцца пытанні інтэнсіфікацыі развіцця беларускага грамадства, пераадолення тых праблем і бар'ераў, якія паўсталі перад намі і нашымі міжнароднымі калегамі, удзельнікамі і гэтай канферэнцыі.

Цягам апошніх дзесяцігоддзяў Інстытут сацыялогіі стаў рэспубліканскім цэнтрам сацыялагічнага асэнсавання, прагназіравання і планавання развіцця беларускага грамадства. Прыярытэтнымі напрамкамі даследаванняў Інстытута сёння з'яўляюцца такія пытанні, як усебаковае вывучэнне стратыфікацыйнай структуры беларускага грамадства (фарміраванне сярэдняга класа, крытэрыі і параметры беднасці, рэгіянальныя субстратыфікацыі, сацыяльныя характарыстыкі рынка працы), выяўленне і аналіз праз сацыялагічны маніторынг асноўных тэндэнцый і напрамкаў развіцця краіны, а таксама аналіз спецыфікі фарміравання і развіцця беларускай нацыі (мнагамернай ідэнтычнасці, самаідэнтыфікацыі грамадзян, жыццёвых стратэгій паводзін асноўных груп насельніцтва Беларусі).

Сёння Інстытут сацыялогіі з поўным правам можа лічыцца вядучым навуковым цэнтрам у гуманітарнай галіне беларускай навукі, маючы ў сваім складзе сістэмна арганізаваны шэраг структурных навуковых адзінак. У складзе Інстытута працуюць Цэнтр палітычнай і эканамічнай сацыялогіі (кір. д.філас.н. Сакалова Г. М.), Цэнтр сацыялогіі культуры і сацыяльнай сферы (кір. к.с.н. Лашук І. В.), Цэнтр сацыялогіі рэгіянальнага развіцця (кір. д.філас.н. Смірнова Р. А.) і Цэнтр маніторынга міграцыі навуковых і навукова-педагагічных кадраў (кір. к.філас.н. Арцюхін М. І.). Апошні з іх быў створаны па пастанаўленні Савета Міністраў з мэтай адсочваць у рэжыме мэтанакіраванага маніторын-

га тэндэнцыі і праблемы кадравага патэнцыялу і кадравага забеспячэння беларускай навукі, якая выступае асновай паспяховай мадэрнізацыі краіны.

Сёння ўжо стаў «брэндам» Інстытута і сацыялагічны маніторынг, які без перапынку праводзіцца с 2002 года і ўяўляе сабой каштоўную, глыбокую і шырокую крыніцу для адсочвання доўгачасовых і ўстойлівых напрамкаў і асаблівасцей развіцця краіны. Разуменне гэтых тэндэнцый дае адпаведныя ўяўленні пра магчымыя вектары і спосабы змены сітуацыі у бліжэйшай і далёкай будучыні. Без такой аналітычнай базы сёння ў нашай краіне не прымаецца ніводнага значнага рашэння на розных узроўнях дзяржаўнай улады. Многія міністэрствы ўлічваюць вынікі сацыялагічных даследаванняў і тым самым умацоўваюць трываласць і сацыяльную значнасць прымаемых ініцыятыў і рашэнняў.

На маю думку навукоўцам трэба больш актыўна, цікава і з выразным практычным падыходам звяртацца да розных практыкаў, выязжаць у рэгіёны і праводзіць розныя мерапрыемствы (круглыя сталы, семінары, канферэнцыі), якія б павялічвалі імідж навукі ўвогуле і сацыялогіі ў прыватнасці, паказвалі б яе эканамічную вартасць і даводзілі да людзей значнасць сацыялагічнай думкі і інфармацыі дзеля вырашэння самых розных практычных і жыццёвых пытанняў. Актыўны дыялог паміж вытворцамі і спажыўцамі навуковай інфармацыі ў сучасных умовах з'яўляецца крытычна важным, паколькі дазваляе паляпшаць умовы дзейнасці кожнага ўдзельніка агульнай справы па ўсебаковым паляпшэнні ўзроўня і якасці жыцця беларускага грамадства. Гуманітарныя і, асабліва, сацыялагічныя веды павінны несці ў грамадскае асяроддзе нашай краіны сацыяльны аптымізм, талерантнае стаўленне да іншадумства, нівеліраванне магчымых сацыяльных канфліктаў.

Я мяркую, што ў сацыёлагаў назапашаны багаты эмпірычны матэрыял, у якім адлюстраваны розныя балючыя пытанні ў асяроддзі моладзі. Гэта тэма была б цікавай для абмеркавання на круглых сталах у школах, сярод студэнцкай моладзі. Жывое слова вучонага, падмацаванае пераканаўчымі фактамі, – гэта важнейшы фактар ідэалагічнага ўздзеяння, рэальная магчымасць адстойваць і прапагандаваць нацыянальна-дзяржаўную палітыку. Калі мы, навукоўцы, не будзем займацца гэтай справай, яе будуць праводзіць нашы апаненты. Сацыёлагам патрэбна ажыццяўляць штодзённую інфармацыйную работу. Зразумела, што вырашыць пастаўленыя задачы сіламі толькі вучоных Інстытута сацыялогіі даволі складана - патрэбна наладзіць супрацоўніцтва з навукоўцамі розных ВНУ (з Магілёва, Гародні, Гомеля) і іншымі коламі нацыянальной, патрыятычна скіраванай інтэлегенцыі, як і нашымі замежнымі калегамі, якія стаяць перад вырашэннем такіх жа вострых пытанняў.

Пэўным дасягненнем навуковага калектыву Інстытута сацыялогіі з'яўляецца арганізацыя выдання штогодніка "Социологический альманах". Фонд нацыянальнай гуманітарнай думкі папоўніў ужо шосты выпуск альманаху, што гаворыць пра высокі набыты статус і запатрабаванасць выдання, якое стала пляцоўкай для публікацыі і абмеркавання актуальных сацыялагічных і сацыяльных праблем і пытанняў не толькі для айчынных навукоўцаў, але і для прадстаўнікоў самых розных краін бліжняга і далёкага замежжа, аб чым сведчыць шырыня геаграфічнай прыналежнасці аўтараў альманаху.

Гэтыя і многія іншыя выданні Інстытута дапамагаюць праводзіць сістэмнае абагульненне атрыманых тэарэтычных і эмпірічных ведаў, зрабіць свой значны ўнёсак у агульнанавуковую справу даследавання сучаснага беларускага грамадства. Важна і тое, каб гэтыя веды перадаваліся не толькі на ўсе паверхі сацыяльнага жыцця, але і асядалі ў цэнтралізаванай навуковай памяці, якая не залежыць ад тэрмінаў жыцця асобных даследчыкаў і можа доўга служыць на карысць будучым пакаленням вучоных с розных краін і дысцыплінарных супольнасцей.

Шаноўныя калегі! Вельмі прыемна сёння вітаць на нашай канферэнцыі нашых сяброў з Расіі, Украіны, Казахстана і іншых краін. Стала ўжо добрай і ўстойлівай трады-

цыяй, што замежныя навукоўцы актыўна наведваюць і прымаюць удзел у навуковых форумах, якія праходзяць у Беларусі. Сучасная навука немагчыма без цеснага міжнароднага супрацоўніцтва, без актыўнага абмену тэарэтычным, эмпірычным і практычным вопытам, без усталявання доўгатэрміновых сувязей і працы над сумеснымі міжнароднымі праектамі. Мы вельмі ўдзячны калегам з Астрахані, Валгаграда, Волагды, Арла, Кіева і Харкава за ўвагу і актыўны ўдзел у навуковай камунікацыі і сумеснай даследчай дзейнасці.

Мы ведаем, што навука – калектыўная справа, але вельмі часта стаецца так, што слова і справа і аднаго вучонага мае вялікі ўплыў на развіццё навукі ў межах асобнай краіны. Сёння мы не можем не ўспомніць добрым словам выбітнага навукоўца, сацыёлага, філосафа, культуролага, выдатнага педагога, аднаго з заснавальнікаў першай у краіне кафедры сацыялогіі і доўгі час намесніка дырэктара Інстытута сацыялогіі па навуковай рабоце – Абушэнку Уладзіміра Леанідавіча. Нечакана абарвалася жыццё аднаго чалавека, а беларуская навука і грамадства спаткала вялікая непапаўняльная страта. Я ўпэўнены, што многія беларускія і замежныя навукоўцы з цягам часу асэнсуюць творчую спадчыну і ідэйную глыбіню твораў У. Абушэнкі ў розных галінах сацыялагічнай і філасофскай думкі.

Сёння ў нашым жыцці адбываюцца значныя, можна нават сказаць, тэктанічныя сацыяльна-эканамічныя змены па ўсіх контурах грамадскай практыкі. Адной з важнейшых задач сацыёлагаў з'яўляецца не толькі выяўленне самых балючых і найбольш значных сацыяльных напружанняў у грамадстве, але і выпрацоўка навукова абгрунтаваных рэкамендацый дзеля прэвентыўнай мінімізацыі і пераадолення негатыўных тэндэнцый і магчымых наступстваў. Уплыў гуманітарных навук, і асабліва сацыялагічных даследаванняў, на сучаснае грамадскае жыццё вельмі значны. Спадзяюся, што актыўныя дыскусіі і абмен вопытам будуць спрыяць далейшаму павышэнню ролі беларускай сацыялагічнай навукі, садзейнічаць развіццю шматпланавага ўзаемадзеяння паміж беларускімі і замежнымі навукоўцамі.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

И. В. Котляров,
доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

Человечество вступило в XXI век. Это новый век, который ставит перед современным обществом принципиально новые и очень сложные задачи. Мир находится в начале шестого технологического порядка, ключевыми направлениями которого являются генная инженерия, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и высокоскоростные транспортные системы, клеточные и энергосберегающие технологии. Если говорить о недавних научных открытиях, вызвавших бурный общественный интерес, то это, прежде всего, бозон Хиггса, квантовая телепортация и эксперименты на Большом адроном коллайдере.

В то же время весь мир застыл в ужасе. Рушится практически все. Утрачены стабильность политической ситуации и устойчивое развитие экономики, нарушены культурные и социально-психологические основы, связи и нормы. Десятки убитых в центре Европы – в Париже. Серия оранжевых революций прокатилась в странах Ближнего Востока. Символом XXI столетия становится трехлетний сирийский мальчик Айлан Курди, искавший мир и спокойствие за морем, а нашедший смерть на пустынном турецком пляже. Не бозон Хиггса, не большой адроном коллайдер, а маленький трехлетний Айлан.

Однако в центре Европы есть страна, где царит мир и согласие, где ни одна капля крови не пролилась в межнациональных и межконфессиональных конфликтах, где никогда не умолкает звонкий детский смех и спокойно старшему поколению, где живут трудолюбивые и добрые люди, где чтят историю и создают нынешний день, где царит толерантность и спокойствие, уверенность в завтрашнем дне и согласие. Это Республика Беларусь.

Как показывает социальная реальность, состояние современного мира и белорусского общества, специфика геополитических и других факторов требуют широкого внедрения принципиально новых научных методов изучения социально-политической ситуации, выявления и прогнозирования социальных и политических угроз в интересах превентивного реагирования на потенциальные кризисы. Данные методы должны отвечать требованиям объективности и достоверности, независимости и эффективности, опираться на применение современных информационно-телекоммуникационных и других технологий. В Институте социологии НАН Беларуси проводится социологический мониторинг – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария, направленные на выявление важнейших тенденций и закономерностей развития белорусского общества, и принятия необходимых управленческих решений.

Проведенные мониторинговые исследования позволяют сделать главный вывод – Республика Беларусь как сильное и независимое государство состоялась**.** Создан прочный фундамент, позволяющий белорусскому обществу и национальному государству

энергично и эффективно развиваться по всем направлениям. Социологические исследования показали, что, несмотря на сложнейшую социально-политическую ситуацию в конце прошлого века и начале этого, экономические и финансовые проблемы, колоссальное давление извне, благодаря стабильности, общественной солидарности и согласию белорусский народ идет вперед существенными темпами. И это в условиях, когда страну окружает огромное количество политических акторов различных уровней, обладающих разнообразными, зачастую несовместимыми с экономическими интересами и политическими целями Беларуси субъектов. Деятельность некоторых политических субъектов является потенциальным источником угроз и рисков, проявляющихся в политической, экономической и социальной сферах, и способна повлиять на функционирование государственных и общественных институтов Беларуси.

Как показывают социологические исследования, в Беларуси сильная государственная власть. Наибольшим авторитетом и доверием среди властных структур у населения пользуется институт Президента. Причем в данном случае институт Президента во многом в общественном сознание ассоциируется с главой государства – Александром Григорьевичем Лукашенко. За все годы наблюдения рейтинг института Президента является стабильно и устойчиво высоким. Достаточно высокий уровень доверия наблюдается и у таких социальных институтов, как православная церковь и армия, которые занимают 2 и 3 места.

Республика Беларусь – одна из самых безопасных стран в Европе. Каждые четыре из пяти опрошенных считают себя в полной безопасности на улицах своего населенного пункта, девять из десяти – в собственном жилище, три четверти – в общественных местах (на стадионах, концертах и т.д.). Во время социологических интервью, проводимых во время чемпионата мира по хоккею в Минске, один из французских болельщиков сказал, что Минск – очень интересный и оригинальный город: очень спокойный и очень современный. Я хотел бы жить в Минске.

Как показывают социологические исследования, в жизни белорусов за годы, после обретения независимости, было достаточно много событий, которые вызывают чувство настоящей гордости. Эти события вызывали радость и позитивные эмоции, повышали настроение, заставляли трудиться еще лучше, еще эффективнее, еще увереннее в своих силах. Среди них:

обеспечение мирного развития страны – 41,1 %;
победы в спорте – 40,2 %;
стабильность в стране – 30,7 %;
достижение государственного суверенитета – 25,7 %;
проведение чемпионата мира по хоккею – 24,2 %;
укрепление авторитета страны на международной арене – 12,6 %;
создание ЕврАзЭС – 10,0 %.

Почти половина населения страны считает, что следует гордиться, прежде всего, тем, что Беларусь развивается мирным путем. У наших соседей Майдан посеял ненависть и зло, ярость и ложь, шантаж и насилие. Всходы из таких семян непредсказуемы, но долговечны. Ненависть вообще разрушает все и вся. В Беларуси мирное небо, волнительное предчувствие спокойного завтрашнего дня, смех и улыбки детей, в душах людей – радость и весна. Беларусь пытается остановить мракобесие на Земном шаре. Осуществляя мирное развитие своей страны, она прикладывает усилия к обеспечению мира во всем мире. Граждане Беларуси видят это и ценят. Это подтвердили результаты социологических исследований, это подтвердили и совсем недавно прошедшие Президентские выборы. Безусловную поддержку получил политик, для которого самое главное – стабильность, мирное небо, дружба между народами. Александра Григорьевича

Лукашенко поддержали более восьмидесяти процентов избирателей, поддержали его на курс на мир и стабильность, толерантность и уверенность в будущем.

Постоянно возникает вопрос: «Что помогает бороться и справляться с жизненными проблемами и сложностями?» Самая огромная надежда у подавляющего числа граждан в сложном положении – на семью. Как показали социологические исследования, проведенные в мае 2015 года, более половины респондентов (50,1 %) считает, что семья помогает во всех жизненных ситуациях, более четверти (30,7 %) – в большинстве случаев. Интересно отметить, что чем хуже ситуация в обществе, тем больше людей ищут защиту в семье. За кризисный 2011 год число тех, кто особые надежды возлагает на семью, увеличилось почти на десять пунктов. Семья активно реагирует на требования времени, отвечает на общественные потребности и сама формирует их. В качестве основного элемента общества семья была и остается хранительницей человеческих ценностей, культуры и исторической преемственности поколений, фактором стабильности и развития. Во многом благодаря наличию в обществе благополучных семей крепнет и развивается государство, растет благосостояние белорусского народа. Сегодня подавляющее число белорусов поддерживают нормальную, традиционную человеческую семью.

Однако, как показывают социологические исследования, и здесь имеются определенные проблемы. Мы часто критикуем некоторые южные регионы Российской Федерации. Однако там есть детские дома, но в них нет детей местной национальности. Есть дома для престарелых, но в них нет стариков титульной нации. А что у нас? Каждый пятый ребенок рождается вне брака, каждая восьмая семья состоит в так называемом гражданском браке. На десять зарегистрированных браков насчитывается семь-восемь разводов. Каждая четвертая женщина или разведенная, или вдова. В Беларуси средний возраст сексуального дебюта – 14,6 лет. Каждая 13-я девушка начинает сексуальную жизнь до 14 лет, каждая пятая – к 16 годам. После таких связей и рождаются будущие потенциальные воспитанники детских домов. Значит, есть большое поле деятельности и для государства, и для гражданского общества, и для школы, и для общественных объединений.

В настоящее время много говорят о религии. Межконфессиональные отношения могут стать детонатором мощного социального взрыва. Сегодня все знают об ИГИЛ – мировом оплоте религиозного фанатизма и террора. Религиозные фанатики убивают детей, насилуют женщин, перед объективами телекамер пытают пленных. Комитет по правам ребенка ООН опубликовал доклад, в котором описываются, как боевики ИГИЛ хоронят заживо детей религиозных меньшинств.

В то же время религия способна стать одним из важнейших институтов формирования толерантности и стабильности, смирения и уважения друг к другу. В современной Беларуси трудно переоценить роль Православной церкви, Католического костела, Протестантского собора, Еврейской синагоги в воспитании нравственности и толерантности, согласия и доверия друг к другу. Белорусское государство активно поддерживает конструктивные инициативы представителей различных религий. Конфессии эффективно выполняют возложенные на них функции, особенно в области формирования социальных, семейных, культурных идеалов и предпочтений, моральных, нравственных и духовных ценностей, и ценностных ориентаций.

Белорусское государство и церковь, не подменяя друг друга, многое делают для духовного совершенствования белорусского народа. Их совместными усилиями создана система философских ценностей, определяющая стратегическую цель, идеал развития белорусских общества и государства, наций и народностей, формирующая их идентичность. Соединение усилий церкви, государства и общественности позволяют сохранять и приумножать наследие предков. Межконфессиональный диалог является

залогом единства государства и многочисленных верующих, детерминирует толерантность, терпение и уважение к другому мнению. Новый Завет вводит принцип раздельности Божьего и кесарева: «…отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22,21). В Коране особо подчёркнуто: «Нет принуждения в религии» (Коран 2:257). Следует особо подчеркнуть, что христианство проделало большой путь от религиозных войн до принципа свободы совести.

Как показали социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в мае 2015 года, с православием себя отождествляют 83,6 процентов респондентов, с католицизмом – 7,7 процентов, с протестантизмом – 0,9 процента, с исламом – 0,2 процента. Самый высокий уровень доверия в Беларуси среди трех важнейших конфессий у Православной церкви. Она в республиканском рейтинге доверия стабильно занимает второе место после Президента страны. Причем авторитет Православной церкви признается как верующей, так и неверующей частью населения, как православными, так и представителями других конфессий, что свидетельствует о ее большом авторитете и потенциале влияния на социальный климат в стране.

Почти половина опрошенных считает, что выжить им в сложнейших ситуациях помогает именно Вера в Бога. Четверть респондентов убеждена в том, что она помогает во всех случаях, шестая часть – в большинстве случаев, пятая часть – только в некоторых ситуациях.

Как показывают социологические исследования, истинно верующие люди – это основа стабильности и безопасности белорусского общества. Как показывает социологический анализ, они любят Родину и уважают труд, законопослушны и дисциплинированы, не будут принимать участие в антизаконных мероприятиях, в несанкционированных митингах, забастовках и голодовках. В кризисных условиях они с большим оптимизмом смотрят на ближайшее будущее, однако для улучшения своего материального положения будут предпринимать значительно меньше усилий и активности, чем люди, не являющиеся верующими.

Для истинно верующих важно, чтобы в жизни было то, ради чего стоит жить. Среди моральных ценностей у истинно верующих на первом месте находятся семья и вера, живут они ради Бога, детей и семьи. Вера в Бога помогает им в жизни в трудные моменты. Благодаря вере они постоянно идут в храмы и находят там самое светлое, чистое и дорогое.

У истинно верующих христиан нет разводов и брошенных детей, среди них нет пьяниц и наркоманов. Они не желают даже слышать об однополых браках. А ведь в современных сложнейших условиях в жизни много проблем, опасностей и рисков, толкающих людей на разврат и преступления, алкоголь и наркотики, другие антиобщественные поступки. Поэтому крайне важно сделать так, чтобы как можно больше людей нашло дорогу к Храму, чтобы эта дорога стала потребностью человеческой души.

Тем более, что у мае текущего года около трех четвертей респондентов заявили, что современному человеку нужна религия, так как, по мнению 32,9 процентов она способствует нравственному совершенствованию людей, 31,0 – помогает сохранить культуру и традиции народа, объединяет людей, 22,1 – объединяет людей, 33,3 процента – дает человеку утешение и смирение, 21,5 – помогает найти смысл жизни.

Не очень много людей при решении жизненных трудностей полагаются на политическую деятельность. Как показали результаты мониторинговых исследований, только чуть больше шести процентов населения Беларуси считает, что участие в политической жизни поможет справиться с жизненными проблемами. Ответить на вопрос: «Почему так негативно многие граждане страны относятся к политической

деятельности?» помогает анализ влияния политических партий на общественные процессы в Беларуси.

В настоящее время в стране насчитывается 15 политических партий. Однако, как показывают мониторинговые социологические исследования, белорусская многопартийная система стремительно деградирует. Она находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. В стране так и не сложилось нормальное гражданское общество, с политическими партиями, имеющими внятные, отличные друг от друга программы и идеологию, ориентированную на определенные социальные слои и группы. Для современных белорусских партий характерны низкая интенсивность политической конкуренции и отсутствие значительного числа сторонников, неопределенность электоральных правил и скудность политической мысли, отсутствие связи с обществом и нежелание считаться с имевшимися в нем традициями и тенденциями, низкий уровень внутрипартийной демократии и неопределённость партийной тактики и стратегии, отсутствие знаковых фигур и т.д. Мало жителей нашей страны видят среди белорусских политических партий ту силу, которая способна защитить их интересы, понять их желания и потребности, эффективно представлять их на высшем государственном уровне. В понятии простых людей они и партии существуют в параллельных мирах, которые никогда не сойдутся. Партиям нет никакого дела до их жизни, проблем и бед. Они оторвались от реальности, как результат, граждане Беларуси не чувствуют реальной потребности в партиях, в обществе отсутствует спрос на них.

Как показывают результаты социологических исследований, проведённых Институтом социологии НАН Беларуси в середине 2015 года, только 4,2 процента жителей страны считают, что участие в деятельности политических партий эффективно. Сторонником какой-либо политической партии считает себя 1,4, скорее считает – 2,4 % респондентов. Белорусским политическим партиям в настоящее время доверяют 17,4 процента населения Беларуси, не доверяют – 34,9 процента. Если бы в ближайшее время в нашей стране происходили выборы в парламент по «партийным спискам», то 23,5 процента избирателей проголосовали бы против всех политических партий. Две трети респондентов вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего не знают о партиях. Более трети (33,9 %) населения страны считает, что для Беларуси главное – сильная, эффективная политическая власть, а не многопартийность. Отношение подавляющего большинства населения страны к политическим партиям не просто недоверчивое, в лучшем случае оно безразличное, а в худшем – резко негативное. Самый интересный тренд, который отслеживают сегодня социологи – продолжается падение рейтинга доверия почти всех политических партий, кроме тех, которым падать уже некуда.

Рейтинг политических партий Беларуси в августе-сентябре 2015 года имел следующий вид:

1. Коммунистическая партия Беларуси	3,7 %
2-3. Либерально-демократическая партия	1,9 %
2-3. Белорусская партия «Зеленые»	1,9 %
4. Объединенная гражданская партия	1,7 %
5. Белорусская аграрная партия	1,6 %
6-8. Консервативно-христианская партия - БНФ	1,5 %
6-8. Республиканская партия труда и справедливости	1,5 %
6-8. Белорусская социал-демократическая партия «Громада»	1,5 %
9. Белорусская социально-спортивная партия	1,4 %
10. Белорусская патриотическая партия	1,3 %

11-13. Республиканская партия 1,2 %
11-13. Белорусская партия левых «Справедливый мир» 1,2 %
11-13.Партия «Белорусская социал-демократическая Громада» 1,2 %
14. Партия БНФ 1,0 %
15. Социал-демократическая партия народного согласия 0,8 %.

Белорусские политические партии приняли активное участие в выборах Президента Республики Беларусь. Целый ряд кандидатов в Президенты страны опирались на интеллектуальный багаж политических партий, их материальные, информационных и людские ресурсы. До начала избирательной кампании политические партии в целом работали достаточно профессионально. Но когда начались выступления кандидатов в Президенты страны, оказалось, что у политических партий нет ничего нового: нет новых идей, нет предложений, способных существенно повлиять на развитие белорусского общества, нет программ, позволяющих решать существующие проблемы, нет идей технологий и творчества, нет идеологий будущего

В Беларуси в настоящее время идет спор о важности и необходимости модернизации общественных процессов, о реформах в различных сферах белорусского общества. Очень важно знать, как относятся люди к возможным переменам, инновациям в экономике и общественной жизни. Получить ответы на эти вопросы помогают социологические исследования, проведенные сотрудниками Института социологии НАН Беларуси в августе-сентябре 2015 года.

Мы спрашивали: «В какой степени вы согласны со следующими суждениями?» и получили следующие ответы:

Каждый человек должен соблюдать действующие законы, нравятся они ему или нет – 78,8 %
Если законы отстали от жизни, надо действовать по обстоятельствам, обходить их – 15,8 %
Хорошая работа - это стабильная работа, даже если она не очень хорошо оплачивается – 43,3 %
Хорошая работа - это высокооплачиваемая работа, даже если есть риск ее потерять – 48,4 %
Государство не должно допускать большой разницы в доходах граждан – 28,0 %
Доходы должны быть различными: чем больше человек трудится, тем больше он должен получать – 65,8 %
Каждый сам должен обеспечить себе старость – 24,3 %
Государство должно обеспечить старость своим гражданам – 67,1 %
Государство должно жестко контролировать бизнес – 24,2 %
Государство должно предоставить бизнесу больше свободы – 58,2 %
Развитие Беларуси должно происходить плавно и постепенно – 65,3 %
Перемены в нашей стране нужно осуществлять как можно скорее и любыми средствами – 23,8 %
Государство должно жестко контролировать бизнес – 24,2 %
Государство должно предоставить бизнесу больше свободы – 58,2 %
Развитие Беларуси должно происходить плавно и постепенно – 65,3 %
Перемены в нашей стране нужно осуществлять как можно скорее и любыми средствами – 23,8 %

Как говорится, информация для размышления.

В целом жители Беларуси с оптимизмом смотрят в будущее. Как показывают социологические исследования, по мнению наших соотечественников, Беларусь–2030 –

это государство справедливости и законности, солидарности и правопорядка, партнерства и ответственности, страна, в которой безопасно ходить по красивым и уютным улицам, престижно рожать и воспитывать детей, помогать попавшим в беду, достойно и в достатке встречать старость, комфортно отдыхать, где каждому гражданину доступно качественное образование и здравоохранение, где трудолюбивому и ответственному человеку легко найти престижную, любимую и высокооплачиваемую работу и где чувство гордости за свою страну переполняет грудь. Более двух третей населения считает, что 10–15 лет наша страна будет, при всех сложностях и проблемах, независимым государством, полностью сохраняющим свою территориальную целостность. Более половины респондентов убеждены, что «Беларусь–2030» будет страной с благоприятной природной средой, обеспечивающей необходимые условия для жизни. Все это необходимо сберечь.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. В. Каргаполова,
доктор социологических наук, доцент,
Астраханский инженерно-строительный институт, г. Астрахань

В условиях глобализации и регионализации современного социального пространства насущной необходимостью становится задача уточнения и развития социологической теории региона. При этом актуальным становится изучение того, каковы закономерности и основные тенденции социального развития как такового, каким образом эти закономерности реализуются в конкретной точке пространства – регионе, в котором живут близкие люди, семья, дети. Также появилась необходимость описать несколько сотен статистических и эмпирических параметров социокультурного пространства региона одновременно и более компактно и более емко, для чего и использована концепция социокультурного потенциала региона. Таким образом, необходимо в связи с происходящими институциональными изменениями необходимо уточнить и развить социологическую концепцию региона как социально-территориальной общности, обладающей социокультурным потенциалом [1–8].

Для этого нами обобщен теоретико-методологический опыт исследования феномена «регион», на основе чего выявлены его смыслообразующие свойства – пространственность, территориальность, способность к интеграции/дезинтеграции, иерархичность, управляемость. Также предложено операциональное определение понятия региона как иерархически структурированной властными институтами части социального пространства в единстве интегрирующих и дифференцирующих тенденций. В русле социологического подхода смыслообразующим свойством региона можно считать также способность объединять людей в границах территории региона на основе социокультурного единства, таким образом, чтобы в изменяющихся институциональных условиях данное объединение было существенным ресурсом его потенциала, прошлого, настоящего и будущего развития, повышало способности региона успешно отвечать на вызовы современности.

Для актуализации возможностей социологического подхода в направлении комплексного исследования потенциала трансформации региона уточнено проблемно-смысловое поле понятий «потенциал социального развития», «человеческий потенциал», «социальный потенциал», «социально-трудовой потенциал», «инновационный потенциал»; предложена авторская интерпретация понятия «потенциал», понимаемого как обобщенная характеристика меры совместно используемых ресурсов и возможностей прошлого, настоящего и будущего процесса трансформации региона на основе внутренних (соци-

окультурных) и внешних (институциональных) параметров. Нами предпринята попытка теоретического развития концепции социокультурного потенциала региона: выявлены сущность, индикатор, базовые (социально-демографический, культурный потенциалы) и институциональные (социально-экономический, институционно-регулятивный потенциалы) параметры. Сформулировано, что регион обладает социокультурным потенциалом в той мере, в какой является динамической системой связей между людьми, группами людей, социальными институтами, основанной на духовно-нравственных началах и постоянном резонансном взаимодействии и выполняющей при этом особую, социально-значимую функцию. Индикатором социокультурного потенциала региона является социальное самочувствие населения, высокие рейтинги которого достигаются при условии создания социально-полезных благ на трех уровнях – материальном (умеренное удовлетворение подлинно-социальных, а не паразитарных материальных потребностей), нравственном (общие нормы нравственности и морали, придающие устойчивость и целостность личностному бытию) и духовном (общая система ценностей, обеспечивающая относительную целостность региональной общности). Предложен алгоритм и выявлены возможности эмпирического исследования социокультурного потенциала региона на конкретном региональном материале, в котором выделены уровни связей и зоны динамики социокультурного потенциала региона.

В качестве эмпирической базы исследования выступили результаты мониторингового социологического исследования, проведенного исследовательскими группами под руководством Е. В. Каргаполовой и А. Ю. Арясовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства на основе Типовой методики уникальной по своим организационным и научно-исследовательским возможностям Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева). Первый этап был проведен в декабре 2009 г. (N = 1000), второй – в мае-июне 2012 г. (N = 600). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Анализ данных включал изучение линейных распределений, осмысление параметров таблиц сопряженности. Кроме того, в сентябре-октябре 2011 г. был проведен экспертный опрос (N = 20) среди руководителей организаций и ведомств региона, ученых, представителей творческой интеллигенции, бизнеса Астраханской области. Также на основе вторичного анализа результатов всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2010 г., N = 1163; доступ к массиву данных разрешен членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным) осуществлено сопоставление общероссийских и региональных данных.

Нами выявлен социокультурный потенциал Астраханской области, для которого свойственно преобладание зон сворачивания и кризиса над зонами роста и устойчивого роста; прогнозируемое нарастание зон сворачивания и кризиса; существенное превышение данных зон в регионе по сравнению с общероссийскими показателями (см. табл. 1).

Таблица 1. **Социокультурный потенциал Астраханской области**

Виды потенциала	***Единицы территориального деления***								
	Астраханская область			*Российская Федерация*			*Южный федеральный округ*		
	Зоны потенциала, значения потенциала (%)								
	Н, НС	С	ВС, В	Н, НС	С	ВС, В	Н, НС	С	ВС, В
РП	33,3	39,6	27,1	11,7	51,2	37,1	45,2	21,5	33,3
ИП	41,3	26,9	31,8	25,9	58,6	15,5	41,4	46,4	12,2
ПП	45,8	25,0	29,2	17,6	69,6	12,8	50,0	8,8	41,2
Итого	**41,5**	**29,0**	**29,5**	**18,7**	**62,5**	**18,8**	**45,3**	**26,5**	**28,2**
Обозначения: Н – низкий уровень, кризис НС – уровень «ниже среднего», сворачивание С – средний уровень, стабильность ВС – уровень «выше среднего», рост В – высокий уровень, устойчивый рост							РП – ретроспективный потенциал ИП – исходный потенциал ПП – перспективный потенциал		

Выявлены базовые параметры социокультурного потенциала Астраханской области:

– снижение социального самочувствия как индикатора социокультурного потенциала региона в будущем при некоторых его ресурсах в настоящее время;

– состояние социально-демографического потенциала, свидетельствующее о сохраняющихся в будущем положительных возможностях улучшения социально-демографической ситуации в регионе;

– снижение культурного потенциала, на основе чего можно прогнозировать большую степень морально-нравственной, культурной разобщенности населения внутри региона и существенный разрыв в социокультурном пространстве страны.

Снижение социально-экономического и институционно-регулятивного потенциалов свидетельствует о том, что институциональные изменения современной России конца XX – начала XXI в. не способствуют развитию социокультурного потенциала Астраханской области.

Состояние социокультурного потенциала Астраханской области выявляет результаты трансформации региона в условиях институциональных изменений: снижение социального самочувствия населения в будущем при некоторых ресурсах его стабилизации сегодня.

Выявлены результирующие преимущества социокультурного потенциала региона:

– наличие природных ресурсов, обеспечивающих гарантированный минимальный уровень благополучия (энергия, газ, вода);

– низкие риски межнациональных конфликтов, обусловленные отсутствием в историческом опыте конфликтных «мин» межэтнических и межрелигиозных разногласий;

– имеющиеся ресурсы в социально-демографическом потенциале региона;

– сохраняющийся в настоящее время высокий уровень социального самочувствия населения (см. табл. 2).

Выявлены группы проблем, которые, по нашему мнению, следует решать для развития социокультурного потенциала Астраханской области в условиях институциональных изменений:

– социально-демографические (снижение естественного прироста населения; деградация региональной системы здравоохранения при неблагоприятной экологической обстановке, что приводит к росту темпов заболеваемости; высокий уровень разводимости; деструктивные практики выезда населения из региона, что ведет к снижению человеческого потенциала и отсутствию конкурентоспособной региональной элиты, которая сочетает таланты и способности с установкой на развитие региона);

– культурные (снижение посещаемости культурно-массовых учреждений; разобщенность ценностного сознания населения; низкий уровень региональной и общероссийской идентичности);

– социально-экономические (снижение уровня экономической активности населения; рост безработицы и бедности; низкая доля лиц с рыночной трудовой мотивацией; наличие одного из самых обширных в Российской Федерации фондов ветхого и аварийного жилья при практически полном отсутствии предприятий по производству строительных материалов);

– институционно-регулятивные (снижение эффективности деятельности региональных органов власти, что проявляется в высокой численности правонарушений, высоком уровне протестного потенциала при численности чиновников, превышающей общероссийские показатели; низкий уровень доверия к органам власти; отсутствие реалистической и последовательно воплощаемой стратегии развития; коррупция; отсутствие грамотной политики по регуляции миграционных потоков).

Таблица 2. **Социальное самочувствие населения как индикатор социокультурного потенциала Астраханской области**

Показатель	*Единица территориального деления*			
	Астраханская область		*Российская Федерация*	
	Значение	*Уровень*	*Значение*	*Уровень*
Индекс социального самочувствия и его составляющие (2009 г.)	0,65	ВС	0,61	С
Кз – защищенность от социальных опасностей	0,62	ВС	0,58	С
Ку – удовлетворенность жизнью в целом	0,69	С	0,66	С
Ко – социальный оптимизм	0,63	ВС	0,58	С
Удовлетворенность проживанием в регионе (% опрошенных, 2009 г.)				
В целом довольны	75,5	НС	82,0	С
Не нравится, но привыкли	9,8	НС	11,0	С
Хотели бы уехать в другой регион	4,7	В	2,0	С
Хотели бы уехать из России	1,8	С	2,0	С
Территориальная идентичность: чувствуют близость с жителями (% ответивших, 2009 г.)				
Поселенческая идентичность	77,1	ВС	62,0	С
Региональная идентичность	32,6	НС	55,0	ВС
Гражданско-государственная, общероссийская идентичность	21,7	Н	55,0	С
Обозначения: Н – низкий уровень, кризис НС – уровень «ниже среднего», сворачивание С – средний уровень, стабильность ВС – уровень «выше среднего», рост В – высокий уровень, устойчивый рост				

Предложены меры по повышению эффективности социокультурного потенциала региона: повышение привлекательности и перспективы проживания на территории области, в том числе путем предоставления социально доступного жилья; стимулирование посещаемости культурно-массовых учреждений для преодоления разобщенности ценностного сознания населения, повышения уровня региональной и общероссийской идентичности; адресная поддержка малого бизнеса с целью снижения безработицы и бедности, повышение доли лиц с рыночной трудовой мотивацией.

Таким образом, в ходе проведенного исследования стало понятно, что социокультурный потенциал региона в целом можно охарактеризовать как неустойчивый. В пределах границ региональной общности в настоящее время в полной мере не сложилась динамическая система социальных связей, основанная на духовно-нравственных началах и постоянном резонансном взаимодействии социальных акторов. Основной причиной этой ситуации является сохраняющееся несоответствие между институциональными изменениями и ценностными установками конкретных людей – жителей региона.

Определены перспективные направления дальнейших исследований, суть которых реализации выхода на мониторинговый режим изучения социокультурного потенциала Астраханской области, для того, чтобы в ситуации неустойчивости потенциала учесть и зафиксировать микроизменения, которые могут вывести систему из состояния равновесия, и успеть принять соответствующие меры.

Библиографический список

1. Каргаполова, Е. В. Развитие социокультурного потенциала современного российского региона в условиях институциональных изменений : автореф. дис. … д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы / Е. В. Каргаполова. – Астрахань, 2014. – 48 с.
2. Каргаполова, Е. В. Регион: пространство смыслов и содержание / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, Н. В. Дулина, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев ; под общ.ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2013. – 294 с.
3. Каргаполова, Е. В. Тридцатый регион: потенциал социального развития / Е. В. Каргаполова ; под общ.науч. ред. проф. Н. В. Дулиной. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. – 376 с.
4. Каргаполова, Е. В. Социокультурный портрет Астраханской области. Опыт социологического, экономического и политологического анализа / Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова, Т. Ю. Гречкина, Л. А. Лебединцева, Ю. И. Убогович; под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2010. – 306 с.
5. Каргаполова, Е. В. Регион в русле институционального подхода: специфика проблемного поля / Е. В. Каргаполова // Известия Волгоградского технического университета: межвузовский сборник научных статей. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – № 5 (132). – 2014. – Вып. 16. – С. 33–37.
6. Каргаполова, Е. В. Категория «потенциал социального развития» в системе современного гуманитарного знания / Е. В. Каргаполова //Известия Волгоградского технического университета: межвузовский сборник научных статей. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – № 3 (90). – 2012. – Вып. 10. – С. 46–50.
7. Каргаполова, Е. В. Регион как элемент социальной структуры современного общества: опыт междисциплинарного исследования / Е. В. Каргаполова // Научный потенциал регионов России на службу модернизации. Межвузовский сборник научных статей. – № 3 (6) 2013. – Т. 1. – Астрахань, 2013. – С. 99–103.

8. Каргаполова, Е. В. Категория «потенциал региона»: специфика проблемного поля / Е. В. Каргаполова // Научный потенциал регионов России на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей. – Астрахань, 2013. – № 1 (3). – С. 144–154.
9. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: ИФРАН, 2010. – 111с.

БЕЛАРУСЬ И СИСТЕМА ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М. Т. Лаумулин,
доктор политических наук, профессор,
советник-посланник Посольства Республики Казахстан в Республике Беларусь

Несмотря на тот факт, что Республика Беларусь находится на западной периферии геополитической Евразии (постсоветского пространства) и достаточно удалена от региона Центральной Азии, тем не менее, проблемы безопасности центральноазиатского региона, фактора Афганистана и в целом Внутренней Евразии далеко не безразличны белорусскому экспертному сообществу, военным и гражданским специалистам. Это вытекает из того факта, что Беларусь является участником всех интеграционных объединений на постсоветском пространстве, прежде всего – Организации Договора о коллективной безопасности, что автоматически делает эту республику стороной любого конфликта в Центральной Азии или на Кавказе с участием других членов ОДКБ.

Кроме того, участие в Союзном государств (СГ) совместно с Российской Федерацией накладывает на Минск дополнительную ответственность в плане обеспечения коллективной безопасности. В настоящее время Беларусь обеспокоена наращиванием сил НАТО вокруг своей территории в связи с кризисом на Украине и нарастающей конфронтацией между Москвой и Западом. События на Украине демонстрируют неделимую связь между евразийской и евро-атлантической безопасностью, что было зафиксировано в Астанинской Декларации ОБСЕ в 2010 г. Украинский кризис в настоящее время оказывает дестабилизирующее влияние не только на безопасность европейской части СНГ, но и на все евразийское пространство.

Белоруссия сохраняет свое важное военно-стратегическое значение для России, но в категориях прежнего противостояния в Европе. Белоруссия является наиболее последовательным и активным государством в процессе военной интеграции в рамках ОДКБ. Между вооруженными силами РФ и РБ существует т.н. коалиционный подход, т.е. ВС двух государств представляют собой симбиоз и имитацию единых сил. Это позволяет экономить на военных расходах и оптимизировать систему управления. Между РФ и РБ заключено свыше 30 договоров в военной сфере.

Военное сотрудничество Белоруссии и России продолжает развиваться, несмотря на непростой экономический и политический контекст отношений двух стран. Между РФ и РБ заключено свыше 30 договоров в военной сфере. Белоруссия сохраняет свое важное военно-стратегическое значение для России, прежде всего, с учетом фактора соседства военной инфраструктуры НАТО.

Беларусь является наиболее последовательным и активным государством-членом ОДКБ в процессе военной интеграции в рамках Организации. Между вооруженными силами РФ и РБ существует т.н. коалиционный подход, т.е. ВС двух государств представляют собой симбиоз и имитацию единых сил. Это позволяет экономить на военных расходах и оптимизировать систему управления.

Взаимоотношения РБ и РФ в военной сфере включают в себя, помимо функционирования региональной группировки войск, также военно-научное

сотрудничество, топо-геодезическое обеспечение, а также совместную деятельность в области радиационной, химической и биологической защиты. Практически вся поставляемая в Белоруссию военная техника – российского производства, а за последние 15 лет в российских военных учебных заведениях прошли обучение более тысячи белорусских военнослужащих.

Специалисты отмечают, что и в прежние годы было немало сделано для обеспечения внешней безопасности Союзного государства: созданы объединенные военные системы в области связи, радиоэлектронной борьбы, тылового и технического обеспечения, в Беларуси действуют российские радиолокационная станция и узел дальней радиосвязи, боеготовность войск проверяется на совместных штабных и полевых учениях. Важным элементом военного потенциала Союзного государства является Единая региональная система ПВО, которая постоянно совершенствуется. Для целей обороны единого воздушного пространства российская сторона поставила Беларуси в 2013 г. первые батареи усовершенствованных зенитных комплексов «Бук».

Россия в ближайшее время намерена отказаться от импортной зависимости в области элементной базы при производстве новых видов стратегических вооружений, в том числе ядерных, рассчитывая на возможности белорусской оборонной промышленности. Предполагается, что участвовать в проекте будет ОАО «Интеграл» – самое крупное в Белоруссии предприятие, производящее микроэлектронику, на долю продукции которого на российском рынке приходится 15–20 % от общего объема продаваемых в РФ электронных компонентов двойного и специального назначения.

Россия планировала к 2015 г. разместить в Беларуси (аэродром в городе Лида, где уже базируется белорусская штурмовая авиация и учебный центр) авиаполк с истребителями. На аэродроме в Лиде имеется практически вся необходимая инфраструктура. Однако, в ноябре 2013 г. ситуация вокруг авиабазы изменилась. Появилась вероятность изменения планов по месту ее дислокации в Барановичи.

Беларусь и ранее шла на уступки по аналогичным вопросам в обмен на экономическую поддержку, одновременно используя их для геополитического маневра между ЕС и Россией. С точки зрения наблюдателей, по мере сокращения боевых возможностей белорусской авиации охрана воздушных границ страны все в большей степени будет становиться делом российских воздушных сил.

Российские эксперты считают, что создание российской авиационной базы на территории Белоруссии является ответом на действия НАТО, разместившей свою базу в Литве под Шауляем. Вопрос создания в Белоруссии российской авиационной базы имеет и внутриполитический контекст.

Таким образом, касаясь военно-стратегической области, в Минске подчеркивают, что у Беларуси и России имеется совместная группировка вооруженных сил в данном регионе, и основой группировки является именно белорусская армия. Официальный Минск подвергает критике военную активность Северо-Атлантического альянса в регионе и позицию Польши по проблеме развертывания ПРО США.

Несмотря на традиционно высокие оценки боеспособности белорусских вооруженных сил, российские и некоторые местные эксперты отмечают нарастание проблем, связанных с начинающейся деградацией, старением военно-технической базы, демографической составляющей, отрицательно влияющей на призыв, и т.д. Недостаток финансирования также негативно сказывается на развертывании сил специального назначения, которые после реформирования должны были составить основу ВС РБ. В результате наблюдается массовый отток контрактников из элитных подразделений и спецназа. Данная тенденция не может не вызывать тревогу России за будущее состояние белорусских ВС, боеспособность ВС Союзного Государства и эффективное участие РБ в ОДКБ.

Беларусь получила в наследство от СССР около 120 предприятий ВПК, причем среди них почти не было заводов конечной сборки. Собственно, оружие в БССР

практически не производилось, выпускалась лишь автомобильная техника, а также разнообразное оборудование – системы связи, навигации и управления, оптические приборы и т. п. Кроме того, в Беларуси находился целый ряд ремонтных предприятий. В настоящее время деятельность ВПК координирует Государственный военно-промышленный комитет РБ. В 1992 г. белорусский ВПК обеспечивал до 20 % от общего объема поставок материалов и комплектующих для ВПК России; в 2000-е годы доля Беларуси в военных поставках снизилась до 8 %.

Руководство страны сохранило интеграционные связи с Россией и главными потребителями продукции белорусского ВПК, производителями ракетных комплексов «Тополь», «Ярс» и «Искандер» (шасси изготавливается на Минском заводе колесных тягачей). На российских боевых самолетах и танках стоят белорусские прицельные системы и навигационные комплексы. Беларусь стала углублять специализацию с целью развития систем связи, навигации, разведки, наблюдения и управления, без которых невозможно построить современную сетецентрическую армию.

В 2012 г. в белорусском ВПК началось производство более 35 образцов современной инновационной продукции, выполнено более 20 опытно-конструкторских работ. Работы ведутся по пяти направлениям: геоинформационные системы; оснащение войск беспилотными авиационными комплексами; системы комплексного противодействия высокоточному оружию; боевые системы сил специальных операций и сухопутных войск; системы огневого поражения. Беларусь также стала лидером по производству беспилотной летательной техники. Кроме того, была представлена и такая белорусская разработка, как переносной противотанковый ракетный комплекс (ПТРК) «Шершень D». На сегодняшний день данный ПТРК не имеет в мире аналога.

В Беларуси созданы также уникальные средства радиоэлектронной борьбы. Кроме того, на белорусских ремонтных предприятиях удалось создать целый ряд новых вариантов модернизации старой советской техники (особенно средств ПВО), которые успешно продвигаются на рынки развивающихся стран. Одновременно эти предприятия обеспечивают потребности в ремонте техники собственных ВС и ряда зарубежных стран. В целом, как считают эксперты, белорусский ВПК оказался гораздо более успешным и жизнеспособным, чем, например, украинский.

Военно-политическое сотрудничество России и Беларуси осуществляется как в рамках Договора о создании Союзного государства, так и в формате Организации Договора о коллективной безопасности (всего 5 базовых документов). Обе страны входят в объединенную систему ПВО стран СНГ. На территории Беларуси расположен целый ряд объектов российской военно-технической инфраструктуры, имеющих существенное значение для поддержания стратегической безопасности в Европе (система предупреждения о ракетном нападении в Барановичах и пункт управления подводными лодками в Вилейке.

В настоящее время активно работает Белорусско-Российская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству (ВТС), регулярно проводятся переговоры руководителей предприятий, организаций ОПК Беларуси и России по выработке предложений по различным вопросам сотрудничества. Важным направлением военно-технического сотрудничества России и Беларуси является разработка и реализация союзных программ в области обороны и безопасности.

Следует обратить внимание, что совместные проекты ВПК РФ и РБ не мешают военно-техническому сотрудничеству этих государств с третьими странами. Продвигая продукцию военного назначения на зарубежные рынки, обе стороны заинтересованы в том, чтобы не создавать в этой сфере ненужной конкуренции, наносящей ущерб какой-то из этих стран.

Белорусский ВПК помимо рынков СНГ сотрудничает с китайскими предприятиями в сфере технологий двойного назначения: производство многоосных колесных шасси и тягачей для установки специального, в том числе военного оборудования, включая

вооружение различного назначения (первое совместное сборочное предприятие было организовано в 1998 году в г. Сиогань провинции Хубэй). В дальнейшем китайская сторона перешла на копирование продукции МЗКТ и выдавила белорусских поставщиков.

Достаточно высокие технико-эксплуатационные характеристики и боевые качества белорусской системы ПВО также вызвали пристальный интерес в Китае. По данным российских источников, в 2000–2002 гг. между КНР и РБ было заключено несколько соглашений в этой области. Не остались без внимания китайских военных и белорусские разработки в области радиолокации, в частности новая мобильная (смонтированная на вездеходном шасси марки «МЗКТ») радиолокационная станция метрового диапазона «Восток».

Пекин интересуют также белорусские разработки в области высокоточного оружия. Еще одной разработкой в области высокоточного оружия, которой (по некоторым данным) заинтересовались китайские военные, стал модернизированный комплект «Модуль-А», предназначенный для улучшения тактико-технических характеристик обычных авиационных бомб. Ряд признаков позволяет говорить и растущем сотрудничестве Беларуси и Китая в области средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ), причем как для использования в собственной обороне, так и для продажи.

По мнению наблюдателей, достаточно серьезными выглядят перспективы сотрудничества Беларуси и Китая в разработке и производстве зенитно-ракетных комплексов среднего радиуса действия, аналогичных С–300 как для собственных нужд, так и для продажи третьим странам. В НОАК проявляют внимание к средствам радиотехнической защиты авиационной техники, в т.ч. к одной из последних белорусских разработок в этой области – комплексу «Сателлит». Это бортовая аппаратура индивидуальной радиотехнической защиты летательного аппарата от высокоточного радиоуправляемого оружия с активными РГСН классов «поверхность – воздух» и «воздух – воздух».

Между БГУ и Харбинским политехническим институтом (ХПТИ) было подписано соглашение о сотрудничестве, и стороны учредили Центр научно-технического сотрудничества для ведения совместных исследований и разработки новых технологий (лазерные и нанотехнологии и др.). Китай интересуют, прежде всего, наработки белорусской науки для использования в освоении космоса и создании передовых технологий двойного и военного назначения.

В Пекине отдают себе отчет, что производимые и разрабатываемые в Беларуси многие образцы военной техники и продукции двойного назначения во многом уникальны, или не имеют аналогов в государствах СНГ, и вполне конкурентоспособны на мировом рынке. К ним, с точки зрения специалистов НОАК, относятся следующие: автоматизированные системы управления войсками и оружием; аэрокосмическая оптоэлектронная аппаратура и фотограмметрические комплексы; системы управления огнем бронетанковой техники; программные комплексы для управления радиолокационными, лазерно-оптическими и информационными системами ПВО.

В конце сентября 2014 г. делегация ВПК Беларуси посетила военные предприятия в Киеве, Львове, Днепропетровске, Чернигове. Ее, прежде всего, интересовали заводы и организации (КБ, НИИ), связанные с производством ракет или их компонентов (головки самонаведения, ракетные двигатели, системы управления). Украинские источники не сомневаются, что белорусы будут переманивать местных специалистов для создания соответствующих производств у себя. По мнению некоторых специалистов, белорусская сторона попытается купить у Украины технологию производства этих ракет (Россия крайне неохотно идет на организацию таких производств на территории РБ).

Следует обратить внимание на итоги 7-й Международной выставки вооружения и военной техники, состоявшейся в июле 2014 г. в Минске. Так, только организациями, входящими в систему Госкомвоенпрома, подписано 55 контрактов на общую сумму более

350 млн.долл. В целом в ходе выставки было заключено договоров на сумму около 700 млн.долл.

В настоящее время в развитии белорусского ВПК можно выделить следующие тенденции. Во-первых, основное направление – это модернизация техники с целью повышения его возможностей за счет обеспечения войскам более высокой степени защищенности, высокой мобильности, управляемости, возможности вести разведку и наносить точные огневые удары на большие расстояния.

Во-вторых, в белорусском ВПК намечается процесс создания полного замкнутого цикла производства перспективных образцов вооружения: от средств подвижности до средств поражения. Уже созданы опытные образцы боевой бронированной машины и автомобиля высокой проходимости; завершена разработка беспилотного авиационного комплекса с дальностью действия 100 и более км. Совместно с зарубежными партнерами создан новый противотанковый ракетный комплекс.

В-третьих, в Беларуси также планируется создание совместных сборочных производств оборудования и современного станкового аппаратуры с мировыми станко-инструментальными компаниями, что позволит выпускать импортозамещающую продукцию на белорусский рынок с дальнейшей локализацией национальных производств.

Официальный Минск обычно проявляет слабый интерес к проблемам безопасности Центральной Азии и угрозам, исходящим государствам региона из Афганистана. Президент А. Лукашенко в последний раз озвучил позицию Беларуси по данному вопросу на саммите ОДКБ осенью 2015 г. До последнего времени помощь со стороны Беларуси в рамках ОДКБ ограничивалась поставками обмундирования для пограничных войск Таджикистана.

Белорусские гражданские и военные эксперты гипотетически рассматривают на техническом уровне возможность участия подразделений РБ в составе КСОР ОДКБ в случае дестабилизации ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных сил НАТО из Афганистана. В случае дестабилизации обстановки в Центральной Азии речь пойдет о конфликте низкой интенсивности. Кыргызстан и Таджикистан представляют собой, по их мнению, наиболее вероятные «кандидаты» для дестабилизации.

По их мнению, Беларусь не в состоянии направить для участия в миссии более 1/3 от сил, выделенных в состав КСОР. Остальные подразделения будут находиться на национальной территории в качестве резерва для ротации личного состава национального контингента. Характер потенциальных угроз определяет перспективный состав национального контингента Беларуси, действующего в рамках коалиционных сил ОДКБ. Он может включать следующие составные части: военную; жандармскую; контртеррористическую; силы связи с местными властями; силы поддержки.

Основу военной части белорусского контингента может составить один мобильный батальон численностью порядка 550 человек, усиленный БТР с пушечным вооружением. При этом характер местности и угроз предполагают необходимость изменения организационно-штатной структуры подразделения. Жандармскую часть контингента составят 2–3 патрульные роты из состава Внутренних войск МВД численностью до 400 человек, экипированных для подавления беспорядков, остановки транспортных средств, досмотра транспорта и людей.

Контртеррористическая компонента может быть представлена подразделением численностью до 30 бойцов, которое формируется на ротационной основе из числа сотрудников подразделений «Альфа», «Алмаз», СОБР. Группа связи с местными властями состоит из белорусских офицеров при штабе союзных сил, штабе Вооруженных сил принимающего государства, местных органов МВД и госбезопасности на территории действия.

Группа поддержки состоит из вертолетного отряда численностью до 300 человек и медицинского подразделения. Итого потребуется, по их подсчетам, до 1 600 бойцов от

МВД, КГБ, Минобороны. Это максимально возможная численность, исходя из необходимости ротации, при которой в стране миссии находится не более 1/3 готовых к выделению сил.

Очевидно, что участие в миссии со стороны РБ потребует значительных усилий по технической подготовке. И в первую очередь в части несоответствия имеющейся бронетехники и автотехники условиям современного вооруженного конфликта. Решений, как считают эксперты, может быть три: модернизация; закупка новой техники; закупка техники из излишков иностранных армий. Конкретные стоимостные параметры в настоящее время назвать не представляется возможным. В любом случае, речь идет о сумме в несколько десятков миллионов долларов.

По мнению белорусских экспертов, афганское наркопроизводство является беспрецедентным по своим масштабам и сосредоточенности в одной географической точке планеты, что делает его агрессивным инструментом подрыва международной безопасности. Данную ситуацию можно по праву считать уникальным планетарно-историческим феноменом и квалифицировать в соответствии с Уставом ООН как угрозу международному миру и безопасности».

Таким образом, белорусские специалисты приходят к выводу, что можно говорить о праве Российской Федерации и других государств-членов ОДКБ на самооборону против наркоагрессии, осуществляемой на ее территорию неправительственными группировками с территории Афганистана. По их мнению, помимо ОДКБ в решении проблемы Афганистана должен быть задействован политический и экономический потенциал ШОС.

Однако, после событий в Украине, отмечают эксперты, геополитическая ситуация в Евразии в целом и в Восточной Европе в частности, а также вся система безопасности могут радикально поменяться, что ставит перед ОДКБ новые и сложные задачи. Но в целом, рассуждая о перспективах ОДКБ, местные специалисты не видят перспектив для расширения организации. В целом, военно-политическое экспертное сообщество РБ отдает предпочтение оборонному сотрудничеству с Россией в рамках Союзного государства.

Белорусские эксперты констатируют, что события вокруг Украины свидетельствуют о дистанцировании государств ОДКБ от российско-украинской войны. Москве не удалось обеспечить блокаду Киева со стороны постсоветских стран в области военно-технического сотрудничества. В настоящее время кризис на Украине и связанные с конфликтом события на международной арене продолжают оказывать влияние на внешнюю и внутреннюю политику Беларуси. Украинский кризис оказывает прямое влияние на международное положение Беларуси.

Существенный интерес представляют последние оценки белорусских экспертов новых угроз Центральной Азии и развития геополитической ситуации в нашем регионе. Они отражены в докладе Центра стратегических и внешнеполитических исследований. Авторы отмечают, что в Центральной Азии существует не так много наднациональных стратегий противодействия дестабилизации. Фактически можно вести речь о двух таких стратегиях: «китайской», представленной ШОС и формирующимся Экономическим поясом Шелкового Пути; и «российской», представленной ОДКБ и формирующимся Евразийским экономическим союзом.

По их мнению, в настоящее время мир находится на пороге глубокого изменения стратегической среды в Центральной Азии. Причем, изменения эти уже связаны, а могут оказаться связанными в еще большей степени, с ситуацией в других регионах и, прежде всего, с ситуацией на Ближнем Востоке. Ключевые изменения и процессы, которые определяют стратегическую среду для ЦА включают в себя следующие: вывод американских войск из Афганистана в 2014–2016 гг.; создание ЕАЭС с его возможным последующим расширением; резкая активизация региональной дипломатии Китая; развитие Индии как новой региональной державы; продолжающееся стратегическое сближение США и Ирана; стратегическое смещение зоны приоритетных интересов США

на Дальний Восток, рост озабоченности по поводу китайского фактора в Евразии; изменение в структуре и деятельности международных экстремистских и террористических организаций, борьба между ИГИЛ и Аль-Каидой; политический кризис, повышение уровня насилия и рост наркопроизводства в Афганистане.

Что касается России, отмечают эксперты, то в настоящее время она не имеет четко выраженной стратегии в ЦА. Данное положение дел усугубил украинский кризис, который отвлек внимание и ресурсы российского руководства от этого ключевого для безопасности евразийского пространства региона. То есть, российские интересы и региональная стратегия должны рассматриваться, как не сформулированные в полной мере. Россия совместно с союзниками осуществляет строительство ЕАЭС и ориентирована на присоединение к этому интеграционному образованию Кыргызстана и в перспективе Таджикистана. Наконец, есть информация о заинтересованности России в строительстве газопровода ТАПИ и готовности ряда российских компаний участвовать в данном проекте.

Таким образом, заключают эксперты, в настоящее время происходит драматическая борьба за лидерство в международном террористическом интернационале между ИГИЛ и Аль-Каидой. Основной угрозой в регионе Центральной Азии белорусские аналитики считают исламистскую, которая имеет не только серьезный характер, но и способна быстро трансформироваться под влиянием формирования новых акторов, таких как ИГИЛ. На сегодняшний день активные стратегии противодействия дестабилизации осуществляют, прежде всего, сами страны Центральной Азии. Данные стратегии состоят в усилении контроля над политическим полем, оказании давления (в рамках закона) на исламистские и другие оппозиционные структуры, направлении социальных трансферов наиболее активным или наиболее уязвимым группам населения.

Основой данных стратегий является национализм, который, как правило, основывается на двух ключевых ценностях: национальной истории и суверенной государственности. Речь идет, прежде всего, о двух государствах региона – Казахстане и Узбекистане. По мнению экспертов, именно они, а не ОДКБ, в будущем должны сыграть решающую роль в укреплении безопасности своего региона, т.к. Россия все больше втягивается в украинский кризис.

Внешнеполитический курс Республики Беларусь на современном этапе определяется различными факторами, среди которых можно выделить полномасштабное и разностороннее, но в тоже время «неровное» сотрудничество с РФ; участие в процессе евразийской интеграции и подписание Договора о ЕАЭС в мае 2014 г.; осторожное сближение с Западом; кризис на Украине и, как следствие, повышение международного статуса РБ в качестве посредника между сторонами конфликта, но одновременно укрепление военно-политического сотрудничества Минска с Москвой; продолжение сотрудничества с традиционными партнерами на мировой арене – КНР, Венесуэлой, некоторыми странами СНГ, в первую очередь с Казахстаном.

В своей внешней политике Беларусь в настоящий момент решает одновременно несколько задач: поиск новых и расширение прежних экспортных рынков; использование процесса евразийской интеграции для усиления позиций в отношениях с Россией; попытки возвращения к политике балансирования между РФ и ЕС; повышение статуса Беларуси как миротворца и международного посредника; укрепление перед лицом разрастания полномасштабного кризиса в отношениях РФ с Западом совместной с Москвой военно-стратегической безопасности в рамках Союзного государства.

СОСТОЯНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Г. Н. Соколова,
доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Сегодня Беларусь все больше интегрируется в мирохозяйственные связи, где ведущими тенденциями стали глобализация экономических отношений, либерализация международной торговли, экологизация социально-экономических процессов, становление информационного общества. Данные процессы подводят к необходимости создания социально-экономической парадигмы, где человек становится не просто средством, фактором экономического роста, но его главной целью и ценностью. Для реализации этой парадигмы необходима структурная перестройка экономики на основе достижений научно-технического прогресса и эффективного использования интеллектуального потенциала общества. И здесь свою миссию «фундамента цивилизационного прогресса» призваны выполнить отечественная наука, образовательная система и система здравоохранения. В соответствии с поставленными целями, в республике назрела необходимость провести *инвентаризацию и стоимостную оценку* научно-технического, образовательного и здравоохранительного потенциалов с позиций эффективности использования человеческого капитала. Определить, **в какой мере** *экономический* оборот человеческого капитала может быть переведен в *инновационный* оборот в условиях развития в республике «экономики знаний».

Исходя из разработок зарубежных (Беккер Г. С.) и отечественных (Добрынин С. А. и др.) исследователей, определяем, что в процессе воспроизводственного движения человеческий капитал совершает естественный, экономический и инновационный обороты. Циклический характер воспроизводства человеческого капитала проявляется в трех главных видах. 1. *Естественный* оборот обусловлен естественным выбытием и заменой работников при завершении периода их трудовой деятельности. 2. *Экономический* оборот – заменой традиционно применяемых технологий и техники, с целью поддержания непрерывного производственного процесса, и сопровождается подготовкой работников традиционных профессий. 3. *Инновационный* оборот – качественным обновлением технологий и техники, совершенствованием организации труда и сопровождается обучением работников новым профессиям и специальностям Человеческий капитал находится одновременно в состоянии естественного и экономического оборотов; инновационный оборот имеет место в условиях качественного обновления всех компонентов человеческого капитала, «реорганизации» производственных отношений и всей жизни общества. Общий оборот индивидуального и совокупного человеческого капитала обеспечивает воспроизводство национального богатства страны, а также воспроизводство и развитие общества, всех сфер человеческой жизнедеятельности [1; 2].

На базе рассмотрения основных положений теории человеческого капитала можно сформулировать определение основной ее категории. *Человеческий капитал – это сформированный в виде инвестиций и накопленный человеком определенный запас культуры и здоровья, научно-образовательных знаний и мотиваций, который содействует росту производительности и качества труда и тем самым ведет к росту личного и общественного благосостояния*. Основным формам инвестиций в человека (расходам на науку, образование и здравоохранение) соответствуют *активы* человеческого капитала, выраженные в показателях средней продолжительности жизни населения, уровня его образования реального душевого валового внутреннего продукта (ВВП) [3, с. 12–18].

В целях выявления реального использования человеческого капитала и основных направлений повышения его эффективности, мы, ориентируясь на разработки отечественных экономистов [2, с. 45–63], проведем *инвентаризацию* и *стоимостную оценку* научно-

технического и образовательного потенциалов, с тем чтобы определить реальную эффективность использования человеческого капитала в Республике Беларусь.

Состояние и использование человеческого капитала в сфере науки

Для того чтобы модернизация выполнила свое предназначение, а ее осуществление принесло желаемые положительные результаты, она должна затрагивать не только экономический фундамент общества, но и все остальные сферы его жизнедеятельности, следовательно, иметь комплексный характер, охватывающий широкий круг социальных процессов. Решающей движущей силой именно такой комплексной модернизации выступает наука. Такая ее роль обусловлена тем, что наука, основная цель которой заключается в генерировании нового, ранее не существовавшего знания, представляет собой инновационную, творческую в своей сущности деятельность.

Конкретизируя данное положение, рассмотрим состояние совокупного человеческого капитала в научной сфере как в натуральных (численность персонала, занятого научным исследованиями и разработками, численность исследователей по областям науки и др.), так и в стоимостных показателях, отражающих затраты на научные исследования и разработки, а также затраты организаций промышленного производства на технологические инновации по видам инновационной деятельности. По данным государственной статистики, среднегодовая численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, уменьшилась с 1990 по 1998 год в абсолютном значении в 2,5 раза, а начиная с 2000 г. изменяется незначительно. Что касается соотношения исследователей, техников и вспомогательного персонала, то в 2012 г. оно составляло 63,4, 7,2, и 29,4 % соответственно (табл. 1).

Среди исследователей – 4 % докторов и 16,8 % кандидатов наук, 79,2 % не имеют ученой степени. Обращает на себя внимание, что исследователей почти в 10 раз больше, чем техников. Это заставляет предположить, что исследователи либо перегружены техническими работами в ущерб научным, либо их функции не выходят за рамки технических работ. И то и другое не должно быть присуще инновационным разработкам.

Таблица 1. **Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, % к итогу**

Показатель	Год				
	2000	2005	2010	2011	2012
Численность персонала всего В том числе	100	100	100	100	100
исследователи	60,2	59,2	62,7	63,0	63,4
техники	7,8	7,2	7,1	7,2	7,2
вспомогательный персонал	32,0	33,6	30,2	29,8	29,4

Источник: [4, с. 414].

К концу 2012 г. в области технических наук было сосредоточено 59,5 % исследователей, естественных наук – 19,7 %, общественных наук – 7,2 %, медицинских – 5,2 %, сельскохозяйственных – 6,4 %, гуманитарных наук – 2,0 % (табл. 2). Анализ распределения численности исследователей по областям науки показывает, что основная их часть сконцентрирована в области технических наук – около 60 % от общей численности в научных организациях и вузах республики. Вместе с тем обеспеченность этой области науки исследователями высшей квалификации наименьшая. Доля докторов наук в области технических наук составляла в 2012 г. 1,8 %, кандидатов наук – 8,6 %, без степени – 89,6 %.

Таблица 2. **Численность исследователей по областям науки, % к итогу**

Год	Всего	В том числе по областям науки					
		естественные	технические	медицинские	сельскохозяйственные	общественные	гуманитарные
2000	100	23,8	54,4	6,3	5,7	7,0	2,8
2005	100	22,4	56,8	4,6	6,9	6,6	2,7
2010	100	21,1	59,1	5,3	6,3	6,5	1,7
2011	100	19,5	60,8	5,2	6,1	6,4	2,0
2012	100	19,7	59,5	5,2	6,4	7,2	2,0

Источник: [4, с. 4515].

Одним из главных стоимостных показателей научно-технического потенциала республики является доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в ВВП, составившая в 2000 г. 0,72 %, в 2005 – 0,68, в 2010 – 0,69, в 2011 – 0,70, в 2012 г. – 0,67 % (табл. 3). Снизившись с 1990 по 2000 год почти в 3 раза, доля расходов на науку находится вплоть до нынешнего времени скорее в режиме флуктуации, нежели активного роста. Для сравнения укажем, что, по опубликованным данным, в Великобритании и Франции уровень затрат на науку по отношению к ВВП составляет более 2 %, а в США и Германии – около 3 %. Примерно на этом уровне находились в 1990 г. и расходы на науку в Республике Беларусь, являясь одним из приоритетов экономической политики республики.

Мировой опыт показывает, что научно-технический прогресс остается наиболее стабильным фактором накопления финансовых средств для расширенного воспроизводства, дальнейшего развития инноваций и наиболее выгодной, хотя и наиболее рискованной, сферой помещения капитала. В экономически развитых странах ассигнования в науку не снижались даже в периоды экономических спадов и отличались более высокими темпами роста, чем в производство. Согласно мировому опыту, доля научных расходов в ВВП должна быть не менее 3 %. Пороговое же значение расходов на научные исследования и разработки, по отношению к ВВП, как одного из показателей экономической безопасности страны, принято считать равным 2 %. Из этого следует, что достигнутый в республике общий уровень развития научно-технической деятельности не может быть оценен как достаточный для государства, стремящегося к экономической и политической независимости в условиях ограниченных собственных сырьевых и энергетических ресурсов и сложной экологической обстановки. Соотношение фактического и порогового значений показателя затрат на научные исследования и разработки составляет в Беларуси 0,67 : 2, т. е. 0,4.

Таблица3. **Внутренние затраты на научные исследования и разработки из всех источников финансирования Республики Беларусь**

Показатель	Год				
	2000	2005	2010	2011	2012
Затраты на научные исследования и разработки – в фактически действовавших ценах (млрд. руб.)	66,0	441,5	1 140,6	2 081,9	3 537,8
– в процентах к ВВП	0,72	0,68	0,69	0,70	0,67

Источник: [4, с. 416].

Другим *стоимостным* показателем, отражающим состояние научной сферы в республике, является структура внутренних текущих затрат на научные исследования и раз-

работки по видам работ (табл. 4). Она свидетельствует о том, что более 1/2 затрат направляется на разработки (в частности, на создание новой продукции и технологий), включающие в себя проведение опытно-конструкторских (при создании изделий) и опытно-технологических (при создании материалов, веществ, технологий) работ. На фундаментальные исследования, реально изменяющие традиционный технологический уклад, затрачивается от 1/5 до 1/6 выделяемых средств.

Таблица 4. **Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ, % к итогу**

Год	Внутренние текущие затраты, всего	В том числе по видам работ		
		фундаментальные научные исследования	прикладные научные исследования	экспериментальные разработки
2000	100	19,0	24,0	57,0
2005	100	20,4	29,0	50,6
2010	100	16,5	25,9	57,6
2011	100	15,8	31,1	53,1
2012	100	14,5	36,8	48,7

Рассчитано по: [4, с. 417].

В организациях промышленного производства основные объемы затрат (66,2 %) идут на приобретение машин и оборудования; доля затрат на приобретение новых технологий и компьютерных программ составляет по 0,5 %, на обучение и подготовку персонала – всего 0,2 % (табл. 5). Истоки данной ситуации состоят в том, что, по данным Комплексной программы научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2001–2020 гг., 48,2 % действующих технологий использовалось еще до 1985 года. Из эксплуатируемых промышленными предприятиями 13,2 тыс. передовых технологий 31,4 % внедрены до 1994 г.; создано же за 2002 год 407 передовых технологий, 90 % из которых являются новыми только в Беларуси [5, с. 45-46].

Таблица 5. **Затраты организаций промышленного производства на технологические инновации по видам инновационной деятельности, % к итогу**

Статьи затрат	2012 год
Все затраты на технологические инновации, в том числе на:	100
исследования и разработки	10,6
приобретение машин и оборудования	66,2
приобретение новых технологий	0,5
приобретение компьютерных программ	0,3
производственное проектирование	22,1
обучение и подготовка персонала	0,2
маркетинговые исследования	0,1

Рассчитано по: [4, с. 420].

Анализ состояния и использования человеческого капитала в сфере науки Республики Беларусь приводит к выводу о том, что экономический оборот человеческого капитала за последнее десятилетие обусловлен обновлением устаревшей традиционно применяемой технологии и техники с целью поддержания непрерывного процесса воспроизводства и сопровождается подготовкой работников традиционных профессий на среднем для той или иной отрасли уровне. Анализ взаимосвязи натуральных и стоимостных показателей научно-технического развития свидетельствует об экономическом обороте человеческого капитала, настроенном на обновление традиционной техники и технологий. Для ин-

новационного оборота человеческого капитала его научно-технический потенциал представляется недостаточным, поскольку показатели этого потенциала ниже пороговых значений, определенных мировой экономикой [3, с. 19-24].

Состояние и использование человеческого капитала в сфере образования

Если мы размышляем о перспективах модернизации образования, то речь идет, прежде всего, о необходимости органического соединения в данном процессе двух важнейших современных тенденций. Первая из них заключается в том, что при всей своей традиционности система образования должна постоянно впитывать в себя новые идеи, представления, теоретические концепции, новые методы обучения и воспитания подростков и юношества. Без такого вновь и вновь воспроизводимого обновления содержания, форм, методов она не сможет активно, конструктивно и эффективно отвечать на новые вызовы, которые выдвигает перед ней стремительно, порой непредсказуемо изменяющийся социальный мир. Вторая состоит в становящемся все более востребованным усилении профессиональной ориентированности учебных программ и воспитательных практик, направленных на формирование не только образованного молодого человека, но и квалифицированного профессионала, способного быстро и качественно адаптироваться к стремительно изменяющимся потребностям современного рынка труда.

Конкретизируя данное положение, рассмотрим состояние совокупного человеческого капитала в сфере образования как в натуральных (численность и доля людей со средним, высшим и средним специальным образованием, структура уровней образования, число лет обучения и др.), так и в стоимостных показателях, отражающих образовательную емкость ВВП, объем и долю расходов на получение образования разного уровня. Уровень общеобразовательной и специальной подготовки является одним из наиболее значимых показателей, характеризующих человеческий капитал в образовательной сфере. Среднее число лет обучения в Беларуси составило, по итогам переписи населения 2009 года, 11,0 лет. В России, по опубликованным материалам, число лет обучения составляет 10,3 года и в настоящее время имеет тенденцию к снижению. Это несколько ниже требований, предъявляемых к образованию современным этапом научно-технического развития. В ведущих капиталистических странах к началу XXI в. подготовка рабочей силы достигала уровня 14 лет обучения.

Что же касается образовательной структуры человеческого капитала в Республике Беларусь, то (по данным переписи населения 2009 года) лица с высшим образованием составляли 17,9 % от всего населения в возрасте от 10 лет и старше; со средним специальным – 25,6 %; с профессионально-техническим образованием – 10,5; со средним общим – 22,3; с базовым общим – 12,6; с начальным образованием – 11,1 % [Образование…, 2013: 22]. Таким образом, доля лиц с высшим и средним специальным образованием составляла в начале XXI в. 43,5 % от уровня образования населения в возрасте от 10 лет и старше. Между тем в США, например, доля лиц с высшим и средним специальным образованием среди взрослого населения достигала в то же время 60 %.

За истекшее десятилетие (2000-2013 гг.) доля учащихся общеобразовательных школ уменьшилась на 10,8 %, а доля учащихся ПТУ – на 0,8 %. В то же время доля обучающихся в дошкольных учреждениях возросла на 1,7 %, доля учащихся средних специальных учебных заведений – на 1,4, а учащихся высших учебных заведений – на 8,5 % среди всех обучающихся (табл. 6). Таким образом, позитивная тенденция перестройки внутренней структуры в пользу высшего образования имеет устойчивый характер, однако остается актуальным вопрос востребованности этого образования в инновационно реформируемой экономике.

Таблица 6. **Структура образования в Республике Беларусь по уровням образования**

Показатель	Год				
	2000	2005	2010	2011	2012
Число дошкольных учреждений	44230	4150	4135	4109	4087
В них детей, тыс.	390,8	366,7	365,6	365,3	367,7
Число общеобразовательных школ[1]	4772	4187	4063	3927	3821
В них учащихся, тыс.	1547,6	1240,9	1179,3	1134,9	1083,2
Число профессионально-технических учебных заведений	248	230	228	225	224
В них учащихся, тыс.	137,7	114,6	114,4	105,1	99,0
Число средних специальных учебных заведений	156	204	205	204	206
В них учащихся, тыс.	150,3	154,1	152,5	155,0	157,3
Число высших учебных заведений	57	55	55	53	53
В них студентов, тыс.	281,7	383,0	396,9	413,7	420,7
В процентах к итогу					
Всего учащихся, в том числе:	100	100	100	100	100
Обучающихся в дошкольных учреждениях	15,6	16,1	16,6	16,8	17,3
Учащихся общеобразовательных школ	61,7	54,9	53,3	52,3	50,9
Учащихся ПТУ	5,5	5,1	5,1	4,8	4,7
Учащихся ссузов	6,0	6,9	7,0	7,1	7,4
Учащихся вузов	11,2	17,0	18,0	19,0	19,7

Рассчитано по: [4, с. 172, 174, 181, 184, 187].

Одним из главных стоимостных показателей состояния человеческого капитала в образовательной сфере является доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте Республики Беларусь (табл. 7). Несмотря на сложные экономические условия, государство стремится в пределах имеющихся ресурсных возможностей сохранять долю государственных расходов на развитие образования.

Таблица 7. **Расходы консолидированного бюджета Республики Беларусь на образование, %**

Показатель	Год				
	2000	2005	2010	2011	2012
Расходы консолидированного бюджета на образование, в процентах к ВВП	6,2	6,4	6,0	5,7	5,2
Расходы консолидированного бюджета на образование, в процентах от общих расходов консолидированного бюджета	17,4	13,3	16,8	18,1	17,5

Рассчитано по: [4, с. 256, 449; 6, с. 18].

С 2005 г. эта доля начала снижаться, однако, по предварительной оценке ЮНЕСКО, она остается сопоставимой с мировыми показателями (Швеция – 7,8 %, Франция – 5,8 %, Германия – 4,6 %, Канада – 5,5 %, Польша – 5,0 %). Эти показатели являются порогом эффективности, который позволяет обеспечивать экономический рост на инновационной основе. Стратегической целью является создание системы образования, соответствующей потребностям личности, общества и государства, формирование условий для ее дальнейшего развития, подготовки новых поколений к жизни и труду в гражданском обществе с устойчивой социально ориентированной экономикой.

Другим *стоимостным* показателем состояния человеческого капитала в образовательной сфере выступает структура затрат на различные виды образования (табл. 8).

Таблица 8. **Структура государственных расходов на образование, % к итогу**

Показатель	Год				
	2000	2005	2010	2011	2012
Всего расходов на образование	100	100	100	100	100
В том числе по видам: Дошкольное	21,0	15,8	19,0	21,1	21,4
Среднее общее	41,4	48,7	46,9	46,7	46,2
Профессионально-техническое	7,6	6,5	6,4	6,1	5,9
Среднее специальное	5,3	6,0	4,5	4,8	4,9
Высшее	9,6	11,9	12,6	12,5	13,0
Прочие расходы	15,1	11,1	10,6	8,8	8,6

Источник: [6, с. 18].

Анализ данных таблицы свидетельствует о стремлении сохранить государственные расходы на дошкольное образование. Вместе с тем наблюдается постоянная тенденция роста доли расходов на высшее и среднее специальное образование, так что в сумме они составляли в 2013 г. 17,9 % выделенных средств. Получается, что в 2013 г. затраты на дошкольное и общее среднее образование составили в республике 2/3 (67,6 %), а затраты на высшее и среднее специальное – менее 1/5 всех затрат на образование, что не дает достаточных оснований для успешного использования человеческого капитала в сферах *инновационной* деятельности. Эффективность инвестиций в сферу образования может быть увеличена за счет перестройки внутренней структуры этой сферы в пользу повышения доли *востребованного* высшего, а также профессионально-технического образования [3, с. 24–28].

Состояние и использование человеческого капитала в сфере здравоохранения

В дополнение к рассмотренным положениям, полагаем необходимым проанализировать состояние совокупного человеческого капитала в сфере здравоохранения как в натуральных (средняя продолжительность жизни, смертность населения по разным причинам, естественный прирост (убыль) населения, масштабы профилактических мероприятий и др.), так и в стоимостных показателях, отражающих объем и долю расходов на здравоохранение от ВВП, расходы на профилактические мероприятия и пропаганду здорового образа жизни, расходы на государственные (комплексные и целевые) программы. По данным Всемирной организации здравоохранения, состояние здоровья на 49–53 % определяется образом жизни человека и его личностным выбором в пользу благоприятных или неблагоприятных для здоровья альтернатив; на 18–22 % – генетическими и биологическими факторами, на 17–20 % – экологической средой; на 8–10 % – качеством медицинской помощи и эффективностью профилактических мер. Основные *натуральные* показатели, отражающие уровень и качество жизни населения Беларуси, представлены в табл. 9.

Таблица 9. **Основные показатели здравоохранения в Республике Беларусь**

Показатель	Год				
	2005	2010	2011	2012	2013
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет): все население	68,8	70,4	70,6	72,2	72,6
мужчины	62,9	64,6	64,7	66,6	67,3
женщины	75,1	76,5	76,7	77,6	77,9
Общий коэффициент рождаемости, на 1000 чел.	9,4	11,4	11,5	12,2	12,5
Общий коэффициент смертности на 1000 чел.	14,7	14,4	14,3	13,4	13,2
Общий коэффициент естественного движения	-5,3	-3,0	-2,8	-1,2	-0,7

Источник: [7, с. 16].

Проблема повышения общего коэффициента естественного движения состоит не только в том, как меняются общие показатели воспроизводства населения, но и в том, за счет каких причин и какими темпами это происходит. Так, в настоящее время позитивное влияние на демографические процессы (следовательно, на естественное воспроизводство человеческого капитала) оказывают структурные факторы. В активном детородном возрасте находится значительная часть населения, соотношение по полу и брачному состоянию благоприятно, в пенсионный возраст выходят малочисленные когорты военных лет рождения. Однако возрастная структура в ближайшие годы изменится и будет оказывать негативное влияние на демографические процессы. В активный детородный период войдут те, кто родился в 1990-е годы, когда рождаемость была низкой, а на пенсию выйдут многочисленные когорты родившихся в послевоенные годы. Прогнозы, проведенные Л. П. Шахотько по шести гипотетическим сценариям, показали необходимость мер по улучшению демографической ситуации на государственном уровне [8, с. 330–358].

В настоящее время ожидаемая продолжительность жизни у мужчин на 10–15 лет, а у женщин – на 5–10 лет ниже, чем в наиболее развитых странах мира, но несколько выше, чем в других странах СНГ. По оценкам ведущих отечественных и зарубежных демографов, биологическая разница в продолжительности жизни женщин и мужчин не должна превышать 2–3 года. Выяснение причин сверхсмертности мужчин имеет большое практическое значение, так как позволяет определить основные направления демографической политики, которые будут способствовать сокращению преждевременной смертности населения.

Состояние здоровья человека – это его естественный капитал, одна часть которого является наследственной, а другая – приобретенной в результате инвестиций в здоровье самого человека и общества. Данные республиканского социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси (2002–2013 гг.) свидетельствуют о том, что значимость здоровья как ресурса и капитала возрастает в ситуациях социально-экономической нестабильности, когда многие другие ресурсы (накопленные ранее сбережения, профессиональный статус, позиция на рынке труда и др.) начинают обесцениваться или становятся неустойчивыми и людям приходится активизировать свою трудовую и экономическую активность для сохранения и поддержания уровня и качества жизни (для этого как минимум нужно быть здоровым и трудоспособным).

Вместе с тем актуальной для Беларуси остается проблема табакокурения, алкоголизма, нарко- и токсикомании, крайне негативно влияющих на здоровье человека, а следовательно, на качество человеческого капитала и возможности его воспроизводства. Очевидно, что общество нуждается в утверждении новых ценностных приоритетов по от-

ношению к жизни и здоровью своих граждан и значимая роль здесь принадлежит государству.

Важнейшим стоимостным показателем состояния человеческого капитала в рассматриваемой сфере является доля государственных расходов на здравоохранение в валовом внутреннем продукте Республики Беларусь, составляющая примерно пять процентов расходов консолидированного бюджета от ВВП (табл. 10).

Таблица 10. **Расходы консолидированного бюджета Республики Беларусь на здравоохранение, физическую культуру и спорт, % к ВВП**

Показатель	Год				
	2000	2010	2011	2012	2013
Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение, физическую культуру и спорт, % к ВВП в том числе:	5,0	4,9	4,8	5,6	5,0
Республиканского бюджета	1,2	1,1	1,1	1,4	1,2
Местных бюджетов	3,8	3,8	3,7	4,2	3,8

Источник: [7, с. 202].

Приоритетным направлением развития охраны здоровья становится формирование здорового образа жизни; обеспечение стабильной работы учреждений здравоохранения; расширение мероприятий по профилактике заболеваний; совершенствование государственного регулирования в области обеспечения лекарственными средствами и изделиями медицинской техники. В этих целях успешно реализуется Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы, а также Концепция лекарственного обеспечения республики. В рамках Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» разработана и успешно реализуется Государственная программа по реорганизации первичной медицинской помощи населению республики, а также целевые программы, направленные на преодоление вредных привычек.

Для наиболее полного удовлетворения потребностей населения и лечебных учреждений в лекарственных препаратах расширяется их производство на основе технического перевооружения имеющихся производств, создания новых предприятий с максимальным использованием местной сырьевой базы. Реализуется ряд инвестиционных проектов, что позволит увеличить номенклатуру лекарственных средств, выпускаемых отечественной промышленностью, почти в два раза и соответственно – обеспечить устойчивый доступ практически всего населения к этим средствам [3, с. 28–33].

Таким образом, анализ взаимосвязи натуральных и стоимостных показателей свидетельствует о сохранении экономического оборота человеческого капитала в сферах науки и образования, при некоторой положительной динамике естественного оборота человеческого капитала в сфере здравоохранения населения Беларуси. Повышение эффективности использования человеческого капитала связано с изменением в государственных масштабах стратегии и тактики инновационного развития Беларуси, суть которых состоит в разработке механизмов развития новых технологических укладов производства и модернизации научно-технической и социальной сфер. В объективном плане – это приведение структуры научно-технического потенциала в соответствие с потребностями современного социального и научно-технического развития; более динамичное обновление научного производства (сейчас обновляется 3–4 % в год, тогда как требуется ежегодно обновлять 15–20 % приборного парка науки); научное обеспечение жизненно важных для республики промышленных производств. В субъективном контексте – это поддержка через государственные программы и мотивация носителей человеческого капитала к более

активным инвестициям в собственное образование и здоровье исходя из новой политики приоритетов, диктуемой инновационным развитием. Действия, предпринимаемые в этом направлении, имеют стратегической целью создание нормальных по мировым стандартам систем научной деятельности, образования и здравоохранения как основных предпосылок формирования и развития человеческого капитала в Республике Беларусь.

Библиографический список

1. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
2. Добрынин, А. И., Дятлов С. А., Цыренкова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: Формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренкова. – СПб.: Наука, 1999. – 309 с.
3. Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / Г.Н. Соколова [и др.]; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 304 с.
4. Здоровье населения Республики Беларусь, 2014 (Стат. сб.). – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2014. – 218 с.
5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редкол.: Я. М. Александрович и др. – Минск: Юнипак, 2004. – 202 с.
6. Образование в Республике Беларусь, 2013. (Стат. сб). – Минск: Нац. стат. Ком. Респ. Беларусь, 2013. – 232 с.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 (Стат. сб.). – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – 580 с.
8. Шахотько, Л. П. Модель демографического развития Республики Беларусь / Л. П. Шахотько. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 439 с.

ЖУРНАЛИСТСКИЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНКЕТИРОВАНИИ

Е. В. Баранова,

доктор политических наук, профессор, Институт журналистики БГУ, г. Минск

В постиндустриальную эпоху феномен информации становится основополагающим понятием современного мира. ЮНЕСКО определило её как фундаментальную субстанцию, пронизывающую все сферы человеческой деятельности. В философских работах утверждается, что информационные взаимодействия в природе и обществе всеобщи. В научной сфере под информацией понимается знания об окружающей действительности, причем те, которые ранее не были неизвестны.

На уровне лексического анализа смысловое значение глагола «информировать» – в переводе с латинского – трактуется как «составить понятие о чем-либо». Дефиниция «понятие» синонимируется с «представлением» – в значении «совокупность знаний о чем-либо» [2, с. 418].

Всё это позволяет говорить о журналистике – важнейшем механизме производства информации – не только как об инструменте отражения и конструирования действительности, но и как о научном исследовательском методе.

Здесь, с нашей точки зрения, прежде всего, имеет значение семантическая теория информации, выделяющая два её вида, внутреннюю (как характеристику организованности любой системы) и внешнюю (как средство организации любой системы).

Одновременно с семантичностью универсальным признаком информации является её адаптационность, выражающаяся в логической «доступности такого сообщения, которое получено от внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособ-

ления наших чувств» [1, с. 9]. Применительно к исследовательскому ресурсу журналистики в данном контексте можно говорить о двуединстве её информационной и коммуникационной составляющей, репрезентирующем объективное содержание явлений и вещей через особенности их понимания участниками информационного взаимодействия.

Пробным шагом в данном направлении является внедрение масс-медийных технологий в процесс социологического анкетирования. Авторский подход базировался на традиционном для медиалогии принципе «включенности» коммуникатора в исследуемую общественную среду – что позволяет отразить ее в деталях в последующих журналистских выступлениях. Согласно журналистской теории и практики «деталь», при оценке реалий, является не менее, а иногда и более говорящим аргументом чем факт – что коррелируется с философией отражения общего в единичном. Интерес же социолога к «подробностям жизни» вызывает эмоциональный отклик респондента, устанавливает между ними обратную связь – что привносит элемент межличностной коммуникации в социологическое анкетирование как форму дистанционного общения.

Сформулированный таким образом метод соответствовал теме социологического опроса, ориентированного на анализ социального самочувствия населения конкретной административно-территориальной единицы – Первомайского района г. Минска[1].

В качестве основной дефиниции взята формулировка социального самочувствия как «интегральной» характеристики, отражающей синтез самочувствий индивидуальных, законом связи которых в рамках целостности выступает релевантность их относительно общих условий жизнедеятельности в конкретном сообществе: от коллектива – до населения данной территории». [3, с. 84].

В анкету были включены вопросы, позволяющие через «деталь» высветить оценку населением качества окружающей их жизни. Это, прежде всего, проявляется в ответах респондентов на вопросы об их личном самочувствии. Как показали результаты анкетирования, здесь главным позитивным ориентиром выступает фактор материальной обеспеченности – 48,5 %. Превалируя над «успехом и карьерой», «разнообразной и увлеченной жизнью», «ощущением своей востребованности» и др., он, на первый взгляд, в условиях экономической либерализации способен превратиться в доминанту всех жизненных ценностей. (см.:табл. 1):

Таблица 1.**Оценка респондентами своего личного самочувствия (**Распределение ответов на вопрос «Что положительно влияет на Ваше личное самочувствие?»)*****

Факторы	**%**
материальная обеспеченность	*48,5*
успех и карьера	14,2
хорошая физическая форма	21,7
здоровый образ жизни	24,9
разнообразная и увлеченная жизнь	15,5
проведение времени со своей семьей	23,0
хорошие отношения с окружающими	12,0
возможность отдыха	14,2
обеспеченность работой	6,8
надежность дружбы	2,3
ощущение своей востребованности	8,7
постоянная интеллектуальная работа	2,3
ощущение контроля над своей собственной жизнью	3,6

**Что положительно влияет на Ваше личное самочувствие? (не ответил 1 человек)*

[1] Анкетирование проводилось на основании Соглашения о сотрудничестве между Академией управления при Президенте Республики Беларусь и администрацией Первомайского района г. Минска. Автор данных тезисов является автором аналитической записки.

Таблица 2. **Оценка респондентами своего личного самочувствия (**Распределение ответов на вопрос «Что отрицательно влияет на Ваше личное самочувствие?»)*****

Факторы	**%**
Финансовая озабоченность	*68,8*
Давление со стороны коллектива и семьи	26,2
Излишне критическое отношение со стороны семьи или друзей	8,0
Боязнь потерять работу	7,6
Плохое питание	4,7
Одиночество	11,6

**Что отрицательно влияет на Ваше личное самочувствие? (не ответили 9 человек)*

Однако, при детальном рассмотрении, картина выглядит иначе: деньги для большинства опрошенных являются не самоцелью, а компонентой жизненной устойчивости в широком понимании этого слова. Ведь аналогичное число респондентов – 45,8 % – показали, что их трудовую активность стимулирует стремление не к накопительству, а к материальной стабильности (богатство же как наиболее актуальную ценность назвали немногие). И, если учесть, что равнозначный процент проанкетированных – 46,9 % – хотят сохранить привычный род занятий, – можно говорить о том, что имеющийся уровень материального обеспечения их, в принципе, устраивает.

Соотнесенность жизненных ориентиров населения с реальным качеством жизни легко просматривается и через их отражение в собственно лексической структуре: понятие «устойчивость» выступает в роли ключевого слова при характеристике социально-экономического фона конкретной территориальной единицы.

С акцентом на «подробности» составлялась и анкета с вопросами по организации быта. Выяснилось, что в районе есть немало мест, где можно отдохнуть на свежем воздухе; проживающих устраивает работа общественного транспорта; примерно треть опрошенных, отовариваются в близлежащих продуктовых магазинах

На обобщающий вопрос: «Нравится ли Вам жить в этом районе?» – положительно ответили 80,3 % при отрицательном ответе – 2,8 %; на вопрос: «Удовлетворены ли вы своей жизнью?», – соответственно 65,3 % и 34,7 %.

Ощущение материальной обеспеченности, социальной адаптированности, бытового комфорта (что является, по мнению экспертов, основными индикаторами социального самочувствия) вызывает доверие населения к органам власти. Именно «доверие между населением и властью» работники административного аппарата назвали «важнейшим элементом социального капитала в деятельности управленческой структуры».

Однако проблемно выглядит реализация функции связи с общественностью, что проявляется опять-таки в детализованных оценках респондентов. Например, только 10,8 % из общей совокупности опрошенных жителей сами инициировали встречи с представителями руководства района, только 6,8 % – с депутатом местного совета, за которого они голосовали. Часть своей прибыли на поддержку осуществляемых в своем районе социальных проектов направили 32,4 % опрошенных предпринимателей – при отрицательном ответе 67,4 %. О событиях в районе – 74,8 % респондентов узнают через СМИ. При этом порядка 60 % – субъективно не относят себя к читателям региональной прессы и практически никто (96,9 %) не обращается в нее с заинтересованными вопросами.

Таким образом, рассмотренные в деталях эмпирические показатели социального самочувствия подводят к теоретическому осмыслению задач, оптимизации субъектно-объектного взаимодействия в системе местного управления и самоуправления. Речь идет о необходимости усиления и постоянного развития обратной связи между управляющими и управляемыми. Именно наличие обратной связи квалифицирует администрацию и общественность в качестве субъектов социально-политических отношений:

– аппарат исполнительных органов государственной власти (администрация) является проводником установок Главы государства и правящей элиты в целом в процессе проведения государственной политики в жизнь;

– феномен общественности состоит в делегировании своих полномочий в государственной системе управления.

Соответственно, категории "администрация" и "общественность" находятся в диалектической зависимости. Это обусловливает взаимоидентификацию субъекта и объекта управления, при которой субъект воспринимается объектом как представитель его личных взглядов и интересов.

Библиографический список

1. Лапина, М. А. Информационное право. – М.: ИНИТИ. – 2004 г.
2. Словарь синонимов. – Ленинград: Наука. – 1975 г.
3. Шавель, С. А. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ / С. А. Шавель, Л. П. Галич // Социология. – № 1. – 2012. – С. 76–95.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОСТИ ТЕОРИИ СЛОЖНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е. М. Бабосов,
доктор философских наук, академик НАН Беларуси,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Первые пятнадцать лет XXI столетия отчетливо продемонстрировали, что наиболее характерные тенденции развития современного мира становится траектория нелинейности, поливероятности, непредсказуемости, отягощенных столкновениями интересов, конфликтными противостояниями и глобальными социальными турбуленциями. Это развитие как на уровне мирового сообщества государств, так и на уровне каждой страны, свойственных им экономических, политических, социокультурных идентификаций представляет собой сложную структурно иерархизированную социальную систему. Поэтому в течение названного периода актуализировалось исследование и истолкование социологией, политологией, психологическими и экономическими явлениями науки изучаемых явлений и процессов в теоретико-методологическом ракурсе заимствованной из математики и модифицированной применительно к социальной реальности теории сложности.

В многоаспектных вариантах математически истолкованной теории сложности широко используются теория чисел, комбинаторика, теория алгоритмов, аксиоматическая теория множеств, теория вероятностей, теория многомерных пространств, теория динамических систем, исследование операций, каузальных нелинейных систем и др. В одном ряду с ними находят крупномасштабное применение ставшее общенаучными разработанная Людвигом фон Берталанфи общая теория систем, Норбертом Винером принципы кибернетики – науки об управлении в сложных системах, Джеем Форрестором теория системной динамики, Ильей Пригожиным теория взаимодействия хаоса и порядка, странных атракторов, бифуркаций и фракталов, а также академиком Никитой Николаевичем Моисеевым концепция коэволюции биосферы и социальных систем. В этом же ряду находятся и сформулированы Стивеном Хокингом антропный принцип, согласно которому с самого начального момента зарождение Вселенной создаются предпосылки и условия формирования и развития человека.

Если обобщить разнородное и разноречивое множество упомянутых диалектических доктрин, то можно прийти к выводу, что в теории сложности основным теоретико-методологическим каркасом являются шесть взаимосвязанных позиций: 1) чувствительность к первоначальным условиям возникновения и развития системы; 2) самотождественность системы на всех этапах ее эволюции; 3) саморазвитие и самовоспроизводство системы; 4) самоорганизация системы; 5) постоянное взаимодействие системы с окружающей средой в

процессе развертывания которого непредсказуемый хаос превращается в более ил менее стабильный системный порядок; 6) в становлении и развитии Вселенной от первоначального «большого взрыва» и до настоящего времени действует антропный принцип, приводящий к формированию и развитию мыслящего и преобразующего окружающий мир человека.

В процессе перехода от конкретных проявлений сложности перейти к их объяснению и истолкованию, то мы неизбежно придем к выводу, согласно которому важными атрибутами теоретического осмысления сложных явлений и процессов являются многозначность, рациональность, применение теоретико-вероятностных методов, построение сложных математических и имитационных моделей, доказательность и верифицируемость эксплицирующих их особенности теоретических конструкций.

С учетом изложенного можно концептуализировать рассматриваемое понятие. Оно гласит: *сложная система – это многомерный, иерархически структурированный и сложноорганизованный социальный феномен, состоящий из множества взаимообусловленных составляющих частей, взаимодействия которых приводит к таким качественным состояниям данной системы, которые отсутствуют на подсистметном уровне и не могут быть выведены из свойств составляющих ее компонентов.*

Характерная особенность сложной системы заключается в том, что совместимость элементов и их интегративное взаимодействие создают мощный резонансный эффект – силу, значительно превышающую сумму сил, производимых этими элементами по отдельности. Следовательно, важной отличительной чертой сложной системы является э*мерджентность* ее качественных состояний, являющаяся результатом взаимоусиливающего действия составляющих ее элементов и непрерывных процессов, в которые она вовлечена. А это означает необходимость в процессе теоретического осмысления и экспликации сложных систем сфокусировать внимание не на действиях составляющих их частей, а на их взаимодействиях.

Такая ориентированность теории сложности в её применении к социально-стратификационным трансформациям и иным социальным процессам даёт возможность выделить несколько её наиболее существенных отличительных особенностей. Они состоят в следующем (рис. 1).

Рис. 1. Структурная архитектоника сложной системы

Если мы учтем множество прямых и обратных связей и усиливающих друг друга взаимодействий девяти охарактеризованных компонентов сложной системы, то придем к неизбежному выводу, согласно которому такая система взаимодействует с окружающей её внешней средой не только в пределах целесообразного или приспособленческого поведения, но и по всем возможным, многообразным направлениям жизнедеятельности человека, составляющего сущностное ядро данной системы, в окружающей его объективной реальности. Следовательно, правильно понять и теоретически эксплицировать сложную систему можно только в том случае, если мы представим в качестве её системообразующего стержня большое число человековзаимосвязанных и динамически развивающихся её элементов.

Применение теории сложности в социологических исследованиях имеет несколько наиболее актуальных направлений. Первое из них связано с применением данной теории к управленческой деятельности в сфере политических и экономических отношений. Лауреат Нобелевской премии Г. А. Саймон выдвинул и обосновал широко известную теорию «Органической рациональности», согласно которой в условиях нелинейного, противоречивого и зачастую непредсказуемого по своим последствиям экономического и социально-политического развития складываются ситуации, когда человек, принимающий решения, руководствуется уровнем устремлений, который он считает для себя не максимально рациональным, а удовлетворительным. Он первым включил психологические факторы в теорию принятия решений. В своей нобелевской лекции Г. Саймон говорил: «Если лица, принимающие решения, рациональны настолько, насколько позволяют им их ограниченные способности к вычислениям и несовершенная (неполная) информация, тогда, между нормативной и дескриптивной теориями принятия решений возникает тесная взаимосвязь», вследствие чего они концентрируют свои действия «в поиске удовлетворительных, а не оптимальных решений» [6, с. 331–334].

Выстраивая альтернативу классической доктрине абсолютной рациональности Г. Саймон подчеркивал, что рациональные формы человеческого поведения не исчерпываются небольшим числом инвариантов, а «процесс принятия деловых решений больше соответствует предположениям ограниченной, нежели полной (или совершенной) абсолютной рациональности». Поэтому в условиях возрастающей неопределенности и неполноты информации «в недалеком будущем теории ограниченной информации» займут одно из центральных мест в господствующем направлении экономической мысли» [6, с. 339].

Огромное количество эмпирических исследований, по утверждению Г. Саймона, убеждают в том, что нахождение оптимального управленческого решения представляет собой «поиск среди зачастую необъятных и беспредельных проблемных пространств». В силу этого «в большинстве случаев решения находятся после исследования лишь очень небольшой части всего пространства. Критерии разумной достаточности останавливают поисковый процесс сразу же, как только обнаруживаются удовлетворительные – с точки зрения рассматриваемой проблемы – решения. Таким образом, очевидно, что данный подход к решению проблем соответствует изложенным мной взглядам на ограниченную рациональность» [6, с. 346].

Лауреат Нобелевской премии Джозеф Е. Стиглиц развивает новое направление в теории управления экономическими системами, которые он назвал информационной политической экономией. Ее отличительной особенностью является признание приоритетной «роли информации в политических процессах, в принятии коллективных решений». Он считал, что «существует асимметрия информации между управляющими и управляемыми». Поэтому «необходимо искать способы, которые могли бы сократить масштаб информационной асимметрии в политических процессах и минимизировать ее последствия».

В своей нобелевской лекции он подчеркивал, что «производительность соотносится с *моралью,* с восприятием того, насколько *справедливо* работодатели обращаются с наемными работниками». Поэтому в теории и практике управления необходимо обратить первостепенное внимание на использование «человеческих ресурсов». По его убеждению

«перспективы новой информационной парадигмы» сформировали не только новые теоретические подходы к политике, … но и в целом ряде конкретных случаев приводят «к новым политическим решениям», доказывая, что «внутреннее вознаграждение, например, чувство служения обществу может быть гораздо эффективнее, чем внешнее, к примеру, денежная компенсация», когда индивиды стремятся, «чтобы коллективно претворять в жизнь свое понимание коллективных интересов». Следовательно, необходимо «делать все, что в наших силах, для создания такого мира, в котором прибавилось бы не только экономического благосостояния, но и социальной справедливости».

Значительное количество новых подходов к осуществлению процессов управления предлагает всемирно известный эксперт в области менеджмента, основатель и директор Adizes Institute в Лос-Анджелесе (США) Ицхак Кальдерон Адизес. Он убежден, что в условиях современного быстроизменяющегося мира, в котором возрастает уровень неопределенности, в управленческой деятельности «смена парадигмы актуальна как никогда». Развивая эту идею он пишет: «необходима новая парадигма теории управления, универсальная теория ... Если она будет социальной и станет способствовать демократическим процессам, это приведет к превосходным экономическим результатам». По его утверждению, важнейшая задача современного управления заключается в том, что надо решать не только сегодняшние проблемы, но и «готовиться к завтрашним. А это означает управление изменениями». Но все изменения, которые происходят с окружающей действительностью, в первую очередь в управленческой деятельности, осуществляются людьми, поэтому необходимо отдавать себе отчет в том, что «работа менеджера – это, прежде всего, управление людьми».

Смена парадигмы в управлении проявляется в том, что резко возрастает применимость и значимость креативного и стратегического управления. Основные особенности креативного управления состоят в том, что в условиях развития информационного общества, базирующегося на экономике знаний и высоких технологиях, происходит переход от свойственных доинформационному стилю управлению субъект-объектных управленческих отношений к творческим субъект-субъектным отношениям, в которых существенно возрастает значимость элементов креативности и инновационности как основных параметров управленческих решений и действий. Главным принципом креативного управления является управление людьми, их знаниями и реализацией этих знаний в профессиональных навыках в повседневном труде. Существенная особенность креативного управления состоит в том, что чаще всего наиболее эффективными оказываются парадоксальные решения, которые для многих, в первую очередь конкурентов, становятся неожиданными, непредвиденными, но действуют в соответствии со стратегической целеустановкой данной социальной системы.

Креативное управление составляет важное звено управления стратегического. Стратегическое управление – это многозвенный процесс, имеющий достаточно длительный по времени горизонт развертывания. Например, разработанная и начавшая осуществляться в 2015 году в Беларуси стратегия социально-экономического развития исходит из высшей стратегической цели страны – обеспечить такой рост экономики, политического и социокультурного развития, который позволит повысить качество жизни народа до среднеевропейского уровня. Под эту цель подводятся запланированные параметры необходимых ресурсов (кадровых, финансовых, научно-технических, социокультурных и т.п.), организационно-институциональных трансформаций др.

Применительно ко второму направлению использования сложности в социологических исследованиях на передний план выдвигается выявление, теоретическое осмысление и практико-ориентированное изучение новых трендов в социально-стратегиционной динамике современного общества. Здесь вырисовывается обширный ареал новых социально-стратегиционных трансформаций, носящих существенные изменения в структуру современного общества. В рамках данного направления следует досконально изучить и теоретически эксплицировать динамику стратификационной структуры, основные тренды

трансформации демократических основ этих процессов, особенности этнонациональной динамики, социокультурной обусловленности стратификационных трансформаций, структуру и динамику доходов, их влияние на все стороны жизни общества. Предстоит также исследовать место и роль в стратификационных изменениях социальных слоев предпринимателей, менеджеров, интеллектуально-творческой элиты, высшего слоя, среднего класса, базового слоя в их стратификационной социодинамике (см. рисунок 2).

Обострившийся в последние годы кризис системы международной безопасности о чем убедительно говорили в общей дискуссии 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в конце сентября 2015 года президенты России и Беларуси В. В. Путин и А. Г. Лукашенко, возвращает мировое сообщество государство к элементам блокового противостояния и тем самым несет в себе новые угрозы национальной и глобальной безопасности. В связи с этим приобретают новые грани актуальности и значимости конструктивистские подходы к обеспечению безопасности, теоретико-методологической основой которых является теория сложностей. Санкционные войны, ведущиеся странами запада в отношении Беларуси и России, тоже не добавляют стабильности и взаимопонимания в сфере безопасности. К тому же следует иметь в виду, что в настоящее время сферой особого внимания с точки зрения безопасности становится информационное пространство. Здесь противостояние не уступает реальным боевым действиям. Во многом мы научились противостоять таким атакам, но бдительности терять ни в коем случае нельзя.

Рис. 2. Стратификационная матрица современного белорусского общества

В процессе обеспечения национальной безопасности, необходимо принимать во внимание и происходящие потрясения происходящие по дальней от Беларуси дуге. С усилением миграционных потоков оттуда в европейские страны стало очевидной угроза распространения международного терроризма в восточно-европейском регионе.

Надежным фактором стратегического сдерживания и гарантом обеспечения военной безопасности Республики Беларусь являются ее вооруженные силы. Принципиальную важность имеет стратегическая направленность их деятельности, заключающаяся в том, что в современных условиях боеспособные и боеготовые вооруженные силы Беларуси являются, прежде всего, не инструментом ведения войны, а важнейшим средством ее предотвращения. В процессе их реформирования в соответствии с основными положениями Военной доктрины Республики Беларусь и Концепции ее национальной безопасности оптимизирована численность и организационная структура белорусской армии. Наряду с переходом на двувидовую структуру, включающую в себя два основных ее вида - сухопутные войска и военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны, осуществлены структурные преобразования в видах вооруженных сил. В составе сухопутных

войск, в частности, созданы и развиваются войска мобильного компонента, общевойсковые соединения постоянной готовности, а также воинские части специального назначения, готовые и умеющие проводить различного рода специальные операции. На эти воинские части возлагаются разведывательные операции, а также участие в антитеррористической и контрдиверсионной и радиоэлектронной борьбе. Развивается еще одно новое направление в деятельности армии – обеспечение территориальной обороны, связанное с охраной государственной границы, защитой важных объектов, участием в борьбе с десантно-диверсионными силами, проведением инженерных мероприятий по подготовке к обороне населенных пунктов в интересах в случае необходимости эффективной вооруженной защиты государства и народа. В таких условиях обнавленная архитектоника национальной безопасности беларуси может быть визуально представлена в виде рис. 3.

Для обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь важное значение имеет последовательное развитие и укрепление политического, экономического научно-исследовательского, военного и военно-технического сотрудничества с Российской Федерацией, а также повышение эффективности действия Организации Договора о коллективной безопасности.

Рис. 3. Основные компоненты системы национальной безопасности

Обостряющийся кризис международной системы безопасности приводит к следующему выводу: в полной мере обеспечить безопасность можно только сообща, в первую очередь в союзе России и Беларуси. Это – во-первых, а во-вторых, путем усиления совместных действий в рамках начавшего функционировать с января 2015 года Евразийского Союза России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. Для этого необходимо продолжить всемерную модернизацию вооруженных сил и их технического оснащения в странах, входящих в данное интегративное объединение, которое позволяет каждой из входящих в него стран обеспечить эффективную национальную безопасность и тем самым внести существенный вклад в упрощение международной безопасности.

В настоящее время в Беларуси разрабатывается новая военная доктрина, проект которой уже подготовлен и до конца 2015 года будет рассмотрен и после обсуждения утверждён на заседании Совета Безопасности страны. Главная задача этой доктрины видится в том, чтобы обеспечить социально-политическую стабильность внутри страны и не допустить здесь любой дестабилизации с учетом того, что в последнее время по соседству с Беларусью сложилось несколько неблагоприятных тенденций, содержащих в себе угрозы обеспечению ее безопасности. Это прежде всего украинский кризис, воплощающийся в том, что у белорусских соседей идет силовая борьба за сферы влияния, растут преступность и неконтролируемое распространение оружия, осуществляется резкая переориентация Украины в сторону Запада и военного блока НАТО. В итоге этого Беларусь может получить соседство недружественных военных контингентов, а это, конечно же, напрямую оказывает влияние на безопасность страны.

Очевидная нарастающая угроза безопасности в Европе, в том числе в Беларуси и России – усиливающееся стремление США и их союзников закрепить за собой ведущую роль в современном мироустройстве. Это выражается, во-первых, в прогрессирующей милитаризации в граничащих с Беларусью на Западе и Севере, и Юго-Западе странах, а во-вторых, в обостряющемся кризисе со сложившейся и закрепленной созданием ООН международной системы безопасности. Все это необходимо учитывать, выстраивая эффективно действующую архитектонику национальной безопасности Беларуси и России и укрепление ее роли в функционировании глобальной безопасности.

Третье направление применения теории сложности к исследованию социальных систем составляет социологическая экспликация инновационных процессов. Исходное в данном случае понятие можно определить следующим образом: *инновация представляет собой основанное на новых идеях и научных знаниях создание новых технологий и технических новшеств, их воплощение в новых видах товарной продукции и услуг, способствующее росту их эффективности и удовлетворения различных запросов потребителей, а также совершенствованию социальных процессов и управления ими.*

Такая трактовка дает возможность выделить основные отличительные черты инновации. Ими являются:

а) целенаправленный характер инновационной деятельности;

б) наличие новизны получаемых результатов (идей, методов, технологий, продукции и т.п.), т.е. их качественное отличие от ранее существовавших аналогов;

в) завершенность и практическая применимость полученных результатов;

г) повышение конкурентоспособности создаваемых товаров и услуг и получение преимуществ рыночного позиционирования на внутренних и внешних рынках;

д) получение более высокого экономического, социального, экологического, научно-технического, образовательного, социокультурного и управленческого эффекта.

Процесс создания и распространения инновации обладает довольно сложной структурой, основные компоненты которой складываются в сложноструктурированную сеть, включающую в себя: формулирование новых идей, конструирование новых методов и технических (технологических) разработок, создание новых товаров и услуг, а также разработку и реализацию новых социальных проектов, сопровождаемые соответствующими научными, техническими, организационными, финансовыми и социально-управленческими мероприятиями.

Все изложенное позволяет сделать вывод, согласно которому инновационная деятельность представляет собой многогранный, многокомпонентный процесс, включающий в себя семь взаимосвязанных элементов:

1. создание инновационного потенциала;
2. инициацию инноваций;
3. маркетинг инноваций;
4. производство инноваций;
5. реализацию инноваций;

6. оценку экономической и социальной эффективности инновации;
7. управление инновационной деятельностью.

Вследствие возрастающей значимости инноваций в современном информационном обществе важную роль выполняет разработка и реализация национальной (государственной) инновационной системы. Эта система представляет собой комплекс социальных институтов и организаций различных форм собственности, взаимодействующих в процессе генерирования новых научных идей, подготовке кадров, обладающих развитым инновационным потенциалом и инновационной культурой, производством, трансфером и реализацией инновационной продукции и осуществляющих свою деятельность в рамках проводимой государством научно-технической и инновационной политики.

Библиографический список

1. Адизес, И. К. Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что изэтого следует. Новый взгляд на менеджмент. М: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2012. С. 17.
2. Адизес, И. Политическое озарение. М. Рид Групп, 2012. С. 53
3. Бабосов, Е. М. Социология управления. – 6-е издание. Минск: Тетра Системс – 2010.
4. Бабосов, Е. М. Социально-стратификационные факторы обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь. Минск, ИООО «Право и экономика», 2008.
5. Бабосов, Е. М. Обеспечение эффективной национальной безопасности – незыблемый гарант успешной модернизации страны // Е. М. Бабосов Модернизация социальных систем. Минск «Беларуская навука». 2014. С. 225–251.
6. Саймон, Г. А. Рациональное принятие решений в бизнесе // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов Т. V. Книга 1. М.: «Мысль». 2004.
7. Стиглиц, Дж. Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов Т. V. Книга 2. М: “Мысль”. 2005.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ РЫНКА PO&MR РОССИИ

Н. В. Дулина,
доктор социологических наук, профессор,
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград
В. В. Токарев
кандидат технических наук, доцент,
Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик», г. Волгоград

Одной из примет современной России стало развитие неакадемической социологии и появление регионального сегмента рынка социологических и маркетинговых исследований (Public Opinion & Market Research – PO&MR) [7]. Этот сегмент рынка достаточно успешно развивается, о чем могут свидетельствовать, например, оценка стоимости исследовательского бизнеса на рынке [5; 6], и создаются условия, когда появляется возможность говорить об институционализации данной отрасли PO&MR в стране [7; 8]. Как свидетельствуют результаты исследований, рынок PO&MR в России подвижен и включает в себя в настоящее время около 70–100 компаний в столицах и 250–270 в регионах [7].

В качестве доказательной базы высказанного выше утверждения могут служить результаты инициативного социологического исследования, которое вот уже более десяти лет проводится Ассоциацией региональных исследовательских центров «Группа 7/89» (Ассоциация). Проект реализуется под названием «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний» («РИК»)». Отметим, что это не единственный реализуемый Ассоциацией инициативный проект, есть и другие, например, «Согласованная таблица цен на типовые виды исследовательских работ» [2], «Стоимость исследовательского бизнеса» [5; 6] и др.

В 2015 году была завершена уже одиннадцатая волна проекта «РИК». Результаты всех волн исследования в том или ином виде обязательно выносятся на публичное обсуждение (на съездах Ассоциации, научных и практических конференциях различного уровня, социологических конгрессах, вебинарах и т. д., либо находят свое отражение в научных публикациях [1; 3; 9–13]. Самые первые результаты этого проекта были вынесены на суд публики еще в 2005 году [4]. Понятно, что по мере своего развития, этот проект претерпевал некоторые изменения, но неизменными оставались его цель – профессиональное оценивание компаний–заказчиков полевых работ для организаций, размещенных в регионах России, и объект исследования – компании, дислоцирующиеся в регионах России и выполняющие субподрядные работы по заказам столичных и региональных компаний. В 2015 году изменения, внесенные в технологию реализации проекта, касались, прежде всего, использованных методов. Кроме двух традиционных инструментов: анкетный опрос руководителей региональных исследовательских компаний (направленная выборка, опрошено 70 компаний) и «ТелеОпрос РИК» – CATI-опрос компаний по базе данных «Группы 7/89» (сплошная выборка, опрошено 259 компаний), было проведено еще и качественное исследование, направленное на анализ причин наблюдающихся изменений (фокусированная групповая дискуссия в формате скайп-сессии). Заметим, что внесение изменений в методику проведения исследования, не привело к снижению его качества: полученные в 2015 году результаты хорошо «встраиваются» в выделенные в прошлые годы тенденции.

Можно утверждать, что всякое исследование внутри проекта – уникально, поскольку любая компания, даже принимающая участие в исследовании из года в год, меняется. Кроме того, не столько «объект исследования» (генеральная совокупность), сколько структура выбор-

ки из года в год меняется в большей или меньшей (в 2015 году – в большей) степени. Их совместные изменения и создают изменения рынка в целом.

Исследование 2015 года подтвердило, что региональный сегмент рынка PO&MR существует и продолжает развиваться. Однако результаты этой волны проекта позволили выявить ряд противоречий. Так, например, анализ результатов расчета «по выборкам в целом» позволяет увидеть следующее: а) число сотрудников как минимум не убывает (среднее значение в 2014 году – 10,7, в 2015 – 10,9); б) число «самых маленьких» компаний сокращается (в 2014 году – 40 %, в 2015 – 34 %); в) возрастает число компаний, в которых от 11 до 20 сотрудников. Однако, сопоставление результатов 2014 и 2015 года по «ядру компаний» говорит об обратном: среднее число сотрудников скорее сокращается (с 11,2 до 10,4). Сокращение происходит за счет размывания компаний «чуть крупнее минимума».

Как показывают результаты проекта, исследования, являются либо основным, либо единственным видом деятельности региональной компании: а) более, чем в половине случаев, компания занимается «только исследованиями»; б) в то же время, в 2015 году средняя доля неисследовательских работ в компаниях, попавших в выборку, повысилась. Но анализ по «ядру компаний» говорит об обратном: компании стремятся к диверсификации. Однако «смежные» области, видимо, «падают» едва ли не быстрее, чем собственно отрасль исследований.

Если оценивать масштабы деятельности региональных исследовательских компаний, то можно сказать, что в течение 2014 года наблюдался рост оборотов компаний и выработки на сотрудника (в рублях), в долларовом выражении – наблюдается падение. Как правило, основной вклад в бюджет региональной компании дают три источника: а) полевые проекты от столичных компаний – более 50 % оборота; б) собственные проекты полного цикла (как правило, для местных заказчиков) – около 25 % оборота; в) прочие виды деятельности (порою – весьма экстравагантные). Следует заметить, что на протяжении ряда лет наблюдалась тенденция к сокращению доли полевых работ в бюджете, но в 2015 году эта тенденция прервалась. Можно предположить, что причиной этого является сокращение собственных полноцикловых проектов.

Ограниченные рамки данного материала не позволяют представить все результаты, полученные в ходе исследования 2015 года, остановимся на наиболее значимых. В полученных в ходе исследования данных прослеживаются следующие тенденции: а) в большинстве случаев оценки по ресурсам «сближаются» – исчезают явные «лидеры» и «аутсайдеры». Справедливости ради заметим, что есть и исключения (ФОМ, РОМИР, ряд других компаний); б) так же, как и в прошлые годы, наибольшие изменения в совокупном рейтинге наблюдаются в средней части списка – лидеры и аутсайдеры от года к году не меняются; в) динамические ряды оценок по ресурсам хорошо интерпретируются и вполне соответствуют качественным представлениям о ситуации и здравому смыслу.

Оценивая ситуацию в региональном сегменте рынка PO&MR России на основе данных, полученных в ходе реализации проекта «РИК»**,** можно заключить, в настоящее время она не самая благоприятная, но несмотря на сложную ситуацию в экономике страны, региональные исследовательские компании не только выживают, но и продолжают, как сейчас говорят экономисты, свой «заторможенный рост». В целом рынок PO&MR, как представляется, за последние годы приобрел вполне цивилизованный вид в нашей стране, заменив спонтанное и экспериментальное поведение на вполне предсказуемое поведение, которое уже ожидается, моделируется, регулируется участниками рынка.

Библиографический список

1. Дулина, Н. В. Рейтинг региональных исследовательских компаний: основные результаты / Н. В. Дулина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 2(7). – С. 64–73.
2. Дулина Н. В., Токарев В. В. Опыт проведения исследования «Согласованная таблица цен на типовые виды исследовательских работ» // V социологическая Гру-

шинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». 12–13 марта 2015 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2015. – С. 645–648.
3. Дулина, Н. В., Токарев, В. В. Тенденции развития региональных рынков социологических и маркетинговых исследований / Н. В. Дулина, В. В. Токарев // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2014. – С. 275–278. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Звоновский, В. Б. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний» / В. Б. Звоновский // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2005. – № 2. – С. 11–20.
5. Муратова, И. Н. Основные экономические показатели компаний – членов группы «7/89» / И. Н. Муратова // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2014. – С. 286–290. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
6. Муратова, И. Н. Оценка стоимости исследовательского бизнеса на примере компаний – членов Ассоциации «Группа 7/89» / И. Н. Муратова // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2014. – С. 283–286. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. Проценко, С. Н. Тенденции развития и институционализации отрасли исследований в России / С. Н. Проценко // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2014. – С. 291–293. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Токарев В. В., Дулина Н. В. Институционализация неакадемической социологии в России // V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». 12–13 марта 2015 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2015. – С. 670–673.
9. Токарев, В. В., Дулина, Н. В. Рынок социологических услуг в современной России: исторические предпосылки возникновения / В. В. Токарев, Н. В. Дулина // Известия Волгоградского государственного технического университета: мезвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2013. – № 16(119). – С. 49–52.
10. Токарев, В. В. Методика и результаты проекта «Профессиональный рейтинг исследовательских компаний–2013» / В. В. Токарев // Четвертая международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». 27–28 февраля 2014 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2014. – С. 296–299. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. Токарев, В. В. Профессиональный рейтинг исследовательских компаний России. Итоги 2011 года / В. В. Токарев // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса; 23–25 октября 2012 г. – Уфа, С. 2015–2022, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
12. Токарев, В. В. Профессиональный рейтинг исследовательских компаний России. Результаты 2014 года и основные тенденции последних лет / В. В. Токарев // V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». 12–13 марта 2015 г. – Материалы конференции. – М.: ВЦИОМ, 2015. – С. 666–670.
13. Токарев, В. В. Ситуация в региональном сегменте рынка социологических и маркетинговых исследований России / В. В. Токарев // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса; 23–25 октября 2012 г. – Уфа, С. 3251–3255, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Я. С. Яскевич,
доктор философских наук, профессор,
директор Института социально-гуманитарного образования
Белорусского государственного экономического университета, г. Минск

Формирующаяся в современных условиях научная картина социальной реальности является, во-первых, ***особой формой теоретического знания;*** во-вторых, выступает важнейшим ***компонентом общенаучной картины мира***; в-третьих, дает ***обобщенные представления о системной организации и динамике общества***. Конечно же, она не претендует на описание всех деталей социальной жизни людей и вместе с тем схематизирует многообразие социальных процессов и выделяет их предельно ***общие сущностные характеристики.*** Множество конкретных теорий и фактов различных социально-гуманитарных дисциплин постоянно соотносятся с картиной социальной реальности. В свою очередь она развивается под влиянием накапливаемого в науке эмпирического и теоретического материала.

В настоящее время существуют различные подходы и конкурирующие парадигмы к построению картины социальной реальности. Однако их несовместимость не является абсолютной. В них можно выделить общее содержание.

Во всех современных научных представлениях об обществе как целостной системе выделяют, как правило, три основных блока: 1) ***экономика*** в ее взаимосвязи с политикой, правом, моралью и др. формами общественного сознания; 2) ***система социальных связей людей и соответствующие институты;*** 3**)** ***культура.*** Проблема состоит в ***выявлении взаимосвязей этих подсистем и их функций*** в социальной жизни. Важный подход к построению картины социальной реальности и выявлению взаимосвязей между выделенными блоками обеспечивает ***философско-антропологический взгляд на природу общества,*** связанный с позиций раскрытия ***статуса и роли человека в этом мире***, его отношения к миру в ***трех основных векторах***: отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде; отношение к другим людям, к социальным коллективам; отношение к духовному миру, в котором аккумулируется как индивидуальный опыт человека, так и общественно-исторический опыт поколений. Представление об обществе как целостной системе предполагает характеристику этих трех сфер человеческого жизненного мира. Человек является продуктом космической эволюции, он включен в природу и создает мир созданных и освоенных человеком объектов – «неорганическое тело цивилизации» (К. Маркс), которое развивается в процессе человеческой истории, передается от поколения к поколению, наследуется социально. На различных этапах исторического развития общество осваивает фрагменты природы различной системной сложности: от простых к сложным и к саморазвивающимся, саморегулирующихся, сложноорганизованным системам [1, с. 12–30].

В своей деятельности и поведении мы постоянно взаимодействуем с другими людьми. Сложная мозаика ***социальных связей*** определенным образом структурирована. Малые социальные группы составляют реальную сферу повседневных жизненных коммуникаций. ***Макроструктуру*** общества составляет система отношений: к ***средствам деятельности*** (формы собственности), к ***продуктам деятельности*** (формы распределения) и ***обмена*** результатами деятельности. Чем выше человек восходит в своем историческом развитии по ступеням цивилизации, тем больше он поднимается над доминированием врожденных биологических программ и стимулов регуляции отношений с другими людьми. Социальные связи, нормы нравственности, правовые регулятивы надстраиваются над биологическим базисом, во многом трансформируют его. Всякая культура, экономика,

политика реализуется только благодаря своему источнику, средству и результату, в качестве каковых выступает личность.

Что происходит с личностью в условиях ***глобализации, виртуализации социального пространства, массовизации культуры, проблематизации национальной идентификации человека и государства, запредельными очертаниями свободы и границ личности?*** Человеческое Я все больше превращается в точку сборки, нелинейную волну свободы и ответственности, странника в стихиях возможного бытия. В соответствии с новыми вызовами современности, которым есть реальные предпосылки в виде социально-экономических и технологических оснований, можно говорить о ***становлении транснациональной социально-политической картины мира.***

В качестве оснований этого процесса следует назвать формирующиеся представления о сетевом обществе, сетевом человеке, его проектно-брендовой идентификации, корпоративной культуре, креативности, гибкости и своеобразной неуловимости в условиях виртуального пространства. ***Жизнь в сети» или жизнь в рамках «проектного града»*** способствует созданию особого дискурса менеджмента, новой идеологической конфигурации ***«интуитивного менеджера».*** При этом жесткая иерархия заменяется гибкими новаторскими субъектами управления, которые выступают в роли «вдохновителей», «координаторов команд» – лидеров, способных без применения силы обеспечить вовлеченность работников в процесс труда и наделить труд каждого определенным смыслом. Вместо иерархии разрабатывается система «доверия», вкладываются средства в развитие «корпоративной культуры» и «командного духа» с установкой на достижение гибкости и ухода от авторитаризма.

Чтобы научиться «жить в сети», необходимо собрать воедино самые разнообразные компетенции, научиться самосовершенствоваться через множество проектов под девизом «гибкость», «креативность», «реактивность». Новые методы организации «жизни в сети» ведут к разрушению бюрократической структуры, позволяют работать с людьми, находящимися на другом конце мира, с другими культурами, предприятиями. Подвижный и гибкий мир, образованный из многочисленных проектов, исследователи называют ***«проектным градом»,*** в котором личность во все большей степени предстает как проект или даже серия проектов. Проектно-брендовой идентификации личности способствуют условия информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики. Одновременно в искусстве, политике мы имеет дело с нарастанием личностных автопроектов, в том числе построенных на преодолении рассовых, гендерных, возрастных, и даже просто человеческих характеристик идентификации.

Наряду с новыми функциями и пониманием «жизни в сети» важное место в формировании транснациональной картины социально-гуманитарной реальности занимает ***социо-экономическая динамика современного общества.*** По мнению испанского социолога М. Кастельса, в конце XX в. сложилась ***«информациональная»*** (поскольку конкурентноспособность любого субъекта экономики – фирмы, региона, нации зависят от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию) или ***«глобальная»*** (потому что основные виды экономической деятельности – производство, потребление, циркуляция товаров и услуг, а также капитал, труд, сырье, управление, технология, рынки организуются в глобальном масштабе с использованием разветленной сети) ***экономика нового типа*** [2, с. 81].

Новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты, в результате чего есть опасность или угроза исключения целых национальных или континентальных экономик (например, Африки) из мировой информационной системы, а значит, из мировой системы разделения труда.

Кроме экономических процессов, происходит серьезная ***трансформация публичной сферы и идейно-символического пространства*** под воздействием Интернета. Развитие пространства Интернета приводит к становлению так называемой ***«сетевой философии»,*** которая базируется на принципах свободы информации и отличается ярким инди-

видуализмом, приматом формального над неформальным, а иногда даже внегосударственностью. Она включает в себя такие течения, как ***хакерство, киберанархизм и сетевое либертарианство.***

В рамках таких поворотов современного человечества осуществляется ***резкая критика национальной парадигмы, национального государства, и в особенности, национализма.*** Если отдельная культура замыкается в себе самой и стремится исключительно к защите собственного своеобразия, она становится потенциально воинствующей в противоположность позиции диалога культур, признания гуманистического плюрализма и взаимодействия с другими культурами. Именно «националистический взгляд» на общество и политику, закон, справедливость и историю господствует порою над политическим и социологическим воображением. Сторонники национализма неспособны противостоять соблазну абсолютизации культурной и этнической обособленности, создавая тем самым опасность возведения насилия в ранг законности. Чтобы установить равенство народов и их культур необходимо препятствовать возведению отдельных культур в ранг нормы, эталона ценностей и всеобщего прогресса [3, с. 149]. В мире риска национализм становится врагом нации, считают некоторые исследователи. Отсюда ***космополитизация*** рассматривается как исследовательская перспектива, политическая реальность, критическая теория нашего времени [4, с. 57–65].

Если под политической картиной мира понимать систему связанных образов и представлений о власти, ее механизмах и конфигурации в окружающей среде, то транснациональный тип политической картины мира раскрывается через такие понятия, как множественная идентичность, мультикультуризм, динамический взаимообмен символами и практиками, создающими новые социальные формы (креолизация), диалог культур народов, религий.

Транснациональное означает наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы национальных государств [5, с. 104–119].

Современные сложные интеграционные процессы отражают реальные социально-политические взаимодействия отдельных государств и, по сути, призваны обеспечивать социально-политическую и экономическую стабильность национальных государств как их структурных компонентов.

Библиографический список

1. Степин, В. С. Философская антропология и философия культуры. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 542 с.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 81.
3. Кастийо, М. Понятие плюрализма и этика коммуникации / Философские науки. 2013. № 11. С. 134–144, С.139.
4. У. Бек. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот – Вестник Института Кеннана в России. Вып. 22. – М., 2012. С. 57–65.
5. Акопов, С. В. Транснациональное измерение современности – Философские науки. 2015, № 3. С. 104–119.

САЦЫЯЛЬНАСЦЬ ЯК АСНОВА РАЗВІЦЦЯ ГРАМАДСТВА

М. В. Анцыповіч,
кандыдат філасофскіх навук, дацэнт,
Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, г. Мінск

Пачынаючы з антычнай філасофіі і да пачатку XX ст. сацыяльнасць як феномен разглядваўся па перавазе праз вучэнне аб дзяржаве, філасофскую антрапалогію ці тэалогію. Уяўленні аб характары боскага прадвызначала разгляд сацыягенеза ў рамках антычнай парадыгмы, падзяляліся на гіпотэзы аб натуральным ці штучным паходжанні грамадства.

Уцэлым, змена гісторыка – філасофскіх парадыгм кожны раз узбагачала асэнсаванне сацыяльнага новымі тэарэтыка – метадалагічнымі інтуіцыямі, адначасова падымаючы новыя пытанні адносна грамадскага жыцця. Сацыяльнае ў межах сучаснай сацыяльна – філасофскай рэфлексіі асэнсоўваецца з рознасных пазіцый, якія аддаюць прыярытэт тым ці іншым аспектам сацыяльнай рэальнасці. Адсутнасць адзінай парадыгмы спараджае тэарэтыка – метадалагічную неакрэсленасць і ўскладняе стварэнне падыхода асэнсавання сацыяльнасці, якая ўласціва для інфармацыйнага грамадства.

На практыцы рэальнае палітычнае жыццё робіць камбінацыю навацый і гістарычнага вопыта, стварае ў рэальнай палітыцы тую размаітасць рашэнняў і намераў, якія ніяк не ўкладваюцца ў лінейную схему. Выкарыстанне цыклічна – хвалевага падыхода ў палітычнай навуцы мае важнае значэнне для ўсвядамлення механізмаў і заканамернасцей палітычнага развіцця, ў тым ліку мадэрнізацыі і дэмакратызацыі. Асновай ўяўленняў аб цыклавых механізмах прыродна – сацыяльнага і палітычнага была міфалагічная свядомасць, якая з цягам часу падлягала трансфармацыі на больш рацыянальнай аснове. Цыклічныя ўяўленні былі шчыльна знітаваны з пераломнымі, крызіснымі этапамі развіцця дзяржавы і грамадства. Антычная цыклавая парадыгма сфармавала ўласцівую ёй рытмічную мадэль у форме “трагічнага кола генезіса і ўпадка”(Геракліт, Эмпедокл, Платон, Арыстоцель). Раннефілософскія уяўленні (А.Аўгустын), як правіла, былі скіраваны на супрацьпастаўленне феномена цыклічнасці ідэі шчаснасці як сродка выйсця з традыцыйна заганых колазваротаў**.** З пачаткам Адраджэння і Новага часу, калі пачынаецца станаўленне нацыянальных дзяржаў і ўмацавання абсалютызма, зноў з’яўляюцца творы, якія ў значнай ступені рэабілітуюць антычныя ўяўленні аб цыклавым развіцці форм кіравання. Цікаўнасць да метадалогіі цыклавасці ў XXст. была звязана з шырокімі даследваннямі ў розных сферах навуковых ведаў. Упершыню разгорнуты аналіз цыклавага развіцця палітычнай сістэмы ў першай палове XXст. прапанаваў італьянскі сацыёлаг В. Парэта з выкарыстаннем такіх паняццяў, як “цыкл”, “хваля”, “сюжэт развіцця”, “этапы палітычнага цыкла”, “фаза палітычнага цыкла”. Паводле В. Парэта, ў палітычнай прасторы кожная краіна, рэгіён, этнас, элітарная група – гэта свайго рода кола, якое ўплецена ў агульную сетку, і ўсе яны варочаюцца па ўласных траекторыях. У цыклавай мадэлі існуе суаднесенасць “творчага прынцыпа” і “прынцыпа зберажэння”. Калі ў аснове дыферэнцыацыі ляжыць творчы прынцып, то ў аснове кансалідацыі прысутнічае прынцып зберажэння. Гарманічнае суаднясенне творчага прынцыпа і прынцыпа зберажэння – важны фактар падтрымання нацыянальнай бяспекі. Ва ўмовах пераходa сістэмы на стадыю ўніфікацыі прынцып зберажэння робіцца дамінуючым. На ступені “нараджэння” і “роста” сістэмы назіраецца працэс узмацнення ўплыву прынцыпа творчасці, а часам і ў шкоду прынцыпу зберажэння. Пагэтаму творчая ідэалогія гэтага перыяду павінна быць збалансавана з аўтарытарным (ахоўным) пачаткам. І, наадварот, на стадыі “уніфікацыі” і “пераходa” дамінуюць штодзённыя практыкі прынцыпа зберажэння, і, як вынік, сістэма мае патрэбу ў актывізацыі творчага пачатку, духоўнага складніка грамадскага развіцця.

Сістэма на кожным этапе палітычнага цыкла дасягае пэўнага ўзроўню стабілізацыі. Палітычную стабілізацыю можна разглядаць як адзін з станаў сістэмы ў межах кожнага

перыяда. Сацыяльна – эканамічная стабілізацыя рэзка паніжае агульны ўзровень палітызацыі грамадзян, зводзячы сацыяльныя запыты з палітычных сфер у руціннае прававое рэчышча.

Яшчэ антычныя мудрацы звярталіся да аналізу прыроды рэальнай і надуманай небяспекі, жахаў, трывогі, незразумелых наступстваў чалавечай дзейнасці. Фактычна ўжо ў Антычнасці ўсвядамлялі, што нават імкненне да агульнага дабра ўтрымлівае ў сабе рызыку разбурэння. Асабліва праблема рызыкі выяўляецца **после** завяршэння другой сусветнай вайны ў выніку асэнсавання "выбуховага" тэхнічнага развіцця большасці соцыўмаў свету. На сённяшні дзень, як правіла, ў навуковай літаратуры выдзяляюцца два асноўныя падыходы ў вывучэнні рызыкі – тэхнічны і сацыяльны. Пры тэхнічным падыходзе прызнаюцца тэхналагічныя змяненні, якія і ёсць асноўны вытворца рызыкі для сучаснага чалавека і грамадства. Сацыяльнымі рызыкамі выступаюць рызыкі, якія стварае, прадуцыруе, правакуе само грамадства. Асноўнымі фактарамі сацыяльнай рызыкі з'яўляюцца: сацыяльная няроўнасць, разуменне чалавека як "істоты палітычнай", складанасць сучаснага ўладкавання, прынцыповая непрадказальнасць будучыні, складаны комплекс улады і падуладнасці. Уладаадносіннасць – гэта адзінства супрацьлегласцей, пабудаваных па вертыкалі, і гэта ад самага пачатку ёсць адна з формаў сацыяльнай няроўнасці. Улада займае тут верхнюю пазіцыю, падуладнасць – ніжэйшую, адпаведна з няроўнымі магчымасцямі і паўнамоцтвамі. Пагэтаму уладаадносіны па сваёй форме могуць быць як парытэтнымі, так і канфратанцыйнымі і нават канфліктнымі. Так як асноўная мэта любога соцыўма – зберажэння яго суцэльнасці, то сацыяльныя працэсы павінны некім накіроўвацца і рэгуляваццца , стымуляваццца, а якія - небудзь рэгламентаваццца ці нават перапыняцца.

Новы час спарадзіў асобу як масавую з'яву, што спрыяла развіццю чалавечай суб'ектыўнасці. Навуковец, прадрымальнік–капіталіст і палітычны дзеяч, як тры асноўныя тыпы суб'екта розных сфер чалавечай дзейнасці, спрыяюць раскрыццю ўнутраных патэнцый чалавечай прыроды. Сярод іх здольнасць не толькі да актуалізацыі асноўнай дзейнасці, але і гатоўнасць браць на сябе адказнасць за яе вынікі, ў тым ліку і за памылкі. Адначасова з ростам чалавечай суб'ектыўнасці павялічваецца і магчымасць памылковых дзеянняў. У такіх умовах памылка – не проста вынік дзейнасці асобнага індывіда: яна можа здабываць сістэмны характар. Пашыраецца прастора дзеяння закона іроніі, дзе, з аднаго боку, людзі далёка не заўсёды ўсвядамляюць, што яны на самай справе робяць, а з другога – веданне неправільнасці дзеяння не адмяняе яго неабходнасці. Як вынік нараджваецца непазбежная форма тэмпаральнасці памылкі. У адказ на гэту сітуацыю выбудоўваецца сфера грамадскага жыцця, ў якой чалавек сам стварае свой соцыўм – сферу сацыяльнага. Само сацыяльнае можа быць перадэфініцыравана менавіта праз паняцце памылкі, г. зн. само станаўленне сацыяльнага здзяйсняецца не інакш, як метадам "проб і памылак", так як грамадска – гістарычны вопыт стварэння соцыўма засёды практычна адсутнічае. Менавіта гэтым правілам кіраваўся, мусіць, і Р. Дэкарт у сваіх развагах аб сацыяльным уладкаванні, накшталт "праўда, мы ніколі не бачым, каб у горадзе разбуралі ўсе дамы з адзінаю мэтаю перабудаваць іх на іншы капыл і зрабіць вуліцы прыгажэйшымі; затое мы бачым як многія зносяць свае маёнткі, каб іх перапланаваць, а часам вымушаныя гэта рабіць, калі іх падмурак не надта трывалы і яны рызыкуюць абрынуцца самі па сабе" [2, с. 18]. У сілу ўнікальнасці задачы, якая ўзнікае кожны раз у новых умовах, стварэнне соцыўма здзяйсняецца заўсёды зноўку па прынцыпу развіцця культуры як "свету ўпершыню". У сацыяльных адносінах тое, што спачатку прызнаецца станоўчым вынікам, можа з часам апынуцца памылкай і наадварот. Такія памылкі даюць чалавеку раскрыцца, і адчуваць сваю свабоду магчыма не толькі ў паспяховых дзеяннях, але і ў несупадзенні з пастаўленай мэтай.

Ключавымі стандартамі сацыяльнасці інфармацыйнага грамадства з'яўляюцца: падзел на цэнтры планавання і вытворчыя перыферыі, праекцыя сферы вытворчасці на сферу спажывання, а таксама сеткавы патэрналізм, які рэалізуецца з дапамогай тэхнічна апасродкаванай камунікацыі

Ва ўсіх рэлігіях пастулюецца існаванне Бога да свету і стварэнне ім гэтага свету і чалавека. Трансцэндэнтны адносна свету і чалавека Бог – уладар створанага ім света. Паколькі Бог – творца свету і чалавека, настолькі ён – і крыніца ўлады, і яе суб'ект. Улада Бога непарыўна злучана з ягонай выключна свабоднай воляй. Любая зямная ўлада зыходзіць ад Бога, які па ўласнаму пагляду можа надзяляць чалавека ўладай, а таксама можа і забіраць яе ў яго. Пры гэтым для Бога раб – і той, якога ён надзяліў уладаю, і той, хто падначалены таму, каго ён надзяліў уладаю. Такім чынам, для Бога і асобны чалавек , і цэлае племя могуць быць рабамі, значыць, сродкам для дасягнення сваіх уласных мэтаў. Паводле Р. Арона, ў кожнай еўрапейскай дзяржаве "царква бліжэй да дзяржаўнага прызнання, чым іншыя інстытуты. Двоеўладдзе, свецкае і духоўнае, магчыма, - адна з спецыфічных рыс еўрапейскай цывілізацыі, адна з прычын яе жыццядзейнасці і пастаянных пераўтварэнняў. Гэта дуальнасць схільна да радыкальнага падзелу, але ніколі яго не дасягае" [1, с. 131].

Сацыяльнае вучэнне хрысціянства ўтрымлівае свой асноўны фундамент у біблійным Аб'яўленні і царкоўнай традыцыі. З гэтай традыцыі, дараванай звыш, сацыяльнае вучэнне чэрпае натхненне і святло для разумення, адзнакі і кіравання чалавечым досведам у гісторыі. Божы намер выключна апярэджвае ўсё і над усім узвышаецца: адносна створанага свету і, ў прыватнасці, адносна жыцця і лёсу чалавека, пакліканага далучыцца да трынітарнай супольнасці. Пагэтаму сацыяльнае вучэнне нельга апісаць пры дапамозе сацыяльна – эканамічных параметраў. Яно не з'яўляецца ідэалагічнай ці прагматычнай сістэмай, скіраванай на тое, каб зрабіць дэфініцыю эканамічным, палітычным і сацыяльным адносінам і аб'яднаць іх у адну, але самастойную катэгорыю. Галоўная мэта сацыяльнага вучэння – "тлумачыць гэтую рэчаіснасць праз даследванне яе адпаведнасці або неадпаведнасці евангельскаму вучэнню пра чалавека і яго зямное, а таксама трансцэндэнтнае пакліканне, каб такім чынам кіраваць хрысціянскімі паводзінамі" [3, с. 66]. Напрыклад, сацыяльнае вучэнне каталіцкай царквы лічыць забастоўку апраўданай, калі яна з'яўляецца непазбежным і нават неабходным сродкам для дасягнення станоўчага выніка, і калі ўсе іншыя спосабы вырашэння канфліктаў аказваюцца неэфектыўнымі. Забастоўка становіцца маральна непрымальнай, калі суправаджаецца насіллем або калі ставіць перад сабой мэты, непасрэдна не звязаныя з умовамі працы або супярэчання агульнаму дабру.

Бібліяграфічны спіс

1. Арон, Раймон. Измерения исторического сознания. М., 2014.
2. Дэкарт, Рэнэ. Развагі аб метадзе. Мінск, 2007.
3. Кампендый сацыяльнага вучэння касцёла. Мінск, 2011.

ПАРАДОКС ЛАПЬЕРА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ[1]

К. Н. Калашников,

кандидат экономических наук,

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Проблема расхождения между установками и действиями людей давно вышла за пределы человеческих взаимоотношений, став актуальным вопросом психологии, социологии и практического маркетинга. Эксперты практически единодушно соглашаются в том, что важно не столько анализировать природу лжи респондентов, сколько взять на вооружение знание о ней как об объективной особенности человеческой психики. При обна-

[1]Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №15-22-01013/15 «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси».

родовании результатов исследований социологу следует внимательно и ответственно подходить к оценкам и интерпретации полученной в ходе социологических опросов информации, что предполагает приведения ряда соответствующих методологических комментариев и оговорок.

Традиционно опросы для определения социальных установок людей проводились с принятием по умолчанию факта, что заявленные человеком позиции реализуются в поведении[1]. Американский психолог профессор Стэнфордского университета Ричард Ла Пьер (R. LaPiere) не только обратил внимание на обманчивость этого условия (это было неоднократно сделано и до него), но и первым взялся экспериментально опровергнуть его и доказать, что высказанные субъектом мнение и установку следует понимать лишь как «символическую ответ на гипотетическую ситуацию» [4].

Ла Пьер изучал проблему процветавшей в 1930-е гг. в американском обществе дискриминации по национальному и расовому признакам, этническим и расовым стереотипам: насколько отличается реальное поведение людей в отношении представителей других рас и национальностей от высказываемых в их отношении установок[2]. Свой эксперимент, ставший энциклопедическим и получивший его имя, Ричард Ла Пьер провёл в 1930–1933 гг. Вместе с супружеской парой своих студентов, этнических китайцев, родившихся в США, он отправился в путешествие по стране в личном автомобиле. По дороге они останавливались на ночлег в придорожных гостиницах, питались в ресторанах, и учёный следил за отношением персонала к гостям-азиатам и тщательно фиксировал их реакции (фактически Ла Пьер исследовал реальное поведение сотрудников гостиниц и ресторанов). При посещении 251 отеля во время путешествия имел место лишь один случай отказа, когда его причиной стала этническая принадлежность друзей Ла Пьера. Затем, уже спустя полгода после возвращения из поездки, Ла Пьер разослал в те заведения, которые посетили гости, свои письма с опросником в целях проанализировать «символическое поведение». Ключевой вопрос анкеты звучал так: «Согласны ли Вы принять в своем заведении в качестве гостей представителей китайской национальности?» Результаты опроса были не столь радужны, как реальный опыт общения с обслуживающим персоналом и управителями отелей, кемпингов, туристических баз, ресторанов и кафе: почти 90 % владельцев, которые посетил Лапьер и его попутчики, ответили, что они категорически не согласны обслуживать китайцев. Результаты его исследований и наблюдений были отражены в статье «Attitudes vs. Actions», опубликованной в 1934 г. в научном журнале «Social forces» [4].

Несмотря на частую и временами верную критику эксперимента Лапьера, он всё-таки достаточно убедительно продемонстрировал, что ответы человека относительно того, как она будет вести себя в той или иной гипотетической ситуации, не являются прогностическими и абсолютного соответствия между «символической» и реальным поведением не стоит. «Люди говорят одно, а делают совсем другое».

Как пишет Ла Пьер, обычный режим социологического опроса для измерения социальных установок (аттитюдов) состоит в том, чтобы задавать вопросы (обычно в письменном виде), которые обрисовывают совершенно символические ситуации. Социальные стереотипы, выявляемые с помощью стандартизованных опросников, представляют собой лишь вербальный ответ на символическую ситуацию. С помощью опросников определить реальную диспозицию личности и прогнозировать ее действия в реальных ситуациях невозможно. Например, результаты социологического опроса населения об отношении к своему здоровью показывают, что респонденты, независимо от своих успехов в здоровом

[1]Ла Пьер в своих работах также оперировал психологическим понятием «социальная установка» (social attitudes), которую называл условным рефлексом к социальным раздражителям.

[2] В 1930-е годы в США отмечалось довольно пренебрежительное отношение к людям иной национальной и расовой принадлежности, что обострялось и неблагоприятной экономической ситуацией Великой депрессии. Иногда дискриминация национальных меньшинств доходила до того, что белые избегали сидеть рядом с «цветными» в общественном транспорте.

образе жизни и увлечённости вредными привычками (курение, употребление алкоголя), одинаково высоко ценят здоровье, ставя его на вершину индивидуальной ценностной иерархии. Человек, подчёркивая важность абстрактного концепта лично для себя, пусть и не подкрепляя её реальными действиями в повседневном опыте, не обязательно сознательно лжёт или злонамеренно лицемерит, он сам, опираясь на собственный жизненный опыт, понимает, что категории «хотелось бы» и «есть/будет» редко совпадают друг с другом.

Проявления парадокса Ла Пьера исследователь может использовать для выявления важных фактов. Обнаруживая дихотомию между мотивами и убеждениями, с одной стороны, и реальными поступками – с другой, социологи позиционируют её как самостоятельную проблему. Более того, вопрос о намерениях и действиях, то есть о сфере применения знаний и реализации установок, позволяет выяснить, насколько человек осведомлён о данной теме, знает ли он, как должно быть хотя бы в желаемом варианте. Полезным может оказаться построение матрицы «знание – реализация» или «установка – реализация». Возможны четыре варианта поведения человека, из которых две диаметрально противоположные – следующие: положительный «респондент имеет адекватную установку (или знание) и реализует её», негативный: «респондент не имеет правильной установки (не знает) и не реализует её» (таблица 1).

Таблица 1. **Типологическая матрица «знания/установки – реализация»**

ПРИМЕНЕНИЕ ЗНАНИЙ (РЕАЛИЗАЦИЯ УСТАНОВОК)			
ЗНАНИЕ (НАЛИЧИЕ АДЕКВАТНЫХ УСТАНОВОК)		ЕСТЬ	НЕТ
	ЕСТЬ	1. ПРИМЕНЕНИЕ АДЕКВАТНЫХ ЗНАНИЙ/РЕАЛИЗАЦИЯ АДЕКВАТНЫХ УСТАНОВОК	2. ЗНАНИЯ/УСТАНОВКИ ПРИСУТСТВУЮТ, НО ИГНОРИРУЮТСЯ
	НЕТ	3. ЗНАНИЙ/УСТАНОВОК НЕ ПРИСУТСТВУЕТ, НО ПО КАКИМ-ТО ПРИЧИНАМ ПРОИСХОДИТ АДЕКВАТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	4. ОТСУТСТВИЕ ЗНАНИЙ/УСТАНОВОК

Вместе с тем сложно провести линию водораздела между убеждениями, мотивами и реальными поступками. Ф. Фукуяма в книге «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» описывает эти трудности при измерении культурных переменных. Он приводит пример того, как сложно установить истинные причинах бедности в США: «либо «деклассированный элемент» американских городов неимущ, потому что у него отсутствуют экономические перспективы, либо дело в том, что сложилась особая «культура бедности» – букет социальных дисфункций типа подростковой беременности и наркомании, – на существование которой наличие экономических перспектив повлиять уже не может» [3]. Выяснить это посредством арсенала количественных методов социологии практически невозможно: социологические опросы, проводимые в США, показывают, что и безработные, получающих пособия, и представители среднего класса высказывают одинаково трепетное отношение к труду, бережливости, однако в выяснении того, обладают ли неимущие граждане навыками трудовой этики, социологические измерения оказываются неприменимы. Однако выявление проблем может привести исследователя в тупик при установлении факторов, их определяющих, не зная которых невозможно и сформировать мероприятий по улучшению ситуации.

Можно ли нивелировать проявления парадокса Ла Пьера в социологических исследованиях? Если психологи разработали механизмы внутренней проверки достоверности ответов респондента, когда один и тот же вопрос задаётся несколько раз в видоизменен-

ном виде, то в социологии и маркетинге их возможности ограничены, к тому же приводят к расширению анкеты и снижению интереса к её заполнению, этот ряд усложнений можно продолжить. Наконец, психолог изучает конкретного человека, тогда как социологу и маркетологу важно получить информацию о целевой группе, поэтому углубление в человеческую индивидуальность здесь может только помешать [1].

Обычно в ходе социологических замеров репрезентативной выборке населения задается ряд вопросов, ответы на которые должны дать информацию о жизненных ценностях респондентов, их отношении к тем или иным явлениям и т.д. Однако по мере необходимости стоит включать в анкету вопросы не только о мотивах и установках респондентов («что вы думаете о…», «как вы оцениваете важность…», «как вы считаете,..», «могли бы вы,..», «станете ли вы…» и т.д.), но и об опыте реальных действий в рамках обсуждаемого направления. Если спрашивается, считает ли человек важным занятия физкультурой для сохранения своего здоровья или стал бы он, гипотетически, посещать спортивную секцию при предоставлении скидки, то анкета должна содержать и вопросы о том, насколько он реально в своей жизни уделяет внимание физическим упражнениям. Как утверждают психологи, лгать, как исследователю, так и самому себе, о своем реальном опыте, о том, что действительно случилось в жизни, сложнее, чем об абстрактной ситуации, которой никогда не было [1]. Но соблюдение и этих правил не может прибавить много оптимизма, поскольку не менее часто в силу вступает другой парадокс человеческой психики – отвечать на вопросы так, как от тебя ждут, то есть политкорректно, сообразно с принятыми в обществе социальными установками.

Перспективным направлением социологических исследований является активное использование арсенала методов и инструментария «качественной» социологии, поскольку, в отличие от методов «жёсткой», «количественной» социологии, которая нацелена на выявление внешних проявлений социальных процессов, они позволяют проникнуть вглубь, в самую сердцевину изучаемых явлений, понять сущность и природу социальных, культурных и экономических изменений.

Библиографический список

1. Репьев, А. П., «Маркетинговое мышление» – М.: BYBLOS, 2014 г. – 510 с.
2. Фейерабент, П. Против метода. – М.: ПАНОРАМА, 2001 г. – 347 с.
3. Фукуяма, Ф. Доверие. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 730 с..
4. LaPiere, R. T. Attitudes vs. Actions // Social Forces, vol. 13, 1934, pp. 230–237.

«СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ» И «СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА» СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ

В. Э. Смирнов,

кандидат социологических наук,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Как свидетельствуют мировые события последних десятилетий, процессы социальных изменений имеют многоликий и многофакторный характер, что не в последнюю очередь связано с проблемой субъекта социальных изменений. Кто ответственен за эти процессы, кто и зачем осуществляет социальные изменения? Очевидным ответом является – люди, или, как замечал К. Маркс, история «не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [1, с. 102]. Конечно, речь идет не просто об отдельном человеке, а о людях, объединённых в определенные социальные коллективы. В первую очередь, такими коллективами являются классы. Однако нужно иметь

в виду, что, несмотря на то что классы существуют объективно, т.е. объективно существует общность глубинных интересов групп людей в зависимости от их места в системе общественного производства, в системе разделения труда и отношения к собственности, они – классы, как правило, не субъектны, т.е. не действуют в рамках исторического процесса как субъекты социальных действий. Те же крестьяне эпохи феодализма объективно имели достаточно общие интересы, например, сопротивление крестьян барщине можно встретить везде: от России до Англии. Однако на непосредственно субъектном уровне видно, что крестьяне куда сильнее связанны и идентифицируют себя со своим феодалом, чем с крестьянами даже соседнего графства. В этом контексте классовая борьба в основном есть борьба молекулярная, постоянная, как вода, которая точит камень. По существу – это деятельность людей, направленная против существующих социальных институтов, закрепляющих устаревающие и потому неудобные формы деятельности в сфере общественного производства. Вследствие такой деятельности социальные изменения происходят постоянно, но незаметно для людей, и хотя для конкретного сообщества направленность таких изменений может быть любой, в общем, они прогрессивны, ибо изменение способов деятельности отражает неуклонное совершенствование средств и навыков человеческого труда.

Куда более осознанный характер деятельность людей по реализации социальных изменений приобретает тогда, когда в процессе социальной деятельности человеческие коллективы проявляют себя как социальные силы. Социальные силы – это субъекты реальных политических взаимодействий, в той или иной степени выражающие интересы классов и более мелких социальных групп, и осознающие себя, свою деятельность и свои цели в рамках той или иной концептуальной схемы (религиозной, идеологической или научно-теоретической). Иногда под социальными силами понимаются самоорганизующиеся группы, проявляющие себя как единство воли и средств реализации интересов (идей) социальных субъектов [2, с. 119–122]. Понятно, что в социальных силах выражается единство (комплекс) идей, социальной организации и ресурсного обеспечения реализации интересов той или иной социальной группы.

Данное понимание акцентирует внимание на организационной динамике социальных сил в обществе. В каком же отношении социальные силы состоят с классами? В теории Маркса классы по стадиям своего развития различаются на класс в себе и класс для себя. Класс в себе – это класс, имеющий реальную общность интересов, но не осознающий их. Класс же для себя приходит к осознанию своих интересов и своего классового единства. Словами Маркса: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя» [3, с. 183]. Очевидно, что вплоть до капиталистической эпохи классы так и оставались классами в себе, не переходя на стадию классов для себя, поскольку возможность к конституированию себя как класса для себя появляется с развитием науки и идеологий, а именно философской и научной рефлексии общества, направленной на себя и, соответственно, открытию классов, как таковых. Каков же механизм этого перехода?

На мой взгляд, сам процесс превращения класса в себе в класс для себя происходит через появление социальной силы, выражающей интересы этого класса, формулирующей его ценности и цели на базе определенной концептуальной схемы. Более того, через категорию социальных сил раскрывается роль личности в истории, поскольку в процессе формирования и деятельности социальных сил роль личностей просматривается весьма рельефно. Таким образом, социальные силы могут выступать в качестве посредника между такими объективно обусловленными общностями, как классы, и волей индивидов. Нужно отметить, что в системе советской марксистской идеологии господствовала в принципе верная, но чересчур негибкая схема, в рамках которой социальные силы сводились к партиям, выражавшим интересы того или иного класса. Такое положение верно потому, что,

в конечном счете, всякая социальная сила выражает классовые интересы. Но не стоит забывать, что именно «в конечном счете» и иногда крайне опосредованно; и в этом смысле социальные силы обладают достаточной долей самостоятельности, опосредующей самостоятельность, свободу воли людей, действующих в социальной жизни.

С другой стороны, нужно иметь в виду, что те или иные теоретические концепты, на идейной и ценностной основе которых складываются социальные силы, можно только весьма опосредованно представить как выражение классовых интересов. Например, несомненными социальными силами на сегодняшний день являются движения за права сексуальных меньшинств или феминистические движения. Даже движение футбольных фанатов в недавнем прошлом в Москве неожиданно выступило как значимая социальная сила. Верен и другой аспект. Социальные силы могут появляться, действовать там и в таком направлении, где нет никаких объективных классовых (объективных) предпосылок для их деятельности или эти предпосылки совершенно недостаточны. В частности, «конвейерное производство» таких социальных сил лежит в основе, так называемой, «мягкой силы», с помощью которой сегодня организуются всевозможные цветные революции во всех частях света.

Так когда же и каким образом социальные силы становятся субъектом истории, то есть, участвуют в осуществлении социальных изменений? На мой взгляд, социальные силы являются важнейшим агентом процесса социальных изменений по нескольким причинам.

Во-первых, когда в их основе лежит какая-либо идея, система представлений, включающая в себя не только мировоззренческие взгляды, идеалы, представления о желательных социальных отношениях, но и механизмы достижения идеала, и конкретные задачи, разрешение которых послужит достижению поставленных целей и реализации идеала, в конечном счете. Естественно все это зависит от глубины, зрелости и разработанности концептуальной основы, на базе которой формируются социальные силы.

Во-вторых, социальные силы являются тем локусом, той площадкой, в рамках которой формируются и отрабатываются желаемые формы социальных взаимодействий, оттачивается артикуляция идеи и аргументация в ее пользу.

В-третьих, социальные силы как раз и являются местом приложения ресурсов и объединением людей – так называемого актива.

В-четвертых, именно деятельность социальных сил либо получает поддержку масс, приобретая таким образом социальную базу, либо не получает, и тогда социальная сила, распадаясь, уходит в небытие.

В этом смысле социальные силы лишь инициируют определенный проект социальных изменений в обществе. Для того, чтобы этот проект получил реализацию, социальные силы должны получить социальную опору, которая будет составлять социальную базу изменений. Под социальной базой изменений я понимаю классы, социальные слои и группы, представители которых готовы поддержать проект социальных изменений, потому что в результате реализации предлагаемого проекта они предполагают повысить свой относительный статус в обществе и/или, как минимум, сохранить его, если их статус находится под угрозой.

В качестве примера можно вспомнить о реформах Петра Великого, где вполне определенно выделяется и социальная сила, инициирующая изменения, и социальная база, ставшая опорой и основным действующим лицом этих реформ. Дело в том, что в правление первых Романовых продолжился старый конфликт между служилыми слоями московского государства, крестьянством и родовитой аристократией. Под служилыми слоями в данном случае, в первую очередь, подразумевается служилое дворянство и во вторую – стрельцы. Этот конфликт был унаследован Романовыми еще от московской ветви Рюриковичей – потомства Калиты и, по сути, вызвал Смутное время. Несмотря на выход России из смуты и смену династии, сам конфликт разрешен не был, и вплоть до Петровских

реформ активно «оживлял» политический ландшафт русского государства. В чем же он состоял?

В московском государстве господствующий класс состоял из двух основных групп, – это родовитая вотчинная боярско-княжеская аристократия и служилое поместное дворянство, к которому примыкали иные группы, вроде детей боярских. Богатство, влияние или само существование этих групп зависело от эксплуатации крестьянства, которое в эпоху до Смуты было в основном лично свободным. Но интересы в этой области у разных групп господствующего класса были разными и в определенных вопросах диаметрально противоположными. Вотчинная аристократия, которая была в состоянии защитить зависимого крестьянина от государственного тягла, предоставить ему ссуду на обзаведение, была куда менее заинтересована в закрепощении крестьянства, чем поместное дворянство, для которого крепостное право было единственным способом сохранить свое экономическое положение. Причем боярско-княжеская аристократия попросту переманивала крестьян у дворян-помещиков, и этот процесс сделался не одиночными эксцессами, а довольно массовым явлением. Естественно, и крестьяне сопротивлялись закрепощению, в том числе поддерживая аристократию, при том, что государство было заинтересовано в сильной и боеспособной армии, основу которого составляло поместное ополчение. Это один узел социальных проблем московского государства. Он получил особенную остроту, когда после присоединения к русскому государству средней и нижней Волги (Казани и Астрахани) крестьяне начали массовую миграцию на эти новоприсоединённые плодородные земли. Другой проблемой было то, что местническая система занятия должностей, основанная на родовитости, наглухо перекрывала пути неродовитому дворянству к социальному возвышению. Статус дворян-помещиков в допетровскую эпоху был весьма невысок как по причине слабости экономической базы этого слоя, так и по причине социальной бесперспективности. Государство, которое из-за острой военной нужды, широко жаловало дворянское звание и пустые, безкрестьянские поместья, в том числе и боевым холопам (целыми разрядами), и даже казакам, получало на смотрах негодных к службе бойцов, по бедности занимавшихся чем угодно, но только не военным делом. Учитывая то, что пути статусного роста для представителей поместного дворянства были перекрыты местнической системой, ожидаемо, что люди зачастую просто бежали от службы и дворянского звания.

Таким образом, пока названные проблемы оставались неразрешёнными, армия слабела, а над государством нависала опасность новой Смуты. Нельзя сказать, что проблема не осознавалась и не решалась до Петра, однако первые Романовы ограничивались полумерами, постепенно закрепощая крестьян, пытаясь как-то ограничить местничество. Но решительная реформа связана с именем Петра. Социальной силой, инициирующей реформы, выступил ближний круг Петра и его «потешные полки». Это была специфическая общность, в полной мере отвечавшая всем требованиям к подобному социальному образованию. Там родилась программа реформ, и вырабатывались идеалы, к коим должно стремиться. Оттуда исходила критика существующих порядков, и вырабатывались новые формы социальных взаимодействий. И наконец, эта социальная сила обладала ресурсами государства Российского, во всяком случае, существенной их частью, которой мог распоряжаться сам царь.

Но успехом своим реформы Петра I обязаны не столько этим факторам, сколько тому, что идеология реформ, обосновавшая предложенные социальные изменения, отвечала нуждам массового российского поместного дворянства. И это дворянство сделалось социальной базой реформ Петра Великого. В первую очередь для дворянства были открыты новые социальные лифты, связанные с европейским образованием в различных сферах и службой на государственных должностях. Табель о рангах формально отменила родовитость как основание для получения чинов. Нельзя, конечно, сказать, что аристократия полностью потеряла свое значение. Титулованная знать окружала престол до 1917 г. и имела существенные преференции в возможностях статусного роста. Но такой монополии

на высокостатусные позиции в государственной иерархии, какой обладала аристократия московской эпохи, в послепетровские времена уже не было.

Важно, что именно благодаря открытию для широких слоев общества тех возможностей к статусному росту, который они ранее были лишены, и заключается устойчивость постреформенных порядков. Множество людей, которым удалось воспользоваться новыми каналами социального продвижения, делаются искренними и решительными защитниками нового порядка. И их много – куда больше, чем представителей старых родов.

Итак, на данном примере можно увидеть, что такое социальные силы и социальная база социальных изменений, и как они взаимодействуют, как социальные силы реализуют свой проект, опираясь на определенную социальную базу. Хотелось бы добавить, что еще более решительную опору социальные силы могут получить от социального слоя или класса, положение которого находится под угрозой. По весьма распространенному мнению ученых революции и связанные с ними национально-освободительные движения XX века, от мексиканской революции до революционных движений в Юго-восточной Азии, были обусловлены ситуацией, когда капиталистические отношений угрожали существованию крестьянства, как правило, общинного. Казалось бы, и так это чуть ли не самый эксплуатируемый класс, но превращение из крестьян общинников в безземельных батраков представлялось самим крестьянам решительным снижением из статуса. Например, в основе мексиканской революции лежал закон Лердо, который объявил всех крестьян общинников арендаторами и обязал выкупить свои же земли, и декрет о колонизации «пустых земель», давший право капиталу и всяким авантюристам присваивать крестьянские земли, которые не были надлежаще оформлены. В результате если на 1821 год, – год обретения Мексикой независимости, – общинникам принадлежало 40 % земель, то в 1910 г. всего 5 %. И грянула революция.

Не в меньшей степени крестьянский вопрос стал важнейшей причиной Русской революции, отцом которой С. Г. Кара-Мурза назвал Столыпина, имея в виду реформу последнего, направленную на разрушение общины и расслоение крестьянства с концентрацией земли и собственности у небольшого количества наиболее богатых хозяев, с превращением основной массы в батраки. Неудивительно, что Декрет о земле сделался одним из первых декретов Советской власти. Конечно, Великая Октябрьская революция не исчерпывается решением крестьянской проблемы, не сводится к ней, но земельный вопрос стоял в ряду наиболее значительных факторов, вызвавших революционную ситуацию в стране. Революции в Китае и юго-восточной Азии, хоть и имели национально-освободительных характер, но каждая из них важнейшим актом имела земельную реформу в пользу крестьян, и эти крестьяне становились социальной базой движений. В Китае это реформа 1949 – 1952 гг., а во Вьетнаме, – реформа 1953 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные силы – это субъекты реальных политических взаимодействий, в той или иной степени выражающие интересы классов и более мелких социальных групп, и осознающие себя, свою деятельность и свои цели в рамках той или иной концептуальной схемы (религиозной, идеологической или научно-теоретической). Социальные силы могут выступать в качестве посредника между такими объективно обусловленными общностями как классы и волей индивидов. Однако социальные силы лишь инициируют определенный проект социальных изменений в обществе. Для того, чтобы этот проект получил реализацию, социальные силы должны получить социальную опору, которая будет составлять социальную базу изменений. Под социальной базой изменений понимаются классы, социальные слои и группы, представители которых готовы поддержать проект социальных изменений, потому что в результате реализации предлагаемого проекта они предполагают повысить свой относительный статус в обществе и/или как минимум сохранить его, если их статус находится под угрозой.

Библиографический список

1. Маркс, К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 102.

2. Тульчинский, Г. Л. Социальные силы и гражданское общество. (От статико-классификационного к динамико-синергетическому пониманию общественной жизни.) // Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении в России гражданского общества. – СПб: Нестор, 1999, с.119–122.
3. Маркс, К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4, С. 183.

ЭТИКА И СОЦИОЛОГИЯ: ТРАНСЦИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ

Е. В. Беляева,
кандидат философских наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск

В научных исследованиях существуют предметные области, дисциплинарный статус которых является двойственным, что делает трансдисциплинарные исследования особенно актуальными. На изучение современной нравственности нацелена, с одной стороны, этика, рассматривающая ее как составную часть истории нравов, а с другой стороны – социология морали, для которой нравственность – один из параметров социальной системы в целом.

Две дисциплины имеют общий объект, но разный предмет и методы его постижения. Социология рассматривает мораль как неотъемлемую часть общественной жизни, мировоззрения социальных групп, деятельности социальных институтов, стремясь к объективной фиксации «моральных фактов». Специфику этического подхода составляет не только его нормативно-оценочный характер, но и представление о морали как самоценной и самодостаточной реальности, имеющей закономерности функционирования, не зависящие напрямую от социальных процессов, социальной принадлежности субъектов, их социальных действий. Для этики нравственность имеет самостоятельную историю и особые закономерности исторической динамики, подлежащие выявлению. Задача этики – показать, как в истории нравственности меняется понятийный ряд морального сознания, содержательное наполнение этих понятий, их соотношение между собой. Осмысление современной нравственности с помощью понятийно-категориального аппарата этики дает понимание ее природы и тенденций развития в ином по сравнению с социологией морали ракурсе. Однако взаимодействие двух дисциплин неизбежно. Социологические исследования являются незаменимым инструментом изучения нравственного состояния общества, эмпирической основой этики, независимо от того, числить ли их разделом философско-этических знаний или отраслевой социологической дисциплиной. Это свидетельствует об обращении современной этики от умозрительных принципов к попыткам понять действующие механизмы функционирования морального сознания. Этика, строя теорию морали и создавая «проекты правильной жизни», должна исходить из действительной нравственной практики людей в социальном контексте.

В свою очередь в социологии морали именно этика создает ту теоретическую площадку, на которой разворачивается применение социологических методов. При этом понятийно-категориальный аппарат общефилософского уровня у социологии и этики общий, на уровне теоретической социологии механизмы и закономерности функционирования морали в обществе также устанавливаются не без участия представлений этики об этих самых механизмах; на уровне специальной социологической теории сформировалась социология морали, для которой этика интерпретирует взаимодействие морали с социальными институтами и социальными группами; и на эмпирическом уровне этика устанавливает те параметры морального сознания, нравственных отношений и действий, количественные значения которых изучает затем эмпирическое исследование по социологии морали. Таким образом, нравственный аспект социальных процессов фиксируется социологией в той понятийной матрице, которую задает та или иная этическая теория. В любом

случае исследование нравственности методами социологии оказывается верификацией некого теоретического представления о сущности морали и некой гипотезы о ее наличном историческом состоянии, т.е. является по существу этическим.

Объединение усилий этики и социологии в трансдисциплинарном исследовании предполагает решение следующих задач. Во-первых, для изучения современной нравственности необходимо расположить ее среди других исторических систем нравственности, т.е. создать их типологию. В современной социологии сложился базовый подход к типологии систем нравственности, где исторические стадии ее развития одновременно предстают как типы. Речь идет о традиционном – модерном – постмодерном типе нравственности. Специфическая черта их исторической динамики состоит в том, что эти типы не сменяют друг друга, а сосуществуют. Кроме того, они образуют синкретические формы, в которых элементы первоначально различных систем нравственности образуют непротиворечивое единство. В результате можно наблюдать функционирование религиозно-традиционной, модерно-традиционной, неотрадиционной систем нравственности.

Во-вторых, в этике необходимо построить концептуальную модель системы нравственности, на которую сможет опираться социология. Под системой нравственности понимается исторически определенное единство способа регуляции и нормативно-ценностной структуры. Последняя давно и активно изучается социологией. Традиционными и наиболее распространенными являются исследования ценностных ориентаций различных социальных групп методом анкетных опросов. При этом предполагается, что эти ориентации суть не просто мнения, но мотивирующие поведение структуры. Собственно нравственные ценности в таких случаях часто не выделяются и располагаются в перечне прочих жизненных приоритетов. В то же время проводимые на протяжении десятков лет лонгитюдные исследования позволяют делать умозаключения об общей динамике ценностного мира и месте моральных элементов в его структуре. Большую ценность представляют собой также кросскультурные исследования, позволяющие сравнивать различные системы нравственности и выявлять их нормативно-ценностные параметры.

Представления о способе моральной регуляции как другом параметре каждой системы нравственности можно получить, проводя социологические исследования в нескольких направлениях. В одних случаях респондентам предлагается выразить свое отношение к некоторым действующим в обществе нормам, в других – высказать степень доверия к тем социальным институтам, которые отвечают за нормативную регуляцию в обществе. Отдельную роль играет изучение мотивации нормативного поведения людей, которая в морали имеет приоритетное значение. Для анализа общественной морали можно использовать и так называемую моральную статистику. Количество массовидных проявлений аморализма (самоубийств, преступлений против личности, проституток и наркоманов) весьма показательно, хотя конкретный способ этической интерпретация этих фактов может быть различным.

В-третьих, необходимо операционализировать содержание современной нравственности с помощью социологического инструментария. Понятийные матрицы социологических исследований часто показывают свою мировоззренческую ангажированность, приверженность исследователей ко вполне определенным нравственным представлениям. При этом проблема не в том, что эти воззрения «определённы», а в том, что они эклектичны и не отрефлексированы. Иногда социологический инструментарий оказывается ненадёжным, так как построен на основе традиционалистских представлений о природе нравственности и не содержит терминологического аппарата для осмысления новых моральных явлений современного общества. В частности, пресловутая «безнравственность» молодёжи отчасти связана с тем, что значимость классических этических проблем и традиционных ценностей для молодёжи относительно невелика, но это не значит, что у нее нет других моральных ценностей, которые не улавливаются исследователем. Не меньшие погрешности в исследование вносит и постклассическая методология. Предполагается, что современное западное общество находится в состоянии постмодерна, однако трудно

определить, в какой степени его характеристики могут считаться реальностью, а в какой порождены специфической постмодернистской социологией. Тем более сложно оценить, в какой степени применяемые ею методики годятся для анализа процессов, происходящих в обществах с высокой степенью традиционализма.

Итак, современная нравственность выступает объектом внимания, как этики, так и социологии морали. Теоретические и методологические трудности, с которыми сталкиваются трансдисциплинарные исследования при подготовке проектов и интерпретации их результатов, не понижают их важности. Они позволяют этике быть практически значимой, а социологии – видеть нравственное измерение социальных процессов. Для повышения эффективности трансдисциплинарных усилий необходимо, проводя исследования в области социологии морали, во-первых, принимать во внимание типологию исторических систем нравственности, в том числе их синкретические формы: религиозно-традиционную, модерно-традиционную, неотрадиционную. Во-вторых, следует опираться на концептуальную модель системы нравственности, включающую не только нормативно-ценностную структуру, но и способ моральной регуляции поведения; учитывать оба параметра системы. Способ моральной регуляции можно изучить благодаря анализу типа морального субъекта, особенностей его мотивации, его отношения к социальным нормам, степени доверия к общественным институтам, которые обеспечивают нормативную регуляцию. В-третьих, делать из прикладных исследований не только социологические выводы, но и умозаключения на понятийно-категориальном языке этики.

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ю. С. Назаренко,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

При всем многообразии конкретных социологических исследований взаимосвязи образования и профессиональной мобильности, обладающих различными проблемно-предметными векторами, базовыми теоретическими и эмпирическими схемами сбора и анализа данных, скрупулезный теоретико-методологический анализ позволяет выделить три «чистых» (идеально-типических) этапа (подходности) в развитии данной сферы эмпирических исследований.

На *первом этапе* (1950-60-е гг.), который характеризуется общим доминированием в социологии структурно-функциональной парадигмы (макросоциологического взгляда), изучалась проблематика стратификационной структуры общества, и, в соответствии с предметной областью исследований профессии и образования, тематика наследования социального статуса и сохранения устойчивости социо-профессиональной структуры (Парсонс, Мертон, Блау, Данкан и др.). Парадигмальными образцами на данном этапе стали исследования, направленные на изучение феномена межпоколенческой социальной мобильности, т.е. феномена сохранения, повышения или снижения социального статуса детьми родителей, занимающих определенную позицию в социальной структуре общества. Важно отметить, что в данном подходе профессия признавалась основой социального статуса, поскольку на тот период существовало теоретическое и реальное отождествление статуса и профессии, выступающей основным источником дохода и социального признания, престижа человека.

Целый ряд эмпирических исследований в различных странах, на примере разных поколений и профессиональных групп привел исследователей к выводу о том, что образование и профессия отца лишь в ограниченной мере влияют на будущую профессию и образование сына, его социо-экономический статус в целом. Тем самым становилось ясно,

что данные трансляционные механизмы погружены в различные, еще не учтенные, но зачастую противоречивые в своем функционировании социо-культурные контексты, что они подвержены различным нелинейным эффектам, основания которых обладают не только всеобщей, структурной, но и индивидуальной, культурной основой, т.е. значимо отличаются в различных обществах. Осознание данного теоретического тупика вылилось в исследование не только индивидуальных, но и более широких социальных факторов социальной и профессиональной мобильности в их связи с образованием и другими феноменами.

Последующий кризис структурно-функциональной парадигмы, ее критика содержание *второго этапа* (1970-1980-ые гг.) эмпирических исследований профессиональной мобильности (Хьюз, Ходж, Андрес, Риппе и др.). В данный период исследователи конфликтологического подхода фокусируют свое внимание на вопросах функционирования и сохранения классовой структуры параллельно с растущей стратификационной дифференциацией общества, на феноменах образования профессиональных групп и их борьбы за престиж. Исследовательский интерес смещается с изучения межпоколенческой мобильности на изучение внутрипоколенческой мобильности, личной профессиональной траектории и карьеры человека, что в определенной мере было вызвано осознанием ограниченного влияния профессии и образования родителей на собственные образовательные и профессиональные траектории и достижения изучаемого поколения (условных «детей»). Мобильность представляется не как наследование статуса, а его приобретение посредством индивидуальных качеств (личные способности, умения и др.) и самостоятельно достигнутых «ресурсов» (связей, образования и др.). Характерно изучение отдельных профессиональных групп, их идентичности и функционирования (т.н. социальной инклюзии, или включения), поддержания высокого социального престижа и статуса в обществе.

Происходит постепенное, «нормальное» разотождествление профессии и образования, что выражается в расхождении уровня образования и занимаемого профессионального статуса. Осознается символический (знаковый, «сигнальный») характер образовательных статусов, возможность несоответствия реальных знаний и умений человека имеющемуся образовательному стандарту или текущему рыночному спросу по данной специальности, что связано с дисфункциями личной образовательной траектории человека или структурным несоответствием системы образования и экономики, т.н. феномен запаздывания образовательного стандарта в отношении текущего профессионального стандарта на рынке труда. Данные дисфункции порождены ростом и сопутствующей ему перегрузкой системы массового высшего образования, несоответствием требований к обучающимся со стороны учебных учреждений и работодателей (из-за непрозрачности коммуникации между рынком образования и труда), ухудшением эффективности традиционных мер контроля за качеством образования и экзаменации. Диплом о высшем образовании выступает скорее как квалификационный маркер наличия базовых знаний и способностей потенциального кандидата, обеспечивающих возможности его доучивания непосредственно на рабочем месте.

Теоретические барьеры первого и второго этапов послужили предпосылкой для теоретического синтеза и наступления *третьего этапа* (1990 – наст. вр.) в исследовании профессиональной мобильности (Бурдье, Пассрон, Димаджио, Нольман и др.). На третьем этапе происходит «разволшебствление» феномена личностных качеств и их наследуемости («талантов», «задатков»), осознается сложностный характер и длительность периода формирования личности будущего работника, разнообразие институциональных и групповых контекстов, влияющих на вектор, динамику и степень непрерывности образовательно-профессиональных траекторий людей. Исследователи выявили, что закладывание ключевых компетенций происходит достаточно рано и в определенных стратификационных условиях, а их последующее развитие представляет собой задачу непрерывной работы по поддержанию и расширению, выходящую за границы официальных агентов социализации (учреждений воспитания и образования). Данные выводы созвучны идеям кон-

цепции непрерывного образования, также получившим всеобщее применение в теоретико-методологических разработках в данный период.

На данном этапе наблюдается одновременное доминирование различных парадигм, концентрирующих внимание на проблеме социализации, воспитания и образования, в частности, на основе компетентностного подхода. Изучаются вопросы видов и источников образовательного неравенства, ограничения доступа или получения и оценки образовательных результатов; оценивается значение влияния института семьи, школы, «улицы» на будущий профессиональный успех детей. Глубже изучаются структурные и организационные факторы профессиональной мобильности и успеха, их вклад в процесс движения по карьерной и профессиональной лестнице.

Таким образом, на каждом этапе исследователи прорабатывали определенные предметные поля и теоретические схемы, вскрывая их ограничения, границы применимости и продуктивности, что вызывало необходимость пересмотра и, при возможности, дополнения и расширения базовых положений классических подходов. Тем самым история развития эмпирических исследований влияния образования на профессиональную мобильность представляется как эволюционный, условно линейный, кумулятивный процесс, в результате развития которого было показано, что все подходы обладают конкретным эвристическим потенциалом, а в конкретных исследованиях задействуются в меру своей релевантности для изучения поднятой темы и проблемы.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Р. А. Волосников,
аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

Общественное мнение является одним из сложнейших явлений социальной действительности. Анализ литературы по данной проблематике, показал отсутствие четкой классификации теоретических подходов к изучению общественного мнения.

Некоторые социологи указывают, что при анализе общественного мнения можно применять два научных подхода к его исследованию – социологический и гносеологический [1; 2; 3]. В рамках социологического подхода общественное мнение рассматривается как компонент реальной жизни общества, выступает как его проявление и может изучаться философами, социологами, психологами, политиками, маркетологами и т.д. Общественное мнение с данной позиции рассматривается как социальное явление, которое можно анализировать не как состояние (форму) общественного или массового сознания, а в структуре общественных отношений. В этой связи, общественное мнение может рассматриваться как распределение показателей в ходе проведения репрезентативных опросов населения. Существует множество образных, фигуративных выражений, которые указывают на свойство общественного мнения измерять общественное настроение общества: мера «общественной температуры», данные «социального барометра», индикаторов состояния «массового сознания» или «социального разума» (public mind). Рассмотрение общественного мнения с данной методологической позиции позволяет осуществлять его количественное измерение, и статистический анализ собранных данных.

Кроме того, общественное мнение с точки зрения социологического подхода может рассматриваться как социальный институт, имеющий определенный функции и удовлетворяющий общественные потребности.

Рассматривая общественное мнение как социальный институт О. В. Епархина отмечает: «Общественное мнение – это отражение потребности людей в оценивании происходящих событий, выражении суждений о путях решения той или иной социальной проблемы» [1]. Данный подход предполагает выяснение роли, структуры и социальных

функций общественного мнения в социуме. Таким образом, в рамках социологического подхода общественное мнение можно представить в контексте двух основных методологических вариантах: во-первых, общественное мнение как совокупность распределенных показателей на основе репрезентативного опроса; во-вторых, как важнейший социальный институт общества, с помощью которого индивиды и социальные группы удовлетворяют свои потребности.

Гносеологический подход к пониманию общественного мнения позволяет рассматривать данный феномен как рефлексию того, что происходит в обществе и поэтому может быть инструментом познания самого общества, характеризует общественное мнение как элемент в структуре общественного сознания. Сточки зрения гносеологического подхода общественное мнение рассматривается как состояние или форма общественного (массового) сознания. С этой методологической позиции общественное мнение рассматривали А. Уледов, Б. А. Грушин, М. К. Горшков, А. И. Кравченко, В. Т. Сабденова и др. В рамках данного методологического подхода общественное мнение рассматривается с двух основных позиций: как проявление, (состояние) общественного сознания, как проявление (состояние), форма массового сознания. Носителем общественного сознания выступает общество в целом, поэтому данный подход применим в том случае, когда следует изучать общество в целом, например белорусской общество. Носителем массового сознания как особого типа сознания выступают совокупности индивидов, именуемые массами.

К общеметодологическим подходам изучения общественного мнения необходимо также отнести и онтологический подход. Общественное мнение с онтологической позиции рассматривается как определенный способ бытия, в категориях «общее и частное». В этой связи общественное мнение – есть общее на фоне индивидуальных (частных) оценок и действий.

С точки зрения дисциплинарных особенностей выделяют следующие теоретические подходы к изучению общественного мнения: социально-психологический (психологический); этический; реляционистский, юридический, политический и информационный. В рамках этического подхода общественное мнение рассматривается как проявление нравственных норм и морали, как специфическая коллективная оценка различных проявлений социальной жизни индивидов. В этой связи, важное значение имеет учет воспитательной функции общественного мнения. Общественное мнение с данной позиции вступает мерилом, критерием нравственности, и оказывает давление на индивида, не позволяя совершать то, что осуждается обществом, в котором он живет.

Следующий подход, который был распространен в советской социологической школе (Б. А. Грушин, А. Уледов) является реляционистским. Слово «реляционистский» происходит от латинского relativus – относительный, и означает выражающий отношение, связанный с выражением отношений между чем-либо. Сущность реляционистского подхода состоит в том, что общественном мнение рассматривается «как конкретное (оценочное) отношение индивидов, социальных групп, социальных общностей (объектов) к фактам, событиям, явлениям общественной жизни, а через них к их носителям (субъектам)» [1]. С данной позиции общественное мнение выступает как взаимодействие его объекта и субъекта, как инструмент, при помощи которого объект влияет на субъект.

Сущность юридического подхода к познанию общественного мнения заключается в признании бессубъектности общественного мнения, признании того, что в его формировании участвуют элиты. К представителям юридического подхода принято относить Ф. Гольцендорфа, С. Сколари, Д. Брайса [1].

Необходимо выделить политический подход к пониманию сущности общественного мнения. В этой связи общественное мнение есть сила, которая участвует в управлении государством. Информационный подход в изучении общественного мнения опирается на изучение средств массовой информации, механизмов пропаганды. С этой позиции общественное мнение изучается PR-агентами, журналистами и т.д.

Особе место в познании общественного мнения принадлежит социально-психологическому (психологическому) подходу, который нашел свое отражение в трудах следующих представителей: Г. Тард, Г. Лебон, Ф. Теннис, Ч. Кули, Э. Каннети, У. Мак-Дугалл (Макдугалл), В. Вундт, С. Московичи, Г. Блумер и др. С психологической точки зрения общественное мнение понимается как явление групповой психологии, психического состояния масс, как социально-психологическое коммуникативное явление.

Следует отметить, что второй важной проблемой познания сущности общественного мнения является вопрос о его субъекте. И главным в данном вопросе является следующие его грани: количественные и качественные характеристики. Вопрос о субъекте общественного мнения описывается двумя методологическими парадигмами. Первая парадигма – монистическая, – которой придерживались, в основном, представители советской социологической школы. Сущность данного подхода заключается в том, что субъектом общественного мнения может являться только абсолютное большинство. Такого подхода придерживались многие советские ученые: Б. А. Ерунов, А. К. Уледов, М. К. Горшков. А. К. Уледов дает следующее определение общественному мнению: «общественное мнение применительно к социалистическому обществу можно определить как единодушное суждение народа по вопросам социальной жизни, затрагивающим общие интересы и требующим практического решения» [4].

Второй методологический подход понимания субъекта общественного мнения является плюралистическим. В соответствии с данной парадигмой субъектом общественного мнения выступает любая социальная группа, независимо от ее количественных параметров. Данный подход широко использовался американскими социологами и, в первую очередь, Дж. Гэллапом. А в Советском союзе первым, кто допустил и научно обосновал возможность существования неоднородности мнений был А. Б. Грушин. Он относил плюрализм к сущностному отличительному свойству общественного мнения, поэтому считал его присущим общественному мнению любого общества, независимо от типа социально-экономической формации.

Выводы. Учитывая разнообразие имеющихся подходов к социологическому исследованию общественного мнения, необходимо обозначить те подходы, в рамках которых представляется возможным изучать общественное мнение о деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь.

Во-первых, изучение общественного мнения о деятельности органов пограничной службы необходимо осуществлять с позиций гносеологического и социологического подхода. Гносеологический подход позволяет нам определить общественное мнение как состояние массового сознания. Данный подход к пониманию общественного мнения о деятельности органов пограничной службы является наиболее приемлемым, поскольку субъектом общественного мнения будет выступать не все белорусское общество, а большие социальные группы и локальные общности (населения приграничных районов). Социологический подход позволяет представить общественное мнение как распространение показателей при проведении опроса.

Во-вторых, при изучении общественного мнения о деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь необходимо опираться на плюралистический подход к определению субъекта общественного мнения, который предполагает, что общественное мнение может быть выражено различными позициями. Общественное мнение складывается из мнений индивидов, это и дает возможность его социологического замера. Понимая сложность, многоуровневость социальной структуры современного белорусского общества, наличия в нем разнообразных слоев, классов и социальных общностей, а, следовательно, и огромного разнообразия различных мнений, автор исследования больше склоняется к плюралистическому подходу в понимании сущности общественного мнения. Данная точка зрения соответствует современному подходу в понимании общественного мнения.

Библиографический список

1. Епархина, О. В. Социология общественного мнения: учебник для студ. учреждений высш. проф. образ. / О. В. Епархина. – М. : Издательский цент «Академия», 2013. – 240 с.
2. Селькова, Е. П. Социология общественного мнения: учебное пособие / сост. Е. П. Селькова. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2011. – 84 с.
3. Титаренко, Л. Г. Социология общественного мнения: курс лекций / Л. Г. Титаренко. – Изд. 2-е. дополн. – Минск : Асар, 2013. – 255 с.
4. Уледов, А. К. Общественное мнение советского общества / А. К. Уледов. – М. Соцэкгиз, 1963. – 391 с.

РОСТ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В ИНЖЕНЕРИИ ЗНАНИЙ

И. П. Скиба,
Гуманитарный институт Национального авиационного университета, Киев,
skibaip@gmail.com

Наука, начиная с эпохи Возрождения, заняла ведущую позицию в мировоззрении человечества. Именно наука в общественном сознании заняла место важнейшего базового института, в котором формировалась единая картина мира и общие теоретические системы, по отношению к которым выделялись частные теории и предметные области профессиональной деятельности в общественной практике. До середины XX века в общественном сознании западной цивилизации укоренилась идея, что наука и техника в будущем решат все социальные, экономические, нравственные проблемы отдельного человека и человечества в целом. Однако преобразования научного знания на инструментальное, дав толчок прироста креативных возможностей человека, привело тем самым и к качественному скачку разрушительных сил. Причину этого исследователи видят в том, что, объединившись, наука и техника в своем развитии направлялись в основном внутренней логикой и техногенными ценностями, потеряв социокультурное измерение. Ныне понятно, что роль науки была несколько преувеличенной, иногда понималась как панацея от всего. Как следствие, возникает другая крайность: в науке начинают видеть зло и раздаются призывы отказаться от нее.

Современная культура является очень неоднородной, в частности, номинально вмещает в себя технокультуру, которая находится по отношению к ней в состоянии борьбы. Это соответственно затрудняет оценку роли инструментального знания в социокультурной деятельности и делает ее неоднозначной.

За последние десятилетия существенно изменилась роль науки по отношению к общественной практике (наука и общественная практика понимаются в самом широком смысле). Триумф науки остался в прошлом. С XVIII и до середины XX века открытия в науке следовали за открытиями, а практика следовала за наукой, «подхватывая» эти открытия и реализуя их в общественном производстве – как материальном, так и духовном. Но затем поток открытий оборвался – последним крупным научным открытием было создание лазера (СССР, 1956 г.). Постепенно, начиная с этого момента, наука стала все больше «переключаться» на технологическое совершенствование практики: вместо понятия «научно-техническая революция» чаще стало употребляться понятие «технологическая революция», а также, вслед за этим возникло понятие «технологическая эпоха» и т.п. Основное внимание ученых переключилось на развитие технологий. Возьмем, к примеру, стремительное развитие компьютерной техники и компьютерных технологий. С точки зрения «большой науки» современный компьютер по сравнению с первыми компьютерами 40-х годов XX века, принципиально ничего нового не содержит. Существенно уменьшились его размеры, увеличилось быстродействие, выросла память, появились языки

непосредственного общения компьютера с человеком и т.д. – т.е. стремительно развиваются технологии. Если раньше в научном обиходе были теории и законы, то теперь наука все реже достигает этого уровня обобщения, концентрируя свое внимание на моделях, характеризующихся многозначностью возможных решений проблем. Итак, наука как бы переориентировалась больше на непосредственное обслуживание практики, ее технологическое совершенствование.

Классический способ взаимодействия науки и практики сводился к тому, что наука производила знания (законы, принципы, теории), что имело достаточно устойчивый характер (использовалось на протяжении десятилетий, веков), а практика использовала это знание в своих нуждах. В последнее же время наука в значительной мере сориентировались на получение так называемого «ситуативного» знания, особенно это касается гуманитарных, общественных и технологических отраслей. Включение субъектной деятельности исследователя в контекст науки привело к изменению понимания предмета знания: им предстала теперь не реальность «в чистом виде», а некоторый ее срез, что задается сквозь призму принятых теоретических и эмпирических средств и способов ее освоения субъектом; взаимодействие объекта исследования с исследователем (в том числе посредством приборов) не может не привести к различного проявления свойств объекта в зависимости от типа его взаимодействия с субъектом в различных, в том числе несовместимых условиях. А это означает правомерность и равноправие различных научных описаний объекта, в том числе различных теорий, описывающих один и тот же объект, одну и ту же предметную область. Ныне многие социально-экономические системы исследуются посредством построения математических моделей с использованием различных разделов математики: дифференциальных уравнений, теории вероятности, нечеткой логики, интервального анализа и тому подобное. Причем интерпретация результатов моделирования одних и тех же явлений с использованием разных математических средств дают хотя и близкие, но все же разные выводы.

Значительная часть научных исследований сегодня проводится в прикладных областях, в частности, в экономике, технологиях, образовании и т.д. и посвящается разработке оптимальных ситуативных моделей организации производственных, финансовых структур, образовательных учреждений, фирм и т.п., но оптимальных в данное время и в конкретных условиях. Результаты таких исследований имеют актуальность непродолжительное время, так как изменятся условия и такое знание никому не будет нужным. Но, вместе с тем, и такая наука является необходимой и такого рода исследования в определенном смысле являются научными исследованиями.

Ныне, кроме научного знания, у человека все чаще возникает потребность использовать и ненаучные знания. Так, знание правил пользования компьютерным текстовым редактором, банки и базы данных, стандарты, статистические показатели, огромные массивы информации в Интернет и т.д. Часто в публикациях авторы разделяют эти понятия на знание (научное знание) и информацию.

Также выделяют противоречия в практике. Развитие науки, в первую очередь природоведческого и технического знания, обеспечило человечеству индустриальную революцию, благодаря которой к середине XX века была решена проблема голода, а также созданы благоприятные бытовые условия жизни. Изобилие продовольствия, товаров, услуг сопровождалось развитием во всей мировой экономике острой конкуренции. Переход человечества в совершенно новую, постиндустриальную эпоху своего развития, привел к огромным деформациям – политических, экономических, общественных, культурных и т. д. Также одним из признаков этой новой эпохи стали нестабильность, динамизм политических, экономических, общественных, правовых, технологических и других ситуаций. Все в мире начало непрерывно и стремительно изменяться и, соответственно, общественная практика должна постоянно перестраиваться на все новых и новых условиях. Следовательно, инновационность практики становится главным атрибутом современности.

В постиндустриальном обществе развитие практики происходит по иному пути –

практические работники не дожидаясь научных исследований, сами стали создавать инновационные модели социальных, экономических, технологических, образовательных и других систем: авторские модели производств, фирм, организаций, школ, авторские технологии, авторские методики и т.д. В прошлом веке, наряду с теориями, появились такие интеллектуальные структуры как проекты и программы, а к концу XX века деятельность по их созданию и реализации стала массовой. Их основу составляют не столько теоретические знания, сколько аналитический способ труда. Мощная теоретическая база науки создала условия для появления новых технологий не только вещного, но и знакового производства (модели, алгоритмы, базы данных), которые стали ведущей формой организации деятельности.

Специфика современных технологий заключается в том, что ни одна теория или профессия не в состоянии перекрыть весь технологический цикл того или иного производства. Сложная организация технологий приводит к тому, что традиционные профессии обеспечивают лишь одну или две ступени больших технологических циклов, и для успешной работы и карьеры человеку важно быть не только профессионалом, но быть способным активно и грамотно включаться в эти циклы.

Для грамотной организации проектов, для грамотного построения и реализации новых технологий, инновационных моделей практическим работникам необходимо овладеть научным стилем мышления. Научный стиль мышления включает такие необходимые в данном случае качества как диалектичность, системность, аналитичность, логичность, широту вȉдения проблем и возможных последствий их решения. Возникает также потребность в навыках научной работы: прежде всего, в умении быстро ориентироваться в потоках информации и создавать, строить новые модели, как познавательного характера (научные гипотезы), так и прагматические инновационные модели новых систем (экономических, производственных, технологических, образовательных и т.д.). Возможно, именно этим объясняется общемировая тенденция роста практических работников всех рангов (менеджеров, финансистов, инженеров, технологов, педагогов и т.д.) для научных исследований. А аспирантура и докторантура превращаются в очередные ступени образования.

Психологи показали, что теоретик ищет инновационное, остроумное, выдающееся решение, а практик – прежде всего наверняка осуществимое. Теоретику интересно находить идею решения, функциональное решение, а практик стремится найти воплощение этого функционального решения. Теоретик остается на уровне целей, практик погружается в условия и способы, орудия и средства. Действие и цель будут осознаваться, вербализоваться и т.п., а способы, условия будут трудно досягаемы для осознавания и вербализации. Эксперт, практик владеет многими разными способами. Эти способы у него ситуативно оснащены, как бы включают в себя условия осуществления. Способы индивидуализированы, освоены своеобразно, специфично и в разной степени. Инструмент – специально созданное социумом орудие с закреплённой функцией. Инструментальное знание является неотъемлемой частью и характерным примером знания практического и кодируется не только и не столько в речевой форме. Являясь разновидностью практического, направлено преимущественно не на передачу, а на реализацию [1]. Этим можно объяснить бедность инструментального словаря. Знание об инструменте и способе преобразования является автоматизированным. Инструментальное знание опосредованно задачей и спецификой ситуации преобразования, которая выступает в качестве условий деятельности.

Таким образом, в современных условиях наука и практика стремительно сближаются. Близкими также становятся образы мышления управленцев, других практических работников и ученых, повышается роль научных методов в практической деятельности. В организации как научной деятельности, так и практической становится много общих черт. Можно констатировать, что роль инструментального знания в современном обществе изменилась кардинальным образом [2]. И этот фактор вызывает и будет вызывать суще-

ственное влияние на все стороны жизни общества: политику, экономику, социальную сферу, образование, культуру и т. д.

Библиографический список

1. Корнилов, Ю. К. Инструментальный опыт как компонент опыта практического преобразования / Ю. К. Корнилов, И. Ю. Владимиров. // Ярославский психологический вестник. – Вып. 16. – М.; Ярославль: Изд-во РПО, 2005. – С. 21–28.
2. Скиба, І. П. Інструментальне знання у контексті практичного мислення / І. П. Скиба // Наукові записки Київ. Ун-ту туризму, економіки і права. – Філософські науки. – К.: КУТЕП, 2014. – Вип. 17. – С. 363-375.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К КУЛЬТУРЕ В. Л. АБУШЕНКО

А. В. Комаровский,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Классификационный подход в изучении культуры длительное время играл роль ключевого исследовательского инструмента в конкретных исследованиях культуры и ориентира в теоретико-методологических разработках в сфере изучения культуры, конечная цель которых – совершенствование классификации культуры, достижение ее универсальности. Такая установка исходила из предположения о возможности выделить исчерпывающий перечень оснований (критериев) для классификации некоего, соответственно, конечного «универсума» культур.

По мере укрепления доминирующих позиций постнеклассической гносеологии в гуманитаристике обнаружилось, что такая логика и сам подход обладает рядом недостатков. Во-первых, классификационный подход не позволяет провести метатеоретический анализ различных подходов (методологий) к изучению культуры, поскольку сам он, в сущности, является одним из таковых подходов (нужно отметить, вполне метатеоретического характера). Во-вторых, работая на дескриптивном уровне, классификационный подход не способен предложить схему для выбора и обоснования применимости того или иного подхода для анализа с учетом специфики культурных феноменов. В-третьих, классификационный подход не может предложить четко структурированный механизм комбинации различных исследовательских подходов с претензией на целостный и многомерный анализ культуры.

В контексте данных проблем в работах В. Л. Абушенко был концептуализирован, описан и схематизирован типологический подход к изучению культуры [1]. В схеме выделено десять подходов (предметный, деятельностный, аксиологический, технологический, знаковый, игровой, текстовый, коммуникативный, субъектный и системный). Схема обладает тремя отдельными «рабочими планами», соответствующими требованиям к теоретико-методологическим разработкам (историчности, дидактичности и операциональности). Во-первых, такая схема должна выступать псевдогенетической, идеализированной реконструкцией «фактической» истории становления различных теорий и подходов к изучению культуры (требование *историчности*, релевантное задаче внутридисциплинарной исторической и теоретической рефлексии, критики и разработки). Во-вторых, включать экономный и при этом исчерпывающий перечень парадигмальных образцов изучения культуры, упакованных в понятный образовательный продукт (требование *дидактичности*, релевантное задаче дисциплинарного самовоспроизводства в образовательных практиках). И, в-третьих, предоставлять идеализированную онтологическую картину устройства современной культуры, задающую рамочный исследовательский горизонт и стратегию иссле-

дования культуры и ее конкретных феноменов (требование *операциональности*, релевантное задаче проведения конкретных меж- и внутридисциплинарных, сравнительных и локальных исследований).

Каждый подход соотносим с реальными теоретико-методологическими образцами изучения культуры («парадигмами») и включает в себя ряд конкретных «авторских решений» (подпрограмм). Нумерация подходов в схеме отражает порядок выхода подходов в доминантную позицию, являясь идеализированным представлением действительной истории развития области социологического изучения культуры. Однозначное отнесение подходов к данным периодам достаточно условно, так как внутри каждого подхода в процессе последующего развития и переинтерпретации в условиях критики и борьбы с другими, более «зрелыми» подходами находились и разрабатывались познавательные ресурсы иного типа, нежели заданные основоположниками и приверженцами в процессе его развития.

Кроме того, каждый подход описывает типовую методологию изучения культуры, которая обладает собственным «твердым» ядром» (И. Лакатос) из базовых аксиом, определяющих одновременно предметный и методологический фокус подхода. Подход претендует на тотальный срез пространства культуры, стремясь свести ее разнообразие к единому «знаменателю», схватывающему при этом культуру как целостность. Поэтому отдельный подход (программа) недостаточен для комплексного анализа культуры или ее отдельных феноменов, но обладает «универсальностью» избранной перспективы, поскольку «позволяет схватывать ее как целостность, обеспечивающую воспроизводство, функционирование и развитие социума и всех его компонентов, начиная с личностного и заканчивая глобальным уровнем его организованности» [2, с. 344]. Конкретные, авторские исследовательские программы являются, как правило, комбинацией нескольких подходов, один из которых является основным (доминантным).

Наконец, каждый подход является элементом единой, комплексной онтологии и методологии изучения культуры, отдельных культурных феноменов. Поскольку отдельные подходы недостаточны для интегрального изучения культуры, требуется их комплексирование. Данная процедура предполагает вовлечение познавательных ресурсов отдельных подходов в той мере, насколько они затребованы целью, проблемами и методами анализа. Исследовательские программы, претендующие на тотальный анализ культуры, являются результатами комплексирования (или конфигурирования) всех или большинства подходов. Таким образом, действительно целостный анализ культуры не может проводиться в рамках одного или нескольких отдельных подходов, но требует вовлечения широкого перечня подходов, обеспечивающих такому исследованию *междисциплинарный* характер.

Цель дальнейших теоретико-методологических исследований в сфере изучения культуры – детальная операционализация данных подходов и разработка процедур комплексирования (сочетания) подходов с целью проведения исследований культурных феноменов и сравнительного культурного анализа с привлечением широкого круга дисциплинарных перспектив и исследователей.

Библиографический список

1. Абушенко, В. Л. Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии / В. Л. Абушенко // Социологический альманах. – 2011. – Вып. 3. – С. 124–140.
2. Абушенко, В. Л. Культурсоциология: возможность иного взгляда на социальную теорию / В. Л. Абушенко // Вопросы социальной теории. – 2008. – Том 2. – С. 329–344.

ИФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: PRO ET CONTRA

Л. В. Рыжко,

доктор философских наук, профессор, Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины, г. Киев

Исследование влияния информационных технологий на человека, общество, социальные институты, культуру уже имеет историю, определённые традиции и оппонентов, прежде всего в создании разнообразных теорий информационного, знаниевого, сетевого, цифрового общества (Д. Белл, М. Кастельс, И. Масуда, Ф. Махлуп, Дж. Нейсбит, А. Турен, В. Л. Иноземцев, И. Ю. Алексеева, К. К. Колин, В. С. Лукьянец и др.). Можно предположить, что дискурс по поводу влияния ИТ будет и дальше множиться. Ведь основой современных ИТ является Интернет, а он является, словами создателя Всемирной сети Т. Бернс-Ли, не отдельным инструментом, которым пользуются люди, и даже не зеркалом реальной жизни, а частью самой ткани жизни, которую плетёт каждый из нас [1, с. 81]. Принципиальной особенностью Всемирной сети является отсутствие у неё центра, который рано или поздно стал бы тормозом развития, по мнению Э. Шмидта это самый большой в истории человечества анархистский проект по созданию самоуправляемого пространства [2, с. 12].

ИТ формируют новую интеллектуальную среду, изменяют стиль жизни человека, быт, учёбу, работу, отдых, общение. Автор популярного сегодня языка программирования C++ Б. Страуструп предполагает, что сегодня в мире компьютеров больше чем людей [3, с. 53]. Большинство из них не имеют привычных нам дисплеев, клавиатур, мышек, они встроены во всевозможные предметы, в случае подключения к Интернету «общаются» между собой формируя т.н. Интернет вещей, сети Smart вещей, а будучи подключенными к 3-d принтеру могут напечатать любую вещь.

Вместе с тем новая «информационная» среда обитания человека не только увеличивает возможности, но и несёт негативные последствия: усиление информационного давления, манипуляция сознанием, возможность внедрения в личную жизнь, информационная преступность, угроза существованию локальных культур и сохранения языков малых народов, возникновение «информационного неравенства», бесконечные «информационные войны». На уровне отдельной личности угрозами являются «компьютерная», «игровая зависимости», «виртуализация» сознания, а утрата навыков писать от руки (которая развивает мелкую моторику) не только отражается на развитии памяти и грамотности, но может стать угрозой снижения активности мозга.

Хотя негативные стороны ИТ известны всем и активно обсуждаются, технический прогресс имеет характерную особенность – его нельзя остановить. Реализуя функции информационной и коммуникационной инфраструктуры, данные технологии способствуют созданию новой социальной, культурной, политической, экономической ситуации, или точнее, переносят сферу реализации данных процессов в виртуальное пространство. Происходит виртуализация социальных институтов. Её проявлением есть подмена вещей и процессов их симулякрами – образами, которые мигрируют электронными сетями. В экономике стоимость определяют бренды, успех в политике – имидж, в искусстве и науке – реклама и тренды.

ИТ способствуют формированию новых форм сотрудничества и солидарности людей, независимых от традиционных социальных институтов, финансовых учреждений и правительств. Они основываются на принципах доверия, а не фиксированных договорах. Примерами такого сотрудничества могут быть уже привычные одноранговые сети p2p (peer to peer – равный равному), в которых пользователи сети осуществляют обмен файлами, нередко нарушая право интеллектуальной собственности. Без сотрудничества волонтёров (Mapping Party) невозможно было бы создание детальных карт пешеходных

маршрутов. О росте популярности непосредственных контактов и сопротивлении традиционных институтов свидетельствует забастовка лондонских таксистов 2015 года, вызванная потерей клиентов вследствие того, что часть людей начала пользоваться интернет-сервисом, который помогал найти того, кто может подвезти за умеренную плату. К подобным феноменам относятся и новые способы инвестирования, которые осуществляются без участия банков и кредитных организаций. Данный вид услуг получил название – краудфандинг – финансирование группой. Собственно «философия» краудфандинга выражает общую направленность многих данных процессов – в отличие от обычного «помоги мне сделать» действует принцип «давай сделаем вместе» [3].

Таким образом ИТ создают возможность самоорганизации общества на принципиально отличных основаниях. Объединение индивидуальных инициатив осуществляется не вокруг института, а вокруг личности. При этом определённые социальные институты, вполне возможно, потеряют ведущее место в обществе, так роль бюрократии, вероятно, будет уменьшаться. Значительными представляются и культурно-антропологические трансформации. Экранная культура меняет не только телесность, психологию, но и психику современного человека. Данную ситуацию сравнивают с формированием новой архаики где живёт «новый первобытный» человек (М. Мак-Люэн), «цифровой абориген», «цифровое поколение» (М. Пренски), с характерным для неё магическим ренессансом, неомифологизмом, иррациональностью. Виртуальный мир – это потусторонность, мир духов, а собственная страничка в Сети – своеобразный магический двойник. Современный человек – человек экранной культуры, имеет «клиповое» сознание, ориентированное на релятивизм и кратковременные процессы. Такой субъект воспринимает феномены мира чисто информационно, сравнивая их с похожими явлениями, ища простые аналогии, но мир как целостность для него ещё непостижим. Сознание постмодерного человека направлено не на поиск смыслов, который представляется условным, релятивным, а на процесс движения между смыслами или значениями. Номадическое блуждание между смыслами, движение между значениями в пространстве Сети, превращает человека с искателя в медиума мультикультурных смыслов. Вместо логоцентризма модерна в постмодерне доминирует релятивизм, ситуационность, прагматизм, размытость смыслов, условность ценностей.

Американский писатель, популяризатор игрового обучения М. Пренски, утверждает, что современное «цифровое поколение» способно интуитивно овладевать новой техникой, не читает инструкции, а знает, что программа сама «научит» как ею пользоваться, оно может одновременно обучаться, слушать музыку, смотреть телевизор[4]. Тем не менее, дальнейшие исследования показали, что «цифровыми аборигенами» не рождаются, ими можно только стать, приложив определённые усилия [5]. Причём далёким от истины оказывается тезис, что современная молодёжь стремится в процессе обучения использовать инновационные информационные технологии, традиционная роль учителя, непосредственных контактов, передача «личностного» знания (М. Полани) ни в коей мере не теряет актуальности.

Таким образом ИТ существенно меняют стиль жизни, модели поведения современного человека, формируют как перспективы, расширяют возможности так и несут риски. Но экспансия техники, технологий есть реальность современного мира. Её надо адекватно воспринимать и анализировать. Но не отбрасывать неоспоримого факта, что техника во все времена была и будет только средством достижения цели. Цель всегда определяет человек и преимущество нужно отдавать развитию человеческого потенциала, а не технического.

Библиографический список

1. Бернерс-Лі, Тім Заснування павутини. З чого починалася і до чого прийде Всесвітня мережа // Т. Бернес-Лі, М. Фічетті / К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 207с.

2. Шмидт, Э. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: – 2013. – 368с.
3. [Электронный ресурс] – Режим доступа – www.forbes.ua – Дата доступа: 20.07.2015.
4. Prensky, M. Digital Natives? Digital Immigrants.//From On the Horizon (MCB University Press. Vol.9 N5.October 2001) (www.marcprensky.com, – Режим доступа 03.06.15).
5. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – www.detionline.com – Дата доступа: 3.06.15.

ЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ИМЕНОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С. В. Воробьёва,
кандидат философских наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск

Часть методологических проблем социологии всегда принадлежала логическим теориям, в частности, логической теории имен. Любому логическому выводу предшествует некоторый скрытый процесс, обусловленный восприятием определенного объекта. Структура подобной перцепции включает распознавание его признаков, способы их комбинации (конъюнктивные, дизъюнктивные или импликативные), определение степени значимости свойств и установление допустимых пределов, которые не должны превышать различительные свойства. Определенная степень значимости свойств объекта позволяет отнести его к какому-либо классу, установление допустимых пределов – очерчивает диапазон значений признаков, вне которых теряется идентичность объекта. Поэтому социологические исследования прямо или косвенно реализуют подход к именам как к смысловой модели объекта, выражающей замысел об именуемом предмете [1, с. 97].

Отношение именования инвариантно, т.е. существует не один способ именования объектов. Различные способы именования объектов сообщают о нем разные сведения, раскрывают различные аспекты обозначаемого объекта, явно или неявно демонстрируют отношения к нему [1, с. 118–129]. Инвариантность именования обусловлена базовым методологическим различием в степени формализации имен, т.е. уплотнении смысла и снятии ненужных ассоциаций. Например, имена из правовой сферы вследствие их формализации менее эристичны (спорны) по сравнению с именами из повседневного языка, в котором следует ставить вопрос о степени искажения в логических процедурах именования. Мысленные представления людей как личностные когнитивные модели всегда будут отличаться от реального мира. Такого рода модели иначе называют «внутренними картами, аналогичными, например, картам городов» (Г. Хакен). Но когнитивная карта не является территорией мира. Отсюда следует необходимость осознания степени различия между моделью мира (способами именования) и реальным миром.

Необходимость осознания степени различия обусловливает вовлечение в исследовательское поле проблемы паралогизмов как неизбежного и непреодолимого фактора в естественных рассуждениях и в аргументации. Именование как отношение между означаемым (денотатом, или референтом) и означающим (смыслом) функционально исчисляется логическими и паралогическими схемами. Логические схемы конструируются на принципах сравнимости и несравнимости, совместимости и несовместимости, которые графически изображаются с помощью круговых схем Эйлера. Структуры именования, не укладывающиеся в рамки логической графики, являются паралогическими (риторическими) структурами. В случае паралогического именования репрезентация предмета (денотата) осуществляется посредством другого имени (смысла), неразрывно связанного в сознании с представлением об этом предмете, т.е. означаемое (именуемое) экспонируется посредством означающего из другой сферы. Паралогические структуры именования являются позитивными аналогами логических ошибок.

Паралогические структуры именования связывают две понятийные сферы (два представления) – сферу-источник и сферу-мишень: именуемое и именующее (означаемое и означающее, определяемое и определяющее, имплицируемое и имплицирующее и др.). Сфера-источник предполагает четкое структурирование как необходимое условие понимания других сфер. Сфера-мишень, напротив, требует категоризации, объяснения, концептуализации. С этой точки зрения именование представляет собой присваивание значений других означающих, существующих в культурах общества (правовой, политической, бытовой, потребительской и пр.). Осуществляется «импортирование» известных аудитории значений из сферы-источника в сферу-мишень.

Основу паралогического именования составляют четыре принципа: 1) тождество (эвфемизм, дисфемизм, плеоназм); 2) сходство (метафора); 3) смежность (метонимия); 4) несовместимость (ирония). Эвфемизм – именование, основанное на тождестве двух разных представлений, соотносимых с одним референтом, с целью замены неуместного по каким-то причинам в данном контексте имени другим именем, дозирующим (смягчающим или скрывающим) прямой смысл. Эвфемистические именования – *перемещенные ценности* или *имущество, незаконно захваченное во время войны*; *сепаратисты* или *бандформирования*; *монетизация льгот* или *отмена льгот* – с одной стороны, предлагают аудитории самой догадаться, о чем идет речь, с другой, – контролируют и управляют когнитивными структурами сознания. Дисфемизм – противоположность эвфемизма – направлен на формирование или усиление негативного отношения к обозначаемому объекту (*сладкий яд* и *белая смерть* вместо *сахар* и *соль*).

Плеоназм – именование, содержащее функциональную характеристику, без которой именуемый предмет невозможен. *Коммуникативный разум*, *инструментальный разум* или *человеческое сознание* являются именами с избыточным содержанием. Аналогично – *социальное государство*, *содержательная информация*, *толпа людей*, *планы на будущее*, *неиспользованные резервы*, *неотъемлемый атрибут, натуральный сок*. Плеоназмы не допускают осмысленных отрицаний, поэтому их использование может имплицировать вопросы типа «Что такое некоммуникативный разум?» и «Что такое неинструментальный разум?», с чего очень часто начинают критику Франкфуртской школы и Ю. Хабермаса.

Метафора – именование, основанное на сходстве двух объектов при отсутствии реальной связи между ними. Метафора выдвигает сходство и заставляет обратить на него внимание (например, у М. Арбатовой: *проблема зоологического сознания*; *женщина остается социальным и финансовым инвалидом*). Метафорическое именование – как расширение первичного значения за счет нового – определяет «силу метафоры», зависимую «от нашей неуверенности, от наших колебаний между этими двумя значениями» (Д. Дэвидсон). Длительные, тщательные и подробные развертывания сходств между объектами лежат в основе пропагандистских риторик. Крайним случаем такой риторики психиатры признают «технологии контролируемой шизофрении» (например, сектантские технологии).

Метонимия – именование, основанное на наличии реальной связи между называемым объектом (именуемым) и объектом, который имеется в виду (именующим). Эта связь (смежность) означает сосуществование денотата и смысла в логической, временной или пространственной модели организации, что позволяет осуществлять переход от одной темы к другой. Именно метонимия обусловливает индексную сущность языка (использование имен как знаков-индексов). Освоение реальности на уровне знаков-индексов связано, например, с распознаванием основания по его следствию, с восстановлением целого по его одной части или с распознаванием отдельного элемента или функции в контексте реконструкции объекта. Метонимические схемы замещают класс действий и поведений (стиль мышления, оценки, убеждения, взаимоотношения человека и т.д.). Данные схемы обеспечивают восстановление содержимого по содержащему, человека – по ситуации или принадлежности к группе, своего – по чужому, места – по продукту.

Ирония является формой именования, предусматривающей употребление имен в

значении, противоположном буквальному (положительному) значению с целью сокрытия отрицательного подтекста. Она может принять на себя добавочную функцию намека как способа косвенного информирования. Например, у М. Задорнова читаем: «Мы – миролюбивая страна, поэтому не оставим мир в покое» или «Бедный, бедный олигарх». Ирония как неправомерное именование (недопустимая иллюстрация) позволяет убеждать в обратном.

Комбинации паралогических структур предполагают дополнительные шаги интерпретации, например, двухуровневые – сходство и несовместимость при наличии метафоры и иронии (*У нас не офис, а филиал Кащенко*), смежность и несовместимость при наличии метонимии и иронии (*Директор у себя, но не в себе*). Результат метафорически-метонимического комбинирования можно иллюстрировать рекламным слоганом: «формула (*гибкая*, *мягкая*, *шипучая*, *активная*, *деликатная* и пр.) шампуня (*мыла*, *жевательной резинки*, *стирального порошка* и пр.) защищает (*гарантирует*, *питает*, *укрепляет*, *бережно очищает* и пр.) волосы (*кожу*, *зубы*, *белье*)». Новые имена также иллюстрируют комбинации паралогических структур: *восстановленный сок*; *аромат, идентичный натуральному*; *жидкий кальций*.

Языковые сложности, возникающие в социологических исследованиях, преодолеваются процедурами стандартизации. Стандартизация – редукция смысла, основанная на использовании паралогических средств. Метонимии, метафоры, эвфемизмы и дисфемизмы позволяют контролировать смысл, сообщаемый в информации. Согласно Г. Тарду, «любая социальная группа – это хаос не только не тождественных, но часто противоречивых друг другу идей, мнений». Приведение их «к единому знаменателю» – основная задача языка. Отсюда «любое социальное отождествление возможно благодаря языку» и «никакая социальная идентификация невозможна без языка» [2, с. 112, 114, 127]. Согласно Дж. Брунеру, переносу внимания «на промежуточные малопонятные переменные» должно предшествовать «изучение вариаций восприятия», понимание «перехода от неразличения к различению», классификация «стратегий приема информации» [3, с. 66, 131, 170]. Например, метонимическая схема выбора, включающая «мнение близких», «страх» и «совесть», не является адекватной в выявлении факторов нравственного поведения, так как генерирует пересекающиеся комбинации, допустим, «страх перед мнением близких».

Таким образом, специфика и регулярность типов и функций именования должна стать отправной точкой в методологии социологических исследований. Основанием для этого является существование общих принципов использования имен, которые детерминируют логические и паралогические схемы интерпретации информации. Структуризация и каталогизация способов именования позволяет конструировать социальную истину «как подвижную армию метафор, метонимий и антропоморфизмов» (Ф. Ницше). Формализация логических и паралогических механизмов именования позволяет устанавливать степени достоверности, эристичности, умолчания, искажения и других аспектов использования имен. Это способствует разработке системы оценочных высказываний, определяющих статус, размер, масштаб, интенсивность проявления и иные характеристики социальных явлений, обеспечивая надежность и валидность результатов социологических исследований.

Библиографический список

1. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация / С. В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2010.
2. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб., 1996.
3. Брунер, Дж. Психология познания / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977.

РЕШЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

М. А. Ласточкина,
кандидат экономических наук,
Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) сопровождается активным их проникновением практически во все сферы жизнедеятельности общества. Сейчас без использования компьютера очень сложно представить и проведение научных исследований. Многие результаты таких работ хранятся, обрабатываются или анализируются с помощью ИКТ. Разнообразное программное обеспечение также существенно упростило процедуры сбора, хранения и анализа социологических данных, их наглядное представление, свод и публикацию. Инновационные и технологические разработки в данной сфере расширяют возможности для исследователей и научных коммуникаций, упрощают многие задачи социологам и респондентам. Вместе с этим растет востребованность анализа больших баз данных социологических исследований. Появляется более глубокое и многоаспектное рассмотрение происходящих явлений в изучаемом социуме, которое достигается благодаря использованию соответствующего программного обеспечения и пакетов прикладных программ. Выявления тенденций и закономерностей развития на основе проведения корреляционного, регрессионного, кластерного, факторного и других видов анализа уже стало неотъемлемой частью большинства исследований. Информационные и компьютерные технологии представляют целый ряд преимуществ, который не ограничивается представленным ниже списком:

– удаленная (дистанционная) работа исследователей;

– графическое и картографическое изображение данных;

– различные виды представления данных (печатный, электронный), а также ее передача, тиражирование;

– надежность хранения и быстрота работы с большими массивами информации;

– расширение и углубление анализа данных (первичный, вторичный анализы), построение прогнозов.

Не вдаваясь в подробности описания подготовительных этапов работы (формулировка задач исследования, предварительное изучение объекта исследования, разработка программы исследования, анкеты и т.д.) и даже самого метода анкетирования. Обратимся к процедуре сбора ответов респондентов в базу данных и анализу результатов. Основными техническими средствами, используемыми на данном этапе, являются компьютер, сканер и соответствующее программное обеспечение. Одним из популярных пакетов статистической обработки данных в социологических исследованиях является – SPSS (Statistical Package for the Social Sciences – статистический пакет для общественных наук). В частности все базы данных социологических исследований, проводимые Институтом социально-экономического развития территорий РАН, формируются с помощью SPSS DE, работающей под DOS. Интерфейс программы создан таким образом, что все данные анкеты заполняются в одном диалоговом окне, что дает наглядность и быстроту работы для заполнения данных опроса в распределенном режиме. Предварительно инженером создается форма для ввода анкеты (под каждый социологический опрос своя), в которой указываются правила для их заполнения. Более современные модули SPSS Data Entry (Station), являющиеся приложением Microsoft Windows не используется в силу (как отмечают лаборанты, заполняющие данные в формы) потери наглядности ввода данных, по сравнению с предыдущей версией программного обеспечения. В качестве хранилища для архива используется сервер ИСЭРТ РАН, кроме того каждая база проходит патентование в Роспа-

тенте. Данные сохраняются в виде файлов с расширением .sys и .sav, которые в последствие используются для анализа, могут быть импортированы в Microsoft Excel. Соответственно изучение статистических закономерностей можно проводить как с помощью SPSS, так и Excel. Зачастую задачи исследователей ориентированы на построение кросстаблиц, вычисление индексов, корреляционно-регрессионный анализ, кластерный или факторный анализ.

В данной статье рассмотрим задачу выявления зависимости модернизационного развития территории и социокультурных характеристик населения региона. Поставленная задача была выполнена с помощью SPSS и информационно-аналитической системы «Модернизация» (http://mod.vscc.ac.ru/). Социокультурные характеристики населения определялись с помощью коэффициентов, рассчитанных по данным социологического исследования общественного мнения оценок населением основных параметров их жизнедеятельности в регионах Северо-Западного федерального округа (ИСЭРТ РАН, 2013 г.). Выборочная совокупность составила 4032 человека в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5 % при вероятности 95 %) судить о социокультурной обстановке в каждом субъекте СЗФО и осуществлять межрегиональные сопоставления (анкеты база формировалась с помощью SPSS). Для расчета коэффициентов был использован способ взвешенных средних баллов:

– коэффициент удовлетворенности (жизнью);

– коэффициент уверенности;

– коэффициент карьеризма:

– коэффициент управления;

– коэффициент ценностных предпочтений (14 ценности: семья, порядок, общительность, жизнь человека, традиция, свобода, независимость, работа, инициативность, жертвенность, благополучие, нравственность, властность, своевольность) [1].

Доля среди ответивших утвердительно:

– коэффициент среднего слоя;

– коэффициент новаторства;

– коэффициент мобильности (коэффициент соотношения между восходящей и нисходящей мобильностью) [3].

Модернизированность территории СЗФО рассчитывалась с помощью индекса вторичной модернизации (ВМ) вычисленного в Информационно-аналитической системе мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация), в соответствии с методологическими разработками Центра исследования социокультурных изменений Института философии РАН [2]. ВМ представляет собой тип модернизации, при котором осуществляется переход социально-экономической системы в информационное общество, приоритетными становятся инновации, знания, производство высокотехнологичной продукции. Оцениваются четыре области: трансляция знаний, качество жизни, инновации в знаниях, качество экономики.

После расчета социокультурных коэффициентов, данные из SPSS были импортированы в Excel, а потом уже в ИС «Модернизация» (таблицы импорта для «Модернизация» должны быть в формате .xls). На первом шаге проводимого анализа были построены поля корреляции между индексом вторичной модернизации и коэффициентами.

Средипостроенных полей корреляции опишем случаи, когда можно сделать предварительный вывод о форме зависимости величин. Так, сущесвтует положительная связь между индексом ВМ и коэффициентами мобильности, управления, удовлетворенности жизнью, уверенности и новатораства (рис. 1).

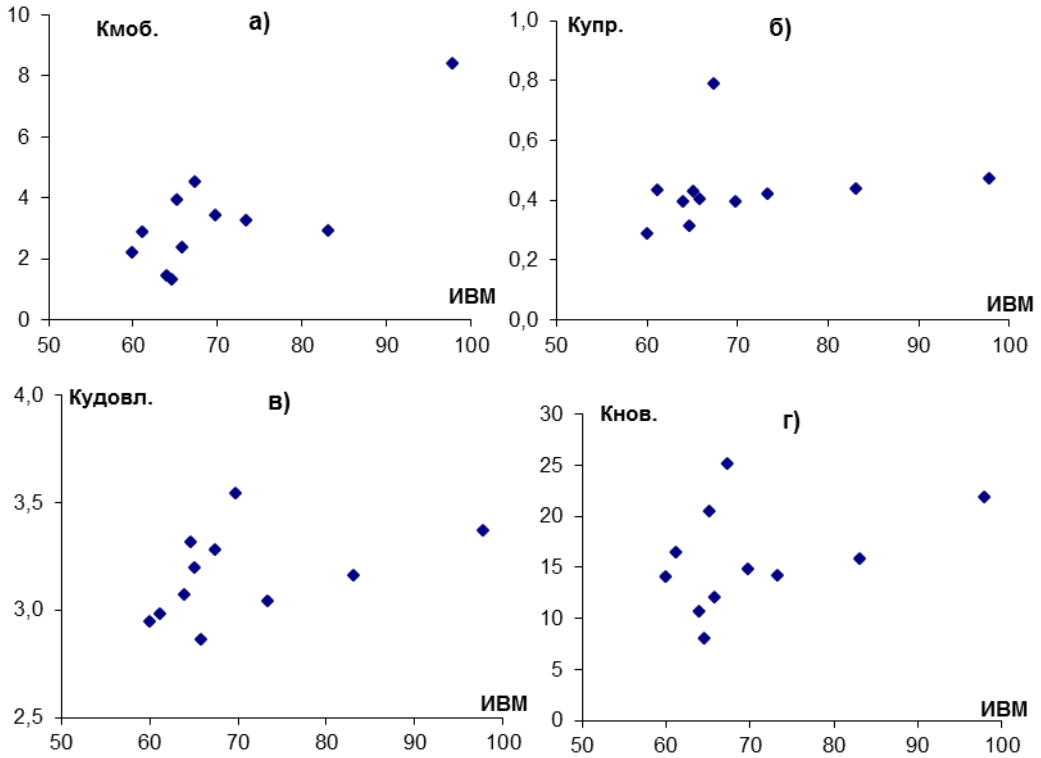

Рис. 1. Поле корреляции индекса вторичной модернизации и коэффициентов а) мобильности, б) управления, в) удовлетворенности и г) новаторства, построено для регионов СЗФО.

Как правило в регионах, где выше индекс ВМ выше и мобильность населения, управляющая компонента. Двунаправленные векторы видим при соотнесении индекса ВМ с удовлетворенностью жизнью населения, уверенностью в будущем, новаторством. Т.е. регионы идут двумя путями модернизационного и социокультурного развития. Эта ситуация требует более глубокого и содержательного анализа (что не предусмотрено задачами данной статьи).

В данной работе мы показали, некоторые возможности применения компьютерных технологий в социологических исследованиях в частности при слиянии анализа статистических и социологических данных. К преимуществам внедрения ИКТ в социологические исследования можно отнести ускорение вычислений, массовый доступ к базам данных и программному обеспечению, совершенствование инструментального аппарат исследований.

Библиографический список

1. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 111 с.
2. Проблемы социокультурной модернизации регионов России [Текст] / сост. и общ. ред. Л. А. Беляевой, Н. И. Лапина. – Гл. 15. – М. : Academia, 2013. – 416 с.
3. Шабунова, А. А. Социальная структура и мобильность в российском обществе [Текст]: монография / А. А. Шабунова, Т. С. Соловьева, М. А. Ласточкина; под научн. рук. д.э.н., проф. В. А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАНОТЕХНОЛОГИИ И СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ

Н. А. Блажевич,

кандидат исторических наук, Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М Доброва НАН Украины, г. Киев, nata.blaz@yandex.com

Развитие нанотехнологии стало основой и импульсом новой технологической революции в мире, определяющей развитие всех основных и промежуточных уровней построения глобальной экономической системы [1, с. 25]. По мнению экспертов, рынок нанотехнологической продукции и услуг в 2015 г. достигнет 1,5 трлн. дол.

Активное развитие нанотехнологии в мире оказывает непосредственное влияние на жизнь людей [2, с. 15]. Овладение человеком новым набором технологий многократно увеличивает его потенциальные возможности, что влечет необходимость стратегических преобразований в системе образования, структура и содержание которого сложились в основном на базе научных достижений середины прошлого века. Таким образом, общество знаний ставит перед высшей школой главную задачу – обновить учебный процесс, особенно содержание образования, которое должно базироваться на таких принципах: научность и новизна; творческое применение полученных знаний; формирование у молодежи глубоких жизненных и нравственных принципов; оперативное привлечение к процессу преподавания всего нового и передового.

Решение стратегических задач образования в сфере нанотехнологии неразрывно связано с тем, что, по приблизительным оценкам, в ближайшее десятилетие кадровые потребности мировой наноиндустрии составят более 2 млн. специалистов. Их нужно готовить на всех образовательных уровнях: от школы до вуза. Образование XXI века должно стать по-настоящему непрерывным, а междисциплинарный подход в обучении будет постепенно приходить на смену отраслевому, что позволит создать условия для подготовки современных специалистов с системным уровнем мышления – лидеров, способных воспринимать нанотехнологию как сплав индустрии, науки, экономики и духовной организации общественного устройства [3, с. 12].

Нанотехнология – это огромная сфера, которую можно условно разделить на три части: производство микросхем, роботов в наноразмерах и инженерия на атомном уровне. Очевидно, что в ближайшем будущем нанотехнология охватит все сферы машиностроения, космической отрасли, пищевой промышленности, медицины и т.д. [4, с. 25]. Сегодня от уровня развития нанотехнологического направления зависит научно-техническое развитие любой страны и ее положение в мировой экономике.

Дисциплинарная организация науки, будучи в свое время прогрессивным явлением, ныне нередко становится тормозом для возникновения новых научных направлений, многие из которых междисциплинарны с самого своего зарождения. Такова нанотехнология, междисциплинарность которой не только бросается в глаза, но одновременно она выступает наиболее ярким примером новой организации науки и технологий, которую называют технонаукой. Нанотехнология объединяет ведущих ученых и инженеров самых различных областей – от физики и химии до биологии и медицины. Поэтому методы ее исследования и связанное с ними экспериментальное оборудование заимствуются отовсюду, а объект исследования определен лишь приблизительно – как область явлений, расположенных между микро- и макромиром. Уникальности нанотехнологии как новой технонауки состоит в том, что в ней невозможно в принципе отделить научное исследование от разработки технологии и проектирования. Нанонаука, как это ни парадоксально звучит, является одновременно нанотехнологией, поскольку приобретает отчетливую проектную направленность уже на стадии фундаментального научного исследования. Нанотехнология – это именно *проблемно-, а не предметно-ориентированное исследование*. К тому же

объект ее исследования часто лежит за пределами измерительной способности наличного экспериментального оборудования.

Нанотехнология признана ключевой научной сферой не только потому, что она ведет к изменению всего современного научно-технического ландшафта, но прежде всего потому, что общество в ближайшем будущем ожидает от нее позитивных экономических, экологических и социальных результатов. Вместе с тем нанотехнология представляет собой напряженное проблемное поле социокультурных и даже мировоззренческих последствий, которые находятся в перманентном обсуждении.

Нанотехнология, занимающая центральное место в современной научной политике, интегрирует в себе достижения физики, биологии и химии и многих других областей науки и техники. Являясь междисциплинарным направлением науки, нанотехнология уже консолидировалась как новая область исследования, состоящая из нескольких исследовательских направлений и предполагающая развитие организационных форм научной коммуникации (советов, ассоциаций, научных собраний, конференций и т.д.). Однако для становления научной дисциплины требуется добавить к этому еще и организацию подготовки научных кадров (курсы и кафедры в высших учебных заведениях) и формирование особого эшелона публикаций – учебников. Подготовка кадров в области нанотехнологий, наряду с ведущими университетами США, Европы и Австралии, ведется и на постсоветском пространстве. Специфика программ обучения складывается в зависимости от направленности факультетов: курсы по нанонауке, сфокусированные на фундаментальных научных проблемах, ориентированы в большей степени на научные, чем на инженерные аспекты нанотехнологии, и наоборот. Как правило, к обучению на уровне магистра на дисциплинарных факультетах допускаются те, кто уже имеет степень бакалавра по физике данных курсов. Можно выделить четыре основных кластера подготовки в области нанотехнологии [5].

Курсы первого кластера инициированы естественнонаучными факультетами с целью охватить наибольшее число аспектов нанотехнологии, и здесь физические или биологические аспекты очень часто имеют приоритет. Эти курсы ориентированы в большей степени на научные, чем на инженерные аспекты.

Курсы второго кластера представляют сообщество материаловедения и инженерии. Они концентрируются на свойствах и синтезе наноструктурных материалов, главным образом частицах наноуровня, самоструктурирующихся супрамолекулах, исследовании поверхностей и методах их фабрикации. В зависимости от того, где эти курсы возникли (например, на физическом факультете или на машиностроительном), превалирует или изучение физики твердого тела, или введение в квантовую механику, или биология, или супрамолекулярная химия. Важно отметить, что здесь большее внимание уделяется изучению наноструктурных материалов, являющихся частью нанотехнологии, поэтому междисциплинарные аспекты даются на том же уровне, что и при изучении материаловедения.

Курсы третьего кластера типичны для нанотехнологических исследовательских центров, которые очень часто базируются на тесной кооперации между исследователями, пришедшими из естествознания и/или микротехнологии. Этот факт определяет направленность на магистерский курс с бóльшей ориентацией на физику и электронику. Эти курсы очень часто фокусируются на проблемах фабрикации новых устройств, использующих наноэффекты. Студенты в этом случае должны иметь фундаментальные знания по электронике, микротехнологии или экспериментальной физике.

Курсы четвертого кластера сконцентрированы на подготовке магистров высшей квалификации. Здесь наблюдается значительный разброс вводящих их факультетов (естественных, инженерных, биологических и т.д.) и ориентация на максимально широкую подготовку в нанотехнологии, включающую всевозможные ее аспекты. А так как нанотехнология представляет собой огромную область науки и техники, то каждая программа для подготовки магистров или аспирантов почти всегда выпячивает некоторые аспекты гораздо больше, чем другие. Курсы этого кластера демонстрируют высшую степень меж-

дисциплинарности, но оборотной стороной медали является сравнительно низкий уровень преподавания отдельных дисциплин.

Анализ курсов по нанотехнологии, читаемых ныне на уровне подготовки магистра, показывает, что организовать систему обучения в этой области, одновременно покрывающую все аспекты нанонауки и нанотехнологии, практически невозможно. Более того, если осуществлять подготовку магистров согласно Болонским принципам (1 год обучения, 60 кредитных курсов и 1 семестр проектной работы), невозможно подготовить полноценного специалиста в этой, по сути дела, междисциплинарной области науки и техники. Скорее всего, академическое обучение в сфере нанотехнологии должно иметь трехступенчатую организацию: получение степени бакалавра в одной из существующих областей фундаментальной науки (физики, биологии) или технических наук (материаловедение); обучение на уровне магистра в области нанонауки или нанотехнологии с соответствующей специализацией; аспирантская программа по нанотехнологии/нанонауке.

Процесс подготовки кадров для нанотехнологической сферы должен включать специальное технологическое и диагностическое оборудование, необходимое для формирования умений и практических навыков работы будущих специалистов. Серьезная проблема в сфере нанотехнологии – необходимость дорогостоящего оборудования, которое университет или школа могут приобрести только при активном содействии государства. Качественная подготовка специалистов по нанотехнологии является дорогостоящим процессом, требующим значительных вложений в создание современной учебной и материально-технической базы. В связи с этим следует шире вовлекать в решение задач нанообразования потенциал академической и отраслевой науки, создавать межведомственные исследовательские лаборатории. Особое внимание необходимо уделить развитию системы научно-образовательных центров, факультетов, кафедр, ориентированных на задачи нанообразования. Совместные усилия должны быть направлены, прежде всего, на создание учебно-научного комплекса современных образовательных программ для разного уровня подготовки специалистов – от технического персонала до исследователей, занятых в сфере нанотехнологии, обеспечение учебной и учебно-методической литературой. Для успешного развития нанообразования должна быть создана постоянно действующая система обновления содержания образования, оперативного корректирования учебных планов и программ.

Библиографический список

1. Головин, Ю. И. Нанотехнологическая революция стартовала / Ю. И. Головин // Природа. – 2004. – № 1. – С. 25–36.
2. Нанотехнология в ближайшем десятилетии. Прогноз направления развития / Под ред. М. К. Роко, Р. С. Уильямса и П. Аливисатоса; пер. с англ. – М. : Мир, 2002. – 135 с.
3. Данилов, Д. Н. Образование в сфере нанотехнологии / Д. Н. Данилов, Е. Н. Кочергина // Российские нанотехнологии. – 2012. – № 1–2. – С. 12–20.
4. Балабанов, В. Нанотехнологии. Наука будущего / В. Балабанов. – М.: Эксмо, 2009. – 68 с.
5. Алферов, Ж. Новое направление подготовки – «Нанотехнология» / Ж. Алферов, Ю. Таиров, М. Астахов и др. // Высшее образование в России. – 2004. – № 6. – С. 82–90.

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА В СОЦИОЛОГИИ И МАТЕМАТИКЕ

О. А. Жерновникова,
кандидат педагогических наук, докторант, доцент,
Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды,
г. Харьков

Современное образование, равно как и наука, в значительной мере базируется на междисциплинарных подходах, особенно в области социальных и математических наук. Это объясняется многими причинами. Одна из них – необходимость расширить рамки рассмотрения проблем, чтобы понять и проанализировать, как и почему возникают различные явления в обществе.

В процессе обучения студентов нужно готовить к решению сложных социальных проблем, формировать умение анализировать и прогнозировать ход событий. Такие ситуации зачастую носят междисциплинарный характер. Междисциплинарные образование и наука создают мосты между конкретными и часто весьма разными областями знания. Студентов нужно учить строить такие мосты, чтобы, однажды, столкнувшись с проблемами в реальной жизни, они могли найти надежное и убедительное решение.

Проблема междисциплинарности – одна из ключевых в науке рубежа XX–XXI веков. Сегодня все значимые открытия совершаются на пересечении разных отраслей знания, границы между ними становятся все более прозрачными, возникают так называемые «гибридные» направления исследований. Поэтому необходимо еще со студенческой скамьи обучать будущих учителей методикам междисциплинарного исследования. Междисциплинарность сегодня становится необходимым условием любого прогрессивного, новаторского исследования. Одновременно с нарастающей дифференциацией и спецификаций знания происходит процесс образования разного рода гибридов, интегрирующих достижения смежных направлений с целью изучить объект в его целостности, схватить во всех внутренних взаимосвязях.

Однако формирование междисциплинарных областей не всегда влечет за собой только положительные эффекты, связанные с более глубоким проникновением в природу изучаемого феномена, заявленная междисциплинарность часто при более тщательном рассмотрении предстает скорее как «псевдомеждисциплинарность», становящаяся плодородной почвой для околонаучных профанации и создающая поле деятельности для тех, кто желает «малой кровью» заполучить статус оригинального, нетрадиционно мыслящего автора. Стоит отметить, что исследователи, которые основательно и долго работают на пересечении нескольких областей знания, всегда весьма осторожны в высказываниях о перспективах взаимодействия изначально различных по своей методологии и подходах к объекту наук.

Еще более ситуация усугубляется тогда, когда речь идет о взаимодействии социологии и математики. Несмотря на то, что и в XX в. и уже в XXI в. не единожды провозглашалась идея «Великого синтеза», синтез этот до сих пор остается проблемой. И от красивых лозунгов до реальных исследований, в которых надо как-то соотнести эмпирические данные, системы описания, методы, используемые, например, социологом и математиком, лежит подчас пропасть. На наш взгляд, пропасть эта не исчезнет до тех пор, пока не будут прояснены следующие ключевые вопросы: во-первых, вопрос о взаимных ожиданиях и предубеждениях; во-вторых, вопрос об общем языке; в-третьих, вопрос о систематизации в области социальных и математических наук.

Начнем с вопроса о том, что, ожидают представители социологии и математики друг от друга и на что, в конечном счете, они могут надеяться. В данном вопросе, на наш взгляд, не стоит ни переоценивать, ни недооценивать возможный взаимный вклад. Каждая

из областей знания имеет свою специфику, которую прекрасно в свое время обозначили Г. Риккерт и В. Виндельбандт и которую по сегодняшний день никто не возьмется опровергнуть абсолютно и окончательно. Социология имеет дело с продуктами человеческого духа, с системами человеческих ценностей, а математика – с совокупностью материальных объектов, которые a priori наделяются качеством независимого от человеческого сознания существования.

Однако в XX в. незыблемость этих различий пошатнулась. Можно назвать ряд достижения, ставших платформой для дальнейшей интеграции знаний по социологии и математике, и создания общих исследовательских парадигм. Итак, что же могут предложить социология и математика друг другу и что они могут надеяться получить? На наш взгляд, на методологическом уровне взаимодействие между ними предполагает выработку самых общих принципов, касающихся вопросов отношения субъекта и объекта познания, возможности и принципов описания действительности, понимания научной истины и ее критериев и неких фундаментальных задач науки как таковой, т.е. по сути вопросов эпистемологии и аксиологии. К универсальным методологиям, которые решают данные вопросы безотносительно к специфике знания, можно отнести, в частности, диалектику или теорию систем.

Реальное междисциплинарное взаимодействие принимает различные формы. Мы можем наблюдать процессы перехода более частных методик из области математических дисциплин в социологию, например, эмпирическая социология, которая долгое время оказывалась в соподчиненном отношении к математике. Так же существует практика привлечения инструментария математических наук для обработки эмпирического материала в социальных дисциплинах (как правило, это математическая обработка данных в социологии). Примеры такого взаимодействия множатся и обнаруживаются повсеместно. Хотелось бы подчеркнуть ту мысль, что, несмотря на реально протекающее взаимодействие, необходимо всегда быть осторожным в оценке происходящего, чтобы не впасть в ложный и поверхностный оптимизм.

Интеграция научного знания, как правило, происходит в рамках некой единой парадигмы, которую задает доминирующая и наиболее революционно развивающаяся научная область. По мнению многих авторов XXI век станет веком наук о человеке. Н. Моисеев называет его веком гуманитарного знания, «веком Человека», И. Фролов – «веком антропологии». П. Турчин, еще один известный апологет междисциплинарных исследований, полагает, что это будут социальные науки, сращенные с математикой: «Сейчас становится понятно, что если XIX век был веком физики, а XX – веком биологии, то XXI будет веком общественных наук. Так же следует сделать уточнение, что гуманитарные науки – это науки о человеке, о смыслах, а социальные – об обществе, о его динамике, о коллективах людей, а не об отдельных людях. Сейчас мы на грани того, что именно социальные дисциплины станут, наконец, настоящими науками. А как говорил еще И. Кант, некоторая область знания становится наукой только тогда, когда она математизируется, потому что без математического компонента настоящей науки нет» [1].

Таким образом, междисциплинарность – это закономерный результат развития науки в целом и абсолютно необходимая форма организации современного знания. Однако путь становления междисциплинарных областей предполагает тщательную рефлексию по поводу конгруэнтности методов и координации конечных целей, особенно когда речь идет о взаимодействии социологии и математики.

Библиографический список

1. Турчин, П. На пороге великих открытий [Электронный ресурс]. URL: // http://metodolog.ru/ 01546/01546.html.

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

О. В. Терещенко,
кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, [1] в настоящее время сетью Интернет пользуется 74 % населения в возрасте 25–54 лет и 96 % – в возрасте 16–24 лет. С учетом низкой стоимости исследований и высокой скорости сбора и анализа данных, это позволяет рассматривать Интернет в качестве ценного источника социологических данных, хотя авторитетные авторы признают наличие методологических, технологических, административных и этических проблем. [2, 3] В данной работе не рассматриваются опросы интернет-аудитории, получающие все более широкое распространение, т. к. в этом случае Интернет является не источником информации, а средой, в которой осуществляется сбор данных вполне традиционными социологическими методами. К социологическим данным, источником которых является Интернет, автор относит сведения о пользователях Интернета, так или иначе собранные и размещенные на интернет-ресурсах, и «следы» их деятельности сети. Такие данные, по сложившейся традиции, называют «добытыми» или «найденными», а технологии их получения – «добычей» или «интеллектуальным анализом» данных (что связано с отсутствием точного перевода термина *data mining*, появившегося в конце 1980-х гг., первоначально применительно к корпоративным базам данных). К ним относятся:

- персональные данные, предоставляемые самим пользователем;
- персонифицированные технометрические данные;
- пользовательский контент.

Персональные данные добровольно предоставляются самим пользователем при создании профилей в социальных сетях и на других ресурсах, а также при прохождении авторизации для получения доступа к определенной информации, возможности ее комментировать и т. п. В первые годы массового использования Интернета версии веб 2.0 пользователи широко использовали концепцию анонимности, «сообщая» о себе, мягко говоря, «неточные» данные и меняя их от ресурса к ресурсу, в зависимости от контента. Однако по мере возрастания вычислительных мощностей сетевых компьютеров, появилась возможность тотального сопоставления информации, оставленной пользователями на разных ресурсах, и технометрических данных, которая нашла широкое применение в государственных и коммерческих структурах. Для пользователей, сообщавших о себе противоречивые или недостоверные сведения, стали закрывать доступ ко многим ресурсам, что вкупе с появлением новых поколений, пользующихся Интернетом с детства и не испытывающих к нему недоверия, привело в настоящее время к тому, что большей части информации, сообщаемой о себе пользователями, можно доверять.

Пользовательский контент – записи и документы, создаваемые и размещаемые самими пользователями на предназначенных для этого сайтах и страницах (отзывы о работе сервисов, комментарии к новостям, любительские фотографии и видео и комментарии к ним, заметки на своей странице живого журнала, форумы интернет-сообществ и др.). Контент-анализ такого рода данных позволяет решать многочисленные задачи – от изучения общественного мнения (на новостных сайтах) до исследования удовлетворенности пользователей новой моделью промышленной продукции (на корпоративных сайтах). Таким образом, пользовательский контент может характеризовать не только авторов, но и ресурс, на котором он размещен, в зависимости от его содержания и постановки исследовательской задачи.

Персонифицированные технометрические данные представляют собой развитие аудиометрических (пиплметрических) данных, получение которых с помощью специаль-

ных приборов А. Нильсен поставил «на поток» в середине 1930-х гг. Однако в отличие от выборочных исследований Нильсена, технометрические данные современных пользователей накапливаются интернет-ресурсами и являются «сплошными». Это IP-адреса, куки; истории обращений, перемещений по сайту, потребления информации, совершаемых действий (голосований, «лайков», ссылок; покупок, заказов услуг, транзакций, совершенных посредством систем электронных платежей или банковских карт и др.).

Наиболее универсальным технометрическим подходом является веб-аналитика, позволяющая правильно определить общее количество посещений ресурса и отследить «лояльных» и «новых» посетителей на основе IP-адресов или «куков» (cookies). Главной задачей и преимуществом данного подхода является непрерывный мониторинг аудитории; основным недостатком – невозможность различить нескольких пользователей одного IP-адреса (компьютера дома, в библиотеке, университете и др.) и опознать пользователя, использующего несколько устройств для выхода в интернет. Данный недостаток теряет актуальность по мере распространения персональных устройств доступа в интернет – планшетных компьютеров и в особенности смартфонов. Вся информация, поставляемая счетчиками (во многих случаях бесплатно), обновляется в режиме реального времени и может быть представлена графически (средствами инфографики). Для получения более подробной информации о лояльных посетителях используются процедура авторизации и/или «кабинет пользователя», посредством которых собирается информация о деятельности пользователя на данном ресурсе (например, использованных материалах). В качестве «приманки» пользователь имеющий на «кабинет», может получить доступ к истории своей деятельности на соответствующем ресурсе, облегченный доступ к уже использованным материалам и т. п.

В свою очередь, информация о посещаемых пользователями ресурсах, длительности «пребывания» на конкретных страницах, оставленные комментарии позволяют исследовать разнообразные, в том числе «закрытые» социальные группы. Особый интерес для социологов представляют интеракции между интернет-пользователями посредством обмена ссылками и / или сообщениями – текстовыми, голосовыми, аудиовизуальными, – которые могут использоваться для изучения эго-сетей пользователей и интернет-сообществ.

На современном этапе развития ИКТ социологам становится доступной технология «больших данных», известная с начала XXI столетия, но доступная ранее только государственным структурам, занимающимся безопасностью, и большому бизнесу. Данная технология позволяет интегрировать и совместно анализировать *все* виды данных о конкретных «объектах» (пользователях, организациях), хранящиеся на интернет-ресурсах – профили, заметки, комментарии, фото- и видеоматериалы, связи с другими объектами, участие в интернет-опросах и «голосованиях», – а также в коммерческих и административных базах данных (банковских, налоговых и др.).

Как отмечалось выше, использование данных, которые можно «добыть» в Интернете, приводит к появлению ряда новых проблем. *Методологические проблемы* заключаются в невозможности реализовать в Интернете многие «классические» процедуры, обеспечивающие репрезентативность, надежность, валидность полученных данных. Необходимы новые подходы к решению этих задач и методологические эксперименты, которые доступны только крупным исследовательским компаниям. Ситуация усложняется тем, что социология из области академических исследований в значительной мере превратилась в «индустрию» маркетинговых, рекламных, политических и др. исследований, стоимость которых чрезвычайно возросла, вследствие чего удачные методологические решения обретают статус «ноу хау» и, в отличие от всего предшествующего периода развития социологии, не публикуются в полном объеме в научной и учебной литературе.

Технологические проблемы связаны с тем, что все исследовательские операции, осуществляемые в Интернете, требуют определенного программного обеспечения. Разнообразие данных, источником которых является Интернет, приводит к большому разнообразию методов их сбора и анализа и соответствующего программного обеспечения (ранее

большинство социологических служб обходилось одним статистическим пакетом программ), что в данный момент требует привлечения в социологические центры высококвалифицированных программистов, как это сделано, например, в лаборатории интернет-исследований в Высшей школе Экономики (Москва, Санкт-Петербург), а в ближайшее время – формирования новых профессиональных компетенций у социологов.

Сам доступ к данным, которыми владеют собственники интернет-ресурсов, становится *административной и экономической проблемой*, требующей специального изучения и, возможно, правового решения.

Наконец, «цифровые следы» деятельности пользователей в Интернете, которые И. Ф. Девятко сравнивает со «следами социального взаимодействия», используемыми нереактивными методами измерения в классической социологии, [4] в отличие от последних, неизбежно фиксируются и связываются с конкретными персонами, что порождает *этическую проблему* использования таких данных без информированного согласия тех, к кому они относятся. В Отчете AAPOR прямо указывается, что интеллектуальный анализ может стать «источником убытков, экономического неравенства и несбалансированности власти между теми, кто обладает данными и теми, чьими данными владеют». [3, с. 26]

В настоящее время социология по целому ряду причин стоит перед необходимостью и даже неизбежностью исследований данных, которые можно «добыть» в Интернете. Это, с одной стороны, резкое удорожание офлайн-опросов; с другой, – доступность через интернет больших социальных групп (например, молодежи), социальных сообществ, формирующихся в социальных сетях (потребителей, поклонников «звезд», вич/спид-инфицированных, наркоманов и др.), огромного количества уже структурированных текстовых, графических, аудио- и видеодокументов; низкая стоимость и высокая скорость обработки данных и др. Способность овладеть новыми технологиями сбора и анализа данных является сегодня важнейшим фактором конкурентоспособности в науке и на рынке социальных исследований.

Библиографический список

1. Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015.
2. Девятко, И. Ф. Онлайн исследования и методология социальных наук // Онлайн исследования в России 2.0 / Под ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. – М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010. – С. 17–30.
3. Джапек, Л., Крёйтер, Ф., Берг М. и др. Отчет AARON о больших данных: 12 февраля 2015 г. / Американская ассоциация исследователей общественного мнения; пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой, Е. Вьюговской – М., 2015.
4. Девятко, И. Ф. Инструментарий онлайн-исследований: попытка каталогизации // Онлайн исследования в России 3.0 / Под ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2012. – С. 17–30.

МЕТОНИМИЯ КАК РЕСУРС СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В. Б. Ермакова,

магистр политических наук, Центр социологических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (ЦСИ РАНХиГС), г. Москва

Лингвистический поворот способствовал тому, что социологи заимствовали языковедческую терминологию для нужд рефлексии собственной теории. В частности, признание получило представление о том, что теоретическая работа имеет метафорические осно-

вания. Сегодня легитимно рассуждать о том, какие типы метафор, (например, визуальные или невизуальные) больше подходят для конструирования предмета социологии как дисциплины [5, с. 22], а также о том, какие метафоры лежат в основании конкретного прикладного исследования [2].

Признание фигуративных оснований теоретической работы протекало в общественных науках неравномерно. В авангарде оказались историки. Первым заметным шагом на этом пути стала попытка Хейдена Уайта стереть привычное различение научного и художественного текста. В своем opus magnum, Метаистория [6], он анализирует тексты историков и философов истории XIX в. как если бы они были романами. И уже там использует более сложный инструментарий анализа, чем тот, которым пользуются социологи сегодня. В арсенале Уайта не только метафора, но и три других тропа, метонимия, синекдоха и ирония. Однако историки не только были первыми среди общественных наук, кто заговорил о своих фигуративных основаниях, не только теми, кто предложил самый развернутый инструментарий тропологического анализа. Историки оказались первыми и в критике самой идеи фигуративных оснований. Критике, которая затрагивает все дисциплины, говорящие о своих метафорических основаниях, в том числе социологию.

Голландский философ Фрэнк Анкерсмит показал [4], что основным свойством метафоры (и других тропов в системе Уайта) является превращение незнакомого в знакомое, её (и их) когнитивной функцией является приспособление мира к познающему субъекту («проблема Анкерсмита»). Заостряя тезис Анкерсмита, можно сказать, что фигуративные основания позволяют нам редуцировать неизвестное к уровню нашего невежества, не более того. Иными словами, социологи, обсуждающие базовые метафоры для эмпирического исследования или конструирования предмета своей дисциплины, скорее избегает мышления, чем выполняют интеллектуальную работу. Поэтому критика, сформулированная историками, требует ответа в том числе и от социологов.

Подходящим ответом на критику Анкерсмита является расширение арсенала инструментов рефлексии социальной теории, в частности за счет привлечения концепта метонимии в дополнение к уже признанной метафоре. Критика Анкерсмита будет преодолена, если метафора и метонимия будут пониматься в традиции, заложенной Романом Якобсоном, как два полюса лингвистического поведения [3]. Поскольку мы заимствуем лингвистические термины для эпистемологии ческой работы, в нашем случае речь будет идти о двух полюсах теоретизирования.

Предположить, что обращение к различению Якобсона поможет разрешить проблему Анкерсмита, заставляет следующее: отказ от диады Якобсона является условием возможности постановки проблемы Анкерсмита.

Критика Анкерсмита может быть сжато представлена в виде следующего силлогизма:

(1) Все тропы в системе Уайта представляют собой четыре способа выполнения одной и той же когнитивной функции – префигурации изначально хаотичного поля данных, превращения незнакомого в знакомое.

(2) Между тропами нет разрывов и противопоставлений, они взаимозаменяемы и способны переходить друг в друга, охватывая собой всю сферу языка.

(3) Следовательно, если мы хотим получить доступ к незнакомому, нам необходимо вырваться из «тюрьмы языка» в иную сферу, такую, которая имеет разрыв со сферой языка, ту, где возможно выполнение иной когнитивной функции, не являющейся префигурацией. Такой сферой для Анкерсмита становится сфера опыта [1].

Ключевым для постановки проблемы Анкерсмита является факт отсутствия разрывов межу тропами Уайта, их единство как разновидностей метафоры. Это единство стало возможным благодаря теоретическому решению Уайта, принятому в Метаистории. Выбирая между традициями выделения разного числа тропов, Уайт следует за принятым со времен Ренессанса четвертичным делением (метафора, метонимия, синекдоха, ирония) и отмежёвывается от различения Якобсона, о чем прямо пишет в комментариях к соответ-

ствующему разделу. Обосновывает Уайт свое решение следующим образом: 1) метафора и метонимия у Якобсона связаны с разными типами текстов, поэзией и прозой соответственно, что противоречит ключевой идее Уайта: все тексты, прозаические и поэтические, научные и художественные, реалистические и основанные на фантазии, имеют фигуративные основания; 2) четвертичная система является более гибкой, чем диада [6, с. 31–32].

Уайт стремится стереть различие между разными видами текстов (научным историческим текстом и историческим романом), акцентируя их сходство, диада Якобсона, напротив, подталкивает к подобным бинарным различениям. Если бы Уайт решился разделить тексты историков на метафорические и метонимические в духе Якобсона, для читателя, знакомого с привязкой одного из тропов к (художественной) поэзии, а другого к (реалистической) прозе, такая классификация означала бы, что кто-то из историков признан «более реалистичным». Но это является почти синонимом к «более правдивым», «более близким к истине». Уайту удалось избежать этого риска. Однако выбранная им система различений по факту оказалась менее гибкой, чем схема Якобсона. Метафора и метонимии Якобсона выполняют разные когнитивные функции. Все четыре тропа Уайта выполняют одну когнитивную функцию.

Отказ от диады Якобсона и сведение двух полярных тропов в одно, в разновидности метафоры, сделал возможным критику Анкерсмита. Разрабатывая собственной решение поставленной им проблемы – как возможно превращение знакомого в незнакомое в работе историка – Анкерсмит приходит к решению, которое можно охарактеризовать как повторное изобретение диады Якобсона. Опыт, описанный Анкерсмитом, имеет метонимичные характеристики. Он объединяет объекты по смежности [1, с. 277], что является сущностной характеристикой метонимии как способа связи, он позволяет конструировать новые контексты [1, с. 398], что входит в функцию метонимии Якобсона в ее аспекте контекстной композиции. Наконец, опыт у Анкерсмита абсолютно противопоставлен языку [1, с. 33] как это имеет место в полярной модели Якобсона.

Использование диады Якобсона как основания для рефлексии социальной теории позволило бы вывести обсуждение метафорических оснований социологии из-под огня философской критики и оставить за дискуссиями о базовых метафорах дисциплины и прикладных исследований статус дискуссий интеллектуальных. Однако это потребует от социологов дополнительной рефлексии собственных метонимических теоретических решений.

Библиографический список

1. Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт. – М: Европа, 2007.
2. Константиновский, Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. – М., 2013.
3. Якобсон, Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. – М: Прогресс, 1990. – С. 110–132.
4. Ankersmit, F. R. History and tropology: the rise and fall of metaphor. – London: University of California Press, 1994.
5. Urry J. Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century. - London: Routledge, 2000.
6. White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014. – 480 p.

РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ ПРОЦЕСС СЕТЕВОГО СОЗДАНИЯ ЗНАНИЯ КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Б. Сливицкий,
Государственный научно-исследовательский институт авиационных систем (ФГУП «ГосНИИАС»), г. Москва

Важнейшую роль в интенсификации инновационного развития играет информационный обмен, позволяющий каждому из субъектов инновационного процесса «находить приемлемые варианты взаимодействия. Создавать гибкие и динамичные организационные структуры – виртуальные предприятия – научно-исследовательского и научно-производственного характера. Сопрягать отдалённые области знаний, обеспечивая мультидисциплинарность системных исследований по прогнозированию будущего, определению дефицита свойств и качеств существующей техники, определению облика (технической концепции) перспективной техники, разработке технологий и оценке уровня их готовности. Концентрировать разнородные компетенции и ресурсы, получая доступ к разнообразным когнитивным возможностям. Строить эффективную коммуникацию между участниками распределённого многомерного инновационного процесса, организованными на основе сетевых принципов и механизмов и взаимодействующих в рамках единой интегрированной информационно-аналитической среды – поля (пространства) знаний и технологий» [2]. Осуществлять современный междисциплинарный синтез в контексте развития «общества знаний».

Анализ мировых тенденций показывает, что «инновационная деятельность сейчас становится во многом процессом распределенного создания знания. Посредством межфирменного взаимодействия создается сообщество – проницаемая система с изменяющимися границами, нечто среднее между воплощениями закрытой иерархической концепции инновации и концепции открытой инновации. … Использование модели сообщества позволяет фирмам-участникам создавать сложную нелинейную среду, в которой поддерживается высокий уровень разнообразия и гибкости, но которая при этом не разрушается. … источником инноваций становится не отдельная организация, а сообщество членов в области притяжения определенной возможности. Кардинальное отличие сетевых моделей от прежних иерархических моделей заключается в том, что частицы общей ценности создаются распределённо» [1, с. 5]. Инновационная деятельность становится процессом распределенного коллективного меж- и мультидиспиплинарного синтеза знаний, идей, технологий.

Предприятия соединяют усилия, чтобы снизить риски и объединить интеллектуальные ресурсы при осуществлении НИОКР. Вступление в интегрированную распределённую сетевую структуру, перерабатывающую знания в технологии с помощью междисциплинарного синтеза, позволяет фирме специализироваться на тех видах работ (услуг), которые она может выполнять наиболее эффективно в соответствии с её научно-техническими и производственно-технологическими компетенциями.

«Ранее считалось, что инновационный процесс носит линейный, поэтапный характер (начинается с генерирования отдельных инноваций отдельными компаниями), но современная экономика связана с интерактивным процессом инноваций, т.е. с непрерывными и технологическими обновлениями. А для такой среды характерна другая модель создания знаний, когда инновации поступают в экономику из сферы науки. Кроме того, непосредственное включение фактора непрерывных инноваций в процессе производства резко повышает уровень неопределенности в движении экономических систем, что требует создания сетевой основы их взаимодействия» [1, с. 4–5]. Происходит размывание традиционных дисциплинарных и профессиональных разграничений. Формируется постоянно обновляемый экспоненциально-растущий научно-технический задел.

Именно через пространство постоянно обновляемого (экспоненциально растущего) научно-технического задела и осуществляется взаимодействие, взаимообмен научной, технологической, конструкторской информацией, знаниями, технологиями. То есть, отличительной чертой новой модели инновационного цикла [2] является новая форма представления обратной связи, закольцовывающей спирально раскручивающийся инновационный цикл при его кибернетической интерпретации. Создаётся поле (континуум, пространство) знаний и технологий (и интеллектуальных прав на них). В это поле они поступают, привносятся исследователями и разработчиками, и из него они «черпаются», при необходимости заинтересованными потребителями. Инновационный процесс приобретает форму глобальной сети – многомерной решётки, погруженной в знания.

«Производство, распределение и использование знаний составляют основу новой экономики – «экономики знаний», а ее инфраструктурой становится всемирная «информационная паутина», существенно уменьшающая материально-ресурсные и пространственные пределы границ темпов роста» [1, с. 38]. В этих условиях вопросы распространения передовых знаний с помощью распределённой системы научно-технической информации, организованной на сетевых принципах с привлечением новейших информационных технологий, необычайно остро стоят перед наукой и промышленностью, государством, бизнесом, образованием. Составляют проблемное поле научных изысканий.

Сейчас «… экономика трансформируется в открытое многомерное пространство, организующее вокруг себя непрерывные потоки информации. Это пространство лишено привычных центров управления. А центры координации связей возникают в нем повсюду, где образуются распределенные узлы накопления и передачи знаний. Складывается сетевой организационный порядок, рассчитанный на непрерывные обновления и движущую силу инноваций. Ему соответствуют сетевое строение систем, прямая связь между их участниками и коллективный способ их реагирования на неопределенность внешней среды. Микро-, макро- и мегасистемы также переходят к сетевой самоорганизации. Модернизация на этапе инновационного транзита – это системные общественные преобразования, нацеленные на формирование внутренней сетевой среды и интеграцию экономики в глобальные сети» [1, с. 4]. Данный постулат без сомнения относится и к такой сфере (подсистеме) общественной жизни как инновационное развитие, должное опираться на эффективно функционирующую систему научно-образовательно-производственной коммуникации, активно способствующую распространению критически важной научно-технической информации.

Неопределённость в развитии технологий, увеличение сроков их отработки и интеграции, усложнение техники и концепций её применения, превалирование влияния скрытых, латентных внешних обстоятельств на их развитие в долгосрочной перспективе затягивают начальные этапы жизненного цикла. Делает процессы становления принципиально нового продукта неопределёнными вероятностными итерационными неустойчивыми. Обусловливает необходимость постановки перед разработчиками новых перспективных технологий и техники важнейшей целевой задачи существенного уменьшения времени разработки, сокращения сроков проектирования.

Для решения этой задачи необходимы. Во-первых, свободный обмен информацией и идеями в сетевой структуре виртуального предприятия. Во-вторых, разумное структурирование процесса разработки технологий на основе концепции уровней готовности технологий и уровней промышленной готовности. В-третьих, применение адекватного модельно-методического аппарата. И, в-четвёртых, использование оптимальной организационно-коммуникационной модели научно-производственного взаимодействия. В [3] показано, что такой моделью является «Система информационно-аналитических (ситуационных) центров».

Модель позволяет использовать при обработке массивов неструктурированных данных и при решении сложных плохо формализуемых задач интеллект человека – эксперта в данной области деятельности и знаний.

Каждый информационно-аналитический (ситуационный) центр (т.е. каждое отдельное предприятие научно-производственного альянса) осуществляет наполнение и администрирование своей собственной базы знаний (массива баз данных) по имеющимся у него уникальным профессиональным компетенциям, реализуемым в ходе исследований и разработок. В соответствии с общими для данного виртуального предприятия принципами и стандартами представления информации, задаваемыми «рамочной» стратегией его развития.

Система информационно-аналитических (ситуационных) центров позволяет не просто обмениваться научно-технической информацией о перспективных технологиях и разработках, но осуществлять саму разработку этих технологий и новшеств. То есть осуществлять: организацию и проведение основного производственного процесса; математическое и полунатурное моделирование; интеграцию результатов аналитической обработки данных средствами полиэкранных форм визуализации информации; сопряжение проводимых фундаментальных, прикладных и опытно-конструкторских разработок с помощью развития взаимодействия и сотрудничества научных организаций с предприятиями высокотехнологичных секторов экономики на основе реализации новых форм взаимодействия и интеграции; мониторинг трендов научно-технологического развития с целью повышения уровня осведомленности экспертного сообщества и прогнозирования развития науки, техники и технологий; поддержку принятия решений о развитии технологий, производства, инвестировании благодаря своевременной адекватной экспертной оценке и моделированию проблемных ситуаций в реальном масштабе времени.

«Данный механизм общения субъектов информационного обмена о разработанных и разрабатываемых технологиях является оптимальным механизмом межфирменного научно-технического и инновационно-технологического взаимодействия. Оптимальной концептуальной моделью сетевой коммуникации» [2]. В настоящее время ситуационные центры широко используются для нужд государственного управления. Предлагается распространить этот успешный опыт на инновационно-технологический комплекс, организуя на предприятиях и в корпорациях подобные центры.

Библиографический список

1. Гудков, А. Г., Горлачева Е. Н. Межфирменное взаимодействие высокотехнологичных предприятий; под ред. И. Н. Омельченко. – М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014.
2. Сливицкий, А. Б. Инновационная деятельность как процесс распределенного сетевого создания знания. // Проблемы и перспективы инновационного развития экономики в XXI веке: материалы XX международной научно-практической конференции, сентябрь 2015, Алушта. – Симферополь, 2015.
3. Сливицкий, А. Б. Механизмы сетевого взаимодействия при решении проблем инновационно-технологического развития России. // XV Международная научная конференция «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». 18-19 декабря 2014 г. РАН. ИНИОН. URL: http://innclub.info.

К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Н. Д. Корчалова,

Центр проблем развития образования Белорусского государственного университета, г. Минск

Обсуждая вопросы организации экспериментального изучения высших психических функций, Л. С. Выготский отмечает, что «критика основных взглядов на сущность и развитие психических процессов с неизбежностью должна повлечь за собой и пересмотр основных положений, связанных с методикой исследования» [1, с. 75]. Применительно к проблемам современных исследований в области социальных наук этот тезис может быть

расширен и сформулирован следующим образом: критический анализ способов социального познания и их согласование с сущностью современных социальных процессов, опосредованных аудиовизуальными образами, должно стать основанием для определения основных требований к практикам научного исследования. Иными словами, актуальные способы конструирования объекта познания одновременно требуют осовременивания и способов проведения эмпирического исследования.

При формулировании вышеприведенного тезиса мы опираемся на теорию культурогенеза М. МакЛюэна, с точки зрения которого история смены культурных эпох связана с доминированием того или иного типа культурного посредника (средства коммуникации); это означает, что «личностные и социальные последствия любого средства коммуникации — то есть любого нашего расширения вовне — вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» [3, с. 10]. Если для предшествующих эпох доминирующими посредниками последовательно выступали устное слово и письменное слово, то в настоящий момент мы являемся свидетелями выхода на сцену культурогенеза иконического образа как основания для всего уклада социальной реальности [3, с. 16; с. 22]. С одной стороны, это подразумевает, что в современном культурном поле одновременно действуют несколько посредников, и речь не может идти о культурной гомогенности; с другой стороны, именно медиаторное разнообразие дает возможность обнаружить специфические черты процессов познания и способов мышления, характерные для каждого культурного ареала, а также определить совокупность релевантных им схем, правил и принципов исследовательских действий.

Мы перечислим ряд обстоятельств, вызванных к жизни иконическим образом как культурным посредником, влекущих за собой необходимость пересмотра наиболее принципиальных аспектов экспериментальных исследований, и приведем ряд их характеристик, которые, как нам представляется, должны стать обязательными для современных исследователей в рамках социальных наук.

Одним из важных эффектов, произведенных иконическим образом как порождением и одновременно прототипом современных технологий, является *децентрализация*. Ее возникновение связывается с ограничением власти Великих Метанарративов – всеобъемлющих, стремящихся к непротиворечивости и последовательности конструкций мира и сопряженных с ними схем действий. Этот процесс затрагивает все практики, до сих пор претендовавшие на статус источника универсальных описаний, в том числе и науку, которая продемонстрировала свою неспособность создавать таковые [2]. Если ранее ситуацию можно было квалифицировать как необходимость борьбы за власть среди Великих Нарраторов, то сейчас скорее как оценку способности к составлению композиций из минимально локального и максимально отличного культурного содержания.

Вследствие децентрализации и утраты веры в возможность единого источника производства приемлемых значений современная ситуация описывается как культура фрагмента [5]. С одной стороны, *фрагментарность* означает возможность «безболезненного» извлечения части из целого, отсутствие заботы о репрезентации целого в части, с другой стороны, принципом ее функционирования становится случайность: во-первых, как возможность быть, стать, явиться – случиться, во-вторых, как основание для соединения в ансамбли (в противовес последовательности и каузальности, характерных для текстуальной культуры), критерием оценки которых могут быть скорее категории эстетики, нежели логики.

В культуре, опосредованной иконическим образом, меняется представление о социальном агенте – действующей инстанции. Так, у представителей текстуальной культуры мы обнаруживаем формулу: всеобщая форма психического развития детей есть усвоение [4, с. 28]; что подразумевает первично «реактивную» природу субъекта культуры. В то же время в аудиовизуальной культуре человек начинает видеться изначально обладающим *активностью* как в области создания культурных значений, так и в области их потребления [6]. Это одно из наиболее существенных отличий современных социальных теорий в

базовых допущениях относительно человеческой природы, воздействие которого на практики социального познания пока трудно оценить как по масштабам, так и по сущности.

У М. МакЛюэна мы находим, что текстуальная культура предоставляет своим агентам и, что особенно важно, в первую очередь, ученым возможность отстраненности (в случае науки эта возможность приобрела статус непреложного требования) [3, с. 90–91]. По сути дела объективность – коррелят отстраненности, один из базовых принципов научного исследования в текстуальной культуре, есть своего рода практика превращения исследователем себя в объект, а научное исследование – в механическое сочленение двух и более объектов (один из которых и есть исследователь). В свою очередь, иконический образ как культурный посредник вызывает эффект *вовлеченности* [3], своего рода невозможности провести границу между собой и объектом; его посредничество осуществляется таким образом, что активным началом со стороны потребителя становится эмоционально-телесное, в то время как разум (рациональность) утрачивает верховенство в иерархии психофизической организации индивида. Вовлеченность меняет порядки отношений исследующего и исследуемого, не позволяя первому «с легкостью перемещаться от предмета к предмету», будучи изолированным от него [3, с. 90].

Иконический образ как посредник (и в первую очередь, Интернет как одно из его воплощений) делает более явной *коммуникативность*, присущую природе современного социального мира [6]. В рамках коммуникации и посредством коммуникации возникают, функционируют, упорядочиваются и переупорядочиваются, утрачивают силу его (мира) объекты.

Этот список не является исчерпывающим. Мы остановились на тех особенностях, которые, на наш взгляд, имеют существенное значение для формирования позиции и осуществления деятельности современным исследователем-экспериментатором. Каким же может быть ответ на вопрос о сути современных методов исследования?

В текстуальной культуре одним из методов социального познания, претендующим на установление легитимных отношений между наукой и социальной жизнью в деле строительства последней, стал формирующий эксперимент. Его задачей было «извлечение» из культурного поля уже содержащихся в нем образцов, «идеальных форм» [4], создание техник «интериоризации» этих форм в пространство исследуемого объекта и, соответственно, технически грамотное осуществление данной процедуры. Что не проговаривается явно самими учеными относительно данного варианта исследования, так это иерархический принцип устанавливаемых отношений: здесь подразумевается, что наука располагается как бы вне и над повседневной культурой. Аудиовизуальная культура, отвергающая идею центра и, соответственно, устойчивых иерархий, порождает и новые формы организации практик социального познания. В этой связи мы полагаем, что для современных социальных наук наиболее релевантным методом может стать участвующий эксперимент. В чем могут заключаться его характерные особенности?

Сам термин «участвующий» должен устанавливать разноуровневые и разнопространственные реляции в отношении экспериментирования. Во-первых, это отношения между исследованием и культурой: участие культуры, наиболее существенных ее тенденций должно быть более отчетливо артикулировано в основаниях экспериментальных действий (культура – это неотъемлемая часть исследования); одновременно и более артикулированным должно стать участие исследования в культуре, его вклад в культурное производство (исследование – это неотъемлемая часть культуры). Во-вторых, это отношения между исследующим и исследуемым: экспериментирование подразумевает активное вмешательство в исследуемые обстоятельства как способ выполнения исследовательских действий, но такого рода вмешательство традиционно характеризуется однонаправленностью – его центром всегда выступает агент науки. Однако современное экспериментирование может и должно подразумевать участие (вовлеченность) и исследователя, и исследуемого на всех этапах: от планирования исследования до интерпретации его данных и их экспертизы. Исследователь и «респондент» могут стать равноправными с точки зрения их

вклада в организацию эксперимента. Помимо этого эксперимент может перестать быть практикой исключения (в частности нейтрализации действия нерелевантных, «побочных» переменных), но стать практикой включения, когда «исследователь» и «респондент» в равной степени испытывают действие экспериментальной ситуации, переменные которой действуют в своей совокупности, множественном единстве [6], а не изолировано друг от друга.

Характер современного экспериментирования требует конкретизации не только с точки зрения особенностей культурной ситуации, но и с точки зрения того, что мы имеем дело со становящейся, нежели со ставшей культурой. Эта работа будем нами продолжена в дальнейшем.

Библиографический список

1. Выготский, Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка / Л. С. Выготский // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 6. : Научное наследство / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1984. – 400 с.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160.
3. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – М. : Кучково поле, 2007. – 464 с.
4. Эльконин, Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах / Д. Б. Эльконин. – М. : Институт практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1997. – 416 с.
5. Melosik, Z. Kultura, tożsamość i edukacja: migotanie znaczeń / Z. Melosik, T. Szkudlarek. – Kraków : Impuls, 2009.
6. Szpernalowski, T. Problemy współczesnej kultury audiowizualnej. Media w kontekście edukacji / T. Szpernalowski [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.zsz7.pl/pdf/media.pdf. – Дата доступа : 01.03.2011.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ СОВРЕМЕННОГО РАМОЧНОГО АНАЛИЗА

М. О. Фомич,

аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск

Теория фрейминга возникла в начале 40-х годов как ответвление кибернетики и первоначально использовалась в психологии, лингвистике и других науках, не затрагивая социологию. Ее создатель Бейтсон работал в том числе и в области психологии, и создал теорию фрейминга как поле конечных смыслов, некоторую структуру ситуации, в соответствии с которой индивиды понимают события «обыденного мира», делают выводы и выборы. Он говорил о существовании замкнутых смысловых пространств, на границе которых нет «обменных пунктов» для транслирования механизмов одного смыслового поля в другое. Продолжатель этой теории И. Гофман в своем труде «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта» рассматривал фреймы как схему интерпретации, которая позволяет индивидам делать выводы о том, в какой ситуации они находятся и каким образом следует взаимодействовать в именно такой среде. Он говорит о том, что фреймы интерпретируются каждым индивидом самостоятельно. По Гофману, миры смыслового взаимодействия не только не герметичны, но и взаимопроникаемы. Они накладываются друг на друга, позволяя индивиду «скользить» между ними, каждый раз выбирая модель своего взаимодействия с окружающей социальной реальностью. Гофман использовал понятие транспонирования для того, чтобы объяснить, как одни и те же механизмы взаимодействия могут трактоваться в различных «смысловых полях». В классическом восприятии теория фреймов рассматривала повседневный опыт индивида во всех сферах его социального взаимодействия, а также могла использоваться во многих других науках, по-

мимо социологии. В современных исследованиях фрейминг часто используется не столько как теория, сколько как метод на базе этой теории.

На данный момент термин «фрейм» имеет несколько трактовок в академической литературе, а также порой употребляется вместо (и вместе) с другими схожими по природе и функциям методологическими подходами. Шейфеле Д. (Scheufele, D). (1999) отмечает, что такие авторы как Hamill и Lodge видели только терминологическую разницу в таких понятиях как фрейм, сценарный язык и схема. В своих исследованиях авторы использовали фреймы наряду с такими приемами как agenda-setting (повестка дня) и прайминг. Другие авторы, такие как McCombs, Shaw, and Weaver (1997) утверждают, что эти подходы не только схожи между собой, но и можно говорить о том, что фрейминг есть не что иное, как разновидность agenda- setting и предлагают для фрейминга термин agenda-setting второго уровня (second-level agenda-setting) [1]. Существуют также точки зрения, согласно которым фрейм это не подметод и не разновидность какого-то методологического приема, а вполне самостоятельный методологический подход. Так, например, **Gitlin (1980)** утверждает, что фрейм это «принципы отбора, акцентирования и представления [материала], которые опираются на негласные теории о том, что существует, что происходит и что имеет значение». Gamson and Modigliani **(1987)** утверждают, что фрейм это «центральная организующая идея или сюжетная линия, которая составляет смысл всей разворачивающейся цепочке событий [2]. Как утверждают Gamson, Iyengar, Popkin, Kinder and Sanders, Modigliani, Lasch, Kahneman and Tversky, фреймы представляют из себя своего рода карты или образцы повествований, которые авторы и редакторы создают для своих читателей, и которые, таким образом, придают структуру официальным дискуссиям, и влияют на обработку информации читателями. Popkin, Gamson and Modigliani утверждают, что фрейминг нужен тогда, когда та или иная проблема может быть представлена различным образом и в различных контекстах, что неотъемлемо влияет на интерпретацию проблемы простыми обывателями [3]. Ближе и понятнее всего фрейминг описан Entman (1993) как «процесс отбора некоторых аспектов воспринимаемой реальности и выявление их в коммуникативных текстах таким образом, чтобы предложить формулировку определенной проблемы, ее причинную интерпретацию, моральную оценку и/или рекомендацию к описанной проблеме» [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что онтологически фреймы представляют собой определенные образцы, используемые автором для создания определенной картины того или иного аспекта проблемы/события или же в целом их описания. Фреймы отражают субъективное восприятие автора данной проблемы или события или же используются для создания определенной точки зрения у читателя. Так, мы видим, что теория фреймов претерпела некоторые изменения и новые ветвления. В такой, новом, виде, она используется в анализе медиафреймов - способов и методов представления информации в СМИ. В этом случае, фреймы представляют собой конструкции, определяющие массовую коммуникацию и влияющие на «узнавание» событий реального мира [4]. Согласно Entman, у фреймов есть несколько «местоположений»: исходящий источник (автор), текст, получатель культура. Они представляют собой составляющие одного и того же процесса – фрейминга. Этот процесс, в свою очередь, имеет две стадии: 1) Создание фрейма, его появление в реальности (frame-building). 2) Взаимодействие созданных фреймов с индивидами, представителями общества, не участвующими в создании фрейма, но являющимися адресатами фрейма (frame- setting).

Помимо двух стадий, процесс фрейминга осуществляется на двух уровнях: общественном и индивидуальном (сначала фреймы появляются в текстах, а потом в сознании людей) [4].

В литературе медиафреймы описываются как повседневная работа журналистов по поиску и классификации информации для дальнейшего эффективного оформления и представления ее аудитории, которая формирует ежедневную реальность и является ее неотъемлемой частью. Таким образом, речь идет в том числе о связи между медиафреймами и индивидуальными фреймами конкретных людей, а именно того как медиафреймы

влияют на понимание и восприятие тех или иных событий аудиторией. Индивидуальные фреймы определяются Entman (1993) как скопление идей на ментальном уровне, которые направляют индивидов в процессе анализа получаемой информации [5]. Вследствие этого, и те и другие типы фреймов могут быть изучены в качестве как зависимых, так и независимых переменных. Так, например, изучение медиафреймов в качестве зависимой переменной подразумевает изучение процесса формирования медиафреймов под воздействием различных факторов (политическое или организационное давление, влияние официального дискурса и др.) [4]. В качестве анализа медиафреймов как независимой переменной речь идет об эффекте медиафреймов, или, другими словами, об их влиянии на индивидуальные фреймы (т.е. того, как они формируют то или иное представление аудитории о конкретной проблеме). Независимой переменной индивидуальные фреймы являются в исследованиях о влиянии фреймов индивидов на политические действия, например на социальные движения, протесты и пр. [1].

На данный момент классифицировано четыре разных методологических подхода к исследованию медиафреймов (при этом следует понимать, что они не взаимоисключающие) [2].

Герменевтический подход: выявление фреймов посредством объяснительного подхода медиатекстов, связующих фреймы с понятиями более широкого культурного контекста (Boni, 2002; Coleman & Dysart, 2005; Downs, 2002; Haller & Ralph, 2001; Hanson, 1995; Tucker, 1998). Этот подход происходит из парадигмы качественных исследований, а исследования основаны на небольших выборках, которые отражают дискурс или событие. Фреймы обычно подвергаются глубинному контент-анализу и количественные данные не используются[2].

Лингвистический подход: фреймыопределяются посредством анализа выбора, местоположения и структуры специфических лексем и предложений в тексте или параграфе (e.g., Entman, 1991; Esser & D'Angelo, 2003; Pan & Kosicki, 1993). Обычно единицей анализа выступает абзац, а не статья. Основной идеей является то, что определенные лексемы формируют блоки фреймов (Entman, 1993) [2].

Метод ручного выбора фреймов: подразумевает, что фреймы вначале сгенерированы посредством количественного анализа некоторых новостных текстов, а затем закодированы посредством холистических переменных в процессе контент-анализа (e.g., Akhavan-Majid & Ramaprasad, 1998; Meyer, 1995; Simon & Xenos, 2000; Segvic, 2005). Для примера, Simon and Xenos провели глубинный анализ некоторых новостных статей. Первым шагом в этом исследовании было выделение шести рабочих фреймов. После этого фреймы были закодированы и использованы в контент-анализе [2].

Метод компьютерной кластеризации: Miller и его коллеги (Miller, **1997;** Miller, Andsager, & Riechert, **1998)** предложили новый количественный метод, т.н. «картирование фреймов» («frame mapping»). Он основан на том, что фреймы проявляют себя в использовании определенных слов (Entman, **1993).** Авторы стремились идентифицировать фреймы по использовании определенных словарей текстов. Метод подразумевает, что некоторые слова, употребляемые рядом в определенных текстах, будут встречаться и в других текстах вместе (Miller, **1997).** Слова, которые встречаются вместе, были идентифицированы посредством алгоритмов компьютерной кластеризации. У этого метода есть одно (но не единственное) неоспоримое достоинство: фреймы не «находятся» исследователем, а «производятся» компьютерной программой [2].

В общем и целом следует понимать, что метод фрейминга, основанный на преобразованной теории фрейминга, глубинно представляет собой «просыпание» сырого текстового материала (новостных публикаций СМИ в данном случае) через некоторое методологическое «сито», для определения наличия фрейма и степени его интенсивности.

Библиографический список

1. Scheufele, D. (1999), Framing as a theory of media effects. Journal of Communication, 9: 103 c.
2. Matthes, J. and Kohring, M. (2008), The Content Analysis of Media Frames: Toward Improving Reliability and Validity. Journal of Communication, C. 5.
3. Terkildsen, N., & Schnell, F. (1997). How media frames move public opinion: An analysis of the women's movement. Political Research Quarterly, 50, c. 880.
4. De Vreese, Claes H. (2005): News framing: Theory and typology. In: Information Design Journal Document Design, 13. Jg., Nr. 1, C. 51
5. Scheufele D.& Tewksbury D. Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models, Journal of communication 57 (1), C. 12
6. Framing European politics: A content analysis of Press and Television News / Holli A. Semetko and Patti M. Valkenburg // Journal of Comunication, Spring 2000.
7. Altheide, D. L., Schneider, C. J. Qualitative media analysis // Los Angeles, Sage, 2013, C. 23–37.

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

ПОНЯТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА

Г-н Алаа Дин Хамдан,
Первый секретарь Посольства Сирийской Арабской Республики в Республике Беларусь

К сожалению, следя за мировыми происшествиями, в последнее время мы все чаще и чаще слышим слово «терроризм». Определение терроризма представляется непростой задачей, так как формы и методы террористической деятельности существенно менялись со временем.

Все же попытаемся дать определение данному понятию. Терроризм – это несанкционированное использование насилия или угроза его использования без всякого на то права. Основная цель терроризма – сеять ужас среди людей и подвергать жизнь невинных людей опасности, вне зависимости исходит ли это действие от государства, группы людей или от одного человека – все это для реализации незаконных интересов.

Суть терроризма – насилие с целью устрашения. А целью насилия, в свою очередь, является желание добиться нужного для террористов развития событий – революции, дестабилизации общества, развязывания войны с иностранным государством, обретения независимости некоторой территорией, падения престижа власти, политических уступок со стороны власти и т.д.

Мировое сообщество до сих пор не смогло договориться о едином определении понятия терроризма, так как страны по-разному смотрят на это и имеют различные интересы.

Появление террористических организаций «Джабхат аль-Нусра» и «Дайиш» на территории Сирии и Ирака, которые захватили обширные районы в обеих странах, не являются последствиями сирийского кризиса и новыми террористическими формированиями, они существовали и ранее под другими названиями («Аль-Каида» в Ираке, «Жамаат Аттаухид ва Джихад» или «Исламское государство» в Ираке и т.д.). Все эти формирования включены в список террористических организаций ООН. Организация «Дайиш» - Исламское государство Ирака и Леванта - совершила чудовищные преступления и изощренные виды террористических действий, которые человечество не знало ранее. Эти действия являются продолжением тех действий, которые были совершены другими террористическими организациями. В конце концов, Совет безопасности ООН принял резолюцию № 2170, как запоздалое усилие для борьбы с варварским терроризмом, особенно с организацией «Дайиш».

В своих заявлениях некоторые международные политики не обращают внимания на то, что создание террористической организации «Дайиш» является последствием захвата Ирака Соединенными Штатами и западными странами, откуда она распространилась на Сирию. Эта организация и является причиной Сирийского кризиса, а не его последствием. В США признали, что ЦРУ не правильно рассчитало численность сил террористов в Сирии. Была создана международная коалиция для борьбы с организацией «Дайиш».

Терроризм не знает границ, ни стран, ни религии, и если с ним не бороться, он рикошетом ударит по всем странам, из которых вышли террористы, поэтому так необходимо осуществление международного сотрудничества, чтобы противостоять и бороться с терроризмом. Я хотел бы привести два примера: теракт, совершенный против редакции жур-

нала «Шарль Эбидо» и теракт, совершенный в Тунисе против музея «Бордо». Они показывают, что опасность, происходящая от «ИГИЛ» и других террористических организаций касается не только нашего региона, но и всего мира. Отсюда следует, что надо бороться и противостоять терроризму всеми усилиями международного сообщества.

В наше время интернет и информационные технологии считаются одними из самых важных мировых достижений. Однако компьютер, видеокамера или фотокамера, к сожалению, в руках террористов сегодня стали равноценными автомату Калашникова по опасности.

Кибер-терроризм – это изощренная, разнообразная и непризнающая ни границ, ни государств, ни наций форма насилия. Это террор будущего. И для борьбы с кибер-терроризмом необходимо, так называемая, электронная армия, хорошо обученная, реагирующая оперативно на всякие террористические действия.

Информационная война в условиях развития информационных технологий и телекоммуникаций является непосредственным инструментом нового вида нетрадиционной войны.

Можно и нужно противостоять информационной войне во всех ее формах и проявлениях, используя самые современные методы и инновационные технологии и действуя при этом оперативно и последовательно.

Я хотел бы предложить вашему вниманию несколько мер борьбы с явлением терроризма, показать отличие между терроризмом и законным сопротивлением, правом народа на самоопределение:

- определить понятие терроризма, отличие его от законного сопротивления.

- считать ООН единственным международным институтом по согласованию международных усилий в борьбе с терроризмом, который угрожает международному миру и безопасности, целостности и стабильности стран.

- развивать международное сотрудничество в борьбе против терроризма, полностью соблюдая и выполняя все международные резолюции касательно борьбы с терроризмом, в том числе резолюции №2170 и №2178 (2014 г.);

- серьезно работать над закрытием финансовых каналов, спонсирующих терроризм, бороться против обучения и покрытия террористов, наказывать соучастников терроризма и преследовать их в судебном порядке;

- прекратить вещание спутниковых каналов, СМИ, призывающих к религиозной розне, подстрекательству против отдельных конфессий, контролировать сеть Интернет и современные средства коммуникации;

- регулировать деятельность религиозных объектов со стороны органов по религиозным делам, где бы они ни были, что бы не позволить использовать их как трибуны для агитации, подстрекательства со стороны радикалов; отличить терроризм от Ислама, который является религией толерантности, любви и мира; распространить понятие умеренного Ислама, бороться с теми имамами, которые вводят людей в заблуждение и призывают к нестабильности, сеют радикальные мысли;

- прекратить политику военных угроз и экономических санкций против маленьких стран, а вместо этого поощрять установление отношений сотрудничества и мира на планете;

- расширять диалог между культурами, цивилизациями и религиями;

- непрерывно обучать силы безопасности борьбе против терроризма и противостоянию террористическим сетям. Воспользоваться опытом некоторых стран, приобретенным в процессе борьбы с терроризмом.

Решение политический кризиса возможно только политическим путем, что, однако, не означает отказа от борьбы с теми, кто несет оружие и воюет против государства, которое должно защищать своих граждан и свою страну.

Что касается обучения «умеренной» вооруженной оппозиции, то это понятие является абсолютно нелепым, так как не может существовать в одно и тоже время вооруженная и умеренная оппозиции.

В заключение, я бы хотел добавить, какими бы ни были виды терроризма и причины их появления, борьба с ним должна начинаться с веры, убеждений и мыслей каждого из нас, отказа от насилия и агрессии, уважения человеческих ценностей и чувств, без пренебрежения международным правом, а также с соблюдения всех резолюций международного сообщества и устава ООН, особенно, касательно невмешательства в дела независимых государств.

ДИАЛОГ СОЦИОЛОГОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: ПОТРЕБНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Н. В. Проказина,
доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президента Российской Федерации (Орловский филиал)», г. Орел

Активная позиция и роль социологов связана с осознанием того, что социолог не только вправе влиять на общество и участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения, но, напротив, он обязан это делать. Социолог должен приводить в движение механизмы, которые позволят говорить, как, в каких условиях данный конкретный анализ приемлем с точки зрения общества или данной группы публики, в какой мере он значим, полезен, важен и практически применим [1, С. 13].

Рассматривая формы взаимодействия социологов и государственных гражданских служащих, мы определили диалоговую форму как наиболее конструктивную форму взаимодействия [2]. Таким образом, мы солидарны с позицией, которую отстаивает в своих работах О. Н. Яницкий, о том, что конструктивное взаимодействие возможно только в условиях общедоступности и «равного» диалога с публикой.

Однако, к определению диалога как конструктивной формы взаимодействия социологов и государственных гражданских служащих, целесообразно подходить с позиции концепции Т. М. Дридзе. Этот подход разработан в рамках семиосоциопсихологической парадигмы, где ключевое значение имеет «эффект диалога как смыслового контакта, основанного на способности субъектов к адекватному истолкованию коммуникативных намерений партнеров по общению» [3, с. 145]. Диалогическая модель не допускает никаких форм воздействия или влияния, поскольку ориентирована исключительно на взаимопонимание. Речь идет не о согласии с позицией автора, а только о понимании [4, с. 10].

Таким образом, диалогический стиль взаимодействия социологов и целевых групп общества возможен при условии, если он основан на искренности, открытости, стремлении максимально полно, без искажений, донести свои мысли и чувства, с одной стороны и, с другой, – так же максимально полно, без искажений понять другого.

Анализируя преобладающие стимулы к сотрудничеству, следует отметить, что, в целом, прослеживается снижение потребности в получении социологической информации со стороны государственных гражданских служащих с одной стороны, и снижение интереса к проблемам регионального масштаба, с другой.

Институциональная обусловленность включения результатов социологических исследований в оценку эффективности деятельности органов власти послужила стимулом к тому, что взаимодействие государственных гражданских служащих с социологами воспринимается, как норма. Однако, в среде социологов, активного изменения отношения к реализации общественной роли социологии не наблюдается.

«Пиаровский стимул» взаимодействия, проявляющийся у служащих в ориентации на оптимизацию имиджа как у государственных гражданских служащих, так и у социологов остается без изменений.

Следует отметить, что и в среде государственных гражданских служащих, и в среде социологов отчетливо просматривается повышение «экономического стимула» обеспечивающего «интерес» к взаимодействию.

Анализ негативной мотивации государственных гражданских служащих показывает, что прослеживается ярко выраженное непонимание и недооценка значимости и важности использования результатов социологических исследований в управленческой практике. Прослеживается отчетливая установка: «Надо управлять, а не исследовать». Со стороны социологов нет роста потребности в изучении региональных процессов и структур, поскольку существует устойчивый спрос на результаты их деятельности в других сферах (избирательный процесс, маркетинговые исследования и т.п.).

Следует признать, что между государственными гражданскими служащими и социологами прослеживается рост взаимного недоверия деятельностью друг друга.

Еще одной проблемой является финансовая стороны вопроса. У одних, недостаточно средств, чтобы финансировать регулярные социологические опросы. У социологов, занятых в разнообразных сферах деятельности (теоретической, прикладной, преподавательской, коммерческой и т.д.) может возникнуть проблема с ресурсами и возможностью быть вовлеченным в процесс взаимодействия из-за стихийности и эпизодичности процесса.

Самая главная проблема, состоит в том, что следует признать отсутствие ярко выраженного желания и у государственных гражданских служащих, и у социологов к конструктивному взаимодействию.

Нет изменений в развитии подходов и направленности этого взаимодействия.

Проведенные И. Задориным исследования позволили ему сформулировать два главных противоречия, возникающих во взаимодействии социологов и государственных гражданских служащих.

Во-первых, при падении реального потребления социологической информации для нужд управления растет псевдопотребление, вызванное нормативными обстоятельствами и коррупционно-экономическими интересами.

Во-вторых, растет недоверие потенциальных авторов друг к другу при росте ресурсных возможностей для сотрудничества [5].

Таким образом, следует признать, что одна из проблем, затрудняющая конструктивное взаимодействие – это недостаточный уровень социологической культуры государственных гражданских служащих. Он влияет на потребность в использовании результатов социологических исследовании в практике управления, на мотивацию привлечения социологов к деятельности властных структур.

Вторая проблема связана с организационно-экономической составляющей деятельности. Сложности организационного характера, проблемы, связанные с финансированием социологических исследований частично разрешаются благодаря тому, что современная социология носит публичный характер. Это обеспечивает доступ к результатам социологических исследований широкого круга лиц. Но эта особенность современной социологии будет действительно приносить результаты при условии развитой потребности государственных гражданских служащих в получении социологической информации.

Таким образом, взаимодействие социологов и государственных служащих позволяет сделать доступной объективную, достоверную, актуальную информацию об обществе и его структурах; создает предпосылки для ее использования в процессе управления на всех уровнях организации общества.

Потребность государственных гражданских служащих проявляется в том, что они ориентированы на реализацию следующих функций социологами (таблица 1).

Основными условиями конструктивного диалога социологов и государственных гражданских служащих являются, с одной стороны, стремление и умение участников взаимодействия быть понятным и понятым, а с другой – стремление и умение воспринимающей стороны, адекватно понимать коммуникатора.

Таблица 1**. Функции социологов в диалоговом взаимодействии с государственными гражданскими служащими**

Функция	Содержание функции	Позиция
Актуализатор (артикулятор)	Перевод социальной проблемы, видимой только экспертам до статуса важной социальной проблемы	2
Социолог - интерпретатор	Наделение безгласных, слабо рефлексирующих групп голосом	3
Социолог - модератор	Организация публичной дискуссии, создание условий для обеспечения многоголосья по наиболее значимым для общества проблемам	1
Аналитик	Включение в процесс обсуждения, разъяснения сложившейся ситуации, в определение причин ее возникновения	2
Социальный технолог	Не только озвучивание массовых страхов и потребностей, но и ориентация на поиск альтернатив, учитывающих права человека и гуманистические ценности	4

Основными направлениями взаимодействия социологов и государственных гражданских служащих являются:

- выявление актуальных проблем, характерных для регионального уровня;
- информационно - аналитическая поддержка органов государственной власти;
- обеспечение «обратной» связи между органами государственной власти и институтами гражданского общества [6].

Анализ особенностей взаимодействия социологов и государственных гражданских служащих позволяет утверждать, что сегодня существуют предпосылки для формирования диалоговой модели взаимодействия государственных гражданских служащих и социологов.

Однако, развитие диалога, напрямую зависит от уровня развития социологической культуры государственных гражданских служащих.

Библиографический список

1. Вевёрка, М. Некоторые соображения по прочтении статьи М. Буравого «Что делать?» [Текст] / М. Вевёрка // Социс. – 2009. – № 4. – С. 9–14.
2. Проказина, Н. В. Развитие социологической культуры государственных гражданских служащих региона: дис. доктора социол. наук: 22.00.08 [Текст] / Н. В. Проказина. – Белгород, 2013.
3. Дридзе, Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семио-социо-психологии [Текст] / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3.
4. Адамьянц, Т. З. Социальная коммуникация [Текст] / Т. З. Адамьянц. – М.: ИС РАН, 2005.
5. Задорин, И. Эссе о мотивации. Что подвигает чиновников и социологов к взаимодействию друг с другом. И что отталкивает [Электронный ресурс] / И. Задорин – Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/8/Zadorin_Jesse_o_motivacii_27-04-10.pdf – Дата обращения 20.11.2011.
6. Проказина, Н. В. Формирование организационно-институциональных основ использования результатов опросов общественного мнения органами управления в России [Текст] / Н. В. Проказина // Вестник Поволжского института управления. – 2014. – № 4 (43). – С. 18–24.

ДИНАМИКА ОФИЦИАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Ю. Г. Тамбиянц,
доктор философских наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар

При всей неоднозначности оценок социальной сущности идеологии ее национально-государственная значимость не вызывает сомнений [1; 3]. При этом любая жизнеспособная идеология обязательно имеет две стороны – теоретическую и практическую. Другими словами, идеология (а тем более государственная) представляет не только концептуально оформленные взгляды и отношения по поводу социального устройства и социальной проблематики, но и задает руководство к конкретным действиям. Ряд известных исследователей идеологии обоснованно подчеркивают ее тотальность, стремление к теоретическому охвату всех значимых явлений общественной жизни [8, с. 48–49]. В то же время без социальной базы, средств транслирования, преобразования действительности согласно декларируемым идеалам, данная идеология не имеет материальной силы и должна рассматриваться не как политический проект, а лишь как политическая философия [3, с. 44–45].

Все сказанное относится прежде всего к государственной идеологии, которая в современном контексте идеологического многообразия относится к типу тотальных идеологий (по другому и быть не может). В то же время ее специфику удачно выразил российский политолог Г. Мусихин, отметив, что идеологическая деятельность официального правительства постоянно представляет собой открытый сценарий [4]. В отличие от других доктрин государственная идеология вынуждена быть значительно более подвижной и изменчивой, отвечая на вызовы меняющейся внешней и внутренней ситуации. В этом плане интересные изменения происходят с российской официальной идеологией, динамика которой с 2006 по 2014 гг. обусловлена как внешним, так и внутренним ситуационным контекстом. Если в начале указанного периода российское правительство ставило серьезные задачи интеграции в Европу, то за прошедшие годы имели место как минимум два периода политической конфронтации с Западом, в связи с чем указанная задача фактически снята с повестки дня. Первый связан с южноосетинским конфликтом и войной с Грузией, второй с крымско-украинской проблемой и продолжается по настоящее время. За этот же период российское правительство столкнулось с активизацией внутренней оппозиции, пик деятельности которой вполне закономерно пришелся на выборный период 2011–2012 гг. При всей идейной пестроте оппозиционных сил, для них все же характерен либеральный уклон, что, несомненно, учитывается при производстве государственной идеологии.

В статьях и выступлениях официального разработчика кремлевской идеологии второй половины 2000-х годов В. Суркова, чувствовался очевидный западнический уклон, лишь с некоторыми вкраплениями элементов национально-культурной и цивилизационной специфики. Фактически та же самая характеристика справедлива для теоретических идей действующего тогда Президента РФ Д. Медведева за 2009–2010 гг. Центральными понятиями здесь выступают свобода и демократия, при этом личностный уровень свободы увязывается со уровнем национальной свободы. «Достоинство свободного человека требует, чтобы нация, к которой он относит себя, была также свободна в справедливо устроенном мире. Высшая независимая (суверенная) власть народа (демократия) призвана соответствовать этим стремлениям и требованиям на всех уровнях гражданской активности – от индивидуального до национального» [7]. Россия признается частью Европы, к которой ее приблизила демобилизация соцлагеря, удвоившая территорию свободы.

Российская демократия была представлена с одной стороны в эволюционном разрезе. По мысли В. Суркова, она зародилась в начале XX в. и на сегодняшний день представляет «продукт трагической трансформации через царизм, социализм, олигархию» [7]. Д. Медведев в своих статьях и выступлениях утверждал, что в настоящий момент «демо-

кратические институты в целом сформированы и стабилизированы», качество их последовательно улучшается [2]. С другой стороны утверждался как бы вариант национальной демократии, по которой властные органы определяются «исключительно русской нацией во всем ее многообразии и целостности» [7].

Характеристика исторического опыта в текстах официальных идеологов 2006–2010 гг. содержит существенную негативную оценку в виду слишком дорогой оплаты исторических достижений. По словам В. Суркова «Россия теряла в крупнейших войнах больше солдат, чем любой ее союзник или враг. А крупнейшие социально-экономические достижения обретала в периоды деспотического реформирования, подобные войнам. …Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества. Политическую неряшливость, с какой водворялась демократизация, могла себе позволить лишь высокомерная и не знакомая с общественным контролем номенклатура. Подменившая легитимную власть олигархия сопровождалась пандемией нищеты, коррупции и заказных убийств, настоящим коммерческим террором, самоистреблением за деньги» [7]. Тот же смысл, хотя и в более сдержанных тонах содержится в текстах Д. Медведева. Критика отечественной исторической традиции этим не исчерпывается в рассуждениях упомянутых теоретиков. Искоренению должны подлежать патерналистские установки, мешающие утверждению «личного ощущения свободы» [2].

Ориентация на развитые страны четко прослеживалась в следующем пассаже: «Наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъёма качества жизни. Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки, Азии. Этим странам нужны в свою очередь возможности России. Мы крайне заинтересованы в сближении и взаимном проникновении наших культур и экономик» [2].

Принципиально иные акценты расставляет российское правительство в текстах 2013–-2014 гг. Так на ежегодном Валдайском форуме 2013 г. президент В. Путин делает уже куда более жесткий упор на национальную почву. Именно последняя должна стать базой гражданской идентичности, а также главным фактором национального государственного единства [5]. На сегодняшний день традиционной российской идентичности брошен западный вызов в виде универсальной модели политкорректности, предусматривающей отказ от традиционных и религиозных корней, с катастрофическими социальными последствиями уже переживаемыми развитыми странами в виде нарушения механизмов воспроизводства. Почвеннический подход демонстрируется в рамках государственнической тематики. В. Путин заявляет, что за XX в. Россия дважды переживала распад государственности, что приравнивается к национальной катастрофе, так как в результате был разрушен культурный и духовный код нации, разорваны традиции, общество оказалось деморализовано, а также наступил дефицит взаимного доверия и ответственности. Несомненно, сокращение влияния либеральной составляющей в выступлениях В. Путина. Так, копирование западного опыта признается неудачным и нецелесообразным, в то время как либерализм приравнивается к другим видам политической мышления. В то же время действующий президент прагматично не отказывается полностью от западных ценностей. "Россия сделала свой выбор. Наши приоритеты — дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики ускоренное внутреннее развитие, с учетом всех позитивных современных тенденций в мире, консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма"[6].

В российских официальных идеологических текстах последних лет наблюдается явственное усиление геополитической тематики. Падение российского авторитета в мире непосредственно связывается с проблематикой однополярного мира, фактически несущего угрозу самому себе. Заявляя, что «отрицать сегодняшнюю необходимость многополярности уже опасно» [6], В. Путин призывает к конструктивному равноправному диалогу, который уже имел место раньше (Вторая мировая война, Хельсинкские соглашения). Нынешняя информационная дискредитация России происходит под влиянием двойных стандартов, присущих политике западных стран. При этом геополитическая идентичность

России видится более не столько в контексте европейского, сколько в контексте евразийского пространства, о чем свидетельствует выступления 2013–2014 гг.

На основании вышесказанного нами предлагаются следующие соображения по поводу официальной идеологии России.

1) Государственная российская идеология за последнее десятилетие сделала заметный вираж от умеренного западничества к почвенничеству, фактически поменяв методологическое основание с эволюционной парадигмы на культурно-цивилизационную. Несмотря на то, что западные понятия «демократия», «гражданство» применяются в качестве идеологем, однако им придается почвеннический смысл в рамках российского официального политического дискурса. В этом следует видеть влияние объективных обстоятельств, ведущих к закономерным противоречиям в отношении России и западных стран. Представляется, что культурно-цивилизационная парадигма более приближенна к национальным интересам, чем эволюционная, так как обладает большей способностью учитывать социальную конкретику. Мы предполагаем, что содержательные трансформации официальной идеологии России отражают мировую тенденцию – отступление либерализма на теоретическом уровне.

2) В то же время производство государственной российской идеологии не лишено ряда проблем и главная из них – отрыв теории от внутренней национальной практики. Фактически здесь продолжается реализация положений неолиберального проекта, что является также устойчивой мировой тенденцией, несмотря на упомянутую теоретическую дискредитацию либерализма. Подобная устойчивость объясняется, по нашему мнению, тем, что создание и реализация неолиберального проекта отражают классовый интерес правящих групп практически всех стран, вовлеченных в мировые экономические связи и отношения. В этом плане степень экономической открытости России зашла слишком далеко, что является поводом к размышлениям уже на другую тематику.

Библиографический список

1. Бабосов, Е. М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – 2-е изд. – Минск: Амалфея, 2009. – 488 с.
2. Медведев, Д. А. Россия, вперед! http://www.kremlin.ru/by-keyword/93
3. Мельник, В. А. Политические идеологии: учеб. пособие / В. А. Мельник. – Минск : Выш.шк., – 2009. – 399 с.
4. Мусихин, Г. И. Идеология и власть / Полития, 2010, №3-4 (58-59) – С. 25–39.
5. Путин, В. В. Многообразие России для современного мира. Выступление на Валдайском форуме 2013 г. http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243.
6. Путин, В. В. Мировой порядок: новые правила или игра без правил. Выступление на Валдайском форуме 2014 г. http://kremlin.ru/events/president/news/46860.
7. Сурков, В. Ю. Национализация будущего. http://viktor321.ucoz.ru/news/2007-06-20-181.
8. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель – Харьков : Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 312 с.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. И. Веруш,
кандидат политических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Характер разнообразных угроз для безопасности государства порождали необходимость различных по своему содержанию специальных исследований, направленных на

противодействие этим угрозам. Ряд исследований имеют многовековую историю, другие проводились в XVIII-XIX веках, третьи – в XX веке, особенно в его второй половине.

Обеспечение безопасности в социально-политической сфере являлась предметом заботы древних философов, политиков, государственных деятелей, в воззрениях которых речь шла о безопасности государства. Причем изначально понимание безопасности государства сводилось к его защите от внешних угроз. Защита от внутренних угроз связывалась со справедливым устройством и управлением, в силу чего эти угрозы будут устранены или не появятся вообще. Так, к примеру, Платон, связывал проблему жизнеспособности страны с разрешением противоречий государственного строительства. Аристотель определил негативные факторы, негативно влияющие на безопасность. К ним он относит неправильное государственное устройство и сильное имущественное расслоение общества (высокий децильный коэффициент в современном понимании) [1].

Современными звучат представления Н. Макиавелли о социально-политической безопасности, согласно которым, государство это некое отношение между правительством и подданными, опирающееся на страх или любовь последних. «Государство незыблемо, если правительство не дает повода к заговорам и возмущениям, если страх подданных не перерастает в ненависть, а любовь – в презрение» [2].

Следует отметить, что сам термин «безопасность» в те времена прочно не вошел в лексику и до XVII в. использовался редко. Широкое же распространение в научных и политических кругах западноевропейских государств понятие “безопасность” приобретает благодаря философским концепциям Т. Гоббса, Ф. Бэкона, Д. Локка, Ж. Ж. Руссо и других мыслителей XVII–XVIII вв. Именно в этот период учеными предпринимались первые попытки теоретической разработки этого понятия.

Так английский философ Дж. Локк сформулировал подход к обеспечению социально-политической безопасности, через анализ процессов и явлений, разрушающих механизм управления страной. Он отметил противоречивость насилия как средства достижения безопасности: «Применяя силу, правитель частично перечеркивает то, ради чего он призван трудиться, а именно всеобщую безопасность. Ибо, сколько-нибудь подрывая или нарушая безопасность любого из своих подданных ради защиты остальных, он ровно настолько же вступает в противоречие со своими же объявленными наперед намерениями, в каковое должна входить только охрана людей…» [3, с. 79]. Философ Ф. Бэкон ввел новое понятие «культура безопасности», основой которой стало избежание опасности и своевременное, адекватное реагирование на возрастание опасности стране [4].

Французские просветители (Вольтер, Ж. Ж. Русо, Д. Дидро, П. Гольбах) обосновали тезис о нереальности безопасного развития нации без гарантий безопасности каждого отдельного гражданина. Данный тезис они закрепили в качестве мировоззренческой установки и конституционного требования в Декларации прав человека и гражданина 1789 года и Конституции Франции 1791 года [5].

По мнению Гегеля именно государству принадлежит главнейшая роль гаранта безопасности личности, общества. Гегель отмечает качественную определенность понятия «угроза общественной безопасности», благодаря которой у человека сформировалась «привычка к безопасности», которая стала его (человека) второй натурой» [6].

По мнению К. Маркса угрозы социально-политической безопасности, а также источник социальной напряженности кроются в неравном отношении людей к собственности [7].

Особый вклад в развитии теории социальной безопасности принадлежит социологам. Так, О. Конт, Э. Дюркгейм считали основой социальной безопасности порядок или статика, которые нарушаются вследствие различных проявлений общественного целого. В концепции О. Конта устойчивая социальная связь предполагает социальные механизмы регулирования социальных отношений, определенное единство верований, убеждений и социальных чувств [8]. По мнению Э. Дюркгейма, в основе угрозы социальной безопасно-

сти лежит быстрое изменение норм и ценностей, что влечет за собой утрату былой дисциплины и порядка в обществе [9, с. 61].

Социальное равенство, по мнению П. А. Сорокина является важнейшим условием обеспечения социальной безопасности. Государство должно обеспечить равенство и безопасность граждан перед законом, а также соблюдение права на равный доступ к политическим благам (занятие публичных должностей, свобода слова, печати, совести, объединений) [10].

Однако, следует отметить, что до начала XX в. наиболее глубокую теоретическую проработку получила внешнеполитическая безопасность (как один из видов национальной безопасности), внутренняя же, аналог социально-политической безопасности, в силу различных причин идеологического и политического характера, до последнего времени (почти до начала XXI в.) оставалась теоретически довольно слабо разработанной. Скудность научных трудов по теме социально-политической безопасности и соответственно ее теории в советский период объясняется тем, что сфера безопасности всегда была монополией государства. Представления о безопасности носили узкий характер, поскольку главным объектом политики безопасности выступала безопасность государства, под которой на практике, в конечном счете, подразумевалась безопасность политического строя государства.

С конца 80-х годов XX века начался пересмотр существующей концепции обеспечения безопасности государства. Анализ научной литературы по проблемам безопасности, опубликованной после 90-х годов XX века, свидетельствует о расширении границы понимания безопасности учеными в сравнении с предыдущими закрытыми разработками в этой области [11]. Более того, понимание безопасности стало определяться как состояния общественных отношений и привело ученых к необходимости выделения видов безопасности. Это простимулировало появление работ, рассматривающих отдельные виды безопасности.

Однако, в общем виде понятие "социально-политическая безопасность" не представлена в энциклопедических словарях. Как отмечают исследователи, обращение к проблеме социально-политической безопасности обнаруживает ряд сложных вопросов, которые «связаны с тем, что теория социально-политической безопасности в условиях складывающегося однополярного мира, глобального характера межгосударственных противоречий, неурегулированности территориальных проблем и национальных интересов при имеющихся в этой области известных наработках не могла сложиться в полной мере» [12].

С точки зрения современных доктринальных документов по вопросам национальной безопасности, социально-политическую безопасность рассматривают как составную часть национальной безопасности, подразумевая под ней состояние защищенности интересов личности, общества, государства в социальной и политической сферах от внутренних и внешних угроз, обеспечивающие эффективное развитие государства, общества и личности [13].

Очевидно, что теория социально-политической безопасности в настоящее время нуждается в своем дальнейшем развитии. Наряду с известными опасностями, вызовами и угрозами в XXI веке появляются новые, ранее неизвестные, либо не рассматривавшиеся ранее как объективно угрожающие стабильности, национальной и политической безопасности. Все чаще исследователи говорят о том, что необходимо научно проработать проблемы соотношения личной и общественной безопасности, личной и государственной безопасности, общественной и государственной безопасности. Есть потребность насыщения теории социально-политической безопасности с точки зрения оценки и прогнозирования реальных и потенциальных угроз личности, общества, государства в изменившемся мире и в изменившейся внутренней обстановке. Ну и поскольку национальная безопасность связана с принятием политических решений, соответственно имеется необходимость в тщательной проработке количественных и качественных показателей, позволяющих мониторить ситуацию и оценивать ее на предмет риска, вызова и угрозы национальной безопасности.

Библиографический список

1. Аристотель, Политика / Аристотель // Собр. **с**оч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. – Т.4. 307 с.
2. Макиавелли, Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли, – Минск: Попурри, 2009. – 672 с.
3. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Собр. **с**оч.: в 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
4. Бэкон, Ф. Опыт для наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон // Собр. **с**оч. в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1977. – Т. 1. – 400 с.
5. Лига, М. Б. Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение // М. Б. Лига, Н. С. Павлова, И. А. Щеткина. – М.: Академия Естествознания, 2012. – 347 с.
6. Гегель, Г. В. Философия права / Г. В. Гегель. М.: Мысль, 1990. – 293 с.
7. Маркс, К. Процесс труда и процесс увеличения стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. **с**оч.: 2-е изд. Т.13. – М., 1975. – 425 с.
8. Конт, О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / О. Конт, Ростов н/Д: «Феникс», 2003. С. 140–227.
9. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Дюркгейм Э. М., 1995. – 352 с.
10. Сопрокин, П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П. А. Сорокин, – М.: АСТ Астрель, 2006. – 618 с.
11. Общая теория национальной безопасности: учебник / под ред. А. А. Прохожева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РАГС, – 2005. – 344 с.
12. Андреев, Э. М. Безопасность России в XXI веке: социально-гуманитарное исследование [монография] / Андреев Э. М. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; ИСПИ РАН, 2006. – 422 с.
13. Серебрянников, В. В. Политическая безопасность / В. В. Серебрянников // Свободная мысль. – 1997. – № 3. – С. 19.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И МЕРАХ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ РАБОТЫ

Н. А. Барановский,
доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Общественное мнение – это «глас народа», форма выражения массового сознания, отражающего жизненные потребности, интересы, ценности, привычки, менталитет и образ жизни социальных групп, общностей и народа в целом, а также их представления, оценки и суждения по различным вопросам жизнедеятельности социума. В социологии и социальной практике общественное мнение используется, как критерий оценки эффективности деятельности социальных субъектов, функционирования социальных институтов и общества в целом, а также как инструмент их совершенствования и развития. Эмпирическую основу исследования составляют результаты национального социологического опроса населения страны, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июне 2015 года, в ходе которого было опрошено 2087 человек.

Новейший период развития белорусского общества - эпоха системной трансформации экономических, политических и культурных социальных институтов и

общественных отношений, исторический этап транзитивного развития и построения постиндустриального информационного общества. Направленность и социодинамика трансформационных процессов в современном белорусском обществе в значительной степени зависит от состояния, возможностей и путей развития политической системы – оптимальной структурной организации и эффективности функционирования органов законодательной, исполнительной и судебной власти, политических партий и других институтов гражданского общества и самоуправления, политической культуры и общественно-политической активности населения. Социологические опросы населения свидетельствуют, что актуальной социальной потребностью является *модернизация политической системы* – оптимально сочетающий социальные инновации и преемственность эволюционный процесс системных преобразований базовых принципов, структуры и форм деятельности органов государственной власти и управления, политических партий, общественных формирований и граждан, который ориентирован на демократизацию государственного управления и формирование гражданского общества, повышение эффективности социально-политического управления, обеспечение социального порядка и устойчивого прогрессивного развития социума. По данным социологического опроса, проведенного в ноябре 2013 года, 44 % респондентов полагает, что существующая в стране политическая система нуждается в модернизации (из них 19 % – полностью убеждены в этом, а 25 % – «скорее да, чем нет»).

Модернизацию политической системы не следует сводить только к изменению структуры, функций, компетенции и численности органов государственной власти и управления. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что важным направлением работы должна быть децентрализация системы государственного управления и развитие местного самоуправления. Местное самоуправление – основа демократического общества, неотъемлемая часть политической системы и одновременно важнейший институт гражданского общества. Органы местного самоуправления укрепляют публичную власть, делают ее более гибкой и эффективной, так как являются доступными для людей, максимально приспособлены к использованию имеющихся ресурсов для удовлетворения потребностей населения. В нашей стране на местном уровне функционирует смешанная государственно-общественная модель местного самоуправления, с преобладающим правом государственных структур по практическому решению вопросов местного значения. Европейская Хартия местного самоуправления, принятая Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы 15 октября 1985 года, рассматривает местное самоуправление как важный институт демократии и исходит из общественной теории местного самоуправления. В соответствие с ней органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, они являются автономными и самостоятельными, а коммунальная собственность наряду с государственной и частной собственностью является одной из форм собственности, закрепленной в Конституции страны. Система местного самоуправления должна ориентироваться на максимальное вовлечение местного сообщества в управление местными делами. По результатам социологического опроса, проведенного в ноябре 2013 года, только 26 % населения удовлетворены уровнем развития местного самоуправления. По мнению граждан, в плане развития местного самоуправления в стране целесообразно активно привлекать граждан к работе органов местного самоуправления (22 %), шире освещать в СМИ их работу (22 %), ограничить власть местной бюрократии (18 %), морально и материально поощрять местных активистов (18 %), создавать механизмы реального влияния местного самоуправления на выборы и работу органов государственного управления (11 %), оказывать образовательную, материальную и другую помощь органам местного самоуправления (11 %), принять новый Закон о местном самоуправлении (7 %) и расширить права органов местного самоуправления (7 %).

Важнейшим принципом демократической формы государственного устройства и эффективного социального управления является открытость, доступность и гласность работы Советов депутатов и других органов государственной власти и управления. По дан-

ным социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июне 2015 года, абсолютное большинство населения, приняв участие в выборах депутатов местных Советов и республиканских органов власти, в дальнейшем забывает и не знает своих депутатов, за которых они проголосовали. Особенно это касается членов Совета Республики, Палаты Представителей и областных Советов депутатов (соответственно 86,4, 84,9 и 82,1 % респондентов указало на это). Знают своих депутатов республиканского и областного уровней только каждый десятый-седьмой респондент. Несколько лучше обстоит дело со знанием депутатов районного и сельского Советов (соответственно 28,3 и 21,8 % опрошенных граждан). Что касается уровня информированности населения о работе Советов депутатов, то по результатам социологического опроса на полную свою информированность указало только от 0,7 до 2,8 % респондентов, а на частичную информированность – от 14,1 до 19,6 % опрошенных граждан. При этом половина населения (от 47,4 до 52,6 %) – вообще ничего не знает о работе Советов депутатов (особенно о работе Совета Республики – 52,6 %, областного Совета (53,1 %) и Палаты Представителей (52,5 %).

В последние десятилетия в наиболее передовых и цивилизованных странах мира в условиях перехода в стадию постиндустриального и информационного развития отмечается тенденция перехода от представительной демократии к демократии участия граждан в государственном и другом социальном управлении. «Демократия участия» включает активное развитие системы местного самоуправления и непосредственное участие граждан, общественных объединений, политических партий и других институтов гражданского общества в работе органов государственной власти и управления. Результаты проведенного социологического опроса населения страны свидетельствуют, что в настоящее время в работе Советов депутатов в той или иной форме принимает участие только 14,2 % граждан, то есть каждый седьмой респондент. Наиболее распространенными формами гражданской активности населения являются участие в собрании граждан (3,9 %), посещение встреч депутатов с избирателями (3,4 %), участие в местном референдуме (2,9 %) и участие в организации и проведении выборов в Советы депутатов (2,4 %). Выявленная в процессе социологического исследования невысокая социально-политическая и гражданская активность населения в отношении практического участия в работе Советов депутатов свидетельствует о невысоком уровне политической культуры граждан и отсутствии взаимодействия и единства народа с государством как важным социальным институтом власти и управления. Образно можно сказать, что «слишком далеки: народ от государства и государство от народа».

Изучение и анализ факторов, препятствующих эффективной работе Советов депутатов, свидетельствует о преобладании обстоятельств социально-политического, организационно-управленческого, профессионально-компетентного, финансово-экономического и нормативно-правового характера. В частности, 27,3 % опрошенных граждан в качестве главного фактора, препятствующего эффективной работе Советов депутатов, называют «слабый учет общественного мнения при принятии решений». Как мы понимаем, речь идет, прежде всего, о недостаточном внимании Советов депутатов к мнениям, потребностям и интересам населения. Далее, граждане обращают внимание на низкий уровень компетентности депутатов (25,9 %), пассивность населения и нежелание граждан участвовать в государственном управлении (23,8 %), недостаток финансовых средств у Советов депутатов (22,0 %), отсутствие должной гласности в работе (21,1 %), бюрократизм и сложность административных процедур для решения обращений граждан (14,7 %), несовершенство законодательства (14,2 %), слабый депутатский контроль за деятельностью органов государственного управления (13,1 %), пассивность и неразвитость институтов гражданского общества (политических партий, общественных объединений) (10,8 %), недостаток времени у депутатов (8,6 %), чрезмерная отчетность (8,5 %) и др.

В системе мероприятий по повышению эффективности работы Советов депутатов можно выделить две группы социально-практических мер: а) «антинегативные» – направ-

ленные на выявление и устранение факторов, препятствующих эффективной работе Советов депутатов; б) «пропозитивные» - направленные на развитие позитивных принципов и форм работы Советов депутатов.

Перечень факторов, препятствующих эффективной работе Советов депутатов, выявленный в процессе социологического опроса населения страны, определяет необходимое поле деятельности и конкретные меры, которые в первоочередном порядке требуется предпринять для повышения эффективности работы Советов депутатов: систематически изучать и использовать при принятии государственных решений общественное мнение по актуальным вопросам социально-экономического, политического, социального и культурного развития страны и отдельных регионов; организовать систему повышения квалификации и профессиональной культуры депутатов Советов всех уровней, оказывать образовательную, материальную и другую помощь органам местного самоуправления; активизировать работу по привлечению граждан к работе Советов депутатов, используя разнообразные формы и методы организационно-управленческой и воспитательно-просветительной работы с населением; развивать прозрачность и доступность к информации о работе Советов депутатов всех уровней, шире использовать средства массовой информации и другие формы работы для освещения практической деятельности Советов депутатов; активизировать работу по преодолению бюрократизма, коррупции, протекционизма и местничества, ограничить власть местной бюрократии, упростить административные процедуры для оперативного решения обращений граждан, устранить излишнюю отчетность и бумаготворчество в работе Советов депутатов; систематизировать действующее национальное законодательство в области государственного строительства и государственного управления, особенно в сфере местного самоуправления; создать механизмы реального влияния Советов депутатов на работу органов государственного местного управления; рассмотреть вопрос о разработке концепции и проекта нового Закона Республики Беларусь о местном самоуправлении; расширить права и возможности депутатов по контролю деятельности органов государственного управления.

Меры, направленные на развитие позитивных принципов и форм работы Советов депутатов: изучать и широко использовать принципы, формы и методы работы органов государственной власти и местного самоуправления, которые практикуются в передовых странах мира и закрепленные в международных актах и конвенциях; активно продвигаться по пути демократии, содействовать переходу от представительной демократии к демократии участия граждан в государственном управлении и самоуправлении; создавать социально-экономические, политические, правовые и культурные условия для формирования и развития институтов гражданского общества, повышения политической культуры и гражданской активности населения; содействовать развитию политико-партийного строительства, взаимодействию Советов депутатов с общественными объединениями и другими институтами гражданского общества, учитывать их мнение при принятии государственных решений; рассмотреть вопрос об изменении системы распределения доходов и расходов между республиканскими и местными органами власти и управления; обеспечить увеличение финансовых средств, которыми распоряжаются местные Советы депутатов; принять меры по повышению ответственности депутатов Советов всех уровней и руководителей органов государственного управления за принятые решения; установить систему контроля доходов и расходов депутатов и ответственных государственных служащих; совершенствовать избирательное законодательство, ввести прямые выборы руководителей местных органов власти и управления; законодательно урегулировать постепенный переход на выборах в Парламент к голосованию, как по отдельным кандидатам, так и по партийным спискам (к смешанной системе выборов); учитывать мнение оппозиции при принятии политических решений и управлении государством.

Полагаем, что практическая реализация данных первоочередных мероприятий обеспечит продвижение современного белорусского общества на пути устойчивого развития, демократии, социального и правового государства и гражданского общества.

РОЛЬ И ХАРАКТЕРИСТИКА НАИБОЛЕЕ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Печкуров,
заместитель начальника управления по вопросам некоммерческих организаций Министерства юстиции Республики Беларусь, г. Минск

Исходя из статьи 1 Закона Республики Беларусь «О политических партиях» политической партией является добровольное общественное объединение, преследующее политические цели, содействующее выявлению и выражению политической воли граждан и участвующее в выборах [1].

Современные политические партии представляют собой сложные социальные модели, в которых органически соединены партийные лидеры и простые члены партии, политические идеологии и установки, идеи и программы, целенаправленная деятельность партийных структур по удовлетворению тех или иных потребностей людей, отношение партии к политическим явлениям и процессам и т.д. Как показывает политическая реальность политические партии – это наиболее сознательная и организованная часть какой-либо социальной группы или класса, которая борется за политическую власть или участие в ее осуществлении. Это самые подвижные и активные элементы современного общества, основные инструменты взаимосвязи между государством и людьми. Именно политические партии формируют и выражают политические, экономические и другие интересы различных социальных групп, представляют их в законодательных органах, содействуют политической социализации граждан, являются своеобразным механизмом саморегуляции общественной активности [2].

Сложившаяся в Республике Беларусь многопартийность содействует выявлению и выражению политической воли граждан. На сегодняшний день в Республике Беларусь осуществляют деятельность 15 политических партий.

Согласно статье 10 Закона Республики Беларусь «О политических партиях» в политической партии должно состоять не менее 1000 членов от большинства областей республики и города Минска. Такое требование к их минимальной численности установлено с учетом критериев разумной достаточности и соразмерности. Так, политические партии - это особый вид общественных объединений, деятельность которых непосредственно связана с выражением политической воли граждан, и они включены в избирательный процесс.

Закон Республики Беларусь «О политических партиях», гарантируя в статье 2 право на свободу объединения в политические партии, предусматривает, что они достигают своих целей и задач посредством разработки и пропаганды политических программ, обращений и заявлений, проведения съездов, конференций и иных собраний, участия в выборах, активизации участия граждан в управлении государственными и общественными делами, в формировании представительных органов, а также посредством воздействия в рамках законодательства иными способами на состояние общественного мнения.

В отличие от иных общественных объединений, в том числе профсоюзов, партии активно участвуют в политической жизни страны, прежде всего посредством участия в выборах, формировании общественного мнения по государственным и общественным вопросам. Политические партии являются важнейшим элементом политической системы и единственным видом общественных объединений, которые обладают правом выдвигать кандидатов в депутаты.

Исходя из норм Избирательного кодекса Республики Беларусь [3], можно выделить следующие направления участия политических партий в выборах депутатов Палаты представителей:

- наблюдение за выборами;
- участие в работе окружных и участковых избирательных комиссий;
- выдвижение политическими партиями своих кандидатов в депутаты.

Избирательный кодекс содержит требование, согласно которому избирательные комиссии должны состоять, как правило, не менее чем на одну треть из представителей политических партий и иных общественных объединений, кроме участковых комиссий, образуемых в больницах, стационарных лечебно-профилактических учреждениях и иностранных государствах. Политические партии и другие общественные объединения вправе выдвигать в избирательные комиссии по одному представителю.

Помимо участия в выборах, деятельность политических партий заключается, главным образом, в осуществлении организационно-партийной работы (решение организационных вопросов, увеличение количества членов, оргструктур), а также идеологической работы (пропаганда своих идей в обществе).

Политические партии осуществляют свою деятельность согласно их уставам и программам. В уставах определяются их цели и задачи.

Целью Либерально – демократической партии является построение парламентскими методами правового государства с многоукладной экономикой через пропаганду идей либерализма и либеральной демократии, признание многопартийности, плюрализма мнений, гарантии гражданских прав и свобод, отказ от насильственных действий. Согласно программе партии в жизни и политике для ее членов основными являются приоритеты политической и экономической независимости Республики Беларусь, защиты личности и важнейших человеческих ценностей - добра, любви и нравственности.

Республиканская партия ставит своей целью возрождение и создание сильного, суверенного, гуманного, демократического белорусского государства с достаточной степенью интеграции с республиками бывшего Союза ССР и странами Запада, обеспечение высокого стандарта качества жизни человека. В соответствии со своей программой партия делает основной упор на собственные силы республики, опирающиеся на мощный научно-технический потенциал нации. Партия исходит из того, что государство является главным институтом политической системы общества. Политическая партия позиционирует себя в качестве партии общественного прогресса и демократических реформ.

Цель Республиканской партии труда и справедливости – это создание общества экономического благосостояния и социальной справедливости. Согласно ее программе партия республиканская потому, что поддерживает государственный строй в форме президентской республики и осуществляет свою деятельность на территории Республики Беларусь. Партия труда потому, что отстаивает интересы человека-труженика. Партия справедливости потому, что выступает за социальную справедливость в обществе.

Белорусская аграрная партия имеет в качестве основной цели всестороннее участие своих членов в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления посредством делегирования своих представителей в эти органы через выборы. Исходя из программы данной партии, ее деятельность направлена на то, чтобы добиваться прогрессивного развития агропромышленного комплекса, как одного из главных факторов процветания Беларуси, и повышения благосостояния тружеников села на основе повышения квалификации специалистов сельскохозяйственного производства, развертывания их творческой активности в трудовом процессе.

Основная цель Коммунистической партии Беларуси заключается в ориентации общества на социалистический путь развития, ведущий к строительству общества социальной справедливости, основанного на принципах коллективизма, свободы и равенства.

Объединенная гражданская партия согласно уставу имеет цель, которая заключается в содействии созданию гражданского общества и правового государства на основе свободных рыночных отношений, приоритета прав человека, общечеловеческих ценностей и плюрализма по всем направлениям развития общества.

Партия «Белорусская социал-демократическая Грамада» считает своей основной целью создание гуманного, демократического общества на основе многоукладной экономики и разнообразия партийных структур.

Социал-демократическая партия Народного Согласия в качестве своей цели деятельности определяет построение цивилизованного, правового государства, проведение демократических реформ.

Остальная часть политических партий, зарегистрированных в Республике Беларусь, обладает численностью менее двух тысяч человек. Они являются более мелкими по сравнению с вышеперечисленными. Тем не менее, среди них имеются такие, чья деятельность заслуживает некоторого внимания.

Так, например, Белорусская социально-спортивная партия придерживается цели содействия укреплению экономически развитого, социально ориентированного, стабильного государства через совершенствование общественных норм. Белорусская партия «Зеленые» осуществляет свою деятельность с целью создания здоровой жизненной среды для человека, социальные и природные параметры которой обеспечивают максимум возможностей для его развития.

Участие политических партий в общественной жизни страны осуществляется путем организации и участия в семинарах, круглых столах, митингах, шествиях, иных мероприятиях республиканского и местного масштаба, принятия резолюций, подготовки обращений в государственные органы.

Таким образом, осуществление политическими партиями своей уставной деятельности, направлено не только на достижение таких конституционно значимых целей, как выявление и выражение политической воли граждан и участие в выборах, но и на создание в стране многопартийности, как важного фактора становления современного гражданского общества и правового государства в Республике Беларусь.

Библиографический список

1. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005, № 120, 2/1132.
2. Котляров, И. В. Политические партии Беларуси в начале XXI в.: социально-политический анализ // Социологический альманах. – № 1 – 2010. – С. 30.
3. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000, № 25, 2/145.

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И КОНТАКТЫ С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ ЗА РУБЕЖОМ КАК АКТУАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТРАНЫ

М. И. Веренич,

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск

Становление Республики Беларусь как независимого государства и ее вхождение в мировые процессы происходит на фоне глобализации экономической и политической жизни. Глобализация, формируя единое информационное пространство способствует усилению давления государств друг на друга с использованием различных инструментов, в том числе социально-культурного компонента. Тейяр де Шарден уже в начале прошлого века отмечал: «Народы и цивилизации достигли такой степени периферического контакта, или экономической взаимозависимости, или психической общности, что дальше они могут расти, лишь взаимопроникая друг в друга» [1, с. 21]. Современные государства, через СМК, через сетевые структуры, неправительственные организации и зарубежных экспертов, транслируют (часто насаждают) свои ценности, образцы поведения и потребления, тем самым добиваясь, экономической экспансии и повышения своей конкурентоспособности. А. Лукашенко на ежегодном совещании глав диппредставительств РБ в июле 2014 года, говоря, о том, что происходит противостояние с глобальными игроками по вопросам проводимой Беларусью политики, подчеркнул, что: «Так называемая мягкая сила будет

использоваться по максимуму по всему периметру наших границ. На танках к нам пока никто не полезет, но давление возрастет кратно» [2].

Понятие soft power (мягкая сила) как новый инструмент политического давления и влияния через навязывание культурных и социальных ценностей, потребительских предпочтений в противовес традиционной hard power (жесткой силе), опирающейся на военные и экономические ресурсы все чаще упоминается в международной риторике. По мнению Джозефа Ная, «эксплуатация в политике языка и культурных и моральных идеалов страны – это «мягкая власть», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи… с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия» [3, с. 22].

Эти угрозы требуют от государств своевременных мер и механизмов, как по защите своих ценностей и норм, сохранения собственной самости, идентичности внутри, так и умения транслировать свои идеи, ценности вовне. Идентичность государства, по мнению исследователей, включает: национальную идентичность (особенности географического положения, организация политической и экономической жизни, культуры и истории, этно-конфессиональный состав населения, моральные ценности и нормы) и собственно статус государства (положение в международном пространстве, участие и статус в международных организациях, альянсах и блоках, особенности взаимоотношений с теми или иными странами, стратегии, которые государство реализует на международной арене) [4, с. 10]. Именно эти компонеенты формируют образ либо имидж государства, выступающий одним из инструментов продвижения идентичности и реализации мягкой силы во внешней политике государства. Особенности идентичности стран и наций проектируется во внешнюю среду через систему информационных продуктов, символов и знаков целенаправленно создавая и транслируя образ страны. По мнению К. С. Гаджиева, – «Стремительное распространение современных информационных технологий позволяет странам продвигая национальный имидж наращивать "мягкую силу", увеличивать свое геополитическое влияние на мировой арене, в том числе, за счет привлекательности и симпатии…» [5, с. 39].

Сегодня вопрос продвижения национального имиджа как компонента "мягкой силы" важен и для Республики Беларусь, являющейся инициатором и активным участником различных интеграционных процессов. Необходима как долгосрочная стратегия формирования имиджа, так и тактические шаги по продвижению и собственно управлению имиджем. Сама долгосрочная стратегия по формированию имиджа должна опираться на национальные традиции, должна пройти апробацию внутри страны и проектироваться в первую очередь на страны геополитического интереса Беларуси. Также следует изучать и учитывать позитивный опыт других стран по продвижению имиджа. Многие государства (Япония, Финляндия, Великобритания, США, Россия и т.д.) относясь к имиджу как к важному стратегическому приоритету, не только формируют свой имидж, но производят его ребрендинг, меняют механизмы репрезентации ценностей и символов с целью повышения экономического потенциала и конкурентоспособности страны, за счет собственных историко-культурных, ландшафтно-географических и территориальных ресурсов.

Сама репрезентация страны в международном пространстве многоступенчатый процесс и требует выполнения некоторых обязательных условий: изучение и обобщения основных характеристик, образов, ценностей и стереотипов страны передачи и изучение и обобщение ценностей, норм и стереотипов стороны, которой транслируется образ. Таким образом, проблема формирования имиджа требует комплексного подхода, представляет предмет теоретического и прикладного интереса различных наук, государственных органов, политических деятелей и неправительственных организаций [5, с. 40].

Обычно выделяют пять основных направлений стратегических имиджевых коммуникаций страны на международной арене: внешняя политика, дипломатия и открытие представительств и культурных центров за рубежом; создание национальных брендов; ра-

бота над благоприятным инвестиционным имиджем; продвижение туризма и создание привлекательного туристического имиджа; внешняя культурная политика.

А. Савиных, подчеркивает, что имидж формируется через, то что делаем мы сами (государство, общественные объединения, бизнес и др.), какую информацию мы направляем в большой мир, какую систему ценностей ретранслируем; как проявляют себя наши туристы, предприниматели, ученые и другие соотечественники за рубежом, как они выстраивают свои отношения с иностранными партнерами; иностранные туристы, сталкивающиеся с нашим сервисом, формирующие представление о Беларуси и передающие его из уст в уста [6].

Таким образом, для успешной работы по построению позитивного имиджа страны необходима не только программа построения имиджа, создание координирующего органа и коммуникационной инфраструктуры, но и тесное взаимодействие с потенциальными носителями и распространителями информации о стране: дипломаты и сотрудники различных организаций, постоянно находящихся за рубежом; журналисты, зарубежные ученые-исследователи, представители диаспоры, постоянно живущие в стране-адресате, обучающиеся студенты, которых в том числе и с целью воспитания патриотизма целесообразно привлекать к изданию журналов о стране, ведению вебсайтов на иностранных языках, посвященных узким областям взаимодействия, в том числе в области культуры, искусства, образования.

Эффективный результат могут дать объективная демонстрация практических результатов деятельности страны, достижений в различных областях: качественные товары, адекватная социальная политика, высокое качество жизни и достойные реальные доходы граждан и т. д. Распространить такую информацию можно в том числе через организацию и поддержку проведения различных международных культурно-массовых и спортивных мероприятий (пример- чемпионат мира по хоккею 2014 года, фестивали и культурно-массовые эвенты), продвижение туристических услуг, приграничного туризма, поддержка контактов между людьми (в том числе отмена или удешевление стоимости виз), культурная дипломатия. Как подчеркивает К. С. Гаджиев «для внутреннего пользования имидж служит средством политической мобилизации, идейного, психологического единения и сплочения нации, укрепления или смены базовых социальных ценностей и т.д. Вовне главное его предназначение состоит в обеспечении легитимности внешней политики государства в глазах, как своих граждан, так и мирового сообщества».

Важное место в этих процессах призвана принимать народная дипломатия, включающая в себя такие аспекты как гуманитарная, культурная, спортивная, научная и др. формы взаимодействия представителей различных социально-демографических и профессиональных групп населения. Зачатки народной дипломатии реализовывались всегда: через паломников и пилигримов, путешественников, переселенцев, исследователей и т.д. Как отмечает Медведева Т. И., выход на уровень общественного движения настоящий феномен сопровождало ряд важных исторических вех: 1) начало XIX в. – 1918 г. – первые антивоенные общественные движения в Европе и Америке; 2) 1919–1945 гг. – выход народной дипломатии на межконтинентальный уровень; 3) 1946–1990 гг. – вовлечение гражданской (народной) дипломатии в идеологическую войну и развитие организованного движения сторонников мира; 4) 1991 год – настоящее время – расширение сферы деятельности гражданской дипломатии и выход ее институтов на международный уровень в качестве реальных акторов международной политики (через различные общественные организации и структуры, такие как Фонд мира, побратимскиее связи, общества дружбы и культурных связей, почетных консулов, Всемирная организация Объединенные города и местные власти (United Cities and Local Governments, UCLG) [7].

Итак, в 20 веке, в период холодной войны вопросы народной дипломатии как формы расширения влияния и взаимодействия государств стали рассматривать на уровне правительств, деятельность народной дипломатии обретает статус организованной структуры: в 60-е годы в США создается организация *«People to People International» с целью*

продвижения культурных и дружеских связей с представителями других стран вне официальной политики и дипломатии, а 27 апреля 1961 года как зеркальный ответ США, – в СССР был учрежден Советский фонд мира с целью поддержки граждан стран, где происходят военные события. 3 марта 1972 года в Минске был инициирован Белорусский республиканский фонд мира во главе с Заиром Азгуром, функционирующий и сегодня.

Анализируя формы, функции, направления, охват деятельности и географию распространения, можно выделить следующие уровни современной народной дипломатии: международный уровень, межрегиональный, межгосударственный уровень, внутригосударственный уровень, уровень отдельных территориальных субъектов. Сами акты народной дипломатии предполагают быть формой самовыражения и выбора самих неравнодушных граждан, должны быть инициированными самими людьми снизу, но как показывает практика различных государств (Россия, Япония, Германия, Молдова, Франция и др.) при умелой организации и поддержке успешно помогают и на государственном уровне.

Учитывая, что народная дипломатия сегодня является значимым источником гражданского и политического процесса, реализуемого через независимых физических и юридических лиц, представителей неправительственных организаций, движений и институтов нашему государству следует модернизировать формы и механизмы взаимодействия с народными дипломатами, имплементировать международный опыт и разрабатывать свои механизмы, находить возможность материальной и информационной поддержки этого движения внутри страны, что несомненно будет способствовать , позитивному восприятию имиджа страны на международной арене.

Библиографический список

1. П. Т. де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. С. 200.
2. Возьмут ли Лукашенко «мягкой силой»? [Электронный ресурс] // news.21.by: [сайт]. URL: http://news.21.by/politics/2014/07/17/958948.html – Дата обращения: 16.10.2015.
3. Най, Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск–Москва: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. 224 с.
4. Киселев, И. Ю. Проблема образа государства в международных отношениях в рамках конструктивистской парадигмы // Политэкс. 2007. № 1. URL: http://www.politex.info/content/view/367/30/
5. Гаджиев, К. С. Имидж государства в конфликте идеологий / К. С. Гаджиев. – М.: Андалус, 2007. – 128 с.
6. Имидж Беларуси: стратегия развития http://eurobelarus.info/news/economy/2011/11/26/ image - belarus.html [Электронный ресурс] – Дата обращения: 10.01.2015.
7. Медведева, Т. И. Гражданская (народная) дипломатия и ее роль в российско-японском политическом диалоге : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук : 23.00.04 /Москва, 2007. – 190 с.

ПРАКТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г. А. Николаенко,

магистрант факультета социологии СПбГУ, Центр социолого-науковедческих исследований СПбФ ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург

История, как профессиональная дисциплина, не может быть абстрагирована от политики. Даже если закрыть глаза на то, что историки участвуют в формировании идентичности, через построение т.н. национального нарратива, а также выделения тех или иных

исторических периодов (через школьные учебники), исторический дискурс может быть использован в политических играх напрямую, в качестве донора для тех или иных аргументов.

Социология истории показывает, что в Европе, особенно со второй половины XX века произошло некоторое деление на два исторических лагеря (совпавших, естественно, с границами капиталистического и социалистического миров). Здесь стоит отметить сразу два немаловажных фактора. Во-первых, с конца XIX века происходил постепенный отход от национальной, в чём-то изоляционной истории. Это объясняется началом построения и дальнейшей реализацией плана объединённой Европы в капиталистической части, а также абсолютно аналогичной необходимостью интеграции в пределах социалистического лагеря. Во-вторых, обе исторические «перестройки» были частью скорее внутренней политики, что и позволило избежать серьезной конфронтации между ними.

Распад Советского Союза и всего социалистического лагеря повлёк за собой мощнейшие трансформационные процессы, в число которых входит, конечно, процесс исторической дезинтеграции. Бывшие страны социалистического лагеря, а также бывшие советские республики столкнулись с необходимостью реинтерпретации своего положения в мире, что, конечно, невозможно без реинтерпретации истории. Исторический нарратив, писавшийся в социалистическом русле на протяжении более полувека, был серьёзным аргументом в процессе исторической, политической, а также и экономической социализации нескольких поколений, что требовало построения не менее эффективного контраргумента. Более того, интеграционные «европейские» процессы осложнялись остаточным действием социалистического политического дискурса. В подобной ситуации единственным выходом была реализация некоторого среднего пути. Так как интеграция с Европой была невозможна не только в связи с необходимостью тотальной перестройки всех институтов, но также и с рядом психолого-политических аспектов, в число которых может входить усталость от биполярного политико-экономического дискурса, а также усталость от зависимости (ведь этим молодым независимым государствам в общем предлагалась роль сателлитов, по аналогии с их прошлым в составе стран Варшавского договора), единственновозможным стал сценарий построения национального, независимого дискурса. Именно этот процесс и стал первопричиной возникновения и дальнейшей гегемонии исторической политики на постсоветском пространстве.

Политический дискурс 1990-х годов, в России, неоднократно актуализировал проблему отсутствия т.н. «национальной идеи». Так что же это – «национальная идея»? Предположим, что в качестве национальной идеи может выступать некий механизм гражданской консолидации на основе построения единой (для мононациональных) или бесконфликтно-согласующейся (для многонациональных государств) национальной идентичности. Этот исторический консенсус не может образоваться самостоятельно, так как в социальных процессах участвует слишком много игроков с несопоставимыми целями, однако его можно сконструировать и интегрировать в социализирующие процессы – то есть как бы запрограммировать интеграцию для последующих поколений. Реализация такого социо-инженерного проекта предполагала бы только поддержание выбранного вектора в политическом дискурсе и некоторую стабильность, которая была бы необходима для взращивания нового поколения граждан – объединённых между собой историческим консенсусом.

Однако, несмотря на кажущуюся простоту подобного плана, его реализация крайне затруднительна. На то есть множество причин. Например, для построения «консенсусного» дискурса требуется некоторый набор важных, а главное – не терпящий реинтерпретаций, коммемораций. Проблема же заключается в соотнесении множества версий одного исторического события (так как практически каждая социальная группа помнит поразному) между собой и попытке построения общей, не вызывающей разногласий исторической картины. На данный момент это практически невозможно. Конечно, все государства (и постсоветские – не исключение) практикуют так называемую политику забвения,

тем самым смещая на задний план самые «взрывоопасные» коммеморации, однако, при ближайшем рассмотрении, даже самые однозначные события прошлого не столь однозначны не только сами по себе, но и в памяти населения.

Следовательно, для реализации исторической политики, в случае, когда поиск консенсуса невозможен, возможен и другой путь – конструирование консенсуса. Конструирование, в данном контексте, может быть заменено на «назначение». Конечно, подобный процесс присутствует не только на постсоветском пространстве, где не так уж давно были перестроены механизмы политической вертикали, но и в западных странах. Отходя от дихотомии на запад и восток можно сказать, что подобные практики используются по всему миру – и тому множество примеров. К ним можно отнести политику Франции относительно войны в Алжире, Польскую политику относительно антисемитской деятельности польских националистов во времена немецкой оккупации, Российскую политику относительно военных действий СССР в период с 1939 по 1941 гг. и т.д. Примеров множество, однако, ярчайшим примером является современная немецкая политика относительно холокоста, при которой человеку грозит уголовное преследование в случае, если он не признаёт факт холокоста, а также весь спектр последствий этой трагедии. Вышеназванные примеры иллюстрируют два вида политики забвения: «мягкий» вектор смещения внимания на другие события (то есть участие СССР во Второй Мировой войне смещается, превращаясь в участие СССР в Великой Отечественной войне, тем самым оставляя в тени первые два года войны) и «жёсткий» вектор утверждения одной «единственно-верной» трактовки (как в случае с Германией). Следовательно, можно говорить о некоторой монополии государства на консенсус, либо о дуополии, в случае, если в государстве присутствует сильный оппозиционный блок.

Говоря об инструментах реализации такой политики, которые абсолютно идентичны в различных государствах, можно выделить несколько основных, к числу которых можно отнести систему образования, в особенности, школы, музеи, кинематограф, телевидение, музыкальную индустрию, рекламу, литературу, а также праздники. В некоторых странах, таких как Польша, Эстония и Латвия, например, присутствуют также и государственные институты, основной целью которых является конструирование консенсусного знания. Аналогичный институт был и в России с 2009 по 2012 год – «Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Задача этого и аналогичных институтов в общем и целом схожи – «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа», «выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемых в целях нанесения ущерба интересам государства», «координация деятельности органов государственной власти и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам государства» и т.п. [1]

Эффективность подобных институтов – сложный вопрос, включающий в себя целый ряд проблем, рассмотрение которых возможно только в рамках междисциплинарных подходов, однако, на данный момент можно смело констатировать одно - национально-исторический дискурс, перетекая из внутренней политики во внешнюю, не только препятствует нахождению общего языка между государствами, но и может детерминировать новые конфликты.

Библиографический список

1. Ростовцев, Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник СПбГУ. Сер. 2, Выпуск 2. – 2014. С. 106–126.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Л. Пушкин,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Современная эпоха характеризуется признанием важнейшей роли «информации в политических процессах, в принятии коллективных решений». Лауреат Нобелевской премии Джозеф Е. Стиглис, развивающий новое направление в теории управления обозначенное им как «информационная политическая экономия», предлагает рассматривать информацию, политику и экономику в неразрывном единстве. При этом Д. Стиглис считает, что «существует асимметрия информации между управляющими и управляемыми… И необходимо искать способы, которые могли бы сократить масштаб информационной асимметрии в политических процессах и минимизировать ее последствия».[1] Хорошей основой по устранению отмеченной асимметрии обладают современные электронные технологии.

Возможности Интернета имеют неограниченный ресурс использования во всех сферах человеческой деятельности: политической, экономической, социальной. В связи с этим происходит существенные изменения в социально политической сфере общества, традиционные формы политического взаимодействия, детерминируются современными Интернет технологиями, позволяющими перейти от информационного монолога к многосторонней коммуникации, что существенным образом повышают эффективность его воздействия на общественное сознание. Данные социологических опросов подтверждают, что 80 % пользователей сетей доверяют мнению своих онлайн-друзей больше, чем своих реальных товарищей. Новая коммуникационная система существенным образом ослабляет власть традиционных форм сообщений. По мнению М. Кастельса: – «Сетевая коммуникация есть более эффективная, чем воздействие отдаленного харизматического авторитета при личных контактах». Данное положение следует учитывать субъектам политического процесса в стране. Только те партии, политические лидеры, которые в полной мере, используют ресурсы сетевого плана могут, рассчитывать на успех в своей политической деятельности. В ближайшей перспективе возможна трансформация виртуальных социальных сообществ в виртуальные политические партии, с реальным политическим влиянием.

В современном мире от уровня взаимодействия государства и общества зависит стабильность и эффективное развитие государства. С этой точки зрение политический краудсорсинг является инновационной формой развития реальной демократии, использование социального ресурса для партийного строительства, для развития самоуправления, для общественного контроля. Созданные в ряде государств – шотландском парламенте, немецком Бундестаге, в британском парламенте, в администрации президента США электронные порталы политического краудсорсинга, позволяющие обеспечить оперативную и комфортную форму политического участия населения в решении тех или иных проблем, обеспечивая оперативную обратную связь государственных структур с различными социальными группами, общественными организациями.

В Российской Федерации в апреле 2013 года был открыт Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» (РОИ) на котором граждане России, авторизованные через поддерживаемую государством систему идентификации граждан ЕСИА, могут выдвигать различные гражданские инициативы либо голосовать за таковые. Инициативы, набравшие сто тысяч голосов, рассматриваются экспертными группами, наделенными правом рекомендовать их для рассмотрения Госдумой» [2].

Социологические данные, полученные в ходе проведения Мониторинга, Институтом социологии в ноябре 2014 года, свидетельствуют о том, что Интернет является важнейшим источником информации для 53,6 % – опрошенных респондентов, прочно зани-

мая вторую позицию после телевидения, которое является значимым источником информации для 80,4 % респондентов. Далее по значимости следуют следующие источники информации: периодические печатные издания – 31,8 %, родственники, друзья, коллеги и т.п. – 25,4 %, радио – 21,6%, официальное информирование по месту работы – 6,5 %. Полученные данные подтверждают динамику предыдущих лет, снижение значимости всех источников информации, за исключением Интернета. В то же время темпы роста Интернет пользователей за последний год оказались очень незначительными – всего 0,6 %. Является ли это снижение темпов интернетофикации началом долговременной тенденции или это кратковременное замедление темпов роста обусловленное экономическими трудностями в стране станет ясно в результате последующих социологических замеров.

Сравнение полученных данных с результатами предыдущих опросов свидетельствует о значительном увеличении Интернет аудитории при одновременном сокращении аудитории телевидения и периодических печатных изданий (табл. 1).

Представленные данные указывают, что Интернет является самым быстро развивающимся источником информации, который в течение десяти лет почти в десять раз увеличил численность своих интернет-пользователей в нашей стране.

Интернет новый вид массовой информации, требующий определенных навыков и знаний, наличия технических и финансовых возможностей для его использования. Поэтому социально-демографические характеристики существенным образом влияют на выбор Интернета. Естественно, чем моложе респондент, тем более значимым средством информации для него является Интернет, тем интенсивнее его используют. Социально демографические характеристики респондентов являются значимым фактором в предпочтении различных источников информации.

Таблица 1. **«Из каких источников Вы получаете информацию?», в %**

Источники информации	**Годы**				
	2004	**2007**	**2011**	**2013**	**2014**
Телевидение	86,6	86,4	94,0	84,6	80,4
Интернет	6,4	15,0	31,7	53,0	53,6
Периодические печатные издания	45,8	41,7	52,3	39,3	31,8
Родственники, друзья, коллеги	30,2	20,3	30,1	32,2	25,4
Радио	22,5	25,3	44,3	29,7	21,6
По месту работы	3,1	3,5	9,7	7,4	6,5

Если в целом среди опрошенных респондентов почти каждый второй респондент (53,6 %) получает информацию используя Интернет, такой средний показатель характерен для респондентов возрастной когорты в возрасте 30–59 лет, среди которых более половины (55,2 %), получают информацию из Интернета. В то же время, респонденты моложе 30 лет значительно в большей степени и интенсивнее используют данный вид информации. Так, например, среди молодежи до 30 лет – 84,9 % получают информацию через Интернет, в то же время, в старших возрастных когортах респонденты пользуются Интернетом в значительно меньшей степени. Среди респондентов 60 лет и старше только 11,2 % используют данный источник информации.

Возраст является одним из основных детерминирующим факторов потребления Интернет ресурсов. Среди молодежи Интернет является важнейшим источником информации для 85,4 % респондентов до 20 лет и для 84,9 % опрошенных в возрастной когорте до 30 лет. Среди данной категории популярность Интернета значительно выше, чем телевидение, которое используется в качестве информации только 53,6 % респондентов до 20 лет, и 57,8 % среди респондентов до 30 лет. При этом следует обратить особое внимание,

что среди молодежи степень интенсивности использования Интернета значительно выше, чем у других возрастных когорт.

Практически каждый день пользуются Интернетом 87,1 % респондентов в возрасте до 20 лет, 84,7 % – 30 лет, среди категории 30–59 лет – таких респондентов в два раза меньше – 42,6, а среди лиц старше 60 лет – только 7,4 %.

Ряд экспертов по СМИ считают, что в ближайшем будущем при разработке и реализации эффективных способов, и приемов информационного противоборства с использованием современных технологий возможно превращение военных компаний одну большую информационную войну [3]. Еще древнегреческий драматург Эврепид утверждал, что: «Словом можно сделать все. Чего с оружием в битвах добиваются». Президент РБ А. Лукашенко отметил, что в современных условиях неотъемлемой частью деструктивного воздействия на государство стала информационная экспансия. «Она является мощным оружием для достижения политического, экономического и военного превосходства в любом противостоянии… По своей интенсивности оно не уступает реальным боевым действиям» – считает президент.

На современном этапе белорусский Интернет добился определенных успехов: существует огромное количество сайтов и интернет-магазинов, сформировался рынок вебдизайна, услуг по доступу в сеть интернет и продвижению сайтов. Подобное разнообразие выбора привлекает к данному источнику информации все больше и больше населения. Таким образом, снижение тарифов, рост числа пользователей как стационарного, так и мобильного Интернета, увеличение спектра интернет-услуг создают благоприятные условия для развития общественно политических практик населения Беларуси

Работа выполнена в рамках проекта с БРФФИ «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян» по договору № Г 15Р-032 от 04.05.2015 г.).

Библиографический список

1. Стиглис, Дж. Е. Информация и смена парадигмы в экономической науке // Мировая экономическая жизнь сквозь призму веков. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов т.V. Книга 2. М.: «Мысль». – 2005. – С. 539.
2. Российская общественная инициатива // [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: https://ru.wiripedia.org/wiki/. – Дата доступа: 6.11.2015.
3. Чернобай, А. И. Информационное противоборство в военно-политических конфликтах современности: уроки и выводы для обеспечения национальной безопасности / А. И. Чернобай // Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы; Под ред. О. А. Павловской; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. Навука, 2010. – 519 с.

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Т. В. Русакевич,
аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

Трансформации, которые происходят сегодня в белорусском обществе, затрагивают глубинные основы массового сознания, активно влияя на формирование новых мировоззренческих оснований его существования, формируя новую коллективную философию общественной жизни. Идет серьезная дискуссия о путях и методах создания новых общественных форм, в том числе, и гражданского общества. Однако мало кого из ее участников всерьез интересует реальный процесс структуризации современного белорусского социума, детерминируемого комплексом правовых норм и социальных связей, общепринятых ценностных ориентаций и неформальных правил, материальных и статусных ожида-

ний и индивидуальных и коллективных мечтаний. Кроме того, постоянное использование понятия «гражданское общество» в самых различных ситуациях привело к тому, что сущность и смысл этой дефиниции размываются, теряют устойчивые концептуальные очертания, приобретают политизированную интерпретацию. В гносеологическом плане не выработано его устоявшееся определение как важнейшего общественного феномена, не установлены четкие аспекты взаимодействия с политической и социальной сферами, продолжаются споры по поводу основных структурных элементов, функциональных характеристик и параметров.

На основе длительного исследования сущности гражданского общества, систематизации его идей и смыслов, предлагаю авторское определение: гражданское общество – это социальное пространство социально-политических субъектов и институтов, организаций и институтов, ролей, процессов, связей, смыслов, взаимодействий, отражающих политические, социальные, правовые, идеологические и культурные нормы и принципы, исторические традиции, ценностные установки и ориентиры, детерминирующих создание общества свободных и полноправных граждан, которое формируется на основе принципов плюрализма и демократии, частной собственности и правового равенства граждан, их самоопределения и самоорганизации, общество, в котором происходит переход некоторых властных функций от государства к независимым от власти общественным структурам, способным создать необходимые и достаточные условия для развития личности, реализации ее прав, удовлетворения законных интересов и важнейших потребностей, роста гражданственности и правовой культуры.

Наиболее эффективной моделью исследования гражданского общества, учитывающей потребности и пожелания граждан, является кибернетическая модель, созданная па основе системного подхода к анализу и формированию социальной реальности. Гражданское общество в данном случае понимается как кибернетическая система**,** состоящая из совокупности элементов, автономных по отношению к государственной власти, выражающих частные (индивидуальные, групповые, корпоративные) интересы граждан, регулирующих и защищающих эти интересы, и имеющая «входы» и «выходы». «Входы**»** – все внешние по отношению к системе процессы и явления, тем или иным образом воздействующие на нее. На «входы» поступают импульсы в форме требований и пожеланий граждан. **«**Выходы**»** – конкретные управленческие решения, законы и нормативные акты, принимаемые после обработки внешних раздражений. Чтобы совокупность различных блоков или подсистем стала системой, необходимо интегративное качество, которое составляют властные функции и правовое сознание, гражданственность и гражданская культура**.** В каждой из подсистем имеются системообразующие элементы**,** целенаправленное воздействие на которые приведет к изменению качественного состояния как относительно самостоятельных блоков, так и гражданского общества в целом [1; 2; 3].

Гражданское общество имеет сложную структуру, которая представляет его внутреннее строение, отражающее многообразие и взаимодействие составляющих компонентов, обеспечивающее устойчивость, целостность и перспективы развития, совокупность больших и малых социальных групп, выделяемую на основе определенного признака, коллективных и индивидуальных отношений между ними. В гражданском обществе в отличие от государственной системы управления преобладают не вертикальные, а горизонтальные связи – отношения конкуренции, поддержки и солидарности между свободными и равноправными партнерами.

Существует множество подходов к классификации структуры гражданского общества. Различные авторы находят различные основания для классификации основных элементов гражданского общества. По моему мнению, структура гражданского общества в опосредованном виде является отражением взаимосвязей основных сфер деятельности людей и существующего социально-классового деления общества. Сама по себе она складывается в результате взаимодействия свободных (суверенных, автономных) субъектов гражданского общества. В целом, гражданское общество основано на балансе их интере-

сов. Поэтому первостепенное значение при характеристике его структуры принадлежит структурно-функциональному и системному анализу, который в состоянии раскрыть указанный характер объединения людей в сообщества, характер их членства в такой специфической человеческой общности, как гражданское общество [1; 2; 3].

Структура гражданского общества в социальном пространстве имеет по преимуществу горизонтальный характер. В отличие от государства, в нем преобладают не вертикальные, а горизонтальные связи. В гражданском обществе складываются отношения конкуренции, противоборства, а также солидарности, сотрудничества, корпоративизма между свободными и равноправными партнерами. Структуры гражданского общества возникают в результате свободного волеизъявления и добровольного согласия (договора) равных субъектов, являются самоорганизующимися и самоуправляемыми. Вертикальные связи при этом не исключаются, но горизонтальные связи являются основополагающими и доминируют [1; 3].

Важнейшими структурными элементами гражданского общества, реальным наполнением кибернетической модели, по моему мнению, являются различные группы и сообщества, объединенные общностью интересов, активно участвующие в общественной жизни, выполняющие определенные властные функции и конкретные действия, направленные на развитие личности, рост правосознания и правовой культуры, реализацию ее прав и свобод. Поэтому все структурные элементы гражданского общества, по моему мнению, можно условно разделить на три типа:

Социальные институты как устойчиво воспроизводимые, имеющие пространственно-временную протяженность в рамках социальных тональностей и определенных правил и ресурсов структуры. Известный российский исследователь Ирина Халий под институтами гражданского общества понимает «организованные так или иначе объединения граждан, действия которых направлены на реализацию каких-либо целей и задач, на разрешение собственных, общих для групп проблем», через призму существующих в современном обществе социокультурных различий и типов социального неравенства [5].

Социальные отношения, нормы, правила и нормы, производящие те или иные гражданские по содержанию социальные практики.

Социальные субъекты как обладающие определёнными интересами и их осознанием, связанные различными формами солидарности и ассоативных отношений личности. По мнению французского социолога А. Турена, в субъекте гражданского общества воплощены воля и сопротивление, борьба и социальная активность: «Субъект – это не рефлексия индивидуума по собственному поводу, не идеальный образ, рисуемый им в гордом одиночестве, а непосредственное действие. Однако сегодня «социальный субъект противопоставляет свою собственную экзистенцию, преемственность, свою связь со свободой и творчеством хаотичным правилам общества модерна и индустриальных обществ» [4, с. 9].

Основными критериями отнесения их к структурам гражданского общества может быть активное участие в общественной жизни, деятельность по формированию свободы и демократии, высокой гражданской культуры и правосознания, удовлетворению законных интересов и важнейших потребностей граждан, повышению гражданственности субъектов социума, созданию необходимых и достаточных условий для развития личности, реализации ее прав, удовлетворения законных интересов и важнейших потребностей, роста правосознания и правовой культуры.

Наиболее важными из структурных элементов гражданского общества, на мой взгляд, являются следующие структуры. Советы депутатов, прежде всего, базового уровня, где каждый гражданин страны, избранный в них, может представлять и защищать интересы различных социальных групп и слоев, принимать управленческие решения. Органы местного самоуправления как органы, наделенные полномочиями на решение вопросов местного значения и не входящие в систему органов государственной власти и которые на основе правовых норм и принципов их функционирования являются центром от-

ношений граждан как с институтами гражданского общества, так и со структурами государственного управления. Политические партии, служащие своеобразным посредником между государством и широкими народными массами. Общественные объединения, организации и движения, стремящиеся решить многочисленные проблемы людей путем целенаправленного влияния на власть. Независимые средства массовой информации, являющиеся своеобразным связующим звеном между всеми структурными элементами гражданского общества, а также государством. Прямое назначение средств массовой информации состоит в обеспечении информационного обмена между элементами гражданского общества, создании в нем единого информационного пространства, донесении правдивой информации до широких кругов общественности и органов государственного управления. Независимое правосудие (суд присяжных) как орган, разрешающий конфликты, споры между государством, обществом, индивидом и между друг другом на демократической основе. Церковь как общественный институт, формирующий личностные качества и властные отношения, систему прав и свобод граждан при помощи специфических идеологических методов и принципов. Пользуясь значительным моральным авторитетом, прежде всего, среди верующих, церковь воздействует на многие стороны социальных процессов. Семья как институт, обеспечивающий первичное пространство частной жизни и способного в силу этого стать отправной точкой «роста снизу» гражданского общества. Союзы предпринимателей, ассоциации потребителей, благотворительные фонды как социальные структуры, способствующие удовлетворению наиболее насущных нужд, интересов и потребностей людей, регуляции разнообразных социальных процессов. Институты демократии как основа формирования гражданственности, права, свободы, правовой культуры. Система воспитания и образования как основа формирования личности, развития ее духовности. Профессиональные союзы, призванные отстаивать сугубо экономические интересы людей труда. Гражданское общество немыслимо без человека. Именно человеческая активность конструирует пространство гражданского общества. Поэтому человек является базовым элементом и субъектом гражданского общества.

Библиографический список

1. Котляров, И. В. Дихотомия «государство – гражданское общество» в историческом нарративе (социологический дискурс) / И. В. Котляров // Доклады Национальной академии наук Беларуси – 2015. – Том 59. – № 2. – С. 108–117.
2. Котляров, И. В. Политико-правовые основания гражданского общества: концептуальный анализ / И. В. Котляров // Юридический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.
3. Русакевич, Т. В. Гражданское общество в поиках смысла: социологический дискурс / Т. В. Русакевич // Иппокрена – 2015. – № 1 – С. 140–155.
4. Турен, А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
5. Халий, И. А. Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения / И. А. Халий // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М. К. Горшков. – Вып.6. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 265–280.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

В. Г. Моисеенко,

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, г. Минск

Чтобы всесторонне рассмотреть особенности проявления патриотизма, как основного качества личности военнослужащего-пограничника, в деятельности органов пограничной службы необходимо исследовать исторический опыт службы на государственной границе.

Проявление патриотизма пограничниками на границе наблюдалось во все времена, начиная с Древней Руси, Отдельного корпуса пограничной стражи, но особое место в героике пограничников занимает подвиг воинов границы в годы Великой Отечественной войны.

Именно пограничники, основной задачей которых является охрана и защита государственных границ страны, первые давали отпор войскам неприятеля.

Следует отметить, что одним из первых, кто наиболее полно и системно исследовал действия пограничников в начале Великой Отечественной войны является российский историк, доктор военных наук Г. П. Сечкин.

В его работе «Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945» приводятся многочисленные примеры беспредельного мужества и героизма советских пограничников [1].

Изучив и проанализировав сотни архивных документов, сводок, боевых приказов и писем Г. П. Сечкин приходит к выводу, что именно на Западной границе начинался крах немецкого плана «Барбаросса». Немецко-фашистское командование отводило на уничтожение наших пограничных застав полчаса. В полевой сумке вражеского офицера, убитого на участке 10-й заставы Любомльского пограничного отряда, обнаружил карту. На которой было отмечено предполагаемое время захвата этой заставы – 4 часа 30 минут 22 июня. «Пограничникам приходилось вести бой с многократно превосходящим в силах противником, владеющим абсолютным превосходством в боевой технике. И все же, несмотря на неравенство сил ни одна пограничная застава не оставила без боя своих позиций. Враг мог обойти, окружить заставу и даже полностью уничтожить ее личный состав, но принудить к сдаче был не в состоянии» [1].

Действия пограничников в начале войны отличались беспредельным мужеством и героизмом.

Вот как описывает Г. Сечкин действия пограничников пятой пограничной заставы под командованием политрука П. Родионова: «На территорию заставы фашисты ступили только тогда, когда большинство ее защитников пали смертью храбрых, а оставшиеся несколько человек из-за тяжелых ран не могли ни двигаться, ни держать в руках оружие» [1].

Героизм, стойкость, мужество пограничников отмечали и немецкие войны. Так, фашистский генерал Г. Блюментрит, начальник штаба 4-й немецкой армии указывал на тот факт, что первые сражения в июне 1941 г. показали, что такое Красная Армия. Потери немецких офицеров и солдат достигли 50 процентов. Пограничники защищали старую крепость в Брест-Литовске… сражаясь до последнего человека, несмотря на обстрел самых тяжелых орудий и бомбежку с воздуха [1].

Приведем также показания одного немецкого фельдфебеля, который участвовал в атаках на 9-ю пограничную заставу лейтенанта Н. С. Слюсарева: «Нигде, никогда мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства. Мы уже обтекали огневую точку, двигались дальше, однако никакая сила не смогла сдвинуть двух, трех пограничников с их позиций, они предпочитали смерть возможности отхода. Советского пограничника можно

было захватить только при двух условиях: когда он был уже мертв, либо если его ранило…» (из материалов газеты «Правда», 1989 г.)

Какой вывод можно сделать из этих фактов? Почему пограничники, нарушая все научные теории, до «последней капли крови» защищали родные рубежи?

Безусловно, одним из главных факторов, обеспечившим выполнение поставленных перед пограничниками задач является высокий моральный дух и высокие нравственные качества. Верность Отечеству, готовность к его защите, готовность отдать за Родину жизнь - вот те качества, которые предопределили события 1941 г.

Многие исследователи менталитета белорусов отмечают одно важнейшее качество нашего народа: обостренное чувство ответственности за обеспечение безопасности Отечества. Защита отечества – является высшей доблестью в сознании народа.

Таким образом, история показывает примеры проявления пограничниками героизма, который, в свою очередь, является высшим проявлением патриотизма.

Пограничная служба во все времена отличалась особым характером деятельности, своей уникальной спецификой. Особенности деятельности пограничной службы предопределяют требования к кандидатам, будущим пограничникам: солдатам, прапорщикам, офицерам. Ведь от того, насколько пограничник соответствует предъявляемым требованиям, зависит качество выполнения задачи, а значит, уровень пограничной и национальной безопасности.

Одно из таких требований – любовь к своей Родине, преданность своей стране и своему народу, высочайший патриотизм.

В настоящее время вопросам патриотического воспитания в органах пограничной службы уделяется одно из главнейших и первостепенных мест. В изучения патриотической составляющей в деятельности военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь было проведено комплексное исследование.

Результаты комплексного опроса анкетируемых показало высокий уровень сформированности патриотизма у военнослужащих органов пограничной службы, что в целом удовлетворяет требованиям общества и обеспечивает выполнение поставленных перед пограничной службой задач.

В настоящее время проявление патриотизма в деятельности пограничников проявляется в эффективном решении задач стоящих перед органами пограничной службы Республики Беларусь, обеспечении пограничной безопасности. Подавляющее большинство военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь высоко оценивают свой уровень патриотизма (87,3 % опрошенных оценивают свой уровень патриотизма на «хорошо» и выше). Вместе с тем, патриотизм как ценность, занимает среднее положение в системе ценностей военнослужащих органов пограничной службы. Большинство военнослужащих считают, что в пограничной среде, где они служат, патриотов больше чем в гражданской среде.

Наиболее уязвимой категорией военнослужащих органов пограничной службы являются солдаты.

В наибольшей мере у пограничников сформированы «пограничные» патриотические ценности.

Органы пограничной службы, как социальный институт оказывают значительной влияние на формирование патриотических ценностей у военнослужащих органов пограничной службы среди таких институтов как семья и школа.

На патриотизм пограничников в большей степени влияют: «героическое прошлое народа» – 73,78 %; 29,56 – «достижения белорусских спортсменов»; 22,89 – «справедливое вознаграждение за труд»; 22,67 – профессионализм, компетентность, справедливость руководителя организации (подразделения); 26,22 % – «достижения в области науки, техники, здравоохранения и культуры»; 15,78 % – личные успехи в службе (учебе); а вот «уровень престижа выбранной профессии» находится на последнем месте – 15,11 %.

Наиболее эффективными методами воспитания патриотизма являются встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, чтение художественной литературы, посещение музеев.

Однако следует указать и на некоторые имеющиеся недостатки в системе формирования патриотизма у военнослужащих-пограничников:

Во-первых, наблюдается, что в наименьшей степени у пограничников сформированы ценности, относящиеся к духовной составляющей патриотизма. Они имеют наименьшее выражение в структуре личности военнослужащего. Очевиден тот факт, что военнослужащие органов пограничной службы Республики Беларусь весьма посредственно осведомлены о традициях, культуре и истории Беларуси, плохо владеют или не владеют белорусским языком, не пользуются им в повседневной жизни.

Во-вторых, все большее место в системе ценностей занимает материальное благополучие, которое «смещает» из центра такие ценности, как честь, Родина, долг.

В-третьих, наблюдается снижение желания читать художественную литературу, особенно молодыми военнослужащими (солдатами, военнослужащими контрактной службы), хотя чтение художественной литературы является мощным средством воспитания личности, в том числе формирования патриотических ценностей.

В-четвертых, наблюдается не совсем четкое понимание и представление пограничников о сущности патриотизма, что приводит к снижению стремления становиться профессионалом в своей сфере, постоянно саморазвиваться и самосовершенствоваться.

Библиографический список

1. Сечкин, Г. П. Пограничный войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941 – 1945 / Г. П. Сечкин. – Москва: Граница, 1993. – 464 с.

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

И. В. Бурмыкина,
доктор социологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет», Россия

Масштабная нелинейная трансформация мирового социума ставит перед управлением социальными процессами цели и задачи, значительно превышающие по своим масштабам, сложности и комплексности выполняемые ранее. Однако уровень управления зачастую не отвечает новым требованиям, «вызовам» времени.

Широко распространенный в системе государственного управления постсоветских государств программно-целевой подход не решает всего комплекса задач социально-экономического развития территорий. На сегодняшний день программно-целевое управление развитием социально-экономических систем является наиболее универсальной и практически единственной категорией в системе целеполагания при реализации стратегических задач функционирования национальной и региональной экономики. Подавляющая часть расходов государственного и региональных бюджетов направляется на финансирование целевых программ федерального и субфедерального развития.

Преимущество программно-целевого управления состоит в определении целей, разработке программ для оптимального достижения поставленных целей, выделении необходимых ресурсов для осуществления программ и формирования организаций, осуществляющих руководство их выполнением. Программно-целевой подход позволяет сгладить существующую асимметрию в развитии отдельных территорий, перераспределяя ресурсы в зависимости от типов и категорий регионов по социально-экономическому состоянию; предполагает комплексность решения проблем территории, заложенных в про-

грамму за счет реализации экономических, социальных, экологических, научно-технических и иных мероприятий в рамках одной программы и, наконец, дает возможность долгосрочного планирования приоритетов развития страны, отдельных регионов и муниципальных образований [1]. Однако, практика показывает, что далеко не все программы осуществляются в полном объеме и в установленные сроки.

Причины невыполнения заданий программ можно разделить на методические, связанные с недостаточно проработанными вопросами методологии программно-целевого подхода и организационно-кадровые, связанные с недостаточной квалификацией регионального менеджмента. Нас, в первую очередь, интересует первая группа проблем специфического характера, поскольку вторая носит универсальный характер. Среди методических проблем программно-целевого подхода наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие: несовершенство инструментария реализации комплексных программ; целевая разобщенность проблем территориального образования и реализуемых программ его развития; отсутствие эффективных методических подходов к установлению целевых параметров программы и невозможность вследствие этого расчета экономической и социальной эффективности программных мероприятий; недостаточная оперативность программно-целевого подхода.

Кроме того, существующие методики оценки эффективности реализации программ в большинстве своем содержат лишь общие принципы и рекомендации, обладая, на наш взгляд, рядом существенных недостатков. Во-первых, единственным измеримым критерием эффективности целевых программ является изменение непосредственных статистических показателей – объемов выполненных работ, оказанных услуг, поставленной продукции в натуральном или стоимостном выражении. Во-вторых, не учитывается влияние изменения этих показателей на основные индикаторы социально-экономического развития региона, то есть не выявляется количественный и качественный общественно значимый результат. В-третьих, упор, в основном, делается на экономическую или бюджетную эффективность программ, а не на социальную, в то время как большинство региональных целевых программ имеет социальный характер.

Эти недостатки и позволяет преодолеть социально-технологический подход в государственном управлении. Социально-технологический подход в управлении – вид организации научно-практической деятельности в управлении, предполагающий реализацию идеологии проектирования и внедрения социальных технологий, такого порядка действий, который нацелен на оптимизацию управленческого процесса. В основе подхода – системная методология, которая реализуется в разделении процесса, деятельности на внутренне взаимосвязанные этапы, операции, разрабатываемые предварительно, сознательно, планомерно, на основе и с использованием последних достижений науки и практики и выполняемые однозначно [2].

В соответствии с этим подходом на первом этапе управленческой деятельности – государственной, региональной или на уровне организаций – конструируется научно обоснованная социально-технологическая модель управления, отражающая процесс целенаправленного преобразования определенного общественного явления или процесса. Такая модель включает: определение объекта технологизации; анализ внутренней логики его функционирования и развития; операционализацию на составляющие и выявление связей между ними; диагностику управляемости взаимодополняющей совокупностью методов различных наук, в том числе социологическое изучение объекта технологизации; прогноз возможных путей развития, потенциала самоорганизации; разработка нормативной (близкой к оптимальной) модели его развития; формулирование конечной цели технологизации. Чем точнее степень соответствия социально-технологической модели объективной логике функционирования социума, тем реальнее возможность достижения высокого эффекта технологического решения государственных и региональных проблем. Все эти действия в определенной мере сходны с процедурами целеполагания, применяемыми в про-

граммно-целевом подходе, однако преимущество заключается в том, что социальные аспекты управления не просто учитываются, а становятся ключевыми.

Целью создания социально-технологической модели является: во-первых, выявление и использование потенциала социальной системы, «человеческого ресурса»; во-вторых, распознавание, предвидение проблем, которые могут возникнуть при реализации управленческого действия до его осуществления, изучение динамики общественного мнения по поводу его реализации, в-третьих, снижение затрат на управление посредством исключения операций, которые не являются необходимыми для получения социального результата [3]. Это чрезвычайно интеллектуально и наукоемкий этап, во многом определяющий успешность последующих, однако его осуществление позволяет обеспечить усилить научную базу, социологическую обоснование и легитимацию принимаемых государственных решений.

На втором этапе осуществляется собственно разработка социальной технологии, то есть такой последовательности действий, которая приведет к заранее намеченной цели, конечному результату. Этому служат формализация, стандартизация и рационализация государственного управления, способов регулирования, контроля и управления взаимодействием между объектом и субъектом технологизации. Стандартизация создает возможность тиражировать приемы и методы социальной технологии, применять их на субфедеральном уровне.

На третьем – осуществляется контроль за реализацией социальной технологии. Главная задача на этом этапе – своевременное выявление отклонений от заданной технологии и их коррекция. Для реализации социально-технологического подхода требуются соответствующие объективные условия (в том числе материально-технические средства) и достаточно зрелый субъективный фактор. Речь идет о высоком уровне экономического, нравственного и политического сознания людей, трудовой и исполнительской активности, дисциплине и инициативе.

Социально-технологический подход позволяет реализовать настоятельную потребность в повышении эффективности государственного, регионального, корпоративного и организационного управления, обусловленную возрастанием сложности, комплексности и динамизма проблем социально-экономического развития. Обеспечивает решение конкретных задач в области государственно-федеративного строительства, научно-технического, социально-экономического, регионального инновационного развития. Внедрение социально-технологического подхода позволит создать системно-мультипликационный эффект: нововведения в одной области деятельности с учетом социального фактора вызывают эффекты в смежных сферах и таким образом суммарный эффект увеличивается многократно.

Библиографический список

1. Райзберг, Б. А., Лобко А. Г. Программно-целевое планирование и управление. – М.: ИНФРА-М, 2002 – 428 с.
2. Иванов, В. Н., Патрушев, В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев. – М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2001. – 327 с.; Бабинцев В. П., Дятченко Л. Я. Формирование социально-технологической культуры как теоретическая и праксеологическая проблема // Социологические исследования. 2011. – № 7. С. 65–70; Тощенко Ж. Т. Социология управления. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 300 с.
3. Сурмин, Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий. – К.: МАУП, 2004. – 608 с.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА И ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ МОЛОДЕЖИ К ЗАЩИТЕ ГОСУДАРСТВА

В. В. Гара,
соискатель Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Патриотизм не заложен в генах, это не природное, а социальное качество и поэтому не наследуется, а формируется. Патриотизм – это, по определению, Любовь к Родине, а Любви нельзя научить [1]. Можно лишь помочь молодежи раскрыть в себе этот потенциал. Поэтому необходима постоянная, организованная и целенаправленная работа с молодежью по формированию и применению в повседневной жизни навыков патриотического поведения, так как содержание патриотизма зависит от конкретно-исторических условий жизни общества, политики государства, целей и задач, стоящих перед ним [2].

История нашего государства всегда была сопряжена с решением задач по защите своих рубежей и отстаиванию национальных интересов средствами и методами вооруженной борьбы, поэтому стремление воспитать молодежь патриотами, безусловно, должно подкрепляться обучением защите государства.

Выполнение этой задачи возможно в случае осмысления всех тех вопросов, от решения которых зависит уровень организации и эффективности формирования готовности молодежи к защите государства.

Успех в ее решении возможен лишь при условии осуществления целенаправленных исследований, учитывающих результаты ранее проведенных, положения и выводы которых связаны с разработкой проблемы готовности молодежи к защите Отечества.

Решение данной задачи можно отследить и изучить только в мониторинговом режиме, чтобы заинтересованные органы государственного управления имели возможность оперативно и профессионально принимать упредительные управленческие решения.

Необходимость исследования готовности молодежи к защите государства в современных условиях вызвана:

во-первых, необходимостью всестороннего анализа сущности, содержания, структуры «современного патриотизма» и готовности молодежи к защите государства, их роли и места в обеспечении обороноспособности страны в контексте изменений происходящих в обществе и его вооруженных силах.

Существенное значение для стабильного функционирования системы подготовки молодежи к защите национальных интересов и повышения ее эффективности имеет изучение психологической готовности и условий ее формирования в процессе социальной деятельности [3];

во-вторых, наличием противоречия между потенциалом патриотизма по формированию социально значимых ценностей и теми современными условиями, в которых оно осуществляется;

в-третьих, необходимостью совершенствования деятельности по формированию готовности к защите государства у современной молодежи с учетом ее особенностей и интересов;

в-четвертых, необходимостью обновления содержания системы патриотического воспитания, путем разработки и реализации принципов, методов, форм, средств формирования готовности к защите государства, на основе полного учета современных условий;

в-пятых, объективная необходимость в формировании готовности молодежи к защите государства обусловлена обстановкой на международной арене, особенностями нынешних взаимоотношений между государствами;

в-шестых, имеет место тенденция, связанная с сокращением количества молодых людей желающих получить военную профессию. Итогом приемных кампаний последних лет, стали незаполненные бюджетные места по военным специальностям.

в-седьмых, появление новых технологических возможностей способствовало на рубеже XXI века появлению нового вида войн, которые называют «бесконтактными» или информационно-технологическими. Изменения в военной сфере предъявляют более высокие требования к интелектуальным, профессиональным и психологическим качествам военнослужащих. Важнейшую роль в их формировании должна сыграть целенаправленная деятельность по формированию готовности молодежи к защите государства.

Необходимо отметить, что в формировании готовности молодых людей к защите Отечества значимую роль играет семья. Семья, как социальный институт выполняет ряд функций, обеспечивающих жизнедеятельность общества в целом. Одной из важнейшей функций семьи выступает воспитательная, которая не может быть в полной мере выполнена никаким другим институтом [4].

Первые элементарные сведения человек получает в семье, закладывающей основы и сознания, и поведения. Нельзя переоценить значимость ценности семейных традиций в формировании готовности молодых людей к защите государства.

Исследование степени готовности молодежи к защите государства в современных условиях позволит изучить механизм формирования социально значимых качеств таких как, гражданская зрелость, ответственность, стремление к сохранению и приумножению исторических и культурных ценностей, готовность к преодолению трудностей [5].

Необходимо понимать, что для молодого человека, заканчивающего школу, однозначно встает выбор профессии, который является для большинства из них трудно решаемой, а порой и нерешаемой задачей (будущую профессию выбирают родители). Молодому человеку нужно разъяснить, что, прежде всего выбор профессии это его выбор, а так же разъяснить на какие факторы при выборе профессии стоит обращать внимание.

Основными факторами, влияющими на выбор молодыми людьми, своего будущего рода деятельности являются: престиж профессии, ее востребованность на рынке труда, заработная плата, реальная возможность получить профессию, мнения и желания близких людей.

Престиж профессии влияет на выбор большинства молодых людей. Действительно, престиж – важный мотив. Однако на волне популярности может возникнуть переизбыток специалистов в престижных профессиях, что создаст сложности при трудоустройстве, что исключено в случае с военными специалистами.

О востребованности можно сказать то же. Те профессии, которые востребованы сегодня на рынке труда, могут оказаться невостребованными завтра. Поэтому в выборе будущей профессии молодым людям следует ориентироваться на более стабильный род деятельности, которым и является военная служба.

Заработная плата в выборе профессии не может играть решающей роли, поскольку обычно оплачивается не профессия, а должность. Рассматривая фактор заработной платы, важно обращать внимание на возможность карьерного роста. Для одних работ стартовая заработная плата может быть высокой, но со временем она не будет повышаться, для других она растет с годами, и через какое-то время вторые обгонят первых.

Обучение в военном ВУЗе является реальной возможностью получить как военную, так и гражданскую специальность, при этом имея ряд бонусов, таких как обучение за счет средств государственного бюджета и нахождение на полном государственном обеспечении.

Мнения и желания близких, особенно родителей, – самое неоднозначное условие выбора. С одной стороны, представители старшего поколения обладают опытом, который необходимо использовать, но с другой – они не всегда хорошо разбираются в структуре и динамике современною рынка труда. Чужие мнения следует учитывать, но при этом понимать, что окончательное решение необходимо принимать самому молодому человеку [5].

Все вышеуказанные факторы довольно весомы, и провести их градацию по степени важности невозможно, так как для разных людей значимы разные факторы, но в обязательном порядке необходимо обращать внимание молодого человека на каждый из них.

Таким образом, формирование у молодежи готовности к защите Отечества предполагает осуществление большой и продолжительной работы, проводимой в контексте всей многоплановой деятельности с подрастающим поколением.

Библиографический список

1. Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
2. Военно-патриотическое воспитание молодежи (проблемы и опыт): Сборник / сост. Ю. И Дерюгин. – Москва: Патриот, 1991. – 213 с.
3. Кулаков, В. Ф. Военная психология и педагогика: учеб. пособие / В. Ф. Кулаков. – Москва: Совершенство, 1998. – 384 с.
4. Лапина, С. В. Семья и ее роль в формировании готовности молодежи к общественно-полезной деятельности / С. В. Лапина, М. Г. Семерикова // Гуманитарно-экономический вестник. – 2010. – № 4. – С. 10.
5. Военная профессиология / под общ. ред. А. Г. Караяни, Ю. Г. Сулимова. – Москва: ВУ, 2004. – 276 с.

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. Г. Семерикова,

кандидат социологических наук, директор Центра исследований кадровой политики Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Современная ситуация социально-экономического развития Республики Беларусь обусловливает ряд актуальных и перспективных направлений развития и совершенствования. Одним из таких поистине важных вопросов является организация работы по подбору, расстановке и развитию кадрового потенциала. В последние годы этому вопросу уделяется значительное внимание как со стороны ученых-исследователей, так и со стороны практиков. Президент Республики Беларусь неоднократно обращал внимание на необходимость совершенствования работы с кадрами, особое внимание уделяя эффективности отбора и подбора кадров, а также повышению мотивации труда государственных служащих. Основная задача в управление кадровыми ресурсами – ориентация их на достижение целей организации и развитие всех ее членов.

В целом, существующая практика реализации государственной кадровой политики, а также нормативная правовая база Республики Беларусь свидетельствуют о наличии целого спектра кадровых технологий, позволяющих привлекать на государственную службу высококвалифицированных специалистов.

Вместе с тем, анализ результатов изучения вопросов реализации государственной кадровой политики руководящими работниками государственных органов, должности которых включены в кадровый реестр главы государства, результатов социологических опросов среди руководителей и специалистов различных государственных организаций, свидетельствуют о необходимости проработки вопросов мотивации профессиональной деятельности государственных служащих. Поскольку только комплексное использование кадровых технологий является одним из основных условий повышения эффективности формирования кадрового потенциала организаций.

Следует отметить, что с каждым годом содержание труда государственных служащих усложняется и наполняется новым содержанием, требуя от специалистов высокого уровня подготовки, квалификации и готовности к изменениям. Соответственно система

мотивации также усложняется. В этой связи мы говорим о необходимости разработки новых подходов в системе формирования мотивации государственных служащих.

Российский ученый А. Турчинов отмечает тот факт, что важно различать мотивы и стимулы. «Стимулы – внешние причины, побуждения. Их можно проследить, спланировать, отметить, чтобы стимул вызвал мотив, нужно, чтобы он был осознан и принят личностью. Если стимул требует от человека действий, которые неосуществимы, то происходит его неприятие и мотив не актуализируется.

Мотив порождается определенной потребностью и выражает готовность к действию, побуждает к активности. Постоянное мотивирование служебно-профессиональной деятельности государственных служащих на основе баланса интересов служащих и потребностей организации должно сопровождаться исследованием мотивов и потребностей современных государственных служащих» [1].

Все это обусловливает необходимость проведения самостоятельного исследования системы мотивации современных государственных служащих Республики Беларусь, позволяющего в целом составить «социальный портрет» данной категории работников.

Так, Центр исследований государственной кадровой политики Научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь в рамках темы НИР «Совершенствование системы оценки деятельности государственных служащих в условиях модернизации государственного управления» в марте 2015 года провел пилотажное социологическое исследование методом группового анкетного опроса. В исследовании приняли участие слушатели факультета повышения квалификации и факультета подготовки и переподготовки Института государственной службы Академии управления. Общий объем выборки составил 187 человек. Результаты исследования являются предварительными и выступают в качестве постановочной проблемы для дальнейшего исследования.

Респондентам был предложен ряд вопросов, связанный с оценкой степени удовлетворенности государственными служащими выполняемой работы, их целей, мотивов, стимулов и профессиональных ориентаций.

На вопрос, связанный с изучением степени удовлетворенности от выполняемой работы, были получены следующие результаты: лишь каждый десятый респондент (10,9 %) в полной мере удовлетворен работой на государственной службе, столько же респондентов (10,4 %) заняли негативную позицию при ответе на данный вопрос. Однако 54,1 % скорее удовлетворены, чем не удовлетворены выполняемой работой.

Более детальный анализ показал, что в наибольшей степени государственные служащие удовлетворены отношениями с коллегами (суммарно 94,6 %), возможностями повышения квалификации (88,6 %), отношениями с руководством (84,2 %), результатами своего труда (80,2 %).

Следует отметить, что в ходе исследования обнаружилось некоторое противоречие в декларируемых ценностях и ориентациях государственных служащих. Так, среди показателей полной неудовлетворенности работой на государственной службе в первую очередь вошли следующие: перспектива обеспечения жилья (1), размер заработной платы (2), содержание труда (3), перспектива продвижения по службе (4), престижность работы (5).

Эти же критерии выступают в качестве определяющих причин возможного ухода с государственной службы: слишком много рутинной работы (50,3 %), низкая заработная плата (45,3 %), высокая ответственность (33,1 %), синдром профессионального выгорания (29,8 %), ненормированный рабочий день (24,9 %). Вместе с тем, абсолютное большинство респондентов (60,4 %), отметили, что основной целью их работы является зарабатывание себе на жизнь. Только 49,2 % опрошенных высказали более социально ориентированный настрой в цели – работа на благо развития города, общества, страны.

Полученные данные позволяют нам предположить, что для современных государственных служащих в большей степени характерна ориентация на удовлетворение личных целей, нежели целей или интересов организации, что естественным образом может сказы-

ваться на эффективности их профессиональной деятельности. Этот вывод подтверждается также и теми стимулами, которые государственные служащие определяют для себя в качестве главных. Так, среди таковых на первом месте заработная плата (48,7 %), премии (40,3 %), уровень оплаты трудовых отпусков (30,5 %), размер пенсии после ухода с государственной службы (29,0 %), возможность карьерного роста (23,5 %).

Таким образом, полученные результаты пилотажного исследования свидетельствуют о том, что вопрос развития мотивации работников государственных структур является актуальным. Можно предположить, что для современных государственных служащих характерна ситуация нечеткости сформированных мотивов профессиональной деятельности. Значительное число опрошенных государственных служащих ориентированы прежде всего на удовлетворение исключительно личностных целей (зарабатывание денег, премии, профессиональное развитие и карьерный рост), нежели на работу на благо общества, а в частности на удовлетворение целей организации. Можно предположить, что государственная служба зачастую выступает в качестве средства достижения целей. Вместе с тем ориентация на профессиональное развитие, получение дополнительного образования и стабильность позволяет говорить о том, что при грамотном управлении формированием системы мотивации государственных служащих возможно выстроить эффективную кадровую работу и реализацию государственной кадровой политики.

Библиографический список

1. Управление персоналом: учебник. изд. 2-е, доп. и перераб. / под общ. ред. А. Турчинова. – М. : Изд-во РАГС, 2008. – 608 с.

ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО СПОРТИВНОГО ЛИДЕРСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Н. С. Рысюкевич,
Минский инновационный университет, г. Минск

Последние годы для белорусских спортивных команд оказалось напряженными, сложными и печальными. Осенью 2014 года лучшие белорусские футбольные клубы БАТЭ и минское «Динамо» потерпели разгромные поражения с теннисным счетом – 0:6 и 1:6 – от португальской «Порту» и греческого клуба ПАОК. Затем БАТЭ потерпел полное фиаско, проиграв 0:7 и 0:5 своим соседям – донецкому «Шахтеру». Спортивные издания признали несоответствие БАТЭ уровню Лиги чемпионов, назвали безрассудными действия борисовчан в матче с донецким «Шахтером». Украинские футболисты, – писали газеты, – почувствовав себя акульей стаей в сельском пруду, учинил форменную расправу над его обитателями. Это было похоже на самоубийство с особым цинизмом, – отмечали некоторые спортивные издания.

Начав очень неплохо чемпионат мира по хоккею, сборная Беларуси проиграла России 0:7 и Канаде – 0:9. Вновь тренеры, болельщики и журналисты отмечали, что в белорусской национальной команде не нашлось сильных, ярких, уверенных в себе и команде лидеров.

Футбольная команда «Динамо» Минск не смогла выполнить главную задачу сезона – стать чемпионом Беларуси. «Ожидаю, что ребята побьются в оставшихся трех матчах Лиги Европы. Есть желание в четверг после 0:4 себя реабилитировать. Без очков [в группе], я думаю, не уйдем. С «Викторией» надо было играть. В Чехии на равных действовали до первого гола. Нет лидеров на поле» [4].

Примерно такие же проблемы у наших соседей – россиян. Заслуженный тренер Российской Федерации Сергей Гимаев отмечал, что московское «Динамо» – это команда-

семья. Но в ключевые моменты в любой команде должны быть лидеры, способные решить исход игры. Но в «Динамо» лидеров, к сожалению, нет» [3].

Более ста тренеров белорусских команд, опрошенных нами, заявили, что в командных видах спорта многое зависит от лидеров. Очень часто именно они решают исход спортивного поединка. Лидер помогает своим партнерам глубже понимать смыслы личной и командной деятельности, соотносить замыслы, выработать общее видение. Лидеры организуют и поддерживают процессы командной деятельности, создают и развивают общее видение спортивных процессов. Большинство белорусских спортивных тренеров утверждает, что спортивных лидеров можно формировать, воспитывать, целенаправленно создавать.

К сожалению, в нашей стране в высших эшелонах управления спортивной деятельностью преобладает другая парадигма – никакая субъективная деятельность не способствует воспитать спортивного лидера. Необходимо резко менять данную парадигму, тем более, что и теоретические изыскания, и экспериментальные действия, и социологические исследования подтверждают то, что спортивных лидеров можно целенаправленно создавать.

В ходе работы над данной проблемой мною впервые в современной социологии предложена авторская социологическая модель командных лидеров, в которой учитываются особенности спортивных команд, их структура, задачи, стоящие перед ними, личностные качества, ценностные ориентации и мотивация спортивных лидеров, характер взаимодействий между ними и членами команды. Впервые предложен принципиально новый социальный статус командных лидеров, детерминируемый их положением в спортивном мире. Он представляет собой комплекс уровней по ранговым измерениям в зависимости от социальности лидеров, где социальность понимается как совокупность приобретенных человеком качеств, обеспечивающих его способность функционировать в обществе и выполнять разнообразные социальные функции в составе различных групп – индивидуальный, групповой, социально-общностный, элитарный.

Первый уровень статуса спортивного командного лидера обусловлен, прежде всего, индивидуальными особенностями процессов формирования членов спортивных команд в командных видах спорта: личностными умениями, способностями, индивидуальными проявлениями восприятия и эмоций, ощущений и мышления. Этот уровень зависит как от врожденных факторов, так и от индивидуального опыта, от развития и совершенствования личностных качеств индивидов, интенсивности и качества спортивных тренировок. Второй уровень – командный – представляет групповой социальный опыт, в который входят приобретенные в ходе напряженных тренировок умения и знания, навыки и привычки. Они имеют социальный характер, формируются в процессе общения и обучения, совместной командной деятельности и могут быть усилены с помощью целенаправленных действий. Третий уровень статуса спортивного лидера – социально-общностный – внутренний стержень которого составляют, прежде всего, ценности и ценностные ориентации личности. В результате формирования общественно важных личностных качеств и ценностных ориентаций спортивный лидер выходит за пределы спортивной команды, на высоком уровне выполняет лидерские функции и вне спортивной площадки или футбольного поля. Четвертый (высший) уровень статуса спортивного лидера – элитарный. Он детерминирован высшими требованиями спортивного развития. На этом уровне расположены лучшие во всех отношениях представители спорта [2].

Спортивных лидеров по этим основаниям можно подразделить на четыре важнейших типа – лидер для себя; командный; корпоративный; «суперлидер», характерных для индивидуального, группового, социально-общностного, элитарного уровней. Лидер для себя – спортсмен, который хочет и способен повысить свои личные спортивные достижения и формирует для этого определенные личностные качества. Командный лидер – спортсмен, который благодаря своим личным достоинствам является настоящим лидером спортивной команды. Корпоративный лидер – человек, который является лидером не

только в команде, но и в общественной жизни, обладает личностными качествами, которые дают ему возможность стать настоящим вожаком молодежи, быть первым не только на беговой дорожке или футбольном поле, но и в учебном или трудовом коллективе, любом социуме, активно заниматься общественными делами. Суперлидер – личность, которая является лидером в спортивной и общественной жизни, обладает выдающимися личностными качествами и высокими морально-нравственными ценностями, непререкаемым авторитетом, дающими ей возможность быть лучшей в данной сфере деятельности, постоянно передавать свои знания и опыт подрастающему поколению.

Личностные качества спортсменов – один из системообразующих факторов спортивного лидерства. Многочисленные социологические теории утверждают, что лидером может стать индивид, имеющий определенный комплекс конкретных личностных качеств. Однако разнообразие и противоречивость личностных характеристик и параметров, имеющихся у лидеров, ставят под сомнение данный теоретический и методологический принцип. Тем более, что в нашей стране вопросами изучения, анализа и формирования лидерских качеств как социальных субъектов в целом, так и спортсменов, в частности, практически никогда не занимался. А ведь специфика национального белорусского характера, его менталитет во многом определяют тенденцию развития современного национального лидерства.

Многие исследователи условно подразделяют личностные лидерские качества на несколько больших группы: интеллектуальные (умственные) и нравственные способности, гражданские качества, психологические, эмоциональные черты характера личности, приобретенные и развитые (личностные деловые) умения. Это подтверждают и многочисленные социологические исследования.

В ходе мониторингового социологического исследования «Лидеры политики, бизнеса, спорта на современном этапе развития белорусского общества», долгие годы проводимого под руководством профессора Игоря Котлярова, мною были выявлены некоторые личностные качества и умения, характеристики и ценностные ориентации спортивных лидеров, необходимые для эффективных командных действий. Среди них профессиональные, интеллектуальные, физические, организационные, волевые, морально-нравственные и коммуникативные качества, черты характера, ожидания, установки и другие диспозиции членов спортивных коллективов. Это, прежде всего, профессионализм как комплекс личностных качеств и практических навыков, теоретических знаний и умений, позволяющих успешно решать стоящие перед спортивной командой задачи и на высоком уровне выполнять свои обязанности, патриотизм как любовь к Родине, преданность ей и народу, готовность приумножать ее богатства, защищать честь и достоинство, оптимизм как вера в свою команду, ее возможности и способности добиться больших побед; высокие нравственные качества как соблюдение определенных моральных принципов норм; социальная активность как готовность и способность быстро решать существующие проблемы; креативность как оригинальность суждений и способность находить новое, там, где другие этого не видят; дисциплинированность как способность подчинять свои действия установленным правилам и нормам группового поведения ради командных действий; самостоятельность как способность, проявляя творчество и изобретательность, доводить спортивные комбинации до логического конца; смелость как способность активно действовать для достижения цели в опасных и трудных ситуациях, сознавая возможность тяжелых для себя последствий, например, получения травмы; настойчивость как способность не останавливаться на полпути к достижению спортивной цели, несмотря на существенные трудности; стойкость как способность выдерживать в процессе спортивной борьбы трудности, продолжать борьбу в состоянии сильного утомления, проявляя при этом большую силу воли, упорство как способность настойчиво и целеустремленно идти к поставленной цели и т.д. [1; 2].

Социологическая парадигма лидеров в командных видах спорта может включать в себя следующие компоненты: мотивацию как детерминацию спортивной деятельности;

личностные качества лидера (авторитет, профессионализм, коммуникативные способности, уверенность в себе, требовательность к себе и другим), его инструментальные характеристики (трудолюбие; образованность, исполнительность и дисциплинированность, высокие запросы и требования к жизни; амбициозность и воля к победе) и терминальные ценности (активная и деятельная жизнь, наличие хороших и верных друзей, общественное признание, уважение окружающих; самореализация), определяющие неповторимость и уникальность лидеров различных уровней – для себя, командных, корпоративных, суперлидеров. По мере формирования личностных качеств и ценностных ориентаций, повышения эффективности деятельности стимуляционно-мотивационного механизма члены спортивной команды приобретают новое лидерское качество и переходят с одного уровня на другой, в конечном итоге, могут стать суперлидером.

Белорусский спорт сегодня переживает не лучшие времена. Распад советской системы подготовки высокопрофессиональных спортсменов и потеря эффективной во времена Советского Союза мотивации «за Родину» привели к существенному ослаблению спортивных позиций Беларуси на мировой арене. Многие с грустью вспоминают те времена, когда сборная команда Беларуси по легкой атлетике была второй в мире после США. Можно ли добиться новых спортивных побед? Можно! Надо сделать так, чтобы дети с интересом выходили на футбольные поля и хоккейные площадки, изменять их стремления, подходы, мотивацию, сделать так, чтобы в большом спорте было бы побольше настоящих профессионалов, и поменьше – дилетантов и любителей. Это подтверждают и многочисленные социологические исследования.

Библиографический список

1. Котляров, И. В. Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров. – Минск: Беларуская навука, 2013. – 481 с.
2. Котляров, И. В. Формирование спортивных лидеров: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич. – Минск: изд-во МИУ, 2012. – 284 с.
3. Сергей Гимаев: Московское «Динамо» – команда-семья. Но лидеров нет. Интернет-ресурс: http://www.sovsport.ru/gazeta/article-item/831746 – Дата доступа: 21.10.2015.
4. Шага вперед не сделали. Босс минского «Динамо» Юрий Чиж подвел итоги сезона Интернет-ресурс: http://sport.tut.by/news/football/470899.html – Дата доступа: 21.10.2015.

МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИДЕР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: НОВАЯ ГРАНЬ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

И. В. Домасевич,
магистр политических наук,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Студенческая молодежь как особенная специально организованная часть молодежи рассматривается в качестве лидера среди социальных групп в адаптации к новой реальности, политической реальности демократического государства. Более того, студенчество является активным преобразователем социальной культуры и организации общества, тем самым выступает в роли объективно-субъективного трансформатора, предопределяет социальный прогресс.

Студенчество рассматривается как группа общественного наследования, осуществляет преемственность, не только наследует достигнутый уровень развития общества, тра-

диции и устоявшиеся отношения, оставляемые ему прежними поколениями, но и преобразует их, реализуя свой инновационный потенциал.

В современных условия принципиально важным представляется совершенствование механизма, обеспечивающего сохранение и обновление социально-политического опыта, преемственность и изменение ценностей и институтов, а также участия молодых лидеров в качестве трансляторов общенациональных идей и достижений, а также перспектив развития государства среди своих сверстников с целью их привлечения к реализации стратегии развития государства.

В связи с этим возникает необходимость выявления, поддержки и продвижения в среде студенчества молодых людей, которые способны не только к организационным новациям посредством созданных молодежных инициатив, но и обладающих особым инновационным потенциалом, функционирующем на уровне общественного сознания. Такого рода молодежные лидеры коммуникабельны и способны вступить в дискуссии по различным вопросам социально-экономической, социально-политической жизни страны, представляющим общественный интерес, с целью обогащения знаний и выработки зрелого общественного мнения.

Участие в коммуникативных интеракциях качественно влияет на самосознание индивида и во многом определяет его систему ценностных и деятельностных установок. С другой стороны, меняется отношение людей к воспринимаемой информации, растет сопротивляемость убеждающему воздействию массовой коммуникации, что, в свою очередь, побуждает специалистов в области коммуникативных технологий изыскивать все новые способы воздействия.

Современное общество, предъявляя к студенческой молодежи новые требования, способствует формированию студента нового типа, обладающего инновационным мышлением и способностью к информационному взаимодействию в условиях трансформирующегося общества.

Тесным образом данный процесс связан с особой подкатегорией лидерства в студенческой среде – лидерами общественного мнения – социальными субъектами, обладающими высоким интеллектуальным потенциалом, информационной культурой, навыками эффективных коммуникаций и техниками организаций взаимодействия, способные оказывать постоянное и эффективное влияние на своих ближайших последователей на основе авторитета и признания через специально организованную интерактивную деятельность с целью оказания содействия в критическом восприятии полученной информации с последующим формированием зрелого (обогащенного) общественного мнения по вопросам, представляющим общественный интерес.

Молодежные лидеры мнений призваны стать интеллектуалами-посредниками на уровне межличностной и групповой коммуникации не только среди своих сверстников-студентов, а также иных категорий молодежи страны, которые часто не способны, в силу «информационной перегрузки» и индивидуальных особенностей критически воспринять и в дальнейшем использовать полученную информацию. Кроме того, лидеры общественного мнения в среде студенчества – это неформальные лидеры, которые себя сами определяют и оказывают постоянное и эффективное влияние на свое ближайшее окружение.

Функция лидера общественного в среде студенческой молодежи сводится к трансляции информации, ее детализации и разъяснению на социальном микроуровне в ходе межличностной и групповой коммуникации с последующей трансформацией элементов социальной макросреды (активированное общественное мнение).

С целью более детального исследования данного феномена нами был использован качественный метод – ***ассоциативный эксперимент***, призванный решить задачу построения ассоциативного ряда, дающего возможность выявить не только ценностно-оценочное, но и деятельностное восприятие, в некоторых случаях неявные, латентные оценки респондентов. «Ассоциативное ядро» определяется частотностью использования ассоциаций. Периферия, как правило, представлена единичными ассоциациями.

Так, по позиции «Лидер общественного мнения» не было выявлено ассоциативного ядра, т.е. частоты повторяемости ассоциаций. Это свидетельствует о стереотипном восприятии – «заученной» оценке при отсутствии понимания и осмысления содержания предложенной категории, а, следовательно, не могут быть оценены в качестве потенциальных стимулов социальной активности (Рис. 1).

Характеризуемые социальные субъекты обладают определенным набором интеллектуальных, личностных характеристик и специальными способностями. Причем последнюю группу способностей можно целенаправленно формировать через специально организованные мероприятия в учебной деятельности (формирование компетенций в ходе изучения учебных дисциплин, использование инновационных технологий в организации учебного процесса и т.д.), внеучебной деятельности (участие в органах студенческого самоуправления, программно-целевых мероприятиях вуза, проектах, общественных мероприятиях и т.д.), виртуальных (сетевых) сообществах и с помощью современных кадровых технологий.

Рис. 1. Облако слов по позиции «Лидер общественного мнения»

Учебно-воспитательная среда вуза представляет собой динамичный, развивающийся континуум, активно влияющий на потребителей – студентов, – и вносит специфический вклад в профессионально-личностное развитие студента как будущего специалиста.

На современном этапе общественного развития, в учебной деятельности большую роль играют инновационные технологии, используемые в учебном процессе. Так, в Академии управления уже 4-й год по инициативе кафедры государственного управления социальной сферой и белорусоведения преподается учебная дисциплина «Деловой этикет и профессиональные коммуникации» для студентов ряда специальностей. Количество учебных часов, тематика и формат учебных занятий позволяет уделить достаточно времени формированию у студентов коммуникативных навыков, навыков публичного выступления, ораторского мастерства, навыков ведения дискуссий, полемики и принятия управленческих решений. Занятия проводятся в форме деловых игр, ток-шоу, тренингов, кейс-стади, тематических дискуссий с использованием мультимедийных средств и новейших видеоматериалов. Студенты проявляют заинтересованность при изучении данной дисциплины и отмечают ее важность для себя как будущих управленцев.

Характеризуя внеучебную деятельность студентов Академии управления, необходимо отметить тот факт, что она имеет свою специфику, связанную с подготовкой будущих управленцев, и ориентирует, прежде всего, студентов на развитие лидерских качеств, навыков эффективного взаимодействия, подготовку к будущей профессиональной деятельности в органах государственной власти и управления.

Кроме достаточно разветвленной системы студенческого самоуправления, в Академии управления с 2007 года совместно с Минским городским исполнительным комитетом реализуется проект «Минская смена». Главная цель проекта – вовлечение студенче-

ской молодежи в систему общественных отношений, обеспечение активного участия молодых людей в развитии общественного и экономического потенциалов Республики Беларусь, развитие своего инновационного и управленческого потенциала, развитие навыков эффективного взаимодействия и практики работы в команде.

За прошедшие годы в рамках реализуемого мероприятия сертификаты участника были вручены около 180 студентам вузов г. Минска. Всего разработано 51 социально значимых проектов, более половины из них реализовано.

Таким образом, формирование молодежных лидеров общественного мнения в вузовской среде возможно путем специально организованной деятельности, в которой основными участниками становятся студенты, обладающие лидерскими качествами, профессорско-преподавательский состав вуза, специалисты иных подразделений вуза, организующих внеучебную деятельность студентов, специалисты по персоналу, наставники (кураторы) из числа государственных служащих и иных организаций, обеспечивающая пребывание студентов в роли лидера мнений; разработку и внедрение инновационных технологий, в том числе современных кадровых технологий, связанных с созданием проектов, адекватных развитию лидерских качеств студентов и формированию приоритетных качеств лидера мнений. Это достигается путем участия последних в общественных организациях, органах студенческого самоуправления, социально-проектной деятельности, а также специально организованных мероприятиях в рамках такой кадровой технологии как перспективный кадровый резерв. Не исключается также самообразовательная деятельность и личная мотивированность к самосовершенствованию.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Е. В. Чиженькова,
кандидат экономических наук, г. Москва

В современных условиях государственная молодёжная политика, в реализации которой согласно российскому законодательству участвует и муниципальная власть, нацелена на воспитание самостоятельных, ответственных молодых граждан, которые должны пройти процесс политической социализации, будучи готовы к активному участию в социально-экономической и общественно-политической жизни современной России.

Российская молодёжь в начале XXI века начитывает порядка 40 миллионов граждан в возрасте от 14 до 30 лет. По разным оценкам, молодое поколение может составлять около 27 процентов населения, что явно недостаточно для прогрессивного развития России. С каждым годом растет коэффициент демографической нагрузки, причем к 2016 г. он должен возрасти на 20 процентов. Это означает, что на 1 тысячу человек трудоспособного населения будет насчитывать 709 нетрудоспособных граждан России. Таким образом, на нынешнее молодое поколение ляжет дополнительная социальная ответственность в деле поступательного развития российского государства.

Отсюда следует, что политическая активность молодежи должна формироваться с учетом руководящей роли органов государственной власти. Имея в виду, что наиболее близкой и доступной по отношению к гражданскому обществу является муниципальная власть, институты местного самоуправления должны играть весомую роль в реализации государственной муниципальной политики в регионах России.

В постсоветский период в Российской Федерации сложился сектор молодёжных организаций. На 2013 г. в стране было зарегистрировано более 70 международных и общероссийских и около 150 тысяч межрегиональных, региональных и муниципальных детских и молодёжных общественных объединений.

Основополагающими для реализации государственной молодежной политики в муниципальных образованиях документом в настоящее время являются принятая в 2006 году Правительством Российской Федерации Стратегия государственной молодёжной политики в Российской Федерации.

В свою очередь, в Стратегии социально-экономического развития на период до 2020 года, провозглашается, что целью государственной молодёжной политики является создание условий для успешной социализации, эффективной самореализации молодёжи, развития потенциала молодёжи и его использования в интересах инновационного развития страны.

Молодёжная политика названа приоритетом «Стратегии 2020», будучи составной частью раздела «Развитие человеческого потенциала».

В свою очередь взаимодействие администраций муниципальных образований Орловской области с молодежными организациями осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Уставом муниципалитетов другими правовыми актами, принимаемыми на местном уровне.

Как правило, решение конкретных задач молодежной политики возлагается на Управления делам молодежи или же отделы по делам молодежи в управлениях, занятых в сфере социальной политики. В последние годы приоритетом в области налаживания сотрудничества с общественными организациями молодежи было создание единой электронной информационной базы данных общественных объединений, активно работающих в муниципалитетах. Например, в электронный реестр города Орла входят более 100 общественных объединений, которые могут быть причислены к молодежным.

Следует отметить, что на уровне муниципальных районов и городских поселений Орловской области до настоящего времени подобная работа не проводилась, что должно быть учтено при формировании комплексного подхода к реализации молодежной политики органами местного самоуправления региона.

Другим вектором сотрудничества муниципальной власти с молодежными организациями продолжает оставаться их имущественная поддержка при помощи передачи объединениям подобного рода для безвозмездного пользования муниципального имущества. Однако, не считая городских округов, обладающих наиболее серьезной материальной базой, муниципальные районы и поселения, достаточно ограничены в возможностях финансовой и имущественной поддержки общественных объединений.

На муниципальном уровне также могут проводится конкурс среди молодежных некоммерческих организаций на получение субсидий для реализации их деятельности. Например, в городе Орел они проводятся в соответствии со статьей 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации, Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», Федеральным законом от 12 января 1996 года N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Уставом города Орла, решением Орловского городского Совета народных депутатов от 16.12.2010 № 72/1162-ГС «О бюджете города Орла на 2011 год и плановые периоды 2012 и 2013 годов», постановлением администрации города Орла «О предоставлении субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям в городе Орле».

С целью разъяснения молодежным организациям основных принципов проведения конкурсов целесообразным представляется проведение встреч с их представителями, где сотрудники финансовых управлений муниципальных администраций могут проводить консультирование по вопросу подготовки конкурсной документации.

Представляется, что работа органов муниципальной власти по взаимодействию с молодежными организациями должна строиться по следующим направлениям:

Во-первых, по линии совершенствования организационно-правовых механизмов взаимодействия:

- анализ состояния и динамики развития общественного сектора в муниципальном образовании;

- создание единой электронной информационной базы данных общественных объединений, способных участвовать в реализации молодежной политики;

- формирование консультативных совещательных органов, в состав которых войдут представители общественных объединений;

- повышение правовой культуры участников молодежных общественных объединений;

- разработка правовых актов, регулирующих взаимодействие органов муниципальной власти с общественными объединениями.

Во-вторых, по линии совершенствование экономических условий взаимодействия:

- информирование молодежных организаций о порядке и формах предоставления муниципальной поддержки;

- мониторинг эффективности использования молодежными организациями финансовой поддержки со стороны муниципальных образований;

- консультирование представителей молодежных объединений по вопросам их социально-экономической деятельности;

В-третьих, по линии информационного обеспечения деятельности молодежных организаций в муниципальном образовании:

- создание Интернет-ресурса, содержащего информацию о деятельности общественных объединений и иных негосударственных организаций в муниципальном образовании;

- распространение информационных материалов о деятельности общественных объединений;

- проведение семинаров и организация курсов повышения квалификации для представителей общественных объединений для информационного сопровождения их деятельности;

- информационная поддержка социально значимых программ, проектов, акций молодежных общественных организаций.

Реализация данных направлений позволит придать рациональный и управляемый характер процессам самоорганизации российской молодежи на муниципальном уровне, повысить эффективность реализации государственной молодежной политики органами местного самоуправления.

Библиографический список

1. Головина, Е. В. Государственная молодежная политика в структуре социальной безопасности. Тольятти: Издательско-полиграфический центр Поволжского государственного университета сервиса, 2009.
2. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений : науч. монография / под общ. ред. В. А. Лукова. – М. : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2013.
3. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Подходы. М.: Изд-во "Голос", 2001.
4. Меркулов, П. А. Реализация государственной молодежной политики в Орловской области // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 60–64.
5. Юсов, С. В. Молодежное самоуправление в России: организационно-правовые основы формирования и опыт работы. Ростов-на-Дону: Избирательная комиссия Ростовской области, 2013.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРСКИХ НАВЫКОВ У КУРСАНТОВ ИНСТИТУТА ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

Е. А. Квяткевич,
Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск

Всюду, где собираются вместе более двух человек, возникает проблема лидерств. Очень часто это явление связано с тем, что в процессе формирования группы некоторые ее участники начинают играть более активную роль, чем другие, им оказывают предпочтение, к их словам прислушиваются с большим уважением, и они приобретают доминирующее положение. Таким путем происходит разделение участников группы на ведущих и ведомых, т.е. на лидеров их «последователей». На всех этапах развития социума общество всегда разделялось на подчинённых и тех, кто ими управляет. Но простого руководства людьми мало для того, чтобы управлять людьми. Во главу следует ставить таких людей, которые смогут вести за собой других, будут пользоваться абсолютным доверием подчинённых и обладать определёнными навыками, необходимыми для управления.

Как показывает социальная реальность, современное общество испытывает острую потребность в сильных, волевых, креативных личностях, обладающих нестандартным, творческим мышлением, решительностью, энергичностью, умением слушать и слышать, способных брать на себя ответственность в сложные периоды времени, подготовленных к новому типу отношений, детерминирующих эффективное продвижение вперёд. [1].

Необходимо отметить, что данный феномен неоднократно являлся предметом изучения различными научными школами, в следствие чего сформировалось много подходов к его пониманию. Следует отметить, что многие концепты, используемые для понимания и анализа лидерства, противоречат друг другу, а модели несовершенны.

Одной из проблем, возникающих при социологическом исследовании лидерства, является то, что дефиниции «лидер» и «лидерство» понимаются весьма неоднозначно.

Профессор Котляров И. В. дал следующие определения данным понятиям:

«лидерство – это специфическая форма социальной активности и организации перманентных отношений между социальными субъектами, обеспечивающих главенствующее положение индивида в социуме, осуществляемого благодаря наличию специфических личностных качеств, определённых ценностей и ценностных ориентаций, сильному мотивационному механизму, постоянному воздействию на членов группы, ответственности перед ними и стремлению к поставленной цели;

лидер – это социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествам и волевым компонентам, профессионализму и моральному авторитету, чувствительностью к ситуации и гибкостью в поведении, ценностным ориентациям и стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность группы, пользуется активной поддержкой её членов, признаётся ими в качестве ведущего, ответственен перед ними и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой в наиболее сложных ситуациях» [1].

При изучении данного вопроса остро встаёт вопрос: как сформировать у курсантов, будущих офицеров, причисленные профессором И. В. Котляровым лидерские навыки, чтобы их подчинённые воспринимали их не только как руководителей, но и как лидеров?

В результате праведного исследования, мы пришли к выводам, что для развития данных навыков у курсантов должна быть использована социальная технология. В рамках нашей работы интересен подход академика Е. М. Бабосова, который определил социальную технологию как «обусловленную состоянием знаний совокупность методов и способов выявления и эффективного использования явных и скрытых возможностей социальной системы (личности, группы, организации и т.п.) в соответствии с целями и задачами ее функционирования и развития».

Таким образом, социальная технология лидерства может быть представлена как совокупность методов и способов выявления и эффективного использования возможностей личности военнослужащего. Поэтому данное определение возьмем за основу нашего исследования.

Существуют и некоторые сложности в использовании социальных технологий. Не все процессы социальной организации подвергаются жесткой регламентации, алгоритмизации – в процессе управления в действиях руководителя и каждого причастного к управлению всегда присутствует элемент импровизации, творчества и даже интуиции. Но это не отменяет того, что в этом широком поле поиска рациональной организации управления присутствует (или должна присутствовать) жесткая программа осуществления ряда последовательных операций с целью достижения заранее сформулированной цели. Именно социальная технология создает возможность тиражировать приемы и методы, многократно повторять их, а также применять в аналогичных обстоятельствах в других социальных институтах и процессах.

Сущность социальных технологий может быть раскрыта только через систему выявления и использования потенциала социальной системы, «человеческого ресурса» в соответствии с целями и смыслом человеческого существования и посредством совокупности методов, процедур, операций, приемов специального воздействия, всех современных возможностей творческой деятельности как субъектов управления, так и социальных институтов в целом.

На основании вышеизложенного, можно утверждать, что для использования социальной технологии лидерства в обучении будущих офицеров, необходимо выделить те лидерские навыки, которые мы хотим развить у курсантов. Е. М. Бабосов выделил восемь таких навыков, которыми должен обладать каждый руководитель, чтобы быть эффективным лидером. Уточним некоторые из этих навыков в целях их более точного определения, а также добавим ещё два навыка, без которых, по нашему мнению, невозможно реализация лидерства.

« проактивность;
навык постановки целей и задач;
планирование деятельности;
навык формирование установки на обоюдный выигрыш;
навык эмпатии к окружающим;
навык организации совместных действий;
навык, направленный на постоянное самообновление;
навык достижения цели» [2].
И сформулированные нами:
навык формирования ближнего круга;
навык создания полного доверия.

Цель нашего исследования: оценить эффективность работы учреждения высшего образования по формированию лидерских навыков.

В целях изучения сформированности первого навыка социальной технологии лидерства: «Проактивность» или, другими словами, «навык достижения цели, несмотря на трудности и препятствия» мы определим характеристику, качество личности, которую в психологии называют «уровнем притязаний». Уровень притязаний личности – это стремление к достижению цели той степени сложности, на которую человек считает себя способным. Для определения уровня притязаний воспользуемся методикой Шварцландера.

Также в рамках нашей работы будет проведён тест на определение силы воли у курсантов. Воля – это психическая функция, заключающаяся в способности индивида к сознательному управлению своей психикой и поступками в процессе принятия решений для достижения поставленных целей. Положительные качества воли, проявление её силы способствуют успешной деятельности.

Для исследования сформированности других навыков нами была составлена анкета, которая включает набор вопросов, затрагивающих основные элементы социальной технологии лидерства.

По завершению опроса будет произведён анализ данных, в результате которого можно будет строить план нашей дальнейшей работы по формированию и развитию данных навыков у курсантов военного учреждения высшего образования для того, чтобы после выпуска данного учреждения, они могли не просто руководить личным составом, но и обладали признанным авторитетом, были компетентны в сфере своей деятельности, имели определённый опыт и пользовались доверием своих подчинённых.

Библиографический список

1. Котляров, И. В. Лидерство в историческом нарративе (социологический дискурс) / И. В. Котляров // Социологический альманах. – 2015. № 6. – С. 16–44.
2. Бабосов, Е. М. Социология управления: пособие для студентов вузов / Е. М. Бабосов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 272 с.

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ КАК ВИД ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН

Н. Н. Мелещеня,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Политическое поведение – это совокупность реакций социальных субъектов (социальных, общностей, групп, личностей) на деятельность политической системы. Политическое поведение можно подразделить на политическое участие и абсентеизм.

Политическое участие – это влияние граждан на функционирование политической системы, формирование политических институтов и процесс выработки политических решений. Американский политолог С. Верба подчеркивает, что политическое участие – «это, прежде всего, инструментальная активность, посредством которой граждане пытаются влиять на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия».

Абсентеизм – это дна из форм сознательного бойкотирования избирателями выборов, отказ от участия в них; пассивный протест населения против существующей формы правления, политического режима, проявление безразличия к осуществлению человеком своих прав и обязанностей. В широком плане под абсентеизмом можно понимать факт равнодушного отношения населения к политической жизни, обывательское представление отдельных людей о том, что от них в политике ничего не зависит», политика «не мое дело».

К политическому участию относятся действия по делегированию полномочий (электоральное поведение); активистская деятельность, направленная на поддержку кандидатов и партий в избирательных кампаниях; посещение митингов и участие в демонстрациях; участие в деятельности партий и групп интересов. На его направленность оказывает влияние прежде всего идентификация конкретного избирателя с определенной социальной группой и/или партией [3].

Многочисленные исследования показали, что на предпочтения избирателей влияет множество факторов (пол, возраст, конфессиональная принадлежность, особенности первичной социализации и др.), но существуют некоторые общие тенденции поведения отдельных электоральных групп. Так, мужчины, в целом, гораздо более активнее женщин участвуют в выборах. Образованные граждане демонстрируют высокую степень политического участия в избирательном процессе. Лица в возрасте от 35 до 55 лет более активны, нежели молодежь или лица пожилого возраста. Влияние на активность оказывают семей-

ное положение и членство в каких-либо организациях. Взгляды и предпочтения женщин более консервативны, нежели у мужчин. Замужние неработающие женщины часто придерживаются политических установок своих мужей. Молодежь в определенной степени тяготеет к радикализму и охотно отдает свои голоса тем, кто обещает скорые перемены. Ее избирательные ориентации расходятся с ориентациями большинства общества, а уровень активности относительно невысок. Люди пожилого возраста тяготеют к левым партиям [4, с. 184].

На активности и характере электорального поведения сказываются общественное положение человека, уровень его образования и доходов, религиозность, место жительства и др. факторы. Важными факторами электорального поведения являются также система регистрации избирателей, число жителей страны и уровень их образования, особенности партийной системы. Исследователями отмечено, что в европейских странах активность избирателей более высокая, чем в США. Так, в период с 1979 по 1989 гг. среднее значение активности избирателей в 18 странах Европы колебалось в пределах от 94 до 72 процентов, за исключением Швейцарии, где оно составило 48 процентов. Причина такой активности состоит в избирательных законах, дающих европейским избирателям больше влияния, чем, например, в США, где положение правящих партий (республиканцев или демократов) в конгрессах штатов обычно слишком устойчиво, чтобы очередные выборы могли его существенно изменить. В Европе же во многих странах используется пропорциональная избирательная система, и даже один лишний голос может обеспечить партии дополнительное место [5].

Электоральное поведение представляет собой форму проявления политического поведения граждан по поводу делегирования ими полномочий.

В связи с тем, что в нашей стране недавно произошли выборы Президента Республики Беларусь, будет актуальным рассматривать именно этот процесс. Учитывая, что Беларусь является Президентской Республикой, которая, характеризуется значительной ролью президента в системе государственных органов, соединением в его руках полномочий главы государства и главы правительства, подчеркивая, тем самым, факт чёткого разделения двух властей: сосредоточения сильной исполнительной власти в руках президента, а законодательной – в руках парламента. А так как народ является основным источником власти, тем самым в свою очередь граждане, доверяя Президенту, налагают ответственность за судьбу страны, таким образом делегируют свои полномочия.

16 октября, окончательные итоги выборов Президента Республики Беларусь свидетельствуют о том, что на высший государственный пост избран Александр Лукашенко, за кандидатуру которого отдано 5 102 478 голосов избирателей, что составило 83,5 %. По информации ЦИК, за Гайдукевича Сергея Васильевича отдано 201 945 голосов (3,3 %), за Короткевич Татьяну Николаевну – 271 426 голосов (4,4%), за Улаховича Николая Дмитриевича – 102 131 (1,7 %). Не поддержали ни одного из кандидатов 386 225 избирателей (6,3 %). Кроме того, недействительными признано 48 808 бюллетеней (0,8 %). Общее число избирателей по Республике Беларусь составило 7 008 682, а бюллетени для голосования получило 6 115 690 человек. «В соответствии с частью третьей статьи 79 Избирательного кодекса Республики Беларусь выборы признаны состоявшимися, поскольку в голосовании приняло участие 6 113 013 избирателей, что составило 87,2 % от общего числа избирателей» [1].

Явка на состоявшихся президентских выборах превысила 87%. По данным ЦИК, активнее всего голосовали жители Витебской и Могилевской области, где на участки пришли 91 % избирателей. В Брестской и Гомельской области в голосовании приняли участие 90 % избирателей, включенных в списки, в Минском регионе – 89 %, в Гродненском – 88 %. В столице проголосовали 74 % жителей, имеющих право голоса. За пределами Беларуси в выборах президента приняли участие почти 83% граждан страны. Во время досрочного голосования своим конституционным правом воспользовались 36 % граждан Беларуси.

Так же традиционно практикой является проведение экзит-полов в день выборов Результаты экзит-пола Молодежной лаборатории социологических исследований Республиканского союза общественных объединений «Белорусский комитет молодежных организаций»: Александр Лукашенко – 84,1 %, Сергей Гайдукевич – 5,2 %, Татьяна Короткевич – 4,9 %, против всех – 4,4 %, Николай Улахович – 1,4 %.

Результаты экзит-пола Института социологии Академии наук: Александр Лукашенко – 82,9 %, против всех – 5,9 %, Сергей Гайдукевич – 4,4 %, Татьяна Короткевич – 4,3 %, Николай Улахович – 2,1 %.

Результаты экзит-пола «Евразийского барометра»: Лукашенко – 80,3 %, Короткевич 5,6 %, Гайдукевич – 5,1 %, Николай Улахович – 1,9 %. Данные, предоставленные экзит-полами, приближены к результатам голосования с небольшим расхождением в 2-3%, это еще раз говорит о том, что выборы проводились в соответствии с Конституцией Республики и являются достоверными.

Что же касается предыдущих выборов 19 декабря 2010 года, то за Лукашенко А. Г. отдано 79,65 %, за Григория Костусева отдали свои голоса – 1,97 % избирателей, за Алексея Михалевича – 1,02 %, за Владимира Некляева – 1,78%, за Ярослава Романчука – 1,98 %, за Виталия Рымашевского – 1,09 %, за Андрея Санникова – 2,43 %, за Николая Статкевича – 1,05 %, за Виктора Терещенко – 1,19 %, за Дмитрия Усса – 0,39 %. Против всех проголосовали 6,47 % избирателей [2].

Явка на последних выборах составила 87,2 %, что примерно на 3 % меньше, чем в 2010 году (90,65 %). Этот процент незначителен, поэтому можно утверждать, что для граждан Беларуси такая форма политического поведения как абсентеизм не развита. Количество недействительных бюллетеней немного сократилась с 0,97 до 0,8 %, что говорит о положительных тенденциях в нашей стране. Участие в голосовании 201 года приняли более 91 % избирателей Брестской области, более 93 % – Витебской и Гомельской областей, почти 91 % – Гродненской и Минской областей, 93,7 % – Могилевской и более 84 % избирателей г. Минск.

Подводя итог, хотелось бы заметить в первую очередь, что уровень доверия вырос к действующей власти. Думаю, что события на Украине очень сильно повлияли на выбор многих граждан Республики Беларусь кому отдать свой голос. Наше государство находится в сильных руках, которое обеспечивает в первую очередь безопасность своих граждан, а также порядок, стабильность. Участие женщины-кандидата в президенты, дает право говорить о проявлении демократии в стране, возможность выдвижения женщины как кандидата в президенты способствует тому, что в нашей стране принимаются все меры по борьбе с гендерным неравенством. Не существенно, но снизился процент тех, кто проголосовал против всех (2010 – 6,47 %, 2015 – 6,3 %). По-прежнему, с небольшим отрывом лидирует Могилевская область по количеству пришедших на голосование.

Библиографический список

1. Окончательные итоги выборов Президента [Электронный ресурс] – 2015 – Режим доступа: http://www.belta.by/politics/view/tsik-belarusi-utverdil-itogi-vyborov-prezidenta-166921-2015/. – Дата доступа: 7.11.2015.
2. Официальные итоги выборов Президента Беларуси [Электронный ресурс] – 2015 – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/elections/2010/12/24/ic_articles_623_171802/. – Дата доступа: 11.11.2015.
3. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс] –2000-2014 – Режим доступа: http://dic.academic.ru/. – Дата доступа: 1.11.2015.
4. Терещенко, А. Г., С. Липсет о социальных основах политического поведения избирателя // Социально-политический журнал. 1996. – № 4.
5. Формы политического поведения [Электронный ресурс] – 2006–2015 – Режим доступа: http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act=PRODUCT&id=1109. – Дата доступа: 10.11.2015.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ КУРСАНТОВ ИНСТИТУТА ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

Д. В. Максимчик,
Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск

Существует множество подходов к понятию сущности феномена управления. В различных теоретических интерпретациях управление может пониматься как функция (свойство) организованных систем различной природы, как перевод системы из одного состояния в другое, или как воздействие субъекта на объект. В последнем значении управление представляет собой деятельность. Деятельность довольно широкое понятие. Оно является предметом изучения многих дисциплин. Управление в контексте деятельностного подхода представляет собой систему отношений, составляющими которой являются: контроль, власть, ранг, статус, роли. Возможность управленца максимально в полном объёме использовать данные составляющие показывает его профессионализм, то есть уровень сформированности управленческих компетенций. Поэтому овладение управленческими компетенциями является одной из главных задач образовательной деятельности курсанта. Реализацию данной образовательной задачи можно осуществить, в том числе, и посредством социологии управления.

Необходимо отметить, что социология управления является новой учебной дисциплиной не только в Беларуси, но и в мире. Анализ научных источников показал противоречивые мнения об объекте и предмете социологии управления.

Академик Е. М. Бабосов в своем пособии указывает, что объектом социологии управления является управленческие процессы, протекающие в обществе, его отдельных подсистемах (политической, экономической, социальной, социокультурной) или организациях (предприятиях, учреждениях и др.), рассматриваемые и интерпретируемые с точки зрения взаимодействия участвующих в них людей, объединенных в семейные, профессиональные, территориальные и иные группы и включенных в многообразные процессы сотрудничества, взаимопомощи, соперничества. [1].

А предметом социологии управления является «изучение, оценка и совершенствование процессов управления в различных типах общностей, организаций, социальных институтов и общества в целом, каждое из которых представляет собой специфическую систему социальных взаимодействий индивидов и их групп» [1].

Социология управления определяется как специальная социологическая теория, изучающая процессы управления в различных типах общностей, организаций, институтов и общества в целом, осуществляемых для сохранения и обеспечения устойчивости развития соответствующей системы, упорядочения и совершенствования ее структуры, достижения ее целей.

Рассмотрим иные мнения по данному вопросу.

Российский социолог Ю. В. Фененко в учебнике «Социология управления» объектом социологии управления считает социальные системы, элементами которой служат общности, организации, социальные группы, взаимодействующие между собой по поводу реализации общих и специфических интересов [2].

Предметом социологии управления является особый вид социальных свойств, связей и отношений – управленческие отношения. Социология управления – это отрасль социологического знания, изучающая системы и процессы управления в условиях складывающихся в обществе социальных отношений.

Отсюда следует, что социология управления, как специальная социологическая теория, изучает не только процессы протекающие в системе управления, но и саму систему.

В учебнике Г. А. Пестовой «Социология управления»: «объект социологии управления – это вся социальная сфера, в том числе человек как социальное существо, и процессы, протекающие в данной сфере. Предмет социологии управления - взаимосвязи, закономерности функционирования социальных объектов и механизмы управления ими на основе социологического анализа» [3].

Таким образом, социология управления, как отрасль социологии, изучает спонтанные процессы самоорганизации в обществе, которые даже без включения в управленческую деятельность играют важную роль в социальном управлении. В число спонтанных процессов входят поведение, формирование общественного мнения, проявление потребительских интересов, миграция населения и т.п. Спонтанные процессы самоорганизации общества, возникающие в процессе социальных взаимодействий, присущи многим формам жизнедеятельности.

Данный факт доказывает многозначность определения предмета и объекта социологии управления. В контексте подготовки курсантов за основу можно принять следующее определение социологии управления: социология управления – специальная социологическая теория изучающая систему управления, а также управленческие процессы, протекающие в ней.

Библиографический список

1. Бабосов, Е. М. Социология управления : пособие для студентов вузов / Е. М. Бабосов. Минск : Амалфея, 2010. – 272 с.
2. Фененко, Ю. В. Социология управления : учебник для студентов / Ю. В. Фененко. М.: ПКЦ Альтекс, 2013. – 215 с.
3. Пестова, Г. А. Социология управления / Г. А. Пестова. М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 104 с.

RES PUBLICA: TO BE OR NOT TO BE?

А. А. Виноградов,

Белорусский государственный университет, г. Минск

Во многих странах можно увидеть приставку «Республика» в названии, либо данное понятие встречается в конституции. Олег Хархордин – ректор ЕУСПб, вместе с группой ученых, в 2013 году издали монограию: «инфраструктура свободы общие вещи и res publica» [1]. Это исследование проводилось с помощью акторно-сетевой теории (в дальнейшем АСТ) Бруно Латура, по крайней мере, как сказал сам Хархордин: «Латурианская теория была исходной точкой, которая предлагалась всему кругу исследователей для дальнейшей работы, а не доктриной» [1]. Основной акцент был сделан на рассмотрении концепции Res Publica и на наличии данной системы в России.

Перед тем, как переходить к самому исследованию, нужно обозначить некоторые детали, возле которых нельзя не остановиться. Данное исследование проводилось в Череповце и Санкт-Петербурге, в которых исследовались тепловые и трубопроводные сети, система товарищества собственников жилья (ТСЖ), их трансформация и отношение горожан к этим изменениям. Материалы, собранные в полевом исследовании, были либо сканированы (если это были напечатанные документы или вырезки из газет) либо транскрибированы (интервью, взятые в Череповце и Санкт-Петербурге) [1].

Для начала нужно подробней остановиться на основных концепциях, которые были использованы в ходе данного исследования. Начнём, пожалуй, с АСТ.

Во-первых, АСТ предлагает обратно повернуть к вещам, сделав из них не просто статичных объектов, а полноправных акторов, способных участвовать в социальном действии. Социальное действие, до недавних пор, зачастую ассоциировалось с предложенной в начале XX века моделью Макса Вебера, где главными признаками социального действия

были осознанность и направленность действия на других индивидов. Другой важный аспект АСТ – это сеть. Сеть – это связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник [2].

Также, важным элементом данного исследования является понятие res publica. Res означает вещи или ощутимые дела, а Publica политические или публичные действия [1]. И наконец, последними атрибутами данного исследования являются блага. Блага бывают частными, общими, клубными и публичными.

Таблица 1. **Классификация благ**

Блага			
Конкурентные и Исключаемые	Частные (квартира в индивидуальном пользовании и т.д.)	Клубные (сад в деревне и т.д.)	Неконкурентные и Исключаемые
Конкурентные и Неисключаемые	Общие (вода, тепло, автодороги и т.д.)	Публичные (государственная оборона, свет на улицах и т.д.)	Неконкурентные и Неисключаемые

Теперь можно перейти к самому исследованию. В Череповце анализировались тепловые и водопроводные сети. Череповец сложно обозначить, как res publica. Для того чтобы сказать об участии горожан в жизни города должно возникать коллективное действие. Под коллективным действием понимается деятельность группы по отношению к другим группам с целью исправления несправедливости [1]. Попытки решить проблемы между жителями дома и различными инстанциями (слесари, сотрудники банков и т.д.) происходили на межличностном уровне, не привлекая при этом посторонних акторов. В Санкт-Петербурге при решении проблем, связанных с ТСЖ далеко не все жители дома причисляли себя к товариществу, из-за чего зачастую не могли прийти к единому решению возникшей проблемы.

После распада СССР появились выборы и именно с ними стала ассоциироваться res publica. Конечно, выборы относятся к данному проекту, однако это всего лишь одна из немногих его частей. Для того чтобы res publica имела более широкий характер, для этого нужно, чтобы народ имел больше общих дел.

Библиографический список

1 Инфраструктура свободы : общие вещи и *res publica* / О. Хархордин [и др.] ; под ред. О. Хархордина – М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 352 с.

2 Латур, Б. Пересборка социального: ведение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. – М.: Издательский дом «Высшая школа экономика», 2014. – 384 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

П. С. Петровский,

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск

Развитость гражданского общества является фундаментальным фактором обеспечения суверенитета государства. При этом среди современных исследователей нет единого понимания термина «гражданское общество».

Западное понимание гражданского общества сложилось после 1945 г. и рассматривает его как так называемый третий сектор. Если первым сектором являются институты

государственной власти, а вторым коммерческие институты, чья деятельность направлена на извлечение прибыли, то под третьим сектором понимаются некоммерческие организации, не имеющие властных полномочий и не извлекающие прибыли.

В социалистическом лагере гражданское общество формировалось на несколько ином основании. Общество как организм рассматривалось через призму марксистской схемы, в которой переосмысливается гегелевская дифференциация его институтов («семья – гражданское общество – государство»), где под гражданским обществом понимались корпоративные сообщества, в которых реализуется самоорганизация субъекта [2, с. 112]. В советской реальности данный подход подразумевал под гражданским обществом коммунистическую партию, профсоюзы, а также корпоративные союзы (организаций писателей, художников, ветеранов, женщин и др.).

После распада СССР и ликвидации руководящей роли коммунистической партии, институты гражданского общества независимой Беларуси оказались в специфическом положении. С одной стороны были сохранены те корпоративные учреждения гражданского общества, имевшие место в советской Беларуси. С другой стороны под влиянием западных стран начали появляться филиалы иностранных НКО, которые привнесли в белорусское общество элементы отношений, характерные для коллективного Запада.

При этом функции партийной идеологической системы, где подразделения КПСС имели достаточно влияния на принятие властных решений, а также идеологическая составляющая были кооптированы в государство. В 2003 г. после проведения республиканского семинара «О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию», в Беларуси укоренилось понятие «государственная идеология» и была создана идеологическая вертикаль – система государственного управления по проведению информационно-воспитательной и разъяснительной работы с населением («укрепление доверия народа к государственной власти» «мобилизация общества на выполнение государственных задач») [5, с. 4, 19].

На этом основании можно констатировать, что советская модель гражданского общества подверглась фундаментальной деформации, которая привела к фактической интеграции части ее структур в государство. Под влиянием коллективного Запада и созданию НКО, финансово и идеологически зависящих от иностранных доноров и претендующих как на идеологическое господство, так и на монополизацию гражданского общества в белорусском обществе появился достаточно активный сегмент внешних агентов.

Этому способствует и особенность слоя «интеллектуалов» (в понимании Й. Шумпетера, А. Гелена, Х. Шельски), являющихся социальной основой НКО и претендующих на господство в идеологической сфере как класс «смыслопроизводителей». Особенностью интеллектуалов как социальной группы Шумпетером называются: 1) неудовлетворительные условия труда: либо интеллектуалы работают не по специальности, либо их заработок ниже, чем заработок у работников ручного труда; 2) интеллектуал часто непригоден (психологически) для других видов труда [7, с. 357]. Из-за первых двух условий интеллектуал не может реализовать себя как специалист и имеет психосоциальную неудовлетворенность. Интеллектуалы как социальная группа имеют своей особенностью претензию на «власть сказанного и написанного слова» [7, с. 361].

Психосоциальная неудовлетворенность интеллектуалов вступает в соприкосновение с этическим противоречием между ними и институтом государства, который использует рационалистическую форму этики (этика ответственности), исходящую из государственных гарантий внутренней и внешней безопасности перед лицом суровых обстоятельств [10, с. 115].

Интеллектуалы же исходят из этики убеждения, т.е. модели анализа политических и социально-экономических реалий с точки зрения идеалистических и в чем-то утопических установок. Однако главным фактором в подобной ситуации является, по мнению Х. Шельски, желание интеллектуалов иметь господство над политической и хозяйственной жизнью [11, с. 104].

Интеллектуалы особенно находятся в серьезном психологическом противостоянии власти именно в политических системах, которые М. Вебер определил как харизматические формы легитимности. Это связано с тем, что власть в подобных системах использует повседневный «язык народа» для аккламации собственных решений в обществе [11, с. 43].

Фактически интеллектуалы и харизматический лидер используют один инструментарий для борьбы за влияние. Из-за этого между ними также происходит некий ментальный конфликт. Только харизматический лидер работает через жизнеутверждающие смыслы и базовые ценности безопасности, порядка и стабильности, а интеллектуалы через негативную перманентную критику и поиск недостатков. Преимущество в большинстве своем остается за харизматическим лидером, ибо «каждая руководящая система предлагает смысл жизни, который дает во внешнем и социальном поведении человека: создать порядок и тем самым сообщить надежность поведения» [11, с. 41].

Особенностью политической вовлеченности белорусской группы интеллектуалов является то, что в этом поле работают заинтересованные внешнеполитические акторы, которые стремятся использовать их особенности в собственных целях. В частности, создается достаточное количество общественных инициатив, имеющих целью вовлечение и активизацию интеллектуалов в политическую борьбу. Этому способствует все более возрастающая роль интернета и социальных сетей, где «интеллектуалы» из-за специфики деятельности и гражданской активности имеют несоизмеримые преимущества и влияние на общественное мнение интернет пользователей [3, с. 26].

Данные процессы можно связать с тем, что после распада СССР Беларусь фактически оказалась в чрезвычайном геополитическом положении, ибо объективно становилась местом борьбы двух геополитических центров за собственное влияние. Институты, да и сам подход к гражданскому обществу в этой ситуации становились инструментом борьбы. Поэтому государство для обеспечения собственного суверенитета, в том числе и идеологического, в переходный этап взяло на себя функции идеологического центра, а также «контролера» гражданского общества.

Однако подобная схема «сжатия» гражданского общества является действенной как ответ на мощные риски в краткосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе она не позволяет гражданам полноценно реализовать собственную автономию через самоорганизацию, а также можно наблюдать «эрозию» методов работы институтов гражданского общества.

Фактически иностранные НКО, имеющие достаточную внешнюю финансовую помощь, социальные лифты, вооруженные новыми методами работы с активными гражданами, а также возможность автономной самореализации личности, становятся качественных фактором формирования активной части общества, прямым конкурентом идеологической вертикали. В этой связи следует констатировать, что на сегодняшний день выросла потребность трансформаций в гражданском обществе, которая бы с одной стороны взяла на вооружение наиболее современные и качественные мировые достижения, а с другой стороны отражала особенности белорусской модели развития [6, с. 12].

В Беларуси сформировалась уникальная, специфическая модель, которую в терминологии К. Шмитта можно охарактеризовать как «государство управления», основанное на централизации власти, ее персонификации, построенное таким образом, чтобы мобильно реагировать на вызовы и риски. Основная роль обеспечения суверенитета отводится Главе государства, гаранту конституции, олицетворяющему единство народа, авторитету обеспечивающему взаимодействие органов государственной власти, на основе делегирования полномочий через электоральную процедуру. Подобную политическую модель можно охарактеризовать как *суверенную харизматическую демократию*, т.е. демократию построенную на персональном факторе авторитета-лидера, являющегося органичным, а не искусственно и политтехнологически созданным, и выступающего внутренним проявлением традиции власти и легитимации ее народным признанием.

В подобной системе идеологическую вертикаль как часть государственного целого и идеологию как доктрину можно определить ее «государственно-конституционную этику»,

включающую в свои основы четыре элемента: 1) теорию государственно-конституционной этики как системы ценностей и норм; 2) государство – институт, устанавливающий внешние условия нравственности и тем самым политическое единство, а также берущий на себя обязательство самому выполнять и контролировать выполнение другими общественными институтами и гражданами норм государственно-конституционной этики; 3) гражданское общество – сфера общественных институтов, имеющих социальные обязательства по обеспечению государственно-конституционной этики в обществе; 4) гражданин – лицо, включенное на основе ценностей долга, верности и лояльности в систему государственных отношений, а значит и государственно-конституционной этики [8, с. 256].

На наш взгляд Белорусскому государству следует подумать про «***белоруссизацию***», т.е. эмансипацию структур НКО белорусского гражданского общества от внешних доноров и создание устойчивых и стабильных его структур для обеспечения его самостоятельного существования, более качественной и тонкой идеологической работы внутри белорусского общества, а также сохранения безопасности в стране.

В подобной мозаике отношений идеологическая вертикаль в идеале должна выполнять функцию менеджера по сопряжению деятельности граждан, общества и государства в сфере идеологического суверенитета и безопасности, а также информатора и толкователя компонентов идеологии.

Библиографический список

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (утверждена Указом Президента Республики Беларусь №575 от 9 ноября 2010 г.) – Мн.: Белорусский Дом печати, 2010.
2. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / Карл Маркс, сост. и вступ. ст. И. А. Габозова – М.: «Академический Проект», 2010.
3. Мацкевич, В. В. Общественный диалог в Беларуси: от народовластия к гражданскому участию / Владимир Мацкевич – Мн.: Логвинов, 2012.
4. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов / Ред. коллегия: О. В. Пролесковский, И. А. Корендо, Н. В. Петкевич, Э. В. Скобелев и др – Мн.: Академия управления при Президенте РБ, 2003.
5. Состояние, проблемы и пути совершенствования системы идеологической работы в современных условиях / Редколлегия: Н. М. Шевцов, Н. С. Шпак, С. И. Борисов, Н. И. Доброродняя. – Мн.: Администрация Президента Республики Беларусь, 2005.
6. Стариков, А., Носович А., Петровский П. Анатомия «европейского выбора»: НКО Польши и Прибалтики в Республике Беларусь / Андрей Стариков и др. – Калининград, 2015.
7. Филлипов, А. В. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 1 / Александр Филлипов, под общ. ред. С. П. Баньковской. – СПб.: Владимир Даль, 2014.
8. Шмитт, К. Государство и политическая форма / Карл Шмитт; пер. с нем. О. В. Кильдюшова – М., 2010.
9. Шмитт, К. Государство: Право и политика / Карл Шмитт; пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова – М., 2013.
10. Gehlen, A. Moral und Hypermoral: eine pluralistische Ethik / Arnold Gehlen – Frankfurt am Main: Athenäum, 1969.
11. Schelsky, H. Die Arbeit tun die anderen: Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen / Helmut Schelsky // Westdeutscher Verlag, Aufl 2, 1975.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИНАМИКИ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Г. Н. Соколова,
доктор социологических наук, профессор
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Рассмотрение рынка труда как социального феномена связано с тем, что в сфере рынка труда не только переплетаются интересы работника и работодателя, но и как в зеркале отражаются все социально-экономические отношения и процессы, происходящие в обществе. Социальные проблемы и тенденции в сферах занятости и безработицы на белорусском рынке труда связаны с переходом от эволюционного к инновационному пути развития, заложенному в программах социально-экономического развития на 2005–2015 гг. Эволюционный путь развития Беларуси создал условия для устойчивого развития, обеспечив необходимую инерцию движения. Однако эволюционный путь порождает социальные проблемы, связанные с замедленным формированием институтов рыночной инфраструктуры и затрудняющие переход от экстенсивной к интенсивной экономике рыночного типа в русле трансформационных процессов.

В белорусской экономике к факторам, снижающим экономическую эффективность занятости, относятся: наличие избыточной численности персонала на предприятиях, что сопровождается снижением производительности труда; сохранение структурных диспропорций между спросом и предложением рабочей силы по профессионально-квалификационному составу; сохранение низкой конкурентоспособности лиц, особо нуждающихся в социальной защите. Но эти же факторы прямо или косвенно, в кратко- и среднесрочной перспективе способствуют повышению социальной эффективности занятости, потому что спасают работников от увольнения и состояния безработицы. По существу, мы имеем конфликт между необходимостью достичь экономической эффективности занятости и не допустить при этом снижения ее социальной эффективности. Для решения проблемы баланса возникает необходимость поиска таких способов повышения экономической эффективности занятости, которые были бы не в ущерб ее социальной эффективности [1, с. 254–256].

Механизмы адаптации рынка труда к структурным изменениям, способствующие решению различных аспектов проблемы баланса, многообразны и включают количественную, качественную, ценовую и институциональную типы подстройки. *Количественная* подстройка означает изменение объемов используемых трудовых ресурсов, которые могут быть измерены через численность работников или ресурсы рабочего времени. *Качественная* подстройка отражает функциональную и профессиональную мобильность рабочей силы, т.е. реакцию рынка образовательных услуг на структурные изменения экономики. *Ценовая* подстройка предполагает дифференциацию заработной платы в разрезе отраслей (видов экономической деятельности), что обеспечивает перелив рабочей силы между секторами экономики и обусловливает изменение ее структуры. *Институциональная* подстройка предполагает оптимизацию сравнительных издержек, которые сопровождаются названными механизмами адаптации [2; 3, с. 41–56].

Механизмы количественной подстройки белорусского рынка труда включают в себя различные способы маневрирования количеством и качеством рабочей силы, сообразно структурным изменения в экономике. По данным социологических опросов, почти

90% работников трудятся по найму и примерно столько же работают полный рабочий день/неделю. Несмотря на преобладание контрактной формы найма (по трудовым контрактам работают 2/3 респондентов), занятость у одного работодателя нередко приобретает постоянный характер. Отметим, что руководство белорусских предприятий и организаций, по данным опроса работающего населения, практически не прибегает к сокращению штата работников, а использует такие ценовые стратегии поддержания стабильной занятости, как снижение или несвоевременность оплаты труда, вынужденные социальные отпуска, сокращение рабочего времени. Однако такие меры не являются повсеместными и затрагивают относительно небольшую (примерно 15 %) долю работающих белорусов [4, с. 121–127].

Механизмы качественной подстройки выявляются в расширении рынка образовательных услуг для отраслей пятого технологического уклада. По данным государственной статистики, белорусская экономика характеризуется наличием профессионально-отраслевого рассогласования между рынком образовательных услуг и рынком труда. По результатам социологического опроса, имеет место относительно высокий уровень занятости не по специальности, полученной в учебном заведении (около 30 % занятого населения). В субъективном контексте, данный разрыв заложен в целевой структуре отношения к образованию, где доминируют инструментальные факторы, связанные с получением образования для трудоустройства. Объективно, расширение сферы высшего образования по ряду профессий происходит независимо от состояния экономики, которая не генерирует спрос на возросшие объемы подготовки специалистов по этим профессиям [1, с. 276–278].

Механизмы ценовой подстройки рынка труда к структурным изменениям в экономике предполагают дифференциацию заработной платы в разрезе отраслей (видов деятельности), что обеспечивает перелив рабочей силы между секторами экономики и обусловливает изменение структуры занятости. В экономическом контексте заработная плата является центральным механизмом действия законов спроса и предложения на рынке труда. В контексте социальной политики заработная плата должна мотивировать экономическое поведение индивида через реализацию воспроизводственной, стимулирующей, регулирующей и социальной функций. Анализ функций, через реализацию которых заработная плата влияет на материальное положение и ценностные ориентации индивидов, позволяет заключить, что в условиях структурных изменений в экономике, заработная плата становится одним из главных мотивирующих факторов экономического поведения индивидов. Само же экономическое поведение индивидов, в силу несоответствия низкой оплаты труда и высокой стоимости жизни, приобретает вынужденный характер и определяется по критериям количества и качества дополнительных работ и подработок [1, с. 279–282].

Механизмы институциональной подстройки обеспечивают оптимизацию сравнительных издержек, вызванных действием количественного, качественного и ценового механизмов в ходе реструктуризации экономики. Амортизируя риск высокой безработицы и высвобождений, в контексте социально-ориентированной экономики, институциональная среда способствует замедлению структурных преобразований белорусской экономики. Такие элементы институциональной настройки белорусского рынка труда, как индексация заработной платы, высокий уровень налогообложения фонда оплаты труда, жесткая регламентация процедур найма и увольнения, наличие неявных трудовых контрактов, амортизируют глубину процессов реструктуризации [3, с. 53–54].

Для того чтобы рынок труда стимулировал структурные преобразования в экономике, необходимо перейти к долгосрочной количественной и качественной подстройкам, поддержав их соответствующими институтами. Основными векторами усилий должны стать: повышение эффективности использования рабочей силы на микроуровне; согласование рынка образовательных услуг и рынка труда; диверсификация инфраструктуры рынка труда, повышение его институциональной гибкости.

Библиографический список

1. Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / Г. Н. Соколова [и др.]; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск: Беларуская навука, 2014.
2. Капелюшников, Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. – М., 2001. – С. 101–133.
3. Ванкевич, Е. В. Структурные изменения экономики и рынок труда: эффективность элементов подстройки // Белорусский экономический журнал. – 2013. – № 3. – С. 41–56.
4. Таранова, Е. В. Стабильность занятости населения Беларуси: социологический анализ // Иппокрена. – 2013. – № 2(23). – С. 121–127.

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ: ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА В БЕЛАРУСИ

Л. Г. Титаренко,
доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, Минск

Достижение гендерного равенства – важная социальная проблема, признанная на глобальном уровне, т.к. гендерное неравенство определяется сегодня как одна из форм социального неравенства, тесно связанная с другими формами. Так его оценивает новый президент Международной социологической ассоциации Маргарет Абрахам, чьи исследования сфокусированы на гендерном неравенстве в разных сферах жизни [1; 7]. Оно пронизывает социальную структуру общества вертикально, т.е. имеет место в любых социальных подсистемах, включая систему образования – от низшего ее звена до высшего уровня образования. Фактическое гендерное неравенство отчетливо проявляется в сфере труда: в неравенстве заработной платы мужчин и женщин при одинаковой квалификации, в гендерной дискриминации при найме на работу, продвижении по служебной лестнице. В Республике Беларусь взаимодействие рынков труда и образования причудливо отражается в том, что женщины, имея более высокий формальный уровень образования, получают заработную плату, которая на четверть меньше заработной платы мужчин, и значительно реже занимают руководящие посты даже в феминизированных отраслях народного хозяйства (в здравоохранении – 4,4 %, в образовании – 7,1 %) [2]. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация объясняется сложившейся гендерной асимметрией в высшем образовании, с одной стороны, и устойчивыми гендерными стереотипами массового сознания, влияющими на рынок труда, с другой.

Республика Беларусь, провозгласив себя социально ориентированным государством в Конституции (1994), выбрала эволюционный путь развития, сохранив значительный бесплатный набор социальных услуг и полный государственный контроль над социальными институтами. Большинство социальных проблем находится в поле постоянного внимания власти с целью не допустить их обострения, поэтому основные социальные потребности масс и сегодня в значительной мере удовлетворяются не на рыночной основе, а оплачиваются из социальных фондов. Однако в условиях резкого роста запросов общества на высшее образование, государство было не в состоянии удовлетворять эти запросы безвозмездно. За период с 1991 по 2015 гг. число вузов выросло с 33 до 54, открылись частные вузы. Массовизация и коммерциализация высшего образования сделали его доступным для всех, кто может оплатить получение диплома. Открылись шлюзы для получения высшего образования девушкам и юношам, независимо от их школьных успехов в учебе. Изменились и гендерные пропорции студенчества: если в советский период среди студентов вузов несколько превалировали мужчины, то сегодня сложилась гендерная асимметрия в пользу женщин. Гендерную асимметрию определяют как фактическую диспропор-

цию количественного распределения мужчин и женщин в поле высшего образования, имеющую качественные последствия [3]. Девушки составляют значительную часть абитуриентов и активно стремятся приобретать современные профессии, которые, по их мнению, обеспечат им высокие доходы.

Беларусь заняла 28-е место в мире по индексу гендерного равенства, который учитывает число мужчин и женщин со средним образованием, среднее число лет обучения, процент женщин в парламенте, доход и др. Данный рейтинг очень важен для имиджа нашей страны. На протяжении постсоветских лет проблема достижения гендерного равенства (или гендерного баланса) оставалась приоритетной, что подтверждается показателями роста числа вузов и студенчества в сфере высшего образования. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2014 г. численность студентов вузов составляла 372 тыс.чел. (из них женщин 57,3 %.) На уровне послевузовского образования женщины составляли 55,8 % аспирантов и 42,7 % докторантов [4, с. 146, 176]. Выросла доля населения с высшим образованием. Согласно переписи (2009 г.), 1 530 561 чел. имели высшее образование. На 1 000 чел. в Беларуси приходилось 179 дипломированных специалистов. Среди обладателей высшего образования 42,6 % составляли мужчины и, соответственно, 57,4 % женщины. Беларусь занимает лидирующие позиции по доле девушек среди учащихся высших учебных заведений. В 1999 г. этот показатель равнялся 53,7 % и за 15 лет повысился до 57,4 % в 2014/15 учебном году [4].

Приведенная статистика позволяет сделать вывод о процессе массовизации высшего образования в Беларуси, который тесно связан с коммерциализацией, а также с осуществленными ранее процессами этатизации и секуляризации образования. Феномен коммерциализации, т.е. превращение образования в рыночную услугу, является результатом внедрения коммерческих отношений в сферу образования. Основным фактором коммерциализации высшего образования является сокращение государственных расходов и рост платного образования.

Достижение гендерного равенства в высшем образовании, широкий доступ женщин к образованию имеют некоторые непредвиденные ранее следствия, которые привели к новому гендерному дисбалансу, или асимметрии в образовании. Конкретная модель гендерной асимметрии складывается под влиянием совокупности объективных и субъективных причин, ввиду чего можно считать гендерную асимметрию постоянно действующей. Она является следствием тех или иных перекосов не только развития сферы высшего образования, но и связанных с ней экономических сфер (рынок труда, распределение государственных финансов), информационного поля, формирования и поддержания базовых ценностей в обществе. В Беларуси к ней привела отнюдь не государственная политика гендерного равенства, а коммерциализация: преобладание платного образования над бюджетным как следствия сокращения государственного финансирования высшего образования. «Жертвой» коммерциализации образования чаще становятся женщины, т.к. социально-гуманитарные специальности, на которые они больше всего ориентируются, следуя социальным стереотипам о «женских профессиях», первыми были массово переведены на платную основу. С учетом предоставляемых платных услуг, недофинансирование остается одной из самых острых ее проблем. При этом преподаватели также получают низкую зарплату и вынуждены иметь по несколько мест работы, чтобы обеспечить себе достойный уровень жизни. Так идея равенства в образовании, соединенная с массовизацией, привела к ситуации «лишних людей» на рынке труда: они не могут реализовать ожидания, с которыми шли в вуз. Узкий рынок труда для ряда профессии не принимается во внимание абитуриентами при поступлении в вуз, а слабая школьная профориентация и отсутствие призвания, помноженные на стереотипы массового сознания о моде и необходимости вузовского диплома для всех, толкают молодого человека к поступлению куда угодно. Из идеала социального равенства, массовый доступ к образованию в условиях коммерциализации превратил высшее образование в проекцию рынка.

Именно с началом массовизации высшего образования и распространением платного обучения начался стремительный рост числа девушек в вузах и одновременная феминизация многих массовых профессий, требующих высшего образования: учителя, врача, социального работника. Массовизация и коммерциализация оказали ключевое влияние на процесс феминизации высшего образования в Беларуси. Слабая школьная профориентация, массовые гендерные стереотипы и коммерциализация высшего образования привели к новым асимметриям: росту числа девушек, стремящихся к социально-гуманитарным профессиям, общему падению интереса к естественным и инженерно-техническим специальностям, и как следствие -к перепроизводству девушек, получивших диплом на платной основе по социально-гуманитарным профессиям и не нашедших места на рынке труда. В 2014/15 учебном году на социально-гуманитарные профессии приходилось 36,4 % всех студентов, на инженерно-технические 24,7 %, 11 % на педагогику, на все остальные чуть более 20 % [4, с. 145]. Перекос в структуре высшего образования, его «нестыковка» с запросами реально существующего рынка труда привели к тому, что женщинам трудно трудоустроиться на высокооплачиваемое место, она по-прежнему дольше ищет работу, а в предпенсионном возрасте с трудом ее находит, в отличие от мужчины.

Подведем итоги. Мужчины доминируют в “доходных” сферах рынка труда, а женщины преобладающе выбирают вузовские профессии, которые ведут к низкой зарплате на рынке труда. Ситуация не изменится, пока будут сильны стереотипы о «женских» профессиях, ориентирующие женщин со школьной скамьи только на них, способствуя росту гендерной асимметрии в вузах, а также на рынке труда.

Библиографический список

1. Абрахам, М. Наша задача усилить роль социологии в формировании справедливого общества / М. Абрахам // Социологические исследования. -2015. -№ 7.
2. Ермакова, М. Г. Гендерные особенности субъектов хозяйствования как фактор развития рынка труда / М. Г. Ермакова // [Электронный ресурс]. Издательство Креативная экономика. - Режим доступа: http://old.creativeeconomy.ru/articles/12741 - Дата доступа: 27.09.2015.
3. Силласте, Г. Гендерная асимметрия в образовании и науке: взгляд социолога // Г. Силласте // Высшее образование в России. -2001. -№ 2.
4. Образование в Республике Беларусь/ Статистический сборник / – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА В РЕЙТИНГЕ ВСЕМИРНОГО БАНКА

Л. Н. Давыденко,

доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск

В соответствии с Основными направлениями социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы одной из приоритетных задач социально-экономического развития Республики Беларусь является переход на инновационный путь развития. Эта задача определяет стратегическую цель государственной научно-технической и инновационной политики – создание благоприятных правовых, экономических и социальных условий для развития науки и постоянного повышения технологического уровня производства и конкурентоспособности продукции, уровня и качества жизни населения, укрепления национальной безопасности страны.

В современных условиях предприятия Республики Беларусь функционируют на основе становления экономики инновационного типа. Национальная инновационная эко-

номика формируется как новый этап постиндустриального развития общества, основанный на знаниях, креативности, новых идеях, уникальных технологиях. Внедрение новых способов производства и новых форматов развития предприятий, принципиально изменяет условия достижения ими конкурентоспособности.

Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 г. (НСУР-2030) определен инновационный сценарий развития нашей страны. В числе основных экономических приоритетов – поддержка частного предпринимательства, улучшение делового и инвестиционного климата [НСУР-2030]. [1]

Немаловажным элементом реализации поставленных задач является улучшение позиций страны в ведущих международных рейтингах, которые привлекают потенциальных инвесторов. Среди целевых ориентиров правительства, в частности – вхождение в число 30 лучших стран по условиям ведения бизнеса в рейтинге Всемирного банка.

В очередном докладе «Ведение бизнеса-2015» («Doing Business-2015») Всемирного банка и Международной финансовой корпорации отражены ключевые аспекты нормативно-правового регулирования бизнеса [Doing Business-2015]. В документе отражена ситуация по состоянию на 27 октября 2015 г. По индексу легкости ведения бизнеса Беларусь занимает 44-ю позицию среди 189 стран. Армения находится на 35-й строчке рейтинга, Россия – на 51-й, Казахстан – на 41-й. В тоже время следует отметить, что в 2010 году Беларусь занимала 58-е место среди 186 стран в рейтинге по удобству ведения бизнеса. Несмотря на сложности, которые связаны с переходной экономикой, открыть своё дело значительно легче, чем в Литве или Германии. Как отмечает Всемирный банк, Россия и Беларусь за год реализовали 5 экономических реформ, которые продвинули их в рейтинге ведения бизнеса. Наибольших успехов удалось достичь по индикаторам «регистрации собственности», индексу «надёжности электроснабжения» и «прозрачности тарифов на электроэнергию». Самыми благоприятными странами для ведения бизнеса признаны Сингапур, Новая Зеландия, Гонконг, Дания и Южная Корея.

В табеле о рангах, проанализированы позиции Республики Беларусь в трех последних рейтингах (табл. 1).

Таблица 1. **Позиции Республики Беларусь в рейтингах «Ведение бизнеса» (DB)**

Основные индикаторы	DB 2013 Рейтинг после корректировки	DB 2014 Рейтинг после корректировки	DB 2015 Рейтинг	Динамика 2015 к 2013
Регистрация собственности	3	3	7	-4
Регистрация предприятий	20	35	40	-20
Обеспечение исполнения контрактов	13	7	29	-16
Получение разрешений на строительство	37	54	34	+3
Разрешение неплатежеспособности	56	66	69	-13
Защита инвесторов	95	91	57	+38
Кредитование	105	99	109	-4
Налогообложение	135	107	63	+72
Международная торговля	150	146	145	+5
Подключение к системе электроснабжения	175	144	89	+86

Источник: составлено автором по данным отчетов «Doing Business – 2014», «Doing Business – 2015», [2,3].

В продвижении Республики Беларусь в табели о рангах, следует отметить, что самые значимые подвижки произошли в сфере *налогообложения*. По этому критерию за два года она поднялась в рейтинге на 75 ступенек – со 135-го места на 63-е. Успех Беларуси отмечен отдельной строкой в докладе Всемирного банка. Несмотря на это, мы по-прежнему отстаем от наших партнеров по ЕАЭС (Казахстан занимает 17-е место, Армения – 41-е, Россия – 49-е).

Для отслеживания делового климата в целом эксперты Всемирного банка используют методику определения расстояния до лидера или до передового рубежа. За последние шесть лет наша страна сократила отставание от лидера на 13,9 пунктов. Для сравнения Россия сблизилась с передовым рубежом на 11,8 балла, Армения – на 9,4, Казахстан – на 7,5 пунктов.

Важнейшей задачей для нашей экономики была и остается увязка ее роста с наращиванием экспортного потенциала. В этой связи интерес представляет сравнительная оценка участия партнеров по ЕАЭС в *международной торговле* (табл. 2).

Таблица 2. **Государства-члены ЕАЭС в рейтинге «DB-2015» по критерию «международная торговля»**

Страна	Рейтинг	Экспорт			Импорт		
		Документы (кол-во)	Время (дни)	Стоимость (USD за контейнер)	Документы (кол-во)	Время (дни)	Стоимость (USD за контейнер)
Армения	110	5	16	1,885	8	18	2,175
Беларусь	**145**	**8**	**15**	**1,460**	**10**	**30**	**2,265**
Россия	155	9	22	2,705	10	20	2,920
Казахстан	185	10	79	5,285	12	67	5,265
Европа и Центр. Азия	-	7	23,6	2,155	8	25,9	2,436
ОЭСР	-	4	10,5	1,080	4	9,6	1,100

Источник: составлено автором по данным отчета «Doing Business – 2015», [2].

Как следует из приведенных в таблице данных, Беларусь в категории «международная торговля» занимает 145-е место, опережая Казахстан и Россию, но уступает Армении. По временным затратам (15 дней) и стоимости экспорта (1,5 тыс. долл. за контейнер) мы опережаем наших партнеров по ЕАЭС. В то же время неиспользованные резервы находятся в плоскости сокращения временных затрат на импорт и количества экспортно-импортных документов.

Несмотря на постепенное улучшение делового климата в стране, темпы нашего продвижения в рейтинге Всемирного банка недостаточны для достижения намеченных правительством ориентиров. Итоги доклада «Doing Business-2015» указывают на необходимость принятия системных мер по улучшению позиций республики, в первую очередь, по наиболее проблемным позициям: кредитование, защита инвесторов, подключение к электроснабжению, международная торговля.

Следует обратить внимание на причины понижения рейтинга Республики Беларусь по таким категориям как простота регистрации предприятий, получение разрешений на строительство, разрешение неплатежеспособности. Достижение положительного результата предполагает усиление контроля правительства за тем, как осуществляются на практике меры по реформированию сферы государственного регулирования бизнеса, в том числе с учетом лучшего опыта зарубежных стран. Важно, чтобы погоня за высокими ме-

стами служила катализатором системной работы по совершенствованию условий осуществления предпринимательской деятельности, созданию благоприятного инвестиционного климата в нашей стране.

К числу основных видов государственной поддержки инновационного предпринимательства в Республике Беларусь относятся: 1) формирование правовой среды; 2) привлечение субъектов инновационного предпринимательства к активному участию в выполнении государственных инновационных программ и проектов; 3) предоставление налоговых и кредитных льгот; 4) создание инновационных ассоциативных структур (научных и технологических парков) способствующих активизации деятельности субъектов инновационной деятельности; 5) предоставление льготных условий использования субъектами инновационного предпринимательства государственных материально-технических и информационных ресурсов; 6) создание эффективной государственной системы подготовки и повышения квалификации кадров для инновационной деятельности.

Библиографический список

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 г. (Проект). – Минск : НИЭИ Минэкономики РБ, 2015. – 195 с.
2. Doing Business 2015 : Going Beyond Efficiency // [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2015. – Date of access: 27.06.2015.
3. Doing Business 2014 : Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises // [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2014. – Date of access: 19.06.2015.

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗРАБОТИЦА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. Л. Айзенштадт,
кандидат исторических наук, доцент,
Гомельский филиал Международного университета «МИТСО», г. Гомель

Социально-трудовые отношения, как известно, характеризуют экономические, психологические и правовые аспекты взаимосвязей индивидуумов и социальных групп в процессах, обусловленных трудовой деятельностью.

Выделяются следующие типы социально-трудовых отношений:

– патернализм, который характеризуется жесткой регламентацией социально-трудовых отношений со стороны государства или руководства организацией, покровительством с оттенком «отеческой заботы» с предоставлением определенной защиты и поддержки в обмен на лояльность граждан или работников, их отказ от независимой позиции;

– социальное партнерство, которое состоит в согласовании интересов субъектов социально-трудовых отношений и их конструктивном взаимодействии;

– конкуренция, которая представляет собой соперничество субъектов социально-трудовых отношений за возможность и лучшие условия реализации собственных интересов в социально-трудовой сфере (одной из форм реализации конкуренции является соревнование);

– солидарность – взаимная ответственность и взаимопомощь людей, основанная на единодушии и общности их интересов в социально-трудовой сфере;

– субсидиарность – в противовес патернализму выражает стремление человека к личной ответственности за достижение своих целей при решении социально-трудовых проблем без вмешательства «сверху»;

– дискриминация – произвольное, незаконное, ничем не обоснованное ограничение прав субъектов социально-трудовых отношений, в результате, которого нарушаются принципы равенства возможностей на рынках труда;

– конфликт – крайняя степень выражения противоречий интересов и целей субъектов в социально-трудовых отношениях, проявляющаяся в форме трудовых споров, забастовок, локаутов.

Наиболее приемлемым типом социально-трудовых отношений является социальное партнерство. Социальное партнерство позволяет восстановить некоторое равновесие в отношениях между наемными работниками и нанимателем, постоянно нарушаемое в силу того, что наниматель, благодаря своему положению, изначально доминирует в этих отношениях.

Социальное партнерство следует рассматривать как особый тип социально-трудовых отношений, обеспечивающий на основе равноправного сотрудничества наемных работников, нанимателей и государства оптимальный баланс и реализацию их основных интересов.

Сущностные признаки социального партнерства:

– в основе социального партнерства лежит идея трипартизма (трехстороннего представительства);

– социальное партнерство выступает цивилизованным инструментом согласования интересов сторон при реализации социально-экономической политики в сфере труда;

– в социальном партнерстве преобладает коллективно-переговорный характер взаимодействия;

– социальное партнерство нацелено на утверждение социальной справедливости в трудовых отношениях;

– социальное партнерство вовлекает в решение социально-трудовых вопросов общественную инициативу, способствует формированию гражданского общества.

Основными принципами социального партнерства в сфере труда являются:

– равноправие сторон, их паритет на всех стадиях партнерских отношений;

– взаимное признание интересов партнеров как важных и правомерных;

– опора на законодательство;

– социальная справедливость при регулировании действий сторон;

– приоритет примирительных процедур, нахождение компромиссов;

– добровольность принимаемых сторонами обязательств;

– взаимная ответственность сторон, отказ от односторонних действий [1, с. 34].

Одной из самых острых проблем социально-трудовых отношений является безработица. Мировой финансово-экономический кризис обострил ситуацию на рынке труда, привел к значительному росту безработицы в США и странах Евросоюза. Кризис, как известно, не обошел и Республику Беларусь. В этих условиях проблема сохранения рабочих мест стала как никогда актуальной.

Федерация профсоюзов Беларуси оперативно реагировала на острую проблему. Руководство ФПБ заявило, что для нас главное – сохранение производства, обеспечение занятости и своевременная оплата труда. Недопустимо сворачивать экономические мощности, выставлять за дверь работников. Профсоюзы исходили из того, что кризисные явления не вечны, а о трудящихся надо думать в первую очередь. Исходя из этих соображений, Федерация профсоюзов была вынуждена пойти на некоторые уступки и признать необходимость таких непопулярных мер, как сокращение продолжительности рабочей недели, частичное уменьшение тарифной ставки (оклада) и предоставление внеочередных отпусков. Эти уступки изначально рассматривались как временные и сочетались с выработкой программы выхода из кризиса.

В целом ситуацию удалось удержать под контролем. Зарегистрированная безработица в 2009 г. составила 0,9 % экономически активного населения, а к 2014 г. уменьшилась до 0,4 % (беспрецедентно низкая цифра!).

Этому способствовала Государственная программа занятости населения. В рамках этой программы был увеличен размер субсидий безработным, организующим предпринимательскую деятельность, крестьянские и фермерские хозяйства. Активно создавались новые рабочие места. Государственные службы занятости направляли на профессиональное обучение, переподготовку и повышение квалификации ежегодно около 30 тыс. безработных. Оказывалась финансовая помощь семьям безработных, пожелавшим переехать для трудоустройства в новый населенный пункт, особенно в сельской местности. Для безработных были организованы общественные работы (благоустройство территории городов, очистка леса, заготовка вторсырья, прополка, сбор урожая и др.). Велась работа по организации временной занятости студенческой и учащейся молодежи. Основной упор сделан на создание новых рабочих мест, профессиональную подготовку, трудоустройство инвалидов, поддержку предпринимательской деятельности.

Ситуация на рынке труда, однако, далека от благоприятной.

Во-первых, официальная статистика не учитывает тот факт, что, по данным экспертов, только каждый девятый потерявший по тем или иным причинам работу получает статус безработного.

Во-вторых, государственные ассигнования на пособия по безработице крайне малы. Это пособие составляет 16 долларов в эквиваленте. Понятно, что прожить на эти деньги невозможно. Мизерность пособия приводит к минимальной заинтересованности незанятых граждан в получении статуса безработного, что, в свою очередь, искажает реальную картину с безработицей в нашей стране. Федерация профсоюзов выступает за повышение пособия по безработице, которое должно быть привязано к бюджету прожиточного минимума.

В-третьих, организуемые для безработных общественные работы недостаточно эффективны в виду их сезонного характера, низкого уровня заработков и ориентации на простой физический труд.

В-четвертых, крайне мало выделяется средств на обучение работников новым специальностям на предприятиях. Фактически этих денег хватает на переподготовку не более 100 человек. Необходимо повысить размер стипендии безработным, направленным государственной службой занятости на профессиональное обучение. Кроме того, следует увеличить компенсации нанимателям на опережающее обучение работников, находящихся перед угрозой увольнения.

В-пятых, декларируемая оптимизация численности работников на предприятиях в условиях замедления экономического роста может привести к увеличению безработицы (и уже привела в 2015 г. к росту числа безработных).

В-шестых, предложения на рынке труда в основном предусматривают зарплату на уровне прожиточного минимума, на что согласится далеко не каждый.

В-седьмых, структура безработицы является неблагоприятной. На рынке труда востребованы в основном не специалисты высокой квалификации, а представители рабочих специальностей (72,4 % вакансий), молодежь до 29 лет составляет 43 % безработных. Белорусская безработица сохранила женское лицо, вместе с тем увеличилось число незанятых мужчин. По-прежнему актуальна проблема безработицы в малых городах и небольших населенных пунктах.

В-восьмых, по-прежнему существует (и растет) неполная занятость, практика отправки работников в неоплаченные отпуска по инициативе нанимателей, в том числе – без сохранения зарплаты.

В-девятых, минимальная безработица перестала устраивать белорусское правительство. «Когда сотнями с предприятия увольняются за нарушение трудовой и производственной дисциплины и потом переходят на другую сторону улицы и устраиваются на новое предприятие – так быть не может. Должен быть рынок труда. Если тот же рабочий не будет чувствовать дыхания в затылок – он обязательно будет работать плохо. По крайней мере, не всегда качественно», – подчеркнул бывший премьер-министр М. Мясникович.

Отвечая на вопрос, нужна ли безработица, он заявил: «Нужна». 3–4%, по его словам, это нормально. «Если мы говорим о рыночных отношениях, то должен быть рынок труда. И наниматель на рынке труда вправе выбирать лучших» [2, с. 966].

Как видим, проблема безработицы в нашей стране окончательно не решена. Нуждается в совершенствовании и вся система социально-трудовых отношений.

Библиографический список

1. Айзенштадт, А. Л. История, теория и практика профсоюзного движения: учеб.-метод. пособие / А. Л. Айзенштадт, П. Г. Ахраменко; МИТСО. – Гомель: БелГУТ, 2013. – 91 с.
2. Айзенштадт, А. Л. Экономическая социология и социология труда: учеб.-метод. пособие / А. Л. Айзенштадт, П. Г. Ахраменко. – Гомель: МИТСО, 2014. – 91 с.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ ВЫПУСКНИКОВ

Н. Н. Сечко,

кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Изучение рынка труда молодежи актуально в связи с тем, что молодежь играет особую роль в воспроизводстве трудовых ресурсов на любом рынке труда, тем самым определяя такие его базовые показатели как численность трудовых ресурсов, их профессионально-квалификационный уровень, отраслевую и региональную структуру. Исследованием молодежного сегмента белорусского рынка труда занимается отдел экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси. Однако на сегодняшний день чувствуется дефицит социологических исследований по данной проблематике, приводящий к отсутствию информации о трудовой мотивации современной белорусской молодежи, механизмах и эффективности процессов трудоустройства, профессиональных ожиданиях и профессиональной социализации в современных условия, когда в условиях нестабильности мировой финансово-экономической системы имманентно наблюдается волатильность рынка труда.

В связи с этим в данной статье особое внимание уделяется понятию «профессиональные ожидания» молодых специалистов. Формирование компетенций, необходимых для успешного приобретения определенных навыков и знаний, является одной из целей обучения студентов в высших учебных заведениях. Однако не менее важным фактором, влияющих на успешное достижение данной цели, является сформированность и адекватность профессиональных ожиданий. Профессиональные ожидания характеризуют отношение студентов к своей будущей специальности и формируют желание или нежелание работать согласно полученному образованию. Это обусловливает актуальность изучения феномена профессиональных ожиданий, так как важно знать, каковы профессиональные ожидания современных студентов, какие факторы их формируют, насколько они адекватны состоянию реального рынка труда.

Хотелось бы отметить, что существует определенная терминологическая сложность в определении понятия «профессиональные ожидания», т.к. существует ряд смежных понятий, таких как зарплатные ожидания, карьерные ожидания, профессиональное становление и т.д. Термин «профессиональные ожидания» до сих пор не имеет однозначного общепринятого определения. Однако стоит отметить, что проблемы изучения профессии, профессиональных ожиданий, факторов, влияющих на выбор профессии, можно встретить уже в трудах классиков. Так Адам Смит рассматривал и выделял пять основных факторов, влияющих на выбор будущей профессии: приятность или неприятность про-

фессиональных занятий; легкость и дешевизна или трудность и дороговизна обучения им; постоянство или непостоянство занятий; большее или меньшее доверие, оказываемое тем лицам, которые занимаются ими; вероятность или невероятность успеха в них. При рассмотрении данных факторов А. Смит указывал, что издержки получения той или иной профессии соотносятся с ожиданиями тех выгод (заработок, статус, стабильность занятости и др.), которые может дать в будущем профессия. То есть фактически уже в его трудах мы встречаем анализ профессиональных ожиданий. Альтернативные варианты, выбираемые исходя из склонностей и предпочтений людей, а фактически из профессиональных ожиданий, определяют у А. Смита выбор профессии. Макс Вебер в своих работах «Наука как призвание и профессия», «Политика как призвание и профессия» значимое внимание уделил рассмотрению проблем профессии и призвания. Феномен призвания у него ассоциируется с глубокой преданностью избранной профессии, высокой ответственностью и самоотдачей, бескорыстием и творческим отношением к труду, отражает духовную (и даже религиозную) связь человека с профессией. Таким образом, у Вебера акцент при рассмотрении профессии сделан на содержательных аспектах профессиональной деятельности, то есть фактически обосновано, что содержание профессиональной деятельности - неотъемлемым компонент профессиональных ожиданий.

Анализируя категориальный аппарат, надо отметить, что под **профессией** понимается «устойчивый и относительно широкий род трудовой деятельности, являющийся источником дохода, предусматривающий определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков, и определяется разделением труда, а также его функциональным содержанием» [1, с. 815]. Профессия как вид квалифицированного труда характеризуется наличием собственного предмета и функции, внутривидовой дифференциацией, групповой идентификацией, нормативной регуляцией и институциональным положением в обществе. **Профессиональную деятельность** можно рассматривать как способ социально-экономического и духовного взаимодействия индивида и трудового коллектива, в ходе которого личность выступает в роли субъекта труда, реализующего общественно значимые цели и задачи, а сама профессия обладает определенным социальным статусом. Для каждого вида профессиональной деятельности можно выделить совокупность присущих целей, задач, способов и приемов их решения, основные объекты и условия деятельности. Они образуют систему конкретного труда, которая поддается описанию через понятия содержания, функций, результатов труда и т.д. Анализ этих составляющих позволяет определить совокупность объективных требований со стороны той или иной профессии к личности специалиста.

Таким образом, с одной стороны профессия, профессиональная деятельность предъявляет совокупность объективных требований к личности специалиста, а с другой стороны, специалист предъявляет определенные требования к профессии, у него есть определенные профессиональные ожидания.

Многие авторы в рамках изучения данной проблематики пользуются определением Джулиана Роттера, сформулированному им в теории социального когнитивного научения, согласно которому ожидания рассматриваются как переменная в основной формуле предсказаний, мнение человека о том, получит ли он подкрепление; вероятность, с точки зрения человека, того, что определенное подкрепление будет иметь место в результате конкретных действий с его стороны в конкретной ситуации или ситуациях. Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что **профессиональные ожидания** – представления индивида о профессиональной деятельности и тех запросах и целях, которые она позволит реализовать. Профессиональные ожидания надо рассматривать как динамичные и изменяющиеся на разных стадиях профессионального становления.

Процесс вхождения в профессию, профессионального становления личности характеризуется наличием определенной стадийности и этапности. Рядом авторов, таких как В. А. Ядов, М. Х. Титма, В. Н. Шубкин, Г. А. Чередниченко и др., под профессиональным становлением понимается формирование субъекта труда и развитие личности профессио-

нала в ходе прохождения следующих стадий профессионального становления: профессиональной ориентации или выбора профессии; профессионального образования / обучения; профессиональной деятельности. Указывается на то, что это взаимосвязанный и пролонгированный процесс, где каждый этап обусловливает протекание последующего, зачастую как разрешение противоречий и конфликтов, возникающих при столкновении, встрече ожиданий и реальной ситуации.

На стадии профессиональной ориентации происходит процесс определения индивидом вида трудовой деятельности, в которой он хочет себя проявить, осознание своих склонностей и способностей к этому виду деятельности и осведомленность о каналах и средствах приобретения знаний, умений и навыков для овладения конкретной профессией. Ориентация на определенный вид деятельности и выбор профессии приобретает и более широкое значение, выступая в качестве одной из сторон социальной ориентации – направленности индивида на вхождение в определенный социальный класс, группу, слой общества. И именно на данной стадии определения у индивида **формируются первоначальные профессиональные ожидания или предожидания.** На стадии профессиональной ориентации школьник-старшеклассник может пройти процедуру профориентации, в ходе которой даются рекомендации, призванные помочь ему сделать выбор будущей сферы профессиональной деятельности, подсказать, какие виды деятельности не подходят старшекласснику по индивидуально-психологическим характеристикам и т.д. Однако, во-первых, не все проходят процедуру профориентации, а во-вторых, рекомендации даются весьма широко, например, занятость в сфере гуманитарной деятельности. В-третьих, не все прислушиваются к полученным в ходе профориентации рекомендациям. Однако все индивиды так или иначе определяются с тем видом профессиональной деятельности, которым бы они хотели заниматься. В процессе профессиональной ориентации индивид стремится к общей ориентированности в мире профессий, у него формируется представление об их содержании и общественном престиже. Таким образом, мы можем заключить, что уже на стадии выбора профессии у индивида есть определенные профессиональные ожидания. Степень их соответствия действительности, репрезентативности может быть весьма незначительной, во многом она определяется тем, какими информационными источниками пользовался старшеклассник: мифами и социальными стереотипами или объективными статистическими данными, экспертными мнениями людей, являющихся представителями данной профессии и т.д. Профессиональные ожидания-предожидания складываются под влиянием личностных / субъективных факторов (интересы, потребности, мотивы, склонности, ценности индивида и т.д.) и ситуационных / объективных (состояние рынка труда, региональная специфика, характеристики экономики и т.д.). Значимо влияют сформировавшиеся у социального окружения индивида представления о профессии, о ее престижности в обществе, востребованности, уровне дохода и статусе, который она может дать, о содержании профессиональной деятельности.

На стадии профессионального обучения происходит приобретение профессиональных знаний, умений и навыков, осуществляется непосредственное знакомство с предстоящей деятельностью, в том числе и в ходе производственной практики. На этой стадии происходит **становление и корректировка профессиональных ожиданий.** Очень значима для становления профессиональных ожиданий индивида роль производственной практики по получаемой специальности. На основе исследования, проведенного в 2010 году на базе факультета социально-педагогических технологий БГПУ им. М. Танка удалось установить, что «уже после прохождения практики на первом курсе каждому четвертому студенту удается полностью сформировать представление о выбранной специальности, будущей работе. Осознать общественную значимость, полезность и востребованность своей специальности, профессии смогли 64 % респондентов, научиться выстраивать профессиональное взаимодействие – 55 %, закрепить полученные теоретические знания – 44 % и получить новые теоретические знания – 52 % студентов. Таким образом, от того, насколько грамотно организован процесс обучения, зависит не только профессионально-

квалификационный уровень будущего специалиста, но и то, не разочаруется ли он в выборе профессии, сделанном на этапе профессионального самоопределения, и будет ли он в дальнейшем работать по полученной специальности» [2, с. 30–33].

На стадии профессиональной деятельности происходит полное погружение индивида в профессиональную деятельность и проверка адекватности профессиональных ожиданий реалиям и возможностям той или иной профессиональной деятельности, то есть происходит **реализация и корректировка профессиональных ожиданий**. Именно на данной стадии говорят о профессиональной адаптации, во многом связанной с адаптацией профессиональных ожиданий, с их уточнением, корректировкой в связи с часто возникающими конфликтами ожиданий и реальных возможностей реализации запросов, которые может дать профессиональная деятельность.

Полагаю, что следует выделять следующие **компоненты в структуре профессиональных ожиданий**: зарплатные ожидания (заработная плата, которую молодой специалист ожидает получать в первые годы работы и заработная плата, которую молодой специалист планирует получать в ходе трудовой деятельности, когда он пройдет первичную профессиональную социализацию в профессии и наработает опыт практической работы; установки на покупательную способность заработной платы молодого специалиста); карьерные ожидания (ожидания, характеризующие ориентированность на продвижение по карьерной лестнице либо отсутствие таких установок, а также ожидания относительно сроков, в течение которых молодой специалист сможет осуществить продвижение по карьерной лестнице по сравнению со своей первоначальной должностной позицией); профессиональные ожидания в узком смысле слова (установки на занятие трудовой деятельностью по полученной специальности, либо по смежной специальности, либо не по специальности; оценки востребованности профессии на рынке труда); трудовые ожидания в узком смысле слова (отрасль, форма собственности и размер организации, где хотел бы работать выпускник, условия трудового контракта, установки на компенсационный пакет, предоставляемый организацией).

Библиографический список

1. Соколова, Г. Н. Профессия / Г. Н. Соколова // Социология: энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенок, Г. М. Евелькин [и др.]. – Минск: Книжный дом, 2003. – С. 815.
2. Сечко, Н. Н. Запатрабаванасць маладых спецыялістаў на беларускім рынку працы / Н. Н. Сечко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2012. – № 2. – С. 30–33.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ: ПОДХОДЫ И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. Таранова,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Удовлетворенность трудом – это наиболее заметный результат трудовой мотивации [2]. Одним из самых ранних является исследование трудовой мотивации Ф. Херцберга и разработанная им теория мотивации, в которой выделяются внутренние (мотивационные) и внешние (гигиенические) факторы трудовой деятельности. Первые включают такие характеристики, как содержание работы, связанное с мотивами достижения и продвижения; вторые обусловлены условиями труда – зарплатой, межличностными отношениями, гарантиями занятости и др. Удовлетворение внешних потребностей ведет не к высокой удовлетворенности работой, заинтересованности в ней, а к отсутствию не-

удовлетворенности, т.е. данные факторы «закрепляют» работников на их рабочих местах, но не обязательно побуждают их повышать эффективности своего труда. В свою очередь, повышение производительности труда и удовлетворенность работой зависят от внутренних факторов, которые включают интерес к работе, ее содержанию, успехам в работе, самостоятельность и ответственность за ее выполнение. Именно они определяют общую удовлетворенность работой и способствуют повышению трудовой активности работников. Поэтому удовлетворенность есть функция содержания работы, а неудовлетворенность – функция условий труда. Из этого следует, что трудовая активность коррелирует с ростом удовлетворенности работой, а не с уменьшением степени неудовлетворенности. Таким образом, удовлетворенность и неудовлетворенность являются разными плоскостями поведения человека в трудовой сфере. Удовлетворенность трудом, как правило, повышается при оптимизации мотивационных факторов. В случае же улучшения гигиенических показателей чаще всего снижается неудовлетворенность работой, но далеко не всегда изменяется показатель удовлетворенности трудом [4].

При оценке положения человека в сфере труда можно рассматривать два измерения – объективное и субъективное. Первое отражает условия труда и занятости, а второе – восприятие этих условий работниками, которых они касаются. Интегральной характеристикой субъективного восприятия трудовой деятельности выступает удовлетворенность своей работой в целом, которая может определяться исходя из ее содержания, оплаты, условий труда, графика работы, ее стабильности и т. п. Данные социологического мониторинга «Общественное мнение», ежегодно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, позволяют проанализировать динамику данного показателя. Так в 2015 году наблюдался самый высокий уровень общей удовлетворенности работой (за период исследований 2002–2015 гг.) – 80,7 % белорусов отметили, что удовлетворены своей работой (42,4 % «полностью удовлетворены» и 38,8 % «скорее удовлетворены»). В 2002 г. таких ответов было 48,8 %, в 2007 г. – 62,2 %, в 2012 г. – 69,8 %.

Российские исследования удовлетворенности работой, как академические, так и отраслевые, базируются на данных отдельных предприятий и сфокусированы преимущественно на оценках рабочих [1]. Зарубежные исследования трудовой мотивации и удовлетворенности работой проводятся, прежде всего, в рамках организационной психологии (industrial and organizational psychology, work psychology, work and organizational psychology), поскольку считается, что данные показатели оказывают непосредственное влияние на поведение работников в организациях [2]. Наряду с этими направлениями, востребованными становятся исследования трудовой мотивации и удовлетворенности трудом, проводимые на макроуровне, когда объектом исследования, а следовательно и генеральной совокупностью, выступает занятое население страны. Так в Европейском социальном исследовании (European Social Survey – ESS), шестой раунд (2012 г.) которого включает 29 стран, присутствуют вопросы по трудовой деятельности. В качестве показателя удовлетворенности трудом в базе данных ESS представлены ответы на вопрос: «*Насколько Вы удовлетворены своей работой*?» (в базе данных SPSS переменная – «*How satisfied with job*»). Ответы фиксируются с помощью 11-ти балльной шкалы от 0 («*Extremely dissatisfied*») до 10 («*Extremely satisfied*») [3]. По данным ESS 2012 года среднее значение удовлетворенности трудом находится в диапазоне от 6,53 в Украине (N=900) и 6,67 в России (N=1407) до 7,98 в Норвегии (N=1067) и 8,20 в Дании (N=924).

Если привести шкалу ESS к значениям: «не удовлетворены своей работой в той или иной мере» (от 0 до 4 баллов), «удовлетворены своей работой в той или иной мере» (от 6 до 10 баллов), и «затруднились оценить» (5 баллов), то получится, что меньше всего удовлетворены своей работой в Украине (67,4 % респондентов) и России (67,7 %). Затем идут: Венгрия (75,8 %), Болгария (75,6 %), Косово (74,3 %). Самая высокая удовлетворенность трудом в Исландии (93,4 %), Норвегии (92,9 %), Дании (92,7 %), Финлянлии (92,5 %), Нидерландах (92,3 %), Швеции (90,9 %). С определенными допущениями, Беларусь со значением 69,8 % (2012 г.) в этом ряду занимала бы третью строчку снизу после

Украины и России. Несмотря на то, что одни и те же условия труда разными людьми могут восприниматься по-разному, тем не менее есть макроэкономические факторы, к которым относятся уровень экономического развития страны, доминирующие в обществе социально-культурные ценности, специфика рынка труда и т.п., которые можно рассматривать как общие для всего занятого населения страны. Поэтому, несмотря на различные личные основания восприятия и оценок своей работы, удовлетворенность трудом может выступать в качестве характеристики социальной эффективности занятости, показателя результативности созданных в этой сфере условий, а также отражать меру адаптации населения к происходящим социально-экономическим изменениям (экономическим кризисам и подъемам, мерам государственной социальной политики и др.), которые неизменно затрагивают трудовую сферу.

Библиографический список

1. Монусова, Г. А. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления / Г. А. Монусова // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 12. – С. 74–83. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2009/0395/analit02.php. – Дата доступа: 15.05.2015.
2. Бюссинг, А. Мотивация и удовлетворенность / А. Бюссинг // Управление человеческими ресурсами / Под ред. М.Пула, М.Уорнера. – СПб.: Питер, 2002. – 777–792. – Режим доступа: http://dps.smrtlc.ru/Disc/Bussing_Motiv.htm. – Дата доступа: 15.05.2015.
3. Data and Documentation / European Social Survey. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.europeansocialsurvey.org/data. – Дата доступа: 15.05.2015.
4. Вечерин, А. В. Субъективные факторы удовлетворенности трудом сотрудников организаций / А. В. Вечерин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – С. Том 8. – № 2. – С. 96-111.

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ В ИЗУЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ

А. В. Мартинкевич,

магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Если, включив социологическое воображение, представить ситуацию, что формальные нормы, регулирующие и охраняющие трудовые отношения между нанимателем и работником, перестали выполнять свои функции и при этом возникла конфликтная ситуация между указанными субъектами труда (к примеру, невыплата вознаграждения за выполненную работу), то несложно предвидеть возможные последствия этой ситуации. Однако чем изложенная ситуация отличается от ситуации, когда формальные нормы, регулирующие и охраняющие трудовые отношения между нанимателем и работником, больше не соответствуют тенденциям практик в трудовой сфере? Представляется, что ничем. Данный вопрос обусловливает необходимость научного изучения: во-первых, современных тенденций практик в трудовой сфере; во-вторых, соответствия выявленных современных тенденций в трудовой сфере с формальными нормами, регулирующими и охраняющими трудовые отношения между нанимателем и работником. Изучение данных аспектов невозможно без тандема социологии и некоторых аспектов правовой науки. При этом остается ответить на вопрос, каким образом может быть организован данный тандем.

На современном этапе развития в Республике Беларусь действует механизм регулирования и охраны трудовых прав и законных интересов работников, основанный на использовании правоохранительного ресурса определенных государственных органов и общественных организаций. Однако данный механизм приобретает ограниченную эффек-

тивность и правоохранительную способность в силу:

1. изменяющихся практик в трудовой сфере, требующих внесения соответствующих изменений и дополнений;
2. превалирования подхода, основанного лишь на изучении функционирования государственных органов и общественных организаций, специализирующихся на защите трудовых прав и законных интересов работников.

Актуальность исследования может быть обоснована на двух уровнях:

1. *отношения «работник-наниматель»* в аспекте действий работника в ситуации, когда наниматель нарушает его трудовые права и законные интересы;
2. *институциональная среда* в аспекте обеспечения правомочий работника в ситуации, когда наниматель нарушает его трудовые права и законные интересы, посредством развития юрисдикционных и неюрисдикционных средств, соответствующих актуальному состоянию рынка труда и доминирующей политике в экономике.

Актуальность изучения аспектов действий работника в ситуации, когда наниматель нарушает его трудовые права и законные интересы, обусловливается необходимостью понять, какие практики и неформальные нормы существуют в трудовой сфере на данном этапе общественного развития. В свою очередь, такое понимание позволит максимально эффективно обеспечить соблюдение трудовых прав и законных интересов работников с учетом тенденций в трудоправовой сфере, а также позволит избежать деформаций трудового поведения и, как следствие, социально-трудовых патологий различной степени тяжести. *Проблемный аспект* данного уровня актуальности имеет гносеологические корни, в частности, можно констатировать, что в Республике Беларусь развитие институциональной среды начинается не с изучения и учета практик и неформальных норм, существующих в трудовой сфере, а с изучения функционирования формальных институтов, специализирующихся на защите трудовых прав и законных интересов работников, которое, в свою очередь, ограничивается лишь статистическим учетом. Данный подход не обеспечивает роль государства как гаранта соблюдения трудовых прав и законных интересов работников.

Актуальность изучения аспектов обеспечения правомочий работника в ситуации, когда наниматель нарушает его трудовые права и законные интересы обусловливается спецификой рынка труда и доминирующей политикой в экономике. Так, в Республике Беларусь действует социально ориентированная рыночная экономика, которая основывается, с одной стороны, на актуализации в ее рамках социальной интенциональности, а, с другой стороны, ориентируется на актуализацию в ее рамках направлений, перечисленных в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., среди которых выделяются такие, как «формирование и развитие финансовых рынков и институтов, формирование крупных интегрированных структур, способных производить высококачественную продукцию с наименьшими издержками и содействующие мобилизации внутренних ресурсов, расширяющих возможности привлечения внешних инвестиций и выхода на мировой рынок, повышение эффективности законодательства и т.д.» [1, с. 142].

Актуализация социальной интенциональности в аспекте защищенности трудовых прав и законных интересов в процессе построения модели рыночной экономики основывается на развитии существующих институтов и (или) создании новых институтов. Следует отметить, что правомочия работника на действия по защите своих трудовых прав и законных интересов возведено в норму как в международном праве, общепризнанные принципы которого, согласно статье 8 Конституции Республики Беларусь, признаются Республикой Беларусь, так и в национальном праве, которое «приводится в соответствие с общепризнанными нормами международного права» [2]. Так, в абзаце пятом Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации, принятой Генеральной конференцией Международной организации труда на 86-й сессии в Женеве 18 июня 1998 г., значится, что «для усиления связей между социальным прогрес-

сом и экономическим ростом особые значение и смысл имеет гарантия соблюдения основополагающих принципов и прав в сфере труда, так как она позволяет заинтересованным лицам свободно и на равных условиях требовать своей справедливой доли в богатстве, созданию которого они помогали, а также дает им возможность полностью реализовать свой человеческий потенциал» [3].

Если рассматривать национальное право Республики Беларусь, то следует акцентировать внимание на Основном законе – Конституции Республики Беларусь и Трудовом кодексе Республики Беларусь. Так, абзац третий статьи 41 Конституции Республики Беларусь гласит, что граждане имеют право на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы, заключение коллективных договоров (соглашений) и право на забастовку. В качестве одной из основных задач Трудового кодекса Республики Беларусь, зафиксированной в статье 3 названного кодекса, выступает установление и защита взаимных прав и обязанностей работников и нанимателей. Не вдаваясь в иные юридические тонкости гарантированности правового регулирования и охраны трудовых прав и законных интересов работников, следует подчеркнуть, что в Республике Беларусь существует достаточно развитый механизм обеспечения трудовых правоотношений (в том числе в аспекте защиты трудовых прав и законных интересов субъектов труда). В этот механизм входят как отдельные нормы, так и институты, субинституты и подотрасли права, регулирующие и охраняющие порядок «де-юре» в сфере труда (к примеру, в этот порядок входят деятельность профессиональных союзов, деятельность судебных органов, а также органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде).

Несмотря на изложенное, можно констатировать наличие *проблемного аспекта* данного уровня актуальности, основанной на том, что на территории Республики Беларусь действует система формальных институтов, специализирующихся на защите трудовых прав и законных интересов работников посредством установленных законодательством юрисдикционных средств, однако данные юрисдикционные средства используются работниками не в полной мере в ситуации нарушения нанимателем их трудовых прав и законных интересов в силу превалирования определенного типа правовой ситуации. Данный тип правовой ситуации замечательно описывается в рамках теоретической типологии правовых ситуаций, которая выделена Т. И. Заславской и М. А. Шабановой, в частности, один из типов правовой ситуации указанных авторов сформулирован следующим образом: «Формально-правовые нормы носили и продолжают носить заведомо неправовой характер или устарели и не отвечают новым реалиям, в то время как социокультурные нормы, утвердившиеся в сознании общества, носят модернизационный характер. В этом случае выполнение неправовых или устаревших юридических норм выступает как законная, но неправовая и деструктивная практика, а нарушение этих норм – как противозаконное, но конструктивное, социально оправданное и поэтому правовое действие» [4, с. 10].

Таким образом, актуальность и проблемное поле в изучении защиты трудовых прав работников могут быть обоснованы как на уровне действий работника в ситуации, когда наниматель нарушает его трудовые права и законные интересы, так и на уровне обеспечения правомочий работника в ситуации, когда наниматель нарушает его трудовые права и законные интересы.

Библиографический список

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; Редколлегия : Я. М. Александрович и др. Мн. : Юнипак. С. 142.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Бела-

русь. – Минск, 2015.
3. Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации [Электронный ресурс] : [принята Генеральной конференцией Международной организации труда на 86-й сессии, Женева, 18 июня 1998 года] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.
4. Заславская, Т. И., Шабанова М. А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2006. – № 6. – С. 1–32.

ОСОБЕННОСТИ РЕЭМИГРАЦИИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. И. Амбражевич,
магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В соответствии с данными официальной статистики, результатами республиканского социологического исследования можно предположить, что тенденция убытия квалифицированных кадров из Беларуси в ближайшие 10–20 лет может значительно возрасти, что может стать причиной недостатка рабочей силы в определенных отраслях производства, нанести ущерб развитию секторов стратегического значения, связанных с интенсивным использованием рабочей силы (например, сектор информационных технологий). Проблема усугубляется тем, что в республике практически отсутствуют меры по сдерживанию эмиграции высококвалифицированных кадров, а имеющиеся меры проявляют недостаточную эффективность; не разработаны меры по созданию условий для реэмиграции в страну высококвалифицированных специалистов и перспективных научных работников. Очевидно, что в современной ситуации необходимо не только изучить инструменты управления международной трудовой миграцией, но и дополнить традиционные подходы к регулированию миграции, опиравшиеся исключительно на государственные инструменты, социологическим инструментарием, позволяющим корректировать миграционную политику на основе изучения экономических интересов, потребностей, миграционных настроений и миграционного поведения населения республики с выходом на социологический анализ социально-демографических, социально-профессиональных и личностных характеристик, обусловливающих большую или меньшую предрасположенность работников к трудовой эмиграции и реэмиграции.

Фактором, структурное построение которого влияет на преобладание того или иного типа реэмиграции, выступает адаптационное поведение трудовых эмигрантов. Адаптационное поведение есть действие, влияющее на тип реэмиграции, выступающее, с одной стороны, проявлением способности трудового эмигранта к перемещениям исходя из его социально-демографических, социально-профессиональных и личностных характеристик, с другой стороны, отражением объективных условий труда, способствующих или препятствующих этим перемещениям. В основу анализа особенностей адаптации трудовых мигрантов положена теория американского социолога У. Томаса и польского социолога Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», не используемая до сих пор в отечественной социологической науке [2; 3]. В авторском варианте анализа особенностей адаптации трудовых эмигрантов степень совпадения ценностей индивида с групповыми ценностями свидетельствует о социальной цене его адаптации. Решающими являются: материальные (экономические), профессиональные, социальные изменения. Цена адаптации в данном случае – это результат адаптационного поведения, связанный с повышением, снижением или сохранением социального, экономического и профессионального статуса трудового мигранта.

В результате авторского социологического исследования трудовых эмигрантов из Беларуси[1] выявлены следующие типы адаптационного поведения: прогрессивный, консервативный, регрессивный. Трудовые эмигранты, демонстрирующие *прогрессивный тип* адаптационного поведения (73,3 %) проявляют ярко выраженные профессиональные интересы. Для данного типа характерно стремление повысить квалификацию, с целью повышения профессионального уровня, получения лучшего место работы, продвижения по служебной лестнице. При возникновении материальных проблем представители данного типа используют стратегию повышения свой возможный доход всеми возможными способами. Трудовая эмиграция является выгодной для респондентов с этим типом в финансовом, профессиональном, социальном и жилищном планах. Трудовые эмигранты с *консервативным типом* адаптационного поведения (24,4 %) высоко оценивают эмиграцию лишь в финансовом плане, в отношении к профессиональному, социальному и жилищному планам наблюдается понижение оценки результативности. Для представителей этой группы характерны высокие оценки удовлетворенности размером заработной платы, отношениями в коллективе. При возникновении материальных проблем представители данного типа демонстрируют пассивный тип экономическое поведение – снижают уровень своих запросов и потребностей. Миграция для респондентов с *регрессивным типом* адаптационного поведения (2,3 %) является выгодной лишь в профессиональном плане, в финансовом, социальном и жилищном плане преобладают негативные оценки. Для этой группы характерны высокие оценки удовлетворенности отношениями в коллективе. Представители данного типа чаще других используют адаптивный тип экономического поведения, т.е. стараются жать по средствам.

В рамках социологического исследования авторский поход позволяет, во-первых, произвести общую оценку контингента трудовых мигрантов; во-вторых, оценить и выделить социально и экономически активных трудовых мигрантов; в-третьих, определить возможности реэмиграции. Трудовые мигранты, принадлежащие к группе с *прогрессивным типом* адаптационного поведения ориентированы на нулевой тип реэмиграции (66,4 %). Изменение данной стратегии происходит под влиянием сокращения заработной платы за границей (т.е. формируется под влиянием факторов страны реципиента). Учитывая тот факт, что прогрессивный тип адаптационного поведения проявляет ярко выраженные профессиональные интересы, а также характеризуется пониженными оценками профессиональных ожиданий, в качестве фактора реэмиграции можно использовать меры, направленные на профессиональное развитие работника (профессиональное обучение, повышение квалификации, участие в обучающих семинарах и конференциях, в т.ч. за рубежом). У трудовых эмигрантов с *консервативным типом* адаптационного поведения выявлено два преобладающих типа реэмиграции: нулевая реэмиграция (42,5 %), условная реэмиграция (31,5 %). Основным условием реэмиграции трудовых мигрантов с консервативным типом адаптационного поведения рост уровня заработной платы на родине. Трудовые мигранты, демонстрирующие *регрессивный тип* адаптационного поведения, проявляют ярко выраженный нулевой тип реэмиграции (100 %). Возвращение на родину представителей этой группы возможно при условии сокращения размера заработной платы за границей, росте уровня заработной платы на родине.

Таким образом, анализ значимости факторов реэмиграции позволяет дифференцировать социально-экономические мероприятия с целью реализации стратегии реэмиграции квалифицированных кадров с учетом типологических особенностей трудовых мигрантов (прогрессивный, консервативный, регрессивный тип). Обосновано, что заработная плата является основным материальным стимулом, побуждающим работников к сохране-

[1] Исследование состояло из серии онлайн интервью. Выборка строилась методом «снежного кома». Выбор данного метода построения выборки объясняется труднодоступностью объекта исследования – белорусских трудовых мигрантов в Германии. В процессе исследования проведено 300 интервью с трудовыми мигрантами из Беларуси, которые на данный момент живут и работают в Германии, сохраняя белорусское гражданство.

нию/изменению своего места работы. Однако, помимо него в качестве механизмов реэмиграции можно использовать меры, направленные на профессиональное развитие работника (профессиональное обучение, повышение квалификации, участие в обучающих семинарах и конференциях, в т.ч. за рубежом).

Библиографический список

1. Thomas, W. I., Znaniezki, F. Chlop polski w Europie i Ameryce. Organizacja grupy pierwotney / W. I. Thomas, F. Znaniezki. – Warszawa: Ludowa Spodzielnia Wydawnicza, 1976. – T.1. – S. 41–96.
2. Thomas, W. I., Znaniezki, F. Chlop polski w Europie i Ameryce. Organizacja i dezorganizacja w Ameryce / W. I. Thomas, F. Znaniezki. – Warszawa: Ludowa Spodzielnia Wydawnicza, 1976. – T.5. – S. 69–97.

ВЛИЯНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ НА РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Денисов,

магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Актуальность проблемы. На данный момент в Беларуси не проведено исследований по изучению влияния жилищных условий на рождаемость, которые бы позволили однозначно оценить значимость и механизм влияния этого фактора. Исходя из этого, тема публикации может быть признана как приемлемо нераскрытая, что дает основание предложить авторский подход к ее исследованию.

Методика и источники данных. В качестве источника данных для учета влияния жилищных условий на рождаемость использовались микроданные Национальной переписи населения Республики Беларусь 2009 года. Методика получения результатов включает несколько этапов. На первом этапе в качестве объекта анализа выбраны полные нуклеарные детные домохозяйства, проживающие в приватизированном жилье, без сожителей и родственников. Указанные характеристики выбраны для минимизациия статистических шумов при исследовании статистических закономерностей. На втором этапе использовался метод сравнения полярных типов. Анализ итоговой рождаемости показал, что наибольшие различия в рождаемости наблюдаются среди жителей сельской местности в приватизированных одноэтажных односемейных домах и жителей крупных городов в приватизированных односемейных квартирах. Таким образом, основные выводы были получены на основании сравнения этих двух полярных групп по уровню фертильности указанного типа домохозяйств. На третьем этапе было вычислено, насколько количество рожденных детей и вероятность рождения второго ребенка каждой из групп менялась при увеличении размера жилья на одну комнату.

В качестве репрезентативной группы жителей крупных городов взяты данные по указанному типу домохозяйств города Минска, как эталонного крупного города с типично низкой рождаемостью. Для расчета характеристик рождаемости сельского населения взяты все домохозяйства этой социальной группы указанного типа.

Результаты исследования. По итогам использования приведенной методики была получена таблица 1.

Перед тем как ее проанализировать, необходимо отметить, что метраж жилой площади помещений сравниваемых типов домохозяйств в сельской местности был несколько больше, чем в городе. Однако только для однокомнатных помещений это превышение было значительным и составило 23,2 % (около 10 метров кв.). Во всех остальных случаях оно было незначительным и этот фактор не мог сыграть значимой роли.

Таблица 1. **Зависимость деторождений от жилищных условий у жителей Минска (приватизированные квартиры) и жителей сельских населенных пунктов (приватизированные частные дома)**

Социальные Группы	Число комнат	Число детей на 100 детных семей	Вероятность рождения в семье не менее двух детей, %
Сельчане (приватизированные частные дома)	**1**	168	41%
	2	169	44%
	3	164	43%
	4	175	48%
	5+	192	46%
Минчане (приватизированные квартиры)	**1**	121	19%
	2	131	29%
	3	144	39%
	4	169	52%
	5+	174	53%

На основании приведенных данных можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в частных домах сельской местности вероятность рождения второго ребенка почти не зависит от жилищных условий и равна несколько более 40 %. Таким образом, на рождаемости этой группы почти не сказывается изменение площади с 45,8 до 142,2 метров квадратных, с одной комнаты до пяти. Только домохозяйства, проживающие в домах с пятью и более комнатами отличаются более высокой долей рождения детей третьей и более очередности. Но на вероятности рождения вторых детей это не сказывается.

Во-вторых, зависимость рождаемости минчан от жилищных условий существенно отличается от таковой у сельчан в частных домах. Так, фиксируется наличие высокой эластичности, близкой к линейной, по количеству комнат: при увеличении владения домохозяйства на одну комнату вероятность рождения второго ребенка изменяется в 1,25–1,34 раза. И только при достижении четырехкомнатного жилья рост вероятности рождения ребенка прекращается. Последний факт особенно интересен: вероятность рождения второго ребенка достигает максимума в условиях, когда на каждого члена домохозяйства с двумя детьми (а значит и на каждого ребенка) приходится по одной комнате. Начиная с четырехкомнатных квартир существенно изменяется вероятность рождения третьего ребенка и опять эффект достигает максимума к моменту, когда на каждого члена семьи (а значит и на каждого ребенка) приходится в среднем по одной комнате.

В-третьих, вероятность рождения второго ребенка в Минске становится сравнимой с сельской лишь при достижении жилищных условий равных четырехкомнатной квартире при среднем метраже 89,3 квадратных метра.

Чтобы объяснить столь существенные отличия во влиянии исследуемого фактора на указанные группы, в городе Минске был проведен выборочный опрос 344 детных домохозяйств. В контексте данной проблемы интерес представляют ответы на следующий вопрос: «Укажите минимальное количество комнат в своем доме / квартире, достаточное для Вашей семьи (включая Вас и Вашего партнера), чтобы Вы решились на рождение второго ребенка» (см. таблица 2).

Как следует из таблицы 2, среди значительной части минчан сложилось устойчивое представление, которое можно выразить максимой: «дополнительный ребенок – дополнительная комната». При этом только 2 % опрошенных считают однокомнатную квартиру достаточной для рождения второго ребенка. Таким образом, если экстраполировать указанные данные на всех минчан, то если бы они твердо придерживались своих представлений, то можно было бы ожидать, что не более 2 % вторых детей родятся в однокомнатной

квартире. Однако, как следует из таблицы 1, эта доля составляет 19 %. Почему эта величина несколько больше декларируемых потребностей и все же каждая пятая семья, проживающая в однокомнатной квартире, решается в таких условиях родить второго ребенка? Причина, очевидно, в том, что в зависимости от специфики биографической ситуации некоторые минчане готовы поступиться своими текущими требованиями к качеству жилищных условий проживания семьи. Однако для государства гораздо важнее, что большинство семей к этому не готовы.

Таблица 2. **Желаемое количество комнат в домохозяйстве для рождения второго ребенка у жителей города Минска**

Желаемое количество комнат в домохозяйстве	**Количество свободных комнат для одного ребенка**	**% указавших данные условия**
1 комната	0,25 комнаты	2%
2 комнаты	0,5 комнат	40%
3 комнаты	1 комната	53%
4 и более комнат	более 1 комнаты	5%

Представляется именно в этом и заключается ответ на вопрос, чем же механизм влияния жилищного фактора на рождаемость среди сельского населения отличается от механизма влияния на рождаемость жителей крупных городов. Хотя среди сельчан подобный опрос не проводился, можно предположить, что для них характерны, с одной стороны несколько иные потребности (а потому менее распространен стандарт «дополнительному ребенку – дополнительная комната»), с другой, что самое главное, по-видимому, там больше домохозяйств, которые соглашаются поступиться желаемым уровнем и качеством жизни в пользу рождения детей.

Выводы.

1. Изменение количество комнат и общего метража жилого помещения незначительно влияет на рождаемость в домах жителей сельской местности.

2. Изменение количества комнат и общего метража жилого помещения линейно влияет на рождаемость в квартирах городских жителей крупных населенных пунктов. Так, при увеличении владения домохозяйства на одну комнату вероятность рождения второго ребенка изменяется в 1,25–1,34 раза.

3. Можно назвать две основные причины различного влияния данного фактора на эти социальные группы: среди сельских домохозяйств меньше доля тех, которые придерживаются максимы «один ребенок – одна комната» и больше доля тех, которые готовы пожертвовать некоторым уровнем комфорта ради дополнительного деторождения.

4. Низкую рождаемость жителей крупных городов (то есть с численностью населения более 100 тысяч человек) вряд ли удастся существенно повысить без значимого увеличения уровня доступности жилья. Но так как в этих населенных пунктах проживает более 50 % населения страны, то под сомнением средне- и долгосрочные перспективы роста рождаемости всего населения Республики Беларусь.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Д. С. Строк,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В Республике Беларусь повышение уровня жизни населения является одним из приоритетных направлений социально-экономической политики. Для определения перспектив повышения уровня жизни необходимо всестороннее изучение различных аспектов уровня жизни населения, в том числе и теоретических подходов к изучению уровня жизни населения.

Однако существующие разногласия концептуальных подходов к определению феномена уровня жизни обусловливают методологические разногласия по перечню показателей уровня жизни, применяемым методикам изучения и их достоверности.

Первоначально в фокусе исследовательских интересов, связанных с изучением уровня жизни населения, были проблемы бедности населения. В европейской научной традиции выделяют 2 подхода: социал-дарвинистский и социал-уравнительный. Представители социал-дарвинистского подхода (Г. Спенсер, Ф. Гиддингс) считали неравенство и бедность не только естественным, но и полезным для общества явлением. Они видели в неравенстве движущую силу развития как общества в целом, так и отдельной личности. Их концепция основывалась на принципах борьбы за существование и неизбежности социального неравенства.

Представители эгалитаристского подхода видели в неравенстве и бедности ненормальное положение общества, с которым необходимо бороться. Бедность трактовалась как социальное зло, следствие определенного типа распределительных отношений (Э. Реклю) либо результат капиталистических производственных отношений и присвоения капиталистами прибавочной стоимости (К. Маркс и Ф. Энгельс). В качестве способа устранения бедности предлагался переход к общественной собственности на орудия и средства производства и всеобщему равенству. В рамках данных направлений была разработана первичная типология бедности, например, относительная и абсолютная бедность (Ж. Прудон).

Среди экономистов важную роль в разработке методологических основ изучения уровня жизни сыграли труды К. Маркса. По К. Марксу, который и ввел понятие «уровень жизни», «стоимость труда определяется в каждой стране традиционным уровнем жизни. Этот уровень предполагает не только удовлетворение потребностей физической жизни, но и удовлетворение определенных потребностей, порожденных теми общественными условиями, в которых люди находятся и воспитываются» [1, с. 150]. Исследованиями в области уровня жизни занимались С. Л. Брю, Дж. Кейнс, Ф. Котлер, А. Маслоу, С. Фишер. Зарубежные авторы разработали национальные модели уровня жизни, показатели оценки таких моделей, механизмы их регулирования.

Во второй половине XIX в. значимые наработки в исследование феномена уровня жизни внесло статистическо-социологическое направление (Ф. Ле-Пле, Ч. Бут и С. Раунтри). Проводимые представителями данного направления эмпирические исследования были направлены на выявление реальных критериев бедности, уровня доходов и удовлетворение потребностей основных социальных групп, нормы и стандарты, необходимые для поддержания определенного уровня работоспособности и здоровья. В рамках данного направления были разработаны первые статистические показатели измерения бедности и уровня жизни населения.

Во второй половине XIX в. и в России осуществлялись исследования бедности. Эмпирический материал содержится в публикациях экономсоциологов В. В. Берви-Флеровского, К. А. Пажитнова, М. И. Туган-Барановского, так как в ходе исследований первоначальных стадий развития капитализма в России они изучали быт и условия труда

наемных работников, механизмы оплаты труда, системы заводских лавок и т.д. Это позволило охарактеризовать показатели бедности и экономической и социальной дифференциации в уровне жизни рабочих, крестьян и других социальных групп населения.

В рамках данных исследований удалось прийти к пониманию того, что следует изучать объективную бедность, подразделяемую на абсолютную и относительную бедность на основе статистических данных, а также субъективную бедность, но уже на основе более развернутых социологических исследований, которые учитывали субъективные оценки населением своего материального положения.

П. Таунсенд в книге «Бедность в Великобритании» рассматривал бедность как состояние, при котором из-за нехватки экономических ресурсов ведение привычного для большинства членов данного общества образа жизни становится невозможным.

Вопросам изучения уровня жизни населения посвящены труды многих советских и российских экономистов: Н. И. Бузлякова, Е. И. Капустина, В. Ф. Майер и др. В своих работах экономисты изучали проблемы повышения уровня жизни, разработки и классификации индикаторов уровня жизни с учетом особенностей экономики СССР и России. Немалый вклад в изучение уровня жизни населения внесли советские и российские социологи: В. А. Литвинов, Н. А. Смирнова, А. А. Гулюгина, О. А. Алексеева, В. М. Жеребин, В. Н. Землянская, Н. М. Римашевская и др. Необходимо также выделить проведенные под руководством В. Н. Бобкова исследования Всероссийского центра уровня жизни.

В научной литературе в той или иной мере нашли отражение такие теоретически значимые вопросы, как содержание понятия «уровень жизни» и система его показателей, однако понятие «уровень жизни» трактуется совершенно по-разному. Рассмотрение уровня жизни с точки зрения потребления находит отражение во многих работах. Распространенным подходом к толкованию понятия уровня жизни является подход «от доходов населения». В официальных статистических материалах, в частности в сборниках Национального статистического комитета Республики Беларусь, к уровню жизни причисляются все показатели дохода: заработная плата, доходы от предпринимательской и иной деятельности, трансферты населению, доходы от собственности.

Существует множество различных определений «уровня жизни». Так, Е. Б. Поспелова дает следующее определение: «уровень жизни – это уровень материального благополучия индивида или семьи, определяемый количеством потребляемых благ» [2, с. 38–43].

По мнению В. Я. Иохина, «уровень жизни характеризует степень удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей населения. Уровень жизни определяется с одной стороны, количеством и качеством жизненных благ и услуг, используемых для удовлетворения потребностей населения, а с другой – степенью развития самих потребностей людей» [3, с. 343].

В. М. Жеребин и А. Н. Романов, авторы книги «Уровень жизни населения», предлагают следующее определение: «Уровень жизни – это степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, достигаемая за счет создаваемых экономических и материальных условий и возможностей, реализуемую через потребление и определяемую прежде всего соотношением уровня доходов и стоимости жизни» [4, с. 312].

Г. Н. Соколова и Н. Н. Сечко рассматривают уровень жизни как социально-экономическую категорию, выражающую «обеспеченность населения потребительскими благами, которые характеризуются количественными показателями, абстрагированными от их качественных значений» [5, с. 32].

Таким образом, проанализировав различные трактовки уровня жизни населения, необходимо рассматривать уровень жизни в узком и широком понимании.

В узком смысле уровень жизни выражается через характеристику уровня потребления населения и степени удовлетворения потребностей (измерение доходов, расходов и потребления населением благ и услуг). При изучении уровня жизни в узком смысле речь идет о материальных и важнейших духовных потребностях. Таким образом, в узком

смысле слова термин «уровень жизни» выражается в количестве и в качестве потребляемых человеком благ и услуг, или как отношение уровня доходов населения к стоимости жизни.

В широком понимании уровень жизни определяется как характеристика уровня человеческого развития (состояние здоровья и возможности населения для удовлетворения потребностей) и условий жизнедеятельности населения (состояние среды обитания и безопасности населения). Уровень жизни в данном аспекте рассматривается как совокупность социально-экономических условий жизнедеятельности, направленных на удовлетворение материальных и духовных потребностей населения.

Библиографический список

1. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 16. – 639 с.
3 Поспелова, Е. Б. Уровень жизни – главная составляющая социальной политики страны / Е. Б. Поспелова // Региональная экономика: теория и практика. – 2004. – № 1. – С. 38–43.
4 Иохин, В. Я. Экономическая теория: учебник / В. Я. Иохин. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 415 с.
5 Жеребин, В. М. Уровень жизни населения / В. М. Жеребин, А. Н. Романов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 544 с.
6 Соколова, Г. Н. Качество жизни населения Беларуси в контексте финансово-экономического кризиса / Г. Н. Соколова, Н. Н. Сечко // Социологические исследования. – 2013. – № 5. – С. 31–40.

СОЦИОЛОГИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

М. В. Оноприенко,

кандидат философских наук, Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины, г. Киев, xp-ua@mail.ru

На основе методологии анализа и прогнозирования динамики важнейших факторов научно-технологического развития, разработанной в Международном институте Питирима Сорокина и Николая Кондратьева Ю. В. Яковцом, С. Ю. Глазьевым, Б. Н. Кузыком, А. И. Агеевым [1], показано, что основные факторы научно-технологического развития (технологический, экономический, социально-политический, демографический, социокультурный, природно-экологический), которые определяют технологические уклады, остаются одинаковыми на всем их протяжении для разных стран и цивилизаций, но оценка значимости факторов менялась в истории. Используется схема укладов в интерпретации С. Ю. Глазьева [2].

Мировым лидером и инициатором промышленной революции *первого технологического уклада в конце XVIII – начале XIX веков* была Англия, среднегодовые темпы прироста ВВП в 1820–1870 гг. здесь составили 2,5 % при средних по Западной Европе 1,68 %, Восточной Европе 1,41 %, России 1,61 %, Японии 0,41 %, Китае 0,37 %, Индии 0,38 %, Африке 0,75 % и в среднем по миру 0,93 %. При этом в России наибольшее значение приобрели *технологический, экономический, демографический и социокультурный факторы*. Китайская, индийская, японская и латиноамериканская цивилизации существенно отставали в темпах технологического прогресса.

На следующем этапе, в период преобладания в авангардных странах *второго технологического уклада (1870–1913 гг.)*, лидерство перешло к США (3,94 % прироста ВВП), за ними следовала Германия (2,81 %), Великобритания (2,55 %), Швейцария (2,17 %), Норвегия (2,16 %), Швеция (2,11 %). Высокие темпы роста были достигнуты в Восточной

Европе (2,33 %), России (2,40 %), Латинской Америке (3,42 %), Японии (2,21 %), Африке (2,51 %). В состоянии технологического застоя находились Китай (0,56 %) и Индия (0,97 %). В целом по миру темпы прироста составили 2,11 % – в 2,3 раза выше, чем на предыдущем этапе. Решающую роль в таком прорыве сыграл *технологический* (электротехническая революция), *экономический* (повсеместное распространение режима свободной конкуренции, рыночного инновационного механизма), *демографический фактор* (темпы прироста населения выросли с 0,27 до 0,40 %), а также *природно-экологический факторы* (освоение электроэнергии, угля, затем нефти).

При преобладании *третьего технологического уклада (1913–1950* гг.*)*, темпы прироста ВВП в целом по миру замедлились с 2,18 до 1,83 %. Это было связано главным образом с неблагоприятным взаимодействием *социально-политического* (две мировые войны) и *экономическим факторов* (глубокий мировой кризис 1929–1930 гг.), что тормозило технический прогресс. Мировым лидером оставались США, но темпы прироста ВВП в них снизились с 3,94 до 2,84 %. Более высокие темпы наблюдались в Латинской Америке (3,42 %), Африке (2,57 %). Высокие темпы сохранились в Японии (2,21 %), и в СССР (2,15 %), несмотря на потери в период мировых войн. Темпы прироста ВВП в Западной Европе снизились с 2,11 до 1,19 %, в Восточной Европе с 2,33 % до 0,86 %. Экономика Китая находилась в состоянии деградации (-0,02 %) или застоя, (Индия, 0,23 %), а на душу населения падала соответственно на 0,62 % и 0,23 %.

В третьей четверти двадцатого века была достигнута вершина технологического и экономического прогресса индустриальной цивилизации и всех тысячелетий истории цивилизаций. Темпы прироста мирового ВВП повысились с 1,82 до 4,90 % (на душу населения с 0,88 до 2,92 %), основой чего стала научно-технологическая революция, освоение и распространение *четвертого технологического уклада (1950–1973 гг.)*, а также *рекордно высокие темпы прироста населения* (увеличение с 0,93 до 1,93 % среднегодового прироста). Огромную роль сыграло *освоение новых богатейших природных ресурсов*, а также отсутствие мировых войн. Мировое лидерство перехватили Япония (9,29 %) и Латинская Америка (5,38 %), вслед за ними шли Восточная Европа (4,84 %), Россия (4,84 %), Западная Европа (4,79 %), США (3,93 %). Высокие темпы прироста наблюдались в Китае (5,02 %), Индии (3,54 %), Африке (4,43 %). Научно-технический прогресс в полной мере отдавал свои плоды всему человечеству. Трудно было найти страну, не затронутую научно- технологической революцией.

Однако уже на следующем этапе, в период начала заката индустриального технологического способа производства и преобладания *пятого технологического уклада (1973–2001 гг.)*, который не смог дать такого скачка эффективности, как предыдущий уклад, мировые темпы прироста ВВП сократились с 4,90 до 3,05 % (на душу населения – с 2,92 до 1,41 % более чем вдвое). Выявились новые мировые лидеры - Китай (6,72 %) и Индия (5,12 %), прежнее лидерство утратила Япония (падение темпов прироста с 9,29 до 2,71 %). Снизились темпы прироста в Западной Европе (с 4,79 до 2.21 %), Восточной Европе (с 4,86 до 1,01 %), США (с 3,93 до 2,94 %), Латинской Америке (с 5,38 до 2,89 %), Африке (с 4,43 до 2,89 %). В состоянии деградации, глубокого цивилизационного кризиса оказалась евразийская цивилизация, где среднегодовые темпы падения ВВП составили 0,42 %, в результате кризиса 90-х годов.

В начале XXI века в большинстве цивилизаций темпы экономического роста продолжали падать под воздействием экономических кризисов 2001–2002 гг., 2008–2009 гг., вторая волна кризиса в 2011 г. Страны с высокими доходами, которые лидировали в XX веке и в которых при 16,5 % населения мира (1 117 млн. человек в 2009 г.) и сосредоточено 71,4 % мирового ВВП, имеют ярко выраженную тенденцию к падению среднегодового темпа прироста ВВП – с 3,3 % в 80-е годы до 2,7 % в 90-е годы и 2,0 % в 2001–2009 гг.; США 3,5; 3,6; 2,0; зона евро – 2,4; 2,1; 1,5; Великобритании – 3,2; 2,8; 2,0; Япония – 4,1; 1,0; 1,1. Именно эти страны воплощают закат индустриальной цивилизации, адекватного ему технологического способа производства и оказывают определяющее влияние на ди-

намику мировых темпов роста (3,3; 2,9; 2,9).

Противоположные тенденции наблюдаются в странах со средним уровнем развития, в которых сконцентрировано в 2009 году 71 % населения мира и 17,3 % мирового ВВП. Локомотивами являются Китай (10,3; 10,6; 10,9 %), Индия (5,7; 5,9; 7,9 %), суммарная доля которых в населении мира составляет 36,6 % и в мировом ВВП – 26,2 %. Повышаются темпы роста в странах Среднего Востока и Северной Африки (3,0; 3,8; 4,7) и Латинской Америки (1,7; 4,2; 3,8). Неравномерны темпы роста в странах с низкими доходами, которые в 2009 году составляли 12,5 % населения мира, производили всего 0,74 % мирового ВВП, темпы прироста ВВП здесь составили в 80-е годы 4,5 % (тогда к ним относилась и Индия), в 90-е годы 3,1 % и в 2001–2009 гг. 5,4 %; в Африке южнее Сахары – 1,6; 2,5; 5,1.

В 50-е годы, несмотря на большие потери, понесенные в период Великой Отечественной войны, СССР входил в число мировых лидеров по темпам прироста ВВП, но в 1960–70-е годы постепенно утратил свои преимущества, в 80-е годы вступила в период застоя, а в 90-е годы оказалась в тисках глубокого цивилизационного кризиса.

В 1950-е годы факторы экономического роста и научно-технологического развития действовали неравномерно. В СССР высокими темпами осваивался 4-й технологический уклад, высокими темпами развивалась наука, опережающими темпами развивался военно-промышленный комплекс в обстановке «холодной войны». ВВП рос со скоростью 7,7 %, промышленное производство – 9,7 %, производительность труда 2,6 %, товарный экспорт 12,6 % в год, сельское хозяйство (0,6 % прироста). Темп прироста числа занятых, был невысоким (0,6 %), главными факторами роста были технологический и экономический (крупные вложения государства в развитие науки и техники). Этому способствовали социально-политический и социокультурный факторы.

Однако в 1960-е – 80-е годы тенденции меняются в худшую сторону. В этот период замедлились темпы, и снизилась эффективность научно-технологического прогресса, наблюдалось отставание в освоении пятого технологического уклада, значимость технологического фактора падала, равно как и экономического фактора в связи с усилением консервативных тенденций, сворачивании косыгинской реформы. Неблагоприятными были *социально-политический и социокультурный факторы* (брежневский застой), хотя *демографический фактор оставался благоприятным*.

В 90-е годы кризис разразился с небывалой для мирного времени силой. *Все шесть факторов экономического и научно-технологического развития приобрели отрицательные значения*. Особенно чувствительный удар в результате распада СССР и неолиберальных рыночных реформ был нанесен по технологическому и экономическому факторам, произошла технологическая деградация экономики, резко упала производительность труда, был свернут военно-промышленный комплекс, сокращена поддержка науки и сельского хозяйства, прекращена поддержка инноваций. Сократилась численность населения, резко выросла безработица, реальные доходы населения упали в 2,5 раза.

В результате в 90-е годы на постсоветском пространстве ВВП сокращался со скоростью 6,5 % среднегодовых, производительность труда 5,8 %, сельское хозяйство 1,8 %, товарный экспорт 5,3 % в год. Страны постсоветского пространства были отброшены на 15–20 лет назад и поставлены на грань цивилизационной катастрофы.

В начале XXI века удалось остановиться у края пропасти и переломить тенденции. В 2001–2005 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП составили 6,2 % в основном за счет природно-экологического фактора, расширения экспорта минеральных ресурсов (рост цен на товары российского экспорта, приток мировой горной ренты) и социально-политического фактора. Технологический, экономический и социокультурный факторы в минимальной степени содействовали перелому тенденций.

Главный путь перелома этой критической ситуации и обеспечения более высоких и устойчивых темпов экономического роста и научно-технологического развития, в перспективе ближайших десятилетий – интенсивное использование трех главных факторов:

технологического (ориентация на инновационно-прорывной сценарий, освоение шестого технологического уклада), *экономического* (переход к инновационному типу развития экономики, крупные вложения в инновационную модернизацию экономики на базе шестого уклада), *социально-политического* (крупномасштабная поддержка базисных инноваций) и *социокультурного* (опережающее развитие науки, инновационный характер образования) факторов.

Библиографический список

1. Анализ факторов научно-технологического развития в контексте цивилизационных циклов // Под ред. Ю. В. Яковца, В. Л. Абрамова. – М: МИСК, 2012. – 456 с.
2. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: Владар, 1993. – 167 с.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ

Е. Н. Васильева,
кандидат социологических наук, доцент,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Понятие экономической активности раскрывается в следующих подходах. Первое направление можно назвать инструментальным, так как понятие экономической активности используется в статистике как показатель соотношения занятых и безработных трудоспособного возраста (см. Рощин, Фаузер, Цацулин и др. [5; 7]).

Второе направление полностью противоположное первому – социально-психологическое. Ротманова определяет экономическую активность как сложное многокомпонентное образование, самовыражение личности в экономических отношениях [4].

Третье направление – акцент делается на формирование условий развития экономической активности молодежи, примером может служить исследование социально-экономической активности молодежи Алтайского края [2]. Авторами проделана обширная работа, в результате которой они пришли к выводу, что в процессе интеграции молодежи в сферу занятости формируются устойчивые адаптивные экономические стратегии поведения.

С нашей точки зрения, экономическая активность понятие, близкое к традиционным социологическим понятиям – экономическое действие, экономическое поведение, трудовое поведение и является результатом взаимодействия социальных субъектов индивидуального и институционального уровня. Разложив понятие активности на элементы, получим следующую систему – акт; действие; действие, направленное на конкретную цель; система действий, направленных на конкретную цель; воспроизводящаяся система действий, направленных на конкретную цель; воспроизводящаяся насыщенная система действий, направленных на конкретную цель; постоянно воспроизводящаяся насыщенная система действий, направленных на конкретную цель, т.е. практика. Далее мы выявили уровни экономически активного населения. Высшего уровня: предприниматели (бизнесмены), руководители высшего среднего и звена, акторы, занятые на нескольких работах. Среднего уровня: акторы со стабильной занятостью. Низшего уровня: акторы с нисходящей карьерой, безработные. Однако встает закономерный вопрос – зависит ли уровень экономической активности от востребованности у актора новых знаний.

При поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014.6) «Социокультурные факторы и субъекты формирования экономической и инновационной активности молодежи в современной России» было проведено социологическое исследование. Эмпирической базой при определении структуры генеральной совокупности являлись данные Феде-

ральной службы государственной статистики и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. Использовалась квотная выборка, квотирование по полу и возрасту. В соответствии с процентным соотношением в генеральной совокупности были опрошены респонденты в возрасте от 18 до 70 лет. Объем выборки 2068 человек. Основной метод исследования - анкетный опрос.

Первое, что мы определили, востребованность в новых знаниях у населения Волгоградской области (см. табл. 1–7). Интересно, что корреляции с полом и возрастом слабые или отсутствуют, исключение составляют данные Таблица 5, где учащаяся молодежь была основным потребителем знаний, так как остальные возрастные категории, в основном, завершили процесс образования.

Таблица 1. **Востребованность новых знаний на месте постоянной работы**

	%
Ничего нового не узнаю	8,6
Очень редко узнаю что-то новое	15,3
Не участвую в этой сфере (не работаю, не учусь, не общаюсь и т.д.)	27,2
Периодически получаю новые знания	28,9
Постоянно узнаю что-то новое	20,0
Итого	99,9
Пропущенные	0,1
Итого	100

Таблица 2. **Востребованность новых знаний в домашнем хозяйстве**

	%
Ничего нового не узнаю	11,1
Очень редко узнаю что-то новое	34,5
Не участвую в этой сфере (не работаю, не учусь, не общаюсь и т.д.)	5,0
Периодически получаю новые знания	39,1
Постоянно узнаю что-то новое	10,3
Итого	99,9
Пропущенные	0,1
Итого	100

Таблица 3. **Востребованность новых знаний при общении с друзьями**

	%
Ничего нового не узнаю	3,4
Очень редко узнаю что-то новое	21,3
Не участвую в этой сфере (не работаю, не учусь, не общаюсь и т.д.)	2,9
Периодически получаю новые знания	52,9
Постоянно узнаю что-то новое	19,3
Итого	99,9
Пропущенные	0,1
Итого	100

Таблица 4. **Востребованность новых знаний в социальных сетях**

	%
Ничего нового не узнаю	7,4
Очень редко узнаю что-то новое	13,2
Не участвую в этой сфере (не работаю, не учусь, не общаюсь и т.д.)	26,7
Периодически получаю новые знания	31,3
Постоянно узнаю что-то новое	21,3
Итого	99,9
Пропущенные	0,1
Итого	100

Таблица 5. **Востребованность новых знаний в процессе получения образования**

	%
Ничего нового не узнаю	5,4
Очень редко узнаю что-то новое	9,2
Не участвую в этой сфере (не работаю, не учусь, не общаюсь и т.д.)	45,6
Периодически получаю новые знания	23,3
Постоянно узнаю что-то новое	16,5
Итого	99,9
Пропущенные	0,1
Итого	100

Таблица 6. **Востребованность новых знаний при обращении в СМИ**

	%
Ничего нового не узнаю	2,6
Очень редко узнаю что-то новое	12,8
Не участвую в этой сфере (не работаю, не учусь, не общаюсь и т.д.)	3,1
Периодически получаю новые знания	44,3
Постоянно узнаю что-то новое	37
Итого	99,9
Пропущенные	0,1
Итого	100

Таблица 7. **Востребованность новых знаний в хобби**

	%
Ничего нового не узнаю	10,8
Очень редко узнаю что-то новое	16,5
Не участвую в этой сфере (не работаю, не учусь, не общаюсь и т.д.)	26,5
Периодически получаю новые знания	30,8
Постоянно узнаю что-то новое	15,4
Итого	99,9
Пропущенные	0,1
Итого	100

На втором этапе работы, мы проверили гипотезу: чем выше уровень экономической активности, тем выше востребованность в знаниях в разных сферах деятельности. Гипотеза подтвердилась: интенсивность 1 уровня: интересы: рост уровня профессиональных знаний, повышение уровня доходов за счет собственных усилий. Результат: инновационный творческий подход к деятельности; восходящая мобильность; рисковое поведение. Интенсивность 2 уровня: интересы: получение знаний в областях несвязанных с профессиональной сферой; стабильный доход за счет собственных усилий и помощи близких. Результат: исполнительность в деятельности; горизонтальная мобильность; предсказуемое поведение. Интенсивность 3 уровня: интересы: нет заинтересованности в получении новых знаний, так как не удовлетворены первичные потребности, повышение уровня доходов за счет государственной или иной помощи. Результат: неудовлетворенность собственной деятельностью и деятельностью окружающих; нисходящая мобильность, агрессивное поведение. Таким образом, экономическая активность может анализироваться через корреляции: с уровнем образования, затраченными на образования средствами, получаемым объемом информации.

Библиографический список

1. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
2. Гончарова, Н. П. Социально-экономическая активность молодежи Алтайского края как стратегия адаптации к условиям кризиса / Н. П. Гончарова, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко, Г. С. Авдеева // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2010. – № 12 (74). – С. 84–89.
3. Ротманова, Н. В. Экономическая активность как системообразующий фактор интегральной индивидуальности / Н. В. Ротманова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2011. – № 9. – С. 43–44.
4. Рощин, С. Ю. Экономическая активность и предложение труда молодежи в России / С. Ю. Рощин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2003. – № 1. – С. 31–38.
6. Фаузер, В. В. Экономическая активность и занятость населения в северных регионах России / В. В. Фаузер, Г. Н. Фаузер // Часопис економічних реформ. – 2014. – № 1. – С. 88–94.
7. Цацулин, А. Н. Подходы к экономическому анализу комплексной инновационной активности / А. Н. Цацулин // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2013. – № 2 (80). – С. 12–21.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ К ПОСТРОЕНИЮ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

С. П. Романова,

кандидат социологических наук, доцент,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Вопросы благополучия и процветания населения страны не одно тысячелетие занимали умы выдающихся философов, политиков, идеологов, ученых, общественных деятелей и обычных граждан. Всех их, так или иначе, можно разделить на два «лагеря» – одни основополагающую роль в построении наиболее справедливого, успешного общества и обеспечении основ для благосостояния его членов возлагали на государство; другие были убеждены, что каждый в обществе должен «ковать свое счастье сам», не рассчитывая принципиальным образом на чью-то безвозмездную помощь. В русле этих рассуждений в

обществознании в XX веке появилось понятие государства всеобщего благосостояния[1], обозначающее то, что существует в обществах, в которых есть рынок товаров, услуг и труда, и в которых правительство занимает принципиальную позицию, согласно которой без его вмешательства не могут нормальным образом обеспечиваться основополагающие потребности населения в таких вещах, как здравоохранение, образование, жилье и доход. Важная роль государства всеобщего благосостояния – это управление рисками, с которыми сталкиваются люди в течение своей жизни: болезни, нетрудоспособность, потеря работы и пожилой возраст. Одни страны имеют высоко развитые системы социального обеспечения и отводят большую часть государственного бюджета на них, другие – придерживаются принципа минимализма. Такие различия имеют место отчасти из-за того, что политики и ученые продвигают противоположные взгляды на то, какой должна быть роль системы государственного социального обеспечения. В результате в сфере науки и практики сформировались отдельные направления, занимающиеся концептуальным осмыслением и разработкой практических стратегий реализации проекта под названием «государство всеобщего благосостояния». Предлагаем кратко рассмотреть наиболее известные подходы – социал-демократический, марксистский, рыночного либерализма, новых лейбористов и феминистский.

Социально-демократические взгляды на государство всеобщего благосостояния (см., например, работы Г. Маршалла, Р. Титмусса) опираются на следующие принципы: 1) капиталистическое индустриальное общество рассматривается как основанное на эксплуатации рабочего класса; избавление от несправедливостей капиталистической системы возможно без революций, посредством демократических процессов, включающих деятельность профсоюзов и участие в парламентской демократии; 2) классовая структура становится все более сложной и все менее поляризованной за счет развития государственного сектора занятости и увеличения среднего класса; 3) именно государственное вмешательство позволяет посредством постепенных реформ корректировать ситуации, связанные с проблемами индустриального капиталистического общества, снимая элементы социального напряжения, вызываемые действием свободной рыночной экономики; 4) развитие мощного государства всеобщего благосостояния непосредственно связано с последовательным распространением гражданских прав – свободы личности (свободы человека, слова, мысли и вероисповедания, право на частную собственность и правосудие), политические права (право на участие в осуществлении политической власти) и социальные права.

Несмотря на критику социал-демократических идей в области построения государства всеобщего благосостояния отметим, что такие, на первый взгляд наивно оптимистические, социалистически утопические идеи легли в основу принципов универсального социального обеспечения многих современных стран и активно реализуются на уровне политических программ, законодательных систем и практики государственных органов ряда стран.

Современные **социологи-марксисты,** занимающиеся разработкой принципов государства всеобщего благосостояния, заняли достаточно радикальную позицию (см., например, работы Н. Гинзбурга). Допуская возможность некоторой автономии государства всеобщего благосостояния от прямого правления капиталистов, утверждается, что долгосрочные интересы всего правящего класса будут непосредственно отражаться на системе социальной поддержки граждан. В рамках современного марксизма выделяются базовые функции государства всеобщего благосостояния: 1) функция сдерживания сопротивления и революционного потенциала рабочего класса под видимостью оказания ему помощи, перераспределения доходов от богатых к бедным, реализации принципов справедливости; 2) функция помощи населению в форме пособий, социальных услуг и выплат, направленных на поддержание в здоровом и обученном состоянии резервной армии труда,

[1] Welfare state (англ.)

которая может понадобиться капиталистам в периоды экономического подъема (и сохранение благодаря такой системе заниженной оплаты труда работников); 3) функция поддержания патриархального уклада в семье через закрепление образов «мужчины-кормильца» и «женщины-домохозяйки и матери» (что позволяет дисциплинировать мужчин-работников и одновременно ограничивает трудовые возможности женщин-работниц); 4) функция обслуживания капитализма, сглаживания проблем, порождаемых резкими экономическими спадами и подъемами.

Представители **рыночного либерализма** скорее заняли позицию критики государства всеобщего благосостояния за нанесение вреда интересам капиталистов, нежели хвалят его за те или иные выгоды (см. например, работы Д. Марслэнда, П. Алькока). Изначально течение рыночного либерализма выступало за свободную, открытую, конкурентную рыночную экономику, на которую государство не должно никаким образом влиять. Рыночные механизмы эффективно поощряют конкуренцию и мотивацию, которые делают возможным свободное удовлетворение нужд потребителей. Государство же всеобщего благосостояния приводит к тому, что правительство начинает накапливать власть, которая создает помехи свободе индивидов, ограничивая ее. Рыночные либералы выступают за минималистское государство всеобщего благосостояния – того, которое поддерживает только самое необходимое для предотвращения основных социальных проблем. При этом некоторые представители данного направления занимают более жесткую позицию, рассматривая практически все элементы государства всеобщего благосостояния как излишние или даже вредные (см., например, работы Дж. Бартоломео).

В основе взглядов на государство всеобщего благосостояния **новых лейбористов** лежат идеи, разработанные ведущим британским социологом Э. Гидденсом, которые известны под общим названием «Третий путь». Здесь акцент сделан на равенстве возможностей, а не на равенстве результата, при котором вознаграждения рассматриваются в качестве оценки заслуг, а не универсального права. Принципу справедливости при этом не противоречит наличие в обществе более успешных, богатых, благополучных, чем остальные, членов общества. Подобно рыночным либералам, сторонники Третьего пути считают, что государственные расходы должны быть ограничены, нежелательно повышение налогов. Тем не менее, новые лейбористы считают вмешательство государства в экономику и общество очень важным. Только опираться оно должно на принцип активного социального обеспечения, т.е. людям нужно оказывать содействие, когда это им крайне необходимо, но нельзя ставить их в зависимость от помощи. Основным результатом функционирования государства всеобщего благосостояния должны быть граждане, которые прочно стоят на своих ногах, чувствуя уверенность в своих силах, не испытывая зависимости от социального обеспечения (см. например, работы Р. Пэйджа).

Все рассмотренные нами выше подходы к анализу государства всеобщего благосостояния были подвергнуты критике со стороны **феминизма**. Существуют значительные различия по вопросам социальной политики и социального обеспечения между представителями течений феминизма, но все они в критике сходятся по трем ключевым позициям: 1) полное игнорирование гендерных проблем в рамках всех остальных направлений, которые разрабатывались в основном мужчинами; 2) доминирование внимания к производству и формальной экономике труда и отсутствие интереса к системе воспроизводства человека и неформальной экономике неоплачиваемого домашнего труда; 3) необходимость выделения специфики принципов функционирования государства всеобщего благосостояния по отношению к женщинам – основным потребителям социальных услуг.

Можно выделить ряд тем, которые проходят лейтмотивом в работах западных исследователей, придерживающихся принципов феминизма в анализе государства всеобщего благосостояния в целом и систем социального обеспечения, в частности: 1) женщины как бесплатная или низкооплачиваемая резервная армия труда; 2) система социального обеспечения, которая не только экономически и психологически угнетает, но и формирует феномен зави-

симости женщины от членов ее семьи и системы государственной поддержки; 3) ориентация современных государств на удовлетворение потребностей скорее мужчин, нежели женщин; 4) общее социальное неравенство мужчин и женщин как работников.

Оценивая идеи, разработанные в рамках рассмотренных направлений, следует хотя бы в общих чертах обозначить авторскую позицию. Полагаем, что в реалиях современного мира и исходя из условий, сложившихся в нашей стране, следует придерживаться умеренных реформистских либеральных взглядов. Мы не считаем, что при построении белорусского аналога «государства всеобщего благосостояния» целью должно быть создание системы уравнительного распределения благ, не хотим и не ожидаем, что государство будет брать на себя больше, чем есть, ответственности за благополучие граждан, вводя ограничения на их инициативу или сужая спектр их возможностей. Прежде всего, государство должно обеспечивать своих граждан системой безопасности и социальной помощи «с рождения до смерти», не вынуждая их становиться зависимыми от системы социального обеспечения. Это возможно только в том случае, если в структуре институциональных видов деятельности будет предусмотрена индивидуальная свобода и эффективная система поощрения для такого добровольного социально активного поведения людей, которое бы позволило им самим обеспечивать себя и свои семьи достойным уровнем жизни.

Библиографический список

1. Bartholomew, J. The Welfare State We're In / J. Bartholomew. – London: Politico's, 2006.
2. Briggs, A. The welfare state in historical perspective // Pierson, C., Castles, F.G. (eds.) The Welfare State Reader. – Cambridge: Polity Press, 2000.
3. George, V. Welfare and Ideology / V. George, P. Wilding. – London: Harvester Wheatsheaf, 1994.
4. Giddens, A. Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics / A. Giddens. – Cambridge: polity Press, 1994.
5. Ginsburg, N. Class, Capital and Social Policy / N. Ginsburg. – London: Macmillan, 1979.
6. Page, R.M. Labour governments and the welfare state: past and present // Holborn, M. (ed.) Developments in Sociology. – Vol. 21. – Ormskirk: Causeway Press, 2005.
7. Pierson, C. Beyond the Welfare State: The New Political Economy of Welfare / C. Pierson. – 3rd edn. – Cambridge: Polity Press, 2006.

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ[1]

Е. С. Васильев,

кандидат экономических наук,

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Волгоград

Успешное развитие, прогресс стран как в экономической, так и в социальной сферах в последнее время принято связывать с инновациями в том или ином роде [1, С. 138–139]. Правительством Российской Федерации в 2011 году была утверждена «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020», которая в достаточной мере определяет цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики. [2] Стратегия задает долгосрочные ориентиры развития субъектам инновационной деятельности, а также ориентиры финансирования сектора фундаментальной и прикладной науки и поддержки коммерциализации разработок.

[1] [1]Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МК-2659.2014.6)

Сбор статистической информации по инновационной деятельности на территории Российской Федерации официально осуществляется Федеральной службой государственной статистики в рамках регулярного федерального статистического наблюдения на основе форм статистической отчетности организаций[3].

Обратимся к предоставленным статистическим данным, позволяющим провести анализ динамики инновационной деятельности российской экономики в целом (рис. 1).

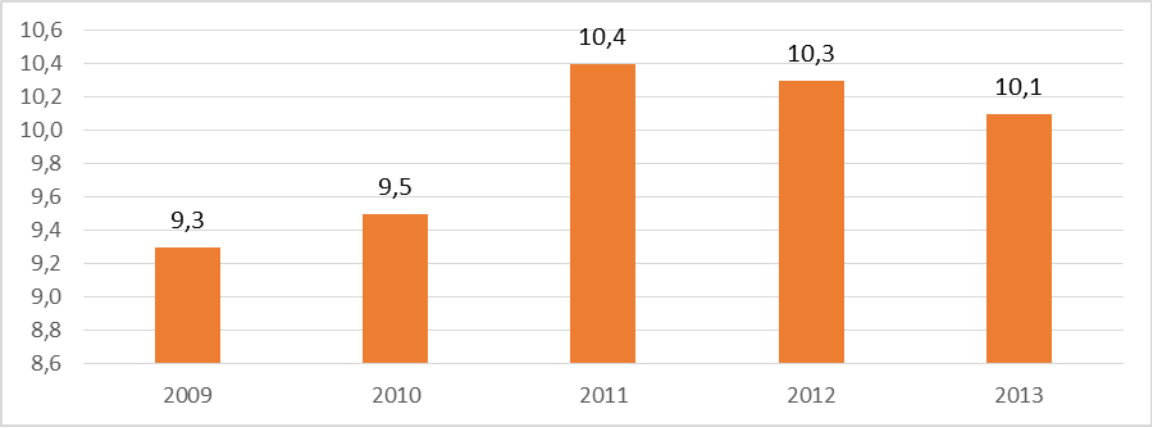

Рис. 1. Инновационная активность организаций в РФ, 2009–2013 гг., % (Составлено автором)

Пик активности как видно пришелся на 2011 год, когда была зафиксирована максимальная инновационная активность – 10,4 %. Рост с 2009 года составил 1,1 %. На протяжении последних трех лет наблюдается определенный спад инновационной активности. Однако, данный период можно назвать как период стабилизации, потому что снижение активности в области инноваций произошло лишь на 0,3 %.

Обратимся к более детализированным данным, которые позволят оценить какой объем в произведенных товарах и оказанных услугах является инновационным (рис. 2).

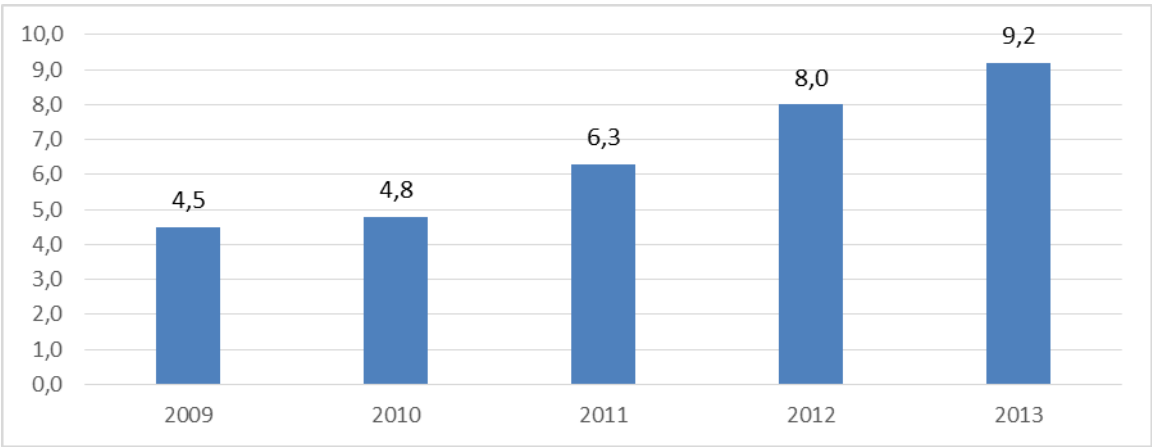

Рис. 2. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, 2009–2013 гг., % (Составлено автором)

Полученные данные позволяют более оптимистично взглянуть на существующую ситуацию. Если процент организаций в той или иной мере проявляющих инновационную активность снижается начиная с 2011 года, то количество инновационных результатов их деятельности наоборот растет. Эти данные подтверждаются и абсолютными показателями, которые показывают, что с начала 2011 года объем реализации у предприятий вырос на 14,7 %, а конкретно объем инновационных товаров на 66,5 % (рис. 3).

На основе приведенных данных можно сделать осторожный вывод описывающий ситуацию с инновационной активностью на территории Российской Федерации. Несмотря

на снижение количества организаций проявляющим инновационную активность объем инновационных товаров напротив растет. Объяснением данного процессу может послужить то, что на рынке инновационных предприятий остаются только те, кто оказывается в достаточной мере активен и, что не маловажно, успешен.

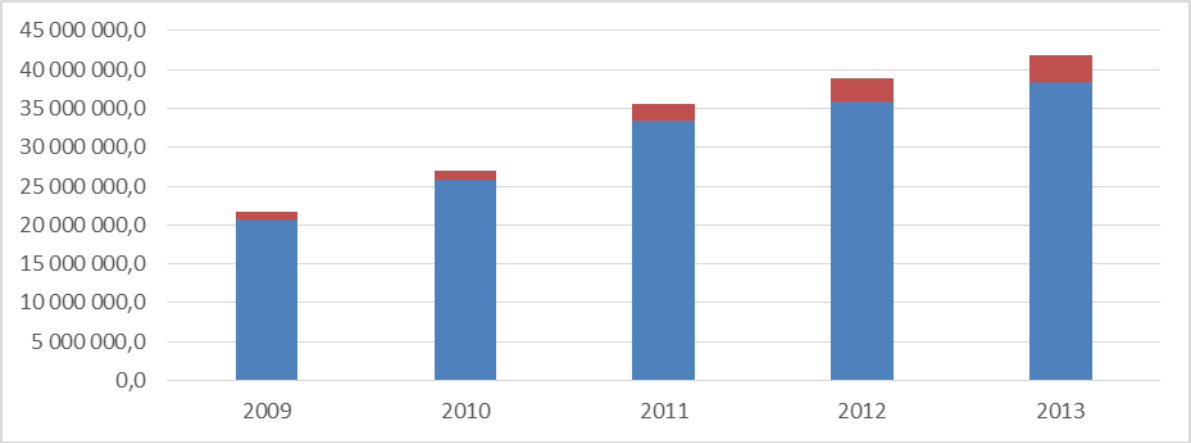
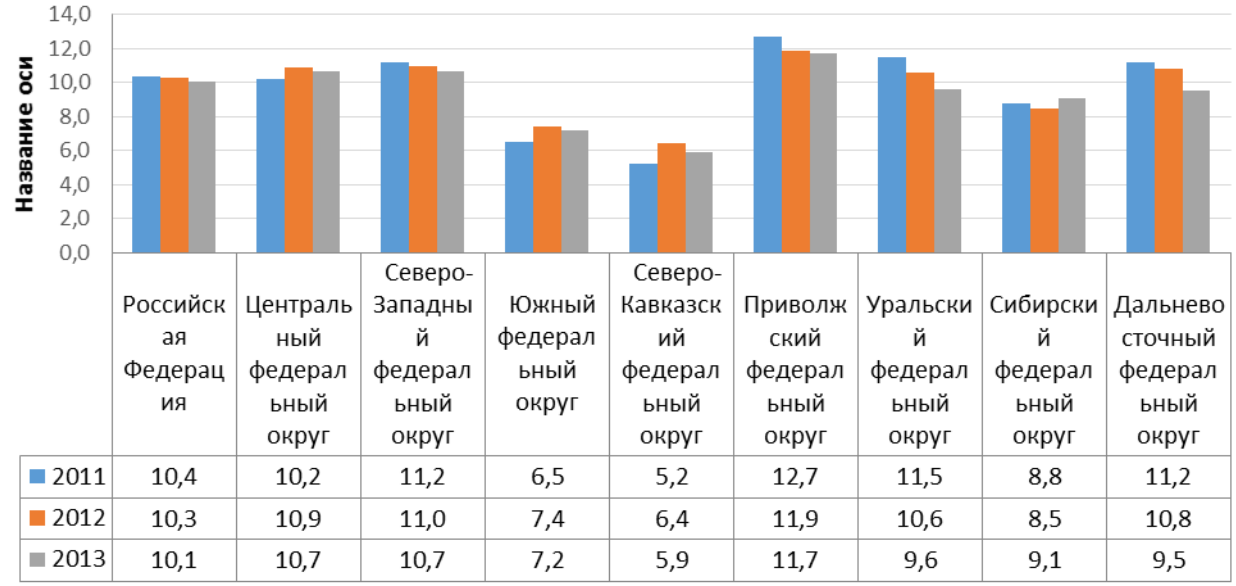

Рис. 3. Динамика реализации товаров, выполненных работ, услуг, в том числе инновационных товаров, работ, услуг, 2009–2013 гг., млн.руб. (Составлено автором)

Количество подобных предприятий по данным статистики с 2011 года снижается, но одновременно растет объем предоставляемых инновационных товаров и услуг. Следовательно, те из предприятий, которые смогли эффективно использовать инновации в своей деятельности, продолжают их внедрение, с каждым годом увеличивая удельный вес инноваций в своей продукции.

Обратимся к данным характеризующим распределение инновационной активности по субъектам Российской Федерации (рис. 4).

	Российская Федерация	Центральный федеральный округ	Северо-Западный федеральный округ	Южный федеральный округ	Северо-Кавказский федеральный округ	Приволжский федеральный округ	Уральский федеральный округ	Сибирский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
2011	10,4	10,2	11,2	6,5	5,2	12,7	11,5	8,8	11,2
2012	10,3	10,9	11,0	7,4	6,4	11,9	10,6	8,5	10,8
2013	10,1	10,7	10,7	7,2	5,9	11,7	9,6	9,1	9,5

Рис. 4. Инновационная активность организаций, по субъектам Российской Федерации, 2011–2013 гг., % (Составлено автором)

На представленной диаграмме можно четко отследить роли регионов в произошедших изменениях за последние три анализируемых года. Первая группа характеризуется стабильно сокращающейся ролью в формировании «инновационной России». Это Северо-Западный, Приволжский, Уральский и Дальневосточный федеральные округа. Вторая группа – регионы, за счет которых инновационная активность РФ растет: Центральный, Южный, Северо-Кавказский и Сибирский федеральные округа. Рост их инновацион-

ной активности не позволяет полностью нейтрализовать отрицательное влияние первой группы. Но благодаря им динамика инновационной активности РФ в целом оценивается как умеренно отрицательная.

Проанализированные данные позволяют сделать в целом достаточно позитивные выводы о существующем уровне инновационной активности в РФ. На данный момент внутри регионов происходит некая трансформация инновационных инициатив, результаты которой довольно сложно оценить однозначно.

Однако для более эффективной и объективной оценки деятельности российских предприятий необходимо совершенствование статистической отчетности, предоставляемой всеми без исключения предприятиями (в том числе средними и малыми) осуществляющих деятельность по видам, соответствующим мировой практике, в частности, практике ЕС[4].

Дальнейшее развитие оказывается подвержено очень сильному политическому влиянию в связи с сложившейся внешнеполитической ситуацией в мире.

Данный период должен быть использован российскими предприятиями как возможность существенно повысить свой потенциал (инновационный в первую очередь) в рамках труднодоступного для иностранных компаний рынка. Какие тенденции в итоге станут реальностью покажет время.

Библиографический список

1. Васильев, Е. С., Харькова Н. Н. Инновационная парадигма: современная философия или основа предпринимательства? // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1. С. 138-142.
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/5636/1238.pdf (дата обращения: 05.10.2015)
3. Федеральная служба государственной статистики РФ. Раздел «Наука и инновации» – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 05.10.2015)
4. Руководство Осло: Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3-е изд. М.: Совместная публикация ОЭСР и Евростата, М., 2006. 192 с.

ДИНАМИКА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

А. А. Бова,

кандидат социологических наук,

Государственный научно-исследовательский институт МВД Украины, г. Киев

Доходы населения и средняя зарплата являются важными макроэкономическими показателями, которые свидетельствуют про качество жизни. Эти данные содержатся в статистической отчетности Государственной службы статистики Украины. На рис. 1 представлены данные за 1992–2014 г. по наличным доходам и средней номинальной зарплате, рассчитанными на одного человека и приведенные по официальному курсу Национального банка Украины к доллару США (заметим также, что исходя из индекса потребительских цен в США за этот период, одинаковый продукт в 1992 и 2014 г. стоил бы соответственно 100 и 166,2 дол.). Данные по средней зарплате не включают зарплату наемных работников статистически малых предприятий и физических лиц-предпринимателей. Для межстрановых сравнений используется величина доходов в международных долларах по паритету покупательной способности (ППС).

Материальный уровень населения является производной от социально-экономического развития страны. Так, после распада Советского Союза началось становление независимого государства. В 1990-е годы экономическая сфера характеризовалась гиперинфляцией и обесцениванием сбережений, разрывом хозяйственных связей, сокращением производства, ростом долгов по заработной плате и оплате жилищно-коммунальных услуг, распространением бартера и теневой экономики. Согласно данным Всемирного банка объем ВВП Украины в постоянных ценах 2005 г. на душу населения в долларах США уменьшилось с 1990 по 1998 г. в 2,35 раза. Значение индекса Джини, отражающее имущественное неравенство, увеличилось с 23,31 в 1998 г. до 39,29 – в 1995 г. Все это отразилось на чрезвычайно низком уровне доходов и потреблении населения. Согласно данным Межгосударственного статистического комитета СНГ в Украине в 1991 и 1998 г. покупательная способность среднедушевых месячных доходов (общее количество продуктов, которое можно купить по средне сформированным ценам) составляла: по хлебу пшеничному (кг.) – 392 и 87, картофелю (кг.) – 165 и 125, говядине (кг.) 39 и 19, молоку (л.) – 265 и 95, яйцам (шт.) – 1177 и 403.

В результате перераспределения государственных активов появилась новая группа собственников (часто на основе родственных, отраслевых и региональных связей) с влиянием на принятие важных политических и экономических решений. Их кооперация и борьба за ресурсы в значительной степени определяла ход новейшей истории страны. С созданием рыночных институтов, в частности национальной банковской системы, приватизацией собственности, формированием финансово-экономических групп, привлечением прямых иностранных инвестиций (преимущественно отечественного капитала из оффшоров) и благоприятной внешней конъюнктуры материальный уровень жизни населения в Украине постепенно улучшался. В 2007 и 2008 г. ВВП Украины составил соответственно 73,1 % и 74,2 % от уровня 1990 г., а величина безработицы, по методологии МОТ, снизилась до 6,9 % населения трудоспособного возраста (в 1999 г., например, она составляла 11,9 %). В свою очередь зарплата с 2002 по 2008 г. выросла почти в пять раз – с 70,6 долл. до 342,2 долл.

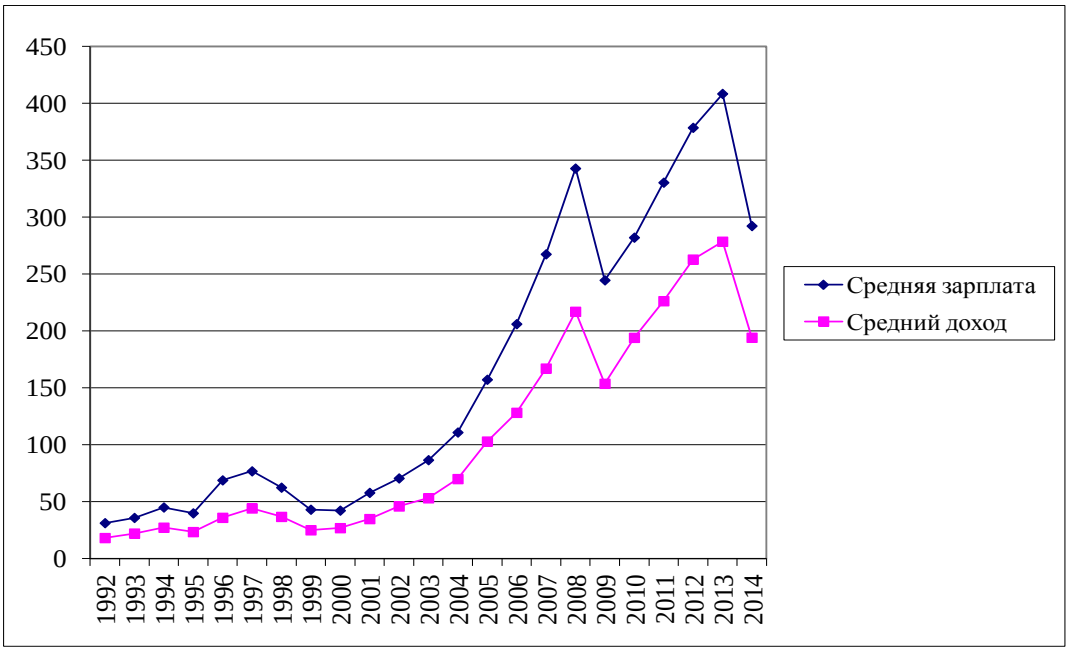

Рис. 1. Динамика денежных доходов населения Украины (1992–2014 годы)[1]

В 2010–2013 г. при низком уровне инфляции наблюдался рост зарплаты и банков-

[1] *Источники:* Госстат Украины, Нацбанк Украины, расчеты автора.

ских вкладов физических лиц в национальной валюте. ВВП страны в 2011–2013 г. составлял около 69 % ВВП 1990 г. Средняя зарплата в долларовом эквиваленте, по расчетам, составляла, в частности, в 2011 г. – 330,5 долл., 2012 – 378,7, в 2013 г. – 408,5 долл. (налоговые отчисления с зарплаты были 17 %), а годовой наличный доход в расчете на одного человека в этот период соответственно равнялся 2715,7 дол., 3154,3 и 3342,8 долл. Средняя зарплата наемных работников в Украине в 2009 г. по ППС составляла 686 международных долларов (без вычета налогов), нетто-зарплата в 2013 г., по оценкам *BusinessForecast* – 643,8 долл. Кроме того, в Украине распространенной практикой является занятость в неформальном секторе экономики, выплата дополнительной неофициальной зарплаты. Статистикой не учитываются и доходы самых богатых людей. За рубежом в качестве трудовых мигрантов работает не менее 1,5 млн. украинцев, а объем частных денежных переводов в Украину составлял в 2013 г. 4,5 % ВВП (8,5 млрд. долл.). Результаты кросс-национального социологического опроса института *Gallup* 2006–2012 г. свидетельствуют, что медианный доход в Украине (медиана разбивает упорядоченный числовой ряд на две равные половины) составил 323 долл. (по ППС) в месяц, а домохозяйств – 923 долл. При проведении опроса респонденты указывали свои личные и семейные «теневые» доходы, без учета уплаты налогов. По уровню годового медианного дохода (3878 долл.) Украина опережала Болгарию и Румынию, где этот показатель зафиксирован на уровне 2829 долл. и 2816 долл. соответственно, а также Турцию – 2488 долл. В свою очередь компания *GFK* оценивала в 2013 г. покупательную способность в 2206 евро на одного жителя Украины.

В 2014–2015 г. Украину охватила экономическая рецессия, усугубившаяся рядом внешних и внутренних факторов (политической нестабильностью, отторжением Крыма, военным конфликтом на территории Донецкой и Луганской областей, падением мировых цен на сырье), и проявившийся в обесценивании гривны, ликвидации ряда крупных коммерческих банков, что повлекло потерю средств юридическими и физическими лицами, снижении объема ВВП, промышленного производства, розничных продаж, экспорта и импорта и росте доли теневой экономики. Если в 2013 г. уровень безработицы по методологии МОТ составил 7,2 % населения трудоспособного возраста, то в 2014 г. – уже 9,3 % (к количеству экономически активного населения). При этом на конец 2013 г. насчитывалось 103 зарегистрированных безработных на 10 свободных рабочих мест, а на конец 2014 г. нагрузка на 10 вакантных должностей возросло до 145. Наблюдается рост задолженности по выплатам зарплаты (в августе 2015 г. – 90,83 млн. долл.). В 2013 г. индекс потребительских цен составил 24,9 %, а за восемь месяцев 2015 г. – 38,2 %. В 2014 г. официальная среднемесячная зарплата уменьшилась до 292,3 долл., а среднемесячный доход – до 207,6 долл. США. Следует отметить, что в г. Киеве зарплата штатных работников в 1,5 раза выше, чем по стране. В 2014 г. официальная зарплата была выше средней по стране, в частности, в таких отраслях как профессиональная и научно-техническая деятельность (на 52 %), информация и телекоммуникация (48,7 %), промышленность (14,6 %), складское хозяйство и вспомогательная деятельность в сфере транспорта (21,6 %), государственное управление и оборона, обязательное социальное страхование (на 9,7 %), искусство, спорт, развлечения и отдых (на 4,2 %). Возможные годовые расходы на товары и услуги в 2014 г., согласно данным *GFK*, снизились до 1641 евро на одного человека. В июле 2015 г. среднемесячная зарплата составила 199 долл. (меньше, чем в 2006 г.), что является самой низкой зарплатой в Европе, на фоне существенного роста коммунальных тарифов на газ и электроэнергию. Согласно исследованию банка *USB* 2015 г. в Киеве фиксируется самая низкая валовая почасовая заработная плата среди 71 городов мира. Она представляется в виде взвешенного индекса, который учитывает почасовую оплату 15 профессиональных групп. За базу в 100 единиц в 2003 г. взят город Цюрих, в последующих годах – Нью-Йорк. В 2003 г. уровень нетто-зарплат в Киеве составлял 5,8 единиц (для сравнения в Софии – 5,6), в 2006 г. – 11,6 (10,2), 2009 – 12,3 (13,9), 2012 – 11,2 (13,6), 2015 г. – 6,1 (12,1) единиц.

Исходя из изложенного, можно сделать такие выводы. Между номинальной зарплатой и наличными доходами населения существует функциональная зависимость (r = 1, а соотношением между величинами – 1,6), которая определяется общим экономическим положением в стране. Более, чем за двадцать лет постсоветского (капиталистического) развития страна приблизилась к уровню зарплат новых восточноевропейских членов ЕС (по крайней мере, в столичном регионе страны). Значительное время ушло на перестройку предприятий (металлургия, химпроизводство) под потребности рынка. В целом росту денежных доходов населения способствует политическая стабильность, устойчивый курс национальной валюты, развитие большого бизнеса и частнопредпринимательской инициативы, рациональная налоговая система, увеличение экспорта продукции, благоприятная внешняя конъюнктура. Уменьшение денежных доходов, прежде всего, связано с ослаблением государственных институтов, внутренними конфликтами и внешними социально-экономическими кризисами. Падение доходов населения увеличивает численность бедных и вынуждает людей экономить на базовых потребностях. Сейчас (примерно, как и в девяностых годах), происходит трансформация экономики, наращивание экспорта сельхозпродукции (прежде всего, в страны Ближнего Востока и Азии). Социально-экономическая сфера в Украине в течении последующих лет коренным образом изменится, что выразиться в дальнейшем росте агросектора в структуре экономики, развитии сферы услуг, добывающей промышленности, распространении давальческих операций, уменьшении доли тяжелого машиностроения в экспорте, интенсификации трудовой миграции, и в перспективе – наращивании деловой активности с Евросоюзом в рамках построения углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

И. А. Андрос,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В середине 1980-х гг. термином «индивидуальная трудовая деятельность» (ИТД) советские экономисты пытались подменить гораздо более точный, адекватно отражающий суть дела термин «частнохозяйственная деятельность», которая может быть основана не только на личном, но и наемном труде. Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» был принят шестой сессией Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва (19 ноября 1986 г.) и введен в действие с 1 мая 1987 года на основании установок XXVII съезда КПСС о необходимости упорядочения данного вида деятельности и ее совмещения с принципами социалистического хозяйствования. Государство поощряло вступление граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, в договорные отношения с государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями. Не допускалась индивидуальная трудовая деятельность с привлечением наемного труда, с целью извлечения нетрудовых доходов или в ущерб другим общественным интересам. В соответствии с официально утвержденным законом эта деятельность осуществлялась в более чем 30 различных видах работ и услуг. В указанных целях необходимо было иметь соответствующее разрешение, которое выдавалось исполнительным комитетом местных Советов народных депутатов на срок до 5 лет [1]. Советские люди получили возможность воплощать в жизнь принцип единства личного и общественного. Несмотря на идеологические препятствия, возникшие в «перестроечной» экономике на пути экономической целесообразности и эффективности, должен был появиться новый субъект хозяйствования. Как показала жизнь, в эту парадигму вписывались пока индивидуалы и кооператорых. Частники удовлетворяли определенную общественную по-

требность, восполняя недостаток услуг, предоставляемых населению государством. Но именно в этой сфере процветали «законные нетрудовые доходы», обусловленные взимаемой переплатой с клиентов. Как следствие, в общественном сознании назревала необходимость иметь точное представление, что такое индивидуальное хозяйство.

Итак, в середине 1980-х гг. индивидуальное хозяйство представляло собой целостную, относительно самостоятельную сферу экономической деятельности. Был предложен подход, когда индивидуальное хозяйство включает в себя ряд составных частей, которые можно рассматривать как элементы отраслевых подсистем. Основные из них: 1) домашнее хозяйство, 2) личное подсобное хозяйство (ЛПХ), 3) индивидуальное строительство, 4) индивидуально-бытовое обслуживание, 5) кустарно-ремесленное производство [2, с. 33–40]. Основной задачей домашнего хозяйства выступает обеспечение личного потребления. В середине 1980-х гг. некоторые исследования свидетельствовали, что объем домашней работы не уменьшался, а скорее рос [3, с. 13–16]. Объяснялось это недостаточным развитием сферы обслуживания, а также увеличением денежных доходов и, следовательно, потребностей, что привело к появлению новых видов деятельности (уход за приборами, автомашинами, садовыми домиками и т.д.). Выделялась еще одна, не менее важная, функция домашнего хозяйства – это воспитание детей. В поддержку домашнего хозяйства говорилось о его роли в восстановлении уважительного отношения к домашнему труду в формировании нравственных качеств личности. Личное подсобное хозяйство имели, как правило, семьи, в чьем пользовании находились земельные участки. Если владелец индивидуального дома не выращивал на приусадебном участке сельскохозяйственные культуры, а разбивал декоративный сад, то в таком случае труд относился к сфере домашнего хозяйства. В 1983 г. в СССР личное подсобное хозяйство вели 46,6 млн. семей колхозников, рабочих и служащих, они использовали 8,5 млн. га земли и производили более четверти всей продукции сельского хозяйства [4, с. 3, 5]. Будущий владелец индивидуального дома должен был обладать незаурядными организаторскими способностями. Статистические данные по индивидуальному строительству таковы: в личной собственности граждан СССР находилось в 1984 году 1645 млн. кв. м полезной площади жилищ или 41,4 % всего жилого фонда страны, из них – 35,0 % в городской и 65,0 % в сельской местности. Индивидуальное строительство составило в 1984 г. 11,0 % от общего числа сданных в эксплуатацию квартир [5, с. 437, 440]. Что касается индивидуально-бытового обслуживания, то в стране начало расти количество договоров между гражданами, готовыми оказать населению услуги, и финансовыми органами. В результате заметно улучшилось положение в таких областях, как ремонт автомашин, теле- и радиоаппаратуры, одежды, обуви, сдача в аренду отдыхающим жилых помещений на курортах.

Обращаясь к теме личного подсобного хозяйства, политика партии давала позитивную оценку этого вида трудовой деятельности, т. к. ЛПХ являлось важным подспорьем в производстве продовольствия. Однако расширение масштабов и интенсификация ИТД сопровождалась снижением у части работников активности в общественном производстве, вплоть до правонарушений. Говоря о причинах потерь рабочего времени на советских предприятиях, то основной выступала все-таки недостаточная организация труда его руководством: когда нет работы, можно заняться и своими делами, тем более что это никак не отразиться на заработной плате. Что касается администрации, то, не сумев должным образом организовать труд людей, она лишалась возможности применять предусмотренные законом санкции [6, с. 85–89]. Свободное рабочее время становилось хорошей возможностью «голыми руками деньги делать». Возможность зарабатывать больше «на стороне», чем на предприятии, охлаждала трудовой энтузиазм по месту основной работы, снижала трудовую дисциплину. Данная проблема была связана с не всегда адекватно поощряемым интенсивным трудом на государственных предприятиях. В условиях нехватки трудовых ресурсов администрация предприятий обычно относилась к нарушителям более терпимо, чем они того заслуживали.

Анализ сложившейся в СССР ситуации показал, что когда индивидуальное хозяйство рассматривалось теоретически, специалисты в принципе высказывались единодушно одобрительно. Так, одним из новых направлений обеспечения потребностей советского народа в сельскохозяйственной продукции было названо использование подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества. Также, более широкое развитие кооперативного и индивидуального строительства должно было способствовать решению жилищной проблемы. Однако когда речь заходила о характеристике конкретных форм ИТД, то большая часть обществоведов начинала высказываться негативно, обвиняя индивидуальное хозяйство в источнике частнособственнических настроений. И поскольку индивидуальное хозяйство не подвластно плановому регулированию, то о его серьезном вкладе в экономику страны и говорить не стоило. Признавая ЛПХ сложным, внутренне дифференцированным институтом, в годы «перестройки» руководство Советского Союза сделало большую ставку на крепкое личное подворье, определяя ему роль возрождения деревни, утерянных традиций крестьянской жизни, возвращения земле хозяина. Таким образом, официально индивидуальное хозяйство играло важную социальную и экономическую роль и не противоречило принципам социализма. Что касается общественного мнения, то здесь расхожим был стереотип об индивидуальном хозяйстве как о «золотом дне»: если человек занимается домашним хозяйством – он тунеядец, торгует на рынке – спекулянт, чинит радиоаппаратуру в свободное от работы время – шабашник и т.д. [2, с. 33–40].

Идеологи перестройки неимоверными усилиями пытались разъяснить общественности, что далеко не все индивидуальное является капиталистическим, а социалистическое – общественным [7, с. 24–36]. А то, что индивидуал является одновременно носителем как личного, так и общественного интереса пытались разъяснить на примере индивидуальных хозяйств, о которых в той или иной степени советские граждане все-таки имели представление. Однако и в этом вопросе необходимо было разобраться, причем так, чтобы научно-теоретические и прикладные результаты можно было представить широкой общественности без номенклатурных штампов. Официальной советской пропаганде было непросто перейти от негативных комментариев деятельности российских магнатов капиталистической эпохи к положительным отзывам о работе признанных властью советских индивидуалов. Вначале лица, занимавшиеся ИТД, еще были «открыты» для получения информации о них самих. Ведь частная инициатива стала общественно значимой. Однако в конечном итоге твердо засевший в общественном сознании социальный стереотип хозяина как отрицательного субъекта экономики привел к нежеланию деловых людей «светить» себя и плоды своих трудов. Кроме того, частная инициатива стала более профессиональной. Потребность в профессионализме первых предпринимателей предполагала наличие уже не только определенных качеств, мотивов и условий, но и постоянно обновляющихся знаний и умений в области экономики, права и социальной психологии. Начало развитию цивилизованных форм предпринимательства было положено «перестройкой». Дальнейшее развитие частной инициативы на постсоветском пространстве стало зависеть от национальной стратегии отдельно взятой суверенной республики.

Библиографический список

1. Российский правовой портал. Архив. – Москва, 2015. – Режим доступа: http://zakon.law7.ru/base18/part5/d18ru5536.htm. - Дата доступа: 06.08.2015.
2. Райг, И. Х. Что может индивидуальное хозяйство? / И. Х. Райг // Социол. исслед. – 1986. – № 1. – С. 33–40.
3. Тимяшевская, Н. В. Человек и жилая среда / Н. В. Тимяшевская. – Москва: Изв. СО АН СССР. Сер. Общественных наук, 1978. – вып. 2. – С. 13–16.
4. Шмелев, Г. И. Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы / Г. И. Шмелев. – М.: Политиздат, 1983. – 95 с.
5. Народное хозяйство СССР в 1984 г.: стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика,

1985. – 631 с.
6. Улыбин, К. А. Социально-экономический потенциал индивидуального труда / К. А. Улыбин // Социол. исслед. – 1988. – № 4. – С. 14–19.
7. Абалкин, Л. И. Перестройка: пути и проблемы: Интервью дир. Ин-та экономики АН СССР акад. Л. И. Абалкина с сов. и иностранными журналистами (сент. 1986 г. – май 1988 г.) – М.: Экономика, 1988. – 190 с.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕСУРСА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)[1]

Ю. М. Пасовец,
кандидат социологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», г. Курск

В современных условиях социальная динамика стран постсоветского пространства (Республики Беларусь, России, Украины и др.) определяется процессом трансформации социальных институтов, связанным с переходом от модели советского общества к собственным моделям социально-экономического развития. В России экономические и институциональные изменения в обществе обусловливаются становлением рыночной экономики, для которой характерны, с одной стороны, расширение возможностей для проявления частной инициативы (приобретение собственности, возможность получения прибыли от использования своего имущества, занятие предпринимательской деятельностью и др.), с другой – динамичность и нестабильность, неблагоприятными последствиями которых зачастую выступают снижение доходов, рост безработицы и другие проявления периодических экономических кризисов. Ключевая роль воздействия рыночной экономики на жизнедеятельность населения делает первостепенной для него социально-экономическую адаптацию, когда значимыми задачами становятся накопление необходимого экономического ресурса (доходов, объема собственности и др.) и повышение эффективности его использования, что связано как с сохранением имеющегося в собственности имущества, так и получением дополнительных доходов от сдачи в наем своего имущества, инвестирования имеющихся денежных средств во вклады, акции, ценные бумаги и др.

Охарактеризовать обеспеченность населения имуществом и распространенность определенных практик использования собственности в целях социально-экономической адаптации в условиях трансформирующегося общества на примере современного российского общества позволяют статистические данные, представленные показателями государственной статистики, и результаты социологического опроса, проведенного нами среди населения Курской области как одного из типичных российских регионов в 2014 г. (N=500 человек) в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Адаптационный потенциал населения в условиях трансформации российского общества» (№ 13-33-01208). В опросе населения выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка; в качестве основных параметров квотирования выборки выступили пол, возраст, образование, тип поселения; ошибка выборки по одному контролируемому признаку не превышает 3 %.

Как показывают результаты опроса, подавляющая часть населения (93,4 %) имеет в собственности определенное имущество (только 6,6 % опрошенных заявили, что не владеют какой-либо собственностью). Основная часть населения (92,6 %) владеет тем или иным жилым помещением: более половины (55,8 %) имеют в собственности квартиру или

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01208 а2 «Адаптационный потенциал населения в условиях трансформации российского общества»

дом, треть населения (34,8 %) – долю (часть) квартиры или дома, некоторые (2,0 %) владеют комнатой в коммунальной квартире (рис. 1). Только незначительная часть населения (5,2 %) имеет в собственности так называемое второе жилье (квартиру, дом, комнату в коммунальной квартире).

Рис. 1. Имущество в собственности населения *(в процентах от числа опрошенных)*

Здесь следует обратиться к данным государственной статистики, показывающим динамику приобретения населением жилья посредством приватизации и иных способов получения прав собственности на него (покупки, наследования и др.).

В 2000-е гг. как в масштабах российского общества в целом, так и в Курской области как типичном российском регионе произошло существенное возрастание доли частного жилья в структуре всего жилищного фонда. С 2000 г. по 2013 г. в России удельный вес частного жилищного фонда в его общем объеме увеличился на 22,5 % и составил 87,8 %; в регионе – на 11,3 % и достиг 89,5 % (табл. 1). При этом подавляющая доля частного жилищного фонда представлена жилыми помещениями, находящимися в собственности населения.

Таблица 1 **Частный жилищный фонд** *(в процентах от общего объема жилищного фонда)*

	Всего, частный фонд в структуре жилищного фонда					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	65,3	77,1	85,6	86,3	87,0	87,8
Курская область	78,2	82,3	87,3	87,9	88,4	89,5
	из него **в собственности граждан**					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	58,2	73,7	82,2	82,9	83,5	84,6
Курская область	68,9	75,0	78,5	78,7	79,1	80,4

Источники: Регионы России. 2001: стат. сб. В 2 т. Т. 2. / Госкомстат России. – М., 2001. – С. 162; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – С. 204; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 194; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 216; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 210; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 190

В 2000-е гг. в структуре жилищного фонда объем жилья в собственности граждан также возрастал. К настоящему времени в России 84,6 % от общего жилищного фонда принадлежит гражданам, в регионе – 80,4 % (табл. 1).

Возвращаясь к анализу данных опроса населения, следует отметить, что существенная часть населения имеет в своем распоряжении землю или земельные участки, что стало результатом распространения права собственности на эту категорию объектов. Так, примерно четверть населения (27,0 %) владеет дачей, садово-огородным участком с домом или без дома, более десятой части (14,5 %) – землей (см. рис. 1). Средний размер дачи, садово-огородного участка с домом составляет 11,88 сотки (модальные значения такого вида земельного участка – 10 соток и 5–6 соток); садово-огородного участка без дома – 13,44 сотки (модальные значения – 10 соток и 20–30 соток); земли в собственности населения – 0,67 гектара (модальные значения – 0,25–0,5 гектара). При этом для городских жителей характерна собственность на дачи, садово-огородные участки с домом или без него, а для сельского населения – на землю и садово-огородные участки без дома. Как видно из таблицы 1, десятая часть населения (в основном из числа сельских жителей) имеет крупный скот (коров, лошадей, свиней и др.). Среднее число голов скота в домашних хозяйствах населения равняется трем.

Также следует отметить, что практически каждый десятый (13,2 %) владеет гаражом или местом на коллективной стоянке (табл. 1).

Как показывают данные государственной статистики, при использовании населением имеющихся в распоряжении денежных средств их определенная часть сохраняется в виде сбережений, вкладов (депозитов), покупки ценных бумаг, акций и др., то есть финансовых активов (см. табл. 2). За 2000-е гг. в структуре использования денежных доходов населения доля финансовых активов сократилась: в России в целом – на треть, в Курской области – на четверть (см. табл. 2). Несмотря на это, в настоящее время у россиян различные финансовые активы составляют десятую часть (10,8 %) общего объема использования денежных доходов, у жителей региона – практически пятую часть (19,3 %). Показательно, что население Курской области примерно половину этих активов сохраняет в виде сбережений, не используя современные финансовые механизмы для вложения этих средств и получения дополнительной прибыли, однако, с другой стороны, и не подвергая себя риску их потери или уменьшения в условиях финансовой нестабильности, что является показателем консервативного поведения.

Таблица 2. **Приобретение недвижимости и прирост финансовых активов в структуре использования денежных доходов населения**

(в процентах от общего объема денежных средств)

	Приобретение недвижимости					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	1,2	2,5	3,4	4,0	4,3	3,9
Курская область	0,6	2,0	0,9	1,5	2,1	1,8
	Прирост финансовых активов					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	15,5	17,8	17,3	12,2	10,4	10,8
Курская область	25,8	24,7	26,6	21,7	20,9	19,3
	из него прирост (уменьшение) денег на руках у населения					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	2,8	1,5	2,3	1,6	0,0	0,7
Курская область	11,3	6,1	10,7	10,8	10,9	9,9

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 192; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 194; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 168

С 2000 г. по 2013 г. в структуре использования денежных доходов населения доля расходов на приобретение недвижимости, к которой относятся жилые и нежилые помещения, земля и ряд других объектов, в масштабах России в целом выросла в 3,25 раза, в регионе – в 3 раза (см. табл. 2). Между тем по причинам высокой стоимости повседневных расходов (покупки товаров, оплаты услуг, обязательных платежей и взносов) размер затрат населения на приобретение недвижимости составляет незначительную долю.

Тем самым можно сказать, что в динамике использования населением денежных доходов наблюдаются тенденции к сокращению финансовых активов, в том числе и денег на руках у населения, и стабилизации в последние годы доли расходов на приобретение недвижимости.

В ситуации незначительного объема имеющейся собственности, когда основным видом имущества для большинства населения оказывается единственное жилье, и ограниченности возможностей для его увеличения в связи с сохранением низкой доли расходов на приобретение недвижимости становится понятной низкая распространенность среди населения такой практики использования собственности для получения дополнительных доходов, как сдача в аренду своего имущества. По данным опроса населения, только 6,0 % населения сдают в наем свою собственность (комнату, квартиру, дом, гараж и др.) и соответственно получают прибыль от использования своего имущества (см. рис. 2).

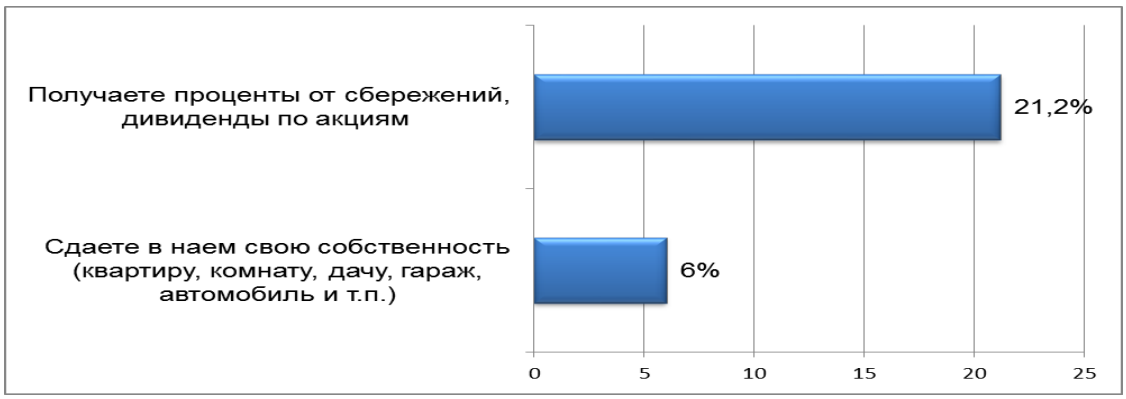

Рис. 2. Практики использования населением имущества для получения прибыли *(в процентах от числа опрошенных)*

Вместе с тем весомая доля имеющихся в распоряжении населения финансовых активов (см. табл. 2) объясняет включенность значительной части населения (21,2 %) в практику инвестирования собственных денежных средств во вклады (депозиты), акции и другие ценные бумаги.

Таким образом, подавляющая часть населения владеет определенной собственностью, однако объем располагаемого имущества является незначительным, поскольку для основной части населения, владеющего жилым помещением, оно оказывается единственным жильем и у многих из тех, кто владеет земельными участками, размер этих участков ограничен. Эти обстоятельства становятся ключевыми причинами низкой степени распространенности практик использования собственности в целях получения дополнительных доходов в виде сдачи в наем своего имущества и инвестирования имеющихся денежных средств для получения процентов от сбережений и дивидендов по акциям. Вместе с тем нестабильность рыночной экономики и финансовых рынков приводит к тому, что в динамике использования населением денежных доходов наблюдаются тенденции к сокращению финансовых активов, в том числе и денег на руках у населения, и стабилизации в последние годы доли расходов на приобретение недвижимости.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

М. Б. Полтавская,
кандидат социологических наук,
ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград

Изучение гражданского общества и, прежде всего, социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) с точки зрения ресурсного подхода представляется весьма актуальным, поскольку позволяет выделить их ресурсные преимущества, оценить степень их развитости, выявить проблемные зоны, определить ресурсный потенциал. Ресурсный подход к социальной структуре характерен для работ зарубежных социологов У. Бека, Г. Беккера, П. Бурдье, У. Гэмсона, М. Кастельса. В отечественной социологии ресурсной проблематике посвящены исследования В. В. Радаева, сосредоточившегося на изучении возможности конвертации ресурсов в различные формы капитала; Е. М. Аврамовой и Д. Логинова, предложивших методику расчета ресурсного потенциала населения, Н. М. Давыдовой, Н. Е. Тихоновой, показавших роль ресурсообеспеченности населения в стратификационных процессах в условиях трансформации социума. Белорусский социолог В. Э. Смирнов прослеживает эволюцию института гражданственности, рассматривает гражданское общество и гражданственность как социальные ресурсы управляемости [5].

Роль СО НКО в становлении гражданского общества высока: именно они создают инновации, стимулируют развитие новых элементов самоуправления, работают с социально незащищенными слоями. Однако эти примеры не носят массовый характер в российской действительности, не последнюю роль играют в этом особенности формирования гражданского общества, его вертикальный вектор. Власть самостоятельно инициирует создание структур, работающих с некоммерческими организациями на различном уровне (Общественная палата при Президенте РФ, Политический консультативный совет, Гражданский форум и т.д.). В последние несколько лет государство интенсивно меняет правовую основу деятельности третьего сектора.

Доминирование властных структур в социальной сфере сдерживает развитие гражданского общества. Не справляясь с социальными проблемами, государство делегирует некоммерческим организациям часть своих функций, прежде всего реализацию социальных услуг, не выделяя для этого достаточно ресурсов. СО НКО, сталкиваясь с недостаточностью ресурсов, обращаются за ними к государству. Разовые гранты, которые реализуют многие некоммерческие организации, приучают их к ожиданию поступления ресурсов от государства или бизнес-структур.

В ситуации жесткой ресурсной зависимости от государства можно выделить ряд негативных моментов для СО НКО: прежде всего – это утрата независимости; бюрократизация деятельности вследствие участия в государственных программах; искажение миссии некоммерческой организации из-за стремления получить поддержку сверху; кроме того, происходит распыление ресурсов по многим направлениям. Практика социального предпринимательства, когда СО НКО принимает роль активного игрока и начинает зарабатывать средства для своего функционирования и развития, еще не получила широкого распространения. Как показало исследование ЦИРКОН, 75 % респондентов не идентифицируют социальных предпринимателей и не имеют представления о том, кто они такие (68 % указали, что слышат об этом впервые, 7 % затруднились с ответом) [4].

По нашему мнению, ресурсами СО НКО являются все те возможности, которые организация может задействовать для достижения своей цели и мобилизации поддержки. Говорить о стратегическом потенциале СО НКО не приходится, поскольку потенциал подразумевает соответствие и наличие возможностей организации для разработки и реализации намеченной стратегии, ее готовность выполнить поставленные задачи для достижения цели. Ни разработанных стратегий, ни соответствующих возможностей СО НКО в

России, как правило, не имеет. Некоммерческие организации Беларуси также не обладают необходимыми ресурсами [2; 3].

Ресурсы НКО могут классифицироваться по разным основаниям. Все ресурсы можно разделить на внешние и внутренние. Если СО НКО получает ресурсы преимущественно из внешних источников, то недостатками такого ресурсного обеспечения являются отсутствие стабильности пополнения ресурсов, их неравномерное поступление, невозможность планирования деятельности на длительную перспективу. Функционирование преимущественно за счет внутренних ресурсов быстро истощает потенциал организации.

Как отмечают исследователи, экономические блага и услуги создаются, как известно, с помощью экономических ресурсов. Сторонники полной аналогии деятельности некоммерческих и коммерческих организаций полагают, что НКО в качестве ресурсов имеют землю, труд, капитал, предпринимательскую способность, результаты научно-технического прогресса, т.е. те же самые ресурсы, которыми обладают и коммерческие организации. Исходя из этого делается вывод о практическом совпадении экономической сути деятельности коммерческого и некоммерческого секторов. Разница состоит в целях, которые стоят перед организациями: коммерческие структуры занимаются своей деятельностью с целью извлечения прибыли и, в конечном итоге, с целью собственного обогащения, а деятельность некоммерческих организаций направлена, прежде всего, на достижение общественно полезных целей.

Однако цели НКО часто различаются: для одних основной целью является передача или перераспределение полученных ресурсов другим участникам третьего сектора, в то время как другие пытаются организовать свою деятельность на более фундаментальной основе, их цель - не только получение, но и приращение своих ресурсов. Таким образом, можно выделить две группы НКО: перераспределяющие полученные ресурсы (НКО первого типа) и осуществляющие деятельность на основе приращения стоимости полученного первичного ресурса (НКО второго типа) [1].

Степень освоения ресурсов зависит от степени развития СО НКО и региона, в котором они ведут свою деятельность. Некоммерческие организации распределены неравномерно, они представлены в крупных городах и отдельных регионах. Можно назвать ряд субъектов в России, например, Пермский край, республика Карелия, Ярославская, Новосибирская, Нижегородская области, Москва и Санкт-Петербург, где организации третьего сектора довольно развиты. В других регионах, к сожалению, СО НКО представлены скромнее.

По нашему мнению, институт СО НКО эффективен в том случае, если организации имеют обширную социальную базу. Попытка компенсировать недостаток социальной базы другими ресурсами, например, финансовыми, не приведет к желаемым результатам, поскольку без социальной базы работа СО НКО не может быть эффективна. Погоня СО НКО за грантами, попытка самостоятельно зарабатывать средства для существования приводит к деформации миссии и предназначения таких организаций, а, следовательно, к изменению их роли. Двойственная роль не до конца понятна руководителям СО НКО, поскольку они не знают, какую стратегию деятельности выбрать: самостоятельно зарабатывать деньги и вести самоокупаемый бизнес, сделать упор на разработку грантовых проектов или заниматься фандрайзингом.

Отсутствие законодательной базы СО НКО, непонятный правовой статус, ограниченные возможности получить льготы – все это еще больше усложняет ситуацию и мешает эффективной деятельности некоммерческих организации. Кроме того, как бы ни называли социальное предпринимательство – «социальная активность в формате бизнеса или бизнес, ориентированный на решение социальной проблемы, а не на прибыль» [4], ключевое слово здесь «бизнес», что изначально не является основой некоммерческой организации. Известно, что если организация начинает выполнять несвойственные ей функции, это приводит не только к трансформации самой организации, но и к дисфункциональным последствиям. Подводя итог, отметим, что исследования в области ресурсного потенциала

СО НКО помогут определить их резервы и возможности, выработать направления повышения их ресурсности и эффективности деятельности.

Библиографический список

1. Батурина, М. В. Негосударственные некоммерческие организации: учет и контроль. – М: Эксмо, 2008. – 160 с.
2. Горбелева, Е. А., Чернышов Ю. Г. Некоммерческие организации в республике Беларусь: особенности правового и фактического положения // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80). Том 2. С. 253–257.
3. Кузьменкова, Т. А. Третий сектор в Беларуси: проблемы становления и развития / Т. А. Кузьменкова. – Мозырь: ООО ИД «Белый Ветер», 2004. – 104 с.
4. Портрет социального предпринимателя: ключевые характеристики. Исследовательская группа ЦИРКОН, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e4e/Portret_SP_Otchet.pdf (Дата обращения 03.10.2015)
5. Смирнов, В. Э. Гражданственность и гражданское общество. Самоорганизация и социальный порядок. Минск, «Беларуская навука», 2013.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЁЖИ

А. Г. Баханов,

магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Современный потребитель, желая приобрести те или иные вещи, или услуги, прибегает к поиску различных вариантов и альтернатив, которые характеризуют его тип поведения. Подражание и современная мода, «заставляют» большинство индивидов следовать современному «стилю жизни». Тем не менее, денежные траты в постиндустриальном обществе, связанные с накоплением вещей, становятся всё более важными, чем рациональное и экономически-целесообразное потребление. Основываясь на эффекте «потребительской гонки», многие не задумываются о предназначении совершаемых действий. Выбор, в данном случае основывается лишь на стремлении превзойти окружающих в обществе людей, продемонстрировать свою состоятельность или же скрыть свои финансовые трудности, не задумываясь про будущее поколение. Оценивая разные периоды развития общества, стоит заметить, что с появлением большой совокупности товаров, стали создаваться новые места для их покупки-продажи. Применительно к индустриальному обществу, каждый участник социально-экономических отношений был занят непосредственной деятельностью, характеризующей не только статус, но и уровень умения работать «сообща», в той или иной области. Развитие промышленности лишь ускорило процессы институализации и трансформации потребительских стратегий. В постиндустриальном обществе, где преобладает развитие информационных технологий, возникает множество «виртуальных» социальных сетей, которые определяют не только тип поведения индивидов, но и потребительские предпочтения. В современном обществе, когда появляются новые средства производства, тенденция в моде имеет широкое распространение среди населения. В обществе потребления, возникновению «нового» класса потребителей способствует реклама, которая стимулирует рост потребления и продаж. Современное массовое производство создаёт товары, которые подвержены модному тренду. Через различные каналы передачи информации, такие как СМИ, интернет, в представлениях большинства создаётся образ богатого человека, который постоянно потребляет и не занят физическим трудом. Следовательно, потребителям «навязываются» нормы и ценности «современной личности». В данном случае на молодёжь оказывают различное влияние следующие источники

информации: СМИ, Интернет, социальные сети. Исходя их этого, обозначим следующие типы потребления: витальное и стратегическое.

Целью витального (жизненного) потребления, является поглощение минимально необходимых благ для поддержания жизненно важных функций индивида (сон, отдых, физическая и психоэмоциональная деятельность и т.д.). Данный тип потребления присущ каждому живому организму. Все живые существа в процессе своей жизнедеятельности, являются участниками цикла «поглощение - потребление».

Стратегическое потребление следует рассматривать как потребление, связанное с определённой жизненной стратегией индивида. Данный тип потребления возникает в различные периоды жизни, и взаимодействует в первую очередь с ценностными установками, социальными мотивами и благами. На потребительские установки оказывают влияние образ жизни и «стиль поведения». Достижение стратегических позиций, основывается на признании со стороны группы, в которую включён индивид. Из этого следует, что процесс потребления проходит несколько этапов. На первом этапе, потребитель оценивает свои возможности и потребности, далее происходит поиск вариантов приобретения, в соответствии со своими финансовыми возможностями. Блага, приобретаемые лишь для поддержания статуса, не являются основополагающими. Критерии, которые формируются при выборе альтернатив, оказывают влияние на социально-экономическую стабильность совершаемой деятельности. Таким образом, потребности зависят не только от индивида, но и «социального окружения». Потребление устойчивых благ, в данном случае связано с рациональностью, которая акцентируются на сокращении потребляемых природных ресурсов (ископаемых) и применении опасных веществ, загрязняющих окружающую среду. Пересмотр системы ценностей, в которой отражаются социальные предпочтения различных групп населения, является необходимым условием «устойчивых взаимоотношений». Целью устойчивого потребления, является достижение общего социально-экологического, морального состояния, направленного на защиту природных ресурсов. Социальным аспектом данного типа потребления, выступает поощрение со стороны групп потребителей «устойчивых» жизненных позиций индивидов, которые направлены на защиту и поддержку различных слоёв населения, с целью сохранения национальных благ для будущих поколений. Устойчивое потребление в ближайшее время, будет являться одним из приоритетных направлений в социально-экономической стратегии развитых государств. Значительное сокращение чрезмерного потребления, является весомым вкладом в сохранении «прошлого для будущего». В таком случае, современное общество должно задуматься о принятии данной концепции.

В обществе устойчивого потребления, возможность обеспечить «социальную необходимость», является стимулом для большинства групп населения. Выбор «правильных» потребительских предпочтений, содействует жизненным ориентирам потребителей. Основывая свои потребности на рациональности, мы исключаем перепроизводство и накопление «ненужных» благ. Из этого следует, что индивиды, которые сориентированы на вектор данного потребления, заботятся о качестве производимых товаров и услуг. Однако в современных реалиях, мы можем наблюдать потребление, связанное не только с рациональностью, но и символической ценностью. Несомненно, когда речь идёт о потребительских предпочтениях молодёжи, то в современном обществе материальные ценности являются «индикатором» благополучия.

Таким образом, потребление строится на различных социально-экономических взаимоотношениях. С развитием коммуникационных технологий, происходит переоценка ценностей и мотивов, которые в дальнейшем влияют на потребительские навыки и предпочтения. Потребности, которые возникают в различные периоды жизни каждого индивида, являются основанием для построения определённого социального окружения и социальных связей. Преобладание жизненно необходимых потребностей, свойственно каждому индивиду. Дальнейшая трансформация потребительских навыков, соответствует статусу и социальному положению индивида, его социально-экономическим возможностям.

Престиж вещи, основывается не только на утилитарных функциях предмета, но и признаем символической ценности со стороны потребителей.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

А. С. Малмыгин,
магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Анализ социальных изменений, протекающих в современном белорусском обществе, позволяет сделать вывод, что наиболее значимые перемены в его социальной структуре касаются системы экономических отношений. Существенная значимость экономических изменений связана с тем что, субъектом экономических отношений является абсолютное большинство населения Республики Беларуси, а также с тем, что из совокупности функций элементов экономической системы слагается общая социальная функция экономической системы – удовлетворение значительного количества наиболее значимых общественных и индивидуальных потребностей и интересов. В современном мире экономические отношения являются одной значимой сферой общественной жизни, приложением социальной активности значительного количества трудоспособного населения, а также наиболее динамичной, богатой разнообразными изменениями системой социальных отношений. На социальное развитие белорусского общества оказывают влияние разнообразные внутренние и внешние факторы и флуктуации. Можно предположить, что социально-экономические события как в Республике Беларусь, так и в ближнем и дальнем зарубежье являются одними из наиболее значимых факторов, обуславливающих темпы и направление социального развития белорусского общества. В этой связи актуальным является изучение механизма генезиса социально-экономических событий.

В связи с обозначенной проблемой представляется целесообразным представить экономическую систему *не* как совокупность структурно-функциональных элементов, обеспечивающих функционирование хозяйства, а как совокупность обусловленных экономической активностью субъектов функциональных *изменений и преобразований*, некоторые из которых оказывает влияние *только* в пределах системы экономических отношений, а некоторые – на *другие* сферы общественной жизни.

Подходя к анализу влияния экономических изменений на общественную жизнь, в качестве основы необходимо принять тезис, что в области экономической жизни всегда что-нибудь *происходит*, *случается*, поскольку экономическая, в частности, так и социальная жизнь в целом обусловлена непрерывным «потоком» активной жизнедеятельности социальных субъектов. Это справедливо как в отношении воспроизводства экономических отношений (производственного или делового цикла, экономических отношений, оборотов капитала и т.д.), так и тех моментов времени, когда экономические действия приводят к появлению *экономических обстоятельств*, обуславливающих *экономические изменения* с потенциальной трансформацией в *социальные обстоятельства, обуславливающие социальные изменения (изменения в других сферах общества)*. Экономические обстоятельства предстают не в качестве неизменных, константных причин, обуславливающих экономическую жизнь, но причин динамических, перетекающих от одной формы к другой, ослабляющих или усиливающих свое влияние как на хозяйственную, так и на социальную жизнь, а потому меняющихся, зависимых от социальной активности субъектов. В качестве особых форм меняющихся обстоятельств и флуктуаций в системе экономических отношений выступают *социальный факт, социальное явление и социальное событие*.

1) Экономический факт – детерминированные социально-экономическими действиями меняющиеся экономические обстоятельства, обуславливающие значимые изменения в отдельных элементах системы экономических отношений, системе ориентаций, а также привычном хозяйственном поведении субъектов в экономической сфере.

2) Экономическое явление – представляет детерминированные экономическими фактами меняющиеся экономические обстоятельства, обуславливающие структурные изменения в образе ведения хозяйственной деятельности и экономической активности субъектов системы экономических отношений.

3) Наконец, социально-экономическим событием является детерминированные экономическими явлениями меняющиеся экономические обстоятельства, обуславливающие качественно новые преобразования системы хозяйственных институтов и отношений, а также значимые изменения социальных отношений в различных сферах общественной жизни. В качестве примера социального события на постсоветском пространстве является трансформационный переход от социалистического способа ведения хозяйства к товарно-рыночным экономическим отношениям.

Необходимо подчеркнуть, что если экономический факт и экономическое явление затрагивают экономическую сферу общественной жизни, то социально-экономические события выходят за пределы экономических отношений, оказывают влияние на преобразования в других сферах общественной жизни.

Итак, в современном мире экономическая сфера жизнедеятельности общества является наиболее динамичной, тесно связанной с другими национальными экономическими системами и мировыми хозяйственными процессами сферой общественной жизни, тем самым выступая в качестве условий появления особых форм меняющихся обстоятельств как причин и факторов социально-экономических событий. Следовательно, экономические обстоятельства являются конкретным преобразующим фактором, оказывающим влияние на траекторию социально-экономической динамики жизнедеятельности общества.

Библиографический список

1. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. – 664 с.
2. Базылев, Н. И., Бондарь, А. В., Гурко, С. П. Экономическая теория: Учебник.2-е изд. перераб. и доп. Мн.: БГЭУ 1997. – 550 с.
3. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Д. А. Леванков,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Студенческая молодежь представляет собой особый социальный ресурс, который можно эффективно использовать с целью решения поставленных белорусским обществом задач. В данной социально-демографической группе существует множество вопросов и проблем, которые в том числе связанны с экономической активностью молодежи. Численность студенческой молодежи в Республике Беларусь ежегодно увеличивается большими темпами, на сегодняшний день в Беларусь численность студенческой молодежи насчитывает более 430 тыс. человек [1].

Молодежь является носителем инноваций, в связи с этим, задача повышение ее социальной и экономической активности – это один из важнейших факторов, которые позволяют совершенствовать и находить новейшие формы общественного и социального

устройства. Поэтому развитие и воспитание данной активности студенческой молодежи становится во главе стола вопросов по повышению уровня личности молодежной среды и развития государства. В высоко развитых государствах вопросы социально-экономической активности молодежи занимает очень важную нишу, что повышает конкурентоспособность и качество жизни студенческой молодежи.

Особенностью студенческой молодежи в качестве субъекта экономической активности заключается в том, что молодежь находится на несформированной жизненной ступени вопросов касающихся жизненных ориентаций, увлечений, интересов, проигрывания социальных ролей. Именно поэтому студенческую молодежь можно назвать самой активной группой людей.

Экономическая активность, как необходимая потребность студенческой молодежи, реализуется через призму определенного набора установок и ценностных ориентаций, которые определяют сферу мотивации индивида, вектор развития личностного потенциала, направленность интересов студента, а также дифференциация способов активной деятельности с целью удовлетворения возникающих потребностей. Критерием оценки экономической активности студента может выступать его позиция, которая характеризует различные отношения молодого человека с окружающей его средой. Видимым показателем формирования социально-активного студента является изменение мотивации в его развитии.

Делая попытки дать характеристику экономической активности студенческой молодежи, можно столкнуться с тезисом о том, что студенческая активность молодых людей возникает в качестве ответной реакции на дискриминирующий неполноценный статус студенческой молодежи в обществе, на присутствие определенных трудностей социализации, а также большой зависимости студентов от социально-экономического развития страны.

Экономическая активность студенческой молодежи с легкостью находит свое проявление, когда степень включенности студента в структуру общественных отношений высока. Когда эта степень включенности в решении социальных и экономических вопросов низкая, то такое состояние определяется понятием социально-экономической пассивности. В то время, как экономическая активность показывает деятельность студента в углубленном и усиленном, основательном виде, то экономическая пассивность характеризует отсутствие какой-либо деятельности или её крайне слабую выраженность.

Студенческая молодежь образует социально-профессиональную группу, которая связана между собой общим видом деятельности. В этой связи вступают в действие факторы, которые характеризуют их в качестве общности интересов, имеющие групповое сознание, некую специфическую субкультуру и образ жизни, всё это усиливается при помощи возрастной однородности.

Когда речь идет о первичных социально-экономических факторах студенческой активности, то, в первую очередь, сюда следует отнести материальное положение молодых студентов, их уровень доходов, а также степень имущественного расслоения среди студентов. Все эти факторы дополняются еще и тем, что студенты, особенно выпускники вузов, подвергаются определенным ограничениям социального продвижения, или, другими словами, отсутствию социальных лифтов. Эти причины являются почвой, на которой развивается социально-экономическая активность студенческой молодежи.

Иные проблемы социально-экономического характера для белорусской студенческой молодежи проявляются в дискриминирующем отношением, нарушением трудовых прав студенческой молодежи, такая проблема является актуальной не только для выпускников вузов, но и в целом для студентов старших и младших курсов, которые планируют свое трудоустройство после окончания обучения в вузе [2].

Экономическая активность белорусской студенческой молодежи характеризуется высокой долей мобильности и способностью с легкостью адаптироваться к инновациям. В тоже время, белорусские студенты проявляют высокую готовность к быстрой смене ха-

рактера трудовой деятельности, в первую очередь это связано с тем, что только у 28% студентов работа соответствует их интересам и потребностям [3]. Большое внимание студенты Беларуси при выборе трудовой деятельности уделяют размерам оплаты труда – 63% студентов желают иметь высокую зарплату, при этом, 48% хотят иметь её ещё на старте карьерной лестницы [3], данные ожидания находят свое отражение в том, что около половины студентов хотят видеть себя в руководящем составе организации, а также периодически задумываются об открытии своего собственного дела [3].

Из-за большой общественной важности роли студенческой молодежи возникает важность ее экономической активности, потому что благодаря осуществлению самостоятельной и сознательной деятельности студенческая молодежь может поднять высокого уровня в профессиональной сфере, а также компетентно решать возникающие перед обществом острые социально-экономические вопросы и проблемы.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь / Статистический ежегодник Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2013. – Минск. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_105/. – Дата доступа: 27.09.2015.
2. Бригадин, П. И. Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998–2009 гг.) / П.И. Бригадин [и др.]; под ред. П. И. Бригадина, И. В. Левицкой. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 207 с.
3. Информационно-аналитический центр при президенте Республики Беларусь / Сборник материалов социологических исследований за 2013 год [Электронный ресурс]. 2013. – Минск. – Режим доступа: http://iac.gov.by/sbornik/007.pdf. – Дата доступа: 29.09.2015.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ЦЕНТРЕ – ПЕРИФЕРИИ» В СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ БЕЛОРУСОВ

Р. А. Смирнова,
доктор философских наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Одним из малоисследованных аспектов современного знания о белорусском социуме остаются представления о месте и роли в нем провинции, провинциальной культуры, взаимосвязи центра и периферии, а также их влияния на самоощущение и образ жизни живущих там людей. И хотя региональные исследования все более привлекают внимание общественной науки, история, механизмы развития, потенциал и возможности белорусской провинции для социальной интеграции, самоидентификации и социализации личности и общества, еще не получили должного внимания. Место и функция провинции в жизни нации как целого, степень зависимости от «центра» и границы интерпретации его влияния − этот круг вопросов становится чрезвычайно актуальным в исследовании региональной культуры и социальных процессов.

Обострение дискуссий на тему провинциальности и провинции в культуре и социуме обусловливается ценностной асимметрией в отношении «центр – провинция», в соответствии с которой культура «центра» (например, столицы) признаётся в качестве непререкаемого образца для подражания провинциальными культурами, в данном контексте «недостаточно развитыми и отсталыми». Это усугубляется тем, что в условиях глобализации считается нормой единообразие образа жизни, менталитета, ценностно-нормативной системы, культуры «центра» и «провинции». Более того, провинциальная культура признаётся «устаревшей», менее значимой для современности, чем культура глобальная и общедоступная для всех.

Данная проблема не может быть решена с помощью упрощенных ответов и простого копирования интерпретаций историко-культурного опыта других стран и народов, в частности, чрезвычайно богатого опыта научно-теоретического и искусствоведческого (литературного) обобщения данных о провинциальном социуме и культуре российской гуманитаристики. В ходе анализа оказалось, что простым наложением образа российской провинции на белорусскую действительность трудно обойтись. Дело в том, что в Беларуси исторически сложились специфические взаимоотношения центра (столицы) и периферии (провинции), отличные от российских, связанных с местом страны в геополитическом пространстве. В отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, которые были (хотя и в разное время) единственными и непререкаемыми образцами не только для мелких провинциальных городов, но и для крупных городов Российской империи, включая Минск, последний не играл такой довлеющей роли на белорусские города. В этом отношении даже трудно было называть такие города, как Могилев, Витебск, Гродно и Брест более провинциальными, нежели Минск. Но и города меньшего масштаба не ощущали свою провинциальность. И не только, например, Борисов или Мозырь, но и Несвиж, Волковыск, Лида, Мир и др., в силу богатого исторического прошлого и довольно активным социально-экономическим и политическим отношениям.

Тем не менее, начиная с середины XX века, ознаменованного развитием индустриальной эпохи, новых форм политической регуляции территориально-поселенческого устройства в стране и введением унифицированных норм и правил архитектурно-

градостроительной застройки на территории Советского Союза, роль и значимость небольших городов Беларуси, особенно, малых, радикально изменилась. В первую очередь, произошли изменения в экономике малых городов: она все более сводилась к моноэкономике, направленной на обслуживание и управление отраслями аграрной сферы. Это привело к социально-структурным переменам – малые города стали концентрировать трудовые ресурсы преимущественно из специалистов и работников по обслуживанию аграрной экономики и живущего в них населения и окружающих сельских поселений. Соответственно, сузились возможности провинциальных городов в обеспечении населения социальными ресурсами самореализации и повышения своего социального статуса. Многие, широко известные производства и промыслы сами собой стали пропадать или перепрофилироваться в соответствие с принимаемыми правительством республиканскими планами социально-экономического развития. Соответственно, город (местное сообщество) стал терять качество субъктности, превращаясь в объект социальной, экономической и культурной политики государства. Потеря местным сообществом социальной субъектности постепенно привела жителей провинциальных городов к несамостоятельности в решении внутригородских вопросов, социальной пассивности и патернализму в отношениях с вышестоящими властными структурами. Все эти изменения привели не только к снижению роли провинциальных городов в составе страны, но и к стиранию культурных особенностей в менталитете, способах деятельности и духовной жизни провинциалов. Мало того, слово «провинциал» стало нарицательным, что стимулировало население, особенно молодежь, к стремлению не быть им, а быть городским, более того, стать жителем столицы. Отсюда – снижение человеческого потенциала белорусской провинции, затухание активной социальной и политической жизни (или сужение активности до уровня удовлетворения сугубо материальных, экономических, а по существу первичных потребностей) в провинциальном городе, потеря им социокультурного своеобразия. Круг замкнулся.

Необходимо отметить, что за годы реформ в белорусской провинции наметились глубокие институциональные изменения. Однако многие накопившиеся проблемы ее развития остаются нерешенными, в частности, связанные, в основном, с ориентацией на моноэкономику – производство и переработку продукции сельского хозяйства. И хотя в ходе социально-экономических реформ в стране созданы основы многоукладной экономики, законодательно закреплено право выбора форм производства, переработки и хозяйствования, в малых городах, как правило, повсеместно преобладают отрасли, обслуживающие сельское хозяйство или предоставляющие услуги населению. В связи с достаточно узким спектром рынка труда, худшими, по сравнению с крупногородскими, инфраструктурой и уровнем заработной платы, провинция перестает быть привлекательной для жизни, ограничивая возможности самореализации и развития людей, что влечет за собой застойные явления и усиленные миграционные процессы (особенно из сел и малых городов сельского типа). Эти проблемы касаются не только Беларуси – подобные процессы наблюдаются во всех развитых странах.

В массовом сознании существуют разные критерии отнесения той или иной территории, населенного пункта, явления к провинции. Наиболее распространенным явился подход, построенный на основе территориальной оппозиции «провинция – центр». В этом плане Минск – это центр, столица, провинция – все остальное. Существует также урбанистический подход: провинция – это не город. В основном к ней относят сельские населенные пункты, пригороды, окраины, малые города полусельского типа. Не менее распространенным является ресурсный подход, подчеркивающий обделенность провинции культурными, материальными, социальными благами, «низкое качество» провинциальной жизни: оторванность от культуры, цивилизации, образовательных центров, современного стиля жизни, низкий уровень жизни, безработица, безденежье, неразвитость социальной сферы, плохие бытовые условия, зависимость от центра, дотационность. Встречаются и формальные критерии, подчеркивающие масштаб и административный статус поселения

(при этом для одних провинция – это областной город (по отношению к Минску), для других это поселок городского типа [1, с. 30–31].

Совершенно очевидно, что при использовании понятия «провинция» доминируют два основных значения: пространственное и социальное. В первом случае провинция рассматривается как некоторое пространство, центром которого выступает город (в конечном итоге, столица государства – метрополия); провинция в этом смысле является продолжением городской агломерации, ее периферией, зависящей от центра.

Во втором случае провинция трактуется как некоторый набор социальных институтов, существующих в активной форме на ее территории в качестве социальной системы и пространства. Провинция в таком контексте – самостоятельная структура, хотя и связанная с другими, соседними, но обладающая своей собственной спецификой, в том числе культурной.

Оба эти значения объединяет то, что провинция – это связь местного сообщества (социальной системы) и социального пространства. Суть провинции состоит в том, что она воспринимается как своеобразный «культурный мир», обладающий помимо географических, природно-климатических и исторических особенностей набором собственных ментальных характеристик. Ментальность провинциального социума, его образ жизни являются важнейшей характеристикой провинции. Провинциальное сообщество определяет нормативно-ролевые образцы поведения и эталоны социализации, задавая индивидам типические социальные черты (язык, ценности, информацию, картину мира, способы поведения и т.д.), ориентируя на обретение одобряемых качеств личности и моделей поведения.

Рассмотрение провинции с социологической точки зрения заключается в подходе к ней как к социокультурному сообществу, которое образуется в результате деятельности социальных субъектов − сельских жителей и населения малых городов, социальных групп, организаций региона, выполняя по отношению к ним и стране (в целом – обществу) определенные функции и являясь средой, которая мотивирует их на те или иные формы поведения и деятельности. В этом смысле провинция выступает как открытая развивающаяся социальная система, имеющая географические и административно-территориальные параметры, социально-культурное пространство, особенности образа жизни, идентичности, условий социализации, менталитета и ценностных ориентаций. Провинциальность же, как характеристика проявления субъектности, определяется как статусная позиция, достигаемая в процессе адаптации и интеграции в конкретном социально-территориальном сообществе, обусловленная средой обитания, зависящей от социально-экономических, демографических, этнических особенностей, менталитета и степени урбанизированности провинциального социума.

В соответствие с этим провинциал – это представитель провинциального сообщества, характеризующийся специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами и ценностями, являющийся объектом и субъектом социализации, социальной адаптации, самоопределения и самоидентификации, ресурсом и потенциалом социальной структуры регионального социума. В основе провинциальной социализации лежит территориальная идентификация, предполагающая выработку и закрепление определенных социальных представлений, образов принадлежности к определенному социальному пространству. В этом контексте отличительной чертой белорусской провинции является то, что регионы, относящиеся к ней, многие века были ареной взаимодействия Востока и Запада, язычества, православия, католицизма и иудаизма. Это порождало уникальные поведенческие практики, стереотипы сознания и поведения, сформировало менталитет населения, живущего в этих регионах. Сложившиеся на протяжении веков ментальные особенности, как показывают исследования, и сейчас оказывают существенное влияние на социальное воспроизводство и развитие белорусской провинции.

Говоря о малом провинциальном городе, нужно иметь в виду, что, во-первых, он включен, наряду с другими провинциальными, крупными и столичными городами, в

культурное целое; во-вторых, он территориально отделен от столичного города и, хотя выделен из аграрной среды (наличием более сложной системы разделения труда и социальной структуры), несет социальную функцию в качестве социально-экономического, организационно-управленческого и культурного центра развития сельских регионов.

В контексте данного понимания провинциальный город – это малый город, относящийся к сельским регионам, отдаленный от столицы и крупного города. Данное понимание связывает столицу и крупные города с малым провинциальным городом, не касаясь собственно содержания связи. Содержание же детерминируется типом идентичности, лежащим в основе социокультурной интеграции и воспроизводства. Распределение характеристик столицы, крупного города и провинции, как и отмечалось, зависит от доминирующих ценностей общества и стереотипов, сложившихся в обществе.

Однако классическое противоречие в общественном мнении между привлекательностью жизни в крупном городе или столице и непрестижностью жизни в провинции ставит под угрозу основные планы сбалансированного развития региональных территорий. Уровень развития провинциальных регионов и привлекательность жизни в них находятся в большей зависимости от их приближения к современным социальным стандартам качества жизни, нежели от различий размеров заработной платы в городах и селах. Более того, отток трудоспособного населения провинции в крупные города обусловлен противоречием между наличными социальными ресурсами и потребностью в повышении собственного социального статуса, достижения образцов «нормальной» жизни, осуществления своих профессиональных, социальных и культурных целей, ожиданий и потенций, реализация которых в крупном городе способна предоставлять намного большие возможности, чем провинциальная среда.

Усиление акцента на таких формах социальных ресурсов, которые способны снять дефицит в человеческом капитале, стать каналами повышения социального статуса и модернизации провинциального социума в целом, может компенсировать данный недостаток. Статусная позиция, т.е. «позиция» в вертикальной иерархии, выступает основной единицей социального пространства. Так как основой социального статуса в современном белорусском обществе выступает трудовая деятельность, профессия, то в необходимо уделять большее внимание проблемам профессионального становления, самосознания и социальной структуры провинциального сообщества. Это тем более актуально в связи с появившейся тенденцией нежелания молодежи работать на рабочих профессиях в агропредприятиях, на фабриках и заводах, в повышенной горизонтальной (текучесть кадров), и территориальной миграции (из села в город), падении среднего уровня квалификации рабочих, снижении социальной активности и классово-профессионального самосознания. Если к этому добавить непрестижность любых рабочих профессий, стигматизацию и клеймо (стереотипы) «деревенщины», «провинциальности», реально худшие условия жизни, труда и социальной сферы (образования, здравоохранения, культуры), объективно предоставляющие жителям провинции заведомо худшие шансы для жизненного успеха и личностной самореализации, то вполне объяснимы проблемы, связанные с необходимостью модернизации провинции, консолидации провинциального сообщества, его социальной структуры и привлекательностью жизни и работы в регионах.

Все это позволяет сделать вывод, что особенности провинциальных сообществ регионов зависят в значительной степени от уровня развития системы жизнеобеспечения и социальных ресурсов, степени урбанизированности населенного пункта и его пространственно-территориальных характеристик. Хотя население малых городов и сел располагает значительным человеческим потенциалом, он, в зависимости от выше указанных факторов, может лишь в небольшой части преобразоваться в активный социальный и культурный потенциал развития: в разных провинциальных сообществах данные факторы в определенной степени как блокируют деятельностный потенциал широких масс населения и утверждают пассивно-рутинный тип личности, так и мотивируют его.

Библиографический список

1. Шмерлина, И. А. Что такое провинция? / И. А. Шмерлина // Социальная реальность. – 2007. – № 3. – С. 30–31.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНА

Т. А. Гужавина,
кандидат философских наук, доцент,
Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Процессы модернизации, разворачивающиеся в России, весьма противоречивы. Модернизация призвана обеспечить политически стабильное социально-правовое демократическое государство с высокотехнологической экономикой и развитой социальной сферой. По мнению чл. корр. РАН Н. И. Лапина «…модернизация в XXI веке есть комплексный способ решения политических и экономических, социальных и культурных задач, которые в полный рост стоят перед государством и обществом в контексте внутренних, мегарегиональных и глобальных угроз и рисков; это совокупность процессов технического, экономического и социокультурного развития общества (страны и ее регионов), повышающих его конкурентоспособность» [3, с. 4]. Единой модели преобразований российской действительности не существует, поскольку Россия – это страна, имеющая очень разнообразные условия. И здесь уместно говорить о плюральной модернизации в России. Этот тезис имеет своим основанием концепцию множественных современностей, разработанную Ш. Эйзенштадтом и др.[1].

Очевидно, что модернизация страны невозможна без модернизации ее регионов[2]. Решение этой задачи означает создание конкурентоспособного регионального сообщества, готового не только занять передовые позиции, но и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан. Именно на региональном уровне практического решения требуют вопросы о взаимодействии между собой социально-профессиональных групп и территориальных сообществ, о понижении транзакционных издержек в частном бизнесе, о путях самоорганизации для реализации или защиты групповых интересов, о повышении эффективности функционирования власти. На многие из возникающих проблем можно найти решения, опираясь на концепцию социального капитала.

Исследования показывают, что социальный капитал можно рассматриваться как ресурс, влияющий на экономический рост, на общественное благосостояние, на эффективность реализации социальных программ и на многое другое. От него зависит качество общественных и государственных услуг, а так же качество госуправления. Исследования социального капитала носят междисциплинарный характер и осуществляются как в рамках экономической теории, так и социологии, политологии, социальной психологии, культурологии. Сегодня это динамично развивающееся направление. Концепция имеет достаточно глубокие интеллектуальные корни в трудах исследователей еще XIX столетия. И наиболее близки этой концепции идеи Э. Дюркгейма, К. Маркса, А. Токвиля. Сегодня среди исследователей можно найти как зарубежных, так и отечественных ученых.

Сложность в трактовке социального капитала, отражающая его многоаспектную сущность порождает методологические трудности в вопросе его измерения и оценки. Проблема состоит в том, что на данный момент отсутствуют устоявшиеся методики, наблюдается несовершенство методологии, снижается качество данных. Измерение социального капитала может происходить в зависимости от избранного исследовательского подхода и понимания его структуры. Обычно изучение идет на микро- и макро- уровне экономической системы с применением количественных и качественных методов измерения. Еще одно направление в измерении социального капитала – это измерение его компонентов. Не смотря на всю сложность разработки категории социального капитала, в

научной среде накапливается опыт измерения данного феномена.

Оценку некоторых характеристик социального капитала, имеющегося в Вологодской области можно давать на основе анализа результатов проводимых ИСЭРТ РАН социологических исследований [4]. В качестве индикаторов измерения мы можем использовать две группы показателей. Первая группа включает в себя характеристики, которые позволяют оценить способность регионального сообщества к образованию широких коалиций. Сюда относится измерение институционального доверия, участия в коллективных действиях, солидарности, включенности в социальные сети, ответственности за положение дел и готовности к объединению. Вторая группа индикаторов оценивает закрытые общественные связи: доверие к близким людям, ограниченный семьей и ближней средой обитания (домом) круг ответственности.

Полученные в результате многолетних исследований данный показывают, высокий уровень доверия Президенту (2007 г. – 60,3 %, 2010 г. – 56,7 %, 2014 г. – 57 %). В диапазоне оценок от 40 до 50 пунктов находятся так же Правительство и Церковь. Средний уровень значений (от 30 до 40 пунктов) весь период измерений достигают Совет Федерации, Армия, Госдума, руководство области и ряд других институтов. Наименьший уровень доверия имеют политические партии (15–20 %), банковские и предпринимательские круги (16–20 %). В регионе преобладает «вертикальное доверие». Это свидетельство, с одной стороны, силы властных структур, прочности их позиции. С другой, в данном показателе находит свое отражение и ценностная система населения, носящая патерналистский характер. Поддержка населением властных и силовых структур, причем именно вертикально ориентированных, может служить и отражением авторитарного типа политической системы российского общества. В целом же можно с уверенностью говорить о недостатке доверия со стороны населения как центральным, так и региональным властям. Но недостаток доверия отнюдь не означает автоматического повышения уровня недоверия.

Значимым показателем социального капитала, залогом готовности населения к объединению является уровень солидарности, сплоченности населения. Оно незначительно в стране (2011 г. – 14 %, 2013 г. – 14 %, 2014 г. – 30 %) и выше среди близкого окружения (2011 г. – 47 %, 2013 г. – 52 %, 2014 г. – 61,4 %). Как положительную можно отметить тенденцию к росту сплоченности. И по другим показателям высокие оценки преобладают применительно к семье, к коллегам по работе, и наблюдается резкий спад по отношению к городу, области, стране. Вполне очевидно, что ориентация на семью, на коллег по работе явно говорит о неширокоm радиусе доверия, об ориентации на близкий круг людей. Ориентация на ближнее окружение, более высокий уровень доверия в этом окружении говорят о преобладании социального капитала закрытого типа или о преобладании так называемых групп «Олсона». Эти группы получают распространение в периоды кризисных ситуаций. Но они могут играть двоякую роль. С одной стороны, они могут помогать своим членам в трудных ситуациях, оказать им поддержку. С другой стороны, ограничивая взаимодействие с другими группами, они могут способствовать формированию конфликтных отношений и социальной напряженности.

Не смотря на демонстрацию на вербальном уровне стремления к единению, на уровне практических действий мы не наблюдаем серьезных изменений. Около 60 % респондентов стабильно заявляют о своей пассивной позиции. Наблюдаемый низкий уровень включенности в деятельность каких-либо организаций не позволяет реально осуществлять гражданам действия в защиту своих интересов. Данный показатель может служить также индикатором относительно низкого уровня открытого капитал в регионе.

Подводя некоторые итоги, отметим следующее. Можно со значительной долей определенности говорить о наличии в регионе социального капитала. Значимым фактором оценки социального капитала выступает доверие. Однако в целом можно предположить, что в регионе преобладает закрытый социальный капитал, ориентирующий его носителей на выживание в условиях кризиса. Присутствует в области и открытый тип социального капитала. Но предстоит еще выявить возможности каждого типа для преодоления послед-

ствий кризиса, найти механизмы поддержки социального капитала и нацелить его на повышение конкурентоспособности региона.

Библиографический список

1. Eisenstadt, Shmuel N. 2000. Multiple modernities. Daedalus 129 (1):
2. Ильин, В. А. проблемы модернизации российских регионов [Текст] / В. А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз // № 4 (28). – 2013. – С. 9–20
3. Лапин, Н. И. Социокультурные факторы Российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социс [Текст]: № 9. – 2011. – С. 3–17.
4. Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН) 2008-2014 г.г. URL :http://www.vscc.ac.ru

ОБРАЗЫ «ТИПИЧНОГО ГОРОЖАНИНА» И «ТИПИЧНОГО СЕЛЬЧАНИНА» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Т. В. Кузьменко,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Обращение к изучению и сравнительному анализу образов «типичного горожанина» и «типичного сельчанина» обусловлено противоречием между объективной необходимостью укрепления человеческого потенциала современной белорусской провинции, привлечению в села и малые города квалифицированных кадров, способных участвовать в модернизации производства, и преобладанием негативных представлений о жизни и труде в малых городах и селах. Так, доминирование негативных стереотипов массового сознания в отношении к сельскому образу жизни, сельчанину и труду в сельском хозяйстве неизбежно ведет к снижению социального и культурного статуса жителя села и, как следствие, – к росту миграционных настроений сельчан, утрате мотивации у молодежи на занятие сельскохозяйственным трудом, и в конечном итоге, к снижению человеческого потенциала сельских регионов. Вместе с тем, объективные условия требуют сохранения и укрепления человеческого потенциала и формирования адекватной потребностям развития общества социальной структуры, где работники сельского хозяйства (от сельскохозяйственных рабочих и крестьян до кадров высшей квалификации, сельской интеллигенции, фермеров и предпринимателей) занимают адекватное своей социально-профессиональной и общественной значимости и затрачиваемым трудовым усилиям место.

В этой связи изучение стереотипов в отношении жителей провинции, а также выявление способов изменения существующих стереотипов в отношении сельчан и поиск возможных путей изменения стереотипов в отношении к сельской жизни становится важной исследовательской задачей, актуальной не только для более глубокого понимания социальных процессов, но и для целенаправленного воздействия на них, а также для разработки планов, прогнозов развития и выявления основных направлений социально-экономического развития провинции. Работа по перестереотипизации предполагает наличие так называемой «карты стереотипов» разных групп и слоев населения – всего культурного контекста данного общества. В этой связи требуется своеобразная диагностическая работа, которая позволила бы выявить особенности стереотипов в отношении провинции, провинциального образа жизни, дать им характеристику в контексте соотношения город − село, центр − провинция, а также с точки зрения соответствия потребностям эффективного развития общества.

Таким образом, целью исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 г. под руководством д.ф.н. Р. А. Смирновой, стало выявление значимых

стереотипов в отношении сельчан и горожан, определение значения стереотипов в процессе формирования поведенческих установок жителей села и города, а также анализ основных объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование стереотипов в отношении жителей села. В республиканском социологическом опросе приняли участие 1458 человек, из них 955 жителей села, 503 – города.

Результаты исследования показали, что образы типичных жителей города и села являются достаточно понятными для респондентов: удельный вес данных характеристик для обоих выделенных типов близок к 1, а число тех, кто затруднился как-либо описать их, находится в пределах статистической погрешности. Это означает, что участники опроса давали максимально полные характеристики типичных представителей города и села, используя при этом довольно широкую палитру дескрипторов. Полученные образы довольно существенно разнятся для анализируемых типов. Кроме того, и сами респонденты отметили, что горожане и жители сельской местности отличаются друг от друга: так считают 65 % опрошенных, ощутимых различий не увидели 23 %.

Типичного жителя города респонденты наделяют такими качествами как деловитость, образованность (по 76,4 %), современность (76,2 %), суетливость, торопливость (70,2 %), богатство, обеспеченность (66,5 %). И городские жители, и сельчане характеризуют типичного горожанина целым рядом коммуникативных черт личности с выраженной негативной окраской (заносчивость, высокомерие, наглость (69,6 %), эгоизм, индивидуализм (65,4 %), лень, изнеженность (65 %), «себе на уме», хитрость (59,8 %), жадность (59,7 %), черствость (58,1 %), разобщенность (57,3 %), грубость (50 %)). Следует отметить, что в ответах преобладает негативная окраска: удельный вес положительных характеристик более чем в 1,5 раза ниже, чем негативных (0,28 и 0,45 соответственно). Дескрипторы личностно-коммуникативного плана с выраженной позитивной окраской в перечне характеристик находятся лишь на 20−25 ранговых позициях: надежность, основательность − 29,5 %, честность, порядочность − 26,1 %, спокойствие, уравновешенность − 24,4 %, отзывчивость − 23 %, доброжелательность − 22,9 %, доброта − 21,9 %.

В образе типичных сельчан указанные положительные характеристики, напротив, преобладают. Доля дескрипторов с положительной окраской составила 0,55, с негативной – 0,44. Первые 4 позиции в перечне характерных черт сельчан занимают хозяйственность (81 %), отзывчивость (76,6 %), доброжелательность (75,7 %), доброта (74,2 %). Высокие значения получили и такие характеристики коммуникативно-личностного плана как сплоченность (65,8 %), спокойствие, уравновешенность (56,8 %), честность, порядочность (56,6 %), надежность, основательность (43,5 %). Вместе с тем, в представлениях большинства респондентов житель села предстает как пьющий (71,1 %), бедный (68,7 %), несовременный, отсталый (62,2 %), необразованный (60,1 %), неопрятный (56,8 %).

Таким образом, типичные представители города и села находятся в представлениях респондентов в своего рода оппозиции положительных и отрицательных черт коммуникативно-личностного плана. Типичный сельчанин видится большинству опрошенных наделенным достаточно широким спектром положительных человеческих моральных качеств, однако, вместе с тем, бедным, несовременным, отсталым, пьющим, необразованным, неопрятным.

Факторов формирования и закрепления негативных стереотипов в отношении сельского образа жизни множество. Процесс формирования социальных стереотипов происходит в условиях становления новой социальной структуры общества, противоречивого характера социализации молодежи. С одной стороны, произошел кризис ролевой функции старших поколений как образца для подражания, социально-профессиональные страты, к которым принадлежат родители (представители рабочих профессий, труженики сельского хозяйства, учителя, врачи и т.п.), нередко интерпретируется как общность неудачников. Молодые люди испытывают потребность вписаться в формирующиеся новые социальные группы, где успешный человек воспринимается как финансово независимый, физически здоровый и имеющий множество социальных связей. Активность, независимость, нова-

торство, продуктивность, потенциал становятся основными ценностями в жизни молодежи. В сравнении с ними жители провинции выглядят их «антиподами»: пассивными, замкнутыми людьми, не имеющими перспектив. Сельчанам в силу более низкого уровня доходов и потребления, преобладания непрестижного, тяжелого физического труда, недостаточно развитой инфраструктуры на селе и, как следствие, недоступности многих социальных и культурных услуг, информационной оторванности села такие характеристики свойственны в меньшей степени.

Современным запросам, по мнению большинства респондентов, отвечает именно жизнь в городе: здесь больше возможностей для карьеры и профессионального роста (так считают 84,9 % сельчан и 93,2 % горожан), легче заработать деньги (79 % и 86,7 % соответственно), больше возможностей для образования и воспитания детей (85,4 % и 92,8 %), проще получить качественное медицинское обслуживание (86,8 % и 93,8 %), люди лучше одеваются (63,7 % и 83,5 %), больше возможностей для участия в общественно-политической жизни страны (61,5 % и 80,1 %). Вместе с тем, городская жизнь в представлениях респондентов имеет и свои негативные стороны, среди которых дороговизна жизни и коммунальных услуг (так ответили 59,9 % сельчан и 80,3 % горожан), разобщенность между людьми (53,8 % и 67,2 %), высокий риск стать жертвой воров, мошенников (51,4 % и 63,6 %). Среди наиболее примечательных особенностей сельской жизни для большинства сельчан и горожан – более чистая экологическая среда (84,4 % и 90,1 %), более тесная связь с природой, животным и растительным миром (88,3% и 91,5%), более трудоемкий физический труд (82,6 % и 80,3 %), больше возможностей для получения дополнительного дохода за счет ведения подсобного хозяйства (77,8 % и 75,3 %), более теплые взаимоотношения с соседями и жителями своего населенного пункта (71,4 % и 72,4 %), более добрые и отзывчивые люди (по 59 %), а также традиционный образ жизни (52,6 % и 49,1 %).

Таким образом, содержание стереотипов «типичный житель города» и «типичный житель села» существенно различается, что подтверждает выдвинутое теоретическое предположение о наличии измерения «центр − провинция» в структуре идентичности современных жителей Беларуси. Существующие стереотипы в отношении сельчан (и горожан) условно можно разделить на две основные группы: позитивные и негативные. В основе позитивных стереотипов лежат важность жизненного опыта, мудрости, человеческих качеств. Негативные стереотипы базируются на диаметрально противоположной разнице между такими ценностями, как активность, перспективность, инновационность и ограниченными возможностями жителей провинции, их традиционным, консервативным укладом жизни. Основными факторами формирования социальных стереотипов в отношении сельского и городского образа жизни, поселенческой идентификации людей выступают их включенность в производственную и коммуникативную деятельность в рамках различных социальных институтов, территориальная привязка к месту проживания, а также направленное влияние средств массовой информации, транслирующих и навязывающих образцы поведения в различных сферах поведения и потребления людей.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Г. Злотников,
кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
г. Гомель

Демографическая ситуация в Республике Беларусь уже более двух десятилетий характеризуется устойчивой тенденцией уменьшения численности населения. И хотя в последние годы в результате активной социальной политики в репродуктивной сфере в Бе-

ларуси наблюдается повышение уровня рождаемости, тем не менее, происходит рост уменьшения численности населения страны. Это, на наш взгляд, связано с повышением степени влияния на демографическую ситуацию миграционных процессов.

Так, во второй половине 2000-х гг. в сфере рождаемости наметилось улучшение ситуации. Если самый низкий уровень рождаемости в этом столетии пришелся на 2003 г., когда общий коэффициент рождаемости составил 9,0 ‰, то в 2007 г. он уже вырос до 10,8, в 2010 г. – 11,4, а в 2013 г. и 2014 г. – 12,5 ‰.

Тем не менее, при наметившихся положительных тенденциях в сфере рождаемости в Беларуси по-прежнему происходит сокращение общей численности населения. Наибольшая численность Беларуси составляла 10367,5 тыс. чел. (на начало 1994 г.), которой международная статистика оперирует и ныне (по корректировке 1996 г. в национальной статистике наивысшей численностью населения страны на начало 1994 г. считается 10243,5 тыс. чел.). Ныне на начало 2015 г. численность населения Беларуси составляет 9480,9 тыс. чел., т.е. за почти два десятилетия численность населения страны сократилась почти на 900 тыс. чел. Причем, в последнее десятилетие темпы и размеры этого сокращения значительно увеличились. Так, за межпереписные 1989–1999 гг. это сокращение составило 106,6 тыс. чел., а за период 1999–2009 гг. – 541,4 тыс. чел. Т.е. за последний межпереписной период это сокращение оказалось в 5 раз большим, чем за предыдущие межпереписные годы.

Интересной является тенденция изменения роли составляющих демографических показателей в этом уменьшении численности населения страны. Так, за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7 %, а за период 1999–2008 гг. эта пропорция составила 58,1 и 41,9 %. Это означает, что за последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь по сравнению с предшествующим десятилетием за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза, а за счет миграционных потерь рост составил 8,8 раза. Это свидетельствует, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния миграции на депопуляционные процессы. Этот вывод автора вступает в противоречие с доминирующей оценкой, будто демографическим процессам Беларуси характерно положительное миграционное сальдо.

Согласно данным текущего статистического учета величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI столетия постоянно характеризуется положительным сальдо. К примеру, по этим данным за 2010–2014 гг. положительное сальдо миграции Республики Беларусь составило соответственно: 2010 г. – 10303 чел., 2011 г. – 9900 чел., 2012 г. – 9328 чел., 2013 г. – 11643 чел. и 2014 г. – 15722 чел. [1, с. 418]. В том числе согласно этим данным положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза составило соответственно: 2010 г. – 10561 чел., 2011 г. – 10048 чел., 2012 г. – 7590 чел., 2013 г. – 10293 чел. и 2014 г. (без балтийских стран и Грузии) – 13943 чел. Из них по данным национального текущего статистического учета на долю Российской Федерации положительное сальдо миграции Республики Беларусь составило соответственно: 2010 г. – 5031 чел., 2011 г. – 4713 чел., 2012 г. – 3067 чел., 2013 г. – 4772 чел. [1, с. 418].

Такая динамика согласно данным национального текущего статистического учета фиксировалась и в предыдущие годы. Прошедшие в 1999 и 2009 гг. переписи населения выявили, что фактически положительного миграционного сальдо не наблюдалось (табл. 1).

Таблица 1. **Сравнительная характеристика сальдо миграции Республики Беларусь по данным текущего статистического учета и после перерасчета переписей населения 1999 и 2009 гг. (тыс. чел.)**

Годы	Текущий учет	Перерасчет после переписи	Отклонение
2000	12,1	-4,6	16,7
2001	9,1	-17,7	26,8
2002	5,6	-11,8	17,4
2003	5,2	-13,2	18,4
2004	2,1	-14,2	16,3
2005	1,9	-15,8	17,7
2006	5,6	-9,2	14,8
2007	4,7	-7,7	12,4
2008	8,2	-2,8	11,0
2000-2008	54,5	-97,0	151,5

Рассчитано на основе данных: 1

Так, по данным текущего статистического учета миграционное движение Республики Беларусь за период между переписями населения составило прирост в 54,5 тыс. чел. Перерасчет динамики движения населения после переписи 2009 г. за период 2000–2008 гг. выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. чел. Это свидетельствует о сложности проблемы определения масштабов белорусской миграции в целом и белорусско-российской миграции населения, в которой Республика Беларусь выступает как страна рецепиент, так и страна донор. Это подтверждают и сопоставимые и статистические данные миграционного движения между Россией и Беларусью, приводимые Росстатом и Белстатом (См.: табл. 2).

Таблица 2. **Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена по данным текущего статистического учета Национального статистического комитета Республики Беларусь [1, с. 423–425] за 2010–2014 гг. и Федеральной службы государственной статистики России [2] за 2010–2013 гг. (чел.).**

	Данные Белстата			Данные Росстата		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9268	4237	5031	4894	2899	1995
2011	9666	4953	4713	10182	2622	7560
2012	8560	5493	3067	16564	6315	10249
2013	9150	4378	4772	15748	12031	3717
2014	9131	4669	4462			

По материалам текущего статистического учета, основанного на данных прибытия/убытия, собираемых департаментом по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, в белорусско-российском миграционном обмене в Беларуси за период 2010–2013 гг. имеется положительное сальдо в 17,6 тыс. чел. Однако по материалам Росстата Российская Федерация в безвозвратном белорусско-российском миграционном обмене Россия имеет положительное сальдо в 23,5 тыс. чел., т.е. отклонение составляет более 40 тыс. чел.

В этом противоречивой информации за верные можно принять показатели Белстата о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию – показатели Росстата, ибо и те и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фикси-

рующих реальное их прибытие. Что касается данных о выбытии в ту или другую страну, то часто мы имеем дело с намерением переехать в эту другую страну. Реальное оформление их в странах прибытия может затянуться надолго. Поэтому показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2013 гг. будут следующие: прибыло на постоянное место жительства в Беларусь из России – 36644 чел., а в Россию на постоянное место жительства из Беларуси прибыло 47388 чел. Это значит, что Россия имеет в миграционном обмене положительное сальдо в 10744 чел., а Беларуси – на эту величину отрицательное сальдо.

Если взять белорусские показатели текущего статистического учета выбытия в Россию, то они зафиксировали данные в 19061 чел., т.е. в 2,5 раза меньше, чем по российским показателям прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (т.е. из Беларуси) и оформлением документом как прибывших в другую страну (т.е. в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Росстата) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Белстата).

К этим другим факторам относится прежде всего величина трудовой белорусско-российской миграции, которая по нашим расчетам в различные периоды колебалась от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. чел. (2013–2014 гг.) белорусских граждан занятых на российском рынке труда. Этим Россия, во-первых, предоставляет возможность Беларуси снизить остроту с занятостью, обеспечить ей самый низкий уровень безработицы на просторах бывшего СССР. Во-вторых, трудовая миграция обеспечивает приток иностранной валюты в Беларусь. Но, в-третьих, одновременно белорусские трудовые мигранты удовлетворяют потребность российского рынка труда. И, в-четвертых, Россия в белорусских трудовых мигрантах видит возможность их перевода из трудовых мигрантов в постоянных жителей, граждан России. И то, что происходит в России, отражается и на процессах, протекающих в Беларуси. Это свидетельствует, что в современном развитии на постсоветском пространстве демографические процессы находятся во главе глобальных перспектив развития наших государств.

В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусы в России являются экспатами – теми, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданство: пока им там лучше и больше зарабатывают. Тем более, что по менталитету, социокультурным ценностям эти белорусы ничем существенно не отличаются от русских. Многие из них имеют два паспорта – гражданина Беларуси и гражданина России, что сказывается негативно на демографических процессах Беларуси. Это ставит перед Беларусью заботу сохранения своего демографического потенциала первостепенной. Ибо, как показывает исторический опыт многих стран, и Беларуси начала XX века в том числе, примерно 60 % трудовых мигрантов (а это наиболее активная и в репродуктивном плане) в итоге обживаются в принимающей стране.

Каков масштаб белорусской трудовой миграции на рынке труда России? Эта одна из важнейших информационных проблем. Если в отношении трудовых мигрантов на рынке труда России из других постсоветских государств российская статистика дает информацию, то в отношении трудовых мигрантов из Беларуси данные отсутствуют. Это связано с тем, что в результате действия Союза Беларуси и России белорусы на рынке труда России не считаются иностранными мигрантами.

Положительной для России тенденции в белорусско-российском миграционном обмене способствуют и активно реализуемые России с начала 2010-х г. социально-управленческие механизмы в миграционной сфере, Так, законом Российской Федерации о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей предусмотрены существенные преференции для мигрантов и членов их семей из стран – членов Таможенного союза, ориентируясь прежде всего на славянское население из Беларуси. Если прежние юридиче-

ские основы давали преференции только самим трудовым мигрантом из Беларуси, то новые, по сути дела, способствуют объединению семей, а значит в перспективе переезду их и закреплению в России. А для Беларуси это демографические потери. На демографическом поприще национальные интересы Беларуси и национальные интересы России не совпадают.

Одним из вариантов определения величины белорусских трудовых мигрантов в России воспользуемся информацией Центробанка России о переводах денег в Беларусь белорусскими трудовыми мигрантами из России. Так, во втором квартале 2015 г. физическими лицами-резидентами из России белорусские трудовые мигранты перевели 50 млн. дол. (в среднем – 321 дол.), физическим лицами-нерезидентами – 21 млн. дол. (в среднем – 316 дол.) [3]. Расчеты показывают, что численность трудовых мигрантов составила: физических лиц-резидентов – 157763 чел., а физических лиц-нерезидентов – 66456 чел., что в общем итоге составляет 224, 2 тыс. чел. Конечно, эти средние величины за квартал (соответственно 321 дол. и 316 дол.) – незначительные, ибо они соответствуют в сопоставимых величинах приблизительно среднемесячной заработной платы в Беларуси.

Думается, что лично привозится еще больше валюты. Думается, что и не все белорусские трудовые мигранты пользуются переводами. Дело в том, что о получаемых денежных (банковских и почтовых) переводах белорусские банки должны сообщать в налоговые службы и у получателей банковских переводах возникает ряд проблем. Поэтому о величине белорусских трудовых мигрантов на российском рынке труда (а ее не дают и российские источники) можно судить косвенно – на основе расчетных данных. И эта информация Центробанка России дает возможность определить в первом приближении белорусские демографические потери в миграционном обмене Беларуси и России. И эта величина даже в первом приближении свидетельствует, во-первых, о более высокой цифре величины трудовых мигрантов в России, чем считается на официальном уровне. А, во-вторых, она говорит о миграционных потерях.

Другим аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является ее демографическая структура. По данным текущего статистического учета Белстата в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших (пенсионных) возрастов, а в Россию по данным Росстата из Беларуси на постоянное место жительства переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического развития Беларуси. Это более образованное население.

Российское законодательство в последние годы создала преференции для граждан Беларуси, выступающих в качестве доноров, как привлечения этого населения для российского рынка труда, так и роста репродуктивной базы демографического развития России. Это означает, что такой миграционный обмен между Беларусью и Россией создает угрозу, как для внутреннего рынка труда Беларуси, так и для перспектив демографического развития.

Из каких стран прибывают мигранты в Беларусь? И какое влияние они оказывают на социально-экономические процессы и демографические развитие Беларуси? В последние годы наибольший отряд иммигрантов дают Украина и Китай. Только за первый квартал 2015 г. из 6857 трудовых мигрантов из Украины прибыло 3821 чел. и из Китая – 1331 чел. На другие страны (Россия, Узбекистан, Турция, Литва, Казахстан, Грузия, Азербайджан и Молдова), входящих в первую десятку трудовых мигрантов в Беларуси, приходится почти столько гастарбайтеров, как из Китая – 1472 чел. [4].

Является неоднозначной ситуация с мигрантами из этих стран. Значительная часть украинских мигрантов в связи с критической социально-политической ситуацией в этой стране изъявляет желание приобрести вид на жительство в Беларуси. Этому способствует

и белорусская политика, стимулирующая привлечение в Беларусь специалистов. Но, во-первых, материальные и финансовые ресурсы такого стимулирования в Беларуси незначительны. А во-вторых, оно фактически направлено на привлечение малоквалифицированных работников. Уже в первом квартале этого года фонд стимулирования миграции в Республику Беларусь (примерно это около 7 млн белорусских рублей на одного мигранта) оказался исчерпанным. В основном, украинским мигрантом предоставлялось рабочие место в аграрном секторе экономики, где зарплата не отвечала ожиданиям таких мигрантов. И многие из них, получив подъемные, уехали из хозяйств. Механизм возврата подъемных не выработан. Интересны и такие обстоятельства, что прибыв в хозяйство эти переселенцы, первым делом интересовались: когда и как можно продать выделенное ими жилье. Т.е. это означает, что украинские переселенцы считают свое пребывание здесь временным и вряд ли стоит на них рассчитывать, как на демографический потенциал. Они, как свидетельствуют, работающие с ними волонтеры, при урегулировании критической социально-политической ситуации в Украине в Беларуси не задержатся.

Что касается китайских трудовых мигрантов, то здесь ситуация гораздо сложная.

В начале июля 2015 года в около 250 китайских рабочих в сопровождении белорусского ОМОНа прошли почти 30 км пешком в Гомель из районного центра Добруш, где они были заняты на строительстве картонного комбината. Из Гомеля они намеревались пешком дойти до Минска (а это около 300 км), чтобы выразить своему посольству протест по поводу невыплаты за апрель – май заработной платы. До Минска они не дошли, в Гомель успел прибыть проинформированный о сложившейся ситуации с соотечественниками Чрезвычайный и полномочный посол КНР в Республике Беларусь Цуй Цумин. После «переговоров» с послом рабочие вернулись к месту жительства и работы. Местные власти предоставили протестующим автобусы для обратного проезда в Добруш «во избежании еще какого-либо инцендента». Официальная белорусская пресса об этом инценденте ничего не сообщала, хотя претензий у китайских рабочих к белорусским властям не было. Информация появилась только в интернете.

Это был конфликт между рабочими и подрядчиком, китайской компанией-застройщиком – XY Group (Xuan Yuan Industrial Development Co., LTD). Белорусские строители, которые также принимают участие в строительстве, претензий по оплате труда, хоть они получали значительно меньше китайских рабочих, не имели. Но этот демарш поставил много проблем, которые белорусской стороной до сих пор полностью не осознала.

В 2012 г. правительство Беларуси начало техническое переоснащение филиала «Добрушская бумажная фабрика «Герой труда» с организацией производства мелованных и немелованных видов картона. Общие затраты по проекту – 509,9 тыс. дол., из которых почти 70 % (348,6 млн дол.) в кредит сроком на 13 лет выделил Государственный банк развития Китая с условием, что строительство осуществляется в основном китайскими рабочими, которых в Добруше занято более тысячи человек [5].

Не вникая во внутренние китайские проблемы по организации труда, условия договора китайских рабочих со своей компанией, системой штрафов за срыв графика работ, порядком выплаты заработной платы, важно уяснить, а что имеет и что теряет белорусская сторона при использовании зарубежных кредитов и в частности, китайских кредитов и китайских гастарбатеров,м более, что только в Гомельской области их работает 3,5 тыс. чел. и только с начала 2015 г. их численность выросла на 1,6 тыс. чел. Всего в Беларуси работает более 10 тыс. китайских трудовых мигрантов.

Белорусская сторона эти кредиты рассматривает как своеобразные иностранные инвестиции в национальную экономику. Но на самом деле, этим кредитом в значительной степени инвестируется сама китайская экономика. И в случае с использованием в Беларуси на строительстве в основном китайских рабочих не только в Добруше, но и на многих других объектов, строительство которых осуществляется за счет китайских кредитов, мы можем вести речь об особом виде трудовой миграции – кредитной миграции.

Обычная трудовая миграция (гастарбайтеры) в финансовом отношении представляет способ перекачки и привлечения иностранной валюты в национальную экономику тех стран, откуда прибыли трудовые мигранты. Ибо, заработав ее в других странах, они привозят (или осуществляя почтовые или банковские переводы) финансы в свою страну. И здесь в своей стране, они меняют валюту, пополняя валютные средства страны, включают ее в оборот на различные производственные и потребительские нужды. Так, только в 2014 г. белорусские гастарбайтеры, занятые в России и других европейских странах только переводами инвестировали в национальную экономику 1,05 млрд дол. [6] А с учетом открытости белорусско-российской границы эта величина еще значительно больше.

Кредитная миграция, как в данном случае с китайскими строителями в Беларуси, во-первых, сохраняет валюту для своей (китайской) экономики (зарплата китайским строителям выплачивается в юанях, которая у тех, кто работает в Добруше, составила от 6 до 12 тыс. юаней в месяц, что составляет приблизительно от одной до двух тыс. дол.) [7] и, во-вторых, способствует инвестированию кредитора дебитором. И, кроме того, не сокращает отток белорусов на рынок труда других стран.

Дело в том, что часть кредита (переменный капитал), которая составляет заработную платы китайским строителям возвращается в Китай. Но тем не менее белорусская сторона эту часть кредита (уже возвращенную в Китай) будет в течение 13 лет погашать. Получается, что на таких условиях страна дебитор инвестирует экономику страны кредитора. И именно задержка расчетов по заработной платы строителям в Добруше подрядчиком компанией-застройщиком – XY Group выявляет этот аспект. К сожалению, те, кто озабочен привлечением в Беларусь как можно больше иностранных кредитов, не вникают в условия выделения китайских кредитов, что они осваиваются гражданами Китая. А это в результате одновременно способствуют тому, что кредитный долг увеличивается как минимум в полтора раза по сравнению с обычным выделением кредитов.

Ситуация в миграционных процессах Беларуси опровергает выводы белорусских аналитиков об их положительных последствиях. К сожалению, вывод разработчиков Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на период 2011–2015 гг., что страна имеет положительное сальдо внешней миграции, является ошибочным. Да, текущая статистика дает данные о положительном сальдо миграции в последние годы. Но, как было указано выше в таблицах 1 и 2, в предыдущий межпереписной период текущая статистика тоже давала положительное сальдо миграции, но перепись их опровергала. Эта тенденция дает основание предположить, что такая же судьба ждет выводы о положительном сальдо миграции в текущем послепереписном периоде.

Кроме общих потерь населения за счет миграции существует и ряд других проблем, негативно сказывающихся на демографическом развитии Беларуси. Таким явлением стало нарушение в возрастной структуре миграционного движения населения Беларуси половозрастной эластичности: Беларусь преимущественно покидает молодое население. Так, по итогам международного миграционного обмена Беларуси за 2006–2008 гг., когда он, будто, характеризовался в целом положительным сальдо миграции в 18447 чел., в возрастной когорте 25–29 лет Беларусь было отрицательное сальдо миграции (минус 526 чел.). Причем, среди женского населения Беларусь в возрастной группе 25–29 чел., т.е. потенциальных невест и матерей, отрицательное сальдо миграции составило минус 493 чел. В результате: во-первых, уменьшается демографический потенциал Беларуси; а, во-вторых, возрастает трудовая нагрузка на трудоспособное население, а значит – и на социальную сферу.

Негативно на демографические процессы оказывает и, во-первых, продолжающийся отток сельского населения в городскую местность, а также, во-вторых, отрицательный миграционный баланс областей со столицей (г. Минском). Перекачка активного демографического потенциала из областей в столицу, которая уже длительное время характеризуется среди регионов Беларуси низкой рождаемостью [1, с. 147, 150], уступая нижнюю строчку только Витебской области, не способствует росту рождаемости. Это свидетель-

ство о социологической закономерности – негативном демографическом эффекте больших городов. В результате в силу нарушения в межобластной миграции половозрастной эластичности в устойчивом развитии Беларуси усиливается негативное демографическое развитие областей. Президент Республики Беларусь не раз высказывал свою озабоченность этим обстоятельством. Преобладание в миграционном оттоке из сельской местности и областей молодежи отрицательно сказывается на демографическом и социально-экономическом положении села и областей. Не может быть устойчивым развитие страны без устойчивого развития его регионов, а демографический фактор – важнейший элемент этого устойчивого развития. Из-за оттока из регионов населения в наиболее активном демовоспроизводственном возрасте в них снижается рождаемость, а также трансформируется возрастная структура с преобладанием населения пожилого возраста.

Из трех важнейших демографических показателей (рождаемость, смертность, миграция) главными направлениями преодоления депопуляции являются обеспечение роста рождаемости и поворота в миграционном движении населения. В принципе, на подъем рождаемости и направлены все демографические мероприятия в стране. И проблема повышения рождаемости как главное направление в демографической политике является ведущей в социальной политике. Но рост миграции не компенсируется даже ростом рождаемости, что выдвигает проблему миграции, на наш взгляд, на первый план в демографической политике Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. 2015. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. – 449 с.
2. Демографический ежегодник России. 2014. Статистический сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики России, 2014 (Электронная версия).
3. http://finance.tut.by/print463398.html [Дата доступа 07.09.2015]
4. http://finance.tut.by/print455435.html [Дата доступа 10.07.2015].
5. http://finance.tut.by/print454527.html [Дата доступа 05.07.2015].
6. http://finance.tut.by/print455526.html [Дата доступа 10.07.2015].
7. http://finance.tut.by/print456029.html [Дата доступа 15.07.2015].

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

Е. В. Резанова,
кандидат социологических наук,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

На сегодняшнем этапе развития белорусского общества государство проводит целостную молодежную политику, главной целью которой является выявление и реализация интересов и потребностей молодежи, регулирование отношений между молодежью и обществом, молодежью и другими социальными группами с целью самореализации, самоопределения и успешной социализации молодых людей. Социальная сплоченность как взаимодействие молодежи, ориентирована на выработку совместной позиции в решении молодежных проблем. Для наиболее успешной реализации молодежной политики необходим всесторонний анализ социальных сетей и особенностей построения доверительных отношений молодых людей со своим окружением, а также факторов социальной активности молодежи – исследование социального капитала молодежи.

Социальный капитал молодежи – это совокупность ресурсов молодых людей, которые развиваются благодаря наличию устойчивой сети связей различных категорий молодежи с другими людьми, основанные на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах,

ценностях и доверии, развивающиеся в семье, в кругу друзей, в общественных организациях и объединениях, во время учебы и работы, и предоставляют определенные выгоды в виде эмоциональной, материальной и информационной поддержки, а также способствуют самореализации и самоопределению молодого поколения на микро, мезо и макроуровнях.

Теоретическая модель социального капитала работающей молодежи включает индивидуальный и организационный социальный капитал. Категории индивидуального социального капитала молодежи характеризуют включенность молодого человека в социальное окружение, социальную поддержку, оказываемую членами данного окружения, а также активность молодого человека в развитии своих социальных сетей и доверия. Статическими источниками индивидуального социального капитала являются семья, школа, вуз, молодежные общественные объединения, среда соседей и друзей, спортивные секции, творческие кружки, Интернет и т.д. Динамическими источниками индивидуального социального капитала является общественная, коммуникативная, творческая и физическая активность молодых людей в развитии своего социального капитала.

Для апробации методологии и выявления некоторых особенностей развития индивидуального социального капитала работающей молодежи можно выделить следующие ключевые показатели:

1. Насыщенность социальных сетей [1] (наличие широкого круга знакомых и друзей, с которыми общается молодой человек).
2. Разветвленность социальных сетей (наличие связей с различными категориями людей, с людьми, имеющими разное положение в обществе).
3. Вовлеченность в сети повседневных контактов и институциональные сети (частота встреч с друзьями и знакомыми, с людьми из различных общественных организаций).
4. Виды оказываемой помощи людьми социального окружения (простая, ресурсная, инструментальная помощь, а также помощь в доступе к должностным лицам).
5. Доверие (особое личное доверие и обобщенное доверие).

Организационный социальный капитал отражает новый этап формирования социальных связей и доверия работающей молодежи, которые развиваются в процессе трудовой деятельности. Категории организационного социального капитала молодежи характеризуют, с одной стороны, взаимоотношения молодых людей с коллективом работников в организации (горизонтальные сети и горизонтальное доверие), а с другой – взаимоотношения молодых работников и руководителей (вертикальные сети и вертикальное доверие). Внутренними источниками организационного социального капитала являются особенности мышления, жизненного опыта, личных целей и интересов молодых людей, приступивших к трудовой деятельности. Внешними источниками организационного социального капитала является организационная культура, а также система планирования информации и принятия решений в организации.

Ключевыми показателями организационного социального капитала работающей молодежи являются:

1. Горизонтальные сети (частота обращения к своим коллегам за помощью, возможность открыто обсуждать профессиональные проблемы).
2. Эмоциональное доверие (наличие доброжелательных отношений среди сотрудников, возможность получить различные виды помощи от своих коллег в решении своих личных проблем).
3. Рациональное доверие (уверенность сотрудников в профессионализме и компетентности своих коллег).
4. Вертикальные сети (возможность открытого общения с руководителем, способы разрешения назревающих конфликтов молодым работником и его руководителем).

5. Вертикальное доверие (делегирование полномочий, выражающееся в возможности молодого человека выполнять важные поручения своего руководителя).
6. Вовлеченность в развитие организационного социального капитала (участие в корпоративных праздниках, семинарах, тренингах и других мероприятиях, где бывает весь коллектив).

Среди работающей молодежи можно выделить особую группу молодых людей, получивших официальный статус руководителя до 31 года. Формальный статус руководителя включает в себя многие аспекты, характеризующие положение руководителя в иерархической структуре управления, определяющие его полномочия, обязанности, самостоятельность и ответственность, предполагающие определенный характер общения с подчиненными (в том числе, и частота контактов и пр.). Пребывание молодого человека на ответственном руководящем посту скорее вызывает удивление и настороженность, чем руководство человека в зрелом возрасте, поскольку такая работа требует накопленного опыта и знаний, активности и целеустремленности [2].

Молодые руководители, имеющие официальный руководящий статус, обязаны не только владеть соответствующими управленческими компетенциями, но и обладать ярко выраженными лидерскими качествами, которые позволили бы сплотить коллектив и направить их на совместную трудовую деятельность. Для успешной профессиональной и управленческой карьеры молодому человеку необходимо развивать такие умения, как способность руководить людьми, способность межличностного взаимодействия, способность разрешать конфликтные ситуации и принимать решения, способность к постановке целей и критическому мышлению, способность делегировать полномочия и привлекать к сотрудничеству, способность к общественной деятельности.

Социальный капитал молодых руководителей можно изучать посредством следующих ключевых показателей:

1. Вертикальное доверие между руководителем и его подчиненными, которое выражается в делегировании полномочий и части своих обязанностей своим подчиненным.
2. Внутренние сети между руководителями и подчиненными, отражающие способность руководителя налаживать открытый и конструктивный диалог со своими подчиненными, решать сложные вопросы путем дискуссий, споров и дебатов.
3. Доверие руководителя внешним объектам коммуникации, которое выражается в возможности положиться на честное слово и порядочность партнеров.
4. Внешние сети между руководителем и внешними объектами коммуникации, отражающие нацеленность руководителя на поиск новых контактов и установление долгосрочного сотрудничества, основанного на доверии.

Таким образом, для успешной реализации молодежной политики необходим всесторонний анализ социальных связей и взаимодействий молодых людей, а также факторов социальной активности молодежи, особенностей формирования мировоззрения и моральных ценностей различных категорий молодежи. При этом важен целостный, системный подход в изучении социального капитала молодежи, что способствует обогащению практики исследования молодежных проблем во всех сферах жизни общества.

Библиографический список

1. Сивуха, С. В. Сильные и слабые социальные связи / С. В. Сивуха // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный дом, 2003. – С. 907–908.
2. Нестик, Т. А. Развивать организацию через развитие социальных сетей: роль кадровой службы / Т. А. Нестик // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2004. – №7. – С. 26–40.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

О. С. Хамзяева,

ГАОУ АО ВПО «Астраханский инженерно-строительный институт», г. Астрахань

В современных условиях возрастает территориальная мобильность населения, существенно увеличиваются процессы внутренней и внешней миграции. При этом территориальная мобильность рассматривается как фактор адаптации. «Мобильность отдельных индивидуумов, социальных обществ и населения в целом, проживающего в границах различных территориальных образований, является одним из социальных процессов, используемых в адаптационных практиках людей в ответ на изменение окружающей среды и ее дифференциацию» [1, с.70–81].

П. А. Сорокин дает следующее определение: «Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [2, с. 373]. Одной из форм социальной мобильности является трудовая мобильность, одним из видов которой является территориальная мобильность.

Территориальная мобильность – это вид миграции, который рассматривает перемещение трудоспособного населения в пространстве, вызванное изменениями развития и размещения производства, условиями существования рабочей силы [3]. В. И. Переведенцев рассматривает «в самом широком смысле слова под миграцией населения совокупность всяких перемещений людей в пространстве. В более узком смысле под миграцией населения понимается совокупность переселения людей, т.е. таких перемещений по территории, которые неразрывно связаны со сменой ими места жительства на относительно продолжительный срок» [4, с. 9].

Происходящие изменения в последние десятилетия в современной России повлекли перемены в социальной сфере. Нерегулярные социальные выплаты, прекращение работы многочисленных промышленных предприятий, способствовали поиску дополнительных источников дохода, и развитию процессов миграции.

В Астраханском инженерно-строительном институте Лабораторией социально-психологических исследований с 2008 г. проводится изучение проблем адаптации современной молодежи [см. например, 5–9]. В марте-мае 2015 г. при непосредственном участии автора было проведено конкретное социологическое исследование социальных отношений методом анкетирования. Были опрошены жители областного центра – г. Астрахань (N=1600), из них был выбран подмассив молодежи (N=730), что позволяет провести сравнительный анализ. Обработка и анализ данных осуществлялся с использованием Vortex 8 и включал изучение линейных распределений. В анкетировании были использованы вопросы Типовой методики Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной ЦИСИ ИФ РАН (руководители: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева).

Результаты проведенного социологического исследования показывают, что процесс миграции наиболее распространен среди молодого населения г. Астрахани. Более четверти века проживают более половины населения г. Астрахани (51,4 %), а молодежи 27,1 %. От 16 до 25 лет среди молодого населения проживают 42,2 % опрошенных.

Больше половины населения среди жителей г. Астрахани (61,2%), а также представителей молодежи (61,9%) являются коренными жителями (см. табл. 2). Межпоселенный вид миграции среди молодого поколения составляет 24%, это та молодежь, которая приехала по собственному желанию из другого города (села) нашей области, т.е. это внутрирегиональные эмигранты. Можно предположить, что немалая доля таких эмигрантов составляет студенческая молодежь, родители которых вынуждены переехать в г. Астрахань на время их учебы.

Таблица 1. **«Давно ли вы живете в этом городе?» (% от ответивших)**

Варианты ответов	Население г. Астрахани	Молодежь г. Астрахани
До 5 лет	9,3	14,5
5-15 лет	13,4	16,2
16-25 лет	25,9	42,2
Больше 25 лет	51,4	27,1

Молодежь всегда стремится в центр области, так как здесь есть все условия для реализации своих возможностей. Однако большее число приезжих из другого города по своему желанию мы видим среди жителей г. Астрахани (21,2 %), среди молодежи всего 24 % опрошенных являются представителями межтерриториальной внутренней миграции. Статус вынужденных переселенцев подтвердили 2,5 % респондентов.

Таблица 2. **«Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?» (% от опрошенных)**

Варианты ответов	Население г. Астрахани	Молодежь г. Астрахани
Здесь родился	61,2	61,9
Приехал по своему желанию из другого города (села) нашей области	21,2	24
Приехал по своему желанию из другого региона России или СНГ	13,3	10,5
Вынужденный переселенец (беженец) из другого региона России или СНГ	3,0	2,5
Приехал сюда временно из другой страны	1,3	1,1

Таким образом, можно сделать вывод, что молодежь больше подвержена территориальной мобильности, чем основное население. Значительная часть молодого населения для расширения своих возможностей готова к перемене места жительства.

Библиографический список

1. Фокин, В. Я. Территориальная мобильность населения в контексте поисков счастья / В. Я. Фокин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз – 2013. – №4 (28). – С. 70–81.
2. Сорокин, П. А. Человек. Социализация. Общество. / П. А. Сорокин – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
3. Миграция населения //http://rus – lib.ru/book/30/eb/23/040-065.html
4. Переведенцев, В. И. Методы изучения миграции населения / В. И. Переведенцев – М.: Наука, 1975. – 231 с.
5. Каргаполова, Е. В. Адаптация студентов к обучению в вузе / Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Психология пространственно-образовательного пространства человека. Сборник научных трудов 7-й Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: 2008. – С. 154–160.
6. Потенциал и особенности адаптации учащейся молодежи Астраханской области: опыт социологического, психологического и политического анализа / авт. колл: А. Ю. Арясова, Е. В. Каргаполова, Л. А. Лебединцева, С. Б. Медведев, С. Н. Рымарович, О. С. Хамзяева / Отв. ред. А. Ю. Арясова. – Астрахань. АИСИ – 2011. – 160 с.
7. Хамзяева, О. С. Социально-психологическая адаптация студентов к профессиональной деятельности / О. С. Хамзяева // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. – 2014. – № 5 (132) – С. 81–83.

8. Хамзяева, О. С. Ценностные ориентации учащейся молодежи полиэтнического региона как фактор социально-психологической адаптации / О. С. Хамзяева // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. – 2014. -№ 24 (151) – С. 122–125.
9. Каргаполова, Е. В. Особенности социально-психологической адаптации будущих инженеров в образовательной среде вуза / Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Проблемы высшего технического образования в России и за рубежом (к 50-летию Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления) Улан – Удэ. – 2012. – С. 206–221.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Г. Р. Малинин,
соискатель Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

В современном мире ярким проявлением глобализации становится растущая миграционная подвижность населения планеты. В целом мир представляет собой глобальную миграционную систему, которая состоит из региональных миграционных систем. В настоящее время усложняется взаимосвязь между миграцией и социально-экономическими изменениями. Миграция и глобализация настолько тесно связаны сложной системой взаимоотношений, что они выступают не только как взаимно провоцирующие, но и как взаимно проблематизирующие друг друга процессы [1].

Международная миграция населения – это реальность современного глобализирующего мира. Практически не осталось стран, которые в той или иной сфере не были бы вовлечены в сферу миграции. С 1970 по 1990 г. число стран, использующих иностранную рабочую силу, выросло с 42 до 90. Миграционные потоки интенсифицируются и становятся более многообразными по видам и форме, миграционное взаимодействие стран приобретает качественно новый характер. Это вызвано тем, что в условиях глобализации внешняя миграция населения все больше становится одним из основных источников накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост в принимающих странах, и усиливает их конкурентное преимущество.

По оценкам Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций, сегодня в мире с населением 7 млрд человек по крайней мере 214 млн проживают за пределами стран, где они родились [2, с. 70]. Если бы все международные мигранты создали собственную страну, то по количеству населения она занимала бы шестое место в мире.

Термин «миграция» имеет латинские корни (*migratio*) и означает перемещение, переселение. Однако понятия «перемещение» и «переселение» не являются идентичными и имеют разный смысл. Следует отметить, что и в научной среде нет единого взгляда на содержание данного понятия. Еще в 1987 г. Л. Л. Рыбаковский обращал внимание, что «в демографической науке, как, впрочем, и в других науках, изучающих миграцию, ни одно понятие не имеет столько различных трактовок, как миграция» [3, с. 10]. В. А. Ионцев отмечал 36 определений потятия «миграция населения» в отечественной и 27 определениях – в зарубежной литературе [4, с. 19].

Миграционные потоки интенсифицируются и становятся более многообразными по видам и форме, миграционное взаимодействие стран приобретает качественно новый характер. В результате растет влияние миграционных процессов на устойчивое экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности государств. Это вызвано тем, что в условиях глобализации внешняя миграция населения все больше становится одним из основных источников накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономи-

ческий рост в принимающих странах, и усиливает их конкурентное преимущество. История учит нас тому, что миграция была принципиально важной составляющей экономического развития и социального прогресса во многих странах.

Сегодня все очевиднее начинает проявляться напряженность между странами-поставщиками и потребителями человеческих ресурсов. В этой связи многие государства разрабатывают и реализуют свою стратегию миграционной безопасности и национальные программы, регулирующие миграционные процессы и определяющие основные принципы международных отношений в области миграции населения, что отражается в миграционной политике государства.

По определению Л. Л. Рыбаковского, миграционная политика представляет собой систему общепринятых на уровне управления идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего государство, а также его общественные институты, соблюдая определенные принципы, соответствующие конкретно–историческим условиям страны, предполагает достижение целей, адекватных как этому, так и последующему этапу развития общества [3, с. 12].

Сущность механизма реализации миграционной политики государства выражается посредством функционирования законодательной базы, деятельности институциональной системы, в которую входят высшие органы государственной власти и подчиненные им властные структуры.

С распадом Союза Советских Социалистических Республик в 1991 г., в Республики Беларусь начался новый исторический этап, который сопровождался многочисленными изменениями, как в социальной, так и в экономической сфере.

Либерализация процедур въезда и выезда граждан, массовых нерегулируемых миграционных перемещений, отсутствия законодательной базы, специальных институтов и опыта регулирования миграции создали все предпосылки для формирования в стране отдельного института миграции.

Миграционную политику Республики Беларусь условно можно разделить на четыре периода.

Первый период – зарождение института миграции, как уже отмечалось, после распада СССР. Данный период начался с обретением страной независимости в 1991 г. и продолжался до 1997 г. В данный период были приняты первые нормативно-правовые акты, регулирующие процесс миграции. Основной акцент в миграционной политики делался на урегулирование гражданско-правового статуса репатриантов, вынужденных переселенцев, беженцев. В 1991 г. был принят закон «О гражданстве», а в 1995 г. закон «О беженцах». В 1992 г. создана государственная миграционная служба при государственном комитете по труду и социальной защиты населения. Так же в 1995 г. в Республики Беларусь открывается представительство верховного комиссара ООН по беженцам. В 1996 г. наша страна становиться членом межправительственной Международной организации по миграции.

Второй период становления миграционной политики (1998–2003 гг.) в центр внимания поставил внешнюю трудовую миграцию и создание единого миграционного пространства в рамках союзного государства Беларуси и России. В 1998 г. был принят закон «О внешней трудовой миграции», в период с 1998–2000 гг. разработаны и реализованы государственные миграционные программы. Важное событие в миграционной политики Беларуси произошло в 2001 г., наша страна присоединилась к Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протоколу 1967 г., касающемуся данного статуса. Так же в данный период (1998 г.) был подписан договор с Российской Федерацией о равных правах граждан.

Третий период развития миграционной политики (2004–2012 гг. ознаменовался тем, что вопросы регулирования миграции целиком вошли в контекст демографической безопасности страны. Особенностью управления процессами миграции в Республике Беларусь является то, что цели миграционной политики непосредственно увязаны с национальными демографическими интересами, а внешняя миграция рассматривается в первую очередь как фактор, компенсирующий естественную убыль населения. С 2003 г. вопросы

регулирования миграцией перешли к Департаменту по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь. В период с 2006–2010 гг. и 2011–2015 гг. миграция полностью включена в Национальные программы демографической безопасности. В концепции Национальной Безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента № 575 от 09 ноября 2010 г., говорится о том, что человеческий потенциал стал одним из важнейших факторов социально-экономического развития страны, а одним из условий укрепления государства – обеспечение положительного сальдо внешней миграции экономически активного населения. Так же в данный период особое внимание уделяется незаконной миграции.

Четвертый или современный период становления миграционной политики Республики Беларусь ознаменовался вступлением нашей страны в Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), принятием в 2014 г. закона «О белорусах зарубежья», внесением изменений в закон «О внешней трудовой миграции», усилением заинтересованности ученых к проблемам миграции.

Сегодня от миграционной политики напрямую зависит демографическая безопасность государства. На основании Указа Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции Национальной Безопасности Республики Беларусь» одним из национальных интересов государства в демографической сфере является оптимизация внутренних и внешних миграционных потоков, обеспечение положительного сальдо внешней миграции экономически активного населения.

С уверенностью можно констатировать, что институт миграции, на сегодняшний день, для Республики Беларусь входит в сферу национальных интересов государства, а миграция становится одним из факторов Национальной безопасности страны.

Библиографический список

1. Румянцева, Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. / Е. Е. Румянцева. – М.: ИНФРА-М, 2006. – VI, 810 с.
2. Юдина, Т. Н. Миграция: словарь основных терминов / Т. Н. Юдина. – М.: Изд-во РГСУ, 2007. – 472 с.;
3. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М. ЦСП, 2003 г. – Режим доступа: http://voluntary.ru/dictionary/1265. – Дата доступа: 15.05.2015.
4. Ионцев, В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения / В. А. Ионцев. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. С. Балакирева,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Под профессиональной мобильностью понимают способность и готовность личности к вынужденному или добровольному изменению профессиональной деятельности в соответствии с жизненными обстоятельствами, производственной необходимостью и личностными потребностями индивида. Нужно сказать, что в современном обществе (в связи с геополитическими процессами, технологическим обновлением производства, нарастающей компьютеризацией и т.п.) в процессы профессионального передвижения вовлечены как профессионально мобильные, так и не обладающие этим качеством люди. При этом первые оказываются социально и психологически готовы к изменениям, вторые воспринимают социальные трансформации, вынуждающие их к профессиональным перемещениям как неблагоприятные, которые в итоге приводят к нарушению привычного образа

жизни. Как показывает практика, многие люди даже при благоприятных внешних условиях, способствующих профессиональным перемещениям (возможность смены профессии, повышение квалификации, заработной платы, переобучение, продвижение по служебной лестнице и др.) не реализуют этих возможностей в силу отсутствия у них мотивации либо способности к такого рода переменам.

В любом случае, профессиональная мобильность представляет собой карьерный лифт, который движется и снизу вверх, и сверху вниз, представляя множество вариаций для самореализации. Наиболее интенсивному профессиональному перемещению профессиональных групп и отдельного индивида способствуют различные факторы и каналы профессиональной мобильности. Важно отметить, что в современном обществе возрастает интенсивность профессиональной мобильности и усиливается ее индивидуализированный характер. Каналами индивидуальной профессиональной мобильности являются: профессиональное образование (среднее специальное, высшее, переподготовка, повышение квалификации, самообразование), смена профессии и уход в высокооплачиваемую область труда или на более престижную работу, переезд на новое место работы в другой город или в другую страну, а также связи.

Совершенно очевидно, что многие социальные сферы и профессии практически закрыты для человека без соответствующего диплома об образовании или связей. То, что отношение к образованию как каналу движения вверх по социальной лестнице в современных условиях возрастает, подтверждает ряд проведенных исследований. Выявлено, что в последние годы ориентация на получение высшего образования получила распространение среди практически всех основных слоев и групп белорусского общества. В качестве обыденной нормы она проникла и в те слои, которые раньше не рассматривали для своих детей поступление в вуз в качестве реальной перспективы (жители села, малых городов, дети из многодетных семей и т.п.). Проведенный в 2011 году опрос показал, что в их представлениях о необходимом уровне образования подрастающей молодежи находит отражение то обстоятельство, что высшее образование служит одним из главных каналов социально-профессионального продвижения членов нашего общества. Оно открывает путь к овладению наиболее сложными и высокооплачиваемыми профессиями, что в свою очередь усиливает их позиции на рынке труда и в сочетании с территориальной мобильностью ведет к повышению социального положения. Так, на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети после окончания школы получили высшее образование?» положительно ответили 73,7 % опрошенных сельчан.

Одним из факторов, стимулирующих профессиональную мобильность, является развитие профессиональной сферы. Это означает, что профессиональная мобильность возникает как следствие количественного и качественного изменения профессий, устаревания одних и появления новых видов профессиональной деятельности, а также изменения должностной структуры в организациях. Вместе с тем, следующие один за другим изменения в производственно-технологическом цикле способствуют постоянному профессиональному самосовершенствованию. Если раньше полученных профессиональных знаний работнику хватало в процессе его профессиональной деятельности, то в условиях научно-технологической революции этот период резко сократился и в подавляющем большинстве случаев не совпадает с периодом трудовой деятельности работника. Согласно данным опроса 2014 года, готовность к профессиональному переобучению у сельчан ярко выражена (41,2 %). На изменения связанные с переходом на работу в другую отрасль согласились бы 33,8 % опрошенных, с изменением профессии согласились бы только 29,3 % респондентов.

Оценивая реальные изменения, произошедшие за последние 5 лет в жизни сельчан, можно сказать, что большинству респондентов за этот период не приходилось менять место работы, должность, профессию и специальность, вместе с тем, те, у кого эти изменения произошли, оценили их позитивно. Полученные в ходе исследования результаты позволяют зафиксировать основные причины профессионально-трудовой мобильности жите-

лей села. Так, низкая заработная плата для 15,8 % сельчан стала стимулом для смены работы и профессии, ограничение возможностей для профессионального и должностного роста (2,7 %), решение жилищной проблемы (1,9 %), тяжелые условия труда и неудобный режим работы (6,3 %), несоответствие специальности, квалификации выполняемой работе (2,2 %), в связи с непрестижностью профессии 1,5 % и др.

Вместе с тем потребность в самореализации побуждает человека к профессиональной мобильности, когда он готов осваивать технические средства, технологические процессы и новые специальности и стремится реализовать свою потребность в определенном виде деятельности. Однако, чтобы осуществить те или иные перемещения, изменения в своей профессиональной деятельности, человек должен обладать определенными личностными качествами и способностями, которые являются немаловажным фактором его профессиональной мобильности, поскольку подталкивают к реальным действиям. Отсутствие таких качеств, напротив, приводит к тому, что человек при всей внутренней неудовлетворенности своим профессиональным положением или статусом, будет сопротивляться возможным переменам. Так, определение уровня устойчивости установки на профессиональную мобильность у респондентов показало, что лишь десятая часть опрошенных (10,6 %) планирует в ближайшее время сменить место работы, а 44,7 % не готовы к переменам. Было выявлено, что важную роль в процессе самоопределения сыграли такие факторы, как отсутствие перспективы карьерного роста (10,5 %), низкий уровень зарплаты (42,1 %), тяжелый физический труд (11,4 %), высокая ответственность (8,7 %) и др.

Можно отметить, что на профессиональную мобильность оказывают влияние, во-первых, сформированность личности человека, развитость его способностей и социальных качеств, необходимых в профессиональной деятельности, во-вторых, непосредственная профессиональная подготовка, уровень полученной квалификации. Бывает, что человек, и не работая по полученной специальности, обретает высокий профессиональный статус в другой сфере деятельности. В этом случае огромное значение имеет личностный потенциал человека, его способность реализовывать знания, умения, навыки в различных видах деятельности, овладевать новыми профессиональными компетенциями. Согласно данным социологического опроса специалистов сельского хозяйства, высшую профессиональную мобильность проявляют те специалисты, кто обладает гибкостью и способностью адаптироваться к изменениям в тех или иных сферах трудовой деятельности, самостоятельно получать необходимые знания, развивать творческое мышление. Например, 21,5 % из них, работая на сельхозпредприятии, хотели бы сменить профессию. Причем, в основном, на не имеющие никакого отношения к агросфере: творческие, военные, психолого-педагогические, финансовые и др., ориентируясь для этого на переезд в города. Из них треть объясняет свое желание потребностью в самореализации, еще треть – низкой заработной платой, 40 % респондентов просто не нравится их нынешняя работа и условия труда.

Таким образом, можно заключить, что социально-экономические преобразования белорусского общества, формирование рыночных отношений, а вместе с тем стремление к саморазвитию и самореализации жителей страны активизируют процессы социально-профессиональной мобильности, чем способствуют передвижению потоков трудовых ресурсов, соответствующему потребностям общества.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т. А. Антонова,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Преобразования в обществе, совершившиеся в последнее десятилетие XX века в результате процессов демократизации и действия общих тенденций глобализации, способствовали устранению информационной самоизоляции Беларуси от развитых стран мира. Либерализация режима выезда и устранение «закрытости» научных сообществ способствовали их активному включению в процессы, протекающие на международном рынке научных кадров. Ученые получили возможность свободно обмениваться информацией и сотрудничать с зарубежными коллегами, проводить совместные исследования; утвердилась система негосударственного финансирования исследований через международные фонды, получение исследователями грантов на конкурсной основе и т.д.

Большинство белорусских ученых выезжают из страны, имея трудовые контракты. По некоторым оценкам, число мигрантов-ученых и высококвалифицированных специалистов, длительное время живущих и работающих за границей по временным трудовым контрактам составляет около 7–8 тысяч человек. Как правило, масштабы выезда по временным контрактам, на стажировку и учебу в несколько раз превышают выезд ученых на постоянное место жительства. Государственная статистика этой категории мигрантов отсутствует, тем не менее, по данным мониторинга интеллектуальной миграции, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, общее число эмигрантов-ученых и преподавателей вузов за период 1990–2005 гг. составило около одной тысячи человек, причем более половины из них – специалисты высшей квалификации: доктора и кандидаты наук [1, с. 154–155]. Таким образом, в среднем из Беларуси ежегодно эмигрировало и оставалось за границей порядка 60 научных работников и преподавателей вузов, что для науки Беларуси является достаточно ощутимыми потерями. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время, что позволяет констатировать - процесс «утечки умов» из страны продолжается.

Специфика современной утечки умов как миграционного процесса определяется новым качественным уровнем сочетания факторов, причин и условий его протекания. Среди структурных факторов исключительно важное значение имеют этнические и профессиональные факторы. В контексте исследования феномена «утечки умов» профессиональные факторы приобретают особое значение вследствие специфики интеллектуального труда для этой категории мигрантов, возможностей реализации своего творческого потенциала, обладания большей информацией и, следовательно, более высокой потенциальной мобильностью и адаптивностью.

Среди стимулирующих факторов можно выделить две основные группы: «притягивающие» (факторы, связанные с открывающимися перспективами и возможностями) и «выталкивающие» (факторы, связанные с различного рода трудностями эмиграции), причем и в той, и в другой группе факторов преобладают экономические. Трудовая детерминанта является основной среди стимулирующих факторов, как в интенсивности, так и в результативности миграций в условиях современного рынка труда научных кадров. Однако, определение трудовой детерминанты как важнейшего стимулирующего фактора миграции в общей форме недостаточно. Эта детерминанта действует на уровне конкретной личности, но для анализа данного процесса на уровне общества в целом важно выяснение причин и механизмов этого воздействия.

Так, в постсоциалистических странах относительная цена высококвалифицированной рабочей силы в переходный период оказалась явно заниженной. Такое положение имело двоякие последствия. С одной стороны, был обеспечен всеобщий доступ к высшему образованию, относительная дешевизна подготовки кадров высокой и высшей квалификации; с другой – имели место недооценка научного труда, малоэффективное его использование, а также относительный переизбыток научных кадров на рынке труда.

Что касается причин эмиграции, то они кроются в противоречиях между уровнем развития личности, ее потребностями и условиями их удовлетворения. Разрешить это противоречие представляется возможным, лишь перешагнув государственные границы. Социологические исследования показывают, что молодой перспективный ученый свяжет свою профессиональную карьеру с родиной, если Беларусь докажет свою способность не только целенаправленно формировать интеллектуальную элиту, но и создаст ей необходимые экономические и профессиональные условия для реализации [2, с. 116]. В целом, среди побудительных причин миграции научных кадров преобладают не столько внешние по отношению к личности факторы, сколько внутренние – стремление при помощи эмиграции к реализации имеющихся у нее потребностей в развитии и улучшению своего материального положения.

Имеющийся в настоящее время мировой опыт отношения к «утечке умов» и подходов к решению этой проблемы позволяют выделить три основные концепции государственной политики в этой сфере. Во-первых, это так называемая концепция «активного регулирования», основная идея которой состоит в принципиальной возможности и целесообразности государственного регулирования интеллектуальной межгосударственной миграции при помощи различных инструментов (правовых, административных, экономических и др.). Эта концепция предполагает активное сочетание внутригосударственных и международных правовых актов, регулирующих, прежде всего, программы возвращения мигрантов. Ее придерживаются, в первую очередь, развивающиеся страны-доноры, несущие наибольшие потери от «утечки умов».

Во-вторых, концепция «невмешательства», в основе которой лежит положение о принципиальной невозможности государственного влияния на процесс межгосударственной миграции высококвалифицированных кадров как несовместимого с полной реализацией прав и свобод человека в современном мире. Любые методы регулирования считаются их ограничением и поэтому недопустимыми. Естественно, что этой концепции придерживаются в основном страны-получатели кадров («реципиенты»).

В-третьих, концепция «ориентации на перспективу», базирующаяся на положении о том, что проблемы регулирования интеллектуальной миграции могут быть решены только в перспективе и на наднациональном уровне при соблюдении интересов личности и государства-страны происхождения эмигранта. Это означает разработку таких международных правовых норм и законодательных положений, которые не противоречат общепринятым государственным нормам и не только не вступают в противоречие с правами мигранта, но и реализуются с его согласия.

Интеллектуальная миграция в современных условиях должна рассматриваться как закономерный, естественный процесс, стартовое состояние которого определяется существующими реалиями внутреннего развития стран-экспортеров интеллектуальной рабочей силы и стран-реципиентов, а также их межгосударственными отношениями, при этом основная цель заключается в максимизации взаимодействия стран в этом направлении с достижением полезных эффектов как для каждой из них, так и для мирового сообщества в целом. Как представляется, именно в области расширения международного сотрудничества и находится магистральный путь решения проблем интеллектуальной миграции и безопасности государств, в том числе Беларуси, в глобализующемся мире.

Библиографический список

1. Проблемы государственного регулирования внешней интеллектуальной миграции в Республике Беларусь // Научные кадры Республики Беларусь (социологический анализ) / Т. А. Антонова [и др.]; Ин-т социологии, Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 268 с.
2. Масштабы и основные тенденции интеллектуальной миграции в Беларуси / Кадровый потенциал науки Республики Беларусь. – Минск: ФУАинформ, 2002. - 260 с.

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

ГЕНЕЗИС И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

С. А. Шавель,
доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Как бы далеко не уходило общество от истоков своего зарождения, от первоначал становления своих институтов, норм, паттернов отношений, технологий и вообще всех форм и способов жизнедеятельности, людям всегда приходится оборачиваться, возвращаться аналитически в прошлое. Такой рекуррентный драйв объясняется не только естественным любопытством: как было раньше, что было лучше и т.п., но и вполне практическими целями аккумуляции и переосмысления опыта, выявление эвристичности прежних методов и приемов в контексте новых знаний, возможностей и др. Известный принцип единства исторического и логического требует соединения (синтеза генезиса явления и результата его движения, с обоснованием перспективы развития). С чего начинает история, – отмечал Ф. Энгельс, – с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме» [1, с. 497].

Заметим, что некоторые современные прогнозы трудно оценивать из-за нарушения данного принципа единства исторического и логического, т.е. отсутствия полноты данных о генезисе, а также логики их переходов. Так, А. Назаретян пишет: «Сейчас глобальная эволюция вступила в режим беспримерного ускорения. Серия независимых расчетов показывает: к середине XXI века скорость эволюции устремится в бесконечность. Значит, нас ждет грандиозный фазовый переход, какого ни человечество, ни биосфера еще не переживали. По глобальному значению это сопоставимо с возникновением жизни. Это может быть прорыв в новую космическую реальность, а может – конец планетарной эволюции, обвал, катастрофа, превращение Земли в «нормальное» тело наподобие Луны или Марса» [2, с. 27; 3, с. 172–177]. Не вдаваясь в методические обоснования данного прогноза, заметим, что сам автор признает, что "известные до сих пор катастрофические прогнозы не сбывались», не указывая, что этому препятствовали многочисленные усилия людей – общие и индивидуальные, осознанные и инстинктивные, локальные и глобальные. К тому же, в таких апокалиптических прогнозах в теоретическом плане недооценивается инерционная сила связки и взаимовлияния основных сфер общества друг на друга.

Надо признать, что сферный подход в современной науке формировался с немалыми затруднениями, преодолевая не только когнитивные, методологические и другие сложности (дефиниция основных и производных терминов, операционализация и др.), но препятствия идеологического плана, связанные с опровержением марксизма. Так, известный философ и теолог Томас Джонсон в предисловии к русскому изданию книги Майкла Новака «Дух демократического капитализма» писал: «Не только вера в человека, но и анализ им общества с разделением последнего на три сферы имеет определенно религиозные предпосылки. Предложение различать экономическую, политическую и духовно-культурную сферы в обществе прозвучало впервые еще на Втором Ватиканском соборе (1962–65 гг.) католической церкви и зафиксировано в документе под названием «Пастырская Конституция «Радость и надежда» о Церкви в современном мире» [4, с. 14]. К сожалению, автор допустил здесь две неточности. Во-первых, деление общества на сферы впервые предложил К. Маркс, утверждая, что «способ производства (т.е. экономика – С.Ш.) обусловливает социальные, политические и духовные процессы жизни вообще»

[5, с. 7]. Во-вторых, как видим, было выделено не три, а четыре основных сфер общества. Конечно, у Маркса эта формулировка избыточно экономически детерминирована, что позже признал Энгельс, пояснив, что это было связано с той ситуацией, в которой писались эти слова, в частности, с недооценкой многими теоретиками роли экономики. Тем не менее, названная выше трёхчленка утвердилась в западной литературе, а значит, весь кластер институтов и отношений социальной направленности рассматривается с точки зрения только обслуживания или оказания услуг. Т. Парсонс, видимо, для заполнения остающихся ниш, ввел категорию «фидуциарная подсистема». Этимологически она связана с презумпцией доверия и не вполне адекватна для анализа собственно социальных отношений.

Важно подчеркнуть, что методологическое значение сферного подхода долгое время (отчасти и сегодня) оставалось не до конца раскрытым и используемым. Например, в советское время в теории и на практике утвердилась категория «непроизводительные отрасли». Результаты их деятельности не включались в национальный доход, не учитывались в составе ВВП. Произошло это под влиянием вульгарной трактовки производительности труда. Труд в отраслях социального обслуживания (т.е. социальной сферы) считался не производительным, а сами эти отрасли – не производящими, а только потребляющими национальный доход. Соответственно и оценка работы в этих отраслях осуществлялась не по реальному вкладу, а по затратам бюджета, т.е. исходя из формулы, чем меньше – тем лучше. Отсюда никому не понятные мизерные зарплаты учителей, врачей, социальных работников и др. При этом ни теоретикам, ни политикам не пришло в голову учесть прямые и обратные связи взаимного влияния основных сфер общества друг на друга, или, скажем, роль образования в росте производительности реального сектора экономики и т.д., в рамках единой целостности. В западной литературе схему подобного взаимодействия создал Т. Парсонс (модель AGIL: адаптация – экономика, целеполагание – политика, интеграция – идеология, религия, сохранение латентного образца – культура). Но здесь нет социальной сферы, ее компоненты лишь отчасти растворены в других сферах, а многие просто не учтены. «А между тем, задачу обеспечения баланса четырех порядков бытия» (и, соответственно, четырех порядков мышления) для обеспечения гармонии общества – ставил еще Фома Аквинский (1225–1274), позже – рядом богословов. «Основной идеей в представлении Новака, – по словам Т. Джонсона, – является идея о том, что общество состоит из трех (как было утверждено Ватиканским собором 1962 г. – С.Ш.) различных взаимодействующих между собой систем. Идея Новака состоит в том, что различные сферы общества – экономическая, политическая и духовно-культурная – должны быть самостоятельными… Институты каждой из сфер должны иметь перед обществом определенные обязанности, которые не могут эффективно выполняться структурами других областей» [6, с. 9]. Это утверждение имеет несомненное методологическое значение для анализа и диагноза социума, и с ним можно было бы согласиться, если добавить: а) социальную сферу, б) механизмы положительной и отрицательной связи во взаимодействии сфер и в) ожидания и мотивации людей с точки зрения «общего блага».

Для характеристики генезиса социальной сферы целесообразно выделить в том фазовом пространстве, которое она занимает в обществе, специфические аттракторы. В синергетике под аттрактором понимается «область фазового пространства с заключенным в ней центром притяжения; средоточие влекущей силы, «захватчик траекторий», интеллектов, «всасывальщик» потенциала, распределенного за его пределами» [7, с. 22]. Научный смысл аттракторов состоит в том, что они могут упорядочивать хаос, стимулировать самоорганизацию дисперсных масс, вызывать грандиозные явления за счет незначительных воздействий и т.д. В социальной сфере специфическими аттракторами выступают следующие паттерны отношений: 1) каритативные; 2) воспроизводственные; 3) жизнеобеспечивающие; 4) структурирующие.

Каритативность (лат. caritatis – забота, помощь, поддержка) – первая из осознанных и легитимируемых сообществом форма отношений, преодолевающая инстинкты зоологического индивидуализма (эгоизма) в сфере распределения ресурсов и потребления. Она

возникла в среднем палеолите, при переходе от первобытного человеческого стада к социальным формам совместной жизни людей (род, семья, община). В стаде таких отношений не было, что хорошо представил Я. Мавр в книге «Человек идет». Когда один из бредущих по лесу людей падает, остальные не обращают на него внимания, обходят его и идут дальше. Видимо, первым проблеском зарождающихся социабельных чувств была взаимопомощь. У Я. Мавра они вытаскивают из болота тонущего соплеменника. Позже возникли многие другие формы помощи, в том числе и дошедшие до наших дней русская «помочь» и белорусская «толока». Такая помощь была бескорыстной, требовалось лишь одно – чтобы человек при необходимости откликнулся на аналогичный призыв другого. Опыт Толоки показывает, что совсем недавно она была подлинным аттрактором деревенской жизни.

Вторым видом каритативности в первобытном обществе было равнообеспечивающее распределение. Суть ее состояла в том, что всем членам сообщества, независимо от их состояния и участия в добыче средств к жизни, в т.ч. детям, старикам, больным, раненым, инвалидам, гарантировалась необходимая доля пищи, одежды, тепла и других средств. Говорить о «первобытном коммунизме» некорректно, даже метафорически: во-первых, распределение не было равным; во-вторых, при низком уровне развития об удовлетворении потребностей речь идти не могла. Важно другое, – механизм равнообеспечения в нормальных условиях способствовал сохранению и даже воспроизводству социума. Именно поэтому аттрактор каритативности привлекал людей и центрировал сообщества. Он сохранил свое значение в истории до наших дней, несмотря на всякие перипетии, экологические, военные и прочие катаклизмы, идеологические осуждения альтруизма и благотворительности и т.д. и т.п. Сегодня он кристаллизуется в таких формах, как социально ориентированная экономика, социальное государство, социальная работа, программы социальной поддержки и обслуживания и др.

Не имея возможности завершить тему, отметим только, что анализ других аттракторов должен осуществляться по аналогичной схеме.

Библиографический список

1. Маркс, К., Энгельс Ф. Соч., Т.13. – С. 497.
2. Назаретян, А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М. – 2014. – С. 27.
3. Спиридонов, В. С. Homo Sapiens. Воспоминания о будущем // Человек. – 2014. – № 6. – С. 172–177.
4. Джонсон, Т. Предисловие к русскому изданию к книге М. Новака «Дух демократического капитализма», Минск, 1997. – С. 14.
5. Маркс, К., Энгельс Ф. Соч., т.13. – С. 7.
6. Джонсон, Т. Цит. произ., С. 9.
7. Кикель, П. В., Сороко Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов. Мн. – 2006. – С. 22.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

С. Е. Лупаренко,
кандидат педагогических наук, доцент,
Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды,
г. Харьков

В современном обществе дети признаются наивысшей ценностью, будущим нации, а детство – значимым, уникальным и самобытным периодом, на протяжении которого происходит интенсивное развитие всех качеств, умений и навыков, познавательных процессов индивида, которые и определяют всю его дальнейшую жизнь.

Среди факторов, которые движут развитием личности, основными являются внутренние (наследственность) и внешние факторы (воспитание, деятельность, среда). При этом влияние среды (общества) в современных условиях становится все заметнее и сильнее. Это обусловлено политической и социально-экономической ситуацией в обществе, когда для многих семей на первый план выходят материальные проблемы существования, детям не уделяется достаточно времени и внимания, и ответственность за их воспитание и развитие перекладывается на общество, в частности систему образования, которая не всегда успешно выполняет своих образовательные, воспитательные и развивающие функции. К тому же, в современном мире имеют место определенные тенденции, которые значительным образом влияют на детей, определяют их развитие и социализацию, в частности: информатизация; чрезмерная интеллектуальная нагрузка детей в системе образования; демографический кризис; формирование потребительской модели поведения; появление индустрии детских развлечений; общественных движений, которые выступают против рождения детей; снижение культурного уровня населения, в котором хотя и признается ценность и уникальность детства, но не всегда есть условия для полноценного и всестороннего развития личности ребенка; агрессивность медиа-среды, которая с каждым днем все больше влияет на детей и несет все меньший культурный и духовный потенциал, и др.). К сожалению, часто данные тенденции развития общества приводят к пренебрежению особенностями детского развития, спецификой детства, формированию равнодушного отношения взрослых к детям, вследствие чего происходит отрыв взрослого сообщества от детей, исчезновение детства (Ф. Ариес, М. Виннс, Н. Постман, Х. Хегст и др.). В результате этого у детей возникают проблемы с социализацией и реализацией себя в социуме.

Как известно, первой и основной средой, в которой происходит социализация ребенка, является семья. Общение с родителями выступает для ребенка главным источником информации об окружающем мире, и от того, какие образцы взаимодействия с этим миром родители демонстрируют ребенку, существенно зависит его развитие и восприятие им мира.

Однако в современном мире наблюдается кризис родительства. Его основными причинами являются: изменение системы общественных отношений и системы ценностей взрослых (родители, обеспокоенные обеспечением материального благополучия свое семьи, вынуждены все больше времени проводить на работе и все меньше – с детьми, а возникающий вследствие этого дефицит общения приводит к тому, что родители уделяют недостаточно внимания проблемам ребенка, его потребностям и интересам) [1; 2; 3; 4]; изменение качества общения родителей и детей (существенные деформации внутрисемейных отношений, которые возникают из-за низкого культурного и духовного уровня родителей, их педагогической безграмотности, проявляются во взаимном отчуждении детей и взрослых, разрыве тесных эмоциональных связей между старшим и подрастающим поколением и становятся причиной психического неблагополучия детей в семье) [4].

Среди особенностей современного семейного воспитания можно выделить такие: «заочное» или «телефонное» воспитание; значительное информационное влияние на детей; отсутствие эмоционального контакта между родителями и детьми; формирование социального инфантилизма; «социальное сиротство» [5; 6].

Современные дети, часто лишенные необходимой родительской опеки, оказываются в свободных, неконтролируемых условиях жизни. Предоставленные сами себе, они испытывают значительное влияние других факторов, в частности средств массовой информации. Вакуум общения заполняют компьютер или телевизор, которые с успехом заменяют для ребенка мамины колыбельные [6, с. 16]. Это серьезно сказывается на их развитии. В частности, такие дети знакомятся со «взрослой» информацией, важной для их развития, не с помощью близких людей, а с помощью СМИ, у которых содержание этой информации чрезвычайно низкое и форма ее подачи не соответствует развитию ребенка. Также ценности, культивируемые экранной культурой, далеки от нравственных, но легко усваиваемы детьми из-за легкости их восприятия.

Кроме того, из-за ослабления социализирующего влияния семьи, а также внедрения обществом унисексуальной модели половой социализации [7] в сознании ребенка происходит искривление образа семьи, трансформация его духовных ценностей и личной позиции в семейной

сфере, формирование нежелания самореализоваться в семье. Современная семья показывает свою неспособность помочь ребенку успешно адаптироваться в обществе, раскрыть его задатки и создать условия, необходимые для его самоутверждения.

С другой стороны, современные дети часто чувствуют дисгармонию в отношениях «ребенок – ребенок», в детской субкультуре, наблюдается ее невосприятие, пренебрежение и неуважение старшим поколением и стремление отстоять свои позиции младшим поколением, из-за чего нарушаются отношения между представителями разных поколений.

Неумение общаться, понимать других людей, их проблемы, идти на уступки, что порождается невниманием родителей в семье, информационной агрессивностью медиа-среды, приводит к неспособности ребенка самореализоваться в детском сообществе. Кроме того, само это сообщество слабо выполняет социализирующую функцию. Это обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, некоторые элементы детской субкультуры, которые являются исконно детскими, исчезают в современном обществе (хороводы, соревнования, определенные элементы детского фольклора и т.д.), а на их смену приходят новые элементы детской субкультуры, которые, на самом деле, являются элементами подростковой субкультуры или взрослой культуры (компьютерные игры, мультимедийное пространство, мир моды и т.д.). Тем самым происходит своеобразная подмена детской субкультуры на взрослую культуру, и ребенок с детства вынужден социализироваться сразу же во взрослом обществе.

Во-вторых, сегодня достаточное количество детей из-за чрезмерного увлечения виртуальным миром игр и общения не в состоянии адаптироваться в реальном мире, поскольку в виртуальном мире им легче самореализоваться и общаться, а с реальными людьми они не могут наладить контакт (в виртуальном мире не надо работать над собой, напрягаться, чтобы получить результат в игре; а когда возникают проблемы, их не нужно учиться решать – можно просто выключить компьютер). Таким образом, постепенно исчезает значение и необходимость детского сообщества как института социализации ребенка, т.к. дети уже не чувствуют такой необходимости в нем (ведь легче самореализовываться в виртуальном мире), имеют проблемы с живым общением, и не все родители, к сожалению, помогают детям установить контакты с окружающим миром и учат решать проблемы детей [4].

Вследствие этого, по мнению Д. Фельдштейна, происходит отрыв всего взрослого сообщества от детства, который достиг безобразных форм, и проявляется в самом главном – отсутствии психологического настроя и готовности к взаимодействию с ним [8, с. 13].

Таким образом, современные тенденции развития общества приводят к тому, что дети испытывают значительные сложности в социализации и самореализации, детство теряет свою самобытность, уникальность, собственную специфику, которая отличает мир детства от мира взрослых (исчезают детские игры, которые когда-то были разнообразными и исключительно детскими, а им на смену приходят компьютерные игры; детские вещи (одежда, еда, фильмы, развлечения для детей) сейчас значительной мерой имитируют взрослую жизнь). Одной из важнейших причин стирания границ между детским и взрослым мирами, потери самобытности детства является уменьшение роли (порой даже разрушение) социальных институтов, в частности институтов семьи и детского сообщества. Вследствие этого возрастает детское одиночество, возникает разрыв поколений, исчезает или катастрофически обедняется эмоциональная взаимосвязь между родителями и детьми, поскольку между ними не формируются доверительные отношения, необходимые для полноценного психического развития личности. Все это усложняет возможность ребенка наладить живой диалог с окружающим миром, стимулирует обострение конфликтов в отношениях с людьми и лишает детей возможности гармонизировать их отношения с миром природы, повседневной реальностью и искусством, что закономерно уничтожает самобытность детства.

Библиографический список

1. Кравченко, Т. Сім’я і її вплив на соціалізацію дитини // Наукові записки. Серія «Психологія і педагогіка». – Острог: Видавництво Національного університету

«Острозька академія», 2007. – Вип. 9. – С. 274–282.
2. Батьки і діти: соціальне самопочуття дітей в українських сім'ях / Г. Святненко, Л. Волинець, Є. Луценко та ін. – К.: Логос, 2000. – 92 с.
3. Рогальська І. Теоретико-методичні засади соціалізації особистості у дошкільному дитинстві: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора пед. наук: спец. 13.00.05 «Соціальна педагогіка». – Луганськ, 2009. – 45 с.
4. Лупаренко, С. Разрушение традиционных институтов социализации ребенка в современном обществе [Электронный ресурс] / С. Лупаренко // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2013. – № 1(5). – С. 111–116. – Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/luparenko_2013_1.pdf.
5. Ольховик, Л. Спілкування дитини з членами сім'ї як складова виховного процесу // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. – Одеса: ПП «Фенікс», 2007. – Вип. 31. – С. 220–225.
6. Загарницька, І. Інформатизоване суспільство: між прогресом та бездуховністю // Вісник Інституту розвитку дитини. Серія: Філософія, педагогіка, психологія: зб. наук. пр. – К.: Видавництво Національного педагогічного університету імені М.П.Драгоманова, 2009. – Вип. 6. – С. 14–20.
7. Абраменкова, В. Половая дифференциация и сексуализация детства: горький вкус запретного плода [Электронный ресурс] / В. Абраменкова. – Режим доступа: http://student.km.ru.
8. Фельдштейн, Д. Детство как социально-психологический феномен и особое состояние развития // Вопросы психологии. – 1998. – № 1. – С. 3–19.

ВЛИЯНИЕ СОЦИЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА НА ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

В. В. Трамбицкий,
Международный гуманитарно-экономический институт, г. Минск

Почти все научно – теоретические модели, в которых осуществляются осмысления личности как субъекта прогресса, рассматриваются вне контекста социального пространства – времени. Попытаемся взглянуть на известный материал в контексте рассматриваемой темы. С этой целью рассмотрим изменения в динамике европейской структуры общества. Так как, на наш взгляд, именно социальная структура общества создает социальное пространство – время, которые задают личности определенные программы деятельности и ориентируют ее деятельность, делают личность автором своей собственной жизни, то есть, субъектом. Социальная структура общества носит иерархический характер. То есть в одно и то же астрономическое время протекают совершенно различные социальные процессы и прогрессы, которые в сознаниях разных личностей с разными ценностями, интеллектом, идеалами вызывают разные экзистенциальные состояния. В классической аграрной и даже индустриальной цивилизации стремление личности быть автором не только личной судьбы, но и других людей реализовывалось благодаря тому, что она распоряжалась определенными предметами производства. Такое желание могли реализовать не все. Во Франции, например, в 1936 году, управленческие решения зависели от двухсот семейств. Возможность быть субъектом управления, социального прогресса определялось не только способностями, но и материальным богатством, взаимодействием между собой многих социальных структур общества как целостной системы. Аналогичная ситуация была и столетием раньше: на двадцать миллионов человек приходилось только одна тысяча очень богатых людей. Иерархичность в социальной структуре общества исполняла роль регулятора, или того механизма, который создает «творит» специфически человече-

ское «социальное пространство – время». В 1688 году в Англии было приблизительно 36 тысяч семейств, чей годовой доход превышал 200 фунтов. Меньшинство (сквайры, купцы, юристы и другие) составляли 2 % – 6 % от общей численности населения. В Венеции в 1575 г. меньшинство было представлено пятью процентами, в Нюрнберге в XVI веке власть принадлежала 150–200 избранным на 20 тысяч жителей города и на 20 тысяч – в его округе. Меньшинство решало фактически все вопросы, не отвечая за свои действия. Власть в Нидерландах в 1603 г. зависела от 200 купцов, а аристократия XVII века в той же стране насчитывала 10 тысяч личностей при общем количестве населения два миллиона человек. Меньшинство Флоренции 15-го века составляла около трех тысяч, а в 1760 году – 800–1000 личностей. Действительно богатых людей в Англии XVII века было 600–700 человек (меньше одного процента от общей численности населения). Богатые соответствующего периода Франции составляли от 1 % до 1,5 %. Самый высокий процент (8–10) богатых людей в Европе зафиксирован в Польше. Но в этой стране далеко не все были богатыми, так как жизненный уровень и образ жизни многих мало чем отличался от крестьян.

В современном обществе ситуация почти не изменилась. Доля богатой части населения планеты («золотой миллиард») присваивают 83 % мирового дохода, а на долю большинства (80 %) населения планеты приходится только 17 % мирового дохода. И теперь на вершину экономической пирамиды идут потоки финансов, богатств, интеллект. В Советском Союзе при идеологии построения бесклассового общества была зафиксирована экономическая пирамида: богатых 2,3 %, средний слой – 11,2 %, бедные – 76,5% [1, с. 18–23].

Взгляд на исторический прогресс как стремление личности занять место на вершине экономической пирамиды значительно упрощает реальный исторический процесс, так как среди идеалов и целей, моделей будущего иногда вступают совершенно другие: построить не иерархическое, а социально справедливое общество, в котором все субъекты исторического процесса будут равноправными.

Личность как основной субъект прогресса в условиях нестабильности многими философами и культурологами начинает рассматриваться не как центр, а как некая граница. Такой подход свидетельствует об очередном антропологическом повороте в философии и культурологи, при котором человек рассматривается в качестве открытой системы между внутренней и внешней энергией. На новое объяснение человека оказала влияние синергетика, которая стремилась описать реальность (в том числе социальную) как результат изменения системы под влиянием многих факторов. Феномен антропологической границы образно описан исследователями на примере эффекта взмаха крыльев бабочки, который ведет к важным изменениям совершенно в других системах.

Если смотреть на социальную структуру общества как на специфически социальное пространство – время, задающее личности как субъекту социального прогресса определенный вектор развития, то весь смысл социальных преобразований в нашей республике состоит в становлении среднего слоя. Структура современного белорусского общества выглядит следующим образом: 32 % – нижний слой (служащие без специальности, рабочие низкой квалификации, пенсионеры и инвалиды, крестьяне, ученики и другие); 40 % – базовый слой, величина дохода которого колеблется от бюджета прожиточного минимума (БПМ) до одного минимального прожиточного бюджета (МПБ); 21 % – средний слой; 5 % – верхний слой; 1,3 % – элита. Становление в Беларуси среднего слоя создает в обществе как целостной системе устойчивость, формирует специфическое социальное пространство – время для реализации личности своих потенциальных способностей [2, с. 22].

На изменение структуры современного белорусского общества и становления личности как субъекта оказал влияние процесс формирования субъектов малого предпринимательства: в 2000 году в нашей республике субъектов предпринимательства насчитывалось – 28310, в 2005 – 32242, в 2010 – 74246, в 2011 – 77605, в 2012 – 85512, в 2014 – 93596 [3, с. 259].

Теоретические размышления об изменении взаимоотношений между личностью и

обществом в исторической динамике ничего не стоят без творчества личности как основного субъекта истории, без взаимодействия индивидуальных и коллективных субъектов, без взаимодействия различных сфер деятельности личности. Личность, выходя за пределы трудового творчества (которая является основным элементом социального творчества), раскрывает свои сущностные силы в системе культуры. В этом параграфе работы нас интересует как творчество в политической, правовой и нравственных сферах влияет на формирование личности как основного субъекта социального прогресса и, наоборот, как личность может пополнять политическую, правовую и нравственную культуру новыми элементами. Это позволяет рассматривать личность как творца не только социальной структуры общества, но и как автора «личностного пространства – времени», в системе конкретно – исторических общественных отношений. Иное дело, с какими целями и в каких временных промежутках исследователь делает сравнительный анализ. Что, кроме всего, связано еще с методологий исследования. При использовании синергетики как методологии, на мой взгляд, необходимо тексты, в которых отражается социальная реальность в определенный момент времени в определенной стране сравнивать с объектом и предметом исследования. Вместе с тем, некоторые философские тексты могут носить вневременной характер, так как остались только тексты, которые можно по-разному интерпретировать, но саму реальность того времени изменить нельзя. Иной вопрос, когда идет процесс сознательного искажения реальности в угоду политическим или идеологическим соображениям.

Библиографический список

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, 15–18 вв. – М.: Прогресс, 1988. – Т. 2. – С. 499–500.
2. Соколова, Г. Н. Средний класс: крона и корни //Беларуская думка. – 2003. – № 12. – С. 77–83.
3. Статистичесуий ежегодник. Минск, 2014. – С. 269.

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О. В. Борисова,

Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, г. Могилев

Проблема изучения представлений о семье студенческой молодёжи является весьма актуальной в связи с ухудшением демографической ситуации, большим количеством разводов, учитывая важную роль молодёжи в воспроизводстве социально-демографической структуры общества.

Стиль брачно-семейного поведения и семейный статус молодежи (студенческой молодёжи) не являются изолированными, а в значительной мере определяют состояние семейной ситуации в стране, т.к. состояние института современной семьи сегодня определяется именно поведением молодых представителей общества и ситуацией в молодежной среде в целом. От их семейного поведения во многом зависят вероятные сценарии будущего развития семьи в Республике Беларусь.

В целях изучения особенностей видения семьи глазами современных студентов в апреле – мае 2015 года было проведено социологическое исследование с участием студентов Белорусско-Российского университета и Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова. Общее число респондентов составило 455 человек, (44,4 % респондентов мужского пола и 55,6 % – женского; 49 % студентов 2 курса и 51 % – 4-го).

О важности семьи в человеческой жизни можно судить по тому месту, которое отводится ей среди других важных для человека ценностей, таких как друзья, работа, деньги, творчество, независимость и пр. Из данных исследования, ценность семьи у студентов

занимает одно из главных мест, наряду со здоровьем (83,7 % и 84,2 % соответственно). При этом различия в ответах респондентов мужского и женского пола отсутствуют: у парней, и у девушек на первом месте стоит здоровье (34,8 % и 49,4 соответственно), на втором – благополучная семья (34,5 % и 49,2). Эти данные созвучны тем, которые получены другими исследователями. Например, в 2012 году С. М. Барсуковым проводилось исследование на тему «Молодая семья: статус, основные проблемы и тенденции развития». Результаты показали, что большинство респондентов (86 %) считают семью общепризнанной ценностью [1, с. 274]. Ещё одно исследование проводилось в Могилёвском областном социологическом Центре в период 1989–1995 гг. Результаты также показали, что для большинства молодых респондентов ценность семьи стоит на первом месте (71,8 %) [2, с. 29].

Существует точка зрения, что семья как социальный институт изжила себя. Исследователи, которые придерживаются такого подхода, делают упор на функциях семьи, которые на современном этапе могут быть удовлетворены не только в рамках данного института. Поэтому они предсказывают широкое распространение альтернативного брака (сожительства). Характерной чертой последнего десятилетия был рост числа нерегистрируемых браков, который сопровождался растущим одобрением такого способа совместного проживания.

Что касается наших респондентов, то на момент опроса в юридически оформленном браке состояли 5,9 % студентов, в совместном проживании – 8,6 % студентов, в юридически не оформленных отношениях без совместного проживания находились 32,7 % опрошенных и 50,1 % респондентов ни в одних из этих отношений не состояли.

«Гражданский брак» – брак, не оформленный в соответствующих органах государственной власти и не признанный церковью. Мнения студентов о «гражданском браке» разделились практически поровну: 39,2 % респондентов относятся одобрительно и 38,4 % – неодобрительно. Одобрительно к гражданским бракам относятся 32,4 % девушек и 47,7 % юношей. Что такое для молодых людей «гражданский брак»? Большинство студентов считают «гражданский брак» подготовительным этапом для юридического оформления отношений в будущем. Практика распространения «гражданского брака» может иметь как положительный, так и отрицательный эффект. С одной стороны, совместный опыт проживания партнеров до заключения официального брака делает этот брак более крепким и снижает вероятность развода; с другой, «гражданский брак» может никогда не перейти в официально зарегистрированный, также отсутствуют материальные и иные права сторон в случае прекращения отношений, возможен психологический дискомфорт партнеров(а) и т.д. 60 % респондентов все же считают, что юридически оформленный брак является обязательным условием для создания семьи.

Отдельно можно рассмотреть отношение студентов к церковным бракам, то есть бракам, освящённым церковью. Во многих странах такой брак имеет юридическую силу, в некоторых является единственной легальной формой брака. Большинство современных государств, в том числе и Беларусь, в настоящее время не признают юридической силы церковного брака, поэтому священники перед его заключением рекомендуют провести регистрацию в органах ЗАГС. Большинство респондентов одобряют церковный брак (67 %) (63 % юношей и 69 % девушек). Освящение брака перед церковным алтарем считается самой сильной формой укрепления брака. Но следует сказать, что степень действенности этого механизма зависит от степени религиозности молодых людей, а она сегодня крайне низкая.

Также в современных условиях развала многих социокультурных норм, отмены прежних табу идет борьба за узаконение гомосексуальных связей. Так, однополые браки легализованы уже в 16 странах и некоторых штатах США и Мексики. Большинство студентов негативно относятся к этому факту (63 %) (74,5 % юношей и 54 % девушек). Одобряют легализацию однополых браков только 9% респондентов, но нейтрально относятся 27 %.

Продолжим разговор о традиционных гетеросексуальных союзах. Одной из задач исследования было выяснить основной мотив вступления в брак. На первое место вышел такой мотив как любовь – 81 %. 55% респондентов считают, что для юношей оптимальный возраст вступления в брак 24–26 лет, а для девушек – 21–23 (46 %). Оптимальный же возраст вступления в интимные отношения и для юношей, и для девушек – 17–19 лет. Соответственно традиция сохранять целомудрие до свадьбы у современной молодежи не популярна.

Успешность брачно-семейных отношений – это прежде всего отсутствие разводов, низкий уровень конфликтности в семьях, психологическая и сексуальная совместимость супругов и т.д. Для того, чтобы семейная жизнь была успешной, необходимо, чтобы супруг или супруга обладали теми качествами, которые устраивали бы обоих. Согласно полученным ответам наших респондентов, идеальная супруга – это верная, умная женщина, любящая детей. Идеальный супруг – это заботливый и верный мужчина, который уважительно относится к женщине.

Эти данные можно сравнить с исследованием, которое проводилось в 2012 году на тему «Представления современной студенческой молодёжи о семье» на базе филиала Российского Государственного Социального университета в г. Тольятти. По его результатам юноши определили самым главным качеством будущей супруги верность (20,7 %), в то время как у девушек этот показатель составляет 6,9 %. Для девушек наиболее важными качествами мужа явились понимание (14,2 %), доброта (13,7%), ответственность (10,3 %) [3, с. 191]. В нашем исследовании юноши считают приоритетным качеством для идеальной супруги верность (82 %), а девушки приоритетным качеством для будущих мужей считают надёжность (88 %).

Если для создания семьи и брака важной является любовь, то интересно было узнать, какие условия необходимы для счастливой семейной жизни. Для этого нужны: взаимная любовь (80 %), уважение друг к другу (51 %), наличие детей (34 %). При этом мнение парней и девушек совпадает.

В исследовании была выдвинута гипотеза о том, что студенческая молодёжь считает, что в семье обязательно должны быть дети. Полученные данные подтвердили наше предположение (80 %). Причем респонденты обоих полов одинаково настроены на рождение детей (83 % девушек и 77 % юношей). Эталоном семьи для опрошенных респондентов, вне зависимости от пола и возраста, выступает двухдетная семья. Данный тип семьи предпочитает больше половины – 59 % всех опрошенных. Второе место занимает трехдетная семья (20 %). Однодетная семья, которая на практике является сейчас самой распространенной, занимает лишь третье место (16 %). Бездетную семью в качестве желаемой модели выбрали только 2 %, а семью, в которой более трех детей, – 5 % от всех респондентов.

Также респондентам задавался вопрос об идеальном, желаемом и ожидаемом количестве детей. Идеальное количество детей для большинства респондентов два ребёнка (59,7 %), желаемое – два ребёнка (67 %), ожидаемое – два ребёнка (64 %). Таким образом, желаемое, идеальное и ожидаемое число детей совпадает. При этом 56 % студентов сами выросли в двухдетных семьях, 31 % в однодетных, и 9 % – в трехдетных.

Основным мотивом рождения детей, по мнению 65 % опрошенных, является то, что рождение детей делает жизнь по-настоящему семейной.

Причинами, препятствующими рождению детей могут быть: материальные трудности (73 %) (так думают 78 % девушек и 67 % юношей); непрочность семьи (47 %) (51 % девушки и 42 % юноши); злоупотребление супругом(ой) спиртными напитками, наркотиками (45 %) (47 % девушки и 42 % юноши).

Также интересно было выявить мнения студентов об оптимальном возрасте для рождения первого ребёнка. Выяснилось, что и для юношей, и для девушек это 24–26 лет (65,2 % и 50 % соответственно).

Среди мер, которые позволят увеличить рождаемость в нашей стране, были назва-

ны: увеличение размеров пособий для детей, повышение качества медицинских услуг, предоставление семьям с двумя и более детьми больше льгот и др.

Библиографический список

1. Барсуков, С. М. Молодая семья в представлениях студенческой молодежи среднего города / С. М. Барсуков // Вестник ЮРГТУ (НПИ). – 2012. – № 6. – С. 273–277.
2. Бубнов, Ю. М. Социологические очерки гендерных отношений / Ю. М. Бубнов. – Минск: Право и экономика, 2007. – 274 с.
3. Шингаркина, Т. А. Изучение представлений современной студенческой молодежи о браке / Т. А. Шингаркина // Вектор науки ТГУ. – 2012. – № 2(20). – С. 188–193.

ДЕТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О. Н. Ображей,
Институт социологии НАН беларуси, г. Минск

При разработке социальной политики неизбежно встает вопрос о социальных приоритетах, социальных задачах, которые признаются обществом на данном этапе его развития в качестве наиболее актуальных и требующих первоочередного решения. Этот выбор всегда происходит между определением наиболее стратегических направлений социальной политики и выбором социальных групп, которым следует уделить преимущественное внимание.

В мировом сообществе одной из значимых социально-демографических групп общества рассматриваются дети. Значение этой группы обусловлено ролью, которую она играет в жизни общества. Дети – определяющий элемент демографического, социального, культурного развития общества, они составляют его стратегический и инновационный потенциал. Дети воспроизводят и обновляют структуру общества. С точки зрения экономического подхода дети - это человеческий капитал общества, они предопределяют масштабы, темпы роста качества и перспектив общественного воспроизводства.

Значимость данной группы подтверждается, во-первых, принятием ряда документов в сфере прав ребенка: Декларации прав ребенка (1959), Конвенции ООН о правах ребенка (1989), Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990). Согласно Конвенции о правах ребенка «ребенком является каждое человеческое существо до достижения им 18-летнего возраста» [4]. С момента рождения каждый ребенок обладает определенным набором прав и обязанностей.

Во вторых, детство становится объектом изучения комплекса гуманитарных и общественных наук. Ряд из них сформировали свои научные концепции детства: концепция эмансипации детства (У. Бек и Х. Попитц), индивидуализации детства (П. Бюхнер, Х. Цахер); концепция трансформации детства (С. Н. Щеглова), концепция кризиса детства (Б. Д. Эльконин, В. И. Слободчиков) и др. Весьма значимым является тот факт, что многие исследователи стали рассматривать детей как важный структурный компонент общества. «По мнению большинства социологов-исследователей России, Западной Европы (прежде всего Германии) и Америки происходит серьезное изменение как самого детства, так и статуса ребенка в обществе» [6].

В Республике Беларусь защита прав и законных интересов детей является одним из важнейших направлений государственной политики в отношении детства. В стране создана и совершенствуется в соответствии с положениями Конвенции ООН о правах ребенка и другими международными договорами нормативная правовая база, направленная на обеспечение условий для реализации права каждого ребенка на жизнь и воспитание в семье, всестороннее развитие, защиту от насилия, сохранение здоровья, получение образования и

социальную защиту. Основным правовым актом, непосредственно регулирующим права детей, является Закон «О правах ребенка» (1993 г., в редакции от 25 октября 2000 г.). Согласно Закону «О правах ребенка» «ребенок – физическое лицо до достижения им возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объеме» [2].

На решение национальных задач по улучшению положения детей и защите их прав разработано и функционирует ряд государственных программ: например, Национальный план действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2012–2016 годы, Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы, Государственная программа профилактики ВИЧ-инфекции на 2011–2015 годы, Государственная программа по созданию безбарьерной среды жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2011–2015 и т.д.

Сохранение и укрепление здоровья детей является приоритетным направлением социальной политики Республики Беларусь. Современная система образования основана на следующих принципах: обязательное бесплатное общее базовое образование, всеобщий доступ к дошкольному и профессионально-техническому образованию. В Республике Беларусь сформирован механизм действенной защиты детей от ненадлежащих условий жизни и воспитания.

Вместе с тем ряд вопросов улучшения положения детей Беларуси остаются актуальными. Не смотря на декларирование ценности детства, существует ряд противоречий.

Во-первых, современные тенденции характеризуются снижением численности детей в структуре общества и увеличением доли пожилых людей. Согласно статистическим данным, численность детей в возрасте до 18 лет на начало 2014 года составила 1 761,0 тыс. человек, или 18,6 % общей численности населения, при этом 76,5 % всех детей проживает в городах и городских поселениях, в сельских населенных пунктах – 23,5 %. Динамика изменения возрастной структуры населения показала, что за последние 14 лет (с 2000 по 2014) удельный вес детей в общей численности населения Беларуси сократился с 23,3 до 18,3 % [3].

Во-вторых, наблюдается превалирование установок на малодетность. Структура семей с детьми свидетельствует о преобладании норм малодетности. Среднее число детей в семьях с детьми составляет 1,4 ребенка [5]. По данным переписи населения Республики Беларусь 2009 года число домохозяйств, имеющих в своем составе детей в возрасте до 18 лет в республике составило 1 миллион 250 тысяч, или 32 % от общего числа домохозяйств. По сравнению с данными переписи 2009 года число домохозяйств, имеющих в своем составе детей в возрасте до 18 лет, сократилось на 23 %. В общем числе домохозяйств, имеющих детей, растет удельный вес домохозяйств с одним ребенком (он увеличился с 58 % в 1999 году до 67 % в 2013 году) при сокращении доли домохозяйств с двумя детьми (с 36 % до 27 %) и с тремя и более детьми (с 6 % до 5 %) [3]. Причем это характерно как для городской, так и для сельской местности. С учетом существующей половозрастной структуры населения проблема распространенности однодетности является одной из актуальных для современного белорусского общества.

В-третьих, современное детство характеризуется ухудшением качественных характеристик, особенно здоровья. Динамика ряда важных показателей состояния здоровья детей не имеет тенденции к улучшению. Для современных детей характерен высокий уровень хронической патологии, рост психических расстройств. С 2005 по 2013 год количество детей, состоящих под наблюдением врачей-психиатров, возросло в 2,8 раза**.** Наблюдается рост заболеваемости детей, вызванной врожденными аномалиями, деформациями и хромосомными нарушениями. За период 2001–2013 гг. этот показатель увеличился в 1,8 раза. Отмечается достаточно высокий уровень смертности от внешних (экзогенных) причин. Чрезвычайно важная проблема современных детей – это адинамия. Согласно социологическим данным, посещают спортивные секции 29,9 % учащихся 1–4 классов и 39,2 % учащихся 5–9 классов; различные кружки – 44 % учащихся 1–4 классов и 31,2 % учащих-

ся 5–9 классов; принимают участие в спортивных мероприятиях 44,8 % учащихся 1–4 классов и 44,1 % учащихся 5–9 классов; катаются зимой на коньках и лыжах 45 % учащихся 1–4 классов и 44,8 % учащихся 5–9 классов [1].

В-четвертых, несмотря на важность и ценность каждого ребенка для развития общества актуальными являются проблема дифференциации детей, бедности детей. Социальная политика, развивающаяся по модели адресной политики (выборочной), создает условия для дифференциации детского населения, выделяя «детей–сирот», «детей с особенностями развития» и т.д. Такая политика не способствует выравниванию и улучшению положения детей. В области социальной политики необходима стратегия социальной политики, учитывающая интересы всего детского населения.

Рождение детей резко снижает качество жизни семьи. Когда в семье появляется ребенок, душевой доход членов семьи снижается на 30 процентов, двое детей – на 60 процентов, трое – на 75 процентов [7]. Создание условий, необходимых и достаточных для приостановления роста негативных явлений в детской среде, должно осуществляться за счет поддержки всех семей, независимо от количества детей в семье.

Библиографический список

1. Данные республиканского опроса «Поведенческие факторы риска среди населения Республики Беларусь» проведенного Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья, 2015 г.
2. Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=v19302570. Дата доступа: 20.09.2015.
3. Количество детей в Беларуси неуклонно снижается [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ej.by/news/sociaty/2014/06/01/kolichestvo_detey_v_belarusi_neuklonno_snizhaetsya.html. Дата доступа: 20.10.2015.
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/. Дата доступа: 20.09.2015.
5. Реализация прав детей в республике Беларусь. Ситуационный анализ. – Минск, 2015. – 280 с.
6. Щеглова, С. Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ТО ЮНПРЕСС. 2000.
7. Эксперты: Рождение детей снижает качество жизни семьи [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://deti.mail.ru/news/eksperty_rozhdenie_detej_snizhaet_kachestvo_zhi. Дата доступа: 20.09.2015.

АРЕНДНОЕ ЖИЛЬЕ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Д. В. Назарова,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Наличие жилья – базовая потребность каждого человека, которая не ставится под сомнение. Между тем, каждый видит решение этой, по сути личной и индивидуальной проблемы, по-своему. Кто-то возлагает ее решение на государство, кто-то прилагает усилия самостоятельно. В Жилищном кодексе Республики Беларусь от 22.12.1983 № 3351-X (статья 46) норма жилплощади определялась в размере 12 м^2 на одного человека; в Жилищном кодексе от 22.03.1999 № 248–3 (статья 81) – в пределах от 15 до 20 м^2; и уже в Жилищном кодексе Республики Беларусь от 28.08.2012 №428-3 (статья 35) нуждающиеся

в улучшении жилищных условий определены как обеспеченные общей площадью жилого помещения менее 15 м^2 (в г. Минске – менее 10 м^2). Нужно также понимать, что жилищные проблемы и самооценка людей как нуждающихся в улучшении жилищных условий, несмотря на существование определенных объективных нормативов, закрепленных законодательно, – это субъективные представления людей, преломление желаемого и действительного. Уровень притязаний каждого конкретного человека формируется в зависимости от многих факторов – это и семейные традиции при решении такого рода вопросов, и ориентация на ближайшее окружение (как живут другие), и под влиянием СМИ. Субъективное восприятие нуждаемости человека в улучшении жилищных условий состоит из оценки степени комфортности жилья, удобства его территориального расположения (город/сельская местность, наличие социальной инфраструктуры и проч.), и что вероятно наиболее существенно – юридического статуса проживания в нем: квартиросъемщик (и на каких условиях) или собственник жилья.

Анализируя данные социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси с 2009 по 2015 годы (13 репрезентативных республиканских исследований) можно отметить, что жилищные проблемы, как наиболее для них актуальные, выбирают от 26,3 % до 36,8 % респондентов. И в среднем рейтинг данной проблемы (из 16 альтернатив) занимает в нашей республике 7 место. Оценка респондентами достаточности средств на строительство дома, квартиры (ЖСК, др.) весной 2015 года показывает, что в целом по республике только 5,1 % респондентов средств хватает, 24,7 % – не хватает, 49,4 % не тратят на это деньги и 18,8 % отмечают, что у них никогда не хватит на это средств.

Для решения части жилищной проблемы в Беларуси на государственном уровне в конце 2011 года был подписан Указ Президента Республики Беларусь от 08.11.2011 № 512 «О некоторых вопросах использования государственного жилищного фонда», который уже 1 января 2012 года вступил в силу. Он определил обязанности и условия по предоставлению гражданам жилых помещений коммерческого использования, и в обиходе получил название как закон о «государственном арендном жилье». В республиканском репрезентативном исследовании (мониторинг Института социологии НАН Беларуси, осень 2014 года, N=2101) респондентам было предложено оценить некоторые вопросы жилищной проблемы и путей ее решения. Приведем данные опроса в разрезе областей и г. Минска, т.к. это в большей степени проиллюстрирует мнения населения и выявит специфику в зависимости от области их проживания. Представления людей о справедливости льгот, поведенческие стратегии при решении жилищного вопроса, ожидания, надежды граждан и перспективы государственного арендного жилья также могут быть полезны представителям государственной власти на местах, курирующих данную сферу.

Идея арендного жилья получила поддержку среди населения – 37,4 % по республике и 42,9 % по Минску против 18,6 % и 16,5 % тех, кто ответил «Нет» (табл. 1). При этом 42,9 % затруднились с ответом или не думали об этом. Если тех, кто не смог выразить свою оценку можно считать не информированными, либо не заинтересованными в данной проблеме, то как объяснить ответы тех, кому данная идея не понравилась? Для населения не совсем понятны условия, при которых распределяется государственный жилфонд, и не будет ли это означать впоследствии полного перевода тех квартир, которые не приватизированы, в арендное жилье с постоянными выплатами еще дополнительной платы. Это тот вопрос, который волнуют большинство жильцов неприватизированных квартир.

Таблица 1. **Общественная поддержка программы арендного жилья**
(в % от числа опрошенных)

Поддерживаете ли Вы действия государства по решению жилищной проблемы путем строительства арендного жилья?	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская	***РБ***
Нет ответа	0,1	1,9	1,7	0,1	0,4	1,4	1,4	**1,0**
Да	37,7	42,7	37,0	26,1	42,9	33,4	39,0	**37,4**
Нет	15,9	15,5	28,7	13,4	16,5	17,7	22,3	**18,6**
Не знаю, не думал об этом	46,2	40,0	32,5	60,4	40,2	47,5	37,3	**42,9**

Льготные условия получения жилья для нуждающихся по-прежнему пользуются широкой поддержкой среди населения – 87,3 % сказали «Да» (табл. 2): 67,3 % считают, что получение льготного жилья по очереди нужно оставить для всех, у кого нет собственного жилья; 20,0 % – за то, чтобы государство помогало только социально незащищенным слоям населения (инвалидам, многодетным). Только 2,7 % высказали негативное отношение, и 9,5 % затруднились с ответом. Среди тех, кто высказался против очереди на жилье и льгот при его строительстве больше всего минчан и жителей Минской области – 5,7 % и 4,3 % соответственно.

Таблица 2. **Мнение опрошенных о льготных условиях получения жилья**
(в % от числа опрошенных)

Нужна ли, по Вашему мнению, льготная очередь для нуждающихся в улучшении жилищных условий?	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская	***РБ***
Да, всем, у кого нет собственного жилья	69,4	69,5	63,2	72,9	68,6	64,6	63,5	**67,3**
Да, но только социально незащищенным слоям населения (инвалиды, многодетные)	20,1	18,7	30,7	16,2	15,8	20,1	18,0	**20,0**
Нет	1,4	1,7	1,7	0,8	5,7	4,3	2,1	**2,7**
Затрудняюсь ответить	9,0	10,0	3,7	10,0	9,8	10,4	14,9	**9,5**

В целом же опрошенные так оценили свою нуждаемость в улучшении жилищных условий – см. табл. 3. Это субъективные данные и отражают лишь представление людей о жилищном комфорте и перспективах его изменения.

Таблица 3. **Оценки респондентов своей нуждаемости в улучшении жилищных условий** (в % от числа опрошенных)

Нуждаетесь ли Вы или члены Вашей семьи в улучшении жилищных условий?	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская	***РБ***
Нет ответа	0,5	–	1,2	1,8	1,4	1,7	2,0	**1,2**
Да	52,6	48,1	38,8	42,9	54,8	53,3	48,4	**48,8**
Нет	46,9	51,9	60,0	55,3	43,8	45,0	49,5	**50,0**

При решении своих жилищных проблем население по-прежнему возлагает надежды на льготное строительство. В целом по республике так ответили 31,9 % опрошенных (из тех, что отметил, что нуждается в улучшении жилищных условий), см. табл. 4. Отвечая на вопрос анкеты, респонденты могли указать несколько наиболее приемлемых для них вариантов.

Таблица 4. **Пути решения жилищной проблемы в оценках нуждающихся в улучшении жил. условий** (в % от числа опрошенных)

Какой вариант решения жилищной проблемы для Вас является приемлемым? (вопрос для те, кто отметил, что нуждается в улучшении жил. условий)	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская	***РБ***
Нет ответа	43,7	45,5	56,5	45,1	37,2	38,0	44,0	**44,0**
Льготное строительство жилья по общей очереди	*26,6*	*42,3*	*21,0*	*32,6*	*36,6*	*31,6*	*33,6*	***31,9***
Строительство жилья по месту работы	7,5	9,1	5,4	10,5	12,1	8,8	8,7	**8,9**
Строительство жилья на общих условиях	3,0	2,0	2,0	0,5	1,5	3,0	1,5	**2,0**
Покупка готового жилья	8,1	11,9	7,3	5,2	6,2	8,7	6,3	**7,7**
Съем жилья у частников	0,5	3,3	1,3	0,5	0,9	1,1	0,7	**1,2**
Арендное жильё (съём жилья у государства)	*3,0*	*9,2*	*3,2*	*1,2*	*2,4*	*3,2*	*4,2*	***3,7***
Служебное жильё от работодателя	4,1	4,1	2,2	3,8	2,2	2,6	3,5	**3,1**
Компенсацию арендного жилья от работодателя или государства	0,6	5,1	1,3	1,3	2,5	2,7	1,4	**2,2**
Участок для строительства собственного дома	8,1	3,1	5,3	7,3	7,7	8,7	7,8	**6,9**
Другое	0,9	–	0,5	2,8	2,0	3,4	1,8	**1,6**

Строительство жилья по месту работы – также один из вариантов улучшения жилищных условий, и в целом по республике его выбрали для себя как более вероятный (или

уже реализуемый) 8,9 % опрошенных; у минчан – 12,1 %. Следующие позиции – покупка готового жилья (7,7 %) и приобретение участка для строительства собственного дома (6,9 %). В этой таблице наиболее приемлемых для респондентов решений жилищной проблемы арендное жилье (съем жилья у государства) занимает лишь 5 место с 3,7 % в целом по республике. *При этом съем жилья у частника опрошенными видится в менее привлекательном ключе – лишь 1,2 %.* Поэтому, несмотря на почти 40 % (37,4) поддержки действий государства по решению жилищной проблемы путем строительства арендного жилья (табл. 1), по данным социологического опроса можно спрогнозировать его реальных спрос. И арендное жилье видится, скорее, как еще один *недолгосрочный вариант, «на крайний случай»*, как и съем жилья у частника; предпочтение белорусы отдают жилью в своей собственности.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. С. Подвальская,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Главным назначением социальной рекламы является формирование и поддержание в сознании людей (обществе в целом) общечеловеческих ценностей, привлечение внимания к социально значимым проблемам и путям их решения. В мире данный вид рекламы активно развивается и приобретает все большее значение. В нашей стране развитие социальной рекламы отстает от мировых тенденций, однако ее значимость в решении актуальных для общества проблем и осознание необходимости качественного развития признается на государственном уровне. Так, в «Концепции развития рекламного рынка в Республике Беларусь», утвержденной Советом Министров РБ, закреплена необходимость повышения качества и эффективности социальной рекламы путем формирования системы финансирования, а также производства и размещения социальной рекламы [1].

Основные положения о порядке производства и размещения социальной рекламы в нашей стране регулируются законом РБ «О рекламе». В данном законе дается следующее определение социальной рекламы – «реклама прав, охраняемых законом интересов или обязанностей организаций или граждан, здорового образа жизни, мер по охране здоровья, безопасности населения, социальной защите, профилактике правонарушений, охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов, развитию белорусской культуры и искусства, международного культурного сотрудничества, программ по вопросам развития образования, государственных программ в сферах здравоохранения, культуры и спорта либо иных явлений (мероприятий) социального характера, которая направлена на защиту или удовлетворение общественных или государственных интересов, не носит коммерческого характера и рекламодателями которой являются государственные органы» [2]. Таким образом, в данном определении отражены основные темы (объекты), цели и задачи социальной рекламы в нашей стране. Кроме того, исходя из определения, можно выделить особенность социальной рекламы в Беларуси, которая заключается в том, что рекламодателями социальной рекламы могут быть только государственные органы (министерства, ведомства, комитеты, местные исполнительные и распорядительные органы).

Основными распространителями социальной рекламы в нашей стране являются телевидение, радио, средства наружной рекламы, печатные СМИ. Все каналы распространения рекламы, согласно закону РБ «О рекламе», осуществляют размещение социальной рекламы на безвозмездной основе в пределах 5 % объема вещания (основной печатной площади) в сутки, отведенного для рекламы.

Несмотря на то, что в Беларуси ведется активное производство и размещение социальной рекламы различной тематики, говорить о том, что качество социальной рекламы

полностью соответствует современным тенденциям, ожиданиям общества и государства не приходится. Так, совет по оценке качества социальной рекламы среди основных ошибок при производстве социальной рекламы отмечает использование мелкого шрифта и изображения небольшого формата в наружной рекламе, необоснованно затянутые сюжеты (фрагменты) в телевизионной рекламе; сложность или неоднозначность восприятия потребителями идеи рекламы; отсутствие логической связи между изображением и текстом рекламы, нелогичность рекламного сюжета; демонстрация проблемы при отсутствии способа ее решения. Важными проблемами, требующими решения на уровне рекламодателей, являются отсутствие системного похода к производству и размещению социальной рекламы определенной тематики, а также большое количество разрозненных сюжетов, не составляющих единую концепцию по решению определенной проблемы [3].

Поскольку действие социальной рекламы направлено на изменение поведения людей в отношении определенной проблемы, важно знать мнение населения о размещаемой социальной рекламе. С этой целью в июле – октябре 2015 года в рамках общереспубликанского исследования «Поведенческие факторы риска среди населения Республики Беларусь», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Республиканским центром гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья, автором была разработана и апробирована методика исследования социальной рекламы. Первый блок вопросов касался тематики социальной рекламы, размещаемой в нашей стране. Анализ данных показал, что более половины респондентов чаще всего видят/слышат рекламу здорового образа жизни и охраны здоровья (66,4 %), профилактики личной безопасности (52,9 %), благотворительности (50,9 %). Около 45 % опрошенных чаще всего сталкиваются с рекламой профилактики ВИЧ-инфекции, чуть более 41 % – с рекламой защиты природы, экологически безопасного поведения, 38 % опрошенных – с рекламой, призывающей к исполнению гражданских обязанностей. Реже всего респонденты встречают рекламу, пропагандирующую патриотизм и любовь к Родине (30,4 %), и рекламу, направленную на укрепление семейных ценностей (28,4 %).

Распределение ответов относительно актуальности определенной тематики социальной рекламы выглядит несколько иначе. Наиболее актуальными темами, по мнению более половины опрошенных, являются здоровый образ жизни и охрана здоровья (61,5 %), семейные ценности (52,6 %), а также профилактика ВИЧ-инфекции (52,1 %). Следующими по актуальности темами социальной рекламы респондентами были отмечены профилактика личной безопасности (51,3 %) и защита природы, экологически безопасное поведение (50,7 %). Менее половины опрошенных отметили актуальность темы благотворительности (46,5 %), патриотизма и любви к Родине (39,2 %), а также призыва к исполнению гражданских обязанностей (32 %).

Второй блок вопросов был направлен на выявление степени влияния социальной рекламы на изменение поведенческой модели в отношении определенной социальной проблемы. Результаты исследования показали, что 44,6 % опрошенных считают, что социальная реклама может изменить поведение людей (в будущем либо уже сегодня). Около 19 % респондентов полагают, что социальная реклама не способна оказать влияние на поведение людей. Более трети опрошенных (36,2 %) затруднились дать ответ на данный вопрос. В ходе исследования респондентам также был задан также вопрос о том, какое влияние лично на них оказывает социальная реклама. Анализ данных показал, что социальная реклама в нашем обществе пока никак не влияет на мысли и поведение более трети респондентов (38,1 %). Около 30 % опрошенных задумываются о проблемах, которые поднимаются в социальной рекламе, но ведут себя как прежде. Только 27,1 % опрошенных прислушиваются к социальной рекламе и стараются вести себя иначе.

Таким образом, в нашей стране осознается значимость социальной рекламы как средства воздействия на ценности и поведение людей. Однако сама социальная реклама не сформировалась как институт, ее производство и размещение носит разрозненный и стихийный характер. Все это требует создание эффективной системы функционирования со-

циальной рекламы, обеспечивающей удовлетворение общественных и государственных интересов.

Библиографический список

1. Концепция развития рекламного рынка в Республике Беларусь на период до 2014 года: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2.01.2010 № 2 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства торговли Республики Беларусь. – Режим доступа:http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAAahUKEwi3ip2c5vbIAhWo8XIKHTt3An8&url=http%3A%2F%2Fwww.mintorg.gov.by%2Findex.php%3Foption%3Dcom_docman%26task%3Ddoc_download%26gid%3D700%26Itemid%3D&usg=AFQjCNHqEDOf00Fevcebzj2aC3u1ecRncg. – Дата доступа: 04.10.2015.
2. Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10700225&p2={NRPA}. – Дата доступа: 04.10.2015.
3. Сайт Министерства торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс] - Режим доступа:http://www.mintorg.gov.by/index.php?option=com_content&task=view&id=1939&Itemid=30&lang=ru. - Дата доступа: 04.10.2015.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В. Р. Шухатович,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

С начала 90-х годов белорусские социологи активно занимаются исследованием процессов социального реформирования, модернизации и инновационного развития общества. Для конструктивного обсуждения методологических оснований проведения социальных реформ и внедрения инноваций на уровне социальной политики государства и законотворчества необходим солидный социологический материал. Без реализации принципа «обратной связи» (изучения социальных ожиданий людей, самооценок, удовлетворенности и т.п.) разными группами населения невозможно проводить намеченные преобразования. Реформы и инновации не являются самоцелью. Суть реформы как общественного явления и управленческой задачи состоит в том, чтобы реализовать адекватные способы (когнитивные, ресурсные и др.) решения возникающих проблем путем постепенных, эволюционных изменений существенных сторон социальной сферы, принципов, схем и процедур деятельности при сохранении ее организационных, структурно-функциональных и институциональных основ.

Сферный подход акцентирует внимание на вопросах системной целостности общества и проблематике социального воспроизводства [1; 2]. В рамках сферного подхода здравоохранение рассматривается как структурный компонент (субсфера) социальной сферы. В сферном подходе первостепенное значение придается социальным институтам, которые формируют нормативно-ценностную модель поведения и отношений исходя из развивающихся потребностей социума, упорядочивает жизнь и предотвращает дезорганизацию [1]. «Каждый из институтов должен защищать интересы тех, кого он объединяет, но вместе с тем и поднимать эти интересы на системный уровень, согласовывать их с общественными целями» [1].

Фундаментальные ценности и интересы общества воплощены в принципах социальной политики, таких как равенство, справедливость, согласование интересов. Они выступают в качестве ориентиров деятельности (законотворческой, хозяйственной и др.), имеют императивный характер и определяют специфику социальных отношений любого общества. Важно понимать, что инновации, рассматриваемые как управляемые изменения качественных сторон жизни социума, должны быть подчинены и релевантны общественным нормам и ценностям. В противном случае они могут оказаться не «точками роста» и источником развития, а привести к противоположному результату – напряженности, дезорганизации и деградации.

Особенностью реализации инноваций в сфере здравоохранения является ее особая чувствительность к реформам и нововведениям. Это объясняется тем, что изменения касаются наиболее значимых ценностей – здоровья и жизни людей, и в данной связи оправдан определенный консерватизм.

Существует специфика в особенностях интерпретации базовых принципов и понятий социальной политики в области охраны здоровья, например, таких как равенство, справедливость, дифференциация интересов; в выборе целей и приоритетов здравоохранительной деятельности, что важно с точки зрения вопросов методологии. Так, например, обеспечение принципа равенства в вопросах охраны здоровья интерпретируется как равная доступность медицинской помощи для всех статусных групп общества. В тех случаях, когда реализовать принцип равенства не представляется возможным, государство с целью выравнивания возможностей использует механизмы компенсации, в частности льготы, дотации и прямые платежи (трансферты). В англоязычной литературе перечислены четыре подхода к равенству в распределении медицинской помощи: 1) равенство потребления на душу населения; 2) распределение в соответствии с потребностями, 3) распределение в соответствии с состоянием здоровья и 4) равенство как равный доступ [3]. Современные технологии организации и управления здравоохранением используют различные сочетания указанных подходов. Реализация принципа справедливости в здравоохранении связана с минимизацией различий в состоянии здоровья населения различных стран и различных социально-экономических групп населения в пределах одной страны. Специфика выявления и согласования интересов в сфере охраны здоровья определяется: а) индивидуальными и групповыми особенностями образа жизни людей (социально-демографическими, профессиональными); б) различиями в статусе здоровья; в) ролью, выполняемой в системе отношений «врач-пациент», «медицина-общество».

Инновационное развитие здравоохранения связывается с усилением внимания к профилактической деятельности, особенно к вопросам профилактики хронических неинфекционных заболеваний. В экономически развитых странах на профилактические мероприятия расходуется до 95 % средств здравоохранения и только 5 % – на лечебные.

Профилактическая деятельность осуществляется на трех уровнях.

1. Социальная (первичная, факторная) профилактика имеет целью сохранение и развитие условий, способствующих здоровью и предупреждению неблагоприятного влияния факторов и условий жизни на здоровье. Она обеспечивает обоснование требований к функционированию всех подсистем общества с позиций сохранения здоровья людей и осуществляет контроль за их выполнением. Одним из направлений социальной профилактики заболеваний является формирование потребности населения в здоровом образе жизни.

2. Социально-медицинская (вторичная, донозологическая) профилактика предусматривает использование многоуровневых скринирующих систем [4] и направлена на возможно раннее выявление отклонений в жизнедеятельности человека с целью соответствующей коррекции.

Таким образом, и первичная, и вторичная профилактика ориентированы на предупреждение возникновения заболеваний и составляют основу стратегии управления здоровьем.

3. Медицинская (третичная, нозологическая) профилактика направлена на предупреждение обострений в течении болезней, предупреждение перехода заболеваний (или

их стадий) в более тяжелую форму (стадию обострения). Это означает, что лечение и реабилитация служат элементами третичной профилактики.

В последние годы появляются научные публикации, авторы которых рассматривают и четвертый уровень профилактики, мероприятия которого связывают с использованием малоинвазивных (менее травматичных) методов диагностики и лечения заболеваний, в частности, онкологических.

Особое внимание в настоящее время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) уделяет распространению под контролем специалистов опыта и достижений народной медицины, особенно в странах с невысоким уровнем ВВП на душу населения и высокой долей населения с низким уровнем дохода. В числе главных преимуществ методов народной медицины перечислены такие, как доступность, минимальное количество побочных эффектов, доверие со стороны населения.

Согласно рекомендациям ВОЗ деятельность систем охраны здоровья отдельных стран должна быть направлена на выполнение трех главных задач:

- улучшение здоровья населения;
- отзывчивость к социальным ожиданиям пациентов;
- обеспечение финансовой защиты от расходов, связанных с нездоровьем (болезнью).

Каждая страна выбирает собственные цели и приоритеты здравоохранительной деятельности, которые, с одной стороны, зависят от ее политических, культурно-исторических, экономических и экологических особенностей, с другой стороны, формируются под влиянием глобальных процессов и стратегий в данной сфере. Основной тенденцией прошлого столетия в большинстве стран Западной Европы стало повышение роли государства в сфере здравоохранения. Наблюдается возрастание ответственности, которую готово взять на себя государства за здоровье и безопасность граждан. Это объясняется тем, что:

- здоровье и жизнь человека в настоящее время признаются основными личными и социальными ценностями;
- увеличивается количество рисков для здоровья людей (экологических, техногенных, политических, военных) и уменьшается степень контроля над ними со стороны индивида;
- признана ограниченная эффективность рыночных механизмов в данной сфере и необходимость их государственного регулирования.

Всемирная организация здравоохранения ориентируют государства на поиск инновационных подходов в здравоохранении, которые бы, во-первых, максимально учитывали социально-культурные и экономические особенности своих стран и отдельных социальных групп и соответствовали их реальным потребностям; во-вторых, были способны обеспечить быстрый ощутимый эффект. Причем, поощряются не столько масштабы самих инноваций, сколько степень их восприятия населением. В стратегии ВОЗ подчеркивается важность межсекторального сотрудничества, проведения научных исследований, информационного и коммуникационного обеспечения, а также необходимость разработки механизмов, способных учитывать высокую значимость этических аспектов в процессе принятия решений, относящихся к здоровью.

Библиографический список

1. Шавель, С. А. Сферный подход в социологической методологии // Социология. № 1, 2014. – С. 29–41.
2. Осадчая, Г. И. Социология социальной сферы [Текст] : учебное пособие для высшей школы / Г. И. Осадчая ; Моск. гос. социальный ун-т, М-во труда и социального развития РФ – 2-е изд., перераб. и доп.. – Москва : Академический проект, 2003. – 334 с. – (gaudeamus). [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://lawbooks.news/sotsiologiya_910_911/sotsiologiya-sotsialnoy-sferyi.html. – Дата доступа 9.11.2015.
3. Culier, A. J., Wagstaff A. Need, equality and social justice. Need, equity in health and health care. – Rotterdam: Institute for Medical Technology Assessment, Erasmus University, 1991.

4. Флетчер, Р., Флетчер С., Вагнер Э. Клиническая эпидемиология. Основы доказательной медицины – М., 2004. – С. 343.

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ ОТРАСЛИ УКРАИНЫ

Л. И. Еременко,
Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М.Доброва НАН Украины, г. Киев

Украинское здравоохранение накопило такой клубок проблем, что любые реформы не смогут их решить в полной мере и в краткосрочной перспективе.

Согласно официальным статистическим данным Министерства здравоохранения Украины, в нашей стране сложилась очень непростая ситуация с состоянием здоровья населения, основные показатели которого – средняя продолжительность жизни (66 лет), уровень смертности и заболеваемости – далеко не оптимистические и в последние годы имеют тенденцию к ухудшению. Кроме того, в Украине наблюдаются следующие опасные процессы и тенденции: снижение рождаемости и повышение смертности, снижение иммунитета, загрязнение питьевой воды, расширение наркомании, ВИЧ-инфекции, венерических заболеваний, эпидемия туберкулеза, стойкое повышение сердечно-сосудистых и раковых заболеваний и т.д. По состоянию на 1 августа 2015 г. по данным Укрстата численность населения Украины составила 42 643 920 постоянных жителей и 42 813 557 человек наличного населения. На Украине самая высокая смертность в Европе (15,7 умерших на 1000 человек, по оценке ЦРУ США на 2014 год), страна занимает 2-е место в мире по уровню смертности (после ЮАР) и 1-е место в мире по уровню естественной убыли населения (6,3 убывших на 1000 жителей).

Профилактика заболеваний. До развала Союза в Украине, как и в остальных советских республиках, существовала хотя и не очень богатая, но упорядоченная система медицинской помощи населению, финансируемая, как говорится, из одного «котла», в которой все было спланировано, существовало понятие диспансеризации населения. При всех новейших веяниях следует признать плюсы тогдашней медицины – ее профилактическая направленность, доступность, бесплатность, территориальный принцип обслуживания и прочее. Областные больницы и диспансеры были организационно-методическими центрами. Они занимались анализом показателей здоровья населения, разрабатывали методики по диагностике и лечению больных, осуществляли плановые и срочные выезды в города и районы, проводили большую санитарно-профилактическую работу среди населения. Это была национальная технология, и ни одна страна мира ничего подобного не имела!

Сегодня проблемой профилактики заболеваний, кроме отсутствия диспансеризации, является отсутствие механизмов привлечения населения к занятиям спортом, поддержки учреждений физической культуры и пропаганды здорового способа жизни. Здоровье населения на 50 % зависит от способа жизни. И для этого необходимо много усилий вкладывать в профилактику заболеваний, прежде всего детей и подростков. Детский алкоголизм и детский сифилис говорят о суперпроблемах в профилактической работе с этой категорией населения.

Огромное значение для здоровья населения имеет окружающая среда. В первую очередь, это вода, на которой готовится пища и которая употребляется в больших количествах. Для Украины это огромная проблема. Речь идет об очистке воды в мегаполисах и городах с ее централизованной подачей. В большинстве европейских стран это качество на порядок лучше, и воду из крана можно пить свободно. То же можно сказать о воздухе во многих мегаполисах Украины. Также новым, но важным фактором загрязнения окружающей среды является электромагнитный смог, который окружает современного чело-

века и негативно воздействует на здоровье. Наличие этих факторов – не проблема медицинской отрасли, а вот грамотное использование и учет негативных воздействий относится к профилактике заболеваний.

Конечно, главной проблемой профилактической медицины является рост заболеваемости, появляются многие запущенные формы болезней, которых не было в советское время. Ранней диагностике в стране уделяется недостаточное внимание.

Неотложная и скорая помощь. В мировой практике медицинскую помощь принято делить на три сегмента – первичная (оказываемая врачами общего профиля в поликлиниках и на дому), вторичная – оказываемая врачами-специалистами в амбулаторных условиях и в условиях стационара общего профиля и, наконец, третичная медицинская помощь – специализированная высокотехнологичная медицинская помощь, оказываемая в условиях стационара. Первичная медицинская помощь составляет обычно более 50 % объема медицинских услуг, среди которых неотложная и скорая помощь занимает важнейшее место.

Одна из проблем – техническое оснащение машин скорой помощи и количество самих машин, особенно в регионах Украины. Из-за плохого оснащения (как технического, так и медпрепаратами) врачи часто не могут оказать квалифицированную помощь ургентным больным. Речь идет о диагностике и первичном лечении. Чем дальше в регионы, тем это оснащение хуже. Транспортный парк изношен на 70 %, поэтому врачам приходится добираться к больным с большим трудом. Если говорить о скорой помощи – санитарной авиации, то Украина занимает одно из последних мест в Европе по уровню развития санитарной авиации. Украинская санитарная авиация существует и функционирует лишь в системе военно-медицинской службы Вооруженных сил Украины.

Финансирование отрасли. Мировая практика показывает, что для адекватного функционирования медицины государству достаточно обеспечить расходы на уровне 5–6 % ВВП. Украинская медицина финансируется на уровне 6,4 % ВВП (учитывая нашу систему статистики, экспертами называется также 3 %). Основные проблемы финансирования зависят от двух факторов: во-первых, наш ВВП не такой большой, как в странах Европы, а во-вторых, – система государственных закупок в украинской медицине настолько непрозрачна, что можно говорить об огромных потерях денег на пути к пациенту. И без надлежащих реформ система здравоохранения «съест» значительно бóльшую сумму, причем, рядовой пациент это может не заметить.

Украинец, попадая в больницу, самостоятельно доплачивает то, что «не додало» ему государство. Поэтому из-за отсутствия реформ в системе вторичной медицинской помощи в Украине, значительная часть этих средств расходуется неэффективно. Когда речь идет о государственном финансировании отрасли, то напрашивается аналогия с украинской промышленностью – «энергоемко и низкоэффективно». Самое болезненное, так это то, что в ст. 49 Конституции Украины декларируется, что медицина у нас в стране бесплатная. Правда, ст. 95 того же Основного закона предупреждает, что все расходы (в том числе и на медицину) определяются у нас исключительно размером ежегодно принимаемого бюджета.

Направленность нового бюджета на 2015 год – явно антисоциальная. Проектом запланировано сокращение расходов на здравоохранение – на 39,5 %. В новый бюджет заложена норма отмены бесплатной медицины. Украина переходит на страховую медицину. Питание в больницах также станет платным. Кроме того, Кабмин утвердил перечень учреждений культуры, здравоохранения, образования, которые будут переданы на финансирование местных бюджетов, т.е они фактически предоставляются сами себе.

Медицинские кадры. Укомплектованность украинских больниц медицинскими работниками сегодня очень низкая. Все больше медиков едут на заработки за границу. Даже соседняя Россия оказалась намного привлекательнее Украины. Из-за этого укомплектованность медицинскими кадрами в Украине составляет около 80 %, а по некоторым областям процент укомплектованности и вовсе опускается до 60 %. При этом следует иметь в виду, что с удалением от города эта цифра неумолимо уменьшается. Не говоря уже о том,

что в селах среди врачей более четверти составляют люди предпенсионного возраста или пенсионеры. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что украинские врачи достаточно высокого уровня. Основным источником пополнения врачебных кадров являются выпускники высших медицинских учебных заведений. Однако их количество – около 4 тыс. человек ежегодно, не компенсирует даже естественной текучести. Как следствие, в течение последних 10 лет наблюдается стойкая тенденция к уменьшению численности врачей в Украине.

Около 57 стран мира испытывают острую нехватку врачей, медицинских сестер, акушерок, администраторов и других работников здравоохранения с зарплатой на порядок большей, чем в Украине.

Качество медицинских услуг. Качество – это важнейшая характеристика медицинской помощи (услуги) и критерий эффективности лечения пациента. О качестве невозможно говорить без утверждения единых государственных стандартов лечения заболеваний. Также должны быть определены количество, частота применения этих услуг, перечень используемых лекарств с указанием разовых и курсовых доз, дорогостоящих изделий медицинского назначения (включая имплантаты, эндопротезы и так далее), перечень компонентов крови и препаратов, лечебного питания.

Без медицинских стандартов невозможна страховая медицина и самое главное – юридическая ответственность врачей перед пациентами. Сегодня в Украине отсутствие общеобязательного медицинского страхования подкрепляется правовой незащищенностью пациентов. Не только не предусмотрено наличие специфических прав, позволяющих в случае появления негативных последствий, вызванных некачественным предоставлением медицинских услуг, в полной мере защитить свою жизнь, здоровье, но и призвать виновных к ответственности за подобного рода «услуги».

Фармакологический бизнес. Эта отрасль в Украине одна из самых денежных. В принципе фармакологический бизнес в мире очень прибыльный. В нашей стране есть и производители лекарственных средств – отечественные предприятия и представительства международных гигантов, а самое главное – огромный рынок потребителей этих лекарств. О состоянии государственных закупок лекарственных средств, диагностикумов, медицинской техники красноречиво говорят более 3000 уголовных дел в этой сфере.

Против лоббирования крупных фармацевтических компаний еще не устояла ни одна страна. Весь секрет в сертификации и лицензировании лекарственных средств, поступающих на украинский рынок. Однако, большая доля высокоэффективных лекарств и диагностических систем на рынок Украины не допускается, а многие уже запрещенные во всем мире лекарства свободно продаются в аптеке. Мало того, их рекомендуют даже детям. Кстати, у нас разрешена реклама лекарственных средств, что стимулирует людей заниматься самолечением и становиться потребителями аптек. В мире этот вопрос регулируется (на большую часть медикаментов) рецептами врача.

Коррупция и политика. Сегодня украинскую медицину называют одной из самых коррумпированных отраслей, при этом системного подхода к решению вопроса нет. Если говорить о доле теневой экономики в этой сфере, то можно смело называть – 70–80 %. К сожалению, эту тенизацию поддерживает государство, делая вид, что у нас медицина бесплатная, а врачи, в ситуации нищенского финансирования и обеспечения, решают этот вопрос на свой страх и риск. В некоторых случаях по закону за определенную операцию пациент не должен платить вообще, а в реальности это выливается в десятки тысяч долларов. Такая «двойная жизнь» в медицинской сфере повсеместна.

Здесь не названы многие проблемы. Чтобы разрабатывать стратегии реформирования системы здравоохранения в Украине в целом, необходимо обратить внимание на макропроблемы, определить приоритеты и выработать необходимые идеи для их решения.

СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ – ОСНОВА АДРЕСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ ПО ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТЕМАТИКЕ

Е. И. Горанская,
магистр психологических наук, Филиал «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь, г. Минск, Goranskaya@rbic.by

Катастрофа на Чернобыльской АЭС оказала и продолжает оказывать влияние на социокультурную реальность Республики Беларусь. Это влияние носит многокомпонентный характер и проявляется в различных областях, в том числе в таких, как формирование общественного информационного поля; поиск обратной связи и общественного сопереживания; желание поделиться своим мнением по тому или иному вопросу, связанному с преодолением последствий чернобыльской катастрофы. Однако сегодня уже нельзя говорить об одностороннем характере данного влияния. Сейчас следует говорить о взаимовлиянии катастрофы на Чернобыльской АЭС как общественного феномена и социального ответа на инициированные ею вызовы [1, с. 59–62].

На текущий момент времени можно с уверенностью говорить о том, что Республика Беларусь достойно справилась с выпавшим на ее долю испытанием: перешла от реабилитации к возрождению пострадавших территорий и стала экспертом в решении постчернобыльских задач. Полученный опыт должен и, несомненно, учитывается при построении национальной модели развития белорусского общества, экспертно-аналитическую и информационную поддержку которой оказывает, в том числе, социально-научное знание. Последнее обусловлено тем, что чернобыльская катастрофа стала не только техногенной или радиоэкологической, но и не в меньшей степени социальной трагедией для нашей страны [2, с. 4–5].

Регулярное проведение социологических исследований, посвященных определению уровня информированности граждан по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС, а также специфики восприятия населением опасности радиационного воздействия позволяет осуществлять мониторинг соответствующих показателей и выявлять их динамику [3; 4]. Важность данного мониторинга, который проводится на регулярной основе и является математически-формализованным выражением мнения населения о различных аспектах чернобыльской проблематики, обусловлена необходимостью определения целевых индикаторов Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства. На основании полученных данных разрабатываются меры по повышению радиоэкологической грамотности и снижения психоэмоциональной напряженности населения загрязненных радионуклидами территорий.

Помимо того, благодаря проведению указанных социологических исследований становится возможной разработка элементов адресной информационной работы по чернобыльской тематике с различными группами населения и категориями специалистов. Так, в 2015 году сотрудниками филиала Филиал «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь (далее – БОРБИЦ) была подготовлена серия тематических памяток для специалистов систем образования, здравоохранения, а также студентов профильных учреждений образования. Инновационность памяток состоит в том, что их структурно-содержательное наполнение было сформировано не на основе экспертного мнения о необходимости того или иного материала, а с учетом ответов представителей каждой целевой группы на вопросы анкеты.

Также при разработке данных памяток были учтены «чернобыльские» вопросы, которые задали респонденты организаторам опроса[1].

Библиографический список

1. Современные тенденции в философско-культурологическом осмыслении последствий чернобыльской катастрофы для Республики Беларусь / под общ. ред. З.И. Трафимчик. – Минск : РНИУП «Институт радиологии», 2011. – 80 с.
2. Бабосов, Е. М. Социальное эхо чернобыльской катастрофы: двадцать лет спустя / Е. М. Бабосов. – Гомель : РНИУП «Институт радиологии», 2005. – 134 с.
3. Борисевич, Н. Я. Информационно-психологическая безопасность населения в условиях радиоактивного загрязнения территорий / Н. Я. Борисевич, Е. И. Горанская // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 172–181.
4. Мартищенкова, Е. В. Перспективы возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий (по оценкам жителей загрязненных районов) / Е. В. Мартищенкова // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 182–191.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В БЕЛАРУСИ

Е. В. Мартищенкова,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Беларусь, как суверенное государство, вынуждена самостоятельно защищать свои интересы на мировой арене, решать проблемы жизнеобеспечения населения, развития экономики, социальной сферы, образования и культуры. Как показывает мировая практика, реализация в полном объеме данной цели возможна только при соответствующем энергообеспечении, достаточном уровне энергетической безопасности.

Энергетика является одной из основных отраслей непосредственного жизнеобеспечения населения, удовлетворения потребностей в тепле, освещении, водоснабжении и т. д., столь же настоятельных и неотложных, как питание, одежда, жилище. В силу этого энергетика, ее достижения и проблемы, являются предметом самого пристального и заинтересованного внимания со стороны общества.

Мониторинг общественного мнения о состоянии, проблемах и перспективах развития энергетической отрасли республики проводится Институтом социологии НАН Беларуси по заказу Министерства энергетики Республики Беларусь с сентября 2005 года.

Центральной задачей данного социологического мониторинга является изучение динамики отношения населения к использованию атомной энергетики и строительству АЭС в Беларуси. На каждом этапе данного исследования респондентам задавался вопрос «Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?», а в 2013 в инструментарий был добавлен вопрос уже непосредственно об отношении к самому строительству «Как Вы лично относитесь к начавшемуся в Островецком районе строительству белорусской АЭС?».

В данном исследовании ставилась задача сравнительного характера, а именно – выявить текущие оценки и, сопоставив с данными предыдущих замеров, определить тенденции их изменения.

Результаты исследования, проведенного в мае 2015 года, показали, что существен-

[1] В основу разработки тематических памяток для специалистов систем образования и здравоохранения, а также для студентов положены результаты социологического исследования, проведенного в 2014 году ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» по заданию БОРБИЦ и направленного на определение степени информированности по чернобыльской проблематике и восприятия радиационной опасности различными группами населения и категориями специалистов.

ных изменений в распределении ответов респондентов на данный вопрос о необходимости развития ядерной энергетики в Республике Беларусь не произошло. Так, количество и сторонников, и противников ядерной энергетики по сравнению с прошлым годом немного уменьшилось (с 49,8 % до 47,8 % и с 19,7 % до 19,4 %, соответственно). Данное уменьшение не является статистически значимым и находится в пределах ошибки выборки (±2,5 %). Такая же ситуация и с количеством респондентов затруднившихся ответить на данный вопрос – 32,4 % (+2,1 %). В итоге можем говорить о том, что с 2013 года отношение населения к ядерной энергетике остается на одном уровне – треть населения все еще не определилась в своей позиции по данному вопросу, а количество сторонников по-прежнему в более чем в два раза превышает количество противников ядерной энергетики.

Таблица 1. **Динамика общественного мнения по проблемам ядерной энергетики**
(в % от числа опрошенных)

Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?	Сентябрь 2005 г.	Август 2006 г.	Январь 2008 г.	Февраль 2010 г.	Май 2011 г.	Май 2012 г.	Май 2013 г.	Май 2014 г	Май 2015 г.
Да	28,3	28,8	54,8	57,0	59,4	53,5	47,6	49,8	47,8
Нет	46,7	41,8	23,0	19,6	24,7	21,1	18,8	19,7	19,4
Затрудняюсь ответить	25,0	28,6	21,8	22,5	15,8	25,2	33,3	30,3	32,4
Нет ответа	—	0,8	0,4	0,9	0,1	0,2	0,3	0,2	0,3

Среди социальных категорий наиболее активными сторонниками строительства АЭС (показатели выше, чем в среднем по стране) выступают рабочие промышленности и руководители всех уровней – 54,5 и 50,3 %, соответственно; в стане противников наибольшее количество опять же руководителей всех уровней и предпринимателей – 26,7 и 30,8 %, соответственно.

Согласно инструментарию данного социологического опроса, одним из центральных вопросов является и вопрос о личном отношении респондентов к строительству в Островецком районе первой Белорусской АЭС. Распределение ответов на данный вопрос представлено в таблице 2.

Назначение данного вопроса заключается в том, чтобы выявить, насколько сегодня общественное мнение различает эти понятия: «Строительство АЭС» и «Развитие ядерной энергетики». Как видно из таблицы 2 население данные понятия несколько разграничивает. Так, 59,1 всех опрошенных выразили положительное в целом (сумма ответов «Положительно» + «Скорее положительно») отношение к строительству АЭС, 23,3– отрицательное и 17,6 – неопределенное («Затрудняюсь ответить» и «Нет ответа»).

Что касается региональных различий в ответах респондентов на вопрос об их отношении к строительству Белорусской АЭС, то можно выделить Гродненскую область как наиболее положительно настроенную в этом вопросе (70,8 %) и Островецкий район (81,3 %) – это, скорее всего, можно объяснить близостью к площадке строительства АЭС и является общей тенденцией данного региона. Значительно меньшей поддержкой строительство АЭС пользуется в Витебской области (53,8 %) и городе Минске (48,8 %). В остальных областях данный показатель находится практически на уровне среднереспубликанского. В плане отрицательного отношения к строительству можно выделить город

Минск (здесь наибольший показатель – 36,6 %), Минскую область (14,4 %) и Островецкий район (наименьший по республике показатель – 12,6 %).

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы лично относитесь к начавшемуся в Островецком районе строительству белорусской АЭС?»**
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Всего	В том числе по регионам:							
		г. Минск	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.:		Минская обл.	Могилевская обл.
						Всего	В т.ч. Островецкий р-н		
Положительно	20,7	16,9	19,0	10,6	23,4	28,7	54,3	25,5	22,3
Скорее положительно	38,4	31,9	42,5	43,2	39,7	42,1	27,0	37,0	35,0
Сумма положительных ответов	***59,1***	***48,8***	***61,5***	***53,8***	***63,1***	***70,8***	***81,3***	***62,5***	***57,3***
Скорее отрицательно	10,7	16,0	11,0	8,4	8,3	10,8	6,3	6,6	12,9
Отрицательно	12,6	20,6	10,9	8,3	16,3	12,2	6,3	7,5	9,1
Сумма отрицательных ответов	***23,3***	***36,6***	***21,9***	***16,7***	***24,6***	***23,0***	***12,6***	***14,4***	***22,0***
Затрудняюсь ответить	16,4	14,0	13,9	29,1	10,1	6,1	6,0	22,6	19,4
Нет ответа	1,2	0,6	2,7	0,4	2,1	—	—	0,8	1,3
Неопределенное отношение	***17,6***	***14,6***	***16,6***	***29,5***	***12,2***	***6,1***	***6,0***	***23,4***	***20,7***

Еще одну проблему нельзя упускать из виду. Имеется в виду вероятность протестных настроений и действий в связи со строительством АЭС. После трагедии на «Фукусима-1», вызванной цунами и просчетами частного оператора атомной станции ТОРСО, в некоторых странах «Зеленым» и другим подобным организациям удалось раскачать обстановку, дестабилизировать массовое сознание и общественное мнение. Волна протеста против ядерной энергетики вынудила правительства Германии, Швейцарии и других стран пойти на уступки, пообещав ограничение действующих АЭС и строительства новых. Как выглядит ситуация в этой области в нашей стране? На этот вопрос позволяют ответить результаты проведенных исследований (таблица 3).

Анкетный вопрос формулировался так: «Допускаете ли Вы свое личное участие в протестных акциях, связанных со строительством АЭС в Беларуси?». Проведенный анализ показал, что количество положительных ответов на данный вопрос за прошедший год несколько увеличилось (хотя изменения находятся в пределах ошибки выборки, но все же, на наш взгляд, на них стоит обратить внимание). Итак, на первом месте, как и в 2014 году – готовность к участию в санкционированных митингах и демонстрациях (4,1 % при 5,5 в 2014), на втором – в актах, препятствующих строительству, подвозу материалов и т.п. (1,9, в 2014 – также 1,9%), на третьем – в пикетах (1,6, в 2014 – 1,6 %), четвертом – в несанкционированных митингах и демонстрациях (1,6, в 2014 – 1,3 %) и иные акции (1,4, в 2014 – 1,3), пятом – голодовки (0,9, в 2014 – 1,1 %). В Островецком районе протестные настроения в 2013 году практически отсутствовали, в 2015 по всем позициям положительных ответов стало немного больше (о готовности к участию в каких-либо протестных акциях заявляли от 0,3 до 2,0 % опрошенных данного района).

Таблица 3. **Уровень протестных настроений населения, связанных со строительством АЭС** (в % от числе опрошенных)

Готовность к участию: число положительных ответов	Все опрошенные	Город	Село	Островецкий район	
				2014 г.	2015 г.
1. Санкционированные митинги и демонстрации	4,1	3,6	4,4	2,0	2,0
2. Несанкционированные митинги и демонстрации	1,4	1,0	1,4	0,3	0,7
3. Пикеты	1,6	1,4	1,6	0,3	0,3
4. Акты, препятствующие строительству	1,9	2,0	2,2	0,7	—
5. Голодовки	0,9	0,9	1,0	0,7	—
6. Иные акции	1,4	1,3	1,6	—	0,7
Всего:	11,3	10,2	12,2	4,0	3,7

Таким образом, при всех оговорках, которые сделаны или могут быть сделаны, с возможностью протестных настроений необходимо считаться. Мировой опыт показывает, как в современном сетевом информационном обществе может быть раздуто пламя даже там, где не было какого-либо горючего материала, т. е. экономических, культурных, религиозных и других факторов. Нужно понимать: чтобы не заявляли, те или иные партии, реальный повод для протестных акций может возникнуть только в ходе самого дела, т. е. в Островецком районе. Поэтому главные превентивные меры состоят в том, чтобы соблюдались все нормативы строительства и последующей эксплуатации АЭС, были установлены адекватные социальные гарантии для строителей, работников станции и населения, создавались достойные условия жизни, инфраструктура, досуговые объекты и все необходимое.

МОТИВАЦИЯ СТРАХОВОЙ АКТИВНОСТИ КАК ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ СТРАХОВАНИЯ

Н. И. Яковлева,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В современном мире наблюдается постоянное возрастание рисков (техногенных, экологических, экономических, демографических и др.), способных стать масштабной угрозой стабильности общества. Этим обстоятельством объясняется общемировая тенденция интенсивного развития систем страхования, которые представляют собой сложные многоуровневые структуры по предотвращению и защите от рисков и угроз.

Как и во всем мире, государственная политика Беларуси в сфере страхования ориентирована на повышение уровня социальной защиты населения, эффективность использования страховых ресурсов. В тоже время, мировой опыт показывает, что более действенной является страховая политика, основанная на сбалансированном распределении ответственности по обеспечению социального благополучия между государством, страховщиками, работодателями и гражданами. [4]

Сегодня система страхования Беларуси находится в стадии реформирования. Государство является основным гарантом страховой защиты населения, поддержания необходимого уровня социальной обеспеченности граждан, тогда как социально-экономическая и демографическая ситуация изменились и привели к сложному положению, в котором осуществление помощи населению на достигнутом высоком уровне со стороны государ-

ства практически невозможно. Дальнейшее эффективное развитие сферы страхования возможно при условии распределения ответственности за риски между всеми субъектами страховых отношений (государством, страховщиками, работодателями и гражданами). В качестве важного, но пока еще в должной мере не задействованного ресурса развития сферы страхования, следует рассматривать мотивацию страховой активности, которая в соотнесении с ценностями, потребностями и ожиданиями субъектов страховых отношений способна обеспечить безопасность общества на качественно более высоком уровне.

В настоящее время исследователями наиболее полно разработан анализ сущности страхования как рыночного института и выражается в рисковой функции как основной. Однако, по мнению Мазаевой М. В., поведение участников страховых отношений подчиняется не только экономическим законам и факторам риска, но и социальным законам развития систем.

Страхование в современном обществе представляет собой сложный механизм, сущность которого можно описать посредствам его социальных функций, в числе которых: защитная; предупредительная; сберегательная; контрольная; инвестиционная. Именно функции позволяют наиболее полно отразить общественное значение страхования, в рамках которого осуществляется поддержка наиболее уязвимых слоев общества, происходит улучшение условия труда, создаются новые рабочие места и предоставляется гарантированная помощь нуждающимся. Очевидно, что сфера страхования обладает выраженными социальными характеристиками, что делает проблему социальной сущности страховых отношений крайне актуальной. Для изучения влияния на систему страхования различных социальных факторов необходим в большей степени социологический, нежели экономический подход. [2]

Немаловажной причиной использования социологических подходов при изучении проблем сферы страхования следует считать наличие противоречия следующего характера. С одной стороны, в настоящее время существует необходимость в перераспределении ответственности по обеспечению социального благополучия населения в направлении повышения самоответственности граждан. С другой, – уровень страховой активности населения, ориентированной на противодействие рискам и угрозам, является недостаточным и не способствует эффективной работе сферы социального страхования. Таким образом, отмечается необходимость в изучении страховой мотивации, как необходимого условия увеличения страховой активности населения. Страховая активность тесно связана с необходимостью защиты от различного рода рисков, которые неизбежно возникают на протяжении всей жизни человека (болезни, безработица, потеря трудоспособности), а также с высокой гражданской ответственностью индивида и пониманием стратегических целей сохранения качества жизни на достаточном уровне во взаимосвязи с социокультурными ценностями общества.

Направленность системы непосредственно на человека, предполагает определенную структуру видов страхования и методы их проведения. Качественное социологическое изучение интересов, потребностей и ожиданий населения в сфере страхования приблизит решение существующих проблем, в числе которых – преодоление добровольно-принудительных методов заключения договоров и обеспечение прав страхователей.

Следует отметить, что в настоящее время в Беларуси при разработке программ социального страхования не в полной мере учитываются ожидания и интересы конкретных социальных групп населения. Имеет место недостаточное понимание того обстоятельства, что страхование может быть инструментом не только защиты от рисков, но и инструментом развития, например, накопления по долгосрочному страхованию жизни могут использоваться для покупки жилья, оплаты образования детей, начала собственного дела, что важно для индивида. В тоже время операции со средствами страховых резервов помогают решать задачи финансирования многих государственных социальных проектов.

В настоящее время во всем мире страхование является одним из наиболее простых способов стимулировать рост накоплений населения, организовать медицинскую помощь

в случае болезни, возместить потери в связи со смертью члена семьи. Однако, важно понимать, что активность населения в сфере страхования связана с наличием определенного опыта (позитивного или негативного) страховых отношений, а также во многом обуславливается уровнем дохода, качеством предоставляемых услуг и гарантий приведения их в исполнение. Необходимо изучать причины изменения поведения всех участников страховых отношений на всех уровнях, определять факторы, угрожающие развитию национальной системы страховой защиты.

Сегодня развитие сферы страхования в Беларуси во многом определяется наличием её самого большого неэкономического резерва - это укрепление доверия со стороны населения к страховым компаниям, которое реализуется при возникновении страхового случая, и при справедливом решении вопроса о выплате или невыплате страхового возмещения, определении его размера. [2] Без создания позитивного опыта страховых отношений крайне сложно рассчитывать на рост доверия населения к институту страхования и дальнейшее эффективное развитие всей системы.

Библиографический список

1. Котлобский, И. Б.; Лейков, А. Ю.; Рыбаков, С. И.; Третьяков, К. И. К вопросу о стратегии развития отечественного страхования // Страховое дело. 2007. № 6. – С. 8–13.
2. Мазаева, М. В., Рискологическая природа страховой защиты: социологический аспект / М. В. Мазаева // Социально-экономические проблемы Тюменской области: Сб. науч. тр. – Тюмень: Вектор Бук Лтд, 2002. С. 116–119.
3. Миланович, Б. Бедность, неравенство и социальная политика в странах с переходной экономикой / Б. Миланович // – Вашингтон. 1995. С. 68–72.
4. Николаевский, В. В. Социальная защита населения: теория и практика/ В. В. Николаевский // Социология 3/2004. С. 21–41.
5. Шавель, С. А., Смирнова, Р. А. Социальная политика суверенной Беларуси / С. А. Шавель, Р. А. Смирнова // АН Беларуси. Ин-т Социологии. – Мн., 1996.

РОЛЬ СПОРТА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА И ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

И. В. Веремей,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Спорт как важный социальный феномен пронизывает все уровни современного социума, оказывая широкое воздействие на основные сферы жизнедеятельности общества. Он влияет на национальные отношения, деловую жизнь, общественное положение, формирует моду, этические ценности, образ жизни людей.

Не всегда отношение к спорту в обществе было позитивным. Так, в 1904 году американский экономист и социолог Торстейн Веблен в работе «Теория праздного класса» определил спорт как уродливый социальный нарост, оставшийся от варварского периода развития человечества [1].

В Беларуси сфера профессионального и массового спорта пока не столь развита как в США и странах Западной Европы. Однако за последнее десятилетие наметился ощутимый положительный сдвиг в решении данного вопроса. Было построено большое количество спортивных сооружений, ежегодно проводятся массовые соревнования с участием как обычных граждан, так и профессиональных спортсменов.

Социологические опросы населения, особенно молодежи, занимающейся спортом, показывают, что спорт формирует первоначальное представление о жизни и мире. Именно в спорте наиболее ярко проявляются такие важные для современного общества ценности,

как равенство шансов на успех, достижение успеха, стремление быть первым.

Через институт спорта индивиды проходят процесс социализации. Эффективность социализации посредством спортивной деятельности зависит от того, насколько ценности спорта совпадают с ценностями общества и личности.

Однако, говоря о положительных моментах социализации средствами спорта, нельзя не сказать о негативных фактах развития современного спорта, которые серьезно повлияли на его ценности. Погоня за медалями и рекордами привела к возникновению таких негативных явлений в спорте, как стремление к победе любой ценой, допинг, ранняя специализация, жестокость, насилие и т.д.

Процессы коммерциализации и профессионализации приняли чрезмерный и необратимый характер. Сегодня многие ученые, критикуя существующий путь развития международного спорта, пытаются найти новые модели соревновательной деятельности. Особенно важны такие исследования для массового и детского спорта. Уже созданы концепции спартианского движения, спортизированного физического воспитания, валеологического и олимпийского воспитания молодежи [2].

Физкультура и спорт интенсивно воздействуют на экономическую сферу жизни государства и общества: на качество рабочей силы, на структуру потребления и спроса, на поведение потребителей, па внешнеэкономические связи, туризм и другие показатели экономической системы. Физическая активность, спорт и туризм являются в настоящее время важнейшей сферой обширной предпринимательской деятельности, которая обеспечивает, с одной стороны, занятость многих людей в отраслях спортивной индустрии и туристического комплекса: с другой стороны, указанные отрасли предпринимательства пополняют государственный и местные бюджеты за счет налоговых поступлений, что позволяет государству оперативно решать социальные проблемы населения.

Крайне высоко значение спорта в инновационных экономических процессах. Для того, чтобы новые технологии, опытно-конструкторские разработки и иные атрибуты научно-технического прогресса внедрились в хозяйственную практику, необходимы их всесторонние испытания.

Для большинства людей основным ценностным ориентиром является здоровье. За многовековую историю человечества со всей определенностью было установлено, что наилучшим способом сохранить или восстановить здоровье являются физическая культура и спорт. Здоровье отдельного человека и общества в целом – категория не только медицинская, но и экономическая. Так, в Республике Беларусь в 2005 году к занятиям физической культуре и спортом привлечено 1 млн 218 тыс. человек или 12,6% населения, в 2010 году – 1 млн 520 тыс. человек (16 % жителей республики).

Спорт как единственная в своем роде и специфике сфера деятельности обладает высоким социально-культурным статусом, имеет огромный гуманистический потенциал и способен выполнять многообразные социокультурные функции, в том числе – участвовать в формировании образа государства, как для внутренней, так и для внешней аудитории.

Каждой стране присуща своя система организации спортивного движения. Уровень спортивных достижений спортсменов какой-либо страны часто рассматривается как красноречивый показатель прочности той общественной формации, которую они представляют.

Пристальное внимание исследователей во всем мире вызывают вопросы соотношения, взаимозависимости и взаимопроникновения спорта и политики; возможности применения спорта как инструмента идеологической и политической пропаганды; использования гуманистического потенциала спорта как средства интеграции, мира и взаимопонимания; значения спорта в социализации личности и поддержании здорового образа жизни.

Наиболее крупным, базовым и общепринятым у специалистов разделением следует считать деление на общедоступный («массовый спорт») и спорт высокий достижений. Для этих двух главных разновидностей спорта, при общем их происхождении и природе, характерны довольно разные принципы и нормы существования, функции и роли в создании имиджа страны.

Можно выделить следующие группы функций спорта: экономическую и политическую. Первая обусловлена возросшим экономическим интересом и превращением спорта в массовый феномен, а вторая – превращением спорта в один из символов государства.

К. Л. Стивенсон из США среди прочих функций спорта выделял, в том числе, интегративную и политическую функции. [3]. Интегративная функция спорта играет принципиальную роль при создании образа государства на стадии разграничения «мы» и «они», понимания национальной идентичности и самобытности. В основе данной функции лежит психологический механизм, имеющий истоки в самой природе спорта.

Интересно отметить, что, как выяснили исследователи, в соответствие с практической реализацией данной функции спорта, командные виды спорта имеют больший имиджевый потенциал, чем личные виды соревнований.

Исследователи В. В. Рыбаков и Л. М. Куликов выделили пять, по их мнению, приоритетных направлений в реализации национальной спортивной доктрины:

1) демография, экология, национальная безопасность;

2) повышение эффективности профессиональной и учебной деятельности;

3) профилактика преступности, наркотизации и алкоголизации общества;

4) гуманизация образования и формирование мировоззрения будущего;

5) удержание и повышение преимущества на международной арене в большинстве видов спорта [4].

Спортивный имидж страны и особенно образ великой спортивной сверхдержавы как высшая форма его проявления не могут определяться победой или поражением на отдельно взятом турнире или даже успехами, достигнутыми на протяжении года или двух лет. Для его формирования необходимы длительные отрезки времени, вмещающие в себя несколько циклов крупнейших международных состязаний.

Таким образом, влияние спорта на развитие общества ощущается как на макроуровне, так и на примере каждого отдельного индивида. Спорт у человека формирует первоначальное представление о жизни и мире.

Физкультура и спорт интенсивно воздействуют на экономическую сферу жизни общества. Также спорт как единственная в своем роде и специфике сфера деятельности способен участвовать в формировании образа государства. Уровень спортивных достижений спортсменов какой-либо страны часто рассматривается как показатель прочности той общественной формации, которую они представляют.

Библиографический список

1. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 336 с.
2. Лубышева, Л. И. Социальная роль спорта в развитии общества и социализации личности / Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2001. – № 4. – С. 11–15.
3. Стивенсон, К. Л. Спорт как современный функциональный феномен: функциональный подход / К. Л. Стивенсон // Спорт и образ жизни / В. И. Столяров, З. Кравчик; под ред. В. И. Столярова. – М.: ФиС, – 1979. – С. 52–72.
4. Алексеев, К. А. Спортивная составляющая имиджа страны / К. А. Алексеев // Имидж государства и региона: современные подходы. Новые идеи в теории и практике коммуникации: сб. науч. тр. [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://pravo33.wordpress.com/2010/02/16/. – Дата доступа: 03.08.2015.

ЭМИГРАЦИЯ БЕЛОРУССКИХ ВРАЧЕЙ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА: МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. С. Корзун,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Мною было проведено социологическое исследование на тему: «Эмиграция белорусских врачей как социальная проблема: мнение студентов медицинских университетов Республики Беларусь».

Актуальность проведения данного социологического исследования состоит в том, что белорусские ВУЗы готовят достаточное количество врачей, однако, после двухлетней отработки по распределению молодые специалисты увольняются с первоначального места работы и уезжают за границу, что, в свою очередь, приводит к дефициту врачей в Беларуси.

В опросе приняло участие 130 респондентов. 43 % респондентов – это студенты Витебского государственного медицинского университета; 38 % – студенты Белорусского государственного медицинского университета; 19 % – студенты Гродненского государственного медицинского университета.

11,8 % респондентов – студенты 1 курса, 11,8 % – студенты второго курса, 44,1 % – студенты 3 курса, 15,0 % – студенты 4 курса, 3,1 % – студенты 5 курса, 14,2 % – студенты 6 курса.

Белорусские ВУЗы готовят достаточное для обеспечения белорусского населения медицинским обслуживанием количество врачей, однако, после двухлетней отработки по распределению молодые специалисты нередко увольняются с первоначального места работ, и часть из них уезжает за границу, что, в свою очередь, приводит к дефициту врачей в Беларуси.

Результаты исследования выявили, что 60,9 % опрошенных студентов считают профессию врача «очень престижной» или «скорее престижной» в Беларуси. При этом 67,8 % респондентов дали высокую оценку качеству получаемого образования.

По мнению студентов, наиболее важными в работе являются следующие составляющие:

1) высокая заработная плата (63,1 %); 2) иметь хорошие условия и режим труда (59,2 %); 3) работать в хорошем коллективе (57,7 %); 4) возможность профессионального роста (45,4 %); 5) полно использовать свои знания, опыт, квалификацию (40,0 %); 6) работать с квалифицированными коллегами (35,4 %); 7) полно реализовывать свои личные способности (34,6 %); 8) возможность карьерного роста (34,6 %).

Респонденты выделили пять основных факторов, которые являются наиболее важными для успешного трудоустройства. К ним относятся:

1) знания по специальности (58,5 %); 2) опыт работы (43,8 %); 3) коммуникабельность, деловые качества (37,7 %); 4) дисциплинированность, ответственность (31,5 %); 5) манеры, умение держать себя (27,7 %).

90,6 % опрошенных студентов после окончания вуза планируют работать по специальности, получаемой в вузе.

71,5 % респондентов после окончания университета планируют остаться работать в Беларуси, 28,5 % респондентов планируют работать за пределами Беларуси.

К основным причинам, по которым студенты после окончания вуза планируют остаться в Беларуси, относятся:

1) отсутствие родственников и друзей за границей (26,2 %); 2) незнание иностранного языка (24,6 %); 3) я обязан отработать по распределению (23,1 %); 4) необходимость подтверждения диплома врача за границей (18,5 %); 5) психологические трудности при адаптации к другим условиям жизни и труда за границей (18,5 %); 6) отличия в менталитетах между белорусами и жителями другой страны (16,2 %).

74,2 % опрошенных студентов считают, что смогут легко, или с небольшими усилиями трудоустроиться по специальности.

Для поиска работы они планируют использовать такие каналы, как:

1) распределение после окончания вуза (36,9 %); 2) самостоятельное обращение к нанимателям, в отделы кадров (23,1 %); 3) обращение к знакомым, друзьям (12,3 %); 4) использование объявлений в Интернет (11,5 %).

Что касается финансовой составляющей, то картина такова:

57,2 % студентов хотели бы получать на первом месте работы заработную плату в размере от 201 до 600 у. е.; 76,3 % респондентов согласились бы работать за такую заработную плату сразу после окончания университета.

87,3 % респондентов считают, что после трудоустройства по окончанию вуза им придется обращаться за материальной помощью (деньги, продукты питания) к родителям, родственникам.

Эмиграция врачей из Беларуси за границу вызвана многими причинами, эти причины могут быть как связанные с профессиональной деятельностью, так и не связанные напрямую с профессией.

К основным причинам, подталкивающим белорусских медиков к эмиграции за границу, относят следующие:

1) за границей более высокий уровень заработной платы (41,5 %); 2) более высокий уровень и качество жизни (35,4 %); 3) за границей лучшие условия труда (29,2 %); 4) за границей лучшие условия для профессиональной самореализации (20,0 %); 5) за границей лучшие перспективы карьерного роста (19,2 %).

На вопрос: «Как вы считаете, представители каких медицинских специализаций чаще других эмигрируют из Беларуси за границу?» опрошенные студенты выделили следующие: 1) хирургия (32,3 %); 2) трансплантология (18,5 %); 3) кардиология (16,2 %); 4) стоматология (13,8 %); 5) анестезиология (13,1 %).

Для врачей-эмигрантов, несомненно, важным является то, в какую страну они эмигрируют, как там развито медицинское обслуживание, какие их ждут трудности, какие социальные гарантии они получат.

Самыми популярными странами для эмиграции белорусских врачей, по мнению респондентов, являются: Германия (31,5 %), Россия (25,4 %), США (25,4 %), Польша (23,8 %), Канада (10,8 %), Чехия (7,7 %).

Те студенты, которые собираются эмигрировать после окончания университета для поиска работы за границей будут использовать следующие каналы трудоустройства:

1) самостоятельно обращаться к нанимателям, в отделы кадров (24,6 %); 2) использование объявлений в Интернете (18,5 %); 3) обращения в кадровые агентства (17,7 %); 4) обращаться к знакомым и друзьям.

При этом 53,3 % респондентов считают, что легко или с небольшим усилием смогут за границей найти себе работу по специальности, потратив на поиски работы около месяца.

43,4 % респондентов утверждают, что работая и живя за пределами Республики Беларусь им не придется обращаться за материальной помощью к родителям и родственникам.

К основным причинам, подталкивающим студентов после окончания вуза к эмиграции за границу респонденты относят следующие:

1) за границей достойный уровень заработной платы (49,2 %); 2) за границей хорошие условия труда (32,3 %); 3) за границей лучшие условия для профессиональной самореализации (25,4 %); 4) за границей большие перспективы карьерного роста (10,8 %).

56,2 % опрошенных студентов планируют уехать за пределы Беларуси на временное пребывание, с целью: 1) получения и обмена опытом (33,8 %); 2) повышения заработной платы (28,5 %); 3) знакомства с передовыми технологиями, методиками (20,8 %); 4) работы по контракту (17,7 %); 5) работы на новейшем оборудовании (16,2 %);

6) реализации своего научного потенциала (13,8 %); 7) для учебы в аспирантуре (магистратуре) (7,7 %).

28,5 % респондентов, которые планируют уезжать за пределы Беларуси, для эмиграции выберут такие страны, как: Германия (24,6 %), США (10,8 %), Россия (10,0 %), Польша (8,5 %), Великобритания (7,7 %), Франция (6,5 %), Чехия (5,4 %).

Таким образом, проблема эмиграции врачей является очень актуальной для Республики Беларусь. Для решения этой проблемы необходимо повышать материальное положение белорусских врачей, снабжать учреждения здравоохранения оборудованием, повышать социальный статус врачей в Беларуси, вводить страховую медицину, повышать престижность и востребованность специальности.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

“ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕДНОСТЬ” И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. И. Оноприенко,
доктор философских наук, профессор, Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины, г. Киев, val_onopr@mail.ru

Информационное общество – это общество, где все средства информационной технологии (компьютеры, интегрированные системы, кабельная, спутниковая и др. виды связи, видеоустройства, программное обеспечение), научные исследования нацелены на то, чтобы сделать информацию общедоступной и активно внедряемой в производство и жизнь. Не менее значимо формирование единого мирового информационного пространства и углубление процессов информационной и экономической интеграции стран и народов; создание рынка информации и знаний как факторов производства, дополняющих рынки природных ресурсов, труда и капитала, и переход информационных ресурсов общества в реальные ресурсы социально-экономического развития, а также повышение уровня образования за счет расширения возможностей систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях и соответственно усиление роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как важнейших характеристик услуг труда.

Важным элементом глобализации является возникновение сетей. Современное общество – это общество глобальных сетей. М. Кастельс указывает, что *сетевое общество* «создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные предындустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [1, с. 505]. *Сеть* можно определить как группу фирм, которые объединяются с целью использования своих особенностей, ресурсов, специфических преимуществ перед другими для общего функционирования при реализации совместных проектов развития [2, с. 96].

В мире формируется глобальная экономика, в которой доминирует «глобальная триада» Северной Америки, ЕС и Восточной / Западной Азии. Здесь размещены главные производительные силы мира и «мегарынки» мировой глобальной экономики, в которой центральную роль играют глобализированные транснациональные корпорации. Мировая экономика не просто становится взаимозависимой – она интегрируется в практически единое целое. В глобализации наиболее заинтересованы ведущие мировые державы, в которых живет чуть больше десятой доли человечества, но которые владеют двумя третями мировой экономики, международной банковской системой, доминируют на рынке капиталов. Они контролируют международные коммуникации, производят наиболее сложные технологические разработки, определяют процесс технического образования.

Глобализация не приводит к выравниванию экономического потенциала различных стран, а напротив, интенсифицирует распространение глобального неравенства. При сохранении нынешних тенденций разрыв в уровне жизни в богатейших и беднейших стра-

нах будет стремительно увеличиваться и станет непреодолимым. В настоящее время сложилось представление даже не о «*вечно развивающихся*» странах, как еще десятилетие назад, а о «*конченых странах*». В последних вывоз капитала в развитые государства, отъезд квалифицированной части населения настолько велики, что страна лишается внутренних источников развития. Это приводит к двум последствиям. С одной стороны, возникает «технологический занавес», – «конченая страна» не может эффективно освоить технологические нововведения, даже если их удается купить или украсть. С другой стороны, «конченая страна» может обладать значительными природными ресурсами, однако она не может ими воспользоваться самостоятельно, и их освоение остается на долю транснациональных корпораций, что приводит к еще большей зависимости [3, с. 84]. Высокие технологии, призванные объединять человечество, на нынешнем этапе глобализации во многом способствуют его расслоению, так как богатые и бедные страны обладают различными финансовыми возможностями. Помимо обычного деления на развитые и развивающиеся страны возник, как считают многие исследователи, еще более глубокий раскол – на страны, во многом уже базирующиеся на информационно-инновационной экономике, и страны, даже не помышляющие об этом [4, с. 6].

Развитие и широкое использование информационно-коммуникационных технологий привело к появлению еще одного измерения бедности – так называемой *«информационной бедности»* [5]. Это понятие отражает рост социальной дифференциации населения по новому принципу – принципу возможностей доступа к современным информационно-коммуникационным технологиям, когда лишь часть населения получает доступ к новым технологиям и информационным ресурсам и может реализовать это преимущество. Благодаря ускорению процесса технологической инновации, вовлечению индустриального капитала и конкуренции новая сетевая технология и инфраструктура становятся гораздо дешевле, а потому доступнее для все большего числа людей. Что же касается доступа к распространяемой по ним информации, то это остается одной из самых сложных проблем. Стоимость информационных услуг может на многие годы стать фактором, усиливающим разрыв между теми, кто может, и кто не может себе позволить получать и распространять информацию.

Серьезной проблемой, усиливающей глобальное неравенство и влияющей на мироопонимание современного человека, является *изменение характера труда.* С распространением высоких технологий характер трудовой деятельности изменяется качественно. Достижения новейших технологий и усиление процессов глобализации формируют новый тип работника, для которого важно быть инициативным, мобильным, уметь быстро переучиваться, обладать воображением и интеллектом, быть самодостаточным и ответственным. Рынок труда постепенно освобождается от неквалифицированной низкооплачиваемой рабочей силы, неспособной подняться с «профессионального дна». Характер трудовой деятельности становится все более непостоянным. Занятие на всю жизнь уступает место случайной работе, и люди, еще вчера полагавшие, что карьера им гарантированна, обнаруживают, что их квалификация превратилась вдруг в бесполезное занятие [6, с. 137]. Так, сегодня молодой американец, имеющий за спиной колледж, должен быть готов к тому, что за время его трудовой деятельности ему придется сменить рабочее место, по меньшей мере, 11 раз, а базу своих навыков и умений, тоже, по меньшей мере, – три раза в течение сорока лет трудовой деятельности [7, с. 10].

По мере развития общества, основанного на высоких технологиях, возрастает риск исключения из социальной жизни многих слоев населения. Прежде всего, это малообеспеченные граждане, которые просто не могут позволить себе получить качественное образование, приобрести новую цифровую технику и работать в компьютерных сетях. Вместе с тем существует и такая проблема, как нежелание или неумение пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями, требующими от потребителя новых качеств – высокого уровня абстрактного мышления, быстроты реакции, готовности к постоянному повышению образования.

Но дело не только в этих кардинальнейших социальных переменах. Речь также должна идти о перспективах высокотехнологических преобразований в экономике, проблемы которых столь горячо обсуждаются в постсоветских странах с надеждой решить таким способом многие острые социально-экономические проблемы. Возможно, это и горько, но следует признать, что эти государства после развала СССР также оказались в зоне "вечно развивающихся" стран. Даже Россия с ее нефте- и газодолларами и с грандиозными проектами типа Сколково пока реально не продвинулась к выходу из этой зоны. В качестве преимущества постсоветских стран по сравнению с "вечно развивающимися" странами обычно называют наличие в них относительно развитых научных систем. Едва ли можно считать это столь уж кардинальным преимуществом, потому, что эти научные системы представляют собой осколки бывшей единой системы, к тому же изрядно одряхлевшие и деформировавшиеся за двадцатилетие стагнации. К тому же в нынешней и последующей глобальной системы экономики вовсе не наука, а нахождение страной реальной собственной ниши в такого рода системе определяет инновационные потенции государства. Мощный рывок Норвегии в глобальной экономике, где многие транснациональные компании размещают свои капиталы, по сравнению с более развитыми в научном отношении Швецией и Данией убеждает в этом.

В последние два десятилетие на постсоветском пространстве, как и во всем мире, произошли колоссальные изменения в прогрессе информационно-коммуникационных технологий. Тем не менее позиция наших стран не вышла из маргинальной зоны "информационной бедности", и мы обречены на стратегию перманентного гонки за лидерами, которых едва ли удастся догнать. К тому же жесткие законы глобализации искусственно сдерживают даже минимальный приток в элитную группу стран, выстраивая систему фильтров и препятствий, которые действуют без сбоя. В этих условиях нет особых надежд, выстроив собственную эффективную инновационную систему (что едва ли возможно из-за колоссальных средств, которые она потребует), на то, что высокотехнологическая продукция будет продаваться по истинным ее ценам. Скорее в глобальной экономике это будут демпинговые цены, которыми в лучшем случае можно окупить затраты. В таких условиях столь распространенная риторика на темы тотального преобразования экономики наших стран на инновационной основе утопична по определению. Гораздо более эффективна стратегия поиска страной узких ниш в глобальной экономике, в которых в сотрудничестве с более развитыми государствами можно найти возможности для реализации конкретных научно-технологических инноваций.

Библиографический список

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Соколенко, С. И. Производственные системы глобализации: Сети. Альянсы. Партнерства. Кластеры: Украинский контекст. – Киев: Логос, 2002. – 648 с.
3. Ахромеева, Т. С., Малинецкий Г. Г., Посошков С. А. Современная экономика. Взгляд с позиций компьтерного моделирования и системного анализа // Безопасность Евразии. – 2002. – № 2(8). – С. 78–86.
4. Мельянцев, В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 2. – С. 3–10.
5. Пустовалова, И. В. Аксиологический аспект влияния высоких технологий на миропонимания человека. Дис… канд. филос. н. – Ростов-на-Дону, 2007. – 147 с.
6. Мартин, Т. П., Шуман Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. – М.: Изд. дом "Альпина", 2001. – 335 с.
7. Сеннетт, Р. Коррозия характера. – Новосибирск; М.: ФСПИ; Тренды 2004. – 296 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР ВУЗА КАК МЕХАНИЗМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ф. И. Храмцова,
доктор политических наук, профессор,
Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске

Возрастание роли образования в построении белорусского общества знаний определяет императив инновационной подготовки специалистов как сферы национальных интересов и фактора социальной модернизации. Исходя из руководящих принципов Кодекса Республики Беларусь об образовании (2011) как национальной образовательной доктрины, достижение целей образования невозможно без инновационных подходов в подготовке специалистов, способных на высоком уровне решать не только профессиональные задачи, но и проводить научные исследования, создавать новые технологии, инновационные продукты. Решение такой задачи в усложняющейся реальности вызовов глобализации, социальных турбуленций связано с эффективностью воспроизводства исследовательского потенциала молодежи на основе инфраструктуры академической преемственности и социальной мобильности. Практика подтверждает, значение инфраструктуры вуза, обладающей автономностью ряда функций, ресурсом капитализации продуктов научно-исследовательской деятельности, развития и реализации социального потенциала студенческой молодежи – трудно переоценить. В этой связи формирование образовательных кластеров вузов рассматривается как один из механизмов модернизации образования и общества. Особую актуальность проблематика исследовательского ареала приобретает в условиях перехода белорусской системы образования к стандартам Болонской декларации.

Как показывает анализ внедренческой практики генеративной модели образовательного кластера вуза (на примере Филиала РГСУ в г. Минске)[1], эффективность нововведения определяют ведущие детерминации интеграции и синхронизации образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности на основе участия преподавателей и студентов в выполнении заданий НИР, под руководством ведущих специалистов вуза, ученых научных учреждений. В данном эмпирическом измерении, основу кластера составляет триада «гимназия-вуз-наука» как архитектоника воспроизводства потенциала научных кадров средствами академической преемственности в выполнении заказа государства на основе партнерства учреждений высшего, общего образования и науки отраслевой направленности, географической близости, общности целей-мотивов, целей-намерений в сфере инноваций. Однако ядром-центром такой модели образовательного кластера является университет - генератор технологий профессиональной подготовки кадров особого, мультипликативного[2] типа, способных нестандартно и «творчески умножать» научно-исследовательский эффект приобретаемых в ходе обучения и исследований компетенций путем участия в выполнении заказов государственных программ (например, НИР).

В этой связи в данной работе раскрываются научные основы развития генеративной модели образовательного кластера, исходная методология которого опирается на общую теорию кластера М. Портера («Конкуренция», 1998), разработанной в сфере эконо-

[1] На примере Программы трехстороннего партнерства в сфере инновационного развития Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (далее – Филиал РГСУ в г. Минске), государственного учреждения образования «Гродненская городская гимназия» (далее – ГУО «Гродненская городская гимназия») и государственного научного учреждения «Институт социологии» Национальной академии наук Беларуси (далее – ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси) в контексте российского и белорусского законодательства.

[2] Мультипликативность (лат. multiplication – умножение) – математическое понятие, отражающее непрерывно-возрастающий характер связей и отношений между элементами множества. В данном контексте термин означает сингулярную интегральную, генеративную способность личности творчески решать профессиональные задачи на автономном уровне полного инновационного цикла (авторск., Ф.И. Храмцова).

мической деятельности. Уточним, что в данном случае речь идет об экономическом кластере. Это регионально структурированное объединение институционально регламентированной инновационной деятельности на основе разработки локально-региональных нормативно-правовых актов в русле национального законодательства. В целом кластер как форму интеграции отличает взаимодействие со сферой «индустрии знаний»: научными организациями, ведущими университетами в условиях возрастания конкуренции. Уточним, здесь М. Портер выделяет 6 типов кластера: экономический; политический; исследовательский; финансовый; образовательный. В современных реалиях глобализации и конкуренции за ресурсы и рынки сбыта стремительно развиваются новые типы кластеров по масштабу интеграции, новым целям и специфики сфер деятельности кластерных субъектов. Отсюда дополним типы кластерных образований, такие как: хозяйственно-экономические, коммуникационные, масс-медийные, транснациональные, и так далее. Уточнение специфики феноменов представляет отдельный дискурс и ареал исследования.

Перейдем к исходным посылкам проектирования генеративной модели образовательного кластера вуза на основе трудов российских авторов. В частности, А. М. Аблажей, полагает, что решение задачи модернизации институтов высшего образования требует трансформации уже имеющихся форм и создания новых инфраструктур развития науки на базе вузов, исходя из опыта европейских стран. А. М. Аблажей уточняет, что необходимо использовать лабораторные базы научных учреждений для учебных занятий, проведения исследований преподавателями с участием студентов, коррекции учебных планов, программ [1, с. 52]. Ряд авторов, в частности, Е. В. Гуслякова, А. Л. Демчук, И. Г. Телешова разрабатывают проблемы академической и социальной мобильности студентов, подчеркивая, что в рамках Болонского процесса, а также Европейской системы переноса и накопления зачетных единиц (ECTS) важной задачей является создание «инфраструктуры в целях мотивации инновационной деятельности в вузе». Среди направлений деятельности инфраструктур инновационной среды вуза выделяют: 1) выполнение нестандартных заказов на целевое консультирование организаций, органов управления, включая научно-методическую поддержку; 2) экспертизу проектов, нормативных актов, инновационных продуктов; 3) организацию, проведение информационно- аналитических сессий, научно-методических семинаров, конференций, круглых столов, курсов повышения квалификации; 4) организация социального и гендерного измерения образовательной среды учреждения высшего образования (на предмет обеспечения равных прав и возможностей доступа обучающихся к образовательным услугам); 5) обратной связи эффективности реализуемых новых форм, направлений деятельности в рамках Болонского процесса [2, с. 4–5].

Научный интерес для разработки проблемы представляет позиция Г. И. Лазарева и Т. В. Терентьевой, которые раскрывают актуальные направления модернизации высшего образования: синхронизация научной деятельности и образовательного процесса; ориентация научно-исследовательской деятельности в вузе на обеспечение практической востребованности научных результатов; преобразование академической работы в вузе в научно-оринтированную путем вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу в рамках изучаемых дисциплин и профилей обучения [3, с. 5].

Обобщим посылки, внедренческий опыт и тем самым сформулируем принципы формирования образовательного кластера вуза: институционализация субъектов кластера, включающая нормативное регулирование совместной деятельности субъектов, системы управления (кластерного ядра) в рамках принятия программ сотрудничества в сфере инновационного развития (трехстороннего, многостороннего); комплексный подход в создании инфраструктуры образовательного кластера вуза, ресурсный, информационный, консалтинговый, финансовый центры; научные лаборатории, площадки научных структур; органы управления и мониторинга качества кластерных продуктов; функционализация субъектов в регионально-локальном измерении, с учетом условий для развития академической преемственности, социальной мобильности обучающихся на различных этапах: от исходного уровня обучения в гимназии к обучению в вузе, от обучения в вузе к обучению в аспирантуре, далее профессиональная деятельность в научном учреждении); интеграция учебного и научного процессов с целью генерирования но-

вых научных знаний, разработки образовательных технологий и методик обучения, вооружения для будущей профессиональной деятельности; трансформация функций преподавания в субъектность инновационного образовательного процесса (функции лектора-консультанта, ученого-исследователя, методиста-практика, координатора); системный подход к научно-исследовательской и проектной деятельности преподавателей по созданию кластерных научно-методических продуктов с участием студентов, в основе которого курс генерализации образовательного кластера как приоритета инновационной политики вуза; комплексное внедрение результатов НИР в практику образовательного процесса, модификация исследовательской компоненты индивидуальных маршрутов образовательной деятельности студентов через их участие в инновационных проектах; научно-производственных и исследовательских практиках на базе научных учреждений; издании научных и методических публикаций; проведении творческих мероприятий, консалтинга по запросу.

Развивая указанные подходы, выводы эмпирических исследований разработана технология формирования образовательного кластера на примере Филиала РГСУ в г. Минске в рамках выполнения НИР «Разработка социокультурологической модели развития молодежных инициатив (молодежного участия в социально-экономических, политических и социокультурных процессах)» (№ госрегистрации в реестре Президента Республики Беларусь 2011–2015 гг., № 20110544, научный руковдитель – Ф. И. Храмцова). Суть технологии включает взаимосвязанные этапа деятельности. На подготовительном этапе – определение потребностей, мотивации субъектов образовательного кластера (вуз, гимназия, научная организация); разработка стратегий образовательного кластера; создание инициативной группы в целях программирования совместной деятельности субъектов кластера. На втором, организационном этапе проводится идентификация региональных субъектов кластера (например, ГОУ «Гродненская городская гимназия»), ресурсов, потенциала, форм регламентации партнерства; согласование функций деятельности, распределение сфер ответственности субъекта в рамках сотрудничества, прогноз результатов. На реализационном этапе внедрения образовательного кластера необходимы: планирование, согласование общей программы, органов управления кластера, координация этапов реализации на уровне индивидуальных маршрутов научно-исследовательской, внедренческой деятельности преподавателей, студентов, ведущих специалистов, системы мониторинга кластерных продуктов, их информационного обеспечения. Следовательно, образовательный кластер высшего учебного заведения представляет собой динамичный организационно-технологический комплекс, направленный на обеспечение эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов мультипликативного типа как эндогенного фактора модернизации образования средствами интеграции обучающихся различных ступеней (гимназия–вуз–наука) в целях академической преемственности и социальной мобильности молодежи в контексте национальных интересов.

Библиографический список

1. Аблажей, А. М. Интеграция науки и высшего образования: старые проблемы и новые подходы / А. М. Аблажей // Высшее образование в России. – 2014. № 10. – С. 53–59.
2. Гуслякова, Е. В., Демчук А. Л., Телешова И. Г. Вхождение системы высшего образования Российской Федерации в Европейское пространство высшего образования: проблемы и задачи / Е. В. Гуслякова, А. Л. Демчук, И. Г. Телешова // Высшее образование в России. – 2014. № 10. – С. 5–10.
3. Лазарев, Г. И., Терентьева, Т. В. Инновационные подходы к управлению научно-исследовательской деятельностью в условиях новой государственной политики / Г. И. Лазарев, Т. В. Терентьева // Высшее образование в России. – 2014. № 10. – С. 10–18.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М. И. Артюхин,
кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Сегодня в условиях перехода к постиндустриальному обществу и глобализации экономических систем развитые и развивающиеся страны столкнулись с необходимостью достижения высокого уровня развития своей интеллектуальной сферы. Это определяется тем, что важнейшим условием обеспечения конкурентоспособности национальной экономики является состояние интеллектуального потенциала государства, воплощенного в научно-технической и образовательной сферах общества. Для любой современной страны, нацеленной на достижение высокого уровня конкурентоспособности экономики, недостаточное развитие научной и образовательной сферы по своим прямым и косвенным последствиям может оказаться куда более катастрофичным, чем циклический экономический кризис.

Растущие потребности развитых стран в интеллектуальных ресурсах и их ограниченность породили острую конкурентную борьбу на современном мировом рынке интеллектуального труда. Вокруг интеллектуальных ресурсов в настоящее время развернулось бескомпромиссное соперничество. Борьба за достижение и удержание превосходства в этой сфере занимает все более значимое место в общей геополитической стратегии развитых стран мира. Многие исследователи считают, что сегодня идет процесс формирования нового типа глобального колониализма – интеллектуального. Ведущие страны мира и прежде всего США ведут политику беззастенчивого выкачивания интеллектуальных ресурсов развивающихся стран путем привлечения не только представителей их научной элиты, но и «предэлиты» - талантливых студентов и аспирантов. Последнее усиливает угрозы экономической и научно-технической безопасности развивающихся стран и лишает их возможности стабильного технологического развития. В этих условиях только активная научная и образовательная политика может противостоять интеллектуальному колониализму мировых экономических и технологических лидеров. Для этого государство должно выработать национальную стратегию обеспечения интеллектуальной безопасности и принять комплекс своевременных и действенных мер по устранению условий и предпосылок формирования внешних и внутренних угроз в этой сфере.

Обеспечение интеллектуальной безопасности является важнейшей составной частью научной и образовательной политики государства, так как в современную эпоху перехода к постиндустриальному обществу именно интеллектуальный потенциал нации определяет научное обеспечение и реализацию всех других видов национальной безопасности – экономической, продовольственной, экологической и политической (обеспечение суверенитета).

Под интеллектуальной безопасностью государства понимается состояние защищенности национального научно-технологического и образовательного потенциала, обеспечивающего реализацию национальных интересов в научно-технологической сфере, а также достигнутый уровень социальной защиты носителей интеллекта и продуктов их интеллектуальной деятельности.

Основным гарантом интеллектуальной безопасности государства является состояние и уровень развития национальной науки и образования с учетом мировых достижений и стандартов.

Интеллектуальная безопасность рассматривается исследователями в разных аспектах:

– как уровень защищенности интеллектуального потенциала государства и источников его формирования (научная и образовательная сферы) от внутренних и внешних угроз;

– как политика по обеспечению интеллектуальной безопасности государства, включая социальный аспект – социальная защита носителей интеллекта и охрана продуктов их деятельности.

Уровень обеспечения социальной безопасности носителей интеллекта является важнейшей составляющей государственной системы интеллектуальной безопасности. Под социальной безопасностью носителей интеллекта понимается состояние системы их социальной защиты (уровень зарплаты, обеспеченность современной материально-технической базы исследований, возможность научных коммуникаций и т.д.). Сегодня именно низкий уровень социальной защищенности ученых является главной причиной «утечки умов». Этот долговременный односторонний отток наиболее талантливых и инициативных ученых ведет к необратимой потере «критической массы» национальной научной элиты, а с ней и к размыванию интеллектуальной среды, необходимой для подготовки новых поколений ученых и высококвалифицированных специалистов – основного ресурса инновационного развития экономики и общества в целом.

В условиях глобализации и роста влияния транснациональных корпораций на развитие мировой экономики все очевиднее становится тенденция к росту уязвимости развивающихся стран перед лицом глобального интеллектуального колониализма. Не исключением в этом плане является и молодое суверенное государство Республика Беларусь, которое в силу своего географического положения и открытости в полной мере подвержено воздействию большинства происходящих в мире геополитических процессов.

Сегодня как никогда ранее стало очевидным возрастающее значение сферы научной и инновационной деятельности для обеспечения ускоренного развития высокотехнологичных отраслей белорусской экономики и общества. Вместе с тем Президентом Республики Беларусь неоднократно отмечалось наличие ряда негативных тенденций в научной сфере, снижения ее роли в инновационном развитии белорусского общества.

Возрастающая роль человеческого капитала и интеллектуальных ресурсов в инновационном развитии общества находит отражение в концептуализации новых парадигм национальной безопасности Республики Беларусь. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, принятой в 2010 году, впервые интеллектуальная безопасность выделяется как отдельный вид национальной безопасности, а отток научных кадров за границу – интеллектуальная миграция, рассматривается в качестве одной из реальных угроз для Беларуси. В связи с этим в условиях формирования общего рынка труда в рамках Единого экономического союза России, Беларуси и Казахстана, а также с учетом активной политики стран Европейского союза и Соединенных штатов Америки по привлечению талантливых (в первую очередь молодых) научных кадров, одним из приоритетов национальной безопасности Республики Беларусь в научно-технологической сфере является сохранение кадрового потенциала научной и образовательной сферы и обеспечение его устойчивого развития.

Одной из приоритетных задач государственной научно-технической политики является разработка и реализация эффективной модели развития отечественной науки. За последние годы в Республике Беларусь осуществлены значительные преобразования в научной сфере, системе организации и управления исследованиями и разработками. В настоящее время реализуется программа совершенствования научной сферы, в рамках которой предусматривается принятие комплекса мер, направленных на оптимизацию ее структуры и системы управления, ускорение процесса интеграции академического и вузовского секторов науки с реальным сектором экономики путем внедрения принципиально новых для научной сферы Республики Беларусь организационных форм – национальных исследовательских лабораторий (центров) для осуществления фундаментальных, поисковых научных исследований на мировом уровне, и научно-технологических кластеров,

обеспечивающих создание и отработку наукоемких технологий, реализацию полных инновационных циклов.

В соответствии с данной программой в Национальной академии наук Беларуси ведется активная работа по созданию новых организационных механизмов научно-исследовательской деятельности – Национальных исследовательских лабораторий (научно-практических центров) и сети научно-технологических кластеров для решения конкретных практико-ориентированных задач (кооперация научных, образовательных и производственных организаций). В отраслевой науке стоит задача развития отраслевых научно-технических центров с перспективой интеграции в формирующиеся научно-технологические кластеры для реализации полного цикла инновационного производства. Новым звеном национальной науки должен стать Национальный научно-технологический парк в сфере фармацевтики, нано- и биотехнологий «БелБиоград». Концентрация в научно-технологическом парке значительных интеллектуальных и финансовых ресурсов будет способствовать увеличено наукоемкости ВВП, позволит значительно интенсифицировать инновационный процесс и обеспечить создание отечественной наукоемкой и высокотехнологичной продукции и ее продвижение на мировой рынок.

Вместе с тем следует признать, что перспективы дальнейшего развития отечественной науки и прежде всего фундаментальной науки не имеют программного обеспечения. Выше упомянутая программа совершенствования научной сферы республики не имеет статуса целевой государственной программы и является по сути только ее концептуальной основой. Вместе с тем принятие специальной государственной программы по развитию науки давно назрело. Нынешнее состояние научной сферы Беларуси отличают следующие негативные тенденции: 1) недостаточное развитие базовой основы научно-технического потенциала (уменьшение строительства объектов науки, кризис научного приборостроения, изношенность материально-технической базы научно-исследовательских организаций; «вымывание» перспективных ученых высшей квалификации среднего возраста и талантливой научной молодежи); 2) сужение социальной базы для воспроизводства научных кадров (непривлекательность научной карьеры для молодежи и т.д.).

Эти проблемы требуют немедленного решения на государственном уровне. Неопределенность будущего белорусской фундаментальной и прикладной науки связана прежде всего с долговременным периодом низкого уровня финансирования национальной науки. Как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, достигнутая сегодня наукоемкость отечественного ВВП ниже критического уровня, необходимого для воспроизводства и динамичного развития научно-технологического потенциала нашей страны. Недостаток финансовой поддержки науки со стороны государства затрудняет инновационное развитие научной сферы, проведение эффективной интеграции науки и высокотехнологичного производства как важнейшего условия обеспечения конкурентоспособности национальной экономики и укрепления национальной безопасности страны в научно-технической сфере. В связи с эти ставится задача ежегодного наращивание наукоемкости ВВП и приближение его значения и структуры к показателям стран ЕС, а также обеспечение наиболее благоприятных экономических и имиджевых условий для проведения исследований в Беларуси.

Низкий уровень социального статуса ученых определяет необходимость повышения адресной поддержки со стороны государства талантливых и перспективных ученых, в частности научной молодежи и кандидатов наук до 40 лет. Поставлена задача поднять социальный статус ученого путем законодательного закрепления участия субъекта интеллектуальной собственности в доходах от продажи инновационного продукта конкретного предприятия. Соответственно, идет процесс совершенствования законодательства на права интеллектуальной собственности и участия ученых-разработчиков в доходах конкретного промышленного предприятия или организации, где внедрены его разработки.

Решение этих задач невозможно без взвешенной поэтапной модернизации организационной структуры науки и системы ее управления, а также внедрения новых принципов и критериев оценки эффективности научной деятельности и ее инновационного потенциала. Процесс модернизации белорусской науки должен проходить на основе положений государственной доктрины развития национальной науки на среднесрочную перспективу, в рамках которой будет реализован комплекс организационно-правовых, социально-экономических и иных мер, направленных не только на сохранение и воспроизводство имеющегося интеллектуального потенциала, но и повышение престижа научной деятельности и социального статуса ученого. Все это в своей совокупности позволит обеспечить формирование международного имиджа Республики Беларусь как государства, всемерно поддерживающего науку и ученых.

ИННОВАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ КРЕАТИВНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В. А. Клименко,
доктор социологических наук, профессор,
консультант Исполнительного комитета СНГ, г. Минск

В настоящее время социально-экономические, политические, культурные изменения в современном обществе обуславливают следующие ценности: глобальные ценности – сохранения жизни во всех ее проявлениях, преобразование мира в сторону большей стабильности, предсказуемости, сбережения природы; государственно-региональные ценности – устойчивое развитие во всех сферах социально-экономической жизни, преобразование государства; профессиональные ценности, созидание, преобразование жизненного пространства в благоприятный для человеческой жизни макрокосм; личностные ценности – самопознание, саморазвитие, самореализация личности, преобразование самой себя [1, с. 16–17]. Не является исключение в этом плане и белорусское общество. Трансформация в нем социально-экономических отношений, постепенное становление экономики знаний обуславливает формирование в высшей школе специалистов новой формации – инновационно ориентированных специалистов, способных в современных условиях адекватно ответить на системные вызовы Беларуси, которые возникли перед ней в последние десятилетия и отражающие как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития страны. Все это требует кардинальных изменений в системе высшего профессионального образования, направленных на обеспечение его соответствия, как требованиям трансформирующейся экономики, так и запросам общества.

Ключевым моментом модернизации системы высшего профессионального образования является обеспечение инновационного характера высшего образования в соответствии с социально-экономическими вызовами, инновационным характером экономики. Кроме того, инновационное высшее образование выступает главным фактором формирования интеллектуальной личности, и на основе этого развития интеллектуального потенциала общества.

Как показал анализ научных источников, инновационное образование в отличие от традиционного, понимаемое как усвоение обучающимся определенной суммы знаний на основе изучения некоторого фиксированного перечня предметов, представляет собой процесс и результат такой учебной и образовательной деятельности, который направлен не только на обеспечение преемственности социокультурного опыта, но и на трансформацию и развитие существующей культуры, социальной сферы, экономики и других сфер общества. Инновационное образование предполагает обучение в процессе создания новых знаний – за счет фундаментальной науки, непосредственно учебного процесса и производства, тем самым оно развивает весь потенциал и способности личности. При этом оно

формирует качества специалиста для практических действий в непредсказуемых и совершенно новых производственных и социальных ситуациях.

Такой тип образования формирует также ориентацию студентов на проблемные ситуации, возникающие как перед отдельным человеком, так и перед обществом [2, с. 82]. Ставится задача не просто усваивать предлагаемый преподавателем (программой, учебником) материал, но и познавать мир, вступая с ним в активный диалог, самому искать ответы и не останавливаться на найденном, как на окончательной истине.

Российский исследователь Э. М. Коротков выделяет следующие важные черты инновационного образования. Прежде всего, это должно быть образование креативного типа. Главной его направленностью должно стать формирование инновационного мышления, развитие творческих способностей и интеллектуального потенциала студенчества, поиск новых подходов в решении современных проблем. Это должно быть образование фундаментальное и перспективное, построенное на видении будущего и понимании закономерного развития экономики и общества. Важным признаком инновационного образования является его непрерывность и возрастающая компетентность, профессионализм и социальная ответственность выпускников [3, с. 41].

В. И. Слободчиков, рассматривая образование как самый масштабный социальный институт, через который осуществляется трансляция и воплощение базовых ценностей и целей развития общества, отмечает, что в условиях радикального изменения идеологических воззрений, социальных представлений, идеалов именно образование позволяет осуществить адаптацию к новым жизненным формам, поддержать процесс воспроизводства социального опыта, закрепить в общественном сознании и практике новые политические реалии и новые ориентиры развития. Отвечая на вопрос, что же такое сегодня «инновационное образование», он определяет его как образование, которое способно к саморазвитию, и которое создаёт условия для полноценного развития всех своих участников; отсюда главный тезис; инновационное образование – это развивающее и развивающееся образование [4, с. 127].

Как подчеркивает в своих работах В. П. Ващенко, инновационное образование обеспечивает, наряду с высоким профессиональным уровнем: развитие способности к критическому осмыслению и осуществлению перемен в экономике, технике, технологии; умение находить новые решения задач, обусловленных новыми жизненными условиями; высокую конкурентоспособность на рынке труда [5, с. 24]. Опираясь на данные представления о сути инновационного образования, В. П. Ващенко представляет его конечный результат, как выявление и развитие у обучаемого способности видеть то, что другие не видят, осознавать увиденное, имея потенциальную возможность создания чего-то нового, и искать пути порождения этого нового не новизны ради, а для преодоления тех или иных деструктивных процессов и их последствий [5, с. 23].

Следует подчеркнуть, что инновационное образование обуславливает тесное взаимодействие высших учебных заведений с научной сферой и производством, которое выступает средством приобретения профессиональных знаний, умений и навыков, развития инновационных мышления, способностей и культуры, позволяющих будущему специалисту разрабатывать инновационные идеи, внедрять их в практическую деятельность, принимать инновационные решения [6, с. 65].

В целом, инновационное образование представляет новую технологию образования и возможно лишь в результате целого комплекса преобразований в содержании образования, управлении знаниями, методах обучения, мотивировании и оценке его качества. При этом основными принципами инновационного образования являются: предвосхищение и предугадывание (опережение других); включение в процесс обучения репродуктивных компонентов творчества; создание условий развития личности (личностно-ориентированное обучение вместо обучающегося и воспитывающего); формирование нового социального типа отношений между обучаемым и обучающимися и др.

Таким образом, можно дать следующее определение понятию «инновационное образование». Инновационное высшее образование представляет новую технологию образования на основе инновационной деятельности (комплекса научных, технологических, организационных, финансовых, коммерческих составляющих) основных субъектов образовательной сферы, и прежде всего, тесного взаимодействия высших учебных заведений, научно-исследовательских организаций и высокотехнологичных предприятий, обеспечивающая подготовку специалистов, способных к самостоятельной профессиональной, исследовательской, социальной и инновационной деятельности во всех сферах общества.

Библиографический список

1. Емельянова, И. Н. Ценности современного общества в содержании университетского образования / И. Н. Емельянова // Высшее образование. – 2007. – № 1. С. 14–18.
2. Иванова, Е. И. Инновационное образование / Е. И. Иванова // Новая экономика. – 2008. – № 1–2. – С. 80–85.
3. Педагогическая инноватика: инновационное образование, инновационное мышление, инновации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Балашиха, 25–26 марта 2010 г. / под ред. В. П. Делия [и др.]. – Балашиха: Де-По, 2011. – 328 с.
4. Кезин, А. С. Инновационное образование как условие социальной адаптации и мобильности личности в условиях рынка / А. С. Кезин // Вестник ТОГУ. – 2007. – № 3. – С. 125–142.
5. Ващенко, В. П. Инновационность и инновационное образование / В. П. Ващенко // Alma mater: Вестник высшей школы. – 2000. – № 6. – С. 23–25.
6. Суша, Н. В. Инновационное высшее образование: теория и практика развития / Н. В. Суша. – Минск: МИУ, 2009. – 168 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МОДЕРНИЗАЦИИ АСПИРАНТУРЫ

Б. И. Бедный,
доктор физико-математических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород
А. А. Миронос,
доктор исторических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород
Л. А. Остапенко,
кандидат исторических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г. С введением в действие Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в 2013 г. аспирантура приобрела статус третьего уровня высшего образования. Таким образом в Российской федерации законодательно закреплен новый институциональный формат аспирантуры, соответствующий третьему циклу Болонского процесса [1].

Существенное значение для всех стран, принимающих участие в процессах модернизации своих образовательных систем в соответствии с болонскими рекомендациями, является определение конкретных мер (шагов) модернизации с учетом данных, касающи-

еся трудоустройства выпускников, их удовлетворенности уровнем и содержанием подготовки, полученных в период обучения. Этот подход согласуется и с основными принципами и целями Болонского процесса, к числу которых относятся дальнейшее повышение качества и привлекательности европейского высшего образования, а также обеспечение успешного трудоустройства выпускников вузов за счёт того, что все академические степени и другие квалификации должны быть ориентированы на рынок труда.

Анализ проблем и результатов внедрения болонских подходов в российской системе высшего образования находится в поле постоянного внимания специалистов, осуществляющих исследования в данной области [2], однако вопросы адаптации европейских моделей организации аспирантской подготовки в российских вузах изучены еще недостаточно.

Модернизация аспирантского образования в соответствии с болонской моделью предполагает ряд существенных изменений. Во-первых, это значительный рост числа аспирантов в ведущих вузах, где и концентрируется подготовка по программам «третьего уровня». Очевидно, что данный подход потребует новых форм организации аспирантского образования. Вторая составляющая обсуждаемых изменений – это развитие образовательной компоненты аспирантской подготовки. Стремление учесть интересы потенциального работодателя обусловливает диверсификацию аспирантских программ с учетом возможного спектра профессиональных траекторий выпускников аспирантуры, насыщение программы учебными модулями, обеспечивающими компетенции и навыки, которые необходимы как для академической или преподавательской карьеры, так и для других видов высокоинтеллектуальной деятельности, востребованных современной экономикой.

Сбор и анализ данных, характеризующих трудоустройство выпускников высшей школы – относительно новая и мало разработанная задача в рамках как государственной (федеральной) так и ведомственной статистики образования Российской Федерации. Комплексная методика мониторинга трудоустройства выпускников, разработанная по инициативе Министерства образования и науки РФ, в 2011 г. прошла пробацию на территории 10 субъектов Российской Федерации и с 2012 г. используется во всех субъектах РФ [3]. Однако в рамках данной системы сбора информации, сведения, касающиеся трудоустройства выпускников аспирантур не обобщаются и не анализируются. Таким образом, в настоящее время для России отсутствуют репрезентативные данные, которые могли бы быть получены в рамках масштабных национальных и международных исследований, подобных проекту «Careers of Doctorate Holders», осуществляемому Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) & Eurostat [4].

При изучении трудоустройства выпускников аспирантур российских университетов следует учитывать разноплановые факторы. Так, в частности, большое значение имеет территориальное размещение университета: карьерные перспективы выпускников столичных вузов и выпускников провинциальных университетов будут разными. Этот факт обусловливается не только и не столько различиями в уровне подготовки, но и сравнительно низким уровнем территориальной мобильности в России, в том числе, и высококвалифицированных специалистов. Существенным фактором является и углубляющаяся дифференциация между отдельными университетами, которая дополнительно стимулируется селективной (конкурсной) поддержкой университетов со стороны правительства. Таким образом, данные о трудоустройстве выпускников аспирантских программ могут существенно различаться с учетом перечисленных выше факторов. На настоящем этапе изучения интересующей нас проблемы важно наметить типичные объекты для изучения методами case study, способные характеризовать тенденции на рынке труда для выпускников аспирантских программ.

Пилотное исследование мониторинга трудоустройства выпускников аспирантуры, проведенного на базе Нижегородского госуниверситета в 2013–2014 гг. позволило выявить, что аспирантура крупного классического университета ведет подготовку кадров для широкого спектра областей профессиональной деятельности. Так, помимо сферы

науки и образования, в которой заняты 69 % выпускников с ученой степенью в области точных и естественных наук и 40 % «гуманитариев», выпускники аспирантуры востребованы в высокотехнологичном бизнесе, государственном и муниципальном управлении, сфере услуг (консалтинг) и др. [5].

Наличие многочисленных вариантов трудоустройства выпускников аспирантуры, несомненно, должно сопровождаться соответствующей вариативностью и индивидуализацией образовательных программ аспирантуры. Анализ удовлетворенности аспирантов содержанием программ, в том числе, курсами по выбору и факультативными дисциплинами, свидетельствует о востребованности образовательных модулей, ориентированных на развитие практических компетенций. Таким образом, часть образовательной программы аспирантуры должна быть ориентирована на профессиональное развитие в широком диапазоне карьерных траекторий по принципу «одна профессия – множество карьер».

Масштабное реформирование системы подготовки научных кадров настоятельно требуют комплексного мониторинга процессов, происходящих в системе «аспирантура – рынок высокоинтеллектуального труда», осуществляемого как на «макро-», так и «микроуровне», а также анализа результатов проводимой реформы аспирантского образования.

Библиографический список

1. Байденко, В. И, Селезнева Н. А. Пути совершенствования докторской подготовки: Европа и США // Высшее образование в России. 2010. №11. С. 99–112.
2. Артамонова, Ю. Д., Демчук А. Л., Моисеева В. В. Сетевая аспирантура: теория и практика вузов Европы и России // Высшее образование в России. 2013. № 2. С. 138–146; Вахитов Р. Р. Болонский процесс в России. Отечественные записки. 2013. № 4. С. 124–143.
3. Серова, Л. М., Мазаева К. А. Трудоустройство выпускников по данным мониторинга учреждений профессионального образования // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 20–27.
4. Auriol, L., M. Misu, R. A. Freeman (2013.) Careers of Doctorate Holders: Analysis of Labour Market and Mobility Indicators. OECD Science, Technology and Industry Working Papers. 2013/4. OECD Publishing. Paris.
5. Бедный, Б. И., Миронос А. А., Остапенко Л. А. Профессиональная занятость выпускников аспирантуры и направления совершенствования аспирантских программ // Высшее образование в России. № 2015. С. 5–16.

ЭМИГРАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО НАУЧНЫХ КАДРОВ

И. Н. Шарый,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
sssis2007@mail.ru

Изучение влияния интеллектуальной эмиграции на воспроизводство научных кадров представляет особый интерес в условиях перехода белорусской экономики на инновационный путь развития. Интеллектуальная эмиграция направлена, прежде всего, в промышленно развитые страны, среди которых выделяются страны с активной иммиграционной политикой. Поскольку эти страны связывают перспективы своего социально-экономического развития с экономикой, основанной на знаниях, растет международная конкуренция за привлечение наиболее талантливых ученых и перспективную научную молодежь. Особенности эмиграции исследователей и ее влияния на воспроизводственные процессы можно рассмотреть на примере данных мониторинга, который проводится сотрудниками Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров

ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

С 2001 по 2014 гг. из научных организаций академического сектора науки эмигрировало 113 исследователей, в том числе 3 доктора наук, 66 кандидата наук и 44 исследователя без ученой степени. Отмечается устойчивое снижение численности эмигрировавших исследователей академического сектора науки (2000–2005 гг. – 52 человека; 2006–2010 гг. – 43 человека; 2011–2014 гг. – 18 человек). Сокращение численности эмигрантов из числа исследователей в значительной мере связано с повышением эффективности государственной политики Республики Беларусь в сфере науки, а также с влиянием последствий мирового финансово-экономического кризиса.

Квалификационный уровень эмигрантов из числа исследователей высокий. Из общего количества исследователей, эмигрировавших за период с 2011 по 2014 гг., большинство – 61,1 % имели ученую степень. Для сравнения: среди эмигрировавших исследователей в период с 2001 по 2005 гг. 71 % имели ученую степень, среди эмигрировавших с 2006 по 2010 гг. – 49 %. Таким образом, за последние годы отмечается рост доли лиц, имеющих ученую степень в общей численности эмигрантов-исследователей.

За период с 2001 по 2014 гг. чаще всего исследователи эмигрировали в США (23 %) и Германию (16,8 %). В целом почти половина выездов (48,6 %) эмигрантов приходится на три страны – США, Германию и Канаду. Эти страны лидируют не только по количеству эмигрировавших из Беларуси исследователей, но также и по качественному составу эмигрантов. Доля научных работников высшей научной квалификации, среди исследователей, которые эмигрировали в США, Германию и Канаду, составила 68,5 %, тогда как доля научных работников высшей научной квалификации среди исследователей, эмигрировавших из Беларуси в другие страны, составила – 54,2 %.

Как показывают полученные данные за период с 2001 по 2014 гг., в структуре направлений эмиграции исследователей происходят существенные изменения. В структуре стран выезда исследователей за рубеж в период с 2001 г. по 2005 г. на Германию и США приходилось 50 % выездов, при этом число выездов в Германию было больше, чем в США (27 % и 23 % выездов соответственно). С 2005 г. по 2010 г. доля выездов в Германию и США была одинаковой. В последующие годы численность исследователей, выехавших в США, росла. За период 2011–2014 гг. в США эмигрировало 7 исследователей (1 доктор наук, 5 кандидатов наук и один исследователь без ученой степени), а выезды на постоянное место жительства в Германию не зафиксированы. В США за четыре последних года выехало больше исследователей, чем с 2006 по 2010 гг.

За рассматриваемый временной период среди исследователей-эмигрантов больше всего было представителей биологических наук (38 %), химических наук (16,8 %), технических наук (14,2 %) и физических наук (13,3 %). Отчетливо проявляется тенденция доминирования в эмиграционном потоке исследователей представителей естественных наук. За последние четыре года доля эмигрантов, работающих в области естественных наук, составила почти 89 %.

Результаты исследования показывают, что чаще на постоянное место жительства за рубеж выезжала молодежь и лица среднего возраста, которые имеют перспективы для дальнейшей работы в сфере научной деятельности. В подавляющем большинстве эмигранты имели возраст до 49 лет (84,9 %), а 2/3 эмигрировавших научных работников имели возраст до 39 лет. Среди эмигрантов наибольший возраст имели доктора наук. Более 62,2 % кандидатов наук были младше 40 лет, а среди исследователей без ученой степени подавляющее большинство было младше 40 лет (79,6 %). Если среди эмигрировавших кандидатов наук за период с 2001 по 2005 гг. доля кандидатов наук в возрасте старше 50 лет составляла 25,7 %, то за период с 2005 по 2010 гг. – всего 4,8 %, за период с 2011 по 2014 гг. – 10 %.

Тенденция изменения возрастного состава эмигрантов из числа исследователей, не имеющих ученой степени, такая же, как и у кандидатов наук – отмечается омоложение этой категории исследователей. Если с 2001 по 2005 гг. среди эмигрантов без ученой сте-

пени каждый третий был в возрасте старше 40 лет, то в период с 2006 по 2010 гг. только 18,1 % от общей численности исследователей без ученой степени были старше 40 лет. После 2011 г. в возрасте старше 40 лет эмигрантов без ученой степени не было. В последние годы среди эмигрантов без ученой степени большинство составляют те, кому менее 29 лет. По данным мониторинга в общей численности эмигрировавших исследователей академического сектора науки с 2011 по 2014 гг. доля исследователей в возрасте до 29 лет без ученой степени составила 71,4 %, за период с 2006 по 2010 гг. аналогичный показатель составлял 54,5 %, а за период с 2001 по 2005 гг. – 40 %.

В условиях высокой динамики изменения возрастной структуры исследователей влияние миграционных факторов на воспроизводство научных кадров высшей квалификации может усилиться. В ближайшей перспективе может сохраниться значительное влияние эмиграции исследователей на изменения в возрастной категории кандидатов наук до 40 лет, которые работают в области естественных наук. Если будет сокращаться численность аспирантов и соответственно число защит кандидатских диссертаций, то усилится негативное влияние на воспроизводственные процессы не только внутренней миграции, но и эмиграции. В условиях перехода экономики на инновационный путь развития воспроизводственная стратегия должна быть приоритетом кадровой политики в сфере науки в связи с этим важность анализа влияния миграционных процессов на воспроизводство кадрового потенциала белорусской науки повышается.

Следует учитывать, что Беларусь в 2015 г. вошла в число стран, реализующих принципы Болонского процесса, что предполагает возможность активизации потока интеллектуальной миграции. В перспективе, по мере преодоления последствий кризисных явлений, можно ожидать реализации заявленных ранее мер по активизации иммиграционной политики стран ЕС, прежде всего, в отношении молодых исследователей, работающих в перспективных научных направлениях. Рост доли молодежи в общем потоке научной эмиграции остается существенной проблемой, поэтому потребуются дополнительные меры, направленные на повышение эффективности молодежной политики.

В настоящее время интеллектуальная миграция для многих стран не является однонаправленной и возвращение ученых после длительного пребывания за рубежом становится обычной практикой. В последние годы в Беларуси начала формироваться, хотя и слабая, тенденция возвращения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа. В период кризиса в 2008–2010 гг. эта тенденция получила дополнительный импульс, поскольку мировая финансово-экономическая ситуация изменила привычное представление о стабильности в развитых странах. Поскольку интенсивность международной интеллектуальной мобильности будет повышаться, способствовать нейтрализации негативных последствий утечки умов может разработка системы целенаправленных мер по поддержке конструктивного взаимодействия с белорусской научной диаспорой.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В НАН БЕЛАРУСИ

Э. М. Щурок,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Национальная академия наук Беларуси является структурой, концентрирующей в себе основной научно-технический потенциал страны, направленный на решение наиболее важных общенациональных задач в рамках государственных приоритетов научно-технической и научной деятельности. Но в тоже время анализ деятельности организаций, осуществляющих подготовку кадров высшей квалификации в НАН Беларуси, показывает существенные проблемы в системе воспроизводства высококвалифицированных научных кадров.

В НАН Беларуси на 1 января 2015 года в НАН Беларуси численность лиц, осваивающих образовательные программы аспирантуры, включая соискателей, составила 522 чел. Основные показатели деятельности академической аспирантуры за период 2004–2014 гг. представлены на рисунке 1.

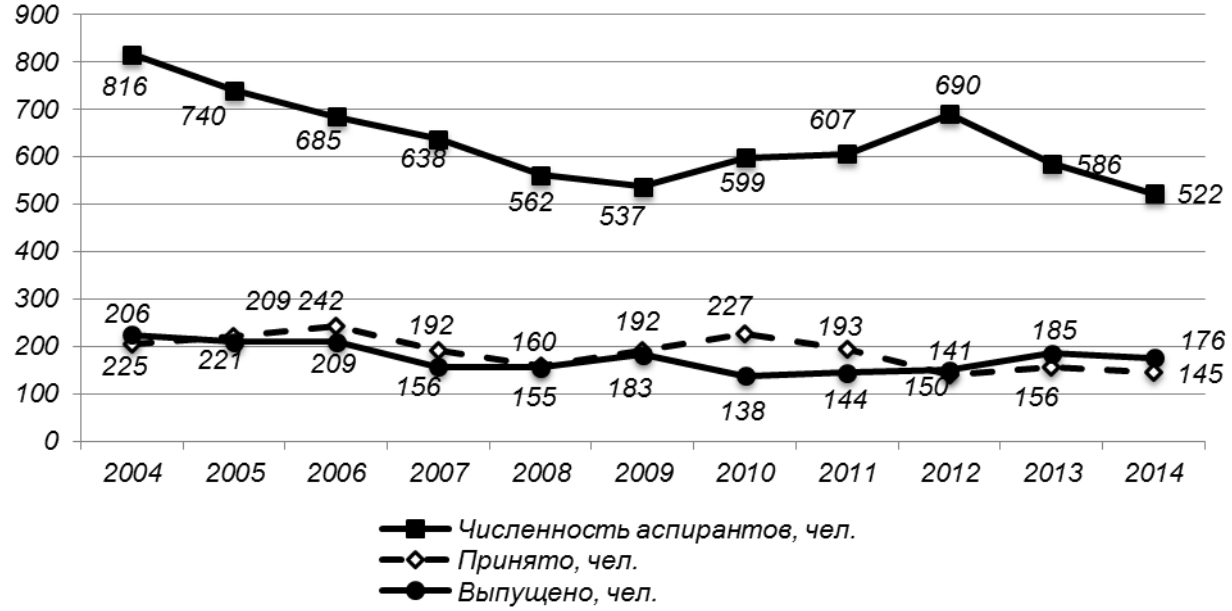

Рис. 1. Основные показатели деятельности академической аспирантуры за период 2004–2014 гг.

Как видим из данных рисунка 1, одной из острых проблем развития аспирантуры НАН Беларуси после 2004 года явилось уменьшение численности аспирантов, свидетельствующее о снижении привлекательности аспирантуры среди талантливых молодых ученых и студентов. Так, за период с 2004 по 2014 гг. численность аспирантов в научных организациях НАН Беларуси уменьшилась с 816 чел. до 522 чел., или на 36,0 %. Соответственно уменьшился и прием в аспирантуру – с 206 чел. в 2004 г. до 145 чел. в 2014 г.

Рассмотрим основные показатели деятельности аспирантуры в НАН Беларуси в 2014 г. Удельный вес численности аспирантов, обучающихся на дневной форме получения образования, в общем количестве аспирантов на начало 2015 года составил 55,1 % (323 чел.), заочной – 21,4 % (125 чел.), а в форме соискательства 23,5 % (138 чел.). Таблица 1.

Таблица 1. **Основные показатели деятельности аспирантуры в НАН Беларуси в 2014 г.**

	Принято в аспирантуру				Фактически выпущено из аспирантуры			Обучается в аспирантуре на 31.12.2014			
	всего	из них в форме обучения			всего	из них с предварительной экспертизой диссертации	в том числе с защитой диссертации	всего	из них в форме обучения		
		дневная	заочная	соискательство					дневная	заочная	соискательство
НАН Беларуси	145	88	21	36	176	9	10	522	283	108	131

В 2014 г. в аспирантуры научных организаций НАН Беларуси приняты 145 человек, в том числе 88 человек – на дневную форму обучения, 21 – на заочную, 36 – на обучение в форме соискательства. Из них на обучение за счет бюджетных средств – 136 человек (85 – дневной формы обучения, 17 – заочной, 34 – в форме соискательства).

Динамика развития отраслевой структуры аспирантуры НАН Беларуси также вызывает тревогу. За период 2004 – 2014 гг. численность аспирантов по таким приоритетным научным направлениям и областям науки, как естественные и физико-технические науки, значительно сократилась. Например, если в 2004 г. численность аспирантов научных организаций Отделения физики, математики и информатики составляла 111 чел., то в 2014 г. – всего 35 чел., включая соискателей. Подобная картина по этому показателю деятельности аспирантуры сложилась и в научных организациях Отделения биологических наук. Так, если в 2004 г. численность аспирантов в научных организациях этого отделения наук составляла 108 чел., то в 2014 г. – 65 чел., включая соискателей.

Значительное уменьшение численности аспирантов наблюдается и в других отделениях наук. Так, в Отделении гуманитарных наук и искусств численность аспирантов уменьшилась на 40,4 % и составила в 2014 году 124 человек, таблица 2.

Таблица 2. **Динамика численности аспирантов НАН Беларуси за период 2004–2014 гг.**

Отделения наук	Численность аспирантов, чел.		Изменение численности в 2014 г. по сравнению с 2004 г.	
	2004 г.	2014 г.	чел.	%
отделение физики, математики и информатики	111	35	-76	-68,5%
отделение физико-технических наук	96	86	-10	-10,4%
отделение химии и наук о Земле	41	43	2	+4,9%
отделение биологических наук	108	65	-43	-39,8%
отделение медицинских наук	22	13	-9	-40,9%
отделение гуманитарных наук и искусств	208	124	-84	-40,4%
отделение аграрных наук	230	155	-75	-32,6%
всего по НАН Беларуси	816	522	-294	-36,0%

* численность аспирантов, включая соискателей

Основные показатели эффективности деятельности аспирантуры в НАН Беларуси за период 2004–2014 гг. представлены в таблице 3.

Таблица 3. **Основные показатели деятельности аспирантуры НАН Беларуси за период 2004–2014 гг.**

Показатели	2004г.	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.	2011г.	2012г.*	2013г.*	2014г.*
численность аспирантов, чел.	816	740	685	638	562	537	599	607	690	586	522
принято, чел.	206	221	242	192	160	192	227	193	141	156	145
выпущено, чел., в том числе	225	209	209	156	155	183	138	144	150	185	176
с защитой диссертации, чел.	4	5	6	2	2	5	2	5	3	13	10
% от числа выпуска	1,8	2,4	2,9	1,3	1,3	2,7	1,4	3,5	2,0	7,0	5,7
с предварительной экспертизой диссертации, чел.	50	48	19	17	20	39	17	22	14	26	9
% от числа выпуска	22,2	23,0	9,1	10,9	13,0	21,3	12,3	15,3	9,3	14,1	5,1

* численность аспирантов, включая соискателей

Как видно из данных таблицы 3, по сравнению с 2004 годом в 2014 году такой показатель эффективности деятельности аспирантуры, как выпуск из аспирантуры с защитой диссертации, имеет положительную тенденцию. Если в 2004 году с защитой диссертации закончили аспирантуру 4 чел. (1,8 %), то в 2014 году – 10 чел. (5,7 %). Однако другой показатель результативности аспирантуры – выпуск аспирантов с проведением предварительной экспертизы диссертации не имеет такой позитивной тенденции: 22,2 % в 2004 г. и всего лишь 5,1 % в 2014 г.

Эффективность деятельности аспирантур научных организаций НАН Беларуси в разрезе отделений наук по таким показателям, как защита диссертаций в срок обучения и выпуск аспирантов с предварительной экспертизой диссертации в 2014 г. представлена в таблице 4.

Таблица 4. **Эффективность деятельности аспирантур научных организаций НАН Беларуси по показателю защит диссертаций в срок обучения и с предварительной экспертизой диссертации в 2014 г. в разрезе отделений наук**

Отделения наук	Численность аспирантов-выпускников, включая соискателей				
	всего	из них с предварительной экспертизой диссертации		в том числе с защитой диссертации	
	чел.	чел.	%	чел.	%
Отделение физики, математики и информатики	22	6	27,3	2	9,1
Отделение физико- технических наук	31	1	3,2	3	9,7
Отделение химии и наук о Земле	11	0	–	0	-
Отделение биологических наук	21	0	–	2	9,5
Отделение медицинских наук	3	0	–	0	–
Отделение гуманитарных наук и искусств	37	2	5,4	0	–
Отделение аграрных наук	51	0	–	3	5,9
всего по НАН Беларуси	176	9	5,1	10	5,7

Как видим, на первом месте по эффективности аспирантуры по показателю выпуск с защитой диссертации стоят Отделение биологических наук (выпуск 21 чел. из них 2 с защитой диссертации – 9,5 %) и Отделение физики, математики и информатики (выпуск 22 чел. из них 2 чел. с защитой диссертации – 9,1 %). Значительно хуже с эффективностью аспирантуры обстоят дела в научных организациях Отделения аграрных наук – из 51 выпускника только 3 чел. (или 5,9 %) вышли с защитой диссертации. В Отделении гуманитарных наук и искусств из 37 аспирантов-выпускников не было выпускников с защитой диссертации.

Наиболее остро с результативностью аспирантуры обстоят дела в научных организациях Отделения медицинских наук и Отделение химии и наук о Земле, где в 2014 г. нет лиц, закончивших обучение в аспирантуре с предварительной экспертизой или с защитой диссертации.

Проведенный анализ деятельности академической аспирантуры свидетельствует о необходимости принятия мер по расширению подготовки аспирантов по специальностям, обеспечивающих развитие приоритетных научных направлений и высокотехнологичных производств.

МИГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НАН БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С. А. Пушкевич,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Потеря даже небольшой части национальной научной и технологической элиты может иметь негативные последствия для интеллектуального потенциала страны и нанести ей невосполнимый урон. Поэтому так важно исследовать социологическими методами процесс формирования миграционных настроений ученых НАН Беларуси, особенно молодых ученых – будущей национальной научной элиты.

По результатам социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2012 году, твердо решили уехать за границу на постоянное место жительства всего 0,2 % респондентов. Значительно больше этот вариант решения накопившихся проблем выбрали молодые ученые (в возрасте до 30 лет) – 0,8 %. Думают о выезде на постоянное место жительства за рубеж 3,4 % респондентов, а среди молодежи – 7,6 %.

Согласно полученным данным, планы на выезд за границу у ученых НАН Беларуси в основном связаны с временной работой в зарубежных организациях: 5,1 % планируют выехать за рубеж для временной научной работы, но пока никаких действий не предпринимают, в то время как 2,0 % уже определились и твердо решили выехать за рубеж для временной научной работы и имеют реальную возможность осуществления этого шага, таблица 1

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос «Собираетесь ли Вы в ближайшее время выехать за границу?» по возрастным категориям респондентов, % от ответивших**

Варианты ответа	До 30 лет	30–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Итого
Таких планов у меня нет	60,3	74,9	86,5	94,1	75,7
Думаю о переезде на постоянное место жительства за рубеж	7,6	2,7	1,1	–	3,4
Твердо решил уехать за границу на постоянное место жительство	0,8	–	–	–	0,2
Планирую выехать за рубеж для временной научной работы, но пока никаких действий не предпринимаю	11,5	4,6	1,1	–	5,1
Твердо намерен выехать за рубеж для временной научной работы и имею реальную возможность осуществления этого шага	5,3	0,9	–	1,5	2,0
Затрудняюсь ответить	14,5	16,9	11,2	4,4	13,6

Те ученые, кто решил выехать за границу на постоянное место жительства, основными причинами своего выбора назвали низкий престиж научной деятельности в Беларуси (23,1 %), низкий уровень финансирования научных исследований (23,1 %) и хорошее предложение работы за границей (23,1 %). При этом ученые возрастной категории 30–49 лет основными причинами своего решения выехать за границу назвали: получили хорошее предложение работы за границей (57,1 %), низкий престиж научной деятельности в Беларуси и низкий уровень финансирования научных исследований (по 42,9 % каждая позиция). Значимым является также желание респондентов в полной мере реализовать свой научный потенциал (28,6 %). Для ученых старшего возраста (50–59 лет) важнее всего при

принятии решения уехать были – низкий престиж научной деятельности в Беларуси (50,0 %) и низкий уровень финансирования научных исследований (50,0 %), таблица 2.

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос «Если вы твердо решили уехать на постоянное место жительства, то каковы основные причины этого выбора?», %***

Варианты ответа	До 30 лет	30–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Итого
Желание в полной мере реализовать свой научный потенциал	16,7	28,6	–	–	11,5
Личные материальные трудности	33,3	14,3	25,0	11,1	19,2
Невозможность заниматься полноценной научной деятельностью в интересующей меня области науки в Беларуси	–	–	25,0	–	3,8
Низкий престиж научной деятельности в Беларуси	–	42,9	50,0	11,1	23,1
Низкий уровень финансирования научных исследований	–	42,9	50,0	11,1	23,1
Отсутствие возможности решить жилищную проблему	16,7	14,3	25,0	–	11,5
Отсутствие перспектив научной карьеры	–	14,3	–	–	3,8
Семейные обстоятельства	50,0	–	–	–	11,5
Углубляющийся экономический и финансовый кризис	16,7	–	–	–	3,8
Хорошее предложение работы за границей	–	57,1	–	22,2	23,1
Другое	33,3	–	25,0	66,7	34,6

*респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа

Наиболее значимой причиной желания выехать за рубеж для временной работы у респондентов являются повышение своего профессионального уровня (42,9 %), налаживание сотрудничества с зарубежными коллегами (42,9 %) и желание поработать на современном научном оборудовании (35,7 %). Определяющим для решения ученых возрастной категории 30–49 лет выехать за границу для временной научной работы является возможность поработать нам на современном оборудовании (50,0 % ответивших); научная молодежь (ученые до 30 лет) более всего желает при помощи зарубежных командировок повысить свой профессиональный уровень и наладить сотрудничество с зарубежными коллегами (62,5 %). Ученые старшего возраста (50–59 лет) наряду с налаживанием сотрудничества с зарубежными коллегами (33,3 % ответивших) желают улучшить свое материальное положение (33,3 %). Таблица 3.

Исследование показало, что проблема интеллектуальной миграции затрагивает различные аспекты экономической, социальной и научной политики государства. В последнее десятилетие проблема «утечки мозгов» постепенно трансформируется в проблему «утечки молодых умов», молодой научной элиты. Это подтверждают и данные проведенного социологического исследования. Основными причинами принятия решения молодыми учеными об эмиграции являются низкий престиж научной деятельности в Беларуси, низкий уровень финансирования научных исследований, возможность повысить свой профессиональный уровень и поработать на современном оборудовании, наладить сотрудничество с зарубежными коллегами. В этой связи необходимо решить вопрос о принятии специальной государственной программы «Молодежь в науке», в которой поста-

вить задачи создания необходимых социально-экономических условий для полноценной научной деятельности молодых ученых и возможности успешной научной карьеры.

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос «Если Вы твердо намерены выехать за рубеж для временной научной работы, то каковы основные причины этого желания?», %***

Варианты ответа	До 30 лет	30–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Итого
Других посмотреть и себя показать	12,5	25,0	–	–	10,7
Наладить сотрудничество с зарубежными коллегами	62,5	37,5	33,3	33,3	42,9
Повысить свой профессиональный уровень	100,0	25,0	16,7	16,7	42,9
Подготовить почву для возможной эмиграции в будущем	25,0	–	–	–	7,1
Поработать на современном оборудовании	37,5	50,0	16,7	33,3	35,7
Реализовать свои идеи	12,5	25,0	16,7	16,7	17,9
Улучшить свое материальное положение	37,5	25,0	33,3	16,7	28,6
Другое	–	–	33,3	50,0	17,9

*респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа

ЖЕНЩИНЫ В ЭЛИТЕ НАУКИ: ТРУДНОСТИ В КАРЬЕРНОМ РОСТЕ

А. П. Соловей,
магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В современном мире женщины многих стран имеют равный с мужчинами доступ к получению высшего образования и занятию наукой. В условиях феминизации белорусской науки вхождение женщин в науку рассматривается как активное вовлечение их в сферу высококвалифицированного труда и научного творчества. Снижение общественного статуса научной деятельности, падение престижности профессии ученого, связанного с низкой заработной платой, привело к уменьшению числа мужчин в науке, в то время как доля женщин в науке возросла, более того, сохраняется тенденция увеличения доли женщин в научных кадрах. При этом женщины редко достигают вершин академического статуса.

В настоящее время доля женщин в белорусской науке составляет 41,2 % от общей численности работников, занятых научными исследованиями и разработками. Это позволяет говорить о высоком уровне представленности женщин в составе научных кадров. И хотя за период 1995–2014 гг. доля женщин в общей численности исследователей снизилась на 12,3 % (в 1995 – 53,5 %), это не отменяет тезиса о наблюдающемся процессе феминизации белорусской науки.

Важно понимать, что процесс феминизация белоруской науки начинается с советского периода истории Беларуси. Анализ квалификационного уровня женщин-ученых в БССР показывает, что число женщин-исследователей с учеными степенями постоянно росло. Так, число женщин докторов наук выросло с 17 в 1960 г. до 118 человек в 1987 г., а кандидатов наук – с 520 до 3955 человек. Доля женщин среди кандидатов наук в 1987 г.

составила 28,0 % и 10,9 % – среди докторов наук [3, с. 35]. Если говорить непосредственно о динамике доли женщин-исследователей среди научных кадров высшей квалификации, то за период 1997–2014 гг. практически во всех областях науки доля женщин, как докторов наук, так и кандидатов наук, увеличилась (см. табл. 1.).

Таблица 1. **Численность женщин-исследователей с учеными степенями в Республике Беларусь по областям науки, в %**

Годы	1997	2003	2014	1997	2003	2014
Область науки	Кандидаты наук			Доктора наук		
Естественные	36,4	39,1	43,0	13,3	14,7	18,4
Технические	13,2	14,2	17,9	2,0	5,3	7,3
Медицинские	55,1	59,7	59,5	18,1	23,5	25,6
Сельскохозяйственные	36,3	39,7	47,3	14,5	14,3	22,0
Социально-экономические и общественные	37,0	33,1	42,5	14,9	18,9	14,3
Гуманитарные	49,0	51,9	55,8	12,3	19,7	30,6

Наибольший рост доли женщин кандидатов наук наблюдался в таких областях науки как сельскохозяйственные (на 11 %) и гуманитарные (на 6,8 %). Больше всего возросла доля женщин докторов наук в технических науках (почти в 4 раза: с 2,0 % до 7,3 %), хотя в целом данная область знания остается наименее феминизированной. В гуманитарных и медицинских науках доля женщин докторов наук выросла на 18,3 % и 7,5 %, соответственно.

За период 2000–2014 гг. доля женщин-исследователей в НАН Беларуси постоянно увеличивалась (2000 г. – 43,0 %, 2005 г. – 46,7 %, 2010 г. – 48,3 %). Если в целом по белорусской науке за период 2000–2014 гг. доля женщин в общей численности исследователей стабилизировалась, то в НАН Беларуси феминизация науки нарастает. На начало 2014 года доля женщин-исследователей составила 47,2 %, что на 6 % больше, чем доля женщин-исследователей по республике в целом. Аналогичная картина наблюдается и среди научных работников высшей квалификации. В 2014 г. в целом по стране женщины составляли 39,3 % и 17,7 % от численности кандидатов и докторов наук, занятых научными исследованиями и разработками, а в научных организациях НАН Беларуси – 41,8 % и 18,2 % соответственно [6, с. 232]. Вместе с тем доля женщин среди членов-корреспондентов и академиков НАН крайне низка: среди академиков всего одна женщина, среди член-корреспондентов – 7 женщин.

Женщины-ученые в Беларуси, как и всего мира, проделали сложный путь в борьбе с дискриминацией, однако и сегодня женщины сталкиваются с трудностями в карьерном росте. Женщины в научной элите – это особая тема, так как затрагивает проблему карьеры женщины в науке. Женщины-ученые представляют особую социальную группу, которая отличается специфическими социально-психологическими чертами, различными ролевыми функциями, выполняемыми в обществе. Женщина-ученый – это представитель, прежде всего, женской социальной группы, диспозиция и самопрезентация которой обуславливаются гендерной ролью. Что в свою очередь оказывает влияние на построение научной карьеры женщины.

Научная карьера женщин в отличие от мужчин складывается медленнее и требует больших усилий, что может быть связано с так называемой моделью «тройного наказания». В данной концепции выделяются три «барьера», с которыми сталкиваются женщины при построении своей научной карьеры. *Во-первых*, укоренившееся в обществе мнение о том, что наука – мужская сфера деятельности, где представительницы слабого пола неуместны и нежелательны. *Во-вторых*, распространенное убеждение в том, что женщина менее компетентна как ученый. *В-третьих*, реальная «повседневная» дискриминация,

проявляющаяся через систему вознаграждения: занижение оплаты труда, научного признания и поощрения прежде всего на высоких уровнях [2, с. 695].

В первую очередь среди факторов, препятствующих профессиональному продвижению женщин-ученых по карьерной лестнице, следует выделить их «биологическое» предназначение – материнство. Отсюда вытекает и проблема двойной нагрузки женщин, которая связана с выполнением ряда работ по дому и материнскими функциями. Фактически женщина постоянно работает в две смены: вне дома (профессиональная деятельность) и дома (ведение домохозяйства и воспитание детей). Следовательно, стоит говорить не о двойной, а о тройной нагрузке женщины: работа + домохозяйство + дети. Это приводит не только к физическим и психологическим перегрузкам, но и является причиной так называемого «ролевого конфликта работающей женщины». Этот внутриличностный конфликт возникает вследствие высокой значимости для женщин успеха, как в профессиональной деятельности, так и в семье [1]. Карьерные притязания женщин несовместимы с полноценным исполнением функции воспитания детей. Яркий тому пример: «уход» аспиранток и молодых ученых на ранних стадиях академической карьеры, который связан с социальной ролью женщины - состояться как мать. Время, которое женщина тратит на роль матери, отбрасывает ее от научной карьеры. Тем самым на лицо противоречие между социальной ролью женщины (матери, жены, домашней хозяйки) и ее профессией.

Продвижению по карьерной лестнице препятствуют и гендерные стереотипы (стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское»), которые порождают скрытую дискриминацию женщин, и которая проявляется в искусственном замедлении профессионального продвижения, отказе в научном признании и соответствующем поощрении. Стереотипное убеждение в том, что женщины менее компетентны и не способны заниматься наукой, порождает представление о науке как мужской сфере деятельности, что в свою очередь порождает превалирование мужчин в руководстве наукой [7].

Все это приводит к тому, что современным женщинам-ученым приходится постоянно соотносить стратегии своей профессионализации с требованиями традиционной гендерной роли. В свою очередь, это ограничивает женщину в выборе путей самореализации, а также является причиной внутриличностного конфликта, который часто приводит к тому, что профессиональные цели у женщин отсутствуют, или постоянно отодвигаются, или достижение их переживается как слишком «проблемное». И, несмотря на продолжающуюся качественную феминизацию (увеличение доли женщин среди кандидатов и докторов наук), все еще рано говорить о феминизированности «элитарной науки» (доктора, члены-корреспонденты, академики), скорее уместен тезис о присутствии женщин в данном сегменте.

Таким образом, в процессе научной карьеры женщины сталкиваются с трудностями и барьерами, связанными с социально-биологическими особенностями самой женщины, обусловленными ее природой, ее ценностными ориентациями и мотивационными установками. В настоящее время не изучены до конца теоретические основы карьеры женщины в науке, торможение академической карьеры женщин, проблема «стеклянного потолка», пути преодоления препятствий к высокостатусным позициям в академической иерархии, научная продуктивность и статус женщин. Тем самым данная проблематика представляет научный интерес, как для зарубежных, так и для отечественных исследователей и требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Гаврилица, О. А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии. – 1998. – № 4. – С. 65 – 70.
2. Мирская, Е. З. Женщины в науке / Е. З. Мирская, Е. А. Мартынова // Вестник Российской академии наук. – 1993. – Т. 63. № 8. – С. 693–700.
3. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1987 г.: Стат. Ежегодник / Госкомстат

БССР. – Мн.: Беларусь, 1988. – 296 с.
4. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: Стат. Сб. – Мн.: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 121 с.
5. Наука Республики Беларусь 1998. Стат. Сб. – Мн.: БелИСА, 1999. – 103 с.
6. Отчет о деятельности НАН Беларуси в 2014 году. – Мн.: НАН Беларуси, 2015. –353 с.
7. Чикалова, И. Р. Социальная идентичность ученых-белорусок // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – Вильнюс. – 2006. № 3, 4. – С. 159–174.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Е. В. Шухно,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Наука представляет собой «особый вид познавательной деятельности, направленной на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире» [4, с. 612]. Иными словами, наука является исторически возникшей, социально обусловленной и системно организованной сферой познавательной деятельности.

В развитии науки выделяют этап преднауки и науку в собственном смысле слова. Коренное отличие преднауки от собственно науки заключается в том, что преднаука не выходила за рамки наличной практики, тогда как с теоретическим, абстрактным способом формирования идеальных объектов и связей между ними, моделирующих практику [4, с. 613]. В середине XIX века складывается дисциплинарно организованное научное знание. Говоря об организационной культуре научной организации, важно понимать, что рассматриваемый феномен возникает не раньше возникновения самих научно-исследовательских организаций, формирование которых связано с процессом институционализации науки. Таким образом, зарождением организационной культуры научных организаций можно считать XVII–XVIII века, то есть период, когда наука стала оформляться в качестве социального института и начали возникать первые научные общества, академии и научные журналы. Тем не менее, научные организации этого периода можно охарактеризовать как протонаучные ввиду их стихийности, малой упорядоченности, малого количества, отсутствия четкого разделения труда и ряда других факторов. Соответственно правомерно рассматривать культуру данных научных организаций как протоорганизационную культуру.

Именно в XX веке с окончательным формированием социального института науки, превращением науки в особый тип производства научных знаний, становлением ее как самостоятельной производительной силы и образованием различных объединений ученых, в том числе крупных исследовательских коллективов происходит формирование организационной культуры научной организации.

Можно полагать, что именно специфика научной деятельности обуславливает специфику научной организации и ее культуры. Соответственно специфика науки как особого вида деятельности детерминирует и задает особенности организационной культуры научной организации. Таким образом, выявление характерных черт культуры научной организации в сравнении с культурами организаций, функционирующих в других сферах человеческой деятельности, возможно через выявление специфики самой науки как особого вида специфической творческой деятельности человека, направленной на генерирование, производство новых знаний.

Первым отличием науки, научной деятельности является *цель* деятельности. Так, цель науки – производство новых достоверных знаний об окружающей действительности,

создание научной теории действительности [1, с. 1046]. Таким образом, первой особенностью культуры научной организации является специфическая цель научной деятельности, лежащая в основании деятельности научной организации и конституирующая организационную культуру такой организации.

Вторым отличием научной деятельности является своеобразие ее результата продукта. Продукты научной деятельности (гипотезы, научные идеи, теории, открытия) создаются единично и являются уникальными и неповторимыми. Главный критерий эффективности науки – не материальный эффект, а новизна научного знания [1, с. 1046]. Второй особенностью культуры научной организации является ориентированность на единичность, уникальность, неповторимость результатов деятельности организации и ее членов.

Третье отличие научной деятельности от других видов производства проявляется в специфике инструментов и средств производства. Они носят не материальный, чувственно осязаемый характер, а коренятся в творческих способностях человеческого познающего мышления [1, с. 1046]. Следовательно, третьей особенностью культуры научной организации является ориентация на творческую познавательную продуктивную деятельность.

Четвертое отличие науки заключается в более высокой, чем в других видах деятельности, доле живого труда и гораздо меньшей - овеществленного. Это проявляется в решающей роли кадровых ресурсов в научном потенциале, в значительно большем количестве функций, выполняемых одним человеком, в повышенной требовательности к совокупности его знаний, навыков, особенностям интеллекта [1, с. 1046]. Соответственно четвертая особенность организационной культуры научной организации заключается в ее ориентации на живой труд ученых (научных сотрудников), ориентация на исследователя и его индивидуальные способности.

В рамках научных организаций существует определенная дифференциация и специализация, что позволяет их определенным образом типологизировать. *Первый тип* научных организаций составляют исследовательские учреждения, работающие в системе академической и частично вузовской науки и занимающиеся преимущественно фундаментальными исследованиями, обеспечивающими постоянный приток новых научных идей, постановку новых проблем, поиск путей, средств и методов их разрешения. *Второй тип* научных организаций включает в себя сообщества, проводящие фундаментально-прикладные исследования, чаще всего совмещаемые с преподавательской деятельностью, которые функционируют в системе высшей школы. *Третий тип* научных организаций представлен сообществами, которые осуществляют главным образом прикладные исследования, направленные на решение конкретных проблем и задач. *Четвертый тип* научной организации составляют группы и объединения исследователей и разработчиков новой техники и технологии, работающие непосредственно в сфере материального производства [1, с. 1050].

Тип научной организации является вторым фактором, обуславливающим специфику организационной культуры конкретной научной организации. Если сама специфика научной деятельности задает своеобразие всех научных организаций и своеобразие их культур в сравнении с организациями, функционирующими в других областях деятельности человека, то внутринаучная специфика, обусловленная типом научной организации, задает дополнительные отличительные черты для культуры организации конкретного типа. Следовательно, правомерно выделять типы организационных культур по критерию самих типов научной организации.

Рассматривая культуру научной организации необходимо указать на еще один фактор, детерминирующий ее в общенаучном (в отличие от конкретных типов научной организации) измерении и приближающийся к специфике (во многом обуславливая ее) самой науки как вида деятельности. Таким фактором является «научный этос», сформулированный Р. Мертоном в 1942 году и идентифицирующий сами нормы науки среди других социальных институтов. *Этос науки* по Мертону – это «эмоционально воспринимаемый комплекс правил, предписаний, обычаев, мнений, ценностей и предпосылок, которыми

руководствуется ученый» [1, с. 1050]. Иными словами этос ученого и есть суть организационной культуры научной организации, составляющий ее глубинный уровень. Сформулированный Мертоном этос включал четыре нормы, обозначенные как *«универсализм», «коллективизм», «бескорыстность» и «организованный скептицизм»* (позднее Б. Барбер добавил еще «*рационализм» и «эмоциональную нейтральность»*) [2, с. 97].

Императив *универсализма* порождается внеличностным характером научного знания. Поскольку утверждения науки относятся к объективно существующим явлениям и взаимосвязям, то они универсальны и в том смысле, что они справедливы везде, где имеются аналогичные условия, и в том смысле, что их истинность не зависит от того, кем они высказаны. [3]. *Коллективизм* предписывает ученому незамедлительно передавать плоды своих трудов в общее пользование, то есть сообщать свои открытия другим ученым тотчас после проверки, свободно и без предпочтений [3]. *Бескорыстность* предписывает ученому строить свою деятельность так, как будто кроме постижения истины у него нет никаких других интересов. Императив бескорыстности в наиболее широком толковании утверждает, что для ученого недопустимо приспосабливать свою профессиональную деятельность к целям личной выгоды [3]. *Организованный скептицизм* требует по отношению к любому предмету детального объективного анализа и исключает возможность некритического приятия. Норма скептицизма предписывает ученому подвергать сомнению как свои, так и чужие открытия и выступать с публичной критикой любой работы, если он обнаружил ее ошибочность [3].

Данные нормативные принципы, в сущности, являются формализацией ценностного аспекта организационной культуры, определяя должное и одобряемое поведение ученого и определяя неприемлемое и неодобрямое поведение. Таким образом, научный этос (а также девять пар нормативных принципов) является ценностным основанием, которое, в узком смысле, обуславливает специфику ценностной компоненты культуры научной организации, а в широком – определяет своеобразие всей организационной культуры научного учреждения.

Рассмотрев специфику культуры научной организации и факторы, ее детерминирующие, полагая этос науки как смыслообразующее, ценностное ядро культуры любой организации, занимающейся научной деятельностью, можно определить культуру научной организации следующим образом. *Культура научной организации* – это система ценностей, норм, правил, предписаний, обычаев, мнений и предпосылок, которые существуют (доминируют) в научной организации, а также основывающиеся на данной системе модели организационного поведения, организационный стиль и устройство организационного пространства. Необходимо также учитывать, что в рамках социологии возможно определение культуры научной организации в макро- микросоциологических парадигмах, а также в рамках десяти типологических подходов к анализу культуры.

Библиографический список

1. Бабосов, Е. М. Социология науки / Е. М. Бабосов // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Интерпрессервис, 2003. – С. 1045–1051.
2. Бабосов, Е. М. Социология науки / Е. М. Бабосов. – Мн.: Харвест, 2009. – 224 с.
3. Мирская, Е. З., Р. Мертон и этос классической науки / Е. З. Мирская // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – М.: ИФ РАН, 2005.
4. Степин, В. С. Наука / В. С. Степин // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Интерпрессервис, 2003. – С. 612–614.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ОЦЕНКАХ АСПИРАНТОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ

О. Г. Ворошень,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Особенно актуальными в настоящее время являются вопросы привлечения молодежи в науку, поскольку приток и закрепление молодых квалифицированных кадров в науке необходимое условие для воспроизводства ее кадрового потенциала. Важным для совершенствования воспроизводственных процессов в науке является учет мнений и оценок, которые молодые ученые дают своему положению в науке, в частности по проблемам социально-экономического характера, с которыми они сталкиваются.

Исследование, проведенное сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров Института социологии НАН Беларуси позволило выявить мнения и оценки аспирантов относительно своего материального положения.

В результате проведенного в 2013 году сплошного анкетного опроса были получены ответы от 262 аспирантов дневной формы обучения научных организаций НАН Беларуси, расположенных в г. Минске.

Отвечая на вопрос «Как бы Вы оценили свое материальное положение?», 7,4 % аспирантов отметили, что оценивают его как очень хорошее или скорее хорошее. Почти половина опрошенных (43,2 %) полагают, что их материальное положение среднее, не хуже и не лучше, чем у других. В то же время чуть больше трети аспирантов (35,1 %) констатируют, что их достаток скорее плохой, а 9,3 % – очень плохой.

Аспиранты разных лет обучения дают различные оценки своему материальному положению. Так, среди аспирантов третьего года обучения ниже доля опрошенных, оценивающих свое материальное положение как среднее, и выше доля аспирантов, рассматривающих свой достаток как скорее хороший. В то же время среди аспирантов первого года обучения преобладают респонденты со средним уровнем достатка (56,9 %).

Выявлены также различия в оценке своего материального положения среди аспирантов-мужчин и аспирантов-женщин. Среди женщин выше доля аспирантов со средним достатком (45,3 %) по сравнению с мужчинами (40,3 %). «Скорее плохое» – такой ответ чаще дают женщины (38 %), чем мужчины (31,9 %).

Анализ данных позволил выявить различия в оценке своего материального положения среди аспирантов, изучающих разные науки. Чуть меньше половины аспирантов, представляющих естественные, технические, общественные и гуманитарные науки, считают свой достаток средним, не хуже и не лучше, чем у других сограждан. Наиболее низкие оценки своему материальному положению дали представители сельскохозяйственных наук. Среди них половина опрошенных считает свой достаток скорее плохим, в то время как среди остальных аспирантов такую оценку своему материальному положению дали только треть опрошенных.

Сравнение своего материального положения с положением остальных сограждан дополняет картину. Аспирантам было предложено ответить на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали свое материальное положение по сравнению с другими?»

Большинство опрошенных (42,2 %) констатируют, что их материальное положение такое же, как и у других сограждан, 25,6 % опрошенных полагают, что хуже, чем у других. Только 3,9 % респондентов высказали мнение, что их материальное положение лучше, чем у других сограждан.

Сравнивая свое материальное положение, мужчины и женщины проявляют себя по-разному. Среди мужчин выше доля аспирантов, которые характеризуют свое материальное положение как такое же, как у других сограждан (45,8 %). Среди аспирантов мужчин также выше доля респондентов, которые полагают, что их благосостояние хуже, чем у других сограждан (33,3 %).

Аспиранты, представляющие разные науки, также по-разному оценивают свое материальное положение по сравнению с другими. Так среди гуманитариев отмечается самая высокая доля респондентов, которые считают, что их материальное положение лучше, чем у других сограждан (7,8 %) (таблица 1).

Таблица 1. **Оценка аспирантами своего материального положения**

Как бы Вы охарактеризовали свое материальное положение по сравнению с другими?	Естественные науки	Технические науки	Общественные и гуманитарные науки	Сельскохозяйственные науки	Всего
Лучше, чем у других сограждан	2,9	1,6	**7,8**	3,8	3,9
Такое же, как у других сограждан	**49,5**	37,1	42,2	38,5	42,2
Хуже, чем у других сограждан	22,8	**29**	21,9	23,1	25,6
Затрудняюсь ответить	24,8	32,3	28,1	34,6	28,3
Всего	100	100	100	100	100

Среди представителей естественных наук выше доля аспирантов, которые оценивают свое материальное положение, как такое же, как у остальных сограждан (49,5 %). Среди аспирантов, изучающих технические науки, выше доля лиц, характеризующих свое материальное положение хуже, чем у других сограждан (29 %).

Также более пессимистичны в оценках своего благосостояния аспиранты второго и третьего лет обучения. Сравнивая свой доход с другими, они чаще дают такую оценку своему материальному положению, как «хуже, чем у других сограждан».

Таким образом, оценки материального положения аспирантов неоднородны. Половина аспирантов рассматривают его как среднее либо хорошее. Но все же наблюдается перевес оценок в сторону «плохого» материального положения: 44,4 % опрошенных оценили его как скорее плохое либо очень плохое. Более пессимистичные оценки характерны для аспирантов второго и третьего лет обучения, аспирантов-женщин, представителей сельскохозяйственных наук.

Аспиранты были опрошены с целью, выявить основные источники средств, за счет которых они живут (таблица 2).

Таблица 2. **Основные источники дохода аспирантов**

Основные источники дохода	%
Стипендия	94,3
Заработная плата за работу по совместительству в научной организации, где проходит аспирантская подготовка	54
Материально поддерживают родители	27,6
Грант (НАН Беларуси) для проведения исследований по теме аспирантской диссертации	10,7
Участие в хоздоговорной тематике	9,6
Работа в коммерческой структуре	6,6
Оказание услуг населению, не связанных с основной деятельностью (ремонт, строительство, перевозки и т.д.)	6,5
Репетиторство	5,7
Грант БРФФИ	4,7
Заработная плата за преподавательскую деятельность	4,2
Зарубежный грант	1,2
Другое	7,8

Анализ полученных данных показал, что основным источником дохода аспирантов является стипендия (94,3 %). Помимо стипендии существенную роль среди источников дохода играет заработная плата за работу по совместительству (54 %), а также материальная поддержка родственников (27,6 %). Десятой части опрошенных доступны такие способы дополнительного заработка как получение гранта НАН Беларуси для проведения исследований по теме аспирантской диссертации (10,7 %), участие в хоздоговорной тематике (9,6 %).

Следует отметить, что вторичная занятость большинства аспирантов лежит в научной сфере. Кроме того, некоторые аспиранты занимаются деятельностью, не имеющей прямого отношения к научно-исследовательской, но которая близка к их будущей профессиональной деятельности. Речь идет о преподавании и репетиторстве, которыми занимаются 4,2 % и 5,7 аспирантов соответственно.

Часть аспирантов располагают доходами, не связанными с основной сферой их деятельности и не имеющими прямого отношения к науке. 6,6 % аспирантов работают в коммерческих структурах и столько же опрошенных занимаются оказанием услуг населению (ремонт, строительство, перевозки и т.д.).

Следует также отметить, что только на стипендию живет приблизительно пятая часть аспирантов (17,7 %). Доходы же большинства аспирантов этим не ограничиваются. Так, стипендия составляет половину дохода у 30,3 % опрошенных, две трети – у 38,6 % аспирантов. Доля аспирантов, для которых стипендия составляет менее трети среднего месячного дохода, равна 8,3 %.

Следует отметить и такой момент, как поиск работы за границей аспирантами. 13,2 % аспирантов признались, что предпринимают ряд действия для поиска работы за границей. Среди аспирантов, занятых поиском работы за рубежом, несколько выше доля опрошенных первого года обучения по сравнению со старшими курсами. Более активно занимаются поиском работы за пределами нашей страны мужчины (16,8 %) в отличие от женщин (8,8 %), а также аспиранты, представляющие технические, общественные и гуманитарные, естественные науки.

Проведенное исследование позволило изучить мнение аспирантов относительно своего материального положения. Неудовлетворенность своим материальным положением части аспирантов побуждает их к поиску дополнительных источников дохода, а также заставляет молодых людей задуматься о дальнейших профессиональных планах, и как следствие, может помешать аспирантам продолжить свой путь в науке. В этой связи совершенствование мер по улучшению социально-экономического положения аспирантов послужит стимулом для закрепления молодых ученых в науке.

ПОЛОЖЕНИЕ О ПРИСУЖДЕНИИ УЧЁНЫХ СТЕПЕНЕЙ В РОССИИ (2013): ПРОБЕЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕДУРЫ ОЦЕНКИ ДИССЕРТАЦИЙ

А. Н. Якушев,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Адыгейский филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Республика Адыгея, г. Майкоп, yakushevan@yandex.ru

Председатель экспертного совета по праву ВАК И. М. Мацкевич считает, что основным недостатком деятельности диссоветов является невозможность выполнения ими высоких требований Положений о присуждении учёных степеней и о диссертационном совете [далее по тексту – Положение]. А если эти требования в Положении? К огромному сожалению, нет. Почему?

Требования к научным результатам диссертаций. В соответствии с п. 9 Положения диссертации должны иметь научные результаты в виде: *докторские:* научного дости-

жения, решения проблемы и изложения научно обоснованных решений; *кандидатские:* решения задач и изложения научно обоснованных решений.

При этом, какими должны быть объём содержания и форма научного результата, а в нём научного достижения, отдельно в докторской и отдельно в кандидатской диссертации, нормой права не оговаривается? К тому же законодатель не видит разницы между научным результатом и научным достижением, что свидетельствует о его непонимании сущности понятий, о его заблуждении.

Глаголы «разработа**ны**», «реше**ны**» и «изложе**ны**» – это исследовательские действия, указывающие лишь на их завершение, но не на научные результаты, выраженные в показателях, которые должны быть получены в итоге этих действий. Закономерно возникает вопрос: какие научные результаты на эмпирическом и теоретическом уровнях должны быть получены соискателями учёных степеней в результате решения проблем и задач, изложения научно обоснованных решений? Нет их, они отсутствуют.

Кроме того, Положением не установлены требования *к научным результатам* и *научным достижениям* докторской диссертации. Законодатель заблуждается, думая о том, что они соответствуют друг другу. Однако, это не так. Научные результаты – это итог решения задач диссертационного исследования, а *научное достижение* – это *итог сравнения* полученных научных результатов с *предшествующими научными достижениями* по решению аналогичных задач, которые на момент сравнения являются новыми, наконец, – это *положительная разница* между ними. Единственный случай, когда полученный научный результат соответствует научному достижению, если он получен впервые и полностью является новым. Но это происходит очень редко. Какие же требования предъявляются Положением к научным результатам и научным достижениям докторской диссертации? Опять, уже в который раз, мы не находим ответа. Поэтому, циничным и ложным является название второго раздела Положения: «Критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание учёных степеней». Ведь Положением не установлены *ни количественные, ни качественные показатели критериев оценки диссертаций* отдельно на учёную степень доктора наук и отдельно на учёную степень кандидата наук. Такое словосочетание как «научное достижение» вы не найдёте в пп. 10, 25, 32, 44 Положения об учёных степенях (2013), в «Заключении диссертационного совета по диссертации» (приложение № 4 к Положению о диссовете) (2014), в п. 3 Положения об экспертном совете ВАК (2013), ни в одном отзыве официального оппонента, ни в одном заключении диссертационного и экспертного советов ВАК. Как правило они подменяются такими словосочетаниями, как: «новые научные результаты и положения» (абз. 1 п. 10), «личный вклад автора диссертации в проведённое исследование» (абз. 1 п. 10, абз. 3 п. 25), «наиболее существенные научные результаты, полученные лично соискателем учёной степени» (абз. 2 п. 32), «новизна научных результатов» (абз. 2 п. 32). Но ведь они не соответствуют сущности понятия «научное достижение». Невольно возникает и ещё один вопрос: а с помощью каких объективных критериев, кроме субъективного мнения оппонентов-экспертов, вы будете оценивать? Является ли их мнения новыми научными достижениями по решению аналогичных задач исследования на момент сравнения? Как правило, нет. Каким *научным достижениям* должны соответствовать диссертации? В очередной раз мы так и не находим ответа на этот вопрос.

С 1934 года по настоящее время законодатель так и не определился с критериями научных результатов и научных достижений, которые должны быть получены и представлены соискателями в диссертациях.

Парадокс данной нормы права состоит ещё и в том, что если полученные и требуемые Положением научные результаты будут соответствовать друг другу, то они не являются новыми, так как уже ранее получены другим учёным и известны науке. Налицо повторение, либо компиляция, либо плагиат, за которые в России присуждают ещё и учёные степени. В данном случае нельзя говорить о приоритете полученных научных результатов диссертации в научной специальности. Поэтому п. 9 Положения является ложной право-

вой нормой. Как нам кажется, законодатель делает это либо умышленно, либо по непониманию, либо по аналогии с предыдущими Положениями об учёных степенях. Но, почему от этого должны страдать соискатели учёных степеней, а также и лица, оценивающие показатели научных результатов диссертаций?

Критерии оценки диссертаций. Если в установлении показателей научных результатов, законодатель хоть как-то двигался вперёд путём проб и ошибок, то разработкой *критериев оценки диссертаций* он вообще никогда не занимался и имеет ложное представление о них. А ведь их отсутствие или подмена ведёт к необъективной, а порой и противоположной оценке. От этого страдают соискатели, государство и общество.

Из словарей иностранных слов мы знаем, что «критерий – это признак, на основании которого производится оценка». Одним из основных требований к диссертациям является их оценка, которую невозможно провести, если не будут *нормативно установлены объективные критерии оценки*. Заметьте, оценка (сравнение), а не экспертиза (исследование) и не анализ (разложение целого на части) структуры и содержания текстов диссертаций. Среди них: критерии оценки самостоятельности написания (выполнения) диссертации; критерии оценки внутреннего единства диссертации; критерии научных результатов диссертаций; критерии оценки научных результатов диссертаций; критерии оценки новизны (приоритета) научных результатов диссертаций, их уровней; критерии оценки аргументирования научных достижений диссертаций, их уровней; критерии оценки значения научных достижений диссертаций, их уровней; критерии оценки использования научных достижений, их уровней; критерии оценки опубликования (доведения до третьих лиц) научных достижений, их уровней; критерии оценки оригинальности текста диссертации; критерии оценки документов, приравниваемых к публикациям диссертаций; критерии оценки отображения библиографических сведений о цитируемых, рассматриваемых и упоминаемых в тексте диссертаций документах и произведениях литературы.

Действующее Положение, как и предыдущие, ни словом не упоминает о критериях оценки диссертаций. Уповает на мнения официальных и неофициальных оппонентов, членов диссертационных и экспертных советов ВАК, членов президиума ВАК о содержании и структуре диссертации, о положениях, выносимых на защиту. Но ведь это в корне неверно и ошибочно. В правоприменительной и судебной практике критерии оценки диссертаций подменяются «личными знаниями» и «внутренними убеждениями» оппонентов-экспертов о ней. Но ведь они должны основываться на фактах, а не на индивидуальных и личных предпочтениях, мнениях или суждениях? А, если их личные знания только на посредственно-удовлетворительном уровне, а если им диссертации написали другие учёные, а не они сами, а если их внутренние убеждения осознанно корыстные? Что тогда делать? К тому же, абз. 3 п. 10 Положения, требует от оппонентов-экспертов сравнивать «предложенные автором диссертации решения … с другими известными решениями», что систематически не выполняется. Заметьте, сравнивать, с целью установления имеются или отсутствуют научные достижения, представленные в диссертации, а не высказывать субъективное мнение о ней ничего не объясняя. В вопросе знаний о критерии оценки диссертации мы пока ещё в средневековье. Гордиться нечем. Осознание проблемы ни ВАКом, ни Минобрнауки России, ни Правительством Российской Федерации пока ещё не произошло. И когда это будет, лет через 700? Появление первого доктора права в Западной Европе датируется началом XII в., в Российской империи – началом XIX в.

Нас особенно удивляет тот факт, что база данных развития спортивных достижений по отдельным видам спорта есть, а базы данных развития научных достижений по отдельным научным специальностям нет. Например, мы за 19 лет собрали базу данных разработки, развития и реализации нормативных правовых актов в сфере присуждения учёных степеней в России почти за 250. В Высшей аттестационной комиссии она отсутствует. А ведь это её «вотчина». И «негоже не знать свою историю».

По аналогии со спортивным достижением, мы впервые в России за период с 1764 по 2014 год пришли к выводу о том, что *критерием оценки* научных результатов диссер-

таций является *предшествующее научное достижение по решению аналогичной задачи*, полученное ранее другим учёным, либо оппонентом-экспертом, либо самим соискателем, которое на момент сравнения является *новым*. *Установление* оппонентами-экспертами предшествующего научного достижения, освобождает их от подмены объективных критериев оценки на их субъективные мнения, делает бессмысленным направление диссертации «на дополнительное заключение в другой диссертационный совет» (абз. 2 п. 46 Положения), наконец, приглашение соискателя учёной степени «на заседание Комиссии для подтверждения самостоятельности выполнения диссертации, уточнения содержащихся в ней новых научных результатов, а также личного вклада автора диссертации в науку» (абз. 1 п. 47 Положения). Неужели предшествующее научное достижение по решению аналогичной задачи как-то измениться, если направить диссертацию в другой диссовет на дополнительное заключение, или, если пригласить соискателя учёной степени на заседание экспертного совета ВАК, или рассмотреть его диссертацию членами экспертного совета или президиума ВАК. Да нет же. Из вышеприведённых правовых норм следует, что критериями оценки диссертаций в ВАКе являются «абстрактно-субъективное мнение членов другого диссертационного совета о диссертации», «знания соискателем сущности и содержания своей диссертации», наконец, «мнения членов экспертного совета и президиума ВАК о диссертации», что в корне неверно. Ведь, как правило, они не являются авторами и носителями научных достижений, которые на момент сравнения являются новыми.

Поучительным для нас является установление законодателем критериев оценки знаний предметов испытаний в Российской империи. В соответствии с «Положением об испытаниях на учёные степени» (1837): «От удостоиваемого в степень кандидата требуется *знание* предметов полное и систематически стройное *по руководствам*, признанным за лучшие и одобренным для университетского преподавания». Как видите, законодатель в качестве критерия оценки знаний испытуемых на степень кандидата признаёт и устанавливает *не профессоров* с их всесторонними и глубокими знаниями и умениями, *а руководства*, признанные факультетскими собраниями того или иного университета как *лучшие,* которые они должны использовать в преподавании, учении и в оценке знаний предметов испытаний.

Теперь давайте внимательно посмотрим на содержание текстов отзывов и заключений оппонентов-экспертов о диссертациях. В них вы не найдёте с какими же предшествующими научными достижениями сравнивались научные результаты диссертации. Словоблудие, да и только, не имеющее никакого отношения к оценке научных результатов диссертаций.

Основатель нашей научной школы Г. Г. Кричевский потратил почти 50 лет на составление каталога магистерских и докторских диссертаций, защищённых в университетах Российской империи на историко-филологических, физико-математических, восточных языков, юридических и медицинских факультетах. Сколько же столетий нам понадобиться, чтобы создать базу данных содержания и форм новых научных достижений в их развитии по проблемам, темам, научным специальностям и отраслям науки? Её наличие позволило бы нам полностью отказаться от официальных оппонентов, ведущей организации, диссертационных и экспертных советов ВАК. Наконец, наступила бы справедливость в объективной оценке научных результатов диссертаций, не взирая на личности. Всё сказанное свидетельствует лишь об одном, предшествующее *новое научное достижение* по решению аналогичной задачи, как критерий оценки научных результатов диссертации, подменяется «личными» не всегда глубокими «знаниями» и не всегда бескорыстными «внутренними убеждениями» оппонентов-экспертов.

Положением также не установлены *критерии оценки* уровней в виде требований к аргументированию, значению и использованию научных достижений диссертаций. А следовало бы законодателю и их определить. В этой связи естественно возникает ещё ряд вопросов, связанных с требованиями: какие аргументы и сколько необходимы для обоснования точности, бесспорности, правильности, подлинности, фактичности, всесторонности,

полноты, объективности, достаточности и проверяемой оценки научных достижений диссертаций; какие научные достижения диссертаций и сколько необходимы для отнесения их к важным, значительным и существенным, которые имеют особое значение «для развития страны» и «соответствующей отрасли знаний»; какие научные достижения диссертаций и сколько необходимы для обоснования масштабов и объёмов их использования и внедрения в политическую, экономическую, социальную, правовую, образовательную, научную, культурную, издательскую, информационную и иную деятельность; при подготовке научных кадров; при создании баз данных правотворческой и правоприменительной деятельности; при создании баз данных содержания и форм новых научных достижений по научным специальностям и отраслям науки; перспективности использования научных достижений в дальнейших исследованиях; масштабов извлечения материальной, экономической, финансовой и идеологической выгоды?

Таким образом, Положением вообще не установлены *требования к критериям оценки диссертаций* (т.е. не с чем сравнивать). Предшествующее научное достижение как объективный критерий оценки диссертации подменяется субъективным мнением оппонентов-экспертов о диссертации. Отсутствие в Положении установленных критериев оценки научных результатов диссертаций, свидетельствует лишь об одном: о невозможности выявить имеются или отсутствуют в диссертациях научные достижения.

Процедура оценки диссертаций предполагает *сравнение показателей научных результатов* с *критериями* их *оценки,* о которых мы писали выше. Основная функция оппонентов-экспертов – это провести сравнение, и всё. Что с чем? Показатели диссертации необходимо сравнить с объективными критериями оценки. Для установления имеется или отсутствуют научные достижения в научных результатах диссертации, необходимо: определить показатели научных результатов; указать критерии оценки, которые должны выступать как предшествующие *новые научные достижения* по решению аналогичных задач, представленные учёными или авторами в диссертациях, монографиях, научных статьях, материалах научных конференций и симпозиумов, наконец, в базе данных научных достижений той или иной научной специальности и отрасли науки, и как *уровни требований* к самостоятельности выполнения и целостности диссертации, аргументированию, значению, использованию и опубликованию научных достижений диссертаций, как требования к отображению библиографических сведений о цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте диссертаций источниках и произведениях литературы; провести *сравнение* показателей научных результатов с объективными критериями их оценки *посредством вычитания*; констатировать: имеется ли в результате сравнения положительная разница; имеются ли в полученных научных результатах научные достижения, или нет; соответствуют ли они и другим требованиям, предъявляемым к диссертации? Прописана ли такая процедура оценки научных результатов диссертаций в действующем Положении. К огромному сожалению – нет. По нашему глубокому убеждению, основные функции оппонентов-экспертов – это определить, установить, указать, сравнить, вычесть и констатировать имеется или отсутствует научное достижение в представленной диссертации, а не высказывать свои субъективные мнения о ней, не сравнивая с объективными критериями оценки, т.е. предшествующими научными достижениями по решению аналогичных задач, являющихся на момент сравнения новыми.

Отсутствие нормативно установленной совокупности, последовательности и технологии действий оценки научных результатов диссертаций приводит к ложным выводам, делает бессмысленным обращение соискателей учёных степеней с апелляциями *в диссертационный совет, в экспертный совет* и *президиум ВАК, в Министерство образования и науки Российской Федерации*, наконец, *в суд общей юрисдикции* (гл. 25, ст. 254–258 ГПК РФ), рассматривающего дела, связанные только с *процедурными нарушениями, а процедура оценки научных результатов Положением то не установлена*. Как следствие, игнорируются принцип объективности в оценке диссертаций и ст. 46 Конституции Российской Федерации: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». А ведь, в соот-

ветствии со ст. 1 Конституции Российская Федерация, Россия – есть правовое государство.

Итоги оценки диссертаций. Главным итогом оценки диссертаций должно быть установление: имеются или отсутствуют научные достижения в научных результатах, представленных к защите диссертаций? Если оппоненты-эксперты установили, что научные результаты диссертации не соответствуют критериям, которым они должны отвечать, то есть они получены *ранее другими учёными и опубликованы в печати*, в таком случае им необходимо в отзывах и заключениях привести следующую информацию: кто автор предшествующего научного достижения; раскрыть содержание, сущность и форму предшествующего научного достижения; указать издание и год, когда предшествующее научное достижение впервые было опубликовано и доведено до третьих лиц, тем самым, объясняя своё отрицательное решение. Заметьте, объясняя, то есть отвечая на вопросы – почему, а не воспроизведя норму Положения, занимаясь тавтологией, «о несоответствии диссертации критериям, которым должны они отвечать»? Но ведь, критерии кандидатской и докторской диссертаций, а также объективные критерии их оценки Положением не установлены.

Поэтому в период с 1934 по 2015 год Высшая аттестационная комиссия и Министерство образования и науки Российской Федерации присуждали и присуждают учёные степени, за диссертации, в которых научные результаты не оценены и не установлены имеются или отсутствуют в них научные достижения, тем самым грубо нарушались и нарушаются отдельные нормы Положений об учёных степенях, утверждённых Правительством Российской Федерации в редакциях 1994, 2002, 2006, 2011 и 2013 годов. На этом фоне нарушения, выявленные в Московском государственном педагогическом университете, являются мизерными и ничтожными, даже при том, что объективная оценка научных результатов в диссертациях, подвергшихся контролю, не проводилась.

Проблема, поднятая нами, имеет место и в Республике Беларусь. Её решение, мы предлагаем в данной статье.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ К ВОСПИТАНИЮ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

В. Таргамадзе,
хабилитированный доктор социальных наук (эдукология), профессор,
Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва
В. Гринцявичене,
доктор социальных наук (эдукология), профессор,
Литовский эдукологический университет, Вильнюс, Литва

Современное молодое поколение характеризуют по-разному, но вне зависимости от того, называют ли его поколением Z, или цифровым, оно обладает определенным своеобразием по сравнению с другими поколениями. Объектом данной работы является молодое поколение с дидактической точки зрения, целью – моделирование направлений подготовки педагогов на основе особенностей нового поколения. Для осуществления данной цели были использованы наблюдения из исследований разных авторов. В статье не только выявляются особенности данного поколения, но и обсуждаются направления подготовки педагогов, выявленные в контексте современного образования, обращается внимание на использование Проектной дидактической системы в качестве инструмента для совершенствования педагогической деятельности.

Основные особенности нового поколения с дидактической точки зрения. Учитывая, что молодое поколение тесно связано с технологиями и много времени проводит в

виртуальной среде, необходимо погрузиться в его (молодого поколения) коммуникативные компетенции. Следует обратить внимание на наблюдения П. Печюляускене [3, С. 67–68], изучавшей межличностную коммуникативную компетенцию (МКК) учеников, родившихся после 1995 г. Автор опирается на результаты проведенного в 2012 г. национального исследования достижений в обучении учеников 8-ых классов, в котором анализировалась связь достижений учеников с различными образовательными и окружающими факторами. Она установила, что «ученики поколения Z способны оказывать близким помощь технологического содержания, так как сами хорошо владеют технологиями» [3, с. 80]. Это значит, что данное поколение способно обучить старших использованию технологий. Это подтверждает и утверждение А. Кросс-Байстром [1] о том, что данное поколение разбирается в технологиях и способно научить этому других. П. Печюляускене, основываясь на вышеупомянутом исследовании, приходит к выводу, что способность подростков поколения Z (учеников восьмого класса) к успешному общению со взрослыми можно считать исключительной чертой данного поколения. Такой вывод сделан П. Печюляускене на основе ответов учеников из проанализированного ею исследования. Но это вступает в полный контраст с ответами учителей, представленными в проведенном В. Таргамадзе в 2014–2015 гг. исследовании [5]. Из его результатов выясняется очевидная проблема в общении между педагогами и учениками, которую информанты озвучивают по-разному: «чувствуется неуважение в разговоре с учителем», «имеет свое мнение и совершенно не обращает внимания на учителя, его не слушает, не уважает» и т. д. Причины возникновения проблемы могут быть самыми разными (неуважительные отношения, разница в ценностях, формах общения и др.), однако это предполагает вывод, что педагогам следует учиться общению с данным поколением – они должны развивать межличностную коммуникативную компетенцию.

Поколение Z характеризуется также и как особо активное, выполняющее несколько видов деятельности одновременно, особенно активно оно в виртуальном пространстве, при общении в социальных сетях. По утверждению Дж. Палфри и У. Гассера [2] приблизительно 41 % пользователей социальной сети Facebook утверждают, что они готовы предоставить информацию о себе, а также сами ищут данные о других в виртуальном пространстве.

Можно выделить и другие особенности нового поколения: склонность к социальному аутизму, потребительство, игнорирование общественных норм и правил, проявления индивидуализма, беспокойство и прочее [4]. Учителю следовало бы более углубленно изучить эти особенности и уметь поставить в педагогическом взаимодействии между воспитателем и воспитуемым цели развития и саморазвития как для себя, так и для воспитуемого.

*Ориентиры педагогической деятельности в контексте уровней образования***.** Учитель действует в определенной образовательной реальности. Поэтому он должен очень четко следовать целям образования, оценивая образовательную действительность, которую условно можно разделить на пять уровней:

1. Социетарный (концепция просвещения, модели, законы и исполнительные документы) – на нем следует выяснить, создают ли документы возможность для проектирования педагогической системы именно для поколения Z (возможности персонализации образования, организация гибкого образования, возможности использования реальной и виртуальной среды, организация мобильных групп и т. д.).

2. Системный (конструирование системы просвещения и ее систем – дошкольного, начального школьного образования, общего образования, профессионального образования, высшего образования и прочих – а также структурных элементов каждой системы, к примеру, общего образования: начальной, основной, средней школы и их типов) – знакомство с разными типами школ, возможностями альтернативного (само)образования и, в случае необходимости, возможность рекомендации другой, более приемлемой для ученика системы (само)образования. Необходимо консультироваться со специалистами, оказы-

вающими помощь в вопросах просвещения, родителями (опекунами), детьми. Ребенок поколения Z может создавать впечатление гиперактивного, может показаться, что он неспособен сосредоточить внимание, хотя возможно, что он просто выполняет одновременно несколько действий и т. д., поэтому и создается такое впечатление.

3. Институциональный (конкретная организация – детский сад, школа и т. д.) – создание подходящей для детей среды (само)образования. Следует помнить, что эти дети много времени проводят в виртуальной среде, общаются в социальных сетях, однако не всегда понимают, чем отличается общение в данных средах. Они могут «прямо в лоб» выражать свои мысли, игнорировать социальные нормы и правила и т. д. Нужно создавать школьную культуру, в которой не могли бы развиваться двойные стандарты поведения, не игнорировалась бы личность ученика; учитывая, что для учеников поколения Z нередко затруднена самоидентификация (в виртуальном пространстве они нередко меняют идентичность), необходимо помогать им адекватно осознавать свою роль в школе, обществе, ее нормы и правила, учиться социально позитивной деятельности.

4. Интерперсональный (образовательное (педагогическое) взаимодействие педагога и ученика) – проектирование педагогического взаимодействия с учетом характерных черт ученика поколения Z, следует идентифицировать особенности конкретного ученика, особенно не забыть особенности мотивации, чтения и восприятия текста Новым поколением, дидактических принципов и т. д. Взаимодействие должно быть персонализированным, через сочетание дифференциации и индивидуализации образования, через поиск подходящей для ученика стратегии (само)образования. Необходим учет педагогических и психологических факторов, оказывающих влияние на (само)образование ребенка. Найти специфику стимулирования ребенка к учебе, основываться на обучающей парадигме (она будет обсуждаться позже), не забывать, что для поколения Z характерен прагматизм, своеобразная интерпретация ценностей, поэтому образование нужно базировать на правильном методологическом подходе. Особенно важно правильно определить цели и задачи (само)образования ученика и создать Проектную дидактическую систему, выделяя следующие ее этапы: 1) Формулирования дидактических целей (дидактические цели формулируются с учетом оценки философии, целей образования и своеобразия обучаемого, они формулируются в педагогическом взаимодействии учителя и ученика); 2) Моделирования принципов дидактической системы (при формулировании принципов важно согласовать философию образования, дидактическую теорию и действительность образования); 3) Конструирования дидактической системы и проверки ее пригодности для конкретного ученика (дидактическая система состоит из определенных элементов: дидактическая (-ие) цель (-и), формулируемые в триаде (учащийся, педагог, цель) и поиск средств (соответствующего содержания, методов, форм) для осуществления этих целей, не забывая и о среде, в которой функционирует дидактическая система); 4) Осуществления дидактической системы (при осуществлении дидактической системы важно опираться на проективное управление, во избежание максимального количества затруднений, если они не идентифицированы, их выявить и удалить, либо нейтрализовать); 5) Этап наблюдения за формулированием и осуществлением дидактических целей.

5. Интраперсональный (внутриличностный уровень) – понять феномен ребенка и идентифицировать его потенциальные возможности в (само)образовании, особенно учитывая особенности обучения поколения Z, например, преобладание петельного чтения, большую активность, беспокойство и т. д. Поиск подходящих способов для (само)развития компетенций ребенка и проверки их наличия.

Итак, новое поколение тесно связано с технологиями, которые оказывают воздействие на их мышление, грамотность, специфику обучения и другие качества, поэтому следует понять своеобразие этого поколения и свою педагогическую деятельность основывать на полноценном педагогическом взаимодействии, оценивая пять уровней образования (социетарный, системный, институциональный, интерперсональный, интраперсональный) и использовать их возможности для формулирования и достижения целей образова-

ния и самообразования как ученика, так и педагога.

Для достижения поставленных целей образования и самообразования участников педагогического взаимодействия возможно использование в качестве инструмента Проектной дидактической системы. На каждом из этапов этой системы (формулирования дидактических целей, моделирования принципов дидактической системы, конструирования дидактической системы и проверки ее пригодности для конкретного ученика, осуществления дидактической системы, наблюдения за формулированием и осуществлением дидактических целей) следует оценить индивидуальность ученика, смоделировать дидактические цели, основываясь на системном, процессуальном и ситуационном подходах.

Библиографический список

1. Cross–Bystrom A.(2010) What isyou need to know about Generation Z . – [Режим доступа через интернет: http://www.imediaconnection.com/content/27425.asp>. – Дата просмотра: 2014 07 05].
2. Палфри, Дж., Гассер У. (2011) Дети цифровой эры. – Москва: Эксмо.
3. Pečiuliauskienė P.(2015) Naujosios (Z) kartos mokinių tarpasmeninės komunikacijos gebėjimų turinio ir struktūros pagrindimas// Naujoji (Z) karta – prarastoji ar dar neatrastoji? : naujosios (Z) kartos vaiko mokymosi procesų esminių aspektų identifikavimas.- Šiauliai: Titnagas. – P.67 – 88.
4. Targamadzė, V.(2015 A) Naujosios (Z) kartos charakteristika ir didaktinių principų įžvalga. Z kartos Mokinių charakteristika ir jos mokymo(si) didaktiniai principai// Naujoji (Z) karta – prarastoji ar dar neatrastoji? : naujosios (Z) kartos vaiko mokymosi procesų esminių aspektų identifikavimas.- Šiauliai: Titnagas. – P. 7–26.
5. Targamadzė, V., Girdzijauskienė S., Šimelionienė A., Pečiuliauskienė P., Nauckūnaitė Z. (2015 B) Naujoji (Z) karta – prarastoji ar dar neatrastoji? : naujosios (Z) kartos vaiko mokymosi procesų esminių aspektų identifikavimas.- Šiauliai: Titnagas.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

С. Л. Яблочников,

доктор педагогических наук, профессор, Академия права и управления ФСИН, г. Рязань

И. О. Яблочникова,

кандидат педагогических наук, Институт высшего образования НАПН Украины, г. Киев

Процессы познания невозможно остановить, как, в прочем, и эволюцию концепций, принципов и методов, технологий и средств обучения. Поэтому, активный поиск эффективных путей такой эволюции – весьма актуальная проблема. В свою очередь, достичь успеха в осуществлении подобного поиска не возможно без проведения тщательного анализа и всестороннего изучения опыта коллег из других стран, с целью разумного заимствования имеющихся в наличии в образовательной деятельности позитивных моментов.

В связи с отмеченным выше, научно-педагогическому сообществу постсоветских стран для реформирования и модернизации сферы образования весьма интересны инновации и соответствующие достижения зарубежных коллег, работающих в высших учебных заведениях стран Европы и мира в целом. Наибольший интерес для отечественных педагогов-исследователей представляют подходы в решении вопросов, касающихся формирования профессиональной компетентности специалистов с высшим образованием.

Не является секретом то, что уровень профессиональной подготовки персонала – залог успеха в реализации любых видов реформ и в достижении поставленных перед государством и обществом целей. В частности, отмеченное выше вполне справедливо для

процессов подготовки в вузах экономистов и финансистов, как профессионалов, обеспечивающих устойчивую платежеспособность и непрерывное развитие бизнес-структур, производственных предприятий, а также финансовой, экономической и налоговой систем. Ныне, в условиях экономического кризиса, эти вопросы приобретают особую актуальность.

Реально сдвинуть с места, накопившиеся проблемы, по нашему мнению, возможно, однако не путем проведения бесконечных дискуссий на тему практической реализации реформ в образовании, а осуществления непрерывного научного и педагогического поиска адекватных путей позитивного изменения ситуации в образовательной сфере. К сожалению, для качественного преломления нынешнего хода событий и достижения необходимых результатов явно недостаточно усилий лишь представителей педагогического сообщества.

В государстве и обществе должно созреть глубокое понимание того, что большинство существующих ныне проблем во всех сферах социальных и экономических отношений – производная от процессов в образовательной сфере. Соответственно, адекватно инвестируя в образование с минимальной долей риска вполне возможно ожидать позитивную динамику в большинстве других отраслей. Кроме того, такие инвестиции имеют значительное «последействие» (их положительные последствия ощущаются на протяжении весьма долгого периода времени). В свою очередь, отсутствие серьезных инвестиций в образовательную сферу и науку – ведет к кризисам, к снижению уровня управляемости общества и к росту хаоса. Соответствующих примеров, подтверждающих данный тезис, на постсоветском пространстве, к сожалению, сегодня более чем предостаточно.

Реформирование системы высшего образования активно обсуждается педагогами и исследователями в странах бывшего СССР уже более двух десятков лет. При этом время от времени, в педагогическом сообществе возникают реформаторские идеи, которые не без участия отдельных государственных мужей и общественных деятелей возводятся в ранг парадигм. Однако практическая реализация подобных идей в силу целого ряда причин либо имеет негативную динамику, либо в принципе не дает положительного результата. По нашему мнению, такое «пробуксовывание» образовательных реформ в наших странах является следствием «слепого» копирования принципов и подходов зарубежных коллег. А если быть более точным, то педагогическим сообществом постсоветского пространства осуществляются попытки скопировать лишь отдельные внешние атрибуты и элементы сферы высшего образования, в первую очередь, стран Европы.

Во-первых, такое копирование, как привило, происходит без осуществления анализа совокупности причин, вследствие которых активно развивается образование за рубежом, а также важных социальных и экономических условий, обязательное выполнение которых во многом и предопределяет успех динамического развития образовательной сферы Европейских стран. Во-вторых, в среде отечественных управленцев отсутствует понимание сущности реальных проблем высшего образования Старого света, а также реальных результатов, определяемых нашими коллегами в качестве целей, успешно достигаемых ими.

Мы же, консолидируем существенные усилия общества и государства в целом ряде отраслей, а также практически реализуем существенные затраты организационных, материальных, экономических, финансовых, кадровых и других видов ресурсов для того, чтобы решать, к сожалению, проблемы не свои, а чужие. При этом, мы удовлетворяем запросы не своего рынка труда, экономики и производственной сферы, а других стран, по сути дела ориентируя наиболее талантливых будущих специалистов на работу за рубежом. Более того, мы по своей же инициативе осуществляем в некотором роде селекцию лучших из лучших и передаем их так называемым «партнерам» для удовлетворения их «кадрового голода» и решения демографических проблем, практически ничего не получая в качестве компенсации затраченных нами усилий и средств.

В этой публикации, мы ни в коем случае не декларируем движение общества к модели «закрытой системы», которая лишь сама для себя будет готовить специалистов с высшим образованием и сама же потреблять их для удовлетворения внутренних потребностей экономики и производственной сферы. Вполне понятно, что в условиях современного информационного общества это – «дорога в никуда». В данном случае, мы за разумный баланс совокупности интересов отдельной личности, общества и государства, а также европейского и мирового сообществ в образовательной, научной и производственных сферах. По нашему мнению, обеспечивая и поддерживая подобный баланс, постсоветского страны смогут выйти из затяжного кризиса и встать на путь опережающего развития.

Что же нами предлагается и как в осуществлении соответствующих образовательных инноваций может помочь исследование опыта зарубежных коллег-педагогов? Во-первых, нам нужно отказаться от практики безальтернативного копирования внешних атрибутов, институционных и организационных моментов образовательной сферы стран Европы и Америки. Безусловно, их успехи в сфере образования неоспоримы. Однако нет смысла доказывать, что любая копия, как бы она не была искусно сделана, будет хуже оригинала и ее ценность по сравнению с ним будет ничтожна. Конкурировать с неким оригиналом может только иной оригинал, при создании которого учтены или нивелированы недостатки и изъяны конкурентов, а также, если его создателями реализуется совершено новое качество (объект или процесс), имеющее существенные отличия и преимущества.

Образование – это не массовое производство дешевых подделок или копий, предназначенных для приобретения сомнительного престижа среди дилетантов. В современном обществе для того, чтобы занять достойное место на рынке труда, очень важно продемонстрировать работодателю свои профессиональные умения, деловые качества, умение работать в команде. Необходимо дать ему возможность понять, что претендент на вакантную должность сможет приносить реальную пользу и прибыль. Наличие документа, подтверждающего окончание того или иного вуза, как правило, является вторичным.

Цель − обогнать Европу по количеству бакалавров и магистров, является весьма сомнительной. Тем более, в условиях отставания от европейских стран по уровню жизни и экономического потенциала. Можно присоединиться, как это сделало большинство постсоветских стран, к Болонской, Лиссабонской и другим конвенциям, осуществляя, на первый взгляд, вполне логический переход к двухуровневой системе высшего образования и принимая соответствующую нормативную базу, регулирующую процессы в образовании. Но при этом, почему-то в конечном итоге, реально не решается ни одна из существующих в государстве и обществе проблем, кроме достаточно условного сдерживания темпов роста безработицы путем «замораживания» большого количества представителей трудоспособного населения внутри системы высшего профессионального образования.

В отличие от нас, в странах Европы пытаются как можно быстрее получить реальную отдачу от молодых членов общества, предоставляя им возможность реализовать себя в производственной и социальной сферах. При этом, различными путями сокращают время «замораживания» в системе высшего образования, постоянно привлекая обучающихся в вузах к практической деятельности и созданию валового национального продукта. В частности, организовываются всевозможные стажировки, реально, а не формально подходят к вопросу прохождения практики на рабочих местах. Кроме того, не только создаются условия, но и всячески поощряется трудовая деятельность параллельно с учебой в вузах.

Так в Европе, если студент, учась на дневном отделении, параллельно работает (даже не по специальности), то он может рассчитывать на получение льготных банковских кредитов или некоторую отсрочку платежа за обучение. Приоритет при поступлении в магистратуру и докторантуру получают в первую очередь профессионалы, имеющие опыт практической работы на протяжении двух-трех лет, для которых выбор будущей профессии является осознанным. Более того, очень популярны магистерские программы, на которых обучение реализуется в режиме «part-time» (не полного рабочего дня), т.е. вечерняя,

заочная и дистанционная формы организации учебного процесса. А для бакалавров большинства специальностей срок обучения, как правило, не превышает трех лет.

Основной целью стажировки в международных компаниях будущих бакалавров и магистров европейских вузов является приобретение практического опыта общения с коллегами и формирования глубокого понимания интегрированности социальных и экономических процессов, реализуемых современным мировым сообществом. Для них прохождение практики или стажировки за рубежом – это возможность получить в дальнейшем престижную и высокооплачиваемую работу на родине. Нашими же студентами такие мероприятия используются лишь с целью осуществления попытки иммиграции.

По нашему мнению, в постсоветских государствах должны быть созданы социальные и экономические условия для того, чтобы обучение граждан в высших профессиональных учебных заведениях стало именно их насущной потребностью, обусловленной желанием найти свое место и совершенствовать себя в определенной профессиональной сфере. А вузы необходимо поставить в такие рамки, чтобы они вынуждены были приложить усилия для своего преобразования из социальных институтов, дающих возможность осуществлять трудовую деятельность одним и как можно дольше не работать другим, в истинно научно-образовательные центры, формирующие квалифицированные кадры, которые способны развивать экономику и социальную сферу в своей стране, используя зарубежный опыт.

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. В. Войтеховский,
кандидат философских наук, доцент,
Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск
С. Е. Волков,
Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск
Р. А. Волосников,
Институт пограничной службы Республики Беларусь, г. Минск

Общеизвестно, что цели образовательной системы определяются заказом общества. Если меняются требования, предъявляемые к выпускнику, то реформируются цели системы образования.

В сформировавшейся традиционной системе обучения высшей школы Республики Беларусь определяющее значение в подготовке специалистов имеет прямое обучение, заключающееся в передаче знаний от преподавателя к обучающемуся. Роль преподавателя в такой системе является ключевой, тогда как обучающийся занимает пассивное или зависимое, лишенное самостоятельности положение в обучении. Главными качествами образованного человека являются «энциклопедизм и высокий уровень интеллектуального развития» [10].

Вместе с тем, возрастают требования к выпускникам вузов, появляется необходимость в специалистах с другой психологией и мировоззрением, которые готовы к постоянному саморазвитию и самообразованию, обладающих высоким уровнем профессиональной мобильности в условиях динамически развивающегося информационного пространства: технологии наукоемкого производства меняются каждые 3 – 5 лет.

Таким образом, высокие требования, предъявляемые к будущему специалисту, приводят к резкому увеличению учебной и информационной нагрузки на обучающихся. Одним из путей решения данной проблемы является совершенствование образовательного процесса путем внедрения инновационных форм и методов познавательной деятельности,

повышении эффективности в учебном процессе самостоятельной работы, поскольку именно она в большей мере способствует формированию и развитию самостоятельности обучающихся, как качества личности. Кроме того, данный факт привел к актуализации идеи непрерывного образования человека на протяжении всей жизни: образования «через всю жизнь». Следует отметить, что переход от концепции образования «на всю жизнь» к концепции образования «через всю жизнь» (lifelong learning) весьма актуален на Западе. Концепция непрерывного образования стала популярна с 1970 годов [11]. Эта концепция изменила традиционные подходы к обучению.

Стремительные процессы интеграции в мировой геополитике накладывают свой отпечаток на многие сферы государственной деятельности, в том числе и в области образования. Развитие высшего образования современной Европы в значительной мере обусловлено Болонским процессом. Это событие повлияло и на развитие высшего образования в Республике Беларусь. Стремление государства присоединиться к единой европейской образовательной среде были закреплены в Концепции развития высшего образования от 15 марта 1999 года, Программе социально-экономического развития на 2011–2015 года, Государственной программе развития высшего образования на 2011–2015 года [7; 8; 9].

Ожидается, что вступление Республики Беларусь в Болонский процесс будет способствовать повышению качества подготовки специалистов с высшим образованием, развитию системы высшего образования в национальных интересах с учетом международных тенденций и передового опыта, укреплению международного сотрудничества с образовательными и научными учреждениями иностранных государств.

Как отмечал в своем докладе бывший первый заместитель министра образования Республики Беларусь А. И. Жук: «Образование рассматривается сегодня мировым сообществом как один из важнейших факторов стабильности экономик государств, движущей силой их устойчивого развития, повышения конкурентоспособности» [1]. Следовательно, стремление Республики Беларусь обеспечить высокий уровень высшего образования в единой европейской образовательной среде является актуальной задачей государства.

Поскольку Республика Беларусь стремится присоединиться к Болонскому процессу, необходимо остановиться на основных тенденциях, преобладающих в высшем образовании Европы.

В настоящее время в европейском пространстве завершен первый этап создания единой образовательной среды, которая строится в соответствии с компетентностным подходом [8].

«Компетентностный подход в высшем образовании – это система требований к организации образовательного процесса вуза, способствующая практико-ориентированному характеру профессиональной подготовки студентов, усилению роли их самостоятельной работы по разрешению задач и ситуаций, имитирующих социально-профессиональные проблемы» [3].

В этом определении отмечается важная роль самостоятельной работы в процессе обучения, поэтому одной из главных личностных компетенций является «умение работать самостоятельно» [5].

В 1996 в докладе Ж. Делора, руководителя международной комиссии ЮНЕСКО по образованию для XXI века, были впервые сформулированы основные компетентности, которые в этом же году на симпозиуме в Берне были конкретизированы. Одной из пяти «ключевых» компетенций, сформулированных на симпозиуме, является «способность учиться на протяжении всей жизни в контексте как профессиональной, так и социальной жизнедеятельности» [5].

Еще одним значимым шагом на пути создания общего европейского образовательного пространства является проект TUNING, который расшифровывается как настройка образовательных структур в Европе (Tuning educational structure in Europe). В данном проекте также отводится отдельное место такой компетенции как «умение работать самостоятельно» [6].

Компетентностный подход активно подвергся исследованию российскими учеными (В. И. Байденко, И. А. Зимняя, Н. А. Селезнева и др.). Результатом данных исследований по проблеме ключевых компетенций выпускника высшего учреждения образования позволил определить пять групп компетенций, в том числе: образовательные компетенции «обеспечивающие способность и готовность к самостоятельной познавательной работе, научно-исследовательской деятельности, постоянному самообразованию и самосовершенствованию, профессиональному росту в течении всей жизни» [3].

Отечественный педагог-исследователь О.Л. Жук отмечает, что комплексно сформировать у студентов соответствующие компетенции посредством лекционно-семинарской формы не представляется возможным. «Компетенции могут эффективно развиваться у студентов на основе их самостоятельной поисковой, творческой деятельности, самостоятельно приобретенного опыта решения разнообразных задач» [4].

Из этого понятно, что подготовка в вузе компетентных, мобильных и способных к конкуренции выпускников требует активизации самостоятельного учебного труда, требует разработки содержательно-технологических и организационно-управленческих основ самостоятельной работы обучающихся как важнейшей составляющей образовательного процесса, обеспечивающей формирования у обучающихся компетенций.

Библиографический список

1. Жук, А. И. Об итогах работы Министерства образования за 2010 год и основных задачах на 2011 год / А. И. Жук // Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.minedu.unibel.by/main.aspx?guid=-42283. – Дата доступа: 24.02.2011.
2. Жук, А. И. Высшее образование Республики Беларусь: от Болонского процесса к европейскому пространству высшего образования / А. И. Жук // Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.minedu.unibel.by/main.aspx?guid=-42283. – Дата доступа: 24.02.2011.
3. Жук, О. Л. Практикум на основе компетентностного подхода: учеб. пособие / О. Л. Жук, С. Н. Сиренко; под общ. ред.О. Л. Жук. – Минск: РИВШ, 2007. – 192 с.
4. Жук, О. Л. Педагогические основы самостоятельной работы студентов: пособие для преподавателей и студентов / О. Л. Жук, [и др.]; под общ. ред. О. Л. Жук. – Минск: РИВШ, 2005. – 112 с.
5. Лобанов, А. П. Профессиональная компетентность и мобильность специалистов: учеб. метод. пособие / А. П. Лобанов, Н. В. Дроздова. – Минск: РИВШ, 2010. – 96 с.
6. Настройка образовательных структур в Европе. Вклад университетов в болонский процесс [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://tuning.unideusto.org/tuningeo. – Дата доступа: 24.02.2011.
7. Об утверждении Государственной программы развития высшего образования на 2011 -2015 годы: постановление Совета министров Респ. Беларусь от 1 июля 2011 г. № 893: нац. правовой портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=C21100893. – Дата доступа: 11.02.2012.
8. Об утверждении Программы реализации Концепции развития высшего образования в Респ. Беларусь: приказ Министерства образования Республики Беларусь, 15 марта 1999 г., № 123 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. № 8/187. Минск: Дикта, 2000. – 17 с.
9. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 апр. 2011 г., № 136 // [Электронный ресурс] / Нац. правовой портал интернет портал Респ. Беларусь, 2012. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31100136&p2={NRPA}. – Дата до-

ступа: 16.02.2012.
10. Хвесеня, Н. П. Методическое обеспечение самостоятельной работы студентов: пособие для студентов экономического факультета / Н.П. Хвесеня. – Минск: БГУ, 2008. – 28 с.
11. UNESCO, Higher education in the world, The financing of Universities. Regional perspectives: Europe, 2006, p. 435.

ВЕКТОР РЕФОРМ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ И ИХ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Г. С. Черевичный,
кандидат исторических наук, доцент, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина, г. Киев, valonopr@gmail.com

Человечество в своем развитии прошло три типа культурных эпох: архаическая, индустриальная и постиндустриальная (информационная, знаниевая). Им соответствуют три образовательные модели: традиционная, инструктивная и креативная. Цель креативной модели – способность к самообразованию и саморазвитию через всю жизнь. Отсюда и определение этой модели образования как «инновационной». Знаниевая эпоха отличается интегративной культурой, гибкостью, конвергентностью мышления, диалогичностью, коммуникативностью, формированием не только знаниевой компетентности, но и высоких духовных потребностей, стремлением души работать над собой. Требуется действенная модернизация приоритетов, ценностей, отношений, взаимодействий в системе образования. Насущной потребностью становится воспитание и поощрение работника нового типа: образованного, предприимчивого, настроенного на обучение в течение всей своей жизни [1]. Непрерывное образование – системная характеристика знаниевого общества.

В конце XX в. развитие мирового образовательного процесса проходило достаточно высокими темпами. Окончательно сформировались тенденции, свидетельствующие о смене парадигмы высшего образования, о трансформации его социальных функций. Рыночные условия заложили новые требования к специалистам, которых стало более целесообразно готовить по интегрированным программам. Преподаватель окончательно утратил свою функцию основного источника информации. Новые информационные технологии привели к тому, что ученики меняются быстрее учителя. В современных условиях трудно предвидеть дальнейшую эволюцию профессиональной деятельности. Преподаватель в новых условиях вынужден опережать ученика за счёт постоянного самообразования, перманентного повышения квалификации. В противном случае ему уже не справиться с ролью навигатора, своеобразного путеводителя, с основной своей функцией – организатора сотворчества, процесса, в котором информация будет преобразовываться в знания. Это требует от преподавательского корпуса серьёзных трансформаций.

Труд преподавателя в университете в последние годы всё более трансформируется в сложную, многоаспектную систему, включающую: производство знаний, т.е. научные исследования, а также их внедрение для формирования новых учебных дисциплин, образовательных программ и их научно-методического сопровождения; передачу знаний – учебный процесс во всем многообразии форм, методов, средств и образовательных технологий; распространение знаний – разработку высокоэффективных образовательных технологий; издание учебников, учебных пособий, научных монографий, статей, выпуск научно-популярной литературы; выступления перед вузовской общественностью, участие в научных, учебно-методических и культурно-просветительских мероприятиях регионального, государственного и международного значения. Преподаватель современного высшего учебного заведения должен обладать способностями организатора, оратора, аналитика, психолога, владеть логикой педагогического процесса и воспитания, литературной устной и письменной речью, быть высококомпетентным специалистом в своей области и достаточно эрудированным в других областях знаний. Такой

труд нельзя определить иначе, как творческую деятельность, суть которой состоит в способности интегрировать элементы знаний в новые, ранее неизвестные комбинации [10].

На постсоветском же пространстве конец XX и начало XXI вв. ознаменовались системным кризисом общества. Последствия кризиса продолжают давать о себе знать – это кризис финансирования, отток, внешняя и внутренняя эмиграция талантливых молодых ученых и преподавателей, низкие научно-исследовательские и информационные возможности вузов, закрытость образования, сохранившаяся от советского периода. Тем не менее, несмотря на годы кризиса и стагнации, в Украине произошли кардинальные изменения в системе высшего образования, включая изменения структуры финансирования и управления, создание системы оценки и аккредитации учебных заведений, нормативно-правовой базы, реформирование учебных программ. Наравне с государственными высшими учебными заведениями функционирует негосударственный сектор. Существующая сегодня в Украине сеть высших учебных заведений в основном обеспечивает возросшие запросы населения. Так, на 10 тыс. населения страны сегодня приходится 512 студентов [1]. Увеличение в последние годы объемов подготовки студентов в стране идет в ногу с общемировой тенденцией и свидетельствует о том, что высшее образование становится насущной потребностью для миллионов молодых людей, программирующих свое будущее через систему образования. Очевидно, что образовательный уровень – это прежде всего способность воспринимать и усваивать новые идеи и осваивать новые технологии. Сегодня в мире доля работников с высшим образованием составляет около 60 %. В Украине анализ структуры населения показывает, что население с законченным высшим образованием составляет 13 %, а с неполным высшим образованием – 18 % [1]. По данным ЮНЕСКО, в XXI в. уровня национального достатка по мировым стандартам достигнут только те страны, в которых трудоспособное население с высшим образованием будет составлять не менее 50 %. Следовательно, Украина имеет большую кадровую нишу, которую в ближайшие годы необходимо заполнить. Именно высшая школа способна создать кадровый резерв специалистов, необходимых для развития знаний и их применения в целях экономического роста страны.

В начале 1990-х годов была разрушена монополия государства на высшее образование. Масштабы государственного участия в финансировании, и предоставлении образовательных услуг населению из года в год стали сокращаться. В Украине практически не существует вузов, которые финансировались бы полностью государством. Направляя на образовательную сферу минимальные средства, государство фактически самоустранилось от влияния на процессы, происходящие внутри образовательной системы, ограничив свою роль выработкой общих принципов государственной политики и созданием нормативно-правовой базы [1].

Система образования, лишённая государственной поддержки, пытаясь выжить, не реагирует на потребности рынка труда, вследствие чего налицо перепроизводство одних специалистов и острая нехватка других. Коммерциализация системы высшего образования породила такое негативное явление, как псевдообразование. Расширение системы высшего образования сопровождалось снижением его качества. Увеличение в последние годы объемов платного обучения привело к существенной деформации структуры специальностей, по которым ведется подготовка специалистов. Сегодня вузы, практически не учитывая потребностей рынка труда и ориентируясь только на платежеспособность студентов и их родителей, «штампуют» экономистов, юристов, медиков, в то время как народнохозяйственный комплекс страны нуждается в технологах, механиках, инженерах. Существующая в высшей школе структура подготовки специалистов не соответствует динамичному развитию в мире «новой экономики», основанной на знаниях. Подготовка специалистов в последние два десятилетия стала безадресной: в массовом порядке специалисты для промышленности и сельского хозяйства идут в сферу обслуживания. Возможным выходом из этой больной проблемы может стать основание специальных корпоративных университетов, организуемых и субсидируемых крупными компаниями или их ассоциациями для подготовки специалистов для этих компаний. Корпоративное образование расширяет свои позиции в мире.

Выпускники украинских вузов (особенно физико-математического, медицинского, авиационного, морского, инженерно-технического и химико-технологического профилей)

пользуются спросом на современном международном рынке труда. Тем не менее существующая жёсткая конкуренция на международных рынках требует повышения качества высшего образования. И здесь без реальной научной работы и включения в неё студенческого потенциала не обойтись. Именно научная работа является качественным показателей самих вузов и их выпускников.

Серьёзную озабоченность вызывает состояние научно-исследовательской деятельности в высших учебных заведениях, без чего вообще трудно говорить об образовании для инновационной экономики. Только половина ведет реальную научно-исследовательскую работу. Это существенно снижает качество и конкурентоспособность высшего образования страны [2].

Еще одним важным аспектом изменившихся требований к высшему образованию и профессиональной подготовке выпускников вузов является короткий «жизненный цикл» полученных ими знаний и навыков. Стремительно совершенствующиеся, а то и кардинально меняющиеся важнейшие технологические процессы заставляют человека иногда по несколько раз на протяжении жизни обновлять свои знания, а также осваивать новую специальность. Хотя созданная в Украине многоуровневая система высшего образования в принципе расширяет возможности для перспективы «пожизненного образования» с возможностью гибко реагировать на быстро меняющуюся ситуацию на рынке труда, пока реальность решения этой задачи достаточно иллюзорна.

Смысл реформы системы образования состоял в том, чтобы, сохраняя всё лучшее, избавить систему образования от перекосов и недостатков, унаследованных от прошлого, и одновременно достичь соответствия современным жизненным реалиям, европейским и мировым стандартам. В результате реформы было практически завершено формирование нормативно-правовой базы образования; осуществлен переход к подготовке специалистов по новым направлениям и на основе ступенчатой системы, внедрена новая система контроля и оценки качества учебно-воспитательного процесса посредством лицензирования, аттестации и аккредитации, начата трансформация гуманитарного образования. Реформа видоизменила систему высшего образования Украины, приблизила ее к самодостаточности и продвинула на пути к европейской интеграции. Однако при этом сущностные внутрисистемные показатели оказались далеки и от планируемых показателей, и от европейских ориентиров. Спешно внедряемая ныне в систему высшего образования кредитно-модульная система, хотя и стимулировала ряд позитивных новаций (например, создание нового поколения учебников), пока далека от того эффекта, который планировался.

Библиографический список

1. Астахова, Е. В. Социологическая характеристика кадрового потенциала высшей школы: украинский вариант // Инновации в образовании. – 2003. – № 1. – С. 27–51.
2. Бессалова, Т. В. Роль высшего образования в формировании общества основанного на знаниях // Наука и науковедение. – 2006. – № 2. – С. 69–75.

ПРОЦЕС МЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ

О. И. Башкир,

кандидат педагогических наук, доцент,

Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, г. Киев

Стереотипный метод подачи материала в учебном процессе, к которому относятся планы, схемы, программы, учебники, методические пособия, тесно переплетается с импровизацией. Очевидно, что наличие догм и штампов не выступает двигательной силой в современной школе, потому что ученики стремятся к непосредственному, живому общению, а импровизация целиком удовлетворяет эту потребность. Педагог, как утверждает В. И. Загвязинский [3], не просто имеет право на импровизацию, он не имеет права не им-

провизировать, он должен постоянно работать над собой, чтобы находиться в состоянии импровизационной готовности, готовности творить и искать лучшие решения на уроке для того, чтобы полностью и эффективно внедрять задуманное.

Педагогическая импровизация – это осознание учителем значения только что созданной педагогической ситуации, немедленный анализ та публичная реализация целесообразно принятого педагогического решения.

Одним из структурных компонентов педагогической импровизации есть критическое мышление. Критический стиль мышления предусматривает сформировавшиеся в учителя умения и навыки рефлексивно-оценочной деятельности – особой формы человеческой деятельности, которая постоянно развивается, возникла одновременно с человеком и имеет для него жизненно важное значение.

Критический стиль мышления предусматривает, с точки зрения Б. З. Вульфова и В. Н. Харькина [1], такое фундаментальное понятие, как рефлексия, под которой подразумевается способность учителя дать себе и своим поступкам объективную оценку, понять, как его воспринимают ученики, другие люди, прежде всего те, с кем учитель взаимодействует в процессе педагогического общения. В центре педагогической рефлексии – осмысление того, что школьник воспринимает и понимает в учителе и в отношениях с ним, как он может настроиться на действия учителя. Следовательно, педагогическая рефлексия – это не просто знания или понимания субъектом педагогической деятельности, самого себя, а и выяснение того, насколько и как другие (ученики, коллеги, родители) знают и понимают «рефлексирующего», его личностные качества, эмоциональные реакции и когнитивные представления.

Исследовав эту проблему, В. И. Данильчук [2] выделяет совокупность качеств, которые представляют собой критично-рефлексивный стиль мышления обучающихся:

- ✓ направленность студента на конструктивный диалог с преподавателем и однокурсниками, способность отстаивать собственную точку зрения независимо от мнения окружающих, вызнавать ее несправедливость во время предъявления аргументированных контрдоказательств;
- ✓ руководство работой будущего учителя на самодиагностику относительно формирования разных умений и качеств на основании сопоставления собственных результатов с заданным эталоном;
- ✓ открытость студента новой информации, нетрадиционным способам решения поставленных задач и принятия решений;
- ✓ направленность будущего педагога на невосприятие на веру информации, которая поступает, на ее разносторонний анализ и осмысление, на выявление внутренних особенностей и причин того или иного характера протекания разных явлений, недоступных во время непосредственного восприятия, которые потребуют глубокого вдумчивого анализа.

Однако критика, как известно, не самодостаточная, поскольку решение реальных школьных проблем требует объединения ее с творчеством. Другими словами, по-настоящему нетривиальное решение недосягаемо как без критичности, так и без креативности (от лат. creatio – творение).

Во время педагогической импровизации учителю необходимо достичь успеха, когда решаемая педагогическая проблема связана с острым каждодневным осложнением, т.е. ее решение должно произойти немедленно. Именно поэтому в такие моменты педагогического взаимодействия рядом с критическим находит свое место и творческое мышление.

Критика и творчество на разных этапах решения проблемы исполняют разные функции и часто основываются на существенно отличительных, несовместимых за природой психических процессах. В объединении между собой они выступают двумя необходимыми составляющими эффективного решения нетривиальных проблем. Их отношение имеет характер дополнения – они одновременно несовместимы и, вместе с тем, друг без

друга несовершенны. Критическое мышление в процессе решения проблем играет двойную роль: сначала создает предпосылки плодотворного творческого мышления, а потом помогает артикуляции, селекции и доработке его находок. Творческое мышление часто подразумевает подсознательную активность психики, которая охватывает период инкубации «протоидей» и молниеносное озарение. Взаимное дополнение творческого и критического мышления обуславливает успех решения непредвиденных педагогических ситуаций во время импровизации, на протяжении которой учитель также должен осознать проблему и необходимость ее решения, более или менее четко ее сформировать.

Таким образом, успешный процесс решения педагогических проблем должен объединить творение и критичный отбор. Впрочем, достичь этого совсем не просто, поскольку сознательная критика существенно сдерживает или вообще разрушает творчество. Можно сказать, критичность и креативность находятся в соотношении дополняемости: с одной стороны, они существенно отличительные за целью, психической природой и не могут существовать отдельно, а с другой – друг без друга они не обеспечивают успешного мышления во время педагогической импровизации.

Библиографический список

1. Вульфов, Б. З., Харькин В. Н. Педагогическая рефлексия / Б. З. Вульфов, В. Н. Харькин. – М. : Эгвес, 1996.
2. Данильчук, В. И. Теоретические основы гуманитаризации физического образования : дисс. … доктора пед.наук / В. И. Данильчук. – Волгоград, 1997.
3. Загвязинский, В. И. Педагогическое творчество учителя / В. И. Загвязинский. – М. : Просвещение, 1987.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОММУНИКАЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. Н. Кройтор,

кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Коммуникация есть основа и условие социальности. Чтобы проанализировать коммуникативный аспект образования, необходимо, прежде всего, понять, что такое коммуникация вообще и что представляет собой социальная коммуникация, в частности.

В самом общем виде коммуникация может быть определена как передача сообщения от одного субъекта к другому, причем в качестве участников коммуникативного взаимодействия могут рассматриваться как социальные акторы (индивиды, социальные группы и т.д.), так и объекты и системы иного порядка (биологические, физические и т.д.). Специфика социальной коммуникации по сравнению с коммуникацией вообще, заключается в том, что она предполагает *взаимодействия* только между социальными субъектами, т.е. индивидами, группами, институтами и обществами. А поскольку любое социальное действие есть взаимодействие, т.е. в той или иной степени ориентировано вовне, на другого или других членов сообщества, постольку любое социальное действие является коммуникативным, т.е. предполагает *обмен* социальной информацией, или определенным набором смыслов. Успешная коммуникация предполагает коммуникативную компетентность его участников, т.е. *владение кодами* коммуникации, ее нормами и правилами (лингвистическими, профессиональными, невербальными, этическими и т.д.), которые позволяют расшифровать транслируемые смыслы, а значит, делают возможным понимание субъектами коммуникативного процесса сообщений, которые они адресуют друг другу. Сообщения могут передаваться посредством вербальных (устный или письменный текст) или невербальных средств (знаковые, символьные, сигнальные системы, язык тела, музыка, танец, изобразительное искусство, одежда и т.д.). Эффективная коммуникация (т.е. такая коммуникация, при которой достигается взаимопонимание), а значит, и социальные про-

цессы и, в конечном итоге, функционирование общества вообще, становятся возможными именно благодаря наличию внутри социума коммуникативных сообществ, или групп людей, владеющих определенными коммуникативными кодами и способными их использовать для налаживания коммуникации, а значит, для воспроизводства общества и его институтов. Один и тот же индивид может владеть несколькими системами кодов и, соответственно, быть членом разных коммуникативных сообществ одновременно. В качестве некоторых примеров таких сообществ могут быть названы, например, ученые, артисты, государственные деятели, носители той или иной гражданской, религиозной идентичности и т.д. И наконец, именно коммуникация связывает элементы общества воедино и позволяет добиться слаженной работы социальной системы как целого (это происходит благодаря наличию норм и ценностей, существующих в социуме и разделяемых составляющими его индивидами). Коммуникация конструирует и воспроизводит социальную реальность (посредством трансляции ценностей и норм и последующим учетом индивидами этих норм и ценностей в своем поведении), создает и упорядочивает социальные отношения. Таким образом, коммуникация является базовым основанием социальности и условием преемственности социальных практик.

Содержание социальной коммуникации. Большинство современных ученых-обществоведов, исследующих коммуникативные процессы в социуме, включает в понятие коммуникации как сам *процесс* коммуникативного взаимодействия, т.е. передачи информации, так и ее *результат* в виде достигнутого уровня взаимопонимания, а также социальных последствий, вызванных состоявшимся актом коммуникации. Мы разделяем эту точку зрения и также считаем целесообразным рассмотрение коммуникации как единства названных компонентов.

Структура коммуникативного процесса. Социальная коммуникация включает: 1) субъектов, а именно адрестанта (носитель социальной информации, являющийся автором сообщения) и адресата (субъект коммуникации, которому адресовано сообщение и от которого ожидается расшифровка информации, передаваемой им партнером по коммуникации, и прочтение заложенных в сообщении социальных значений), 2) *сообщение*, т.е. транслируемая в ходе коммуникативного акта социальная информация, 3) *код* (совокупность средств, обеспечивающих возможность передачи информации, например, язык), 4) *канал*, 5) *результат*.

Социальная коммуникация и общение. В научной литературе встречаются различные интерпретации понятий социальной коммуникации и общения. Например, англоязычные специалисты зачастую рассматривают эти понятия как синонимичные. Поскольку с английского языка слово «communication» может переводиться двумя терминами («коммуникация» и «общение»), то у русскоязычных ученых возникает проблема определения их соотношения. Как правило, русскоязычные ученые, разводят понятия социальной коммуникации и общения, воспринимая их как взаимосвязанные, но не тождественные. Ряд ученых рассматривает общение как базовую категорию, а коммуникацию – как более узкую и производную от нее, другие придерживаются мнения о том, что коммуникация, наоборот, включает в себя общение. Мы разделяем мнение специалистов, придерживающихся второй точки зрения. Нам представляется, что коммуникация – более широкое понятие, подразумевающее передачу любой социальной информации между социальными субъектами (индивиды, группы, общности, организации, институты и т.д.). Общение, в свою очередь, представляет собой взаимодействие индивидов на межличностном уровне. Это значит, что понятие общения включается в понятие социальной коммуникации и является ее частным случаем.

Образование как коммуникация. Коммуникация выступает универсальным фундаментом и условием образования в той же степени, в какой она является основой социальности. Вместе с тем, образование является особым социальным институтом, выполняющим собственные задачи, поэтому и образовательная коммуникация обладает рядом специфических особенностей. Специфика образовательной коммуникации заключается в

специфичности самой образовательной среды.

Перейдем к рассмотрению коммуникативных процессов в традиционных образовательных учреждениях. Можно выделить несколько видов образовательной коммуникации в учебных заведениях всей уровней формального образования в зависимости от того, какие субъекты образовательного процесса принимают в ней участие. Каждый из видов коммуникации регулируется набором специфических норм коммуникативного поведения, в каждом случае степень формализованности коммуникации, ее содержание и задачи различаются. Можно говорить о следующих видах коммуникации в рамках образовательной среды. Первый из них составляет коммуникация, ради которой и организуется образовательный процесс, – коммуникация в системе «обучающий–обучаемый». Коммуникативные взаимодействия на этом уровне строго формализованы, роли их участников четко определены (передавать и усваивать знания), к ним предъявляются достаточно жесткие требования. Явные цели коммуникации на этом уровне – трансляция знаний, умений и навыков и воспитание социального индивида. Латентные цели – воспроизводство существующей в обществе системы господства через трансляцию элитных форм знания представителям определенных слоев населения, имеющим доступ к определенным учебным заведениям, специальностям и профессиям. В рамках учебного заведения складывается множество иных видов коммуникации между разными субъектами учебного процесса. К ним относятся взаимодействия между обучаемыми, между обучающими, между представителями руководства учебных заведений.

Целью данного доклада была общая постановка проблемы коммуникации в образовании и определение путей дальнейших исследований данной проблематики в рамках социологической науки. На основании вышеизложенного можно сформулировать перспективную тематику социологического изучения образовательной коммуникации. Нам представляется, что актуальными направлениями исследований могут быть следующие: сравнительный анализ коммуникативных процессов в рамках традиционных и новых, зарождающихся в настоящее время образовательных институтов, исследование явных и латентных функций образовательных коммуникаций, анализ коммуникативных аспектов функционирования разных типов образовательных практик.

Библиографический список

1. Communication(s). Collins internet-linked dictionary of sociology / Edited by Jary, D., Jary, J. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2005. – p. 92.
2. Communicative competence. Collins internet-linked dictionary of sociology / Edited by Jary, D., Jary, J. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2005. – p. 92–93.
3. Дудник, С.И., Пруель, Н.А. Образование: накопление, потребление, воспроизводство (социально-философский анализ) / С.И. Дудник, Н.А. Пруель // Коммуникация и образование / Сб. статей под ред. С.И. Дудника. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С.321–344.
4. Маркова О.Ю. Коммуникативное пространство вуза: субъекты, роли, отношения / О.Ю. Макарова // Коммуникация и образование / Сб. статей под ред. С.И. Дудника Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С.345-364.
5. Определение коммуникации, общения. Соотношение этих понятий / Понятие коммуникации и ее роль в концепции культуры / Межкультурная коммуникация (Учебник) [Электронный ресурс]. – Культурология: теория, школы, история, практика. Электронная библиотека. – Режим доступа: http://www.countries.ru/library/intercult/mkom.htm. – Дата доступа: 10.11.2015.
6. Перов, В. Ю. Стратегии философского осмысления социального общения / В. Ю. Перов // Коммуникация и образование / Сб. статей под ред. С. И. Дудника. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 9–32.
7. Сивуха, С.В. Коммуникативное действие университета / С.В. Сивуха // «Коммуникативный поворот» современного образования. – Сб. науч. статей. – Минск: Про-

пилеи , 2004. – с. 139–153.
8. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург: «Наука», 2001. – 382 с.
9. Шевякова Л.П. Средства коммуникативного воздействия в образовательном процессе. //Коммуникация и образование. / Сб. статей под ред. С.И. Дудника. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С.428.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОПТИМИЗАЦИЯ

А. А. Злотников,
кандидат социологических наук, доцент,
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, г. Гомель

В июне 2014года состоялся небольшой юбилей – 20 лет со дня первого выпуска студентов отделения социологии БГУ. За два десятилетия на социологическом отделении подготовлено более 2000 высококвалифицированных социологов, которые успешно работают, как в нашей стране, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Большинство из них реализовалось в профессии, в том числе и на ниве преподавания социологии и социально-политических дисциплин. Есть повод для гордости, и в то же время для обеспокоенности: каковы перспективы сегодняшних и завтрашних выпускников? И что более актуально: а каковы перспективы социологического образования? С позиций сегодняшнего дня, используя терминологию Н. Д. Кондратьева, можно предположить, что мы находимся на «понижательной волне». Что вызвало эту волну? По нашему мнению, это в первую очередь связано с практической реализацией «Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования», первые результаты которой мы уже можем наблюдать. Это – и ликвидация кафедр, обеспечивающих преподавание социологии, и сокращение ставок профессорско-преподавательского состава, а самое главное – снижение уровня социально-гуманитарного и социологического образования. Современность вносит коррективы и кардинальные трансформации в глобальные процессы, которые затрагивают, в том числе и Республику Беларусь. При этом все более явным становится умножившееся значение социальных последствий этих процессов и все чаще слышны голоса о том, что именно социальные проблемы будут определять облик нового мира. Поэтому, сейчас как никогда, с учетом глобальных и геополитических вызовов, актуальна проблема подготовленности молодых людей, выпускников вузов к адекватному восприятию и осмыслению социальных изменений и их последствий. Ведь одна из задач социологии и социологического образования – осмысление социальных перемен. Способно ли сегодняшнее социологическое (и в целом социально-гуманитарное) образование решить эту задачу? Очевидно, что реформа свидетелями и творцами, которой мы являемся, и исходила из необходимости ее решения. Также несомненно, что авторы концепции руководствовались самыми благими намерениями и стремились реализовать поручения Главы государства, однако, здесь уместно вспомнить крылатое изречение председателя Правительства Российской Федераций В. С. Черномордина: «хотели как лучше, а получилось как всегда».

На наш взгляд, есть три принципиальных момента, которые требуют обсуждения и разрешения. **Первый** – это *недостатки и недоработки* самой концепции «оптимизации». Наибольшую критику вызывает методологически необоснованное интегрирование экономической теории и социологии. Причем эта критика возникла практически сразу же после утверждения концепции в марте 2012 г. Так уже через месяц во втором номере журнала «Социология» профессор Е. К. Новик писал: «…объединять экономическую теорию и социологию в один цикл нецелесообразно и антинаучно: это совершенно разные науки» [1]. Какие критерии для подобной гибридизации? Может целесообразнее объединить социологию и философию, или социологию и право? Какие еще есть варианты? А. А. Давыдов, ссылаясь на

статью сотрудников Национальной лаборатории Лос-Аламос, которые впервые проанализировали около 1 млрд. онлайн обращений пользователей в онлайн базах полнотекстовых научных публикаций (Web of Science, Scopus, JSTOR, Ingenta и т.д.) и эмпирически обнаружили взаимоотношение между научными дисциплинами в информационном обществе, убедительно демонстрирует основные связи социологии [2]. Полученные данные, свидетельствуют, что социология наиболее активно взаимодействует с антропологией, географией, маркетингом, правом, психологией, политологией, экономикой и рядом других социальных и естественнонаучных дисциплин в информационном обществе. И таким образом, всякие попытки интеграции-гибридизации социологии с другими дисциплинами будут носить однобокий и односторонний характер, а также приводить к созданию неких кентавров, которые, как известно из мифологии были очень необузданные и к тому же смертные существа. Что дает на практике такая интеграция? Студент (как правило, первого или второго курса) изучая интегрированный модуль «Экономика», во-первых, не полностью отдает себе отчет, а что за предмет он изучает, и почему «довеском» (из-за дискриминационного распределения учебных часов) идет социология; во-вторых, испытывает проблемы с подготовкой к экзамену, суть которых заключается в том, что существует большой объем информации, разная терминология и т.д. Как показал пилотажный авторский мини-опрос среди двухсот студентов, которые сдавали «интегрированный» экзамен, то 95 % респондентов считают целесообразным и более эффективным раздельный итоговый контроль знаний. Кроме того, следует отметить, что из-за небольшого объема часов занятия по социологии заканчиваются за 2,5–3 месяца до экзамена, и поэтому как считают, даже успевающие студенты, значительная часть информации элементарно забывается!

Второй важный момент – *неполная и односторонняя реализация* тех идей, которые декларировала концепция. Это, прежде всего, касается самостоятельной работы студентов и введения специализированных модулей, благодаря которым можно реализовать принцип практикоориентированности (как сформулировано в концепции) и не уменьшить нагрузку ППС. Однако в действительности, мы сталкиваемся с особой формой «закона социального иллюзионизма» П. А. Сорокина, который очевидно можно применять не только к анализу революций, но и к анализу реформ. Так, в большинстве гомельских вузов (и думается не только) нагрузка по социологии претерпела значительные сокращения. Самым радикальным является пример БТЭУПК, где с февраля 2014 года кафедра теории кооперации и социологии прекратила свое существование! В ГГТУ им. П. О. Сухого был введен только один специализированный модуль (социология управления), причем только на одном из пяти факультетов.

Третий аспект, обсуждаемой темы, заключается в том, что можно условно обозначить как *«особый путь»*, т.е. некий локальный способ реализации концепции, который продиктован объективными факторами и субъективными обстоятельствами. Из известных автору примеров, наиболее показателен опыт ГГТУ им. П. О. Сухого, где социология из обязательной учебной дисциплин (пусть и составе модуля «Экономика») превращается в «полу-факультатив» на всех технических факультетах. Разница в том, что факультатив есть в учебном расписании, а социологии как «полу-факультатива» – нет. Соответственно и при проведении экзамена по модулю в целом, контроль знаний по социологии отсутствует, что очевидно сказывается на мотивации студентов посещать занятия и изучать предмет.

Библиографический список

1. Новик, Е. Проблемы совершенствования качества социально-гуманитарного образования в негуманитарных высших учебных заведениях (по поводу статьи профессора М. И. Вишневского) // Социология. 2012. № 2. С. 97.
2. Давыдов, А. Социология среди научных дисциплин в информационном обществе // http://www.isras.ru/index.php?page_id=1050.

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

С. В. Костюкевич,
кандидат социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Несколько десятилетий назад сфера образования Республики Беларусь являлась частью советского общества. В Советском Союзе система образования была инноватором социальных изменений, т.е. участвовала в построении коммунистического общества. Как институт государства, она была призвана формировать у учащихся коммунистическое мировоззрение и, во-вторых, готовить специалистов для народного хозяйства страны. Чтобы справиться с задачей переустройства общества, советская система образования начала инновационные процессы внутри самой образовательной системы. В конечном итоге, как отмечают специалисты, советская система образования стала характеризоваться следующими параметрами, которые отличали ее от систем образования западных стран: «В наследство от Советского Союза нашей стране [Беларуси] досталась хорошая система образования, в том числе и высшего, которая обладала такими неоспоримыми достоинствами, как массовость, бесплатность, доступность, высокий уровень фундаментальной подготовки» [1, с. 11]. Однако, помимо этих главных особенностей, были и другие отличительные черты. Так, например, «… по идеологизированному и технократическому характеру образования система высшего образования в СССР была полным и явным новообразованием» [1, с. 44]. Данные новообразования были детерминированы тем, что система образования в Советском Союзе должна была обслуживать процессы индустриализации и секуляризации, начатые советской властью. Как видим, инновационные процессы, запущенные в обществе, обусловили инновационные процессы в самой системе образования. В свою очередь, система образования, перестроившись, обеспечивала протекание социальных изменений в нужном направлении.

Следует обратить внимание, что в СССР поддерживалась идея о том, что образование может быть фактором глобальных перемен, включая переустройство общества. Подобное умонастроение было не удивительным в стране, где, как сказал известный русский поэт «Мы на злобу всем буржуям мировой пожар раздуем». Это было явно мессианское умонастроение, и оно означало, что большевики были готовы к кардинальным инновациям как в сфере образования, так и в обществе в целом, причем в глобальном масштабе. Данное мессианское умонастроение уходит корнями в христианскую культуру, и оно было воспринято коммунистической идеологией, оформившейся в рамках данной культуры. В своей книге, изданной в 1988 году, Бурлацкий Ф. приводит высказывание представителя японской культуры: «И я думаю, что еще многие десятилетия Япония будет выходить на общечеловеческий рынок только со своими техническими новинками, а не с какими-то новыми идеями и какими-то духовными ценностями. Быть может, это не так уж и плохо, поскольку такому подходу чужды и мессианство, и гегемонизм, которым – признаем это – многие грешат в современном мире» [2, с. 76]. В неявной форме был сделан намек на Советский Союз, который хотел переустроить мир согласно коммунистическим идеям.

При мессианской уверенности и готовности указывать путь другим (то есть быть лидером) глобальное переустройство мира не казалось русским коммунистам не осуществимой задачей. И, хотя в конечном итоге они не сумели построить коммунизм даже в одной отдельно взятой стране, однако, именно советские коммунисты запустили многие глобальные процессы. Так, например, есть основание предположить, что успехи Советского Союза, который продемонстрировал всему миру форсированную индустриализацию, быстрый рост образовательного уровня населения и технологические успехи в освоении космоса, подтолкнули западные страны к тому, что в середине 20 столетия они кардинально реформировали свой сектор высшего образования.

После успехов Советского Союза в космической отрасли западные специалисты

изучали советское высшее образование и сделали заключение, что преимуществами советского высшего образования являются: 1) массовость, 2) государственное финансирование, 3) профессионализация. В середине 20 столетия западные страны также запустили эти процессы, начав массовизацию и профессионализацию высшего образования. Первоначально они также обеспечивали государственное финансирование своим вузам, но спустя примерно два десятилетия они осознали, что государственное финансирование сектора высшего образования при наличии массовости вузов – это слишком тяжелое бремя для бюджета. Начиная с этого момента, проблема финансирования становится ключевой для университетских менеджеров и администраторов, поскольку государственное финансирование было ограничено. В конечном итоге, проблема финансирования сектора высшего образования была отчасти решена за счет самих студентов и их семей: стало широко практиковаться платное образование. С этого момента, т.е. в последние десятилетия 20 столетия, началась политика маркетизации образования, которая предполагает, что образование – это товар, продаваемый населению.

Выстраивая ретроспективно логическую последовательность событий, можно сказать, что именно Советский Союз, начав процессы массовизации и профессионализации высшего образования, спровоцировал, разумеется, косвенным образом, дальнейший ход событий, приведший к политике маркетизации.

В середине 20 столетия, когда западные страны начинали количественно расширять свой сектор высшего образования и отдавать приоритет не классическим университетам, а так называемым прикладным (профессионально-ориентированным), они руководствовались не рыночными установками, а идеей общего блага и, оглядываясь на Советский Союз, предполагали, что система образования в состоянии изменить общество. Так, например, в 60-ые годы 20 века на Западе была популярна идея о том, что «… вложения в образование – вот ключ к экономическому, а, значит, и к социальному прогрессу… Образование в данном понимании становится основным инструментом социальных перемен, хотя и без структурных изменений в экономическом фундаменте. Эта концепция высоко котировалась в западных политических кругах, благодаря чему весьма крупные образовательные реформы, прежде всего, в системе высшего образования, получили не только идеологическое обоснование, но и законодательную поддержку… Но итог этой политики оказался неожиданным – одновременно с ней возникло студенческое движение, охватившее Великобританию, Канаду, получившее значительный размах во Франции и Западной Германии. Но, пожалуй, наиболее радикальные формы оно приняло в Соединенных Штатах» [3, с. 16]. В 70-ые годы 20 века европейские страны и США изменили стратегию в области образования, так как студенческие бунты были восприняты негативно: «...само по себе образование нельзя считать преобразующей силой, оно выступает лишь как зеркало того общества, которое его создает, и… его функция – обеспечивать воспроизводство данных социальных отношений» [3, с. 17]. Итак, была высказана и поддержана идея, что система образования, как часть общества, не может выходить в своих миссиях и функциях за границы дозволенного данным обществом, или, если сказать об этом метафорически, образование – плоть от плоти того общества, в котором оно существует. Из подобной идеи, однако, не следует, что образование не может быть фактором больших социальных перемен, если в обществе и, в особенности, во властных структурах, готовы к этим переменам.

Несмотря на отказ считать образование преобразующей силой, приходилось считаться с тем, что процессы массовизации и профессионализации высшего образования, запущенные западными странами в середине 20 века, уже невозможно остановить. В этой ситуации политика маркетизации оказалась выходом из тупика финансовой необеспеченности: вузы стали брать плату за обучение. Идеологически, это было поддержано лозунгом о том, что образование – это тоже товар. Подобный ход событий был естественным для западного, буржуазного, мира.

Советский Союз стремился быть лидером и продвигал свои идеи: так, например, он

показал, что система образования в состоянии и сама кардинально изменяться, и изменять общество, что массовый и тотально профессионализированный сектор высшего образования может значительно повысить образовательный уровень населения и построить индустриальное общество в очень короткие сроки. Тем не менее, в конечном итоге, постсоветские страны предпочли уступить лидерство в формулировке новых идей для развития и выбрали политику маркетизации, которая была продуктом западного мира. Начиная с распада Советского Союза, сектор образования (в первую очередь, высшего) бывших советских стран поменял приоритеты: отныне не инженерное образование, а экономическое стало доминирующим, и не бесплатное, а платное обучение предпочтительным. Итак, Советский Союз показал, что образование может быть преобразующей силой, если общество и властные структуры готовы к переменам, но при этом Советский Союз также показал, что массовость, бесплатность и доступность, не обеспеченные бюджетным финансированием, в конечном итоге, столкнувшись с реалиями, легко превращаются в массовость, платность и доступность. Вероятно, следует признать, что в марксистской стране мессианское и утопическое сознание оказалось не восприимчивым к тезису Маркса о том, что экономика – это основа всего и базис общества, а, значит, возможности государственного финансирования массовости и бесплатности напрямую зависят от состояния экономики.

Итак, современные глобальные инновации в сфере высшего образования – это массовизация, профессионализация и маркетизация. Первые две запустил СССР, последнюю – западные страны. Маркетизация оказалась логическим следствием финансовой необеспеченности первых двух процессов. Превратив массовый сектор высшего образования в сегмент рынка, маркетизация позволила привлечь средства: на рынок образовательных услуг пришли те, кто готов был платить за товар и кто готов был зарабатывать на этом рынке. Сделав высшее образование объектом купли-продажи, маркетизация превратила сферу образования в субъекта хозяйственной деятельности. Подобного массового превращения образования в вид хозяйственной деятельности в истории человечества еще не было, и это является серьезным вызовом как для всех стран, так и для Беларуси, в частности. Требует тщательного осмысления и прогноза тот факт, что рыночный подход в образовании отодвигает классические ценности высшего образования на периферию, а также необходимо изучить влияние политики маркетизации на рынок труда.

Р. Коллинз считает, что расширение сферы образования как сегмента рынка имеет свои пределы: «Ограничения расширения образовательной системы заложены в одном из его структурных свойств. Образование не совсем аналогично денежной системе, поскольку стоимость печати большего количества денег относительно низка, а стоимость обучения растущего числа людей высока. Требуются высокие затраты на строительство корпусов, оплату учителей, администраторов и так далее» [4]. Стоимость обучения растущего числа людей требует много ресурсов, и это может стать ощутимой растратой, если стоимость образования будет превышать отдачу от него как для студентов, так и для общества. Р. Коллинз также указывает, что: «… пределы этой системы, как я уже говорил, заложены в растущей стоимости массового образования. В некоторых отношениях общество может осилить эти затраты, даже если они не дают прямой экономической отдачи. В такой стране как США, где идея общества всеобщего благосостояния политически непопулярна, образование действует как скрытая форма трансфертных платежей: законный способ субсидирования части населения, чтобы они не работали и не числились в рядах рабочей силы. В США это делается в основном посредством займов для студентов, которые обычно не возвращаются и впоследствии просто списываются» [4]. Еще одна цитата из Р. Коллинза: «В более широкой панораме массовое образование действует как кейнсианское стимулирование – оно одновременно выводит многих людей из рядов рабочей силы (студентов), обеспечивая их некоторым доходом, что стимулирует экономический спрос, и нанимает преподавателей, администраторов, строителей, издательства, компьютерных специалистов и т.д. Сокращение сферы массового образования будет означать прекращение значительной доли экономического стимулирования, риск высокого роста безработи-

цы и падение валовых затрат. … Верно, что в таких странах как США, где снижение стоимости является политически популярной идеей, существуют попытки сэкономить на образовании. Сегодня с этой целью компьютеризация используется в образовательном процессе. Меньшее число преподавателей может обучать большее количество людей, если занятия передаются дистанционно по телевидению, или же если обучение ведется компьютерами вместо людей. Такие сдвиги происходят преимущественно в менее престижных образовательных секторах» [4].

Итак, маркетизация решает проблему безработицы молодежи и стимулирует потребительский спрос (в данном случае, на образование). Как экономическое явление, маркетизация может быть полезной, но при этом есть основание утверждать, что, как и в случае с промышленным производством и финансовыми услугами, присутствует риск перепроизводства, в данном случае, специалистов как продуктов вузовской бурной деятельности. В этой связи возникают такие вызовы как «работа не по специальности», которая стала социально значимым явлением в Беларуси (и это касается, прежде всего, молодежи), а также «расширение самозанятости университетских выпускников», которые вынуждены сами создавать себе рабочие места.

Библиографический список

1. Стражев, В. И. Образование и наука в современном обществе – Мн.: БГУ, 2004, 255 с.
2. Бурлацкий Федор. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. – М.: Политиздат, 1988, 334 с.
3. Саймон, Б. Общество и образование. – М.: Прогресс, 1989, 200 с.
4. Коллинз Рэндалл. Массовое образование как жертва технологического развития. – Доклад, представленный на Международной конференции «Социальное измерение модернизации», 29-30 сентября 2010, Москва. Доступ: http://polit.ru/article/2010/10/08/rk/.

ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ, ОПОСРЕДОВАННОЙ ВОСПРИЯТИЕМ ВИЗУАЛЬНОГО АРТЕФАКТА

А. А. Полонников,
кандидат психологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск

Анализ конфигураций идентичности, вовлеченных в образовательные практики, может осуществляться с нескольких позиций. Одна из них, апеллирующая к ее *статической* форме идентификации, представлена, например, в образовательной концепции американского социолога Дж. Джи (Gee), где «идентичность» означает относительно устойчивый способ бытия в мире, связанный с групповыми целями, а также нормами и ценностями, отождествление с которыми позволяет индивиду, исходя из определенных внутренних предпосылок, «действовать и оценивать чьи-либо действия» [1, с. 78]. В формирование данного типа индивидуальной устойчивости, которая на психологическом уровне поддерживается «чувством идентичности», несомненно, вносит свою лепту и циркулирующий в социальных группах язык. Однако он в этой стратегии полагается зависимым от внелингвистических социальных феноменов и актов. Его активность латентна и не функционирует в качестве конститутива самосознания исследователя. Благодаря ресурсу «статической идентичности», поведение индивидов, обладающих ею, становится принципиально предсказуемым и контролируемым.

Вторая стратегия обращения с «идентичностью» апеллирует к ее *динамической* трактовке, ставя во главу угла текущее коммуникативное взаимодействие. В этом подходе категория «идентичность» зависима от ситуационных условий и прежде всего от распределения коммуникативной власти. В этом случае механизм идентификации реализуется не по линии «выражения» некой сущности в высказывании, не путем опоры на внеположенные высказыванию инстанции, а, наоборот, посредством одномоментного акта отождествления высказывания и идентичности. По сути, идентичность − и есть высказывание. Идентичность в динамической перспективе оказывается принципиально нестабильной, слабо прогнозируемой, являя собой своего рода «текучую» форму – изменчивое темпорально-типологическое образование. Каждое новое высказывание – это потенциальная возможность и новой идентификации, и нового самоотношения индивида. Язык в динамическом определении идентичности выступает ключевым моментом акта идентификации, а сама идентификация оказывается жестко связанной с лингвистической дефиницией. И, как замечает микроэтнограф Дэвид Блум, идентичность конструируется «через символическое действие, а значит, не предопределена. Взаимодействуя друг с другом, вступая в переговоры, люди создают рабочий консенсус о характеристиках друг друга…» [3, с. 3].

Рассмотрим в связи с привлеченным нами понятием «динамическая идентичность» несколько фрагментов дискуссии семинара с участием преподавателей БГУ. На занятии обсуждалась серия фотографий «Праздник», созданная белорусским фотографом Д. Парнюком (См. выставочный проект Даниила Парнюка http://novagallery.by/?p=5799). Предъявленные вузовским педагогам (10 участников) изображения отражали события празднования Дня единства трех народов: Беларуси, Украины и России. Проанализируем несколько фрагментов стенограммы состоявшегося обсуждения в обозначенном в названии материала контексте:

Уч. 8: Да... там не праздник… а свята … большими буквами написано… но тут даже не в этом дело... тут я случайно задумался… слово свята… очень выразительно слово… оно содержит внутри слово святость… от религиозных вещей идет... и это ни какое не свята…

Уч. 3: Праздник как праздник…

Уч. 8: Это банальное празднование… такое ничего неделанье… вот когда ничего не делаешь… то делаешь вот это … там все подмечено…

Уч. 3: Тогда что это за репортаж… тогда мы понимаем… что репортаж может быть многообразным… если мы предположим… что некоторый корреспондент ххх попытался создать фоторепортаж этого события… он поснимал людей на сцене… губернатора… священника… и возможно была бы центровка кадра… более точная экспозиция… более целенаправленный отбор фигур.

В приведенном фрагменте дискуссии в определении коммуникативной ситуации конкурируют два высказывания: 8-е и 3-е. 8-я реплика ориентирована содержательно и критически оценивает отраженное на снимках событие. Область его притязаний – анализ фотографического значения, которое, как можно предположить, действует в направлении реконструкции замысла фотографа, который стремится разоблачить социальную имитацию. Суждение участника 3 подвергает сомнению версию замысла на основании анализа фотографической техники: «была бы центровка кадра… более точная экспозиция… более целенаправленный отбор фигур». Внешне реплика участника 3 выглядит как мягкое оппонирование (противоговорение) участнику 8. Однако при ближайшем рассмотрении их речевые действия оказываются скоординированными. Коммуникативное действие их таково, что в результате его реализации образ текстуализируется, трансформируется в код, который присутствующим предстоит декодировать. При этом внимание участников семинара концентрируется на содержании изображения, а процесс его восприятия, а значит и вклад идентичности в конструкцию ситуации обсуждения, попадает в некоммуницируемую зону. Идентичность говорящих реализуется как фигура речи, описывающая независимо от нее существующий объект. Речь управляет практикой внимания, а ее образец ре-

чедействия заявляет претензию на групповую значимость. В этой демонстрации образца можно видеть момент имплицитной регуляции коммуникации, не фиксируемый, как правило, содержательно ангажированными участниками.

Важное значение в конституировании идентичности участника семинара имеет и прием авторизации. Последний заключается в создании фигуры автора – носителя замысла, что обеспечивает принятие участниками дискуссии центрированную на опыте перспективу восприятия, а также облегчает их коммуникативную солидарность (режим функционирования социальной идентичности). Авторизация, также, как и регуляция социального внимания, создает коммуникативную конструкцию ситуации, в которой воспроизводству речевых позиций участников (идентичности) в принципе ничего не угрожает. Учебная коммуникация попадает в «ловушку» воспроизводства, в которой предметом социального воображения становятся изобретение «авторских замыслов» и сочинение «загадок», скрытых «в глубине» изобразительных значений.

Складывающейся конвенции коммуникативной ситуации оппонирует 6-ой участник дискуссии, отрицающий и фактичность авторского замысла, и человеческую перспективу структурирования фотографической реальности:

Уч. 6: Ощущение панорамы у меня тоже очень сильное... и в этом смысле здесь нет как бы динамики…. нарратив… он предполагает динамику определенную… а здесь какая-то странная вещь… это первое... и мне не удается найти интерес и источник этого интереса… если приписывать репортеру… как бы фигура репортера не поддается идентификации... что-то сопротивляется этому… какой-то странный рассказ непонятно кого… т.е. я не могу приписать это видение какому-то конкретному интересанту и поэтому мне этот репортаж хочется в кавычки взять… какая-то более сложная конфигурация возникает этих образов… панорама… тогда панорама кому принадлежит… никому…

Уч. 8: Но это можно приписать в заслугу фотографу... он как бы сам скрывается… он себя не навязывает…

Уч. 6: Или мы не видим этой проработки планов...

Уч. 8: Возникает эффект… что ты сам там и ты можешь туда посмотреть… увидеть это… сюда посмотреть… увидеть то.

Уч. 6: Ну вот условно… кто говорит… типичный для гуманитарного исследователя вопрос… никто.

Отказ от персонификации взгляда, на чем настаивает участник 6, оказывается достаточно неожиданным предложением на референдуме возможностей дальнейшего движения семинара. Этому высказыванию можно приписать стратегическое значение, связанное не столько с попыткой реагирования на коммуникативную тенденцию, заданную альянсом 8 и 3 высказываний, но и с попыткой воздействия на ситуацию обсуждения в целом. В утверждаемой участником 8 перспективе изобразительные элементы фотографии не являются результатом позирования или предметом художественного творчества оператора. Съемка, осуществленная внезапно, производит образ, с помощью которого жизненная реальность оказывается ему подчиненной. Фотография в этом случае реализуется не как отражение объекта, а, как «часть, продолжение объекта и мощное средство овладения им и управления» [2, с. 203]. Речь перестает принадлежать, как это ни парадоксально, индивиду. Или, другими словами, на вопрос «кто говорит?» можно ответить: «говорит фотоснимок». В психотехническом плане это означает трансформацию способа использования воображения и фантазии. В первом случае воображение работает в режиме реконструкции и рекомбинации элементов, действуя как условие расширения и обогащения уже имеющегося у индивида опыта, во втором – как механизм опытной трансформации, порывающий с опытной преемственностью и выносящий за скобки личную историю участника как нерелевантную новой рецептивной ситуации. Коммуникативная стратегия, предлагаемая участником 8, может быть трактована как образовательная в том понимания образования, которая сообразуется с изменением способа коммуникативного существования индивида.

Сделанные нами наблюдения относительно функционирования способа воспроизводства и изменения идентичности в образовательной коммуникации при групповом восприятии и анализе визуального артефакта не позволяют нам слишком оптимистично, подобно американскому исследователю Дж. Лемке, смотреть на многопозиционную коммуникацию как источник автоматического «умножения взаимного потенциала» [4, с. 5]. Наш анализ позволяет предполагать, что раскрытие потенциала рецептивного многообразия строится на более сложных коммуникативных предпосылках, чем простое взаимодействие высказываний.

Библиографический список

1. Джи, Дж. Деятельность человека и социальные группы как естественная среда оценивания: размышления об обучении и оценке в XXI в. / Дж. Джи // Вопросы образования. – 2013. – С. 73–106.
2. Сонтаг, С. О фотографии / С. Сонтаг. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 272 с.
3. Bloome, D. A. Discourse Analysis & The Study of Classroom Language & Literacy Events A Microethnographic Perspective / D. Bloome [and oth.]. – Mahwah ; New Jersey ; London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2005. – 263 p.
4. Lemke, J. L. Intertextuality and Educational Research / J. L. Lemke // Uses of Intertextuality in Classroom and Educational Research ; ed. by N. Shuart-Faris and D. Bloome. – Greenwich, Connecticut : IAP, 2004. – P. 3–14.

НИЗКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ КАК УГРОЗА КАДРОВОМУ ПОТЕНЦИАЛУ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л. Г. Воронецкая,

магистр управления и экономики, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Lu7y@mail.ru

В настоящее время для Республики Беларусь существует угроза снижения кадрового потенциала в системе высшего образования в связи с низким социальным статусом преподавателей вузов. Данная проблема является актуальной, поскольку уже наблюдается негативная тенденция старения профессорско-преподавательского состава и ухудшения его квалификационного уровня, а также низкая эффективность послевузовского образования, ограниченные его масштабы.

В Советском Союзе престижность профессии преподавателя закреплялась в правовых документах и пропагандировалась государством. Своевременная и стабильная выплата зарплаты в советское время соответствовала престижности профессии [1]. Сейчас же непрестижность профессии преподавателя может оттолкнуть от преподавательской карьеры не только лучших студентов, но и молодых и талантливых преподавателей, которые выбрали работу по призванию.

Сидоренко И. Н. отмечает, что социальный профиль белорусского преподавателя (который зависит от 4-х критериев социальной стратификации: власти, дохода, образования и престижа) не позволяет ему претендовать на место в высшей социальной страте или, по крайней мере, в высшем слое средней страты. Если рассмотреть профиль доцента детально по каждому критерию (рис. 1), то по критерию «престиж» доцент находится в низшей страте, в то время как даже по критерию «доход» он находится в нижнем слое средней страты и только по критерию «образование» доцент находится в верхнем слое средней страты (профессор по данному критерию располагается в середине высшей страты, академик – на вершине пирамиды, но по остальным критериям ситуация будет относительно хуже как и в случае с доцентом). С учетом всех критериев доцент находится примерно на границе низшего и среднего слоя средней стра-

ты, профессор – в среднем слое средней страты. Сорокин П. А. отмечает значимость всех четырех критериев, изменение одного критерия – изменит позицию в стратификации. В то же время Л. Уорнер выделяет главный критерий: престиж (статус, репутация). По его мнению, все остальные критерии зависят от статуса человека [2, с. 48–55].

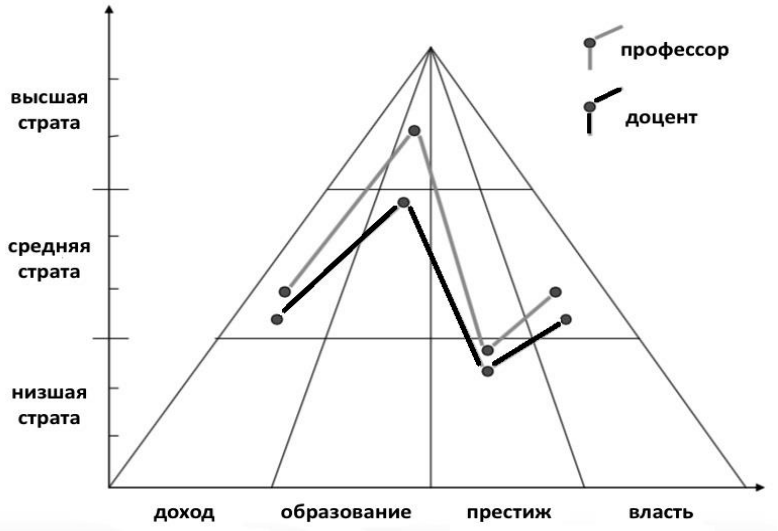

Рис. 1. Социальный профиль доцента и профессора в Беларуси

Примечание – собственная разработка на основе [2, с. 48-55]

Многие ученые отмечают, что главным критерием социальной стратификации в постиндустриальном обществе является уровень образования, т.к. высокий уровень образования позволяет получать более высокие доходы. Однако для Республики Беларусь, которая находится на этапе перехода к постиндустриальному, уровень образования пока еще не является главным критерием социальной стратификации.

Таблица 1. **Дополнение Государственной программы развития высшего образования задачей «повышение престижа профессии преподавателя вуза и социального статуса преподавателей» и соответствующими мероприятиями**

Задача	Мероприятия для решения задачи
повышение престижа профессии преподавателя вуза и социального статуса преподавателей	1) установка в центре Минска памятника, символизирующего преподавателя вуза и размещение его изображения в СМИ и на различных материальных источниках
	2) включение пропаганды преимуществ профессии преподавателя вуза в образовательные дисциплины для студентов вузов, в частности в структуру дисциплин «университетоведение» и «идеология белорусского государства»
	3) пропаганда кафедрами вузов преимуществ преподавательской деятельности среди склонных к научно-исследовательской и педагогической деятельности студентов, предоставление им возможности проведения участия в организации и проведении занятий, получения опыта преподавания во время учебы
	4) установка плаката в каждом УВО, пропагандирующего социально значимый труд преподавателя, а также уважение и почтение к преподавателям. Содержание плаката должно включать истории великих людей о ключевой роли преподавателей и учителей в их жизни и формировании их мировоззрения
	5) проведение 1 раз в год вузовских, областных и республиканского конкурсов «Лучший преподаватель года» с размещением информации о победителях и их фотографий в государственных и вузовских СМИ

Примечание – собственная разработка

В мире университетский преподаватель традиционно относился к верхним группам среднего класса. И сейчас принадлежность преподавателя к среднему классу никто не оспаривает. Однако развитие событий последней трети XX в., в т.ч. развитие креативной экономики и массовизация высшего образования, привело к тому, что эта планка несколько снизилась. [3, с. 405]. Несмотря на рост роли образования и науки в постиндустриальных обществах, сегодня в развитых странах, которые уже достигли постиндустриального развития или очень близки к постиндустриальному этапу, отмечается значительное уменьшение количества студентов, которые ориентируются на получение послевузовского образования и по окончании учебы начинают преподавать. В первую очередь это вызвано падением престижа профессии преподавателя во всем мире [4, с. 89]. В развивающихся странах эти тенденции более выражены, однако разница в зарплатах преподавателей по группам стран стимулирует процессы «утечки мозгов». Данная проблема характерна и для Республики Беларусь.

Для анализа роли при выборе карьеры преподавателя вуза такого мотива как престиж и социальный статус преподавателя вуза был применен метод социологического исследования. В феврале-марте 2015 г. было проведено анкетирование среди студентов магистратуры белорусских вузов. Следует отметить, что студенты магистратуры, для которых значимым является мотив «престиж и социальный статус преподавателя», понимают, что не смогут реализовать данный мотив, работая преподавателем в Беларуси. Поскольку низкий социальный профиль профессии преподавателя высшей школы не позволяет занять преподавателю вуза высокое положение в социальной структуре общества по всем параметрам, кроме образования.

Таким образом, проблема низкого социального статуса преподавателя вуза, обусловленная непрестижностью профессии и невысокой оплатой труда преподавателей высшей школы требует решения, поскольку создает угрозу обеспечения системы высшего образования Республики Беларусь кадровым потенциалом. Повышение престижа профессии преподавателя вуза и социального статуса преподавателя возможно путем внесения дополнительной задачи и соответствующих ей мероприятий в Государственную программу развития высшего образования. В таблице 1 представлен список мероприятий по реализации данной задачи.

Поскольку социальный статус тесно связан с уровнем доходов, то также рекомендуется проводить государственную политику, направленную на повышение доходов кадров высшей квалификации путем реформирования оплаты труда в бюджетной сфере, предоставления научным организациям и вузам больших свобод в выборе систем и форм оплаты труда.

Библиографический список

1. Наумова, Л. В. Преподаватели высшей школы в условиях трансформации российского общества 1985 – серед. 1990-х гг. (на материалах Тверской области): автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02/ Л. В. Наумова; Самарский государственный университет. – Самара. – 2010. – 22 с.
2. Сидоренко, И. Н. Социология: учеб.-метод. комплекс для студентов всех специальностей заочной формы обучения / И. Н. Сидоренко; под ред. П. А. Водопьянова. – Минск: БГТУ, 2008 – 170 с.
3. Как платят профессорам? Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / под. ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущака, И. Пачеко; пер. с англ. Е. В. Сивак под науч. Ред. М. М. Юдкевич; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 439 с.
4. Хохлова, М., Хохлов И. Мировые тенденции в развитии образования // Мировая экономика и международные отношения № 6, 2014. – С. 85–94.

ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Л. В. Новиченок,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В настоящее время наблюдается беспрецедентный спрос на высшее образование в связи с осознанием его решающего значения для социально-культурного и экономического развития практически всех государств мира. Об этом говорят результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологи НАН Беларуси [1, 2]. Об этом говорит и социологический анализ образования в Республике Корея.

Современное корейское общество устроено таким образом, что без университетского диплома у человека нет никаких шансов получить приличную работу, а дорога к самым серьёзным постам в государстве открыта только выпускникам десятка лучших учебных заведений страны.

После освобождения от японского колониального господства 15 августа 1945 года усилия корейской системы образования были направлены на то, чтобы национальное обучение не просто слепо копировал идеи Запада, но детерминировало формирование нового общественного порядка путем перестроения существующей системы с учетом новаторских западных концепций.

С момента обретения независимости и до настоящего времени государство уделяет особое внимание начальному образованию. С 1953 года обязательным является шестилетнее обучение в начальной школе, а немного позднее – трехлетнее образование в средней школе. Процесс школьного образования в Корее неотрывно связан с принципами и методами традиционного воспитания характера.

Начиная со школы, изучение отечественной истории происходит на примерах жизни ярких личностей, представителей различных эпох. В воспитании школьников популярны исторические примеры абсолютной сыновней/дочерней почтительности, послушания старшим, верности в браке, преданности своему государству и королю, преданности своему народу и т.д.

В качестве учебника по воспитанию характера, правил поведения, этики с самого раннего возраста используются истории, сказки, легенды корейского национального фольклора. Большое значение в образовании и воспитании школьников старшего возраста уделяется передаче «духа личности», «духа эпохи» через посещение музеев, памятников, мест, где происходили те или иные важные исторические события.

Особое внимание в изучении истории уделяется биографиям выдающихся людей, представителей различных эпох, культур, с древних времен до настоящего времени, что само по себе является примером преодоления сложных жизненных ситуаций, воспитывает патриотизм и целеустремленность, любознательность и вызывает уважение к другим народам. Изучение корейской истории тесно переплетено с изучением литературы древних философских книг Востока, а также с традиционным искусством.

Начиная с дошкольного образования, детям прививается дух коллективизма, единой общности, как корейцев, на примерах все тех же сказок и легенд традиционного фольклора.

Весь процесс воспитания и обучения в школе проходит в строжайшей дисциплине.

С древних времен позиция учителя в Корее высоко ценится и уважается в обществе. Учитель имеет неоспоримый авторитет, подкрепляемый влиянием родителей. Вседозволенность в семье перемежается с чрезвычайно строгим отношением преподавателя в школе. В случае непослушания со стороны детей воспитание переходит от сказки к реальной жизни в виде наказаний. В первый раз наказывается сам провинившийся ученик, а второй раз - весь класс. Позволяется применять даже телесные наказания, но в современных школах это случается редко, так как может шокировать иностранцев, которые все ча-

ще стали обучаться в Корее.

Следует отметить, что традиционно в высшем корейском обществе принято воспитывать мальчиков отдельно от девочек. Поэтому до сих пор большинство средних школ Кореи – раздельные.

В рамках пропаганды здорового образа жизни и с целью воспитания духа национальной общности проводится повсеместная популяризация занятий традиционными видами единоборств для школьников начальной и средней школы. Избрание в качестве метода воспитания традиционных единоборств не случайно, так как в первую очередь они основаны на глубокой восточной философии.

Обучение в начальной школе, средней и старшей (высшей) школе проводится в разных зданиях, не имеющих связи между собой. Таким образом, поступая в школу следующего уровня, ученики полностью меняют привычную им обстановку. Начиная со средней школы, в конце каждого семестра проходят небольшие завершающие экзамены.

Учебный год в образовательных учреждениях Кореи поделен на два семестра. Первый семестр начинается с первого марта и заканчивается в середине июля, а второй семестр обучения длится с первого сентября до середины декабря. Соответственно, школьные каникулы проходят также в два периода: летние – с середины июля до конца августа, и зимние – с середины декабря до конца февраля следующего года.

1. **Начальную школу,** «чодын хаккё» (кор. 초등 학교) посещают дети в возрасте от 7 до 13 лет (6 и 12 «западных» лет соответственно).

Обычно все предметы ведет один классный руководитель «тамим сонсенним» (кор. 담임선생님), который играет очень важную роль в жизни учеников и имеет большой авторитет. Некоторые специальные дисциплины могут вести другие педагоги.

В Южной Корее номер класса начинается с одного при поступлении в начальную школу, среднюю или старшую (высшую). Чтобы провести различия между видами школ, номер класса обычно указывается с уровнем образовательной ступени. К примеру, первый класс средней школы будет называться как «Первый класс средней школы», «джунхаккё иракнён» (중학교 1학년).

2. **Среднюю школу**, «джунхаккё» (кор. 중학교) посещают дети в возрасте от 13 до 16 лет (от 12 до 15 лет по западным меркам).

Все предметы в средней школе ведутся разными педагогами. Дети остаются в своем классе весь день, а учителя переходят из класса в класс. Учебная неделя длится с понедельника по пятницу, а также полдня каждую первую, третью и пятую субботу месяца. У учеников средней школы по 6 уроков в день. Утром до занятий 30 минут самообразования, например, по Образовательному телеканалу (EBS) или занятий классными делами. Также по субботам учащиеся участвуют в общественной деятельности или занимаются в школьных кружках.

По сравнению с южнокорейская начальной школой, средняя школа предъявляет гораздо более высокие требования к своим учащимся. Строго регулируется форма одежды, прически и т.д.

3. **В старшую (высшую) школу** «годынхаккё» (кор. 고등학교) на первый курс поступают в 17 лет и выпускаются после третьего курса в возрасте 19 лет (16 и 18 «западных» лет).

Старшая (высшая) школа подразделяется в свою очередь по специализированным направлениям, соответствующим интересам того или иного ученика и совпадающим с его будущим карьерным путём.

При поступлении в ВУЗ учитываются суммарные результаты его собственных вступительных экзаменов, оценки «общенационального экзамена» на способность к обучению в ВУЗе, который складывается из заданий по основным предметам школьной про-

граммы: корейскому и, истории Кореи, английскому языку, математике, и трем предметам на выбор абитуриента. Также обязательно учитываются высокие оценки из «регистра школьной жизни».

Регистр школьной жизни, или, как его еще называют, «ведомость ученика», представляет собой журнал, в котором фиксируется различная информация обо всей жизни учащегося за время обучения в школе. Регистр состоит из «дисциплинарного» и «не дисциплинарного» отчетов.

Дисциплинарный отчет составляется из всех рейтинговых оценок знаний ученика, начиная с третьего класса средней школы. В основе такого отчета лежит информация о его общественной жизни, аттестат, сертификаты владения английским языком, награды и достижения.

Таким образом, главное направление в корейской школьной системе обучения – это подготовка к успешному прохождению выпускных экзаменов и последующему поступлению в университеты. Поэтому школьники с плохой успеваемостью не допускаются к сдаче выпускных экзаменов и вынуждены оставаться на том же уровне для повторного прохождения программы.

Корейское государство стремится поддерживать равные возможности получения базового школьного образования. К ученикам начальной и средней школы, отстающим по программе, и ученикам из интернациональных семей направляются так называемые «государственные учителя», которые проводят дополнительные бесплатные уроки на дому у школьника по каждому предмету несколько раз в неделю в присутствии одного из родителей. Все окружение ученика в школе находится под строгим контролем преподавателей и направлено, главным образом, на получение хороших результатов на тестах. Вследствие этого, корейские школьники отлично подготовлены по основным предметам программы, таким как математика, химия, физика и грамматика именно потому, что дисциплинированные многократные повторения материала и стандартизованный формат проведения уроков дает им преимущество в сферах, где требуется соблюдение четкой структуры и формы.

Следует отметить, что корейский подход к образованию начальной и средней школы имеет определенные интеллектуальные преимущества. В 2002 году корейские школьники в возрасте 14–15 лет выиграли международный конкурс, который проверял качество образования среди 24-х наций-участников, проводимый Исследовательским центром ЮНИСЕФ. В этом конкурсе исследователи не делали фокус на получение высоких результатов тестов. Ими была разработана система, которая определяла уровень чистых знаний учеников средних школ Северной Америки, Океании, Европы, и нескольких дальневосточных государств. В результате, победителями конкурса стали корейские школьники, занявшие первое место. Исследователями также была особо отмечена сильнейшая поддержка со стороны семей корейских участников и психологическая защита, которую она обеспечивает.

Другое, более важное преимущество корейской системы образования базируется на признании авторитета преподавателя, тогда как западная модель базируется на интеллектуальном скептицизме. Студент не должен возражать учителю, так как он рассматривается как источник знаний, а изложенные им факты принимаются абсолютно. К учителю в Корее относятся как ко второму родителю.

Важным инструмент системы образования в Корее, является качество отношений учитель – ученик. На Западе преподаватель расценивается как профессионал, ответственность которого предоставить ученику хороший «образовательный продукт». В то время как в Корее учитель ответственен за весь учебный процесс целиком. Другими словами, корейский учитель несет ответственность за будущее своего ученика.

В заключении хочется особенно отметить еще одно очень важное новое веяние в корейском обществе, которое быстро стало очень популярным и укрепилось в системе образования. С самого раннего возраста детей учат задумываться о будущем, выбирать свою

большую мечту и двигаться к ней совершенствуя себя.

Библиографический список

1. Котляров, И. В. Белорусское образование в человеческом измерении / И. В. Котляров // Наука и инновации. – 2014. –№ 6. – С. 57–61.
2. Котляров, И. В. На пути к будущему. Социологические тренды / И. В. Котляров /// Беларуская думка. – 2015. – № 1. – С. 89–96.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. Каргаполова,
доктор социологических наук, доцент,
Астраханский инженерно-строительный институт, г. Астрахань
А. Ю. Арясова,
кандидат политических наук,
Астраханский инженерно-строительный институт, г. Астрахань
Ю. Г. Миронова,
кандидат социологических наук, доцент,
Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Социокультурная преемственность является фактором развития социальной системы и личности [1; 2]. Под социокультурной преемственностью понимается «воспроизводство как социальных структур, так и норм, ценностей и идеалов… социокультурной системы, что обеспечивает ее тождественность самой себе» [3, с. 69] в пространстве и времени. Благодаря механизму преемственности становится возможной формализованная и неформальная совместная деятельность людей.

Одной из форм социокультурной преемственности являются межпоколенные отношения. При этом поколение исследуется как субъект социокультурного воспроизводства, межгенерационные противоречия – как фактор социального риска [4].

Исследование особенностей межгенерационных отношений в трансформирующемся обществе стало возможным на основе анализа некоторых результатов инициативного социологического исследования «Российское студенчество о Великой Отечественной войне», реализованного в ноябре 2014 года – январе 2015 года Российским обществом социологов (N=3500) (научные руководители Ю. Р. Вишневский (г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет), Н. В. Дулина (г. Волгоград, Волгоградский государственный университет), Е. Н. Икингрин (г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет), Е. И. Пронина (г. Москва, Институт социологии РАН)). В рамках всех волн проекта исследование носит зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Массив полученных данных обработан с использованием программного комплекса «Vortex».

В Астрахани было опрошено 302 студента (28,4 % юношей, 71,6 % девушки) [результаты опубликованы: 5–6], а также в апреле-мае 2015 г. – 219 «взрослых» астраханцев (34,6 % мужчин и 65,4 % женщин). Исследование в Астрахани проводилось под руководством и при непосредственном участии авторов этой статьи. В статье используются результаты «астраханской» части массива (по студентам и взрослым), а также общероссийские результаты по студенчеству. Доступ к общероссийским результатам разрешен одним из руководителей исследования.

Межгенерационная консолидация и дифференциация наблюдается при ответе ре-

спондентов на вопрос «Что значит сегодня быть патриотом России?». Так, иерархия ответов молодежи и взрослых совпадает: на первом месте находится вариант «уважать и знать историю России», на втором – вариант «испытывать гордость за свою страну», на третьем – «уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста, инвалидам» (см. табл. 1).

Таблица 1. **Мнение респондентов о том, что значит сегодня быть патриотом России,** % от числа ответивших

Что значит сегодня быть патриотом России?	Студенты Астрахани	Студенты России	Взрослые Астрахани
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	36,4	42,1	44,2
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	34,4	38,1	23,3
Испытывать гордость за свою страну	63,6	72,6	56,3
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	3,4	6,2	7,4
Покупать в основном отечественные товары	4,1	2,6	5,1
Уважать и знать историю России	64,3	77,3	67,4
Уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста, инвалидам	49,8	64,8	44,7
Принимать участие в общественной и политической жизни страны	16,2	26,3	12,6
Не уклоняться от службы в армии	8,9	30,9	12,1
Честно и добросовестно трудиться	6,9	22,3	20,0
Что-то другое	0,0	2,6	0,9

Примечание: Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно

Таким образом, преобладает «пассивное» понимание патриотизма, тогда готовность к самопожертвованию, ответственность за происходящее в стране, политическая и общественная активность, исполнение гражданского долга в армии», честный и добросовестный труд занимают середину и конец списка. Преобладание «пассивных» форм патриотизма отражает, на наш взгляд, нарушение социокультурной преемственности, вызванное ростом социальной и ценностно-идеологической разобщенности в обществе.

В середине обшей иерархии находятся такие «активные» формы патриотизма как «испытывать чувство ответственности за происходящее в стране» «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны». Напомним, что эти формы отражают традиционные составляющие российской национальной идеи – коллективизм и жертвенное служение.

Астраханцы (как студенты, так и взрослые) демонстрируют меньшую степень выраженности чувства патриотизма по сравнению со студентами России в целом, а также взрослые астраханцы – по сравнению с астраханским студенчеством.

Так, все опрошенные астраханцы гораздо меньше, чем в среднем студенчество по России, выбрали варианты «уважать и знать историю России», «испытывать гордость за свою страну», «уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста, инвалидам», «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны»,

«принимать участие в общественной и политической жизни страны», «не уклоняться от службы в армии», «честно и добросовестно трудиться».

Кроме того, взрослые астраханцы несколько меньше, чем представители астраханского студенчества выбрали варианты «уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста, инвалидам», «принимать участие в общественной и политической жизни страны», значительно меньше – варианты «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны», «испытывать гордость за свою страну»; несколько больше – «уважать и знать историю России», «не уклоняться от службы в армии», «обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране», существенно больше – «испытывать чувство ответственности за происходящее в стране», «честно и добросовестно трудиться».

Таким образом, мы наблюдаем разрывы социокультурной преемственности, как в пространстве, так и во времени. Причины разрыва в пространстве заключаются в исторических особенностях освоения Астраханской области. Так, для Нижневолжского региона характерна открытость миру и мультикультурность, в меньшей степени выражено институциональное давление. Кроме того, в последние столетия Астраханская область являлась традиционным местом ссылки. Все это определяет большую степенью маргинальности менталитета астраханцев и в какой-то степени позволяет объяснить меньшую степень выраженности чувства патриотизма.

Нарушение социокультурной преемственности во времени можно объяснить также тем, что личностное становление поколений и двадцатилетних, и тридцатилетних, и сорокалетних происходили в условиях искажения понимания общегосударственного исторического процесса в постсоветской России, что привело к девальвации понятия «патриотизм» и патриотического воспитания в условиях приоритета западных ценностей, отождествленных с общечеловеческими. При этом отрадно, что по ряду позиций молодежь не уступает, а даже обгоняет взрослых.

Библиографический список

1. Игнатенко, Т. И. Социокультурная преемственность как фактор развития социальных систем дисс… канд-та филос. наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия, / Т. И. Игнатенко. – Волгоград, 1998. – 166 с.
2. Карев, П. В. Социокультурная преемственность и горизонты развития личности : дисс... канд-та философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия. / П. В. Карев. – Уфа, 2002. – 145 с.
3. Дулина, Н. В. Социокультурное пространство региона: методология исследования / Н. В. Дулина, О. В. Естрина, Т. И. Игнатенко, Н. А. Овчар, М. М. Самчук, О. И. Ситникова. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2011. – 132 с.
4. Михеев, Е. Я. Межгенерационные отношения в современной России: проблемы социокультурной преемственности : дисс. ... канд-та. филос. наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия / Е. Я. Михеев. – Краснодар, 2005 – 142 с.
5. Ануфриев, Д. П. Патриотизм в менталитете современной молодежи: Астрахань – Волгоград (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) / Д. П. Ануфриев, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова // Известия Волгоградского государственного технического университета. Межвузовский сборник научных статей. – № 2 (155). – Волгоград: ВолгГТУ, 2015. – Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – Вып. 20. – С. 12–17.
6. Каргаполова, Е. В. Великая Отечественная война в социальной памяти молодежи Астрахани и Волгограда (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) / Е. В. Каргаполова, Ю. Г. Миронова, О. С. Хамзяева // Известия Волгоградского государственного технического университета. Межвузовский сборник научных статей. – № 2 (155). – Волгоград: ВолгГТУ, 2015. – Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – Вып. 20. – С. 98–101.

ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО СОЦИУМА

В. И. Миськевич,
кандидат философских наук, доцент,
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск

Перманентные внешние вызовы и внутренние противоречия, чаще всего несоизмеримые по силе давления с возможностями адекватных на них ответов белорусского социума, в существенной мере деформировали и осложнили процессы формирования синергийных структур и отношений в белорусском обществе, в том числе национальной элиты и национального самосознания, обусловили формирование различных форм отчуждения человека (от собственности, власти, исторической традиции, культуры, права, языка, личностного достоинства и т.д.) [1, с. 152–164]. В течение двух последних столетий прослеживается действие тенденций к восстановлению целостности белорусской социокультурной синергии. Однако проявляли они себя весьма противоречиво, часто лишь спорадически или в контексте иных, более мощных и поглощавших их течений. В советский период отечественной истории произошло становление и институализация форм высокой (профессиональной) культуры. Фактом стало укоренение в массовом сознании белорусов идеологии (и психологии) некоторого этнического своеобразия. Вместе с тем он еще больше закрепил в социальном характере белорусов комплекс пассивности, патернализма, пиетета и некритического отношения ко всем властным структурам.

Новые исторические условия, в которых оказался белорусский социум, со всей остротой поставили в повестку дня проблему самоопределения народа, выработку стратегии устойчивого развития страны. Проблема эта многогранна. Ее нельзя сводить лишь к природно-экологическим, социально-экономическим и технико-технологическим аспектам (при всей их важности). Она включает в себя также формирование соответствующей институциональной среды, а также новое качество социального и человеческого капитала, в том числе духовно-ценностного содержания национального самосознания, менталитета народа.

Феномен национального менталитета является «сквозной» проблемой, которая должна учитываться при разработке государственных программ модернизации (в том числе инновационного развития страны), создании и «запуске» механизмов социальной самоорганизации, поддержке предпринимательства и бизнеса, практике обучения и воспитания, принятии управленческих решений и т.д.

Учеными-белорусистами осуществлена большая работа по изучению разных аспектов национального самосознания. В последнее время в данный процесс активно включились социологи. Общепризнано, что центральную проблему белорусского менталитета составляет размытость, неочерченность его "ядра". Белорусы в своей массе знают свою историю, язык и культуру намного хуже, чем историю, язык, культуру и литературу соседних стран и народов. Отсюда и "летаргический" тип личности, отношение к себе и окружающему миру. Поэтому, как правильно утверждает исследователь этой проблемы Ю. Чернявская, – анализ белорусского менталитета, исторических и социокультурных предпосылок его формирования и развития, – имеет самое непосредственное отношение к преодолению «национальной летаргии» [2, с. 60] и трансформации социального характера.

Социальный характер, согласно автору данного понятия Э. Фромму, – это результат динамической адаптации человеческой природы к общественной среде [3, с. 290]. Думается, что и к природной тоже. Он представляет собой сплав чувств, мыслей и установок к действию, общих для большинства людей данного социума и входит в структуру его менталитета. Социальный характер определяет динамичный аспект менталитета народа и несет на себе печать этнического своеобразия, специфицируясь в национальном характе-

ре. Трансформация этнического самосознания (его ценностно-смыслового ядра) в существенной степени зависит от изменений в структуре национального характера.

Подобно тому, как характер конкретного индивида формируется и проявляется в действиях (бездействии), также и социальный характер создается в ходе ответов этноса на вызовы истории. Если в действиях доминирует активное начало, направленное на преобразование и подчинение среды, значит характер у социального субъекта «мужской». А если его действия (ответы) имеют форму реакций на внешние вызовы, носят адаптивный характер, значит характер у него «женский». У Н. Бердяева есть интересные рассуждения на сей счет. В своем эссе «О «вечно бабьем» в русской душе» он пишет: «Великая беда русской души… в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем». Русский народ слишком погружен в стихийный коллективизм, в нем не окрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав [4, с. 300]. Думается, что это оценочное суждение великого мыслителя как нельзя лучше характеризует и «белорусскую душу».

Новые идеи, которые появляются на жизненном горизонте общества, укореняются в ней (национальной «душе») лишь тогда, когда совпадают со специфическими потребностями и архетипами его социального характера. Данный процесс подчиняется определенной исторической логике и искусственно форсирован быть не может. Изменения в социальном характере могут происходить как спонтанно, в результате процессов социальной самоорганизации, так и целенаправленно – под влиянием определенной идеологии и организационной политики государства. Надо полагать, что дополняющее взаимодействие институционального и спонтанного начал социальной синергии является наиболее эффективным способом перестройки структур социального характера народа.

Исходя из сформулированных теоретических посылок, рассмотрим ситуацию с трансформацией белорусского национального характера.

Не секрет, что в социальном характере белорусов нет выраженного чувства национального достоинства, чувства здорового национализма. Между тем Э. Геллнер, один из основателей мировой науки о нациях, исследовав проблему соотношения между нацией и национализмом, высказал в свое время предположение, согласно которому не нации порождают национализм, а национализм порождает нации [5, с. 127]. В настоящее время эту формулу по достоинству называют «парадоксом Геллнера».

Перефразируя известный афоризм Мальдини, можно сказать: «Мы создали Беларусь. Теперь наша задача – создать белорусов». Первостепенное значение, как об этом свидетельствует опыт нациостроительства в других странах, имеет целенаправленная культурная политика, образование и воспитание подрастающего поколения в духе национализма (последний не нужно истолковывать вульгарно, отождествлять с шовинизмом или изоляционизмом). Речь идет об использовании тех форм и инструментов национального строительства, которые доказали свою историческую успешность с учетом, естественно, реалий XXI века. Подчеркнем: «нация», как это показано У. Альтерматтом, Э. Хобсбаумом [6; 7], белорусскими исследователями [8], является «воображаемым» сообществом, которое формируется, конструируется сознательно политической и духовной элитой общества. Если такой целенаправленной работы нет, то приходится сталкиваться с таким вот парадоксом.

В 2007–2009 гг. был проведен ряд исследований среди студентов, школьников и людей от 25 лет и старше [9]. Цель – выявление особенностей национальной идентичности, т.е. содержательных смыслов самоопределения «мы белорусы». На основе ответов респондентов была установлена следующая иерархия этих смыслов. На первом месте по значимости находится абстрактный и размытый образ Беларуси, без каких-либо содержательных характеристик. На втором месте – идентификация белорусов с Республикой Беларусь как с независимым государственным образованием, которое, с одной стороны, является чем-то очевидным и гарантированным, а с другой – воспринимается как контур, очерченный на карте и закрепленный государственной символикой, т.е. вне связи с внут-

ри- и внешнеполитической, экономической, правовой, социальной конкретикой. На третьем месте – идентификация с национальной культурой. Но национальная культура не вызывает у белорусов в массе своей ни воодушевления, ни восторга, ни чувства национальной исключительности. Констатируется просто факт существования культурного наследия, с которым «я» никак не связан.

Эмоционально-индифферентное отношение к собственной истории и культуре во многом обусловливает дистанцирование и отпадение от родного языка. Так, в 1999 г из общей численности белорусов своим родным назвали белорусский 85,6 %, а в 2009 – лишь 60,8 % [10, с. 317–318]. Такие ценности, как государство, история, язык, культура и связанные с ними традиции «в норме» являются ядром национальной самоидентификации социума. В нашем случае оно еще должно сформироваться. Спрашивается, кем? В силу неинтегрированности эмоционального и конструктивно-деятельного начала в структуру национального характера ответ связан с восприятие власти как единственной инстанции («мужа»), которая способна решать стоящие перед страной проблемы. Вместе с тем очевидно, что масштабные долгосрочные задачи модернизации белорусского общества требуют вовлечения в этот процесс в качестве заинтересованных участников широких масс («спящую красавицу»). Их («ее») «пробуждение» связано с изживанием пассивности, патерналистских ожиданий и эмоциональной индифферентности к происходящему, - с одной стороны, и формированием в структуре национального характера таких социальных чувств, как национальное достоинство, патриотизм, солидарность, взаимопомощь, готовность к коллективным действиям, инициативность, предприимчивость, критичность, готовность рисковать, – с другой.

Работать есть над чем. В настоящий момент, как фиксирует научный анализ, «ментальный автопортрет современных белорусов определяется в первую очередь социально-духовными и патриархально-традиционными, коллективистскими характеристиками, в меньшей степени – рационально-демократическими и либеральными, индивидуалистическими ментальными характеристиками» [11, с. 26]. Социологические исследования структуры мотивации населения Беларуси показывают, что в социальном характере современного белоруса доминируют такие базовые качества, как исполнительность, дисциплинированность, работоспособность, ответственность. А вот что касается качеств, определяющих инновационную активность, то они не получили достаточного выражения в самооценках даже наиболее динамичных социальных групп – студентов и предпринимателей. Так, лишь 36,2 % респондентов отметили у себя такую черту как предприимчивость, 32,8 – потребность в самообразовании, 34,7 – умение рисковать, 43,2 – инициативность, 44,9 – целеустремленность [12, с. 67–68]. Ментальные установки руководителей мало отличаются от среднестатистических. В. В. Цепкало, обобщая опыт работы парка высоких технологий, отметил: не все наши руководители пока даже понимают, что такое информационные технологии и зачем они нужны [13].

Таким образом, модернизация когнитивного, аксиологического и социально-психологического содержания национального самосознания предполагает превращением аморфных структур белорусского менталитета в самодостаточное национальное самосознание, фундированное как ценностями собственной истории и культуры, так и императивами современности. В этом процессе важны все имеющиеся в распоряжении общества и государства инструменты – система образования, СМИ (особенно TV, Интернет), кино, реклама, искусство, научная периодика, спорт, туризм и, last but not least, – политическая воля. Ибо, в конечном счете, общий успех модернизации, построения в нашей стране постиндустриального общества зависит (и будет зависеть) от "качества" человеческого капитала, творческого потенциала народа. И если процесс его активации будет «понимающим», то и результаты окажутся ожидаемыми. В нашем случае – совпадающими с целями национальных программ и проектов.

Библиографический список

1. История философской мысли Беларуси: учеб.-метод. пособие / Г. И. Малыхина [и др]; под. ред. Г. И. Малыхиной и В. И. Миськевича. – Мн.: 2014. – 170 с.
2. Чернявская, Ю. В. Народная культура и национальные традиции / Ю. В. Чернявская. –

Мн.: 2009. – 170 с.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: 1990. – 246 с.
4. Бердяев, Н. А Философия творчества, культуры и искусства. – Т.2. – В 2-х т. / Н. А. Бердяев. – М.: 1994. – 510с.
5. Геллнер, Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. –М.: 2002. – С. 132–215.
6. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / Альтерматт У. – М.: 2000. – 252 с.
7. Хобсбаум, Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в Европе // Нации и национализм. – М.: 2002. – С. 301–347.
8. Буховец, О. Г. Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты / О. Г. Буховец. – М.: 2004. – 124 с..
9. Фабрикант, М. Царик Ю. Белорусский народ как реальность / М. Фабрикант, Ю. Царик // Беларуская думка. – 2009. – С. 62–67.
10. Перепись населения 2009. Национальный состав Республики Беларусь. Т. III. – Мн.: 2011. – 637 с.
11. Кириенко, В. В. Менталитет современных белорусов (социологический анализ): автореф. дис. … д-ра социол. наук / В. В. Кириенко. – Мн., 2007. – 36 с.
12. Шавель, С. А. Личностные качества – основа инновационного человеческого потенциала / Шавель С. А. // Социология. – 2010. – № 4. – С. 64–71, 132.
13. СБ сегодня. – 2010. – 26 нояб.

БЕЛОРУССКАЯ КУЛЬТУРА XXI ВЕКА: РЕАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТ ИЛИ СУРРОГАТ ИДЕНТИЧНОСТИ?

В. Ф. Красюк,
кандидат философских наук, доцент,
Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

Важнейшим локусом современной культуры является умение максимально быстро отходить от изживших себя стереотипов и осваивать те новации, которые генерируются жизнью и требуют умения сочетать накопленный опыт с эвристическими приемами осмысления и освоения калейдоскопических изменений в мире. Например, характерная для белорусов известная консервативность во взглядах испытывает воздействие новых технологий во всех сферах жизни; устойчивые взгляды на труд, досуг, общение, семью, место жительства, идеалы соседствуют с пришедшими извне. Их приходиться осмыслять, принимать, рафинировать. Возрастает роль креативного мышления, требующего сочетания самостоятельности суждений и гибкости, способности к выработке своей позиции. Это особенно важно в деле демократизации нашего общества, когда каждому надо делать самостоятельный общественный выбор. Как говорил М. Хайдеггер, каждому человеку придется делать выбор между настоящей, непростой жизнью и жизнью, неопределенной, безличностной.

Девальвация устаревших и изживших себя ценностей не означает пессимистического отношения к культурному наследию прошлого. Тем более, что появляются время от времени космополитические поползновения относительно самоценности нашей национальной культуры, ее права на самобытность. Основой сохранения созданных народом материальных и духовых богатств выступает сохранение и приумножение национальных традиций, культурного наследия. Они – опора в деле сохранения идентичности, которая поможет народу сберечь свою целостность в нестабильном мире «переселение народов», что безусловно является благом, способом выживания. Это не означает аннигиляции понятия «интернационализм». Но нам неприемлемы выдержанные в постмодернистских тенденциях тезисы, что все современные культуры гибридны, что сегодня вызывает сомнение абсолютность животворного позитива национальных криниц. А посему, поскольк-

ку в современном глобализирующимся техногенном мировом сообществе традиции вытесняются «информатикой», то они и не нужны, а потому и не стоит их выдумывать. Дескать, исследования белорусской культуры показывают необходимость преодоления «этнографизма» и «изобретения традиций». Такое положение основывается на предвзятом суждении, что при рассмотрении культуры как самостоятельной сущности следствием является придание чрезмерного значения ее замкнутости. А потому, мол, при анализе современной белорусской культуры следует исключать подход к ней как к свойству этической группы, уклонятся от фетишизация и культурного эсенциализма.

Модернизационные процессы современного мира вовсе не отменяют исторического опыта отношения к культуре, ее богатству и традициям. Нами не забыт печальный след "борьбы с инакомыслением", когда народные традиции, традиции высокой культуры, достижения национального и мирового искусства объявлялись устаревшими, не соответствующими "современной жизни". Возьмем хотя бы идеологию пролеткультовцев:

Мы во власти мятежного страстного хмеля;
Пусть кричат нам: "Вы − палачи красоты".
Во имя нашего Завтра − сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Сохранение мировой культуры не может осуществляется иначе как по средствам сохранения и развития национальных культур, которые в современном мире обречены на принятие и понимание друг друга, на плодотворное взаимообогащение, но никак не на растворение и потерю идентичности. Трудности, если не сказать, неудача политики мультикультурализма на Западе это подтверждает. Глобализация вовсе не обусловила ситуацию, что культура разных стран и народов – это плавильный тигль, в котором переплавляются культуры разных этносов. Скорее наоборот. Двухсотлетний опыт Соединенных Штатов, благодушная идея создать новую историческую общность советский народ, сегодняшние проблемы Европейского Союза однозначно говорят об опасности недооценки и пренебрежения к национальным культурам. Традиции не изобретаются, они живы всегда. Другое дело, это пренебрежение приводит к известной дегуманизации животворного потенциала исторически оправдавших себя народных традиций, появлению суррогатов культуротворчества, засилью так называемой массовой культуры, а теперь еще и формирующейся, не устоявшейся виртуальной в аспекте ее отрыва от духовных ценностей традициональной культуры.

Поэтому сохранение вековых культурных традиций нашего народа – это не просто благие пожелания, это краеугольный камень нашего выживания, уверенности в надежности будущего, это опора в реализации перспективных планов, инновационных проектов, надежный защитник от неоправданных поползновений и советчик в ситуации рисков. Примером сохранения традиций материальной культуры служит осуществляемый со стороны государства позитивный поворот в деле охраны, восстановления и реставрации памятников архитектуры, народных ремесел.

Традиция − это способ трансляции социального опыта. Те из них, что не отвечают потребностям времени, объективно не соответствуют нуждам людей и субъективно воспринимаются как требующие трансформации. Известные слова Маркса о традициях «мертвых поколений» напоминают о необходимости недопущения индифферентного отношения к ним, тем более видения в них только рудиментов истории. В период социальных потрясений, неустойчивости, деструкции сложившейся системы, неопределенности потенциальных событий традиции являются тем аттрактором, который корректирует линию социокультурного процесса. Механическое заимствование чужих стандартов, модных новаций не способствует поступательному обновлению социума, если они несовместимы с культурными наработками этноса, не идентичны его ментальности.

Белорусам характерна толерантность. Это позитив. Особенного сегодня, когда мощные интеллектуальные потоки информационного общества несут колоссальный потенциал новых идей, богатый опыт других народов, универсальные культурные ценности,

имеющие общечеловеческую значимость. В свое время М. Бахтин говорил, что культура всегда лежит на меже. Коммуникативность в функционировании культуры становится сегодня как никогда ранее важнейшим средством развития, обновления и утверждения культуры каждого этноса. Одновременно это и средство референтности, проверки ценности традиций, которые практикуют нации.

Поэтому сегодня перед населением нашей республики стоит жизненно важная задача формирования культурности как умения пользоваться культурными ценностями. С этим не все ладно. И дело не в появлении, допустим, молодежных субкультур, неокультов и маргинальных групп. Существенное место принадлежит различным формам девиантного поведения относительно здоровых традиций национальной культуры. Это касается отношения к труду, богатству, семейной жизни и браку, дружбе, национальной литературе и искусству, родному языку. На лицо размытая позиция в плане своей само идентификации. Следствием является неумение пользоваться возможностями приобщения к культурному наследию и тенденциям обновления.

Культуре всегда сопутствовали вследствие исторической неразвитости общества антикультурные настроения, действия и способы самовыражения. К сожалению, зародившись в прошлом, они как негативные традиции обладают мимикрией, приживаются в новых условиях. К известным антиподам нашей бытовой культуры добавляются современные типы: распространение спайсов, рост числа бомжей, не говоря уже об «модернизированном» криминале. Вот к примеру интернет стал видом искусства. Однако введу низкой культурности пользователей его потенциалы реализуются далеко не лучшим образом. Смартфоны, айфоны и тому подобные техники явно не улучшают качество времяпрепровождения. Интернет зависимость, зависимость от игровых автоматов и тому подобное – становится бичом нашей молодежи.

Информатизация общества формирует новый образ жизни. Идеальной моделью представляется гармоничное сочетание выстраданных народом национальных традиций с современными направлениями экономических, социальных и духовно-культурных сдвигов. К сожалению, имеет место известный разрыв – процессу перехода к интенсификации производства, нанотехнологиям, инновационным проектам сопутствуют низкий уровень общей и технологической культуры. В частности, забываются традиции добросовестного отношения к делу, отношение к своим обязанностям нередко зависит от уровня вознаграждения.

Сохранить все лучшее что создано нашим народом должна историческая память, она должна быть востребована. К сожалению, если говорят об Иванах не помнящих своего родства, то это о нас. Много говорится, что белорусская культура, включающая богатое историческое наследие, язык, литературу, художественные традиции недостаточно эффективно работают на общество и государство. Проблема само идентичности заключается не только в том, что она способствует самоутверждению в поле межнациональных отношений, но и в том, что это есть способ поставить на службу всему обществу богатое содержание исторических достижений нашего народа.

Отрадно, что это понимает молодежь. Социологические исследования, проведенные среди студентов БГУ культуры и искусств в мае 2015 года, показали, что для них самым важным гражданским долгом является сохранение национальных традиций, так ответили 65 % респондентов (по отношению к 2014 году – +7 %). Положительная динамика говорит о возрождении интереса юношей и девушек к национальным культурным ценностям, преодолению бросового отношения к «старине» в условиях засилья масс культуры. Общечеловеческие и национальные ценности имеют следующую градацию: «любовь к родному краю» – 57 % (+3 %); «знание белорусских обычаев, традиций культуры – 44 % (+9 %); свободное владение белорусским языком – 41 % (+13 %). Увеличивается число студентов, желающих видеть Республику Беларусь процветающей страной – 69,5 % (+5,5 %). 73 % отвечающих считают себя патриотами своей Родины, что свидетельствует о вере студентов в будущее страны. Однако только 31,5 % (+2,5 %) отвечающих гордятся

историческим прошлым Беларуси. На лицо недостатки в патриотическом воспитании, работе СМИ, составлении программ по истории народа и государства в школах, средних специальных и высших учебных заведениях. В целом результаты мониторинга свидетельствует о позитивной настроенности молодых людей относительно заботы о благополучии своей страны и ее культуры[1].

Белорусская культура XXI века находится в процессе своего самоутверждения. Необходимо учитывать угрозы, которые несет глобализация, раздвигающая границы межкультурного взаимодействия и размывающая идентичность этносов. Коммуникативный характер современного мира вызывает ответную реакцию в виде агрессивного национализма, экстремизма, религиозной нетерпимости. Выживание в неустойчивом, трудно предсказуемом мире зависит от того, сумеет ли народ сохранить свою эссенциальность, приобщаться к инновационным сдвигам и выработать стратегию развития.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Н. Д. Кабусь,
кандидат педагогических наук, доцент, Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, г. Харьков

Реализация стратегии устойчивого развития цивилизации, которая признана ключевой для XXI столетия и предусматривает сбалансированный поступательный экологический, экономический и социальный прогресс мирового сообщества на протяжении длительного времени, сохранение условий существования человеческого общества, целостности и жизнеспособности биосферы, стабильности социальных и культурных систем и их дальнейшее улучшение [1], нуждается прежде всего в преодоления социальной разбалансированности, характерной для современного бытия.

Исследователи отмечают: дальнейшее нарастание социальной напряженности, конфликтов и разногласий, асоциальных явлений, непонимания, жестокости, агрессивности, безответственности и других отклонений, которые характеризуются недостаточным осознанием себя ответственным субъектом человечества, страны, нации, семьи, собственной жизни, свидетельствуют, что проблема устойчивого развития не может быть решена до тех пор, пока не будет развито ее социальное или личностное измерение, являющееся ключевым в аспекте решения всех остальных проблем устойчивого развития. Современные ученые убеждены: дисгармония материального и духовного, созидания и потребления, возвеличивание индивидуальности, не подкрепленное высшим уровнем социальности, характерные для нашего времени, стали причиной кризиса современной цивилизации и привели к сложным экологическим, экономическим и социальным последствиям [2; 3]. В связи с этим эффективная реализация стратегии устойчивого развития общества нуждается, прежде всего, в сосредоточении на его социальном, человеческом измерении, поскольку именно от человека, отношений между людьми, их морали и духовности, направленности деятельности зависит общее состояние цивилизации.

Исключительно важная роль в решении обозначенных проблем принадлежит системе образования как мощнейшему средству духовно-моральной переориентации деятельности человека, гармонизации его отношений с миром. Это, в свою очередь, повышает требования к уровню сформированности социокультурной компетентности педагогов всех уровней образования, важной миссией которых является обеспечение

[1] По результатам социологических исследований, проведенных социально-педагогической и психологической службой Белорусского государственного университета культуры и искусств в 2014/2015 годах.

социокультурного становления личности как социального субъекта и субъекта культуры, способного действовать для устойчивого развития цивилизации.

Стратегическими ориентирами социокультурного развития личности при этом являются: осознание культуры, в частности духовной как определяющего фактора сохранения и развития общества; понимание положительного социального взаимодействия с социумом, культурой, природой, миром как единственно возможного пути достижения личного успеха и восходящего развития человечества; формирование у личности системы социальных ценностей, убеждений, поведения, направленного на укрепление единства, консолидированности социума; обретение духовной целостности, устойчивости к факторам, которые дестабилизируют сознание и поведение личности; осознание собственной роли как творца социокультурной реальности; развитие устойчивой личностно-социальной позиции индивида как ответственного социального субъекта, представителя семьи, общины, нации, цивилизации, способного к социальной активности, творчеству с целью улучшения как собственного, так и общественного бытия.

Эффективное решение обозначенных задач требует высокого уровня социокультурной компетентности педагогов, в частности: четкого осознания основных стратегических ориентиров развития современной цивилизации, сути и закономерностей устойчивого развития личности, социальных групп, общества, взаимозависимости его уровней; понимания собственной миссии, а также роли личности в его достижении; реализации системы работы, разработки действенных средств социального воспитания подрастающего поколения, которое предполагает целостное влияние на сознание, чувства, волю, поступки личности с целью ее положительного социокультурного развития как социального субъекта, способного к сохранению и дальнейшему созиданию культуры.

Важными задачами педагога в данном контексте являются содействие: обретению внутренней целостности личности, основой которой является духовность; гармонизации ее индивидуальной и социальной сущности, осознанию того, что следование дисгармоничным инстинктам губит как человека, так и общество; четкому пониманию важности моральных поступков и поведения как по отношению к другим, так и к самому себе, соблюдение которых является неотъемлемым законом счастливого существования; формированию социальной и моральной ответственности личности как за результаты собственной жизнедеятельности, так и за индивидуальный вклад в процесс положительных общественных преобразований; развитие способности делать выбор в пользу мира и сотрудничества, осознание взаимопомощи и солидарности как определяющих условий прогрессивного развития, могущественного фактора выживания человечества.

Учитель должен быть способен убедительно доводить до сознания подрастающего поколения: альтернативой качественному пути развития общества может быть лишь упадок, только жизнь по законам Истины, Добра, Красоты и Любви, которые являются признаками гармонии Вселенной, является условием достижения как личного счастья, так и прогрессивного развития цивилизации; ни один отдельно взятый индивид или нация без общей кооперации не могут создать условия для полноценной жизни в безопасном социуме; судьба человечества зависит от самого человека, способов взаимодействия между людьми, уровня духовности и моральных установок общества и каждой отдельной личности; наиболее стойкими и жизнеспособными являются сообщества, которые действуют на основе одухотворенного разума, культуры и социальной солидарности.

Определяющими стратегиями деятельности учителя в данном направлении должны стать деятельностный и диалогический подходы, что предусматривает привлечение детей и молодежи к активной социально-значимой общественной, волонтерской деятельности, которая обеспечивает усвоение ими социальных ценностей, обретение опыта социального взаимодействия, социального творчества, постепенное переведение личности на уровень саморазвития и самоорганизации, при котором она не только осознанно действует для

усовершенствования собственного и общественного бытия, но и привлекает к такой деятельности других людей.

Таким образом, социокультурная компетентность педагога предполагает не только его способность разрабатывать эффективные средства влияния на чувства, сознание, действия индивида, но и налаживать взаимодействие с другими социальными институтами – семьей, социальными службами, учреждениями культуры, общественными, волонтерскими организациями с целью положительного социокультурного развития подрастающего поколения, а также объединять усилия разных субъектов, социальных групп – детей, молодежи, взрослых, людей старшего возраста, семьи, общины с целью устойчивого прогрессивного развития общества. Все это будет способствовать целостному устойчивому социокультурному развитию личности, ее переходу от сосуществования к социальному единству, сознательному приобщению к солидарным социальным группам как с целью их дальнейшего положительного развития, так и для совместного творческого преодоления вызовов и проблем, стоящих перед современным обществом.

Библиографический список

1. Agenda 21: United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, Brazil, June 3-14, 1992, 351 p. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/ Agenda21.pdf.
2. Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск «Белорусская Энцыклапедыя», 2003. – 382 с.
3. Сталий розвиток: світоглядна ідеологія майбутнього: монографія [М. А. Хвесик, І. К. Бистряков, Л. В. Левковська та ін.] – К.: ІЕПСР, 2012. – 468 с.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК СТЕРЖЕНЬ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. В. Каргаполова,
доктор социологических наук, доцент,
Астраханский инженерно-строительный институт, г. Астрахань
А. Ю. Арясова,
кандидат политических наук,
Астраханский инженерно-строительный институт, г. Астрахань
И. В. Лашук,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В истории существуют даты, значение которых в историческом процессе и влияние на судьбы отдельных народов и всего человечества трудно переоценить. К ним вновь и вновь возвращается память благодарных потомков. Такой датой является празднование Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Победа стала возможной благодаря вкладу каждого народа, проживающего в СССР, тем духовным качествам, которые нас объединяли [1, с. 17], «без крепкой дружбы народов не было бы Победы» [2, с. 30]. Эта дата является прочным основанием воспитания патриотизма и гражданственности, мощным стимулом консолидации современного российского общества [3, с. 18] и практически единственным стержнем духовной интеграции на постсоветском пространстве. «Праздник 9 мая был и остается святым для всех национальностей и конфессий, всех народов теперь уже бывшего Советского Союза» [1, с. 17].

В связи с этим исследование тенденций и проблем сохранения и транслирования

исторической памяти о Великой Отечественной войне весьма актуально для научной общественности в целом и социологов, в частности. В преддверии празднования 70-летия Великой Победы в ноябре 2014 года – январе 2015 года Российским обществом социологов (N=3500) было проведено инициативное социологическое исследование «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (научные руководители Ю. Р. Вишневский (г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет), Н. В. Дулина (г. Волгоград, Волгоградский государственный университет), Е. Н. Икингрин (г. Нижневартовск, Нижневартовский государственный университет), Е. И. Пронина (г. Москва, Институт социологии РАН). В рамках всех волн проекта исследование носит зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы [4; 5; 6]. Массив полученных данных обработан с использованием программного комплекса «Vortex». Доступ к общероссийским результатам разрешен одним из руководителей исследования

Эмпирической базой с белорусской стороны явились данные социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2013 года по общереспубликанской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования, региону проживания и типу населенного пункта (объем – 2099 респондентов).

Социологические исследования в России и Беларуси проводились по разным методикам, на разных объектах, поэтому их результаты, если и подлежат сопоставительному анализу, то лишь условно. Но мы и не ставили для себя задачи подобного сравнения…

Так, подавляющее большинство студентов России при ответе на вопрос «Приближается 70-летие победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?» выбрали вариант «Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут и в будущем примером для новых поколений» (61,5 %). Еще каждый десятый (11,1 %) выбрал вариант «Память о минувшей войне сохранится в сознании моих сверстников». Практически каждый пятый (18,8 %), может быть, с горечью, а, может быть, и с трезвым равнодушием ответил «С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы»; еще практически каждый десятый (8,7 %) – «Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи».

Радует, что 97,7 % молодежи в той или иной степени не согласились с мнением «Великая отечественная война была давно, мне это не интересно?» Более половины (51,4 %) ответили, что в их семьях хранятся реликвии военных лет.

Для около половины опрошенных (49,5 %) День Победы является Днем памяти о родных, прошедших войну. Еще 42,3 % выбрали вариант «Праздник со слезами на глазах». И только для 8 % опрошенных – это просто выходной.

Весьма интересны для анализа ответы на открытые вопросы. На вопрос «Знаете ли Вы полководцев и героев Великой Отечественной войны?» было представлено 90 вариантов ответов, из которых с большим отрывом лидирует «Полководец Победы» Георгий Константинович Жуков (85 % от ответивших соответственно), далее следуют маршалы Константин Константинович Рокоссовский, Иван Степанович Конев и Александр Михайлович Василевский (33,7 %, 16,2 % и 10,7 % от ответивших соответственно). Из героев Великой отечественной войны больше всего называли Зою Космодемьянскую и Александра Матросова (8,9 % и 7,4 % от ответивших соответственно).

На открытый вопрос «Знаете ли Вы важнейшие события, сражения Великой Отечественной войны?» студенты России дали 48 вариантов ответов, из которых на первых местах Сталинградская битва, блокада Ленинграда и Курская битва и битва за Москву (63,6 %, 51,3 %, 42,3 % и 32,8 % от ответивших соответственно). На пятом месте следует оборона Брестской крепости. Отрадно, что героическая защита Бреста, который находится на территории Беларуси, находится по количеству упоминаний на первом месте «зару-

бежных» по современным геополитическим меркам операций Великой Отечественной войны.

Из музыкальных произведений Великой Отечественной войны подавляющее большинство выбрали знаменитую песню «Катюша» (62,7 % от ответивших) и не менее знаменитую «День Победы» (52,0 %). Далее следуют песня-героический призыв «Вставай, страна огромная…» (20,8%), лирическая песня из фильма «В бой идут одни старики» Л. Быкова «Смуглянка» (14,7 %), опять же лирические песни «Темная ночь» (11,4 %), «Синий платочек» (10,5 %), «Три танкиста» (10,3 %) и «Журавли» (10,2 %). Всего студенты вспомнили 90 песен военных и послевоенных лет.

Из художественных произведений о войне (всего более 1100 упоминаний) больше всего вспомнили фильмы «А зори здесь тихие», «В бой идут одни старики», «Сталинград» (32,0 %, 27,1 % и 23,4 % от ответивших соответственно). На четвертом месте поэма А. Т. Твардовского «Василий Теркин» (12,1 %). И на пятом месте, также как и по количеству вспомнивших об обороне Брестской крепости, фильм «Брестская крепость» (11,7 %).

По результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, в понимании жителей страны Великая Отечественная война – это в первую очередь (в порядке убывания): «великая победа наших отцов и дедов»; «героический подвиг советского народа» и «трагическое событие, унесшее жизни многих людей». Статистический анализ полученных в ходе исследования данных зафиксировал достоверные различия в зависимости от возраста респондента. Так, молодежь до 30 лет в большей степени воспринимает Великую Отечественную войну как Великую победу отцов и дедов; старшая возрастная группа (60 и старше) акцентирует внимание на войне как на трагическом событии, унесшем жизни многих людей. Праздник 9 мая жители Беларуси воспринимают как день памяти и скорби по всем погибшим, а также праздник ветеранов войны.

По результатам проведенного социологического исследования в Беларуси для представителей всех поколений Великая Отечественная война – это, в первую очередь, освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и тяжелые людские потери белорусского народа. Основную роль в воспроизводстве исторической памяти о Великой Отечественной войне принадлежит информационным каналом. В связи с этим актуальным становится изучение источников информации о Великой Отечественной войне в разных возрастных группах белорусского общества. По результатам проведенного социологического исследования лидирующими источниками информации о Великой Отечественной войне в среднем по выборке являются: документальные фильмы, художественные фильмы и белорусские СМИ. В целом по республике отмечается удовлетворенность освещением событий Великой Отечественной войны [7].

Итак, изучение социальных аспектов исторической памяти о Великой Отечественной войне свидетельствует о том, что в целом население Беларуси и России демонстрирует достаточно позитивные настроения. Зафиксированы при этом существенные поколенческие различия в восприятии Великой Отечественной войны, ассоциациях, связанных с этим событием, представлениях о празднике 9 мая, а также в источниках информации о Великой Отечественной войне.

Библиографический список

1. Ковалев, С. Н. Решающая роль СССР в достижении Победы над Германией / С. Н. Ковалев // Геополитика и безопасность. – 2010. – № 2 (10). – С. 18–24.
2. Стержень интеграции – Победа (интервью с генерал-полковником Л. Г. Ивашовым) // Геополитика и безопасность. – 2010. – № 2 (10). – С. 14–18.
3. Акаев, А. А. Без крепкой дружбы народов не было бы Победы … / А. А. Акаев // Геополитика и безопасность. – 2010. – № 2 (10). – С. 30–37.
4. Ануфриев, Д. П. Патриотизм в менталитете современной молодежи: Астрахань – Волгоград (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) / Д. П. Ануфриев, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов,

Е. В. Каргаполова // Известия Волгоград. гос.тех. ун-та. Сер. Проблемы социаль.-гум. знания. – 2015. – №2(155). – С.12–17.
5. Каргаполова, Е. В. Великая Отечественная война в социальной памяти молодежи Астрахани и Волгограда (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) / Е. В. Каргаполова, Ю. Г. Миронова, О. С. Хамзяева // Известия Волгоград. гос. тех. ун-та. Сер. Проблемы социаль.-гум. знания. – 2015. – № 2 (155). – С. 98–101.
6. Дулина, Н. В. Великая Отечественная война: общее и особенное в мнениях студентов Федеральных округов России / Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева // Война была позавчера… Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург : Изд. Урал. ун-та, 2015. – С. 202–208.
7. Лашук, И. В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси : поколенческие различия / И. В. Лашук // Социологический альманах : сб. науч. ст. / Ин-т социологии НАН Беларуси; под ред. И. В. Котлярова [и др.]. – Минск, 2015. – Вып. 6. – С. 210–220.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ИМИДЖА БЕЛАРУСИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

П. Г. Игнатович,
кандидат исторических наук, профессор,
Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

В условиях глобализации современного мира активное и крупномасштабное включение Республики Беларусь в мировые процессы резко актуализирует значимость создания и продвижения положительного имиджа государства как существенного компонента его духовного могущества и влияния, основанного на притягательности ценностей национальной культуры. Фактор эффективной имиджевой политики становится ключевым в решении задач повышения привлекательности инвестиционного климата страны, преодоления ею негативных последствий всемирного финансово-экономического кризиса, ускорения перехода к информационному обществу, базирующемуся на инновационной экономике знаний.

Актуальность проблемы формирования и функционирования имиджа страны обусловлена спецификой переживаемого нашей страной исторического периода, трансформационных процессов в нашем обществе, участниками которых оказались все поколения.

Беларусь долгое время присутствовала в мировом культурном пространстве в контексте «единой советской культуры», Однако в настоящее время Беларусь является самостоятельным субъектом мирового культурно-экономического пространства. А это налагает определенные обязанности и выдвигает цель – упрочить имидж Беларуси как уверенной в себе страны с большим будущим и хорошими условиями жизни, обеспечивающими привлекательный образ как для субъектов хозяйственного поля, так и для широкого развития туризма, привлечения в страну капитала, быстрый переход из категории стран со средними доходами в список экономически развитых стран. То есть обеспечить продвижение за рубежи нашей страны бренда «Спокойная и цивилизованная Беларусь».

Естественно, для нее жизненно важное значение имеет отстаивание национальных интересов с поиском оптимальных путей и выработкой эффективных механизмов взаимовыгодного сотрудничества с другими странами. Она стремится со своими экономическими, социокультурными, образовательными достижениями и интересами присутствовать в

тех регионах мира, где это экономически выгодно и сообразно с ее национальными интересами [1, с. 185].

Благодаря своей политической и социально-экономической стабильности Беларусь упрочила свою привлекательность для многих государств. Однако для дальнейшего завоевания позиций в мире включая и экономические, и социокультурные, и спортивные успехи, привлечение в страну инвестиций, туристов и пр. важное значение имеет создание и укрепление соответствующего имиджа.

Под имиджем понимается целостный, качественно определенный образ объекта, устойчиво живущий и воспринимающийся в массовом и индивидуальном сознании, который возникает и корректируется в результате восприятия поступающей информации сквозь сеть действующих стереотипов.

Имидж представляет собой целенаправленный формирующийся целостный образ определенного социального феномена – индивида, социальной группы, политической партии, культуры, страны и т.п. с целью сформировать позитивное впечатление, отношение к нему других людей и сообществ. Создание такого образа ориентировано на укрепление престижа, авторитета, влияния, симпатии, доверия к данному феномену. Целостный и непротиворечивый имидж создается при наличии органической взаимосвязи концептуальных идей, составляющих его теоретический фундамент и социальных технологий их реализации, направленных на соответствие ожиданиям определенной социальной общности или обществе в целом, включая и зарубежные страны. Это публичный феномен, один из важных каналов связи власти и общества, это фактически то, чем власть, культура, или личность видится и воспринимается всеми слоями населения и гражданами зарубежных стран.

Всякое государство есть уникальный по набору конгломерат ценностей, национальных интересов, специфических особенностей географического положения, характеристик внутригосударственной экономической системы, социальных и политических процессов, этнических и культурных особенностей, традиций, нравов и обычаев, эволюционирующих в развивающемся сообществе людей. Все это участвует в формировании имиджа страны.

Образ страны соединяет в себе комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, географических, национальных, культурных, демографических и т.д.), сформировавшихся в процессе развития государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев который определяет тенденции социально-экономических, общественно- политических, национально-конфессиональных и иных процессов в стране.

Именно имидж страны во многом обусловливает характер взаимоотношений граждан и власти, является одним из важнейших компонентов, на которых базируется идеология страны. Имидж страны играет решающую роль в определении перспектив международных отношений, оказывая существенное влияние на возможность и перспективы развития культурного и научного обмена, экономического развития (позитивный имидж дает дополнительные возможности привлечения иностранного капитала, способствует сохранению старых и появлению новых рынков сбыта белорусских товаров, что очень важно для активно развивающегося производства). С имиджем страны во многом связаны перспективы развития туризма, создания благоприятных условий для белорусских граждан, выезжающих за рубеж и привлечения иностранных туристов в Беларусь. Позитивный имидж страны дает возможность международного сотрудничества в области борьбы с международным терроризмом и наркоторговлей, способствует психологическому комфорту граждан страны, повышению авторитета власти.

Международный имидж государства – это совокупность общих представлений (состоящая из набора убеждений и ощущений), складывающихся у зарубежных граждан от страны в целом. Представление об имидже включает в себя рациональную, или логиче-

скую составляющую, основанную на внутренней убежденности, и эмоционально-образную, базирующуюся на чувствах [3, с. 3].

Исследователи образ страны типологизируют по нескольким основополагающим критериям.

Политико-географический образ – это синтез ведущих географических знаков, символов, черт страны в политическом отношении. В массовом сознании политико-географический образ идентифицирует государство с некоторой частью мира и в определенном окружении государств.

Природно-ресурсный образ – сочетание ведущих признаков и символов национальных ресурсных богатств в природном, ландшафтном или климатическом отношении. Идентифицирует государство с некоторыми, присущими только (преимущественно) ему символами природы. Таким же выразительным символом страны являются различные животные, ареал обитания которых преимущественно находится в данной стране и традиционно используется в символике.

Цивилизационно-культурный образ – концентрация национальных культурных знаков, символов и черт народа, страны в историческом и цивилизационном измерении, призван идентифицировать государство и его народ с культурно-историческим наследием мировой значимости.

Социально-ментальный образ – сочетание ведущих социальных признаков, символов, черт народа в ментальном отношении, идентифицирует народ с характерными, наиболее типичными социально-психологическими признаками. В сознании мировой общественности можно обнаружить ту область деятельности, в которой данная нация, достигает наилучших успехов.

Производственно-экономический образ – концентрация ведущих экономических символов, знаков, возможностей страны в научном, промышленном, оборонном и ином производственном отношении, идентифицирует государство с некоторой экономической нишей в мировом экономическом разделении.

Национально-ценностный образ – множество ведущих знаков и символов, выражающих государственные интересы, цели и устремления в национально-идейном отношении, идентифицирует государство и его народ с историческими ценностями, предлагаемыми миру и последовательно отстаиваемыми государством на мировой арене. В мировом сознании образ страны определяется тем, какие материальные и духовные ценности она экспортирует.

Основу формирования международного имиджа современного государства могут составлять различные компоненты - экономика, политика, военное могущество и т.п. Однако в условиях все возрастающих темпов глобализации, информатизации, особая роль в числе имиджеобразующих факторов страны принадлежит культурному потенциалу народа, притягательности нравственных и иных гуманитарных ценностей нации. Культура пронизывает все сферы общественной и индивидуально-личностной жизни; в культурной идентичности воплощается национальная идея, представления о внутренней силе и сплоченности государства; культурные различия, обусловленные уникальностью исторического пути и самобытности того или иного народа, обеспечивают вклад нации в сокровищницу мировой культуры и вместе с тем - место страны в современном мире.

Потенциал национальной культуры, может и должен быть использован для формирования позитивного имиджа Беларуси, как страны, обладающей не только самобытной культурой и уходящими вглубь истории духовными традициями, но и сегодня сохраняющей высокий уровень культурного и интеллектуального развития. Именно культура Беларуси, представленная высокими достижениями в области литературы, искусства, науки и образования, способна индивидуализировать, упрочить имидж страны в глазах соотечественников и граждан других стран [2, с. 5].

Культура выступает в качестве особой подсистемы общественной жизни, обеспечивающий воспроизводство и развитие человеческой социальности, несет в себе нечто,

что может быть обозначено как «социокод». По аналогии с генетическим кодом культура обеспечивает сохранение и передачу программ человеческого общения, поведения и деятельности.

Развитие культуры, системы образования, медицинского обслуживания, развитие спорта и туризма, информационно-коммуникационных систем имеет исключительное значение для формирования имиджа страны. Составляющей частью целостного имиджа страны является гармонизация отношений различных слоев и групп населения, включая социально-профессиональные, демографические, этнонациональиые и межконфессиональные отношения.

Библиографический список

1. Бабосов, Е. М. Беларусь и белорусы в современном мире / Основы идеологии современного государства / Е. М. Бабосов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Амалфея, 2007. – 480 с.
2. Скараходаў, У. П. Сацыядынаміка культуры сучаснай Беларусі / У. П. Скараходаў. – Мінск: БелДІПК. 2003. – 343 с.
3. Савиных, А. Имидж государства / Беларуская думка, 2011, № 11, с. 3–7.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Л. Мысливец,
кандидат социологических наук, доцент,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно
Н. В. Козловская,
кандидат исторических наук, доцент,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно

Одним из ключевых механизмов, способствующих консолидации современного общества, призванных обеспечивать преемственность поколений, воспроизводство накопленного опыта и традиций является историческая память. Она составляет основу общественного сознания, находит выражение в знании истории своей страны и своего народа, своих героев, в верном восприятии прошлого, в следовании сложившимся социальным нормам [1, с. 243].

В современном социально-гуманитарном дискурсе концепция исторической памяти стала одной из наиболее востребованных и актуальных, что обусловлено, прежде всего, существенным ускорением темпов общественного развития, содержанием и масштабами кардинальных преобразований, характеризующих развитие социума. К данной проблеме обращаются историки и социологи, психологи и культурологи, философы и писатели и, конечно же, политики [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. Исследователями накоплен значительный опыт теоретико-методологического осмысления феномена исторической памяти и ее конкретно-исторических реконструкций, существует большое количество работ, в которых рассматриваются различные ее аспекты [3; 5; 6; 9; 10].

Одним из проблемных моментов, требующих к себе пристального внимания, является состояние исторической памяти населения о Великой Отечественной войне. Многообразие и разноплановость информации, которую предоставляют различные источники, накладывают существенный отпечаток на содержание исторической памяти, делая ее зачастую весьма противоречивой и неправдивой [2; 3; 8].

За последние десятилетия механизмы формирования исторической памяти о войне претерпели значительные изменения: постепенно исчезает межличностная коммуникация как первостепенный фактор сохранения живой памяти; меняется роль СМИ, учреждений культуры и образования в деле обеспечения преемственности поколений. Весьма пробле-

матичной представляется роль семьи как эффективного механизма трансляции информации о прошлом, обострилась проблема разрыва поколений, потери доверия к авторитету учителя и родителей, что крайне негативно сказывается на формировании исторической памяти подрастающих поколений [3; 4; 10].

С целью изучения состояния и особенностей формирования исторической памяти молодежи кафедра социологии и специальных социологических дисциплин ГрГУ имени Янки Купалы в ноябре 2014 года провела специальное социологическое исследование на тему «Особенности формирования исторического самосознания учащихся старших классов и студентов младших курсов высших учебных заведений (на примере г. Гродно и Гродненской области)». Исследование было выполнено в рамках реализации НИР № А33–14 (№ госрегистрации 20143586, руководитель темы – кандидат социологических наук, доцент Н. Л. Мысливец). Объект исследования – учащиеся выпускных классов учреждений общего среднего образования и студенты младших (1 и 2) курсов учреждений высшего образования. Выборочная совокупность составила 563 респондента. Сравнительный анализ ответов опрашиваемых позволил выявить диапазон и глубину знаний и представлений о Великой Отечественной войне, динамику суждений, затухания или расширения интереса к ней, нарастания элементов реконструированной исторической памяти.

По мнению 74,4 % опрошенных Великая Отечественная война является одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны. Не разделяют данную точку зрения 5,7 % респондентов. Удельный вес данной группы относительно невелик, однако если объединить ее вместе с теми, кто выбрал вариант ответа «возможно, это так, но я не интересовался этим специально» (10,3 %) и затруднившимися ответить (5,0 %) ее удельный вес составит 21,0 % от числа всех опрошенных, что представляет собой достаточно значительную часть всего массива респондентов. Основной аргумент тех, кого мало интересуют события войны, – отдаленность героических лет от сегодняшнего дня.

Среди социальных институтов, участвующих в формировании исторической памяти о войне учащейся и студенческой молодежи, на первом месте – учреждения образования (школа, университет). Именно здесь закладывается фундамент исторической памяти – так считают 86,3 % респондентов. На учебных занятиях учащиеся и студенты приобретают систематизированные знания по отечественной и мировой истории, в том числе и по истории Великой Отечественной войны. Вторым по значимости источником информации о войне для современного юношества являются кинофильмы. На это указали в своих анкетах 68,3 % опрошенных.

Степень влияния других социальных институтов существенно ниже. Более чем для половины всех опрошенных (52,4 %) одним из основных источников информации о войне является семья. Примерно столько же респондентов указали, что информацию о войне они получают из радиопередач (52,8 %). Информацию о войне из сети Интернет получают 47,2 %, из телевизионных передач – 35,5 % опрошенных.

Лишь 29,4 % опрошенных указали в качестве источника информации художественные книги, прочитанные в соответствии со школьной программой. 22,1 % респондентов получают информацию о войне из проводимых в учебном заведении мероприятий. Абсолютными аутсайдерами в этом списке являются такие источники как научная литература (15,5 %) и газеты (5 %).

В ходе исследования респондентам был задан вопрос, известно ли им, кто из их родственников либо близких им и их семье людей воевал на фронте или в тылу врага в годы Великой Отечественной войны либо погиб (пропал без вести)? Как оказалось, лишь немногим более половины всех опрошенных (56,6 %) знают о том, что в их семьях, среди представителей старших поколений есть те, кто воевал на фронте либо сражался в тылу врага, погиб или пропал без вести, то есть был непосредственно причастен к подвигу, который совершил советский народ.

Все остальные респонденты указали, что ничего конкретного об этих фактах своего семейного прошлого им не известно: 11,4 % что-то об этом слышали, но не запомнили,

21,9 % вообще об этом ничего не знают, а 9,8 % затруднились с ответом на данный вопрос.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Можете ли Вы с уверенностью сказать: «Я горжусь тем, что живу в стране, которая вместе с другими странами одержала победу в Великой Отечественной войне?». 79,5 % опрошенных в этом абсолютно уверены, еще 10,2 % указали вариант ответа «да, но я вспоминаю об этом только в дни празднования Победы». Тревогу вызывает тот факт, что 7,7% всех опрошенных никогда не задумывались об этом.

Минуло 70 лет со Дня Великой Победы. Героизм и мужество белорусского народа, проявленные в годы Великой Отечественной войны, всегда были и останутся важнейшим моральным стержнем политической независимости белорусского общества. Достигнутые на его основе единство и сплоченность нации – важный урок и надежный щит перед идеологическими угрозами современности [4, с. 28].

Назовут ли будущие поколения эту Победу в ряду одного из самых значимых событий прошлого или ее значение поблекло в сознании современной молодежи? Преступно лишать молодежь исторической памяти о героическом подвиге советского народа, защитившего от фашизма не только нашу Родину, но и всю Европу. Перед нами стоит задача сохранить эту память на долгие годы. Ведь забывая великие подвиги своих предков, человек теряет тот самый уникальный патриотический дух, который чтим и уважаем во всем мире, который является основой социального благополучия общества, залогом дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Мазур, Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 243–256.
2. Бритвина, И. Б. Проблема сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне / И. Б. Бритвина // Социс. – 2015. – № 5. – С.18–21.
3. Котляров, И. В. Гордиться славой своих предков. Великая Отечественная война в памяти народа: социологические тренды / И. В. Котляров // Беларуская думка. – 2014. – № 8. – С. 88–91.
4. Коваленя, А. А. Отстаивать правду Великой Отечественной войны // Научно-практический журнал «Проблемы управления». – 2015. – № 2 (55). – С. 25–32.
5. Ластовский, А. Л. Концепт исторической памяти: происхождение и перспективы определения / А. Л. Ластовский // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе: сб. ст. Шестой межинститут.науч.-практ.конф.молодых учёных, Минск, 17 ноября 2006 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии; редкол.: Г. М. Евелькин и др. – Минск: Беларус.наука, 2007. – С. 197–202.
6. Лашук, И. В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия // Научное издание Социологический альманах Минск, Институт социологии НАН Беларуси 2015 г. Выпуск 6. С. 210–220. Минск «Беларуская навука» 2015.
7. Мысливец, Н. Л. К вопросу о концептах: историческое сознание и историческая память / Н. В. Козловская, Н. Л. Мысливец // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2015. – № 1(188). – С. 78–88.
8. Историческая память: преемственность и трансформации ("круглый стол") // Социс. – 2002. – № 8. – С. 9–23.
9. Проказина, Н. В. Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне / Н. В. Проказина // Казанская наука. – 2014. – № 7. – С. 201–204.
10. Мысливец, Н. Л. Великая Отечественная война в исторической памяти современ-

ной молодежи (по материалам соц. опроса учащихся средних школ г. Гродно и Гродненской области / Т. А. Богуш, И. Л. Кергет, Н. В. Козловская, Н. Л. Мысливец // Историко-философские и социально-политические аспекты сохранения национальной идентичности белорусского общества (Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается) [Текст]: материалы Республ. науч.-практ. конф., 17 апреля 2015 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.), В. И. Кривуть и [др.]. – Барановичи: РИО БарГУ, 2015. – С. 16–18.

ПРАВОСЛАВИЕ В БЕЛАРУСИ: ОТ ТРАДИЦИЙ К СОВРЕМЕННОСТИ

Н. С. Щёкин,
кандидат философских наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск

Переосмысление религия как цивилизационного феномена и ее включение в социальные процессы – не только отечественная черта. Это происходит во всем мире.

На наш взгляд, сложившуюся религиозную ситуацию можно определить как совокупность изменяющихся структурных элементов религии; отношением к ней общества, групп и индивидуумов; уровнем их религиозного сознания силой и слабостью влияния религии на общество; характером межконфессиональных отношений; особенностями (моделями) государственно конфессиональных отношений.

Хотя религиозная ситуация локализуется во времени и пространстве, она складывается под влиянием разнообразных причин и факторов, имеющих далеко не сиюминутное происхождение.

Характерной чертой последних десятилетий стала стремительная и беспрецедентная по своей динамике структурная трансформация конфессионального пространства Беларуси.

С одной стороны, Беларусь, как и прежде, остаётся светским государством, но с другой – роль религии, религиозности не столь однозначна.

Религиозная ситуация в Республике Беларусь, в том числе и в связи с модернизационными процессами, претерпела определенные изменения, в которых следует выделить по меньшей мере два различающихся аспекта; во-первых, процессы имманентного характера, происходящие внутри «собственно религиозной» сферы, и, во вторых, процессы выходящие из её предела и предполагающие влияние религии на социум. К первому аспекту относятся: количественный рост религиозных организаций, восстановление и развитие конфессиональных структур; расширение социально-демографического контингента верующих; освоение религиозными организациями новых форм социальной (внекультовой) деятельности. Ко второму аспекту религиозного возрождения относятся изменения в образе жизни и мысли людей, происходящие под влиянием религии.

Православие является основополагающим компонентом белорусского общества, поддерживая собою идентификационное единство социума и его стабильность. Православие несет в себе традиционные базисные ценности, составляющие фундамент белорусской культуры, нации, способствующие сохранению и воспроизводству белорусской идентичности. Следует отметить, что в дореволюционное время, на территории Беларуси была отличная от сегодняшней институциональная конфигурация взаимоотношений, диалога государства и православной церкви. Церковь иначе была вписана в социальную и государственно-политическую систему. Монархия и православие представляли собой соответственно главный политико-правовой и системообразующий социокультурный институты.

Советский период начинался с деинституализации Православной церкви в рамках советской структуры институтов общества.

В настоящее время идет обратный процесс реинституализации Православной церкви как социального института белорусского общества. Он проявляется в двух аспектах: социокультурном и институционально-структурном. С одной стороны, происходит религиозное возрождение и соответственно трансформируется социокультурная среда, меняется отношение населения к церкви, восстанавливается и формируется, у нового поколения, осознание ее стержневой духовной роли в истории страны. С другой стороны, идет поиск новых диалоговых, институционально-правовых форм складывающегося и в пока в правовом отношении не оформившегося сотрудничества государства, гражданского общества и религиозных институтов, в первую очередь Белорусской православной церкви.

В условиях глобализации, несущей не только угрозу самобытности отдельных цивилизаций, но укрепляющее неравенство в мире, православие становится фундирующим фактором для формирования особой стратегии развития Беларуси в новом столетия, с учетом кросскультурного ее положения. Церковь выступает модератором социальной интеграции белорусского общества и сохранения национальной идентичности и традиционных ценностей, играет существенную роль в распространении ценностей патриотизма и служению государству, противодействии негативным тенденциям в жизни белорусского социума. В геополитическом плане православие может стать основой для развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве, а так же в восточно-христианском мире. Уже очевидно, что будущее за религиозной и культурой идентичностью, что и будет в последствии определять стратегическое развитие цивилизаций и государств.

Новые социально-политические условия жизни, модернизационные процессы в обществе побудили Православную церковь сформулировать свою официальную позицию на вызов времени. Традиционно-историческое участие церкви в жизни государства приняло инновационные формы диалога государства и общества, основанные на принципах невмешательства в сферы исключительной компетенции «партнера». Роль церкви в этом случае определяется не только признанием со стороны государства, но и высокой степенью самостоятельности в своей деятельности. Необходимо отметить, что в своей деятельности Белорусская православная церковь руководствуется основными положениями современного социального учения Русской православной церкви, изложенными в «Основах социальной концепции русской православной церкви».

Формирование современной социально-политической доктрины Православной церкви относится к периоду 1990-х гг., так как в это время начался процесс оформления основополагающих общественно-политических взглядов Русской православной церкви. Церкви понадобилось практически десятилетие для того, чтобы преодолеть внутренние разногласия и определить свое отношение на ключевые проблемы, как православной цивилизации, так и на модель выбора и реализации содержательного и общественно значимого алгоритма достижения национальных целей во всех сферах деятельности и духовного обновления.

В основах социально концепции РПЦ содержательно наполняя идею «симфонию властей» четко разделяется природа церкви и государства в контексте различий средств для достижения своих целей.

В этой связи, необходимо определить, что под социальным учением церкви нужно подразумевать, провозглашенное более или менее систематизированное понимание общественного устройства и общественных перемен, опирающееся на вероисповедные принципы церкви и ее собственный социальный опыт. По своему содержанию такое учение обращено не только к клиру и мирянам, но и ко всему обществу, а потому способно оказать воздействие на общественное сознание, на политические и другие решения в обществе.

Отношение православной церкви к обществу и государству в документе представлено в четырех блоках:

1. Общество, понимание его природы, основ общественного устройства.
2. Церковь, понимание ее природы и институционального назначения, ее соци-

ального статуса и отношения к государству.

3. Личность, понимание ее природы, ее связь с обществом таких важных концептов, как ее существование, свобода, права, ответственность перед обществом.

4. Духовные константы современного общества (мораль, культура, наука).

Каждый из этих категориальных срезов последовательно сокрализован. В целом же концепция представляет собой не всеобъемлющее учение о социуме, а скорее учение о месте православной церкви в мире, о позиции воцерковленного человека по отношению к миру. Немаловажным является и то, что в этом документе можно уловить претензии православия на возрождения статуса религии, от которого она публично открещивается. Здесь явно прослеживается пожелание видеть общество воцерквленным, предать ей дело воспитание и образование.

Современный человек в концепции по-прежнему рассматривается как «поврежденная грехом личность». Он не в состоянии самостоятельно распорядится своей свободой без опеки со стороны Бога и церкви. Следует отметить гуманистическую направленность концепции. Она выражает свою поддержку самым нуждающимся и призывает к резкому усилению «благотворительного» и «милосердного служения». Она осуждает проявления аморализма и заявляет о необходимости борьбы с пьянством, наркоманией, проституцией. Церковь готова возвысить свой голос в защиту высших человеческих ценностей, которые в ее понимании неразрывно связаны с Богом. В целом, делая выводы, можно отметить, что социальная концепция православия призвана интегрировать Белорусскую православную церковь в современное транзитивное белорусское общество, сохранив в не прикосновении ее мистическую природу и традицию.

Широко развернутая дискуссия о корреляции традиции и новаций православной церкви Беларуси осложняется тем, что историческое наследие народа формировалось и формируется в русле разных возможностей и социальных стратегий общества и разнообразия опыта не только православного духа, но и всех предшествующих традиций; от язычества до научных достижений.

Если рассматривать ключевые разделы доктрины, то необходимость социальной концепции церкви исходит из того, что православная религия для верующего человека является принципом его жизни в целом, включая ее цивилизационный, социальный, культурный, политический, экономический аспекты. В шестнадцати разделах социальной концепции отражено отношение церкви к различным аспектам современного общества. В доктрине рассмотрены проблемы межэтнических и международных отношений, взаимоотношения Православной церкви и государства, уделяется внимание соотношению норм нравственности и закона. Помимо этого, анализируются проблемы связанные с вопросами демографического и экологического кризисов, поднимаются темы глобализации и секуляризации мира. Раскрывается православная точка зрения по вопросу сотрудничества в области здравоохранения и т.д.

Контент-анализ деятельности православной церкви и текста социальной концепции РПЦ позволяет констатировать изменения самопозиционирования Православной церкви в обществе. В настоящее время церковь себя позиционирует как влиятельный и активный актор белорусского социального пространства, способный принять на себя ответственность за моральное состояние общества, и готовый к осознанному сотрудничеству с государственными, и гражданскими структурами, направленному на стабилизацию общества, укрепление социального порядка и возрождение традиционных для отечественной культуры нравственных ценностей. В то же время, содержание концепции свидетельствует о стремлении церкви, как социального актора, сохранять духовную и мировоззренческую независимость от государства, светского общества и современных идеологий, основываясь в своих подходах к решению современных проем на фундаменте православного мировоззрения и присущем ему понимании человека и общества.

В современном белорусском обществе имеются объективные и субъективные предпосылки для формирования новой институциональной конфигурации взаимодействия

государства с православной церковью, которое можно охарактеризовать как конструктивное социальное партнерства взаимонезависимых кроакторов. В настоящее время это партнерство реализуется в практике решения отдельных социальных проблем. Подчеркнем, что современный статус Белорусской православной церкви – это результат ее партнерских отношений с государством и гражданским обществом.

Проявление религиозного фактора в современной Беларуси можно рассматривать в следующих проекциях. Во-первых, как внутреннюю и внешнюю религиозность, проявляемую в персональном опыте и поведении. Во-вторых, религия выступает в качестве основания для цивилизационно-культурной индетификации государства и белорусского общества, в качестве культурной традиции, не совпадающей с набором догматических постулатов того или иного религиозного течения. Во многом данная форма определяет вектор политических, глобальных предпочтений, выходя за рамки смысловых значений дихотомии светское/религиозное. В третьих, речь идет о рассмотрении религиозных организаций как социально политических институтов и субъектов социально-политического целеполагания.

По существу, этот процесс превращения новых эпизодических религиозных практик, новаций, представлений в устойчивые, действующие на протяжении длительного времени структуры общества.

Подводя итог, можно отметить следующее. Православная церковь предстает как один из институтов гражданского общества, деятельность которого направлена на возрождение духовно-нравственных ценностей, культурных и духовных традиций белорусского общества. Идея диалога государства и церкви как вечная истина. Диалог становится необходимым условием развития общества, его фокусом, подлежащим постоянному рассмотрению вовлечений в его сферу личности. Диалог государства и церкви не только предполагает оптимизацию морально-этических и нравственных факторов развития общества, с точки зрения сохранения незыблемых традиций, но и, прежде всего, на наш взгляд, это движущая сила развития общества, новые (инновационные) возможности социальной реальности Беларуси.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В СТРУКТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Н. Л. Балич,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Повседневная религиозная жизнь современного человека актуализирует исследование социальных функций религии и практик индивидов, в которых реализуются их религиозные потребности. Религиозные практики – это многообразие современных форм индивидуального и группового самовыражения, они отражают социальную солидарность верующего с определенной религиозной группой, общиной или организацией.

Исследовательский ракурс темы религиозных практик основывается на выявлении внешней и внутренней религиозности в повседневной жизни индивидов, а также процессов, связанных с ее мотивацией. Значительный интерес представляют особенности понимания и интерпретации религиозных практик верующими, процессы возникновения новых форм практик в конфессиональной среде. Для понимания этого феномена существенное значение введенное в науку известным французским социологом П. Бурдьё понятие «габитус» – «системы устойчивых и переносимых диспозиций… принципов, порождающих практики и представления…» [1, с. 102]. Габитус – важнейший элемент в формировании социальных идентичностей. Он функционирует как матрица восприятия, оценивания мышления и культовых действий и способен обновляться в целях социальной адапта-

ции личности.

Понять, что есть габитус, можно только при соотнесении социальных условий, в которых он формировался, с социальными условиями, в которых он был «приведен в действие», т.е. посредством практики и в практике.

Практикующие группы верующих создаются при выполнении особых функций. Для этого верующие мобилизуются, а их группы сохраняются благодаря постоянной комплексной работе (частью которой являются матримониальные обмены), а также благодаря тому, что «они основаны на той общности диспозиций (габитус) и интересов, что формирует неделимость материального и символического состояния» [1, с. 329].

Закономерным следствием прогрессирующего разделения вероисповедных практик является возникновение социально-культурных полей. Поле характеризуется: 1) автономией, т.е. относительной независимостью функционирования от внешних принуждений; 2) способностью к переопределению всех внешних воздействий в соответствии с собственной логикой; 3) формами взаимодействия агентов, чьи позиции в поле должны рассматриваться только во взаимных отношениях (капиталы, власть, влияние, материальная и символическая прибыль и т.д.) [2, с. 37–39].

Можно выделить следующие виды религиозных практик:

- общецерковные практики;
- практики конфессиональных групп;
- семейные (домашние) практики;
- личные практики.

В прикладных исследованиях религиозных практик объективными критериями анализа являются формы практик, их социальные функции; религиозная потребность индивидов, реализуемая в практиках; ситуации, порождающие возникновение новых форм религиозных практик. Субъективные критерии анализа – религиозный смысл практик, личностная интерпретация, религиозный опыт, переживаемый в культовой практике, и др.

Религиозные практики – это совокупность действий, совершаемых людьми в связи с их верованиями, опытом и взаимодействием с общиной единоверцев. Практики включают в себя обряды (ритуалы) – реально совершаемые действия, имеющие свои отличительные особенности в рамках определенной конфессии. Также практики могут означать и деятельность, которая не имеет четкой повторяемости, однако определяется смыслом (чтение религиозной литературы, посещение святых мест, лекций на религиозную тематику и т.д.). Поэтому понятие «религиозные практики» шире понятия «обрядовая деятельность», в то же время религиозные практики отличаются от других форм практик наличием религиозной направленности.

Исследования Института социологии НАН Беларуси, проведенные в 2015 г. по репрезентативной выборке (объем респондентов – 2078 чел.), подтверждают характерную для белорусского общества ситуацию, когда число респондентов, самоопределившихся в рамках конфессий, оказывается больше числа реально участвующих в религиозных практиках: посещающих богослужения, соблюдающих посты, участвующих в обрядах и т.д.

93,6 % участников опроса относит себя к различным вероисповеданиям: православию – 83,6 %, католичеству – 7,7 %, протестантизму – 0,9 %, старообрядчеству – 0,2 %, буддизму – 0,2 %, исламу – 0,2 %, иудаизму – 0,1 %, другие вероисповедания – 0,7 %. И лишь 7,4 % участвуют в религиозных практиках регулярно (каждую неделю). Большинство населения (70,1 %) посещает церковь лишь в дни церковных праздников или от случая к случаю. Вместе с тем многие убеждены, что религия нужна (44,4 %) и скорее нужна (31,2 %) современному человеку, потому что дает ему утешение и смирение, способствует нравственному совершенствованию, помогает сохранить культуру и традиции народа.

Подобная ситуация характерна не только для белорусского общества, но и для ряда постсоветских стран. Она свидетельствует о сложности и неоднозначности религиозного возрождения. При этом религиозные практики способствуют формированию религиозного самосознания, закреплению соответствующих религиозных представлений и укрепле-

нию веры (работа выполнена в рамках проекта «Этнокультурные практики в структуре повседневности белорусов и россиян» при поддержке БРФФИ, договор № Г15Р-032 от 04.05.2015 г.).

Библиографический список

1. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдье; пер с фр. А. Т. Бикбова [и др.]; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. СПб., 2001. – 562 с.
2. Социоанализ Пьера Бурдьё // Альманах российско-французского центра социологии и филологии Ин-та социологии РАН / отв. ред. Н. А. Шматко. М.; СПб., 2001. – 304 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ТОПОС

К. И. Стаселько,
магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Каждая нация, как воображаемое сообщество, нуждается в элементах, которые бы были основой её фундамента, делали нацию формированием более или менее гомогенным, которые бы делали более или менее возможным отличать одну нацию от другой. Нация нуждается в элементах, которые способны невидимой связью объединять индивидов незнакомых между собой, не имеющих личных контактов, т.е. существующих не в режиме face to face, но в режиме воображаемого единства (понятно, что подразумевается нация как сообщество, а не малые социальные группы).

Одним из таких элементов-звеньев выступает, если не в первую очередь, но, во всяком случае, является необходимым условием существования, язык. Единый язык, как тот, который отсылает к единым референтам, который создаёт возможность понимания иного, но не чужого. Понимания иного, но состоящего в такой же связи с целым такого сообщества как нация.

Ещё одним элементом-звеном фундамента нации является топос (в различных его значениях). Как жителей одного города объединяют единые топосы, публичные места города такие как центральная площадь, городской собор и т.п., места благодаря которым горожане ощущают свою принадлежность к одному городу, к сообществу горожан, так и нация нуждается в своих топосах.

Для нации таким топосом является национальная история. Даже не столько национальная история, сколько национальная утопия. Нация нуждается в идеализированном месте в истории. В слове «утопия» топос означает «место», приставка «у» говорит о невозможности существования этого места, т.е. национальная история как утопия говорит об историческом месте нации в истории (которого не существовало), об идеализированном месте нации во всеобщей истории.

Утопия нации повествует о «лучших временах», повествует о своих высших достижениях, о своих героях, о своём исключительном месте в истории. Говоря об утопии, говорится о том, что сама интерпретация, объясняет тот или иной исторический период исключительно идеализированно, исключая негативные аспекты, т.е. эта утопия может существовать только в результате селекции, после которой остаются только «лучшие моменты истории нации». И в этом плане национальная утопия является тем историческим местом, которого не существовало (так как это история идеализированная, она исключает негативные моменты истории нации).

Так одна из белорусских утопий повествует о лучших временах Великого Княжества Литовского, когда белорусский язык был государственным, когда происходил расцвет культуры, когда ВКЛ было одним из крупнейших государств Европы. У этой, как и у каждой утопии, есть свои герои, например, Гедымин, Лев Сапега, Скорина и т.п. Однако

этого топоса в истории не существовала, это утопия. Утопия в том смысле, что она не содержит вопросов, было ли это государство белорусским или литовским (в сегодняшнем смысле этого слова), были ли эти герои белорусами, литовцами или поляками, было ли это государство на самом деле независимым или же было марионеточным. И самое главное (даже если эти вопросы и задаются) под вопрос не ставится сама корректность такой истории, т.е. даже если Скорина и принадлежал к тому же этносу, что и современные белорусы, можно ли его считать белорусом. Не возникает вопроса можно ли сегодняшними категориями мереть историю, т.е. могут ли соотносится сегодняшние категории и категории истории.

В этом и состоит отличие национальной истории, утопии от истории (истории не национальной). Нация и её историческое видение, сегодняшние категории «проглатывает» историю, превращая тем самым историю в утопию.

Следует отметить, что утопия проявляется в своих реальных топосах. Такими топосами являются мемориалы, поля великих сражений, памятники великим героям и событиям, памятники национальной литературы и т.п. Именно в этих топосах заключается сложность разоблачения утопии. Благодаря этим топосам история рассматривается не как утопия, но как метатопос.

Историческая утопия, в свою очередь, является неотъемлемым условием утопии будущего. Нация, как воображаемое сообщество, нуждается в утопии будущего также, как и в утопии прошлого. Утопия будущего говорит нации о достижениях будущего. Утопия будущего нации грезит достижения утопии прошлого, достижения тех «лучших времён», когда «наше» государство было сильнейшим и крупнейшим в Европе, когда разворачивалась деятельность таких великих героев как Сапега и Скорина (как пример).

Именно это делает возможным существование нации сегодня. Именно утопия будущего, связанная с утопией прошлого как своим идеалом, делает нацию единым сообществом сегодня. Утопия – это общее дело, то дело, которое связывает каждого представителя нации. Утопия как бы говорит нации «мы должны быть вместе, мы должны вместе усердно трудится ради дела будущего, ради «наших лучших времён»». Нация существует ради утопии.

Особой силы утопия достигает в те периоды, когда требуется достижение предельного единства, предельной гомогенности нации. Такой силы утопия достигает в нацистской Германии. Нация должна предельно сплотиться против внешнего врага, ради достижения великого будущего Рейха.

Могут возникнуть возражения, что, например, в США не существует такой утопии. Однако, в США сообщество формируется не на национальном фундаменте, но на фундаменте гражданственности, где действуют иные механизмы.

Так в Советском Союзе при формировании образа советского человека возникало противоречие между формированием новой советской утопии, призванной сделать советское общество гомогенным, и национальными историями. Конечно, единство советского общества формировалось не на национальном аспекте, а на аспекте гражданственности, принадлежности к сообществу советских граждан, но не следует упускать момент национальных историй республик, в отличие от США, где была иная социально-историческая ситуация.

Возвращаясь к проблеме формирования белорусской нации, следует отметить, что формирование национальной утопии, не смотря на кажимость оторванности истории от сегодняшних дней, существуют некоторые противоречия с сегодняшними социально-политическими аспектами.

Попытки создания белорусской национальной утопии в основном предпринимались отдельными личностями, движениями, партиями, что приходило в противоречие с существующими социально-политическими условиями. Сначала это было связанно с существованием в Российской империи, а затем в Советском Союзе, где возникновение национальной белорусской утопии противоречило интересам и практикам доминирующих политических сил. Только

в периоды ослабления доминирующих политических позиций возникала возможность формирования национальной утопии, которая существовала ровно до момента усиления этих самых позиций (например, после исчезновения Российской империи и возникновения БНР).

На сегодняшний момент формирование национальной белоруской утопии, эффективно выполняющей свои функции, привело бы к значительным социально-политическим изменениям, и как следствие, некоторым, в том числе экономическим, издержкам, которые бы подорвали, существующие сегодня в Беларуси доминирующие политические силы.

Библиографический список

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества/ А. Андерсон. – Москва: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.
2. Фуко, М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – Москва: Наука, 2007. – 680 с.
3. Фуко, М. Рождение биополитики / М. Фуко. – Москва: Наука, 2010. – 448 с.
4. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. – Москва: Академический проект, 2014. – 264 с.
5. Луман, Н. Общество общества. Том 2. Дифференциация. Самоописания / Н. Луман. – Москва: Логос, 2011. – 640 с.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОСВОЕНИИ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Н. В. Дулина,
доктор социологических наук, профессор,
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград
Е. В. Ануфриева,
кандидат философских наук, доцент,
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград

Научный интерес к гендерным различиям связан со значительными изменениями, происходящими в современной культуре, в том числе связанными с проникновением в каждый дом Интернета, трансформацией ролей мужчины и женщины на современном этапе развития общества. Вопрос о межполовом различии существовал во все времена и интересовал людей разных возрастов и национальностей так же, как и политика, экономика, религия и т. д. Мужчины стремятся лучше узнать и понять женщин, а женщины – мужчин. Такой интерес можно обнаружить в любом социуме. У каждого пола свои черты, присущие именно ему. Благодаря этим различиям мы, собственно говоря, и отличаем мужчину от женщины, и наоборот. Но когда речь заходит о поле, то в первую очередь в расчет принимается биологический аспект.

А те миры, которые мужчины и женщины выстраивают вокруг себя в повседневной жизни, они отличаются один от другого? Если эти различия в мирах мужчин и женщин существуют, то в чем они проявляются? Для различения биологического и социального в жизни людей и было введено понятие «гендер», под которым понимается социальный конструкт, возникающий в процессе социализации. Правда, вопросов от этого не стало меньше, скорее, наоборот. Мы попробуем дать ответ только на один из них, а именно: существуют ли гендерные различия в освоении виртуального пространства современного мира, обратившись к результатам мониторингового исследования «Волгоградский Омнибус». Заметим, что к вопросам социального освоения виртуального пространства мы довольно часто обращаемся в своих исследованиях (см., напр., [1–3] и др.).

Традиционно в качестве объекта исследования «Волгоградский Омнибус», проводимого Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» (г. Волгоград), рассматривается население Волгограда и городов областного подчинения (Волжский, Камышин, Михайловка, Урюпинск, Фролово) в возрасте 16 лет и старше. Общее число жителей Волгограда и городов областного подчинения составляет около 1613

тыс. человек (около 62 % от населения области), в том числе около 1391 тыс. человек в возрасте 16 лет и старше. Именно эти люди и являются объектом исследования. Общий объем выборки составляет 800 интервью, половину их которых составляют жители областного центра – Волгограда. Максимальная статистическая погрешность выборки такого объема при уровне значимости 0.05 составляет 3.5 %. В качестве метода исследования используется метод CATI–интервью (Computer Assistant Telephone Interview). Единый объект исследования, метод и инструментарий позволяют проводить сопоставительный анализ данных, полученных в разных волнах исследования. В двух волнах этого исследования (2012 и 2014 гг.) был задействован блок вопросов, посвященный анализу проникновения интернета и социальных сетей в повседневную жизнь жителей Волгоградской области. Исследование проводится при непосредственном участии одного из авторов данного материала.

В данном материале (если это не оговорено особо) будут представлены результаты волны, выполненной в 2014 году. Однако заметим, что различие в данных, полученных в разные годы исследования, лежат в пределах статистической погрешности (не превышают 1–2 %), что лишний раз свидетельствует, с одной стороны, о грамотном инструментарии. С другой стороны, может свидетельствовать о выходе изучаемого процесса на «прямую Гука».

Результаты исследования позволяют утверждать, что интернет стремительно проникает в повседневную жизнь жителей региона. Если в 2012 году в целом по городам исследования доля жителей, хотя бы иногда пользующихся Интернетом, составляла 69 %, то в 2014 году – уже 78 %. Приращение аудитории интернета за два года почти на 10 % – это убедительный повод, чтобы более внимательно относиться к новой социальной реальности. Мужчины, проживающие в городах Волгоградской области, осваивают интернет-пространство активнее женщин, подтверждая тот факт, что мужчины первыми выходят на исследование новой, пока еще неизвестной «территории», делая ее доступной для остальных членов социума. В целом по городам исследования 87 % мужчин хотя бы иногда пользуются интернетом, но только 70 % женщин.

Социальные сети, появившиеся в жизни россиян с началом нового века («Одноклассники» – 2000 г, «ВКонтакте» – 2006 г., «Фейсбук» – 2008 г.), в короткий срок стали частью повседневной жизни большинства жителей не только региона, но и страны. Интересно, что женщины и мужчины «осваивают» пространство социальных сетей в равных соотношениях (мужчины – 52 %, в 2012 году – 50 %; женщины – 50 %, в 2012 году – 49 %).

Тройка лидеров среди социальных сетей региона выглядит следующим образом: «Одноклассники» (в ней зарегистрированы 36 % жителей региона), «ВКонтакте» (32 %), «Фейсбук» (14 %). Но если сетью «ВКонтакте» мужчины и женщины пользуются в равной степени (см. табл. 1), то в «Одноклассниках» больше женщин, а в «Фейсбуке» – мужчин. Следует отметить, что отечественные социальные сети пользуются большей популярностью среди жителей региона, чем зарубежные. В таблице мы оставили названия лишь тех социальных сетей, которые в оценках респондентов, с точки зрения их посещения, «перешагнули» 5-ти процентный барьер.

Таблица 1. **Наиболее популярные среди респондентов социальные сети, %**

Формулировка вопроса	Пол	
Какими социальными сетями Вы пользуетесь?	Муж.	Жен.
ВКонтакте (VKontakte.ru)	32	33
Фейсбук (Facebook.com)	18	10
Одноклассники (Odnoklassniki.ru)	33	38
Инстаграм (Instagram.com)	5	5
Мой Мир / Блоги@Mail (my.mail.ru / blogs.mail.ru)	3	11
Блоги Яндекса (my.ya.ru)	3	10

Жители региона, как свидетельствуют данные опроса, посещают социальные сети довольно активно, подтверждая тем самым, что социальные сети довольно быстро превратились в такую «деталь», без которой современный мир представить уже практически невозможно (см. табл. 2).

Таблица 2. **Частота посещения респондентами различных социальных сетей, %**

Как часто Вы посещаете социальную сеть?	Социальная сеть					
	ВКонтакте		Фейсбук		Одноклассники	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Нахожусь в сети практически постоянно	12	14	0	0	2	7
Захожу в сеть ежедневно	68	47	45	35	35	50
Захожу в сеть несколько раз в неделю	17	34	30	17	45	33
Захожу в сеть несколько раз в месяц	2	4	18	22	10	5
Один раз в месяц	0	1	3	22	7	5

Возникает вполне закономерный вопрос: зачем люди пользуются социальными сетями? Какие свои потребности они в первую очередь пытаются удовлетворить, обращаясь к социальным сетям? Ответ на этот и другие вопросы можно найти, обратившись к данным, представленным в табл. 3.

Таблица 3. **Целевое посещение респондентами различных социальных сетей, %**

Для чего Вы используете различные социальные сети, в которых Вы зарегистрированы?	Социальная сеть					
	ВКонтакте		Фейсбук		Одноклассники	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Знакомство с девушками / молодыми людьми с целью дружбы и общения в онлайне	65	46	8	4	27	38
Знакомство с девушками / молодыми людьми с целью дружбы и общения в **реальной жизни**	63	65	13	18	8	18
Поиск старых друзей (одноклассников, одногруппников, сослуживцев), поддержание связи с ними	38	31	4	1	50	66
Профессиональное общение с коллегами (в том числе в других городах и странах)	55	40	16	3	20	48
Поддержка связей с друзьями из других стран	31	29	25	10	33	58
Общение с родственниками, с родителями	20	23	2	1	65	68
Организация событий, координация деятельности большого числа людей	50	29	10	8	27	50
Наблюдение за общественной активностью людей, которые являются для Вас авторитетами	10	44	0	5	33	25
Обсуждение и участие в общественно-политической жизни	29	35	12	8	50	45
Он-лайн игры в социальных сетях	33	24	4	4	33	64
Прослушивание коротких аудиоклипов и просмотр видеороликов	51	38	5	1	37	56
Заказ товаров через посредников, зарегистрированных в социальных сетях	50	39	38	0	0	39
Длительное прослушивание музыки и аудиокниг	60	54	2	4	30	38
Использование в качестве аналога СМИ (TV, радио, печатные издания)	31	38	6	6	38	20
Использование в качестве своего личного сайта	32	29	16	0	32	58

Если брать по массиву в целом, то сеть «ВКонтакте» используется респондентами в

первую очередь для знакомства с девушками / молодыми людьми с целью дружбы и общения, причем как в онлайне (56 %), так и в реальной жизни (63 %), и длительного прослушивания музыки и аудиокниг (57 %). «Одноклассники» в большей степени используется респондентами для общения с родителями и родственниками (67 %), поиска старых друзей (одноклассников, одногруппников, сослуживцев). Поддержания связи с ними (58 %) и участия в он-лайн играх (54 %).

Можно заключить, что в настоящее время в освоении виртуального пространства повседневности гендерные различия присутствуют. Мужчины более комфортно ощущают себя в пространстве сети «ВКонтакте», за которой закрепился имидж молодежной сети, пользователи которой ориентированы, прежде всего, на проведение свободного времени. «Одноклассники», имидж которых сводится, если кратко, к тому, что это сеть для тех, кому за 30, пользователи этой сети используют ее для поиска друзей и общения. Эта сеть оказалась более комфортной для женщин. Кроме того, нельзя не заметить, что мужчины более активно, чем женщины осваивают пространство сети «Фейсбук».

Библиографический список

1. Дулина, Н. В., Ефимов, Е. Г. Американская и российская модель групповой структуры социальных сетей (сравнительный анализ) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2015. – Том 1. – № 1 (1). – С. 60–66.
2. Дулина, Н. В., Ефимов, Е. Г. Эволюция общественного мнения о развитии социальных сетей в России (контент-анализ новостных сообщений ТРК «Вести») // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 8. Социология. – С. 128–136.
3. Социокультурное освоение виртуального пространства: опыт социологического анализа / Н. В. Дулина, Е. Г. Ефимов, И. А. Небыков, В. В. Токарев; Волгоград. гос. техн. ун-т. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2014. – 163 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ БИОТЕХНОЛОГИЙ

О. В. Живага,

кандидат исторических наук, Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины, г. Киев

Национальная безопасность вместе с такими составляющими как экономическая безопасность, обороноспособность страны, защита от техногенных и экологических катастроф, также включает и социальную безопасность. Рассматривая понятие безопасности страны в узком смысле, то есть только как экономическую, нельзя забывать, что социальная стабильность играет ключевую роль и во всей системе национальной безопасности.

Безопасность человека стала важнейшим аспектом качества жизни, ведь современные тенденции развития резко повышают риски и угрозы безопасности человека и расширяют масштабы их возможных последствий. Соответственно усложняется задача обеспечения безопасности человека, становится актуальной проблема выявления и предупреждения рисков и угроз.

В частности, развитие и внедрение новых биотехнологий также связано не только с выгодой, но и с риском для окружающей среды, здоровья человека и долговременных перспектив развития общества.

Новые формы манипуляций, которые угрожают жизни людей возникли на основе генной инженерии, которая быстро развивается. Овладение современными биологически-

ми и медицинскими технологиями стало возможным через познание биохимической структуры носителя наследственной информации – ДНК, ее декодирование и проработка методов ее модификации с применением техник биоинженерии. Эти открытия позволили осуществлять биотехнологические процессы сначала на отдельно взятых клетках, затем на уровне тканей и органов.

С позиции персоналистической биоэтики такие действия оцениваются как моральные, поскольку служат на благо человека. Однако генная инженерия создает также технологии, которые являються далеко идущими в негативных последствиях, такие как клонирование, технология получения стволовых клеток эмбриона человека, искусственное оплодотворение, программирование человека с определенными характеристиками, со способностями только для узкой специализации.

Чрезвычайно опасна генная терапия половых клеток, потому что она связана с изменением генома в ряде поколений, что может вызвать непредвиденные новые мутации и нарушение равновесия между человеческим обществом и окружающей средой [1].

В результате генной инженерии новые микроорганизмы могут приобрести необычную патогенность или резистентность к определенным лекарственным веществам. Сейчас крайне трудно бороться с локальными очагами оспы, холеры, чумы. Проблема усугубляется в странах с неразвитой демократией, недостаточным уровнем образования и монополизацией средств массовой информации. Кроме того, ускорение ритма жизни приводит к внедрению технологий с непредсказуемыми последствиями.

Биобезопасность – новый, но уже признанный на международном уровне термин, обозначающий проблемы, связанные с использованием достижений современной биотехнологии, прежде всего генной инженерии и генетически модифицированных организмов. Основной документ по данному вопросу – "Картахенский протокол по биобезопасности», принятый в 2000 г. в Монреале (Канада). Его главным принципом является предостережение: государство, не нарушая требований ВТО может отказаться от ввоза на ее территорию ГМО, если считает, что такие организмы опасны.

Сейчас в обществе проводяться горячие дискуссии по поводу потенциального риска для здоровья человека и окружающей среды широкого использования генетически модифицированных организмов (ГМО).

Сначала исследования ГМО вызвало большой интерес у ученых, которые считали, что новая эра биотехнологии обеспечит победу над наследственными болезнями, а внедрение трансгенных растений и животных повысит эффективность сельского хозяйства, урожайность культур, в свою очередь решит проблему голода в мире. Однако вскоре возникли опасения, что трансгенные организмы, которые были созданы в лабораторных условиях без учета их возможных экологических характеристик и не прошли длительную эволюцию с природными организмами, могут освободиться и начать неограниченно размножаться.

Российский ученый И. В. Ермакова в результате своих исследований пришла к выводу, что масштабное распространение ГМО приводит к развитию бесплодия, вспышки онкологических заболеваний, появлению генетических уродов, аллергических реакций, росту смертности среди людей и животных, резкому сокращению биоразнообразия и ухудшению состояния окружающей среды [2]. Кроме того, в сентябре 2012 г. в журнале Food & Chemical Toxicology вышла статья ученого Жиля-Эрика Сералини, в которой были проанализированы результаты исследований ученого и его коллег из кайенского университета. Они выясняли как влияет на мышей питание генномодифицированной кукурузой NK603 и влияние гербицида Roundup в течение длительного времени. По результатам исследований у мышей развивалось в три раза больше опухолей, чем у животных из контрольной группы, повреждения внутренних органов и преждевременная смерть.

Еще в июле 1974 г. несколько выдающихся ученых – лауреатов Нобелевской премии обратилось к научной общественности с предложением ввести мораторий на исследования рекомбинантных ДНК. Однако в 1975 г. на Асиломарской конференции в Кали-

форнии ученые выступили с инициативой прервать мораторий и продолжить исследования ГМО с соблюдением специально разработанных правил. В 80-х гг. началось выращивание жизнеспособных трансгенных организмов с целью коммерции.

Все же большинство ученых убеждены в том, что ГМО не несут значительной угрозы для человека и окружающей среды, поскольку сейчас отсутствуют научные сообщения, что отдельные гены или фрагменты ДНК еды встраиваются в генетический материал клеток человека (или млекопитающих вообще). В частности, Дж. Киндерлерер считает, что трансгенные организмы, преимущественно устойчивые к вредителям и гербицидам, не будут иметь значительного влияния на окружающую среду и не приведут к серьезным последствиям с точки зрения безопасности пищевых продуктов [3].

Стоит сказать, что применение биотехнологий не ограничивается интересами здравоохранения, сельского хозяйства и фармацевтической промышленности. Достижения генной инженерии и других биотехнологий используются и для совершенствования биологического оружия, что может привести к новой гонке этого вида вооружений.

В мае 1986 г. Министерство обороны США в докладе комитету Палаты представителей Конгресса США подтвердило, что благодаря методам генной инженерии бактериологическая война становится эффективным вариантом боевых действий. Особенно опасными в ходе бактериологической войны могут стать новые, неизвестные медицине инфекционные заболевания [4].

В последние годы международное сообщество направило значительные усилия на анализ эффективности соблюдения национальных законодательств, кодексов поведения и этики, наблюдение за болезнями и реагирования на них, биозащиту и биобезопасность. Сейчас приобретает актуальность понятие микробиологической криминалистики - научной дисциплины, которая посвященна анализу в целях атрибуции (реконструкции истории инцидента) признаков акта биотерроризма, биопреступления, или неосторожной утечки микроорганизмов / токсинов.

Для того чтобы объективно определить выгоды и риски каждого отдельного ГМО нужна научно обоснованная система оценки. Нужно изучить возможное влияние на биоразнообразие, окружающую среду и продовольственную безопасность и оценить насколько выгода от внедрения продукции или процесса превесит прогнозируемые риски, связанные с их внедрением. Процесс оценки должен также учесть опыт, полученный национальным распорядительным органом при рассмотрении и принятии решений по этим продуктам. Внимательный мониторинг воздействия, подобных продуктов и процессов после их внедрения, также является существенным для обеспечения их безопасности для человека, животных и окружающей среды.

Одним из главных международных требований, связанных с развитием и применением биотехнологии в науке и производстве, является биобезопасность проведения исследований, полевых и других испытаний ГМО, а также биобезопасность высвобождения ГМО, обладающих новыми желательными признаками, на товарный рынок. Однако разработка проблем биобезопасности и принятия соответствующих мер защиты в интересах людей значительно отстают от темпов и масштабов внедрения новых биотехнологий [5].

Важным аспектом в обеспечении биобезопасности остается внедрение и поддержка межведомственного сотрудничества, в том числе между правоохранительными органами и органами здравоохранения, а также содействие расследованиям руководства стран, особенно в случае умышленного использования биологических веществ. Для уменьшения угроз, связанных с использованием биологических агентов, каждая страна отдельно и мировое сообщество в целом должны создать действенную систему контроля за объектами, где проводятся работы с возбудителями инфекционных болезней, научные исследования в области «синтетической биологии» и другие.

Библиографический список

1. Запорожан, В. М. Биоэтика: [учеб. для студ. высш. мед. учеб. зав. IV уровня аккредитации] / В. М. Запорожан, М. Л. Аряев. – К.: Здоровье, 2005. – 288 с.

2. Ермакова, И. В. Влияние сои с геном EPSPS CP4 на физиологическое состояние и репродуктивные функции крыс в первых двух поколениях/ И. В. Ермакова // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 5. – С. 15–21.
3. Суржик, Л. Биотехнология в современном мире: польза и риски [Электронный ресурс] / Л. Суржик // Зеркало недели. – 2001. – №48. – Режим доступа: http://gazeta.dt.ua/SCIENCE/biotehnologiya_v_suchasnomu_sviti_korist_i_riziki.html.
4. Маркович, И. Г. Анализ угроз и оценка рисков, связанных с использованием биологических агентов [Электронный ресурс] / И. Г. Маркович, О. Й. Гриневич, И. Ф. Маркович // Украинский медицинский журнал. – 2012. – №2 (88). – Режим доступа: http://m.umj.com.ua/article/28699/
5. Зеркалов, Д. В. Социальные проблемы устойчивого развития: монография [Электронный ресурс] / Д. В. Зеркалов, О. Ю. Арламов. – К.: Основа, 2013. – 562 с. − Режим доступа: http:// www.zerkalov.kiev.ua/sites/default/fi les/cpcr_m.pdf

РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СЕТИ ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. Н. Фаблинова,
магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Интернет-досуг занимает важную часть в жизни белорусской молодежи. Под интернет-досугом понимается самоценная и свободно избираемая деятельность пользователя в виртуальном пространстве, мотивированная его интересами и потребностями, опосредованная рядом социальных, экономических, культурных, технических факторов, выполняющая социализирующую, развлекательную, коммуникативную, творческую и другие функции, и реализующаяся вне зависимости от физического местонахождения пользователя, а также вне традиционного разделения времени на рабочее и внерабочее.

Согласно данным исследования «Медиапредпочтения жителей Республики Беларусь», проведенного «Центром системных бизнес-технологий САТИО» в апреле-мае 2014 года (объем выборки – 1509 респондентов в возрасте от 18 до 75 лет, из них молодежи – 499 респондентов; территориальный охват – областные центры, крупные города, средние/малые города, сельская местность), среди молодежи интернетом пользуются 98,8 % опрошенных, среди более взрослого населения – только 60,3 %. При этом молодые люди значимо чаще, чем представители старшей возрастной группы используют интернет с целью общения (69,7 % и 48,6 %, соответственно; $\varphi^*_{эмп.} = 7{,}110$, $\rho \leq 0{,}001$), просмотра фильмов и видеороликов (59,9 % и 38,0 %; $\varphi^*_{эмп.} = 7{,}242$, $\rho \leq 0{,}001$), прослушивания музыкальных композиций (42,8 % и 17,1 %; $\varphi^*_{эмп.} = 9{,}435$, $\rho \leq 0{,}001$), скачивания аудио-, видеоматериалов, программ (26,5 % и 10,9 %; $\varphi^*_{эмп.} = 6{,}689$, $\rho \leq 0{,}001$); и значимо реже – для чтения новостной информации (49,5 % и 64,7 %; $\varphi^*_{эмп.} = 5{,}069$, $\rho \leq 0{,}001$). Цели посещения интернета учащейся и студенческой молодежью следующие: общение (76,3 %), поиск информации по работе/ учебе (68,7 %), просмотр фильмов, видеороликов (62,4 %), прослушивание музыки (55,9 %), чтение новостей (43,8 %), поиск такой полезной информации, как курсы валют, прогноз погоды, расписание движения транспорта (42,8 %), скачивание аудио/видео материалов, программ (28,6 %), интернет-игры (14,6 %), чтение художественной литературы (7,1 %), покупки (6,0 %), творчество (2,8 %). Согласно результатам мониторинга Института социологии НАН Беларуси, наиболее популярная цель выхода молодежи в интернет – отдых и развлечение (май 2013 г. – 82,1 %, октябрь 2013 г. – 86,9 %, ноябрь 2014 г. – 81,7 %). Для учащейся и студенческой молодежи доли составляют 88,0 %, 89,2 % и 80,4 %, соответственно. При этом стоит отметить, что в инструментарии Института социологии отсутствует вариант ответа «общение» (наиболее популярная цель выхода по данным исследования «Медиапредпочтения жителей Республики Беларусь»),

что позволяет с большой долей вероятности предположить, что общение молодежи зачастую носит развлекательный характер.

Помимо широких перспектив и возможностей, открываемых интернетом, он таит в себя ряд угроз: «информационная перегрузка», невозможность/сложность систематизировать полученную информацию, выработка привычки к плохим новостям или необходимости все время получать новую, но не всегда необходимую информацию; возникновение «клипового мышления», пассивность проведения досуга; опасность кражи данных; депрессия, интернет-запугивание, проблемы построения отношений в оффлайновом пространстве и т. д. В связи с этим возникает важная задача – регулирование процессов социализации подрастающего поколения в интернет-среде. Особенно это актуально в отношении интернет-досуга, т.к. социализация происходит стихийно, нет внешних ограничителей (например, блокировка администратором/руководством/родителями определенных интернет-ресурсов, внутренний распорядок организации и т.п.).

Механизмы регулирования поведения индивида в интернете можно дифференцировать на социальные (механизмы внешнего регулирования) и индивидуальные (механизмы внутреннего регулирования). В современных быстро меняющихся реалиях, характеризующихся возникновением новых интернет-продуктов, появлением новых интернет-угроз и сложностью быстрого законодательного реагирования (в виду объективных причин и установленных сроков на рассмотрение и принятие законопроектов), а также невозможностью решения некоторых проблем на законодательном уровне (например, проблема интернет-зависимости и роста продолжительности нахождения пользователей в Сети), особое внимание следует обратить именно на регуляцию индивидом собственного интернет-поведения. Широкое использование молодежью интернета в досуговых целях актуализирует формирование интернет-культуры этой группой населения.

Интернет-культура представляет собой систематизированную совокупность знаний о сущности и роли интернет-среды, понимания своего места в ней; навыков владения интернет-технологиями; умений адекватно формулировать свои потребности в интернет-контенте и работать с ним; ценностей, убеждений в отношении использования интернет-контента и интернет-ресурсов в целом; мотивов обращения к различным интернет-ресурсам и ожиданий, обусловленных этим обращением; оценок уровня удовлетворенности интернет-контентом; готовности к определенным действиям в интернет-среде (поиску информации в Сети, ее практическому использованию и т.д.). Знания, навыки и умения составляют основу интернет-грамотности личности.

Интернет-культура способствует безопасному использованию интернета индивидами. Вопросы интернет-безопасности, а также интернет-культуры подрастающего поколения поднимаются и в Республике Беларусь. Так, на «Детском правовом сайте» можно найти информацию об интернет-безопасности, подготовленную с учетом аудитории сайта (родителей и детей). Для родителей информация представлена в виде 10 правил безопасности для детей в интернете, в то время как для детей на сайте размещена игра «Прогулка через Дикий интернет-лес», созданная в рамках программы Совета Европы «Строим Европу для детей и вместе с детьми».

Кроме того, интернет-культура связана с формированием у индивидов особого этикета поведения в Сети – нетикета, основы которого были заложены в 1989 г., когда «Совет по интернет-деятельности» (сегодня – «Совет по архитектуре интернета») разработал документ «RFC 1087», именуемый «Этика и интернет». Согласно нетикету, неприемлемыми являются оскорбления, переход на личности, преднамеренный отход от темы обсуждения, реклама и самореклама в местах, не отведенных для этого; дезинформация, клевета, плагиат, рассылка спама и т.п. Таким образом, нетикет регулирует манеры поведения в интернете.

Важность формирования нетикета в Беларуси также признается. Так, некоторые учебные заведения Беларуси внесли тему нетикета в программу обучения (Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Могилевский областной государственный

лицей № 3 и др.). Более того, тематика нетикета поднималась на белорусском телевидении, а также популярным белорусским новостным порталом [1; 2; 3; 4].

Однако все же в настоящее время усилия белорусского государства больше направлены на формирование интернет-грамотности и компьютерной грамотности населения. Так, начиная со школы и заканчивая постдипломным образованием в учебный курс включены занятия по информатике. В 2013 году открылось первое учебное заведение для раннего обучения детей компьютерной грамотности, так называемая «IT-академия для младших школьников» [5]. Бесплатное обучение компьютерным курсам предлагается в Республиканской научно-технической библиотеке Беларуси [6]; действуют в данном направлении и общественные объединения [7]. При этом формирование интернет-грамотности, в основе которой лежат знания и умения, – лишь часть интернет-культуры, которая включает в себя также ценностные ориентации, нормы и идеалы. Привитие этих ценностей должно стать важной задачей белорусского государства, так как только благодаря им возможно осмысленное, рациональное и безопасное поведение в виртуальном пространстве.

Библиографический список

1. Сохор, И. Л. Контрольная работа по дисциплине “Информационные технологии” для студентов 1 курса (ОЗО) специальности “Правоведение” / И. Л. Сохор // http://lab314.brsu.by/ [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://lab314.brsu.by/sil/sil_IT/sil_IT/sil_materials/sil_KR/files/assets/downloads/sil_KR.pdf. – Дата доступа: 03.09.2015.
2. Меры безопасности и правила сетевого этикета // Могилевский государственный областной лицей № 3 [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.mgol3.mogilev.by/node/54. – Дата доступа: 03.09.2015.
3. Бельмач, О. Как правильно вести себя и общаться в Интернете. Изучаем нетикет / О. Бельмач // Столичное телевидение [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа:http://www.ctv.by/kak-pravilno-vesti-sebya-i-obshchatsya-v-internete-izuchaem-netiket. – Дата доступа: 03.09.2015.
4. Щетько, Н. ИТ-ликбез. Сетевой этикет / Н. Щетько // tut.by [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа:http://42.tut.by/190010. – Дата доступа: 03.09.2015.
5. Карпас, Е. В программисты – с первого класса! / Е. Карпас // Знамя юности [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://zn.sb.by/obrazovanie-i-nauka-2/article/v-programmisty-s-pervogo-klassa.html. – Дата доступа: 21.09.2015.
6. Бесплатный доступ к информационным ресурсам Интернет для читателей РНТБ // Республиканская научно-техническая библиотека Беларуси [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://rlst.org.by/internet-centr/53-internet-centr.html. – Дата доступа: 10.09.2015.
7. Гродненская молодежная общественная организация «Модем» / Бюро социальной информации [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://ru.belbsi.by/rights/social_belarus/organizations?oid=4646. – Дата доступа: 21.06.2015.

ФЕНОМЕН СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

О. В. Кононенко,
аспирант Гуманитарного института Национального авиационного университета,
г. Киев, olya-kononenko@ya.ru

В условиях информационного общества с использованием могучих информационно-коммуникационных технологий возник и быстро развивается целый комплекс так называемых социально-гуманитарных технологий, роль которых всё более становится системной в манипулировании массовым сознанием. В этих технологиях сочетается противоречие: с одной стороны, они направлены на «очеловечивание» техники и технологий, с другой – это технологии манипулирования сознанием. Разработка этих технологий осуществляется на основе новейшего социально-гуманитарного знания [1]. Это сложные технологии, направленные на изменение человека (по аналогии с традиционными высокими технологиями, которые направлены на изменение окружающей среды). Сначала они использовались только для обозначения технологий формирования сознания, однако затем были распространены на весь спектр традиционных гуманитарных технологий, связанных с образованием, здравоохранением, культурой и т.д. Следовательно, речь пойдет о таких социальных и гуманитарных технологиях, которые предназначены для воздействия на индивидуальное или массовое сознание.

Потребность в управлении обществом, различными социальными группами и конкретными людьми создалась одновременно с возникновением общества, поэтому социальные и гуманитарные технологии возникли вместе с материальными еще в доиндустриальном обществе. Но в большинстве случаев социальные и гуманитарные технологии специально не подготавливались, а складывались стихийно. Они имели относительно простой характер, могли быть усвоены интуитивно, на основе эмпирических знаний и опыта. Вследствие доминирования традиций в ценностных основаниях менталитета доиндустриального общества любые изменения как в материальном производстве, так и в социальном управлении и деятельности встречали в нем сильное сопротивление. Это касалось также внедрение новых методов и технологий управления.

Для современных социально-гуманитарных технологий характерно то, что их разработка осуществляется на основе новейшего социально-гуманитарного знания. Наукоёмкость социальных технологий постоянно растёт. Но такое положение вещей сложилось достаточно постепенно и характерно только для конца XX – начала XXI в.

Истоки формирования социальных и гуманитарных технологий усматриваются в развитии на протяжении XX века социологической науки, и, прежде всего, социальной инженерии; формировании теорий социального управления, прежде всего, научного менеджмента; развития социальной психологии; становлении кибернетики и распространении принципов системного подхода к исследованию общества и социальных процессов. Все это способствовало разработке социально-технологического подхода к изучению социальных систем и способствовало пониманию того, что социальными процессами можно управлять на научной основе.

В начале XX в. в развитии социологической науки происходит переключение внимания от разработки общесоциологических теорий, оторванных от повседневной жизни, к изучению конкретных социальных явлений. Это привело к расцвету эмпирической социологии и развитию прикладных социологических исследований. Социологи начинают играть активную роль в формировании и принятии управленческих решений, они не только собирают информацию, анализируют и диагностируют социальные проблемы, но и способствуют принятию оптимальных управленческих решений, активно включаются в консультативно-управленческую деятельность, в процессы создания и реализации социальных проектов и внедрения социальных нововведений. Практика управления начинает зависеть от социологической науки.

Стремление повысить эффективность управленческих воздействий привело к становлению социоинженерного подхода, суть которого заключается в сочетании социологических методов обработки, обобщения и анализа социологических данных и инженерного мышления. Социальная инженерия как наука формировалась на стыке прикладной социологии, социальной психологии и теории социального управления, т.е. носила междисциплинарный характер. Социальная инженерия относится к человеку как к активному фактору социальных процессов, в которых искусственные системы (в отличие от природных) является результатом целенаправленного воздействия людей и могут существовать только при постоянном взаимодействии с человеком, который их создал или обслуживает. К таким системам относятся социальные институты и организации, организованные группы, как устойчивые формы нормативно-ролевой регуляции и регламентации специализированной деятельности людей. Социальная инженерия не только превращает научные знания в модели и проекты социальных институтов, но и моделирует ценности, нормы, правила поведения и деятельности. Если поначалу социоинженерные знания и методы использовались только для организации и управления производством, то очень быстро они начали применяться различными властными и бюрократическими структурами, общественными организациями, средствами массовой информации и другими организациями, которые занимались защитой коллективных интересов. Индустриальное производство связано с необходимостью управления персоналом на научной основе.

В начале XX в. возникает также научный менеджмент. На рубеже 20–30-х гг. XX в. происходит осознание того, что в организации производства и управления необходимо не только использование принципов «научного менеджмента», сводивших человека к уровню автоматического исполнителя предоставленных инструкциями трудовых приемов, и мотивированного исключительно экономическими методами, но и учета «человеческого фактора» вместе с производственной демократией. Происходит поворот к гуманизации проблем менеджмента, стимулируется поиск социально-управленческих механизмов, которые позволяют задействовать моральные и психологические факторы мотивации и заинтересованности людей в труде. Появилось стремление соединить индустриальную организацию производства с социальными аспектами труда. Стал необходимым инженер с качествами руководителя производством, обладающий специальными знаниями и профессиональными навыками организационной работы с людьми, т.е. инженер-менеджер. Идеи «человеческих отношений» благодаря дальнейшему совершенствованию способов практической реализации результатов стали использоваться не только на производстве, но и в различных учебных заведениях, спортивных, военных и других организациях.

Переход к новому этапу развития социологии связан с внедрением методов кибернетики, науки об управлении сложными системами. Это вело к техническому переоснащению, математизации методов исследования и анализа, обогащения представлений о зависимости «переменных», расширению понятийного аппарата. Кибернетика стимулировала развитие таких научных дисциплин, как теории систем, информации, управления и др. Кибернетические методы сделали доступной для исследования социальную проблематику, способствовали изучению больших практических социальных проблем, а не только для исследования автономных социальных явлений, таких как безработица, реклама, эмиграция и др. Благодаря этим методам и математическому языку у социологов появилась возможность изучать социальные явления и процессы объективно, без идеологического давления.

Социальная инженерия осуществляет преобразование социологических знаний, полученных в рамках теоретических исследований, в конкретные модели, проекты или конструкции социальной деятельности, социальные институты, ценности, нормы. Основу социальной инженерии составляют социальное проектирование, программно-целевое управление и социально-технологическая деятельность, постепенно выделяются в самостоятельные специализированные виды научно-практической деятельности. В конце XX в. по причине обострения глобальных кризисов приоритетные позиции заняли те ме-

тоды освоения социального пространства, которые способны не только изучать и предвидеть изменения в жизни общества, но и конструктивно влиять на практику, а также прогнозировать результаты, способствовать активизации включения научных инноваций в решение прикладных задач. Еще одним источником формирования научных основ социальных технологий выступают теории управления, прежде всего современные теории социального управления. Именно в конце XX в. получают широкое распространение социальные технологии, которые позволяют оперативно поставить диагноз, принять решение, скорректировать поведение социального объекта. Социальные технологии начали внедряться в социальную практику.

Современные социогуманитарные технологии возникают как управленческие технологии, сопровождающие технологии в промышленности как на этапе создания и функционирования, так и на этапе реализации продуктов. Основное назначение социогуманитарных технологий - это такое действие на сознание (индивидуальное или массовое), которое имеет целью достижение определенных руководящих и манипулирующих действий. Становление социогуманитарных технологий, по сути, является процессом конвергенции социальных и информационных технологий. Благодаря им формируются новые потребности, которые оформляются, в свою очередь, в социальный заказ к фундаментальной и прикладной науке на новые исследования, которые могут стать основой для новых, более совершенных технологий.

Современные технологии, и производственные, и социогуманитарные, оказывают опасное давление на психику человека. Высокие технологии способствуют разрушению экзистенциальных оснований человека, проявляются в разрушении целостности его внутреннего мира, ценностных ориентаций и т.п. Массовая культура, сама являясь продуктом конвейера и штампа, обеспечивает запрограммированное поведение составных элементов «массы», внедряет в общественное мышление стандартно унифицированные системы восприятия, тем самым формируя человека толпы – массового одномерного человека. Высокие социогуманитарные технологии предназначены для изменения человеческого сознания, как индивидуального, так и массового (политические технологии, PR-технологии, технологии рекламы, бизнес-технологии и др.). Они выступают основой так называемой индустрии сознания – мощной отрасли, направленной на манипулирование сознанием потребителя информации. Они способны разрушать механизмы саморегуляции социума и человека. Социогуманитарные технологии выступают синтезом науки, искусства и технологического знания [2]. Они все больше становятся интеллектуальным ресурсом, который позволяет не только изучать и прогнозировать различные социальные изменения, но и дают реальные инструменты для оказания эффективного воздействия на социальное пространство и получение прогнозируемого социального результата.

Библиографический список

1. Жукова, Е. А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / Под ред. И. В. Мелик-Гайказян. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. – 376 с.
2. Онопрієнко, М. В. Соціально-гуманітарні технології: роль в знаннєвому суспільстві // Вісник Нац. авіац. ун-ту. Філософія. Культурологія. – 2012. – Вип. 15. – С. 120–123.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЕЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Е. Ю. Смыкова,
магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

В современном мире, в мире, где широкое распространение получили процессы глобализации, массовизации и т.д., а общество интерпретируется в категориях потребления, особое место отводится культуре. Культура на сегодняшний день – это своего рода индикатор изменений, происходящих в обществе и затрагивающих различные его сферы. Реализует культура данную «миссию» посредством деятельности конкретных институтов. Наиболее действенным механизмом в этом плане выступает такой социокультурный институт как музей. Понимание музея как социокультурного института предполагает интерпретацию, а на практике и функционирование в определенных контекстах – социальном и культурном. Другими словами, на категорию музей накладываются онтологические рамки, предполагающие, что анализируемый феномен включен в контекст конкретного общества и культуры, а не функционирует изолировано.

Проблема изучения музея вышла за рамки его понимания как такового и связана с анализом данного феномена через призму современных культурных реалий, происходящих в конкретном обществе. Сегодня меняется не только смысловая наполняемость категорий общество-культура-музей, но и в целом оптика их социологического изучения. Общество современного типа, по отношению к которому применяются различные определители, будь то информационный, постиндустриальный, потребление или постмодерн и т.д., формирует определенную оптику собственного изучения и его составляющих. Современное общество конструируется автором с учетом двух тенденций: 1) общество рассматривается в категориях потребления; 2) увеличение влияния культуры в современном мире.

Современное общество интерпретируется в рамках предлагаемой концептуальной схемы как общество потребления. Господствующее представление о потреблении как экономическом феномене претерпело существенные изменения. Потребление в современном контексте трактуется в категориях знаков и символов. В связи с этим, вслед за В. И. Ильиным автор под потреблением понимает процесс создания символов, с целью их усвоения и тем самым конструирования собственной идентичности и стиля (образа) жизни [1, с. 244, с. 384]. Потребление предполагает проявление активности со стороны индивида, обусловленное определенной целью, следовательно, мы можем говорить о том, что действия субъекта носят осмысленный характер. Поэтому с позиций социологии в первую очередь изучение потребления сводится к замеру деятельности, а более точно осмысленной деятельности.

Другая тенденция, обозначенная выше, заключается в том, что в современном обществе культуре приписывается особый статус. В данном контексте культура начинает «играть» детерминирующую роль относительно аспектов функционирования социальных явлений и процессов. И если ранее культура интерпретировалась как одна из подсистем либо сфер/институтов общества, то сегодня – как самостоятельная категория, существующая наряду с обществом. Более того, культура в некоторых теоретических традициях выходит на уровень конкретной методологии, задающей перспективы видения того или иного феномена.

Культура рассматривается автором в двух контекстах, как институциональная структура, представленная конкретными учреждениями, формами и т.д., так и относительно устойчивые формы практики, обусловленные представлениями, то есть органическое единство представлений и действий (по В. И. Ильину) [1, с. 130]. Обращение к измерению культуры в поведенческих категориях обусловлено необходимостью выхода на конкретные эмпирические индикаторы замера культуры, то есть замера так называемой её «видимой» части.

Представленные концептуальные выкладки понимания «общества» и «культуры» представляют собой два базовых модуса, в контексте которых категория музей трактуется как социокультурный феномен. В связи с этим, необходимо существенное расширение методологической рамки изучения музея, не сводимое сугубо к «узкоучрежденческому» подходу, а требующее интерпретации феномена музей путем введения категории в более широкий по содержанию контекст, в качестве которого выступает культура. И это не случайно, так как проблема интерпретации музея с различных дисциплинарных позиций, вышла за рамки понимания его как такового и связана с изучением музея как социокультурного феномена через призму современных культурных реалий, происходящих в конкретном обществе.

Культурный контекст, в рамках которого рассматривается изучаемый феномен, позволяет говорить о двойственной природе музея, то есть одновременно как об объекте и субъекте культуры. Подобное разделение используется автором, прежде всего, в аналитических целях, тем самым возможность понимания музея как социокультурного феномена раскрывается за счет измерения в институциональных и поведенческих категориях, имеющих преломление в его субъектно-объектной природе. Объектная позиция музея по отношению к культуре означает, что изучаемый феномен фактически выступает «зеркалом культуры», отражающим основные тенденции, которые происходят не только в культурной сфере, но и в обществе в целом [2, с. 7]. Субъектность же музея выражается в том, что, выполняя роль храма в положительном смысле слова, он расширяет диапазон своего влияния на сферу культуры, демонстрируя не только направленность ее развития в определенные временные (цивилизационные) периоды посредством представленных артефактов, но и выступая инструментом решения в той или иной мере возникающих вопросов, проблем.

Музей приобретает особое значение в современной культуре, влияние которого на состояние и развитие культуры сопровождается на протяжении XX–XXI вв. В связи с этим, возникла необходимость изучения возможностей организации деятельности музейного учреждения или фактически его классификационных форм и функций, актуализируемых в зависимости от культурной ситуации конкретного исторического этапа. В результате на институциональном уровне «схлопываются» категории культура и музей. Поэтому в данном контексте музей в упрощенном (редуцированном) виде рассматривается как институционально закрепленное культурное учреждение, характеризующееся конкретными функциональными возможностями и классификационными конфигурациями. Однако это лишь один аспект двойственной природы музея. Обозначим суть объектной стороны изучаемого феномена.

Институциональная оформленность музея предполагает соответствие формальным признакам института культуры, которые в полной мере не раскрывают сущность данного феномена. Расширить интерпретационные рамки и создать целостное представление о музее позволяет рассмотрение его в качестве объекта культуры. Объектом культуры музей становится в том случае, когда осуществляется потребление посетителем услуг, предоставляемых учреждением. Другими словами, полноценное функционирование музея как института культуры, определяется фактом его посещения, то есть совершением посетителем определенной группы действий. Применительно к данному контексту эмпирическим индикатором выступают потребительские модели поведения посетителей музеев, в основу которых может быть положена частота походов в музей, предпочтения посетителей в выборе профильной направленности учреждения и т.д.

На теоретическом уровне потребительские модели поведения, интерпретируются исходя из следующих методологических посылок:

1. В основе лежит представление о социальном действии интерпретируемого в русле терминологии М. Вебера с одной стороны, как действии, которое ориентировано на социальные институты общества, к числу последних по всем формальным признакам можно отнести и такую культурную институцию как музей, с другой – осмысленное поведение,

которое определяется мотивами и основано на заранее составленном плане (А. Шюц).

2. Поведение индивида, увязываемое с социальной реальностью, направлено, прежде всего, на её понимание и толкование, путем усвоения значений представленных в музее подлинных предметов. В качестве одного из возможного средства (механизма), обеспечивающего онтологическое обоснование реальности, выступает музей, который выполняет возложенные на него функции посредством представления экспонатов и проведения мероприятий музейного характера. Интерпретация социальной реальности осуществляется на основе жизненного опыта индивида (опыт хождения в музей, количество раз и т.д.) (Г. Гарфинкель). «Схлопывание» субъектной и объектной природы музея позволяет на эмпирическом уровне создать социокультурную модель потребления музейных услуг, которая обеспечит многостороннее изучение исследуемого феномена.

Библиографический список

1. Ильин, В. И. Потребление как дискурс : учеб. пособие / В. И. Ильин. – СПб. : Интерсоцис, 2008. – 446 с.
2. Музей в эпоху постмодерна. Часть 3. Репрезентация музея / Лаборатория Метафизических Исследований ; под ред. Ю. В. Ивановой. – СПб. : СпбГУ, ВВМ, 2010. – 193 с.

ЖАНРОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МОНИТОРИНГ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ПРОГРАММ

А. В. Калашникова,
Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

Студенческая молодежь является наиболее творчески активной группой населения. В год празднования 70-летия Великой Победы студентами разных вузов республики было подготовлено большое количество мероприятий, направленных на патриотическое воспитание молодежи и других возрастных групп населения. Мониторинг созданных и реализованных в 2015 году культурно-досуговых программ (далее – КДП) показал высокий уровень их эффективности по *критериям зрелищности* культурно-массовых мероприятий разных форм; их *востребованности* (посещаемости) у зрительской аудитории, большому количеству студентов, желающих *участвовать в подготовке* номеров героико-патриотической направленности, актуальных для мероприятий года. Это позволило сделать выводы о действенности системы патриотического воспитания в вузах и выявить в данной статье важные аспекты, касающиеся *жанровой* специфики номеров, пользующихся популярностью у современных студентов и способствующих гражданско-патриотическому воспитанию белорусской молодежи.

Принципиально важный критерий в постановке номеров - *зрелищность*, так как именно зрелищностью обеспечивается воздействие на эмоционально-чувственную сферу современной молодежи (многоуровневое аудиовизуальное восприятие, клиповое мышление и др.) и длительное сохранение эффекта воздействия выразительных средств номера в памяти зрителя. Молодые белорусские исследователи визуального аспекта искусства (В. Е. Жидович, А. И. Макавцова) считают, что зрелищность и пафос, благодаря которым героико-патриотические номера обретают свое мощное социальное звучание и визуальный эффект, обеспечивается современными *медиатехнологиями.* Медиа и мультимедиа служат созданию новых ценностных смыслов и представляют новую художественно-постановочную технику, применяемую, главным образом, для реминисценции (элемент художественной системы, заключающийся в использовании общей структуры, отдельных элементов или мотивов ранее известных произведений искусства на ту же (или близкую) тему) и усиления метафорического звучания номера. Мультимедийные проекты породили

целый ряд *визуальных номеров* без участия на сцене исполнителей, которые еще не систематизированы учеными, но активно реализуются в современной сценической практике студентами [2].

Российский исследователь эстрадных номеров И. А. Богданов (без учета упомянутой современной практики) классифицирует жанры номеров на пять категорий:

- речевой (разговорный) жанр;
- вокальный жанр;
- оригинальный и эстрадно-цирковой жанры;
- инструментальный музыкальный жанр;
- танцевальный жанр [1].

Опираясь на рекомендации И. А. Богданова, касающиеся постановки эстрадного номера, сформулируем основные признаки номеров и выявим специфические признаки номеров героико-патриотической направленности в современных КДП (Таблица 1).

Таблица 1. **Основные признаки и специфика номеров**

Признаки номеров культурно-досуговых программ	**Специфика номеров героико-патриотического направленности**
Краткометражность	Символичность
Лаконичность	Пафос
Целостность	Академичность
Контекстуальность	Контекст
Мобильность	Ретроспективность
Соответствие актуальным тенденциям	Подчеркнутое уважение к традициям

Самыми *популярными жанрами* среди номеров КДП у студенческой молодежи были и остаются (во многом благодаря пропаганде телевидения) *песня* и *танец*. *Инструментальный музыкальный жанр* занимает стабильное второе место, так как современная музыка привлекает молодежь и в качестве зрительской аудитории, и как участников совместных выступлений в музыкальных группах.

Юмористические и пародийные номера в рейтинге предпочтений студентов занимают третье место после вокального и танцевального жанра, что свойственно позитивному отношению к жизни молодых людей и отражено в таких формах студенческих мероприятий в разных вузах страны как «Капустник», «Юморина», «Stand Up». Отметим, что студентам Белорусского государственного университета культуры и искусств (далее – БГУКИ) под руководством опытных преподавателей удается создавать номера героико-патриотического звучания, используя юмористические и пародийные жанры (например, номера-пантомимы на основе плакатов и сатирических бюллетеней, созданных в период военных лет советскими художниками-карикатуристами «Кукрыниксами» (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов) и др.).

Многообразие форм современных КДП, разрабатываемых специалистами БГУКИ, позволяет включить в контекст мероприятий разных форм (тематических и театрализованных концертов, литературно-музыкальных композиций, презентаций и др.) богатое жанровое разнообразие эстрадных номеров. На четвертом месте жанровых предпочтений молодежи находятся *речевые жанры номеров* (к сожалению, они начали приобретать популярность только в последние годы) Современное художественное чтение на сцене базируется на лучших образцах произведений известных и молодых русских и, обязательно, *белорусских* писателей и поэтов. В процессе работы над номером студенты начинают ощущать, что речитативы, декламация стихов, чтение монологов и другие речевые жанры могут вызвать глубокие переживания у зрителя и не менее ярко, чем вокальные и музыкальные номера, способны например, отразить и представить аудитории гражданско-

патриотический пафос культурно-массовых мероприятий.

Дальнейшее распределение жанровых предпочтений студентов представлено в таблице 2 и включает номера, использованные в различных отчетных мероприятиях творческих кафедр БГУКИ (Студенческий фестиваль «Арт-мажор», «День факультета», «Праздничный концерт, посвященный 70-летию Великой Победы» и др.).

Таблица 2. **Рейтинг номеров речевых и оригинальных жанров**

Речевые жанры номеров	**Номера оригинального жанра**
1. Конферанс **2.** Пародии (социальные, портретные, на произведения («штампы»)) **3.** Эстрадный диалог (сценка) **4.** Миниатюра **5.** Скетч **6.** Художественное чтение (декламация) **7.** Речитатив (вокально-музыкальная форма, воспроизводящая ритмический и интонационный рисунок естественной речи) **8.** Монолог **9.** Фельетон **10.** Буриме (шуточная игра со зрительным залом, когда задаются рифмы и темы, а артист импровизирует в стихах) и др.	**1.** Танец на эстраде **2.** Клоунада **3.** Пантомима **4.** Акробатическая гимнастика **5.** Фокусы манипуляция (престидижитация) иллюзия; **6.** Куклы на эстраде **7.** Пескография (рисование, наблюдаемое зрителем на экране в реальном времени) **8.** Художник-монументалист (рисование под музыку перед зрителем) **9.** Мнемотехника «отгадыванием мыслей на расстоянии» (в качестве тайных знаков используются порядок слов в вопросе) **10.** Цирковые жанры и др.

Анализируя содержание номеров патриотической направленности, актуальных в год 70-летия Великой Победы, отметим, что их идейно-тематический замысел связывается не только с героико-патриотическим прошлым страны, но и гражданско-патриотическим, социально-патриотическим, историко-краеведческим, спортивно-патриотическим настоящим Беларуси. Такой новаторский подход в сочетании со зрелищными возможностями мультимедийного оборудования позволяет создавать студенческой молодежи уникальные номера разнообразных жанров, являющиеся настоящими художественно-патриотическими произведениями, способствующие национальному духовно-нравственному воспитанию зрителя.

Мониторинг КДП студенческой молодежи на протяжении 2015 года показал, что наиболее актуальная тематика в разных жанрах (включая лидирующие в предпочтениях студентов – песню, танец, музыкально-инструментальные и юмористические номера) в целом, отражает основные *задачи патриотического воспитания* в Республике Беларусь:

- уважение к национальному наследию, традициям, обычаям, культуре;
- привитие уважения к символам Республики Беларусь, основанным на героической истории белорусского народа;
- воспитание в духе национального взаимодействия и дружелюбия, монолитного единства народа Республики Беларусь;
- привитие любви и уважения к белорусскому языку и др.

Мониторинг выявил также *проблему*, связанную с жанровым однообразием КДП студенческой молодежи. В частности, недостаточно популяризируются среди молодого поколения классические речевые жанры, соершенствующие коммуникативные навыки, и номера оригинальных жанров, способствующие развитию креативности будущих специалистов.

Библиографический список

1. Богданов, И. А. Постановка эстрадного номера : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 050200 “Режиссура театра” / И. А. Богданов ; С.-Петерб. гос. акад. театр. искусства. Фак. драм. искусства. Каф. эстрад. искусства и муз. театра. – СПб. : изд-во СПбГАТИ, 2013.
2. Культура: открытый формат – 2013 (библиотековедение, библиографоведение и книговедение, искусствоведение, культурология, музееведение, социальнокультурная деятельность) : сб. науч. Ст. / ред. Сов.: В. Р. Языкович (председатель) [и др.] ; сост.: Т. Н. Бабич, Ю. А. Переверзева, Е. Н. Шаройко ; Мин-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск : БГУКИ, 2013. – С. 146–147, С. 188–189.

МЕДИАТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ТЕАТРАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

В. Е. Жидович,
магистр искусствоведения, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

В центре постиндустриального общества находятся знание, информация – объект с которым работает медиа (медиатехнологии). Медиатехнологии – «властитель сегодняшнего информационного общества и мощный инструмент развития всех его сфер» [3], в том числе сферы современного театрального искусства. Медиатехнологии чётко детерминированы техникой, так как успехи в технике – это успехи в медиатехнологиях. Медиатехнологии работают с информацией и благодаря своему быстрому росту, производят революцию в культуре и искусстве. Они меняют способ взаимодействия театрального произведения с публикой с пассивно-созерцательного на осознанное участие в творческом творческое процессе (интерактивный); выдвигают в качестве видов художественной деятельности репродукционные техники. Техника и медиатехнологии перестают быть жёстко разделёнными и находятся в процессе конвергенции. (Практически вся современная техника медийна, она автономна и работает с информацией).

Контент-анализ использования термина «медиатехнологии» показывает все более частое употребление в научной искусствоведческой литературе и театральной критике данной дефиниции. Термин «медиа» обозначает проявления феномена массовой культуры (Ж. Бодрийяр, Г. Полок, М. Маклюэн, Ю. Хабермас, М. Кастельс, С. Жижек, Б. Гройс, Ортега-и-Гассет и др.), который имеет многообразные функции: экстенсивную, инструментальную, коммуникативную, интерактивную и мультимедийную. К функциям медиатехнологий в театре следует добавить познавательную функцию, преобразовательную, ценностно-ориентационную, экспрессивную и социально-управленческую. В целом сегодня в западной и отечественной науке можно констатировать нарастающий интерес к исследованию в области медиатехнологий в естественнонаучном, технологическом и социально-гуманитарном познании.

Исследование визуального образа современных спектаклей с использованием современных медиатехнологий занимает ведущее место в научном поиске в области философии и социологии культуры, культурологи и белорусского компаративного искусствоведения, о чем свидетельствует тематика диссертационных исследований последних лет (например, диссертация искусствоведа К. Н. Дубовской «Визуальный образ спектакля в драматическом театре Беларуси конца XX – начала XXI века» (24.08.2015)). В связи с нарастающим распространением медиатехнологий в театральной деятельности возникает необходимость в анализе маркетинговой и художественно-постановочной практики театров. С этой целью в данной статье делается попытка представить медиатехнологии не только как проявление феномена массовой культуры, но и как *инновации в организационно-творческой и коммуникативной сфере театра*.

Медиатехнологии используются в различных областях деятельности в сфере современного театра (Таблица 1).

Таблица 1. **Медиатехнологии в деятельности современного театра**

Сферы театральной деятельности	*Использование медиатехнологий*
Театральное искусство	Визуальный спектакль, документальный театр, перфоманс, сетевое искусство, компьютерная анимация, видеомонтаж для сцены, режиссура звука, сценические эффекты, экранные проекции в театре и др.
Театральное образование	Мультимедийное представление знаний и артефактов искусства, вебинары по тренинговой сценической деятельности, он-лайн трансляции спектаклей, инфографика и др.
Коммуникации театра	Разработка сайтов театра, разработка внутренних и внешних телекоммуникационных средств театра, каналы рекламной коммуникации театра, продвижение деятельности театра в социальных сетях и др.

Представленная таблица и термин «технологии», дополненное к «медиа», указывает на необходимость и обоснованность деятельностного подхода к изучению понятия медиатехнологии, нашедшему отражение в диссертационных исследованиях гуманитарных отраслей знания (П. А. Браславского, И. Г. Елинера, А. П. Константиновой и др.). «Технические науки представляют, медиатехнологии как «гетерогенную систему, включающую подсистемы различных видов деятельности, взаимосвязанных в своей исторической преемственности, которые позволяют сочетать статическую и динамическую аудио-, видео-, текстовую и алгоритмическую информацию в нужных пропорциях и последовательностях для решения конкретных задач» [2].

С точки зрения театрального искусств, на наш взгляд, технология – это комплекс специальных знаний, которые реализованы в приемах сценической деятельности, наборах технических, материальных, энергетических, трудовых факторов театрального производства, способах их соединения для создания творческого продукта или услуги (спектакля), которые отвечают определенным требованиям.

Сегодня *творческие технологии* в спектакле все чаще основываются на применении компьютеров и телекоммуникационной техники. Например, в спектакле польского театра показанного на фестивале «Белая Вежа» (Брест, 2014). Зрители на протяжении всего спектакля наблюдали игру актеров только на экране, а не на сценической площадке (актеры находились за ее пределами – в фойе, в гримерных и др.). Сцены спектакля, строго подчиненные идейно-тематическому замыслу пьесы, транслировались в реальном времени с помощью камер видеонаблюдения в зрительном зале.

Еще один пример показывает, как медиатехнологии используются в *театральной коммуникации*, например, способствуя популяризации оперного искусства в республике. Трансляции спектаклей на киноэкране – это новый формат для Беларуси, но распространенная практика в Европе и мире. «TheatreHD» – это проект, который объединяет более 35 городов России, Украины, Казахстана и теперь Беларуси (Минск, кинотеатр «Центральный»). В рамках этого проекта на экранах кинотеатров демонстрируются театральные, оперные и балетные постановки самых известных сцен мира. Это возможность побывать на спектаклях, о которых говорит весь мир, увидеть культовых исполнителей современности в режиме реального времени на большом экране: Б. Камбербэтч, Р. Файнс, Х. Миррен, С. Фрай, Д. Андерсон, А. Нетребко, И. Абдразаков, С. Захарова, В. Лантратов и многие другие. (Информация о проекте размещалась на сайтах artcorporation.by и kinominska.by, происходила и продажа билетов он-лайн).

В соответствии с основными *принципами продвижения* театральных услуг медиатехнологии участвуют в *узнавании* и *напоминании* о спектаклях, *адресности* и *дифференцированности* в отношении зрителя, *интерактивности* с аудиторией и значительно увеличивают *масштаб коммуникации* [1]. Обобщая белорусскую театральную практику, отметим, что медиатехнологии как средство коммуникации театра и зрителя имеют свои очевидные преимущества (Таблица 2).

Таблица 2. **Медиатехнологии как средство коммуникации театра и зрителя**

Медиатехнологии для зрителей	*Медиатехнологии для театра*
Узнать о театре до посещения	Система предоставления информации, ретрансляции фрагментов спектакля
Получать дополнительную информацию о спектакле	Диалог с посетителем, анонс постановок, знакомство с историей театра
Получить информацию на разных языках	Толкование, разъяснение (спектакля, ситуаций в театре и др.)
Ориентироваться в пространстве театра (виртуальная экскурсия по театру)	Привлечение потенциальных зрителей и спонсоров
Бронирование / заказ билетов	Налаживание системы долгосрочной коммуникации со зрителем (рассылки, проведение опросов, конкурсов, акций и др.)
Выбор спектакля, выбор маршрута к театру	Навигация внешняя, навигация внутренняя
Увидеть заранее фотографии и сцены спектакля, познакомиться с составом исполнителей	Взаимодействие с центральным аппаратом, вышестоящими структурами, партнерами, конкурентами
Выбор: хочу пользуюсь, не хочу – не пользуюсь	Статистика о поведении и предпочтении зрителей

Таким образом, введение в научный оборот понятия «медиатехнологии» в белорусской науке (философии, культурологи, прикладной культурологи, искусствоведении и др.) связано с все еще продолжающейся разработкой более широких понятий, таких как «медиа» и «технология» и рефлексией современной театральной практики. Медиатехнологии сегодня выступают как проявление феномена массовой культуры и как инновации в организационно-творческой и коммуникативной сфере театра.

Библиографический список

1. Калашникова, А. В. Театральный спектакль как маркетинговый продукт / А. В. Калашникова, В. Е. Жидович // Социальное знание и проблемы консолидации белорусского общества : материалы междунар. науч. -практ. конф.; г. Минск, 17–18 ноября 2011 г. /ред.кол.: Котляров И. В. (гл. ред) и др.; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 308.
2. Константинова, А. П. Философские проблемы медиатехнологий: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.08 / А. П. Константинова; Санкт-Петербургский гос. электротехн. ун-т.– СПб., 2011. – 26 с.
3. «Медиа: история экспансии. Курс лекций. Часть II. История медиа: Industrial» [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический портал GT – ИАА «Центр гуманитарных технологий» – Москва, 2015. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3169/3171. – Дата доступа: 21.10.2015.

ПОТРЕБНОСТИ БЕЛОРУССКИХ СЕМЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ

Н. А. Сосновская,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Семейная политика составляет важнейшее направление государственной социальной политики в Беларуси. Ее актуальность связана, в первую очередь, с соображениями демографической безопасности. На протяжении длительного времени речь шла исключительно об убыли населения. И хотя, по сравнению с 2002 годом, когда зафиксированная убыль населения была максимальной 57,9 тыс. чел. статистика последних лет выглядит более оптимистично, коренное население Беларуси продолжает уменьшаться. По данным национального статистического комитета Республики Беларусь естественная убыль населения в 2013 году составила 7409 человек [1]. Суммарный коэффициент рождаемости, по данным демографов, находится на уровне 1,4, тогда как для простого воспроизводства населения он должен быть равен 2,15. Наблюдающаяся депопуляция коренного населения влечет за собой проблемы социально-экономического характера, связанные с нехваткой трудовых ресурсов, повышенной нагрузкой на пенсионную систему и т. п. В связи со сложившимися обстоятельствами стремление государства стимулировать рост рождаемости в стране выгладит закономерной и обоснованной мерой.

В научном дискурсе, также как и в общественном мнении представлены разные позиции относительно необходимости социальной помощи семье, которая в отдельных случаях квалифицируется как вмешательство государства в частную жизнь [2, с. 158.], а в других как вынужденная мера, направленная на поддержку семьи [3]. В свою очередь, особенности оказываемой поддержки зависят от приверженности государства определенному типу семейной политики [4]. Таким образом, направленность и объем социальной поддержки не является общепринятой и утвержденной международными стандартами мерой, а зависит как от идеологии и возможностей государства, так и от запросов населения.

Результаты опроса, проведенного отделом социологии культуры Института социологии в 2015 году (исследование репрезентативно по полу, возрасту, уровню образования, региону проживания и типу населенного пункта N=1498) показали, что более половины респондентов согласились с необходимостью государственной поддержки семей с детьми (53,3 %). Каждый третий считает, что это помощь должна быть направлена только отдельным категориям семей (31,4 %). И только 5,4 % не видят необходимость в такой помощи и возлагают всю ответственность на родителей. Реже остальных сторонниками государственной поддержки семьям с детьми являются представители старшей возрастной группы 56 лет и старше (44,7 %). Среди них зафиксировано самое значительное представительство респондентов, считающих, что родители не должны рассчитывать на поддержку государства (8,4 %). Наибольшую заинтересованность в социальной поддержке выразили жители Брестской (65,3 %), Могилевской (64,6 %) и Минской (62,1 %) областей. Респонденты Минска (45,2 %) и Витебской области (37,8 %) полагают необходимой дифференцированную поддержку, направленную определенным категориям семей или отдельным семьям с учетом их жизненных обстоятельств. Максимальное число опрошенных, придерживающихся мнения, что семьи должны рассчитывать только на свои силы, зафиксировано в Гродненской (7,7 %) и Гомельской (7,1 %) областях. Среди респондентов, проживающих в населенных пунктах городского или сельского типа, различий в установках на необходимость государственной поддержки не обнаружено.

Исследование показало, что потребность в социальной помощи зависит от возраста детей, воспитывающихся в семье. Среди респондентов, имеющих детей до трех лет, 73,3 % считает, что государство должно помогать семьям с детьми. По мере взросления детей потребность в государственной помощи снижается. Так, среди респондентов с детьми от 3 до 6 лет, с необходимостью социальной поддержки согласились 63,7 %, с

детьми от 7 до 12 лет – 53,1 %, с детьми старшего возраста – 53,5 %. Одновременно увеличивается число сторонников адресной помощи, направленной на поддержку особо нуждающихся категорий семей.

Конкретные потребности населения в социальной поддержке рассматривались в зависимости от возраста детей в семье (таблица 1).

Таблица 1. **Помощь, в которой семья нуждается в первую очередь, в %**

Вид помощи	Возраст детей			
	до 3х лет	от 3 до 6	от 7 до 12	13 до 18
Материальная поддержка	55,5	56,5	56,4	59,8
Помощь в улучшении жилищных условий	59,1	53,3	46,1	39,7
Возможность пользоваться гибким рабочим графиком	33,0	33,5	30,4	27,2
Помощь в обеспечении кружками, центрами развития, спортивными секциями для развития детей	39,9	32,9	34,6	29,2
Помощь в обеспечении местом в детском садике	30,6	17,5	9,3	8,4
Помощь в доступных услугах няни, частного детского сада	4,1	2,6	1,0	1,7
Психологическая помощь	1,5	7,8	5,6	5,3
Другое	1,5	0,3	4,7	5,5

Наиболее высоко необходимость социальной помощи оценили семьи с ребенком младше трех лет. Это, прежде всего, потребности в улучшении жилищных условий (59,1 %) и материальной поддержке (55,5 %). Данная группа населения продемонстрировала высокую заинтересованность в центрах развития для детей (39,9 %). Для каждой третьей семьи актуальна необходимость помощи в обеспечении ребенка местом в дошкольном учреждении. Полученные данные показали, что в белорусских семьях не сформирована потребность в передаче услуг заботы коммерческому сектору. Так, несмотря на неразвитость альтернативных практик заботы, связанных с уходом за детьми, респонденты не выразили заинтересованности в данном виде помощи (4,1 %). Вероятно, в этом отношении родители полагаются либо на собственные ресурсы (предоставляемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет), либо на традиционный для советского и постсоветского пространства «институт бабушек».

Семьи с детьми младшего возраста (до 12 лет) выразили заинтересованность в возможности пользоваться гибким графиком работы. Эта потребность наиболее высока среди родителей, чьи дети не достигли семилетнего возраста.

Проведенное исследование показало, что больше всего семьи нуждаются в материальной помощи. Эта потребность увеличивается по мере роста ребенка. Сравнение по критерию субъективного осознания уровня обеспеченности между группами респондентов имеющими детей до 18 лет и респондентами, не имеющими детей данного возраста, не выявило статистически значимых различий. Таким образом, для того, чтобы утверждать, что в семьях с детьми до 18 лет материальное положение хуже, чем среди остальных респондентов, и они нуждаются в увеличении объема оказываемой помощи, необходимы дополнительные исследования. Другая актуальная потребность, связанная с обеспеченностью жильем наоборот, имеет тенденцию к снижению. То есть, со временем семьи,

хотя бы частично, находят возможности решения жилищных проблем. В целом, можно сказать, что по мере взросления ребенка заинтересованность семьи в социальной поддержке снижается. Выбивается из общей картины интерес к психологической помощи. Наиболее высока потребность в ней у родителей с детьми – дошкольниками (7,8 %). На этом уровне она сохраняется и у родителей с детьми более старших возрастов.

Таким образом, наибольшую заинтересованность в социальной поддержке со стороны государства продемонстрировали именно те категории населения, которые являются ее целевыми получателями.

В связи с тем, что в Беларуси расширился спектр социальной поддержки и введен ее новый вид – семейный капитал, интерес представляет уровень осведомленности о нем населения. Среди респондентов до 45 лет хорошую осведомленность обозначили 17,9 %. Ничего не знают о данной мере 30,6 % опрошенных. Исследование показало, что респонденты в возрасте от 35 до 45 лет лучше остальных информированы о «семейном капитале». Каждый четвертый (24,5 %) считает, что имеет всеобъемлющие знания о данной мере и только 19,4 % признает, что какие-либо представления отсутствуют. Среди молодежи до 25 лет наблюдается противоположная картина. Отсутствие знаний признают 43,6 %, а хороший уровень информированности отмечают 8,3 % опрошенных. Таким образом, учитывая, что молодежь обладает наиболее высоким репродуктивным потенциалом, необходимо расширять информационно-просветительскую работу с данной аудиторией.

Информированность населения о «семейном капитале» различается в зависимости от типа населенного пункта. Городское население лучше сельского осведомлено о данной мере. Наличие хорошего представления отметили 18,9 % горожан и 14,1 % сельчан, понимание сути новой меры обозначили 25 % и 19 % и поверхностные знания – 24,7 % и 39,3 % соответственно. Чаще высокий уровень осведомленности о «семейном капитале» фиксируется среди респондентов Витебской (25 %) и Могилевской (21,1 %) областей. А больше всего тех, кто ничего об этом не слышал, проживает в Гомельской области (36,6 %).

Проведенное исследование показало, что население Беларуси рассматривает семейную политику как необходимое направление социальной поддержки, связанное с помощью в решении, прежде всего, материально-экономических проблем семьи. Это в целом отвечает направленности социальной политики белорусского государства, в котором ведущими мерами являются различные выплаты и пособия, призванные облегчить экономические издержки, связанные с рождением ребенка и временной нетрудоспособностью матери.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/. – Дата доступа: 07.09.2015.
2. Романов, П. В.Дискурсивное поле демографической политики / П. В. Романов, В. Н. Ярская, Е. Р. Ярская-Смирнова // Вестник Евразии. – 2005. – № 3. – С. 151–171.
3. Борисенков, В. П. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы [Электронный ресурс] / В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – Вып. 5 (24). – Режим доступа: http://naukovedenie.ru . – Дата доступа: 03.09.2015.
4. Носкова, А. В. Эволюция семейной политики в Европе: меняющиеся проблемы, приоритеты и практики / А. В. Носкова // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – №4 (31). – С. 291–301.

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О. Н. Лихачева,
магистр социологических наук, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
olih-n@mail.ru

В настоящее время кадровый состав сферы культуры представляет собой важнейший ресурс для эффективного функционирования учреждений культуры. Его качественный уровень является также показателем экономического развития. Для разнообразного спектра оказания услуг населению необходимо обеспечить сферу культуры специалистами с соответствующей профессиональной подготовкой. В Республике Беларусь кадровый потенциал в культуре характеризуется относительной стабильностью. В данной отрасли занято 64 463 человек (на 2014 г.), из них специалистами являются 36 679 человек [1]. В библиотечной системе работает 7 090 специалистов, музейной отрасли – 1 375 чел., театральном искусстве – 2 244 специалистов, 134 – в цирке, 302 – в кинодосуговых учреждениях, 6 304 специалиста в клубной и концертной деятельности, 80 – в парках, 15 245 - специалисты в образовательных учреждениях, 494 – в научно-методической области, 1 326 в управленческой сфере, 269 других специалистов.

За последние годы количество работников, задействованных в сфере культуры сократилось. В 2009 году всего было занято 64 907 человек, включая все социально-стратификационные категории работников, а в 2014 насчитывалось 64 463 человека [2, с. 145]. По уровню полученной квалификации общее количество обладателей высшего образования составляет 25 470 тыс. человек, со средним профессиональным насчитывается 5 001 человек (таблица 1).

Таблица 1. **Состав работников культуры по уровню образования (2012 г.)**

Уровень образования	тыс. человек	%
Высшее	25 470	38
Специальное	23 875	36
Профессионально-техническое	5001	8
Общее среднее	11 486	17
Общее базовое	646	1
Всего	66 478	100

В культурной отрасли представлены работники с различным уровнем образования, однако наибольшую категорию составляют с высшим и специальным образованием.

Статистический анализ возрастного фактора также показал, что культурный потенциал способен обеспечивать качественную работу, имеет возможность передачи опыта: 78 % составляют работники допенсионного возраста, 22 % – трудящиеся пенсионеры. Данные статистики показывают, что средний возраст работника культуры составляет 40–49 лет. Наблюдается недостаточный приток молодых кадров в данную отрасль. Отличительной чертой сферы культуры является тот факт, что основной кадровый состав представлен женщинами (74,1 % от всех трудящихся в отрасли). В системе учебных учреждений культуры в 2014 г. было зафиксировано 79,5 % женщин, клубных учреждениях – 69,6 % библиотеках – 90,2 %, музеях – 73,8 % [1].

Необходимо отметить, что любое направление в культурной отрасли нуждается в молодом резерве (как мужчин, так и женщин) и должна быть привлекательной не только в оказании предоставляемых услуг, но и выполнять функцию профессиональной реализа-

ции творческой молодежи. Трудоустройство по полученной специальности является критерием качественной профориентации в учебном заведении. Как показало исследование, работники имеющие образование по профилю культуры и искусства составляют 2/3 от всего числа работающих в этой отрасли. (Рисунок 1).

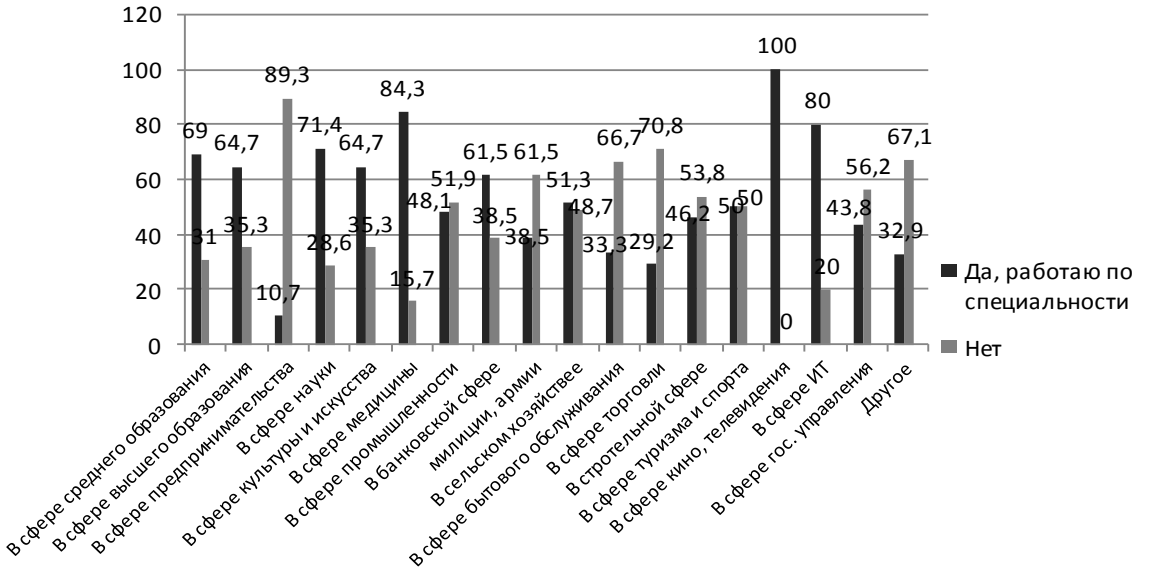

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Работаете ли Вы по полученной специальности?, % [1]

Анализ данных таблицы показал, что в сфере культуры и искусства 64,7 % в данный момент работают по специальности. Примечательным проявилась сфера кино и телевидения, где 100 % опрошенных трудоустроены по полученной специальности. Преобладающее предпочтение трудоустройства в соответствии с дипломом наблюдается в таких сферах как образование (среднее и высшее), наука, медицина, информационные технологии, т.е., все те сферы, которые задействованы в основном в бюджетном секторе экономики, а также требующие узконаправленных, специфических знаний, навыков. Для таких сфер как промышленность, торговля, строительство свойственно находить рабочее место, не соответствующее полученному образованию, где можно обойтись универсальными умениями и способностями.

Таким образом, как для гуманитарной отрасли, так и для сферы культуры, в большей степени работники стремятся реализовать свои знания в профессиональной сфере, нежели работники технических, промышленных профессий.

Творческие профессии не являются самыми популярными на сегодняшнем рынке труда. Как подтверждает диаграмма, такие сферы как наука, культура, кино и телевидение занимают предпоследнее место (после сельского хозяйства, сферы бытового обслуживания и торговли) по популярности среди населения. Однако причина не только в качестве предоставления образовательных услуг при обучении специальностям отрасли культуры. В первую очередь, родители ориентируются на высокое материальное вознаграждение за труд в той или иной сфере. В современных экономических условиях материальная независимость высоко ценится среди молодежи. Также, соответствие своих способностей и талантов с получаемой профессией крайне важно для любого человека. С другой стороны, нежелание связать свою жизнь с работой «по душе» объясняется тем, что карьера не все-

[1] Данные социологического эмпирического исследования «Инновационное развитие образование в Республике Беларусь», проведенное Институтом социологии НАН Беларуси в 2013г. По общереспубликанской выборке.

гда подразумевает высокую заработную плату. На вопрос о целесообразности получения высшего образования 16,4 % отвечали, что оно необходимо для построения карьеры. Лишь 12,8 % полагают, что высшее образование нужно для того, чтобы получить специальные знания и стать хорошим профессионалом. Большинство (30,6 %) считает, суть учебы в вузе в том, чтобы иметь диплом для трудоустройства на хорошую работу. Для 15,7 % получение высшего образования нужно только потому, что так сегодня принято.

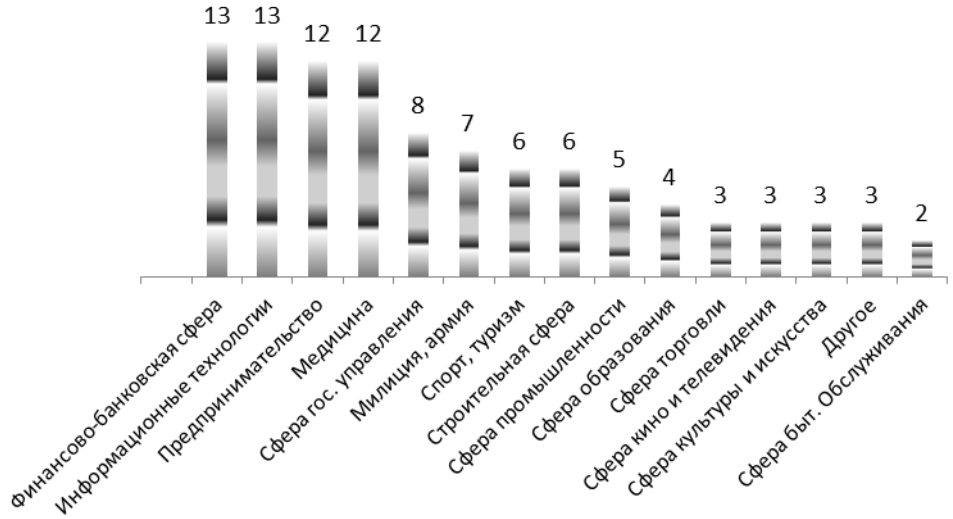

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В какой сфере Вы бы предпочли трудоустройство своих детей?», %

Таким образом, современное образование в сфере культуры должно повышать свой престиж на рынке образовательных услуг. Чем больше будет конкурентоспособность за места в вузах, тем выше будет качество специалистов, и это скажется позитивно на культурном развитии страны, поспособствует повышению статуса национальной культуры на мировом уровне. Однако не следует забывать и о достойном вознаграждении за труд работников культуры, привлечении новых организационных возможностей как для культурно-зрелищных мероприятий, так и в образовательную и информационно-библиотечную сферы.

Библиографический список

1. Агульныя даныя па галіне культуры [Электронный ресурс] / Інстытут культуры Беларусі. – Режим доступа: http://inbelkult.by/by/uncategorized/87-galina-kultury. – Дата доступа: 14.03.2014.
2. Беларуская культура сёння: гадавыагляд 2013 / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, ДУА «Інстытут культуры Беларусі» ;укл. : К. І. Рэмішэўскі, А. А. Галкін; рэдкал. : Б. У. Святлоў (старш.) [і інш.]. – Мінск : Інбелкульт, 2014. – 238 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЫВІТАЛЬНАЕ СЛОВА АКАДЭМІКА-САКРАТАРА АДДЗЯЛЕННЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК І МАСТАЦТВАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ, ЧЛЕНА-КАРЭСПАНДЭНТА НАН БЕЛАРУСІ А. А. КАВАЛЕНІ 3

САЦЫЯЛОГІЯ І СУЧАСНАЕ БЕЛАРУСКАЕ ГРАМАДСТВА 3

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ 6

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ
И. В. Котляров *6*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)
Е. В. Каргаполова *12*

БЕЛАРУСЬ И СИСТЕМА ЕВРАЗИЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
М. Т. Лаумулин *18*

СОСТОЯНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
Г. Н. Соколова *25*

ЖУРНАЛИСТСКИЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНКЕТИРОВАНИИ
Е. В. Баранова *34*

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОСТИ ТЕОРИИ СЛОЖНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
Е. М. Бабосов *37*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ 45

СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ РЫНКА PO&MR РОССИИ
Н. В. Дулина, В. В. Токарев *45*

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
Я. С. Яскевич *48*

САЦЫЯЛЬНАСЦЬ ЯК АСНОВА РАЗВІЦЦЯ ГРАМАДСТВА
М. В. Анцыповіч *51*

ПАРАДОКС ЛАПЬЕРА В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
К. Н. Калашников *53*

«СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ» И «СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА» СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ
В. Э. Смирнов 56

ЭТИКА И СОЦИОЛОГИЯ: ТРАНСЦИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ
Е. В. Беляева 61

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
Ю. С. Назаренко 63

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
Р. А. Волосников 65

РОСТ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В ИНЖЕНЕРИИ ЗНАНИЙ
И. П. Скиба 68

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К КУЛЬТУРЕ В. Л. АБУШЕНКО
А. В. Комаровский 71

ИФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: PRO ET CONTRA
Л. В. Рыжко 73

ЛОГИЧЕСКИЕ И ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ИМЕНОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
С. В. Воробьёва 75

РЕШЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
М. А. Ласточкина 78

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАНОТЕХНОЛОГИИ И СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ
Н. А. Блажевич 81

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА В СОЦИОЛОГИИ И МАТЕМАТИКЕ
О. А. Жерновникова 84

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ
О. В. Терещенко 86

МЕТОНИМИЯ КАК РЕСУРС СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ
В. Б. Ермакова 88

РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ ПРОЦЕСС СЕТЕВОГО СОЗДАНИЯ ЗНАНИЯ КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А. Б. Сливицкий 91

К ПРОБЛЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ
Н. Д. Корчалова 93

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ СОВРЕМЕННОГО РАМОЧНОГО АНАЛИЗА
М. О. Фомич 96

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО 100

ПОНЯТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕРРОРИЗМА
Г-н Алаа Дин Хамдан 100

ДИАЛОГ СОЦИОЛОГОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: ПОТРЕБНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

ДИНАМИКА ОФИЦИАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
Ю. Г. Тамбиянц 105

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
А. И. Веруш 107

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И МЕРАХ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ РАБОТЫ
Н. А. Барановский 110

РОЛЬ И ХАРАКТЕРИСТИКА НАИБОЛЕЕ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ
А. В. Печкуров, М. И. Веренич 116

ПРАКТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Г. А. Николаенко 119

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
А. Л. Пушкин 122

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ
Т. В. Русакевич 124

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ
В. Г. Моисеенко *128*

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ
И. В. Бурмыкина *130*

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА И ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ МОЛОДЕЖИ К ЗАЩИТЕ ГОСУДАРСТВА
В. В. Гара *133*

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
М. Г. Семерикова *135*

ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО СПОРТИВНОГО ЛИДЕРСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ
Н. С. Рысюкевич *137*

МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИДЕР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: НОВАЯ ГРАНЬ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
И. В. Домасевич *140*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ
Е. В. Чиженькова *143*

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРСКИХ НАВЫКОВ У КУРСАНТОВ ИНСТИТУТА ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ
Е. А. Квяткевич *146*

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ КАК ВИД ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН
Н. Н. Мелещеня *148*

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ КУРСАНТОВ ИНСТИТУТА ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ
Д. В. Максимчик *151*

RES PUBLICA: TO BE OR NOT TO BE?
А. А. Виноградов *152*

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
П. С. Петровский *153*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИНАМИКИ 157

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
Г. Н. Соколова *157*

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ: ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА В БЕЛАРУСИ
Л. Г. Титаренко *159*

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА В РЕЙТИНГЕ ВСЕМИРНОГО БАНКА
Л. Н. Давыденко *161*

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗРАБОТИЦА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
А. Л. Айзенштадт *164*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ ВЫПУСКНИКОВ
Н. Н. Сечко *167*

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ: ПОДХОДЫ И ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
Е. В. Таранова *170*

АКТУАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ В ИЗУЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ
А. В. Мартинкевич *172*

ОСОБЕННОСТИ РЕЭМИГРАЦИИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
А. И. Амбражевич *175*

ВЛИЯНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ НА РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
А. Ю. Денисов *177*

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
Д. С. Строк *180*

СОЦИОЛОГИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ
М. В. Оноприенко *182*

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ
Е. Н. Васильева *185*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ К ПОСТРОЕНИЮ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ
С. П. Романова 188

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Е. С. Васильев 191

ДИНАМИКА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ
А. А. Бова 194

ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
И. А. Андрос 197

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕСУРСА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА)
Ю. М. Пасовец 200

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
М. Б. Полтавская 204

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЁЖИ
А. Г. Баханов 206

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА
А. С. Малмыгин 208

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
Д. А. Леванков 209

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ 212

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ЦЕНТРЕ – ПЕРИФЕРИИ» В СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ БЕЛОРУСОВ
Р. А. Смирнова 212

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНА
Т. А. Гужавина 216

ОБРАЗЫ «ТИПИЧНОГО ГОРОЖАНИНА» И «ТИПИЧНОГО СЕЛЬЧАНИНА» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
Т. В. Кузьменко 218

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
А. Г. Злотников 220

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ
Е. В. Резанова 227

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
О. С. Хамзяева 230

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
Г. Р. Малинин 232

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 234
Т. С. Балакирева 234

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Т. А. Антонова 237

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ 239

ГЕНЕЗИС И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ
С. А. Шавель 239

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ
С. Е. Лупаренко 241

ВЛИЯНИЕ СОЦИЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА НА ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СВОЕГО СОБСТВЕННОГО ПРОГРЕССА
В. В. Трамбицкий 244

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
О. В. Борисова 246

ДЕТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
О. Н. Ображей 249

АРЕНДНОЕ ЖИЛЬЕ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
Д. В. Назарова 251

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ
В. С. Подвальская 255

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В. Р. Шухатович 257

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ ОТРАСЛИ УКРАИНЫ
Л. И. Еременко 260

СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ – ОСНОВА АДРЕСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ ПО ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТЕМАТИКЕ
Е. И. Горанская 263

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В БЕЛАРУСИ
Е. В. Мартищенкова 264

МОТИВАЦИЯ СТРАХОВОЙ АКТИВНОСТИ КАК ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ СТРАХОВАНИЯ
Н. И. Яковлева 267

РОЛЬ СПОРТА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА И ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
И. В. Веремей 269

РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Е. С. Корзун 272

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ **275**

“ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕДНОСТЬ” И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
В. И. Оноприенко 275

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КЛАСТЕР ВУЗА КАК МЕХАНИЗМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
Ф. И. Храмцова 278

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
М. И. Артюхин 281

ИННОВАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ КРЕАТИВНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
В. А. Клименко 284

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МОДЕРНИЗАЦИИ АСПИРАНТУРЫ
Б. И. Бедный, А. А. Миронос, Л. А. Остапенко 286

ЭМИГРАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО НАУЧНЫХ КАДРОВ
И. Н. Шарый *288*

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В НАН БЕЛАРУСИ
Э. М. Щурок *290*

МИГРАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НАН БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
С. А. Пушкевич *294*

ЖЕНЩИНЫ В ЭЛИТЕ НАУКИ: ТРУДНОСТИ В КАРЬЕРНОМ РОСТЕ
А. П. Соловей *296*

ДЕТЕРМИНАНТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
Е. В. Шухно *299*

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ОЦЕНКАХ АСПИРАНТОВ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ
О. Г. Ворошень *302*

ПРОБЕЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕДУРЫ ОЦЕНКИ ДИССЕРТАЦИЙ
А. Н. Якушев *304*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ К ВОСПИТАНИЮ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ
В. Таргамадзе, В. Гринцявичене *309*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
С. Л. Яблочников, И. О. Яблочникова *312*

КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
А. В. Войтеховский, С. Е. Волков, Р. А. Волосников *315*

ВЕКТОР РЕФОРМ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ И ИХ ПРОТИВОРЕЧИЯ
Г. С. Черевичный *318*

ПРОЦЕС МЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ
О. И. Башкир *320*

ОБРАЗОВАНИЕ КАК КОММУНИКАЦИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
С. Н. Кройтор *322*

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОПТИМИЗАЦИЯ
А. А. Злотников *325*

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ
С. В. Костюкевич *327*

ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ, ОПОСРЕДОВАННОЙ ВОСПРИЯТИЕМ ВИЗУАЛЬНОГО АРТЕФАКТА
А. А. Полонников *330*

НИЗКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ КАК УГРОЗА КАДРОВОМУ ПОТЕНЦИАЛУ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Л. Г. Воронецкая *333*

ОСОБЕННОСТИ КОРЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ
Л. В. Новиченок *336*

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И КОНСОЛИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА 340

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ
Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова, Ю. Г. Миронова *340*

ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО СОЦИУМА
В. И. Миськевич *343*

БЕЛОРУССКАЯ КУЛЬТУРА XXI ВЕКА: РЕАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТ ИЛИ СУРРОГАТ ИДЕНТИЧНОСТИ?
В. Ф. Красюк *346*

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА
Н. Д. Кабусь *349*

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК СТЕРЖЕНЬ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Е. В. Каргаполова, А. Ю. Арясова, И. В. Лашук, *351*

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ИМИДЖА БЕЛАРУСИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
П. Г. Игнатович *354*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
Н. Л. Мысливец, Н. В. Козловская 357

ПРАВОСЛАВИЕ В БЕЛАРУСИ: ОТ ТРАДИЦИЙ К СОВРЕМЕННОСТИ
Н. С. Щёкин 360

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В СТРУКТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
Н. Л. Балич 363

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ТОПОС
К. И. Стаселько 365

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОСВОЕНИИ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева 367

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ БИОТЕХНОЛОГИЙ
О. В. Живага 370

РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СЕТИ ПОСРЕДСТВОМ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
О. Н. Фаблинова 373

ФЕНОМЕН СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
О. В. Кононенко 376

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МУЗЕЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА
Е. Ю. Смыкова 379

ЖАНРОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МОНИТОРИНГ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ПРОГРАММ
А. В. Калашникова 381

МЕДИАТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ТЕАТРАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ
В. Е. Жидович 384

ПОТРЕБНОСТИ БЕЛОРУССКИХ СЕМЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ
Н. А. Сосновская 387

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
О. Н. Лихачева 390

Научное издание

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ
И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ
РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА
Материалы Международной
научно-практической конференции
г. Минск, 12–13 ноября 2015 г.

Технический редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 01.11.2015 Формат 60x84$_{1/16}$ Бумага офсетная
Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 25,0 Уч.изд.л. 25,8
Тираж 100 экз. Заказ № 2115
ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2
Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66
E-mail: pravo-v@tut.by; pravo642@gmail.com Отпечатано на издательской системе
KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185